

СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

Томъ II.

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ПРАЗДНИКИ БОГОРОДИЧНЫЕ.—СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ДНИ СВЯТЫХЪ.—СЛОВА ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЪ.—ПОУЧЕНІЯ НА КРЕСТНЫЕ ХОДЫ.—СЛОВА И РѢЧИ КЪ ОТДѢЛЬНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

ИЗДАН Е ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1908.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА

С.-Петербургъ, Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45

между прочими имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Благодѣянія Богоматери роду христіанскому черезъ Ея святыя иконы. Съ 100 рисунк. въ текстѣ. 1905 г., ц. 2 р., въ роскош. коленк. пер. 3 р.

Мин. Нар. Просв. отъ 10 — 19 Ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учит. библ. низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Училищнымъ Сов. при Св. Синодѣ одобрена для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ. («Церк. Вѣдом.» № 31-й, 1900 г.).

Предисловіе. Нѣтъ и не было на землѣ ни одного человѣка, который не испытадъ бы скорбей и несчастій. Отъ нихъ не свободны ни богатые, ни знатные. Куда ни посмотрите, вездѣ встрѣтите заботы, труды, лишенія, болѣзни, горе. Возьмите самаго счастливаго повидимому человѣка, и онъ скажетъ вамъ, что не знаетъ полнаго счастія Вотъ что говоритъ о земныхъ благахъ премудрый Соломонъ: „Я былъ царь, обладалъ богатствомъ, какого не имѣлъ никто, все, чего только желалъ я, имѣлъ; премудрости моей всѣ удивлялись; слава моя распространилась по всей землѣ, но я познадъ и уразумѣлъ, что все земное суета суетствій". Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Какъ не возможно человѣку не испытать смерти, такъ и прожить безъ скорбей". Св. Ефремъ говоритъ: „Какъ живущему на землѣ невозможно избѣгнуть этого воздуха; такъ человѣку, живущему въ этомъ мірѣ, невозможно не быть искушеннымъ скорбями и болѣзнями".—„Все житіе наше на земли болѣзненно и печали исполнено отъ клеветы, досажденія, укоренія и иныхъ многовидныхъ бѣдъ и напастей. немощствуетъ бо тѣло, изнемогаетъ и духъ нашъ. Всякая житейская въ мірѣ семъ сладость печали бываетъ причастна: слава не стоитъ, богатство мимо течетъ, лѣпота и здравіе увядаютъ, други и искренніи смертію отъемлются".

Кто же утѣшитъ и избавитъ насъ отъ всѣхъ скорбей? Пресвятая Богородица—Матерь всѣхъ христіанъ. Къ ней, Всеблагой, какое бы несчастіе или скорбь ни постигала, всѣ мы должны обращаться за помощью и утѣшеніемъ. Ибо какихъ скорбей Она не угоняла? Кто, съ вѣрою обратившійся къ Ней, не былъ услышанъ?—Всѣмъ и каждому спѣшитъ Она на помощь и утѣшеніе. Она подавала и подаетъ помощь и утѣшеніе даже иновѣрцамъ, обращавшимся къ Ней съ вѣрою. Она постоянно предстоитъ у престола Сына Своего, какъ Ходатаица за всѣхъ насъ. Яснымъ и неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что Царица Небесная не оставляетъ насъ Своимъ заступленіемъ, служатъ Ея иконы, въ теченіе вѣковъ источающія безчисленныя чудеса. Невозможно описать всѣ чудеса и благодѣянія, оказанныя Россіи Пресвятою Богородицею чрезъ Свои Св. Иконы.

Голосъ сельскаго пастыря. Поученія, рѣчи и внѣбогослужебныя чтенія священника *Ѳ. Богородскаго.* Изд. второе, исправлен и дополненное Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ коленк. перепл. 2 р. 50 к.

„Сборникъ поученій сельскаго священника о. Ѳ. Богородскаго къ простому народу составляетъ отрадное явленіе въ проповѣднической нашей литературѣ и, нимало не сомнѣваемся, займетъ видное мѣсто въ ряду другихъ сборниковъ подобнаго рода.

Начинаясь поученіями на двенадесятые и другіе праздники, названный сборникъ содержитъ далѣе поученія на нѣкоторыя недѣли, т. е дни воскресные, и на разные случаи. Послѣдняго рода поученія въ немъ преобладаютъ Таковы, напримѣръ, поученія при молебствіи въ деревнѣ, противъ встрѣчъ, переходовъ черезъ дорогу, ворожбы и сновъ, противъ суевѣрнаго почитанія пятницъ, противъ семейныхъ раздѣловъ. противъ сквернословія, противъ нарушенія присяги, при поднятіи колокола на колокольню, противъ суевѣрныхъ обычаевъ и примѣтъ при похоронахъ, по случаю пониовленія иконы церковной, при поднятіи креста на церковь, противъ пьянства и т. д. Въ концѣ сборника помѣщенъ „Опытъ приведенія въ полное сознаніе двухъ убійцъ увѣщаніемъ".

Изъ одного этого, далеко, конечно, неполнаго перечня поученій на разные случаи видно, какъ плодовитъ проповѣдникъ о. Богородскій и какъ внимателенъ онъ къ духовнымъ нуждамъ и нравственнымъ недугамъ своихъ прихожанъ—примѣръ, достойный подражанія для всѣхъ приходскихъ пастырей. Всѣ поученія, какъ замѣчено выше, направлены къ простому народу. Его религіозную тьму старается разсѣять въ нихъ проповѣдникъ сообщеніемъ свѣдѣній о происхожденіи и истинномъ значеніи того или другаго христіанскаго праздника, таинства или обряда; его нравственные пороки врачуетъ онъ указаніемъ на вредъ, ими причиняемый, на несообразность ихъ съ высокимъ званіемъ христіанина, стараясь притомъ всегда быть понятнымъ для своихъ слушателей. Рѣчь у о. Богородскаго обыкновенно спокойная, безъ порывовъ, безъ особенныхъ рѣзкостей; назидательныя поученія его проникнуты духомъ пастырскимъ.

Вообще „Голосъ пастыря", по нашему мнѣнію, одинъ изъ весьма хорошихъ сборниковъ поученій къ простому народу. Кто пріобрѣтетъ его, никогда не пожалѣетъ о сдѣланной на этотъ предметъ затратѣ. Цѣна не высока. Въ сборникѣ помѣщены около ста поученій. Всѣ они составлены опытною рукою и съ возможною тщательностію, всѣ отличаются одинаковыми достоинствами, такъ что трудно сказать, которое изъ нихъ лучше или хуже. („Бог. Библ. Листъ." № 3, 1886 г.).

СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ
АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

Томъ II.

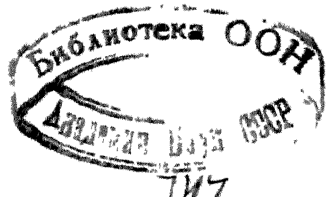
СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ПРАЗДНИКИ БОГОРОДИЧНЫЕ. — СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ДНИ СВЯТЫХЪ.—СЛОВА ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЪ.—ПОУЧЕНІЯ НА КРЕСТНЫЕ ХОДЫ.—СЛОВА И РѢЧИ КЪ ОТДѢЛЬНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1908.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 11 сентября 1907 года.

Цензоръ Архимандритъ *Александръ.*



747
37

СЛОВА И БЕСѢДЫ
НА БОГОРОДИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Слово на Рождество Пресвятыя Богородицы.

Сей день Господень: радуйтеся, людіе!
(Стих. 2 на Лит.)

Такъ взываетъ нынѣ святая Церковь, какъ бы опасаясь, чтобы кто-либо изъ насъ, по невниманію или другимъ причинамъ, не остался безъ участія въ радости настоящаго дня. Что же находитъ она въ днѣ семъ особенно радостнаго?— То, что онъ есть *день Господень.*' Подлинно, братіе, Самъ Господь сотворилъ день сей, *да возрадуемся и возвеселимся въ онь* (Псал. 117, 24). Безъ Его всемогущей силы Іоакимъ и Анна не произрастили бы плода, отъ коего питается теперь вся вселенная. Если мы не можемъ сказать, чтобы Спаситель міра не явился въ мірѣ, когда бы не было Маріи; то можемъ и должны исповѣдать, что Онъ явился въ мірѣ не прежде, какъ произошла на свѣтъ Марія, и явился отъ Маріи. Посему одно рождество Бога Сына превосходитъ важностію рождество Богоматери. Человѣчество, прошедъ долгій рядъ очищенія и освященія въ сонмѣ патріарховъ и всѣхъ святыхъ ветхаго завѣта, явилось наконецъ въ Маріи на той степени чистоты и совершенства, на коей оно могло содѣлаться вмѣстилищемъ Бога Слова. Такимъ образомъ рожденіемъ Маріи разрѣшилось неплодство не Іоакима токмо и Анны, а всего рода человѣческаго: а посему оно есть торжество поистинѣ всемірное: *сей день Господень: радуйтеся, людіе!*'—Радуйтеся явленію той, коея Сынъ дѣйствительно *сотретъ главу змія* (Быт. 3, 15), которая будетъ имѣть столько вѣры и любви, что не усомнится сказать Архан-

гелу: *се раба Господня, буди Мнѣ по глаголу твоему* (Лук. 1. 38), которая своею плотію и кровію будетъ питать ту Плоть и Кровь, безъ вкушенія коихъ нѣтъ для насъ живота вѣчнаго, которая въ состояніи будетъ стоять на Голгоѳѣ и слышать со креста: *Жено, се сынъ твой* (Іоан. 19, 26), которая, содѣлавшись честнѣйшею Херувимъ, не престанетъ простирать надъ родомъ человѣческимъ своего благодатнаго покрова: *радуйтеся, людіе!*

Поистинѣ, братіе, много нынѣ для насъ причинъ къ радости: но всѣ онѣ останутся безъ прочнаго дѣйствія надъ нами, если не присоединится еще одна причина радованія духовнаго. Это—участіе въ тѣхъ благахъ, кои проистекли для рода человѣческаго отъ рожденія Богоматери, яснѣе сказать, участіе въ заслугахъ Сына Ея, нашего Спасителя и Господа, то есть, въ освященіи благодатію Его, въ наслажденіи миромъ, правдою и радостію о Дусѣ Святѣ, Имъ для насъ пріобрѣтенномъ. Кто позналъ истинно своего Спасителя, предалъ Ему себя навсегда и соединился съ Нимъ въ духѣ, принялъ отъ Него свѣтъ для ума, покой для сердца, нашелъ въ Немъ жизнь вѣчную: тотъ не можетъ не благоговѣть при одномъ имени Матери Его, тотъ и безъ чуждыхъ напоминаній, играетъ нынѣ духомъ, торжествуетъ и воспѣваетъ, *радуяся, тоя чудеса;* ибо знаетъ, что гдѣ Сынъ, тамъ и Матерь, и гдѣ Матерь, тамъ и Сынъ. А кто христіанинъ по одному имени, дышетъ духомъ міра, а не Христовымъ, работаетъ плоти и страстямъ, не знаетъ на опытѣ, что значитъ быть спасену отъ грѣховъ, и какъ дорогъ для человѣка Искупитель, и какъ много потому самому мы обязаны тѣмъ людямъ, кои удостоились послужить ближайшимъ образомъ тайнѣ воплощенія, и въ числѣ коихъ первая есть Матерь Іисусова: тому сколько ни говори о важности настоящаго дня, онъ останется хладенъ и не можетъ ощутить истинной радости; ибо въ его сердцѣ нѣтъ никакого союза съ Спасителемъ и Его Матерію. Для таковаго все равно, если бы не было Самого Спасителя.

Вся сила, говорю, въ дѣятельномъ христіанствѣ,—въ жизни по ученію вѣры. Одна сія жизнь производитъ въ насъ истинное участіе въ таинствахъ нашего спасенія, и дѣлаетъ для насъ дѣйствительно важными и радостными всѣ праздники Божіи. Безъ сего можно имѣть видъ радости, можно

предаваться шуму и веселію мірскому: но истинной христіанской радости имѣть нельзя. Ибо безъ сего—безъ жизни по вѣрѣ, мы чужды Христу. и Христосъ намъ; даже находимся въ состояніи вражды съ Нимъ. а у враждующихъ какое общеніе радости?

Итакъ. не удивляйтесь. если я. начавъ приглашеніемъ всѣхъ отъ лица Церкви къ радости. окончу приглашеніемъ нѣкоторыхъ къ сокрушенію о грѣхахъ. Что дѣлать, когда многіе неспособны радоваться духомъ!—Лучше возскорбѣть плотію, чтобъ потомъ стяжать радость духа. нежели навсегда потерять ее, радуяся непрестанно радостію плоти и чувствъ. Кто обратится къ покаянію, тотъ вдругъ почувствуетъ всю важность настоящаго дня. и какъ отраденъ онъ для грѣшниковъ! Ибо для истинно-кающагося нѣтъ ничего драгоцѣннѣе Спасителя: а гдѣ Спаситель, тамъ и Его Матерь! Аминь.

Слово на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.

У древнихъ іудеевъ. братіе. было въ обыкновеніи. что родители. въ случаѣ какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ, посвящали дѣтей своихъ Богу. Посвящаемые такимъ образомъ приводились во храмъ. принимали благословеніе отъ священника, освящались жертвоприношеніемъ. и потомъ оставались до совершеннолѣтія на жительство при храмѣ, упражняясь подъ надзоромъ священниковъ въ служеніи Богу и въ другихъ занятіяхъ. приличныхъ возрасту ихъ и полу.

Сообразно сему благочестивому обычаю введена нынѣ во храмъ и Пресвятая Дѣва. Родители Ея. Іоакимъ и Анна, долго страдая неплодствомъ.—недостатокъ самый тягостный въ ветхомъ завѣтѣ. гдѣ благословеніе многочадія было первымъ изъ благословеній (Быт. 1. 28).—дали обѣтъ посвятить будущій плодъ чрева своего Богу. Плодъ сей была Марія; и вотъ. по исполненіи Ей трехъ лѣтъ.—то-есть, какъ только Она могла оставить лоно матернее и кровъ родительскій,—Іоакимъ и Анна приводятъ Ее нынѣ во храмъ *воспитатися*—какъ не разъ сказано въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ—*предъ Господемъ*. Первосвященникъ, принявшій столь богатый даръ Богу. былъ, по свидѣтельству преданія, Захарія, отецъ Предтечи. Тоже преданіе говоритъ, что святой Дѣвѣ, во время

пребыванія Ея при храмѣ, позволено было входить на молитву въ такія отдѣленія храма, кои для другихъ отроковицъ, даже мужей, были недоступны,—что Она за чистоту сердца удостоилась бесѣды съ Ангелами,—что однакоже, не смотря на высоту духовнаго совершенства, не переставала упражняться и въ занятіяхъ, приличныхъ Ея полу, плодомъ коихъ былъ между прочимъ драгоцѣнный хитонъ Спасителя, пощаженный самыми распинателями.

Вотъ что извѣстно изъ преданія о священномъ событіи, нынѣ празднуемомъ! Стоитъ только, братіе, взглянуть на него — на иконѣ, чтобы почувствовать, какъ оно трогательно!

Первыя лица, представляющіяся вниманію, суть святая двоица — Іоакимъ и Анна. Они просятъ Бога разрѣшить узы ихъ естественнаго безчадія — даровать имъ дитя (уже сія молитва дѣлаетъ честь ихъ вѣрѣ); но вмѣстѣ съ симъ они обѣщаютъ Богу то самое, о чемъ просятъ! Даръ Божій обращается въ благодарственную жертву еще прежде полученія! Кто послѣ сего будетъ сомнѣваться въ чистотѣ ихъ желанія, — въ томъ, что они хотятъ разрѣшенія неплодія единственно по причинѣ укоризны, слѣдовавшей за безчадіемъ,—дабы увѣриться, что они не подъ гнѣвомъ Божіимъ?

Можете представить, какъ дорого для сердца родительскаго было дитя, Богомъ дарованное, стоившее столькихъ ожиданій, молитвъ, слезъ! Безъ сомнѣнія, Іоакимъ и Анна отдали бы за него самую жизнь. Но оно обѣщано Богу:—и всѣ чувства сердца умолкаютъ предъ симъ святымъ обѣтомъ; онъ исполняется при самой первой возможности. Ни желаніе быть свидѣтелями перваго развитія ума и чувствъ въ младенцѣ, сопровождаемаго столь многими утѣшеніями для родителей, ни представленіе опасностей крайне юнаго возраста, ни мысль, что они по преклонности лѣтъ могутъ отойти ко Господу, не остановивъ послѣдняго взора на своей Маріи,—ничто не можетъ понудить Іоакима и Анну сдѣлать то, что очень легко было сдѣлать—отсрочить исполненіе обѣта. Никакой законъ не требовалъ такой скорости исполненія; но благодарное сердце требовало оной,—и вотъ трехъ-лѣтняя Юница во храмѣ! Не явно ли, что Богъ былъ въ семъ сердцѣ, и наполнялъ его Собою? Что Іоакимъ и Анна исполняли уже заповѣдь евангельскую, повелѣвающую

не любить ни сына, ни дщери, никого паче Бога! —Такими и надлежало быть тѣмъ, кои избраны къ высокому званію родителей Богоневѣсты; за сіе-то самое они и избраны; иначе бы Господь и не избралъ ихъ: у Него нѣтъ лицепріятія!

Не стыдно ли послѣ сего отцамъ и матерямъ христіанскимъ не умѣть возноситься изъ любви къ Богу надъ привязанностію къ своимъ дѣтямъ? Особенно не умѣть переносить по-христіански потери ихъ даже тогда, когда Господь Самъ видимо поемлетъ ихъ къ Себѣ,—я разумѣю, чрезъ смерть? Между тѣмъ сколько тутъ бываетъ вопля и слезъ не христіанскихъ! Сколько уныніе и ропота языческаго!— Не такъ долженъ поступать христіанинъ. Онъ любитъ дѣтей своихъ въ Богѣ и для Бога; посему безъ ропота и лишается ихъ, когда сіе угодно Господу. Но христіанскаго самоотверженія въ отношеніи къ дѣтямъ большею частію у насъ нѣтъ въ родителяхъ: а между тѣмъ есть обычай, снаружи повидимому благочестивый, и похожій на поступокъ Іоакима и Анны, а въ самомъ дѣлѣ противный духу христіанства. Я разумѣю обычай обрекать дѣтей своихъ до рожденія, или вскорѣ послѣ него, въ извѣстное состояніе. Сколько зла изъ сего! Связана совѣсть родителей; не свободна и совѣсть дѣтей. Исполняется обѣтъ,—влечетъ за собою ропотъ и неудовольствія. Не исполняется—тревожитъ душу. А на чемъ основанъ такой обычай? Гдѣ законъ? Гдѣ примѣръ?

Не такъ должно подражать Іоакиму и Аннѣ, не такъ поступали они, не связывали свободы дочери: Она сама уже, какъ увидимъ, изрекла обѣтъ дѣвства; — а, по силѣ обѣта родителей, Ей надлежало только *воспитатися предъ Господемъ*.

Но время уже обратиться къ самой Богоневѣстѣ.

Младенчество Маріи не позволяло еще Ей имѣть свою волю. Она мыслила умомъ своихъ родителей, жила ихъ волею и жизнію; а посему была болѣе жертвой Богу, нежели жрицею. Но если позволено употребить благочестивое гаданіе, вѣроятно, родительское око, а паче сердце замѣтило въ юной Отроковицѣ способность промѣнять кровъ родительскій на домъ Божій. Иначе, не говорю родительское сердце, которое, будучи проникнуто любовію къ Богу, могло забыть себя, но самое благоразуміе заставило бы не спѣ-

шить исполненіемъ обѣта: ибо ничто, какъ мы видѣли, не мѣшало отложить его.—кромѣ желанія—скорѣе исполнить.

Чему же должно приписать столь раннее раскрытіе въ Пресвятой Дѣвѣ чувства благочестія и любви ко храму Божію. которое до изумленія примѣчено и во многихъ другихъ святыхъ Божіихъ человѣкахъ?—Промыслу Божію? Такъ. онъ особенно бодрствуетъ надъ ними. но конечно, безъ нарушенія великаго закона постепенности. вслѣдствіе коего Самъ Спаситель возрасталъ *премудростію и возрастомъ и благодатію у Бога и человѣковъ* (Лук. 2, 52).—Счастливой природѣ?—Но почему эта природа,—всегда болѣе наклонная къ злу.—въ сихъ именно святыхъ душахъ воспринимала такое раннее, предваряющее лѣта, пареніе къ добру?—Причина сего утѣшительнаго и поучительнаго явленія, братіе, ближе къ намъ, нежели какъ обыкновенно думаютъ; она въ родителяхъ.—въ ихъ благочестіи и чистотѣ! Ибо всѣ, сколько знаетъ исторія. юные герои вѣры происходили отъ родителей самыхъ благочестивыхъ.

Не новое ли это побужденіе родителямъ вести себя по-христіански, когда ихъ добродѣтели сообщаютъ святое предрасположеніе даже ихъ дѣтямъ, равно какъ ихъ пороки нерѣдко въ роды родовъ отзываются пороками и бѣдствіями ихъ потомковъ?

Если введеніе во храмъ и посвященіе Богу зависѣло болѣе отъ вводящихъ, нежели вводимой. то образъ пребыванія при храмѣ во многомъ зависѣлъ отъ воли послѣдней. Можно жить въ храмѣ. и не только не быть храмомъ Духа Святаго, но и заслужить гнѣвъ Божій. Дѣти первосвященника Иліи всю жизнь провели при скиніи свидѣнія, но своимъ нечестіемъ погубили себя. отечество и скинію (1 Цар. 2, 22). Что и при іерусалимскомъ храмѣ во время пребыванія тамъ святой Дѣвы много было недостойнаго имени Бога Израилева, за это ручаются страшные отзывы, кои давалъ о семъ храмѣ Самъ Господь храма (Матѳ. 21, 13). Но святая Дѣва, пребывая при іерусалимскомъ храмѣ, содѣлалась источникомъ благословенія для всего рода человѣческаго. Содѣлалась тѣмъ, что пребывала при храмѣ не однимъ тѣломъ, а и духомъ; возводила горѣ къ Богу не очи токмо, но и сердце; проводила время свое именно въ томъ, въ чемъ должно проводить его, находясь близъ мѣста селенія славы Божіей,

какъ-то: въ молитвѣ, богомысліи, чтеніи святаго писанія, безмолвіи, постѣ, бдѣніи, трудѣ и прочихъ добродѣтеляхъ.

Преданіе говоритъ, что Богоотроковицѣ позволено было входить на молитву въ такія отдѣленія храма, кои для всѣхъ прочихъ были недоступны. Такое великое, неслыханное преимущество было, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ особенныхъ Ея добродѣтелей. О будущемъ великомъ достоинствѣ Ея еще не было извѣстно: смотрѣли на одно настоящее. Посему только особенная набожность входящей могла оправдывать въ глазахъ всѣхъ то, куда она входитъ: иначе преимущество сіе произвело бы соблазнъ.

Значитъ, Марія не только оправдывала, но и превзошла надежды своихъ родителей! Кромѣ сего, едва только утвердился въ Ней собственный произволъ, и Она могла располагать собою, какъ немедленно изъ жертвы обратилась въ жрицу, которая навсегда принесла сама себя въ даръ Богу отцевъ. Родители привели Ее *воспитатися предъ Господемъ*; а Она, какъ повѣствуетъ преданіе (Чет. Мин. Мар. 25. Нояб. 21), дала обѣтъ обратить въ сіе воспитаніе всю жизнь свою, никогда не знать мужа, и принадлежать единому Господу. Поступокъ, который послѣ долговременнаго сердечнаго занятія предметами священными, былъ уже почти дѣломъ необходимости. Чье сердце хотя единожды исполнится Богомъ, для того уже малъ и низокъ весь міръ,—тотъ не можетъ принадлежать здѣсь никому!

Не удивительно, если потомъ, за необыкновенную чистоту души, Марія удостоилась, какъ говоритъ преданіе, бесѣды и питанія ангельскаго. Наступило время откровеній, и Она сама предназначалась къ величайшему изъ чудесъ. Возможно ли было послѣ сего, чтобы ковчегъ всемірнаго завѣта долго оставался безъ Херувимовъ, его осѣняющихъ?

Гораздо удивительнѣе—другая черта въ воспитаніи святыя Дѣвы. Удостоившись откровеній и питанія ангельскаго, ставъ на такую высоту, Она не оставляла, какъ повѣствуетъ преданіе, занятій, приличныхъ ея полу, продолжая трудиться, работая своими руками. Обличеніе, и весьма нужное для тѣхъ, кои, предавшись занятіемъ набожности, гонятъ потомъ отъ себя всякій трудъ, особенно тѣлесный. Напротивъ, трудъ сей, по временамъ, особенно нуженъ для таковыхъ людей: онъ охлаждаетъ ихъ воображеніе, часто разгорячающееся

болѣе надлежащаго, не даетъ носиться много и разсѣеваться мыслямъ по безпредѣльности міра невидимаго, не позволяетъ забывать нуждъ тѣлесныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—смиренія, и своею тяжестію придаетъ какъ бы нѣкій вѣсъ жизни созерцательной. Напротивъ, недостатокъ тѣлеснаго труда при духовныхъ подвигахъ даетъ плодиться безплоднымъ мыслямъ,—что весьма вредитъ чистотѣ сердца,—порождаетъ сомнѣнія, вопросы, охоту судить другихъ, знать будущее, отличаться откровеніями и проч. Посему-то истинные подвижники благочестія и сами много любили, и другимъ часто заповѣдывали любить тѣлесный трудъ.

Но довольно подробностей. Взглянемъ еще разъ мысленно на всю совокупность священнаго событія, нами воспоминаемаго. Какъ оно трогательно, при всей простотѣ своей! Престарѣлые родители, приводящіе единственную трехлѣтнюю дщерь во храмъ и предающіе Ее Богу отцевъ своихъ! Маститый первосвященникъ, пріемлющій даръ сей отъ лица Господа храма, и благословляющій въ Дщери Іоакимовой будущую Матерь Спасителя рода человѣческаго! Трехлѣтняя Отроковица, оставляющая лоно матернее, и вступающая во врата дома Господня—воспитатися предъ Господемъ въ жилище Духа Святаго! И все сіе, совершаемое въ тишинѣ храма, въ присутствіи, можетъ быть, однихъ Ангеловъ!

Какъ хорошо, братіе, дѣлали предки наши, что подобными священными изображеніями украшали стѣны домовъ своихъ! И какъ худо поступаютъ многіе нынѣ, замѣнивъ сіи святыя изображенія видами не только мірскими, но нерѣдко вовсе соблазнительными!— На что часто смотримъ, чѣмъ всегда окружены, то невольно входитъ въ душу, отпечатлѣвается въ сердцѣ, а потомъ и въ поступкахъ. Какъ послѣ сего быть чистой душѣ у хозяина такого дома, особенно у дѣтей его?—Будетъ ли цѣломудренною дочь, отъ колыбели привыкшая непрестанно смотрѣть на соблазнъ?

Не будемъ же сообразоваться въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, съ обычаями вѣка лукаваго и развращеннаго!—Да содѣлаются святыя изображенія праздниковъ и угодниковъ Божіихъ паки украшеніемъ домовъ нашихъ!—Аминь.

Слово на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.

Ангели вхожденіе Пречистыя зряще удивишася (Велич. 9 пѣс.).

А намъ что должно дѣлать, воспоминая вхожденіе Пречистыя? Дивиться вмѣстѣ съ Ангелами? Мало. Пресвятая Дѣва избрана изъ среды насъ и принадлежитъ болѣе намъ, нежели Ангеламъ: а потому намъ должно не удивляться только Ей, но и подражать.—не вхожденіемъ во храмъ іерусалимскій, который не существуетъ болѣе, и если бы существовалъ, то, принадлежа ветхому завѣту, былъ бы нуженъ для іудеевъ, а не для насъ,—а частымъ и благоговѣйнымъ посѣщеніемъ храмовъ христіанскихъ, изъ коихъ самый послѣдній вмѣщаетъ въ себѣ болѣе храма іерусалимскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, если для той, которая изъ дѣтства была сама храмомъ Духа Святаго, и за чистоту души и тѣла удостоилась быть избранною въ селеніе Бога-Слова; если для Ней, для Ея усовершенствованія нужно было долговременное пребываніе въ храмѣ: то для насъ, коимъ издѣтства *прилежитъ помышленіе на злое* (Быт. 8, 21), кои окружены толикими опасностями, подлежимъ такимъ слабостямъ, для насъ посѣщеніе храмовъ Божіихъ должно быть однимъ изъ главныхъ средствъ къ нашему освященію.

Ибо, что есть храмъ?

Есть во-первыхъ богоучрежденное вселенское училище благочестія.—Мудрость земная не оставляетъ необходимости для каждаго; для многихъ она составила бы даже бремя подавляющее. Но есть предметы, о коихъ необходимо имѣть ясное и твердое познаніе всѣмъ и каждому. Это Богъ, Творецъ и Промыслитель нашъ, и наши отношенія къ Нему въ совѣсти и дѣяніяхъ нашихъ; это Искупитель, Господь Іисусъ съ Его крестною смертію за грѣхи міра, и наша обязанность вѣровать въ Него и исполнять Его заповѣди; это, благодать Духа Святаго, насъ освящающая, и тотъ способъ, коимъ мы должны стяжавать ее, хранить и употреблять; это, наконецъ, ожиданіе будущаго вѣка, гдѣ должно дать отчетъ въ дѣлахъ и воспріять по дѣламъ. Кто же возвѣститъ сіи важныя истины во услышаніе и тѣхъ, кои совершенно удалены отъ всякаго вида науки? Гдѣ училище для всѣхъ и каждаго?

Въ церкви. Здѣсь отверсты двери для всякаго; не нужно предварительныхъ испытаній: приходи, слушай и поучайся! Находясь въ этомъ училищѣ. не узнаешь, какъ далеко отстоитъ земля отъ солнца. и какъ отводить удары грома: но узнаешь. какъ далеко находится падшій человѣкъ отъ Бога, какъ спасаться отъ ударовъ правосудія небеснаго; не научишься углубляться въ сердца горъ и въ нѣдра морей для извлеченія драгоцѣнностей: но научишься углубляться въ собственное сердце для обрѣтенія тамъ злата чистой любви къ Богу и перловъ святыхъ молитвъ; не будешь въ состояніи говорить разными языками, но отучишься отъ языка лжи и коварства. совершенно поймешь языкъ совѣсти. сдѣлаешься способнымъ бесѣдовать съ Богомъ. И сколько уже вышло изъ сего училища—церкви Божіей самыхъ отличныхъ учениковъ благочестія. кои. не будучи знакомы ни съ какимъ мірскимъ просвѣщеніемъ. жизнію своею и добродѣтелями, а нѣкоторые и чудесами доказали. что имъ *дано было вѣдать* самыя *тайны царствія Божія* (Мат. 13. 11), что *они знали все* (1 Іоан. 2. 20). нужное для спасенія!

Что есть храмъ?

Есть богоучрежденная врачебница духовная. Всякій, по собственному опыту знаетъ, что душа наша, подобно тѣлу, подлежитъ различнымъ недугамъ,—и что недуги сіи, хотя для многихъ кажутся маловажными, крайне опасны; ибо, неисцѣленные, они причиняютъ вѣчную смерть души. Для исцѣленія отъ болѣзней тѣлесныхъ изобрѣтено множество средствъ. для исцѣленія души отъ яда грѣховнаго никто не могъ изобрѣсти средства. кромѣ Самого Бога. И оно изобрѣтено благостію Божіею. и, какъ необходимое для всѣхъ, преподается безмездно всѣмъ.

Гдѣ и какъ?—Въ храмахъ. Тутъ всегда течетъ источникъ здравія душевнаго—всеоживляющая Кровь Богочеловѣка и благодать Духа Святаго: какъ бы велики ни были грѣхи твои. отъ какихъ бы язвъ ни страдала совѣсть. пія отъ сего источника вѣрою и любовію, ты содѣлаешься здравымъ въ душѣ. Нѣтъ недостатка въ церкви и въ особенныхъ врачествахъ противъ особенныхъ болѣзней. Невоздержному предписывается постъ, бдѣніе, молитва; страждущему гордостію возвѣщается. откуда мы взяты и во что обращаемся, какъ всѣ унижены грѣхомъ и лишены первобытнаго благородства;

болящему завистію напоминается, что всѣ льстящія взору отличія людей существуютъ на время, что съ смертію останется одно отличіе—добраго отъ злаго: погрязающему въ сладострастіи указуется вѣчность, судъ и гнѣвъ Божій на предающихся *въ неискусенъ умъ творити неподобная* (Рим. 1, 28). Можешь пренебрегать средствами, указуемыми церковію для уврачеванія недуговъ душевныхъ, но не можешь сказать, чтобы они были недѣйствительны: въ противномъ случаѣ обличатъ тебя во лжи сонмы праведниковъ, кои, употребляя ихъ, возстановили свое душевное здравіе, и изъ людей мертвыхъ грѣхами содѣлались живыми храмами Божіими.

Что есть храмъ?

Есть богоучрежденное всемірное судилище духовное. Человѣку, за коимъ есть какое-либо важное дѣло, который подпалъ суду и гнѣву цареву, весьма нужно знать, что ожидаетъ его въ будущемъ, какой постигнетъ его приговоръ. Но мы всѣ имѣемъ самое важное дѣло съ небомъ; у насъ всѣхъ происходитъ давняя несчастная пря съ Творцемъ нашимъ. Рано или поздно долженъ быть конецъ сей враждѣ эдемской. Въ чемъ же будетъ онъ состоять и какой приговоръ произнесутъ надъ нами? Что именно будетъ съ тобою,—съ нимъ или со мною?—Гдѣ узнать о семъ?

Въ церкви. Тутъ *судъ* уже *написанъ* (Псал. 149, 9): *слава всѣмъ преподобнымъ*, горе и погибель всѣмъ неподобнымъ! Хочешь яснѣе знать опредѣленіе верховнаго Судіи? Прослушай со вниманіемъ, когда читается Евангеліе о страшномъ судѣ. Въ немъ означены подробно и тѣ добродѣтели, за кои будетъ награда, и тѣ пороки, за кои пойдутъ въ геенну. Вѣрнѣе не услышишь отъ Самого Судіи. Что теперь Онъ говоритъ—въ словѣ Своемъ, то и тогда скажетъ. Имѣешь требуемыя добродѣтели? Будешь стоять на правой сторонѣ. Не имѣешь? Пойдешь, кто бы ты ни былъ, въ адъ. *Небо и земля прейдутъ*, а изъ словъ Евангелія ни *одна* черта *не прейдетъ* (Мат. 24, 35).

Что есть храмъ?

Есть мѣсто постояннаго свиданія съ существами высшими. Міръ духовный закрытъ отъ насъ непроницаемою завѣсою: но тамъ все для насъ драгоцѣнное; тамъ Господь и Спаситель нашъ; тамъ апостолы, мученики, пастыри и учители Церкви и всѣ Святые; тамъ наши предки, большая

часть нашихъ знаемыхъ, сродниковъ и друзей. Ужели на землѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы можно было вѣрно и постоянно сообщаться съ ними?

Есть—въ храмахъ! Молитвы, здѣсь непрестанно возносимыя, сближаютъ между собою два міра—видимый и невидимый: наши сердца посредствомъ ихъ возносятся горѣ, духъ небожителей низводится долу, намъ дается способность предузнавать будущее наше состояніе, а для нихъ становится удобнѣе воспоминать прошедшее и видѣть наши нужды. Посему-то въ жизнеописаніяхъ святыхъ людей мы находимъ, что нигдѣ столько не послѣдовало откровеній, не было столько видѣній для нихъ, какъ въ храмахъ, среди богослуженія. И если богомудрые составители литургіи написали, что Царь славы, приносимый въ жертву на святой трапезѣ, *дориносится ангельскими чинми*, что мы сами тайно образуемъ въ это время Херувимовъ: то написали, безъ сомнѣнія, не на основаніи воображенія, а по свидѣтельству духовныхъ опытовъ. Впрочемъ и для самаго чувственнаго человѣка не приподнимается ли видимо завѣса духовнаго міра каждый разъ въ таинствѣ Евхаристіи? Что это, какъ не знакъ и даръ изъ другаго міра? Какъ не залогъ безсмертія? Какъ не завѣтъ жизни вѣчной, въ коемъ видимо соединяются живые и мертвые?

Наконецъ, храмъ есть мѣсто лицезрѣнія Божія и поклоненія твари Творцу: мѣсто потому самому священное и самое пріятное для духа благочестиваго.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, ужели однѣ нужды будутъ двигать и управлять нами и въ дѣлахъ богослуженія? Ужели для человѣка нѣтъ другаго возвышеннѣйшаго побужденія къ тому, чтобы какъ можно чаще являться предъ лице своего Творца, напр., чтобы насладиться Его присутствіемъ и лицезрѣніемъ? Но мѣсто постояннаго присутствія и лицезрѣнія Божія въ храмахъ; въ храмы посему и долженъ онъ являться для засвидѣтельствованія предъ Творцемъ своей любви и покорности. Правда, что истинные поклонники всюду поклоняются Господу *духомъ и истиною* (Іоан. 4, 24). Но неоспоримо и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для нихъ же Господь являетъ особенное Свое присутствіе. Храмъ есть первое изъ таковыхъ мѣстъ; это постоянное, видимое *мѣсто селенія славы Его*: тутъ Его слово и таинства; тутъ Его

престолъ и жертвенникъ, на коемъ приносится Тѣло и Кровь единороднаго Сына Его. Посему-то даже тѣ люди, кои сами были живыми храмами Божіими, не переставали входить въ храмы, входили въ нихъ часто, съ особеннымъ благоговѣніемъ и радостію, и минуты, проведенныя у престола Божія, почитали лучшими въ жизни.

Послѣ такого понятія о храмахъ, и такого дѣйствія ихъ на умъ и сердце человѣка, вы, братіе, не удивитесь, если я скажу, что тотъ и не христіанинъ, кто, имѣя возможность часто посѣщать храмы Божіи, не посѣщаетъ ихъ.

Только пребываніе во храмахъ, для того, чтобъ быть благотворнымъ, требуетъ отъ входящаго во храмъ нѣкоторыхъ благихъ качествъ, безъ коихъ оно не приноситъ ожидаемой пользы, даже можетъ обращаться во вредъ. Какія это качества?—Внемлите!—

Храмъ есть училище благочестія: итакъ, будь внимателенъ къ слышимому; здѣсь говоритъ не человѣкъ, а Самъ Богъ, желающій твоего спасенія. Паче же всего старайся исполнять познанное на дѣлѣ. Исполненное, и малое, принесетъ сторичный плодъ; не исполненное, и великое, не только не оправдаетъ, а и осудитъ. Нѣкогда потребуютъ строгаго отчета въ преподанной наукѣ. *И здѣсь* лѣнивые ученики много теряютъ: какой стыдъ будетъ *тамъ!*

Храмъ есть врачебница: итакъ, смѣло требуй врачества. Никогда не отчаявайся въ исцѣленіи. Для нашего Врача нѣтъ неизлѣчимыхъ больныхъ. Только не оставляй употреблять средствъ, тебѣ предписываемыхъ. Не слушай своего ума, когда онъ будетъ говорить тебѣ, что то или другое средство, повидимому, безполезно. Спаситель нашъ знаетъ болѣе всѣхъ насъ и наши болѣзни и насъ самихъ. Не слушай плоти, когда она будетъ влечь тебя къ чему-либо запрещенному, хотя бы оно казалось невиннымъ. И тѣлесные врачи лишаютъ насъ многаго, лишаютъ даже гораздо большаго. Безъ воздержанія духовныя врачества также остаются безъ дѣйствія, какъ и тѣлесныя. Что пользы напр., если здѣсь причастишься *трапезы Господней*, а по выходѣ за прагъ дома Божія, сядешь *за трапезу бѣсовскую* (1 Кор. 10, 21)?

Храмъ есть судилище духовное: итакъ, *мирись* съ небеснымъ *Соперникомъ*, доколѣ *находишися на пути* (Мат. 5, 25)—сея жизни. Толкай въ двери милосердія, пока не настанъ

часъ суда и наказанія. Не пренебрегай властію Церкви: она отъ Бога. Разрѣшенное здѣсь будетъ прощено и тамъ; связанное здѣсь будетъ въ узахъ и тамъ. Принимай милость подаваемую, не удивляясь много избытку въ даяніи: много дается каждому потому, что для насъ всѣхъ много пріобрѣтено, за насъ всѣхъ крайне много заплачено. Только смотри, не злоупотребляй прощеніемъ. Любовь Искупителя къ тебѣ да будетъ Ангеломъ-хранителемъ отъ новыхъ беззаконій. Иначе все погубишь, и съ тебя взыщется за самыя милости, тобою злоупотребленныя.

Храмъ есть мѣсто свиданія съ существами неземными: итакъ, вы, кои лишились близкихъ вашему сердцу, вмѣсто безплодныхъ сѣтованій и слезъ, спѣшите чаще къ подножію алтарей Господнихъ. Тутъ предъ лицемъ Бога любви, у Коего нѣтъ мертвыхъ, вашъ духъ найдетъ себѣ успокоеніе; вы сами приблизитесь въ духѣ къ предѣламъ міра горняго, предощутите силу грядущаго вѣка;—а при семъ предощущеніи настоящая жизнь престанетъ для васъ быть такъ драгоцѣнною, и вы не будете безутѣшно сѣтовать о временной разлукѣ съ любезными вамъ, а примете рѣшимость идти по слѣдамъ ихъ съ вѣрою и любовію туда же, гдѣ и они.

Храмъ есть мѣсто присутствія и лицезрѣнія Божія. Итакъ, стой во храмѣ, предъ Богомъ хотя такъ, какъ бы ты стоялъ предъ царемъ земнымъ. Оставляй за прагомъ дома Божія *всякое житейское попеченіе. Довлѣетъ* міру *злоба его* (Матѳ. 6, 34): зачѣмъ ее вносить и сюда? Тамъ *прекаяніе днемъ и ночію* (Псал. 54, 10): пусть будетъ хотя здѣсь миръ и тишина. Шесть дней отдаются землѣ и плоти: пусть хотя седьмой всецѣло посвятится Господу. Стой во храмѣ, какъ бы стоялъ на небѣ; ибо, стоя во храмѣ, ты дѣйствительно стоишь на небѣ, предъ Богомъ! Аминь.

Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Днесь спасенія нашего главизна и еже отъ вѣка таинства явленіе (Тропарь праздника).

Такъ многократно, вчера и нынѣ, воспѣвала св. Церковь. Не знаю, обратилъ ли кто изъ васъ особенное вниманіе на сіи слова; а мнѣ кажутся они стоящими всего вниманія для

всѣхъ насъ, и не на одинъ только нынѣшній день, а на всю жизнь. *Днесь спасенія нашего главизна*, восклицаемъ мы: слѣдственно спасенія и твоего и моего, слушатель: слѣдовательно, мы съ тобою спасены, примирены съ Богомъ и совѣстію, очищены, оправданы и освящены: слѣдовательно, и для насъ *соблюдается вѣнецъ правды, егоже уготова Богъ всѣмъ любящимъ Его* (2 Тим. 4, 8)! Видите, о чемъ идетъ дѣло?—Не о маломъ чемъ-либо, а о всемъ.—Послѣ того, какъ не спросить: точно ли такъ въ самомъ дѣлѣ?—Дѣйствительно ли всѣ мы, здѣсь теперь присутствующіе, находимся въ числѣ спасенныхъ?—Ахъ, спасеніе явлено для всѣхъ, но Самъ Спаситель еще замѣтилъ, что *не много спасающихся*; оно на самомъ дѣлѣ можетъ принадлежать всѣмъ, но мы съ тобою, слушатель, можемъ не участвовать въ ономъ. Когда для всѣхъ другихъ начало спасенія, для насъ, можетъ быть, начало, или продолженіе, или даже конецъ осужденія. Надобно по тому самому, весьма надобно узнать, чьего спасенія нынѣ начало,—и принадлежимъ ли мы къ числу спасенныхъ?—

Спасеніе, братіе, не есть что-либо состоящее въ однихъ словахъ и понятіяхъ, или какихъ-либо частныхъ дѣйствіяхъ и вещахъ, о коихъ довольно только знать, или на кои достаточно только согласиться. Нѣтъ, спасеніе, какъ показываетъ самое названіе его, состоитъ въ освобожденіи отъ бѣдствій и золъ. Мы говоримъ: больной спасенъ, когда опасность смерти прошла, и силы его начали поправляться. Говоримъ: взятый въ плѣнъ спасенъ, когда онъ получилъ свободу и возвращенъ изъ рукъ непріятельскихъ. Говоримъ: путникъ спасенъ, когда разбойники, на него напавшіе, прогнаны, и онъ въ мирѣ продолжаетъ свое путешествіе. Если спросишь у каждаго изъ таковыхъ людей: спасенъ ли ты? каждый немедля отвѣтитъ, что онъ спасенъ, укажетъ, когда, какъ и отъ чего спасенъ. Таково, говорю, бываетъ спасеніе и отъ временныхъ бѣдствій,—видимо, ощутительно, незабвенно!—

Тѣмъ паче таково должно быть спасеніе отъ бѣдствій вѣчныхъ,—тѣхъ бѣдствій, отъ коихъ никто не можетъ спасти насъ, кромѣ Самого Бога, и для уничтоженія коихъ снисшелъ нынѣ на землю Самъ Сынъ Божій. Получившій такое спасеніе непремѣнно долженъ знать, что получилъ; даже на-

чавшій получать не можетъ не знать, что онъ началъ получать. Спасенный такимъ образомъ долженъ чувствовать въ себѣ великую и важную перемѣну на лучшее, долженъ чувствовать, если не полное освобожденіе, то болѣе и болѣе возрастающее облегченіе отъ всѣхъ бѣдствій и золъ, кои угнетаютъ всѣхъ неспасенныхъ.

Если вы, братіе, вникали въ свое состояніе, то вамъ должно быть извѣстно, какія это бѣдствія.—Это во-первыхъ помраченіе нашего ума, который, по паденіи лишившись озаренія свыше, попалъ въ такую тьму, *что яже на землѣ обрѣтаетъ съ трудомъ, а что на небѣ*, или за гробомъ, того самъ по себѣ, какъ должно, познать никакъ не можетъ (Прем. Сол. 9, 16). Въ такой тьмѣ живутъ язычники, кои потому покланяются камню и древамъ; живутъ и тѣ изъ христіанъ, кои, отвергнувъ свѣтъ слова Божія, предаются водительству своего бѣднаго разсудка. Второе бѣдствіе наше есть развращеніе нашей воли, по паденіи естественно наклонной ко злу. Отторгшись отъ воли Божіей, она носится нынѣ по безднамъ творенія, не зная, гдѣ остановиться; хотѣла бы все подчинить себѣ, и въ замѣнъ того сама подчиняется всему; идетъ вопреки порядка природы, и потому дѣйствуетъ на погибель себѣ и другимъ. Подъ тяжестію сего бѣдствія стенаютъ всѣ грѣшники, представляющіе изъ себя жалкихъ рабовъ страстей и чувствъ. Третье всеобщее бѣдствіе человѣчества есть испорченность нашего сердца и чувства, которое, уклонившись отъ источника всѣхъ благъ—Бога, и прилѣпившись къ тлѣннымъ благамъ чувственнымъ, вмѣстѣ съ ними кружится и крушится, прельщается, и никогда не насыщается, томится скукою среди самыхъ наслажденій. Это бѣдствіе особенно видно на счастливцахъ міра, кои, стоя среди океана удовольствій земныхъ, непрестанно жаждутъ лучшаго. Послѣднее бѣдствіе, отъ коего страдаютъ всѣ, есть крайняя бренность естества нашего и его зависимость отъ внѣшней природы: раждаясь въ болѣзняхъ, влача жизнь среди недуговъ и лишеній, мы потомъ обращаемся въ землю, подобно послѣднему насѣкомому.

Какъ ни слабо это описаніе бѣдствій нашихъ, но и по немъ весьма удобно можно узнать каждому, въ какомъ онъ состояніи.—въ числѣ спасающихся, или погибающихъ. И во-первыхъ, смотри, спасенъ ли твой умъ?—Имѣешь ли ты

ясное познаніе о Богѣ и Спасителѣ, о благодати Св. Духа, безъ коей невозможно спасеніе, о своихъ обязанностяхъ и своемъ предназначеніи, о средствахъ достигнуть жизни вѣчной и избавиться соблазновъ міра?—Спасена ли твоя воля?—освобождена ли отъ наклонности ко злу, преобладанія надъ нею чувствъ и страстей? Заключена ли въ законѣ Господни, какъ въ естественномъ для нея хранилищѣ?—Облечена ли тою силою, чтобъ въ случаѣ нужды могла стать за чистоту совѣсти противъ всего обольщающаго и ужаснаго?—Спасено ли твое сердце?—Знаетъ ли радость о Дусѣ Святѣ,—освободилось ли отъ того крушенія, коимъ страдаютъ самые великіе счастливцы міра. Есть ли въ немъ предчувствіе того, чего око не видало, ухо не слыхало, и что на сердце плотскому человѣку не приходило и придти не можетъ? Спасено ли все существо твое?—Подавлено ли въ немъ *сѣмя тли* естественной? Насаждено ли сѣмя жизни благодатной? Замѣтно ли ослабленіе и совлеченіе человѣка ветхаго, возрожденіе, укрѣпленіе и преобладаніе человѣка новаго?—

Кто ощущаетъ въ себѣ отсутствіе сихъ золъ, угнетающихъ все человѣчество, тотъ, и только тотъ одинъ, по справедливости, можетъ сказать, что онъ спасенъ. А таковый, безъ сомнѣнія, знаетъ и то, что *сего* спасенія начало *нынѣ*. Ибо, если бы не явился нынѣ Свѣтъ міра, Цѣлитель душъ и сердецъ, Податель міра и жизни, то мы всѣ оставались бы въ прежнемъ мракѣ, съ прежними грѣхами и немощію къ добру, съ прежнимъ крушеніемъ духа и ненасытимостію сердца, съ прежнею бренностію и тлѣніемъ.

Итакъ, еще разъ, братіе, вопрошу васъ: спасены ли вы? Признакъ и доказательство спасенія одно: свобода отъ золъ и бѣдствій. Итакъ, чувствуете ли эту драгоцѣнную свободу? Если не чувствуете, то спасеніе не ваше. Христосъ еще не вашъ, вы еще—не христіане!—Ибо, что же это за спасеніе, когда вы окружены тѣми же бѣдствіями, такъ же слѣпы въ дѣлахъ вѣры, такъ же связаны грѣхами, такъ же злобны, немирны, унылы, бренны, тлѣнны? Что это за начало спасенія, когда въ васъ нѣтъ не только конца, даже продолженія? А если такъ, то что значитъ, братіе, ваше христіанство? Изъ чего состоитъ оно? Что даетъ вамъ? Что обѣщаетъ? Развѣ нашли вы другаго Христа, Который не спасаетъ вѣрующихъ въ Него?—

Тяжело, братіе, слышать подобные вопросы въ такой радостный день. Но что же дѣлать намъ? Развѣ говорить, что вы спасены, когда мы видимъ, что вы погибаете?—Развѣ пѣть и услаждать слухъ вашъ, когда вы спите надъ бездною? Нѣтъ, мы должны вопіять къ вамъ, гремѣть всѣмъ, чѣмъ можемъ, чтобы пробудить васъ, заставить удалиться отъ бездны и начать дѣло своего спасенія.

Мало сего: мы молимъ и непрестанно должны молить Господа, чтобы Онъ Самъ гремѣлъ надъ вами всемощнымъ гласомъ Своимъ и пробуждалъ васъ, чтобы не щадилъ, если то нужно, ни гнѣва Своего, ни стрѣлъ.—Ибо лучше, стократъ лучше, чтобы каждый изъ насъ пострадалъ, если то нужно, здѣсь временно, нежели отшелъ неисправленнымъ туда, гдѣ надобно мучиться вѣчно.

И если когда намъ, братіе, нужно говорить съ вами такимъ языкомъ, то въ нынѣшній день; ибо день сей есть самый способный къ тому, чтобы начать, кто не начиналъ, дѣло своего спасенія. Не напрасно Церковь возглашаетъ: *днесь спасенія нашего главизна!* Рѣшись отнынѣ оставить грѣхъ, освободиться отъ узъ господствующей въ тебѣ страсти, начать жить для Бога, вѣровать всѣмъ сердцемъ въ Искупителя, ходить и дѣйствовать, какъ учитъ Евангеліе и Церковь,—и нынѣшній день содѣлается для тебя истиннымъ началомъ твоего спасенія.—Всякій разъ, когда онъ будетъ возвращаться, ты будешь отъ полноты сердца восклицать: *днесь*, истинно *днесь* спасенія моего *главизна!* Послѣ сего и для меня и для тебя будетъ сей день днемъ благовѣщенія: для меня потому, что я возвѣстилъ, а для тебя потому, что ты принялъ благую вѣсть о спасеніи.—О, куда не пронесется вѣсть сія. Ей будутъ радоваться Ангелы, о ней возрадуется Самъ Отецъ небесный!—Аминь.

Слово въ день Благовѣщенія и недѣлю крестопоклонную.

Въ настоящій день, посвященный на поклоненіе кресту Господню и на воспоминаніе страданій Христовыхъ, всего приличнѣе для насъ было бы сѣтованіе духовное и сокрушеніе о грѣхахъ нашихъ; но, вотъ, съ симъ сѣтованіемъ срѣтилась нынѣ благая вѣсть Архангела о спасеніи всего

міра. Что избрать: слезы, или радость? Крестъ, или вѣтвь райскую? Для грѣшниковъ, имѣющихъ нужду въ непрестанномъ очищеніи, нужнѣе слезы, безопаснѣе держаться за крестъ. Но грѣшникамъ помилованнымъ, удостоеннымъ пришествія къ нимъ Самого Царя славы, неприлично уже было бы сѣтовать безотрадно въ самомъ Его присутствіи. Итакъ, надобно искать средства согласить сѣтованіе съ радостію.

И трудно ли найти его?—Всмотримся пристальнѣе въ сущность и духъ обоихъ настоящихъ празднествъ, и многіе изъ насъ невольно, можетъ быть, ощутятъ—въ сердцѣ радость, а на очахъ—слезы.

Сошествіе на землю Сына Божія, нами воспоминаемое, есть событіе для насъ самое радостное; ибо въ немъ, какъ премудро возглашаетъ Церковь, и только въ немъ единомъ, *спасенія нашего главизна*, — начало, основаніе и причина. Если бы Сынъ Божій не сошелъ на землю, то никто изъ насъ земнородныхъ не взошелъ бы на небо.—Но чѣмъ было вочеловѣченіе Сына Божія для Него Самого? началомъ радости ли, совершенства ли? Нѣтъ, для Него Самого воплощеніе было *главизною* уничиженія, началомъ лишеній и страданій. Ибо что нашелъ Онъ на землѣ, принявъ плоть человѣческую? Нашелъ крестъ, который и носилъ всю жизнь, доколѣ Самъ не былъ вознесенъ на крестъ. Послѣ сего можетъ ли душа, любящая Господа, при самой благой вѣсти Архангела, предаваться нынѣ радости такъ, чтобы забыть, чего стоила сія радость возлюбленному ея Спасителю, и не растворить ее сѣтованіемъ о своемъ недостоинствѣ? Ты, сказала бы она самому Архангелу, ты благовѣствуешь намъ радость спасенія. Благодареніе Господу, посѣтившему насъ, во тьмѣ и сѣни смертной сѣдящихъ! Теперь нѣтъ мѣста отчаянію и для перваго изъ грѣшниковъ. Но я не могу всецѣло предаться сей радости,—оставить совершенно сѣтованіе. Такая радость—не моя!—Пусть радуются такимъ образомъ тѣ изъ братій моихъ, кои достигли уже отечества, соединились навсегда съ Спасителемъ. А я еще среди юдоли плача, среди моря искушеній; я еще сто разъ могу оскорбить Господа, снисшедшаго для меня на землю, измѣнить Ему, даже вознести Его на крестъ моими грѣхами. Мнѣ ли предаваться одной радости? Оставь, Архангеле, оставь часть слезъ, коими я могла бы оплакать моего Спа-

сители, когда Онъ будетъ распинаемъ,—омыть собственныя мои нечистоты. Знаю, что онѣ измываются единственно кровію Божественнаго Агнца: но могу ли, омываясь сею кровію, не смѣшать съ нею собственныхъ слезъ?

Такъ мыслитъ и чувствуетъ нынѣ душа, любящая Господа! Въ благой вѣсти Архангела о спасеніи, для ней новое воззваніе къ покаянію. Она ясно видитъ, что спасеніе, имъ возвѣщаемое, все заключается въ смерти воплощеннаго Господа за грѣхи наши; и потому съ радостію обращается ко кресту.

Что же производитъ въ ней крестъ сей? Въ людяхъ, преданныхъ міру, онъ производитъ одно уныніе; не то—въ душахъ, любящихъ свое спасеніе и своего Спасителя. И въ нихъ производитъ онъ слезы,—ибо можно ли не прослезиться надъ орудіемъ страданій и смерти своего Господа?—но эти слезы растворены духовнымъ утѣшеніемъ. Ибо древо креста, будучи напоено кровію Сына Божія, процвѣло такъ, что сѣнь его величественнѣе сѣни всѣхъ древъ райскихъ, а плоды—живоноснѣе плодовъ древа жизни. Воззритъ ли при семъ душа вѣрующая на своего Спасителя,—она видитъ, что крестъ послужилъ для Него лѣстницею для обратнаго восшествія на престолъ небесной славы; что Онъ превознесенъ надъ всѣми и получилъ имя *паче всякаго имене,* именно за то, что *смирилъ Себе до смерти крестныя* (Фил. 2, 8. 9). Воззритъ ли на сонмъ святыхъ Божіихъ, наслаждающихся блаженствомъ въ царствіи Отца небеснаго,—видитъ, что всѣ они взошли на небо крестомъ, пришли на бракъ Агнца отъ *скорби великія* (Апок. 7, 14), удостоены вѣчнаго покоя потому, что на землѣ, кромѣ креста, не имѣли, гдѣ подклонить главы. Обратитъ ли взоръ вокругъ себя,—находитъ, что гдѣ крестъ, тамъ и благодать, и добродѣтель, и спасеніе; что чѣмъ кто изъ христіанъ болѣе смиряется, подвергается лишеніямъ и скорбямъ, тѣмъ болѣе *укрѣпляется во внутреннемъ человѣкѣ* (Ефес. 3, 16), становится свободнѣе отъ міра, ближе къ небу и своему Спасителю. Послѣ сего чѣмъ для истиннаго христіанина долженъ казаться крестъ Спасителя, какъ не любезнымъ орудіемъ спасенія, драгоцѣннымъ залогомъ блаженства вѣчнаго,—радостнымъ знаменіемъ побѣды?—При одномъ взорѣ на крестъ, христіанинъ уже чувствуетъ въ себѣ новую силу къ побѣжденію противныхъ силъ; при

одномъ напоминаніи о крестѣ. христіанинъ исполняется нѣкіимъ святымъ утѣшеніемъ. среди самыхъ лютыхъ напастей.— По сему-то животворящему свойству креста Христова и учреждено св. Церковію поклоненію ему среди св. четыредесятницы. Якоже долгій и прискорбный путь проходящіи. читается въ синаксарѣ на нынѣшній день. и трудомъ отягчившіися. аще гдѣ древо благосѣнно.лиственное обрящутъ. мало сѣдше упокояются. и. яко убо юни бывше. прочее путь отходятъ. тако и нынѣ въ постное время и въ прискорбный путь и подвигъ насадися посреди отъ св. отецъ живоносный крестъ. ослабу и прохлажденіе намъ подавая. благомужественны же и легки къ прежнему труду утрудившіяся устрояя.

Такимъ образомъ. братіе, настоящія празднества не только не чужды между собою. но и препровождаютъ одинъ къ другому: райская вѣтвь Архангела указуетъ прямо на крестъ. а крестъ служитъ лѣстницею въ потерянный рай сладости.

Посему исполнится ли нынѣ у кого сердце радостію.—да не смущается и не стыдится сея радости: она—Господня: для доставленія ея всѣмъ намъ Сынъ Божій и взошелъ на крестъ. Ощутитъ ли кто въ сердцѣ сокрушеніе. а на очахъ слезы о грѣхахъ своихъ.—да не смущается и да не сокрываетъ сихъ слезъ: онѣ—Господни: самъ Архангелъ. если найдетъ чистыми. соберетъ ихъ и представитъ въ даръ нисходящему на землю Господу.

Но что дѣлать. братіе. съ тѣми изъ насъ. кои. по ожесточенію сердца не чувствуютъ нынѣ ни радости духовной. ни печали по Бозѣ?—*Кому уподоблю родъ сей*. вопрошалъ нѣкогда о таковыхъ Самъ Спаситель. *кому уподоблю родъ сей? подобни суть дѣтямъ. глаголющимъ на торжищи: піскахомъ вамъ. и не плясасте; плакахомъ, и не рыдасте* (Матѳ. 11. 16. 17). Что дѣлать съ сею безчувственностію! Какой Архангелъ сойдетъ на землю для возбужденія сихъ людей къ радости? Какой Спаситель взойдетъ снова на крестъ для произведенія въ нихъ плача о грѣхахъ своихъ?

Господи, Ты Самъ глаголи къ людямъ симъ и возбуди ихъ отъ сего мертвеннаго нечувствія. Ибо мы всѣ можемъ токмо. подобно Маѳѣ и Маріи. плакать надъ гробомъ своего или чуждаго Лазаря—внутренняго человѣка нашего. а не можемъ сказать ему: *Лазаре. гряди вонъ!* (Іоан. 11. 43). Аминь.—

Слово на день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Почему нынѣшній день называется днемъ Благовѣщенія?— Очевидно, по какой-либо благой вѣсти для всѣхъ насъ. Что это за вѣсть?

Та вѣсть, что къ намъ, бѣднымъ, на землю нисшелъ нынѣ Единородный Сынъ Божій, вѣчное Слово, Коимъ сотворено и держится въ бытіи все видимое и невидимое,— нисшелъ до того, что облекся естествомъ нашимъ, содѣлался во всемъ, кромѣ грѣха, подобнымъ намъ человѣкомъ, и это не на время токмо какое-либо, малое или великое, а на всю вѣчность.

Та вѣсть, что сей воплотившійся Сынъ Божій содѣлаетъ для нашего спасенія все, что нужно:—озаритъ насъ свѣтомъ истины и укажетъ путь къ жизни вѣчной; воспріиметъ на Себя грѣхи наши и загладитъ ихъ Своими страданіями; низойдетъ во гробъ и воскресеніемъ Своимъ разсѣетъ для насъ мракъ гроба и страхъ смерти; подастъ намъ Духа Святаго и съ Нимъ всю полноту даровъ благодатныхъ; да очистившись отъ всякія скверны, содѣлаемся способными къ сожитію на небѣ съ Ангелами.

Та вѣсть, что мы посредствомъ сего безпримѣрнаго снисхожденія къ намъ и соединенія съ нами Сына Божія, изъ враговъ Богу содѣлались близкими и паки Своими Богу, изъ изгнанниковъ рая, пришельцевъ земли, наслѣдниками неба и благъ вѣчныхъ,—что всѣ бѣдствія, коими исполненъ міръ, насъ окружающій, прейдутъ невозвратно, все возвратится къ первобытному совершенству, такъ что самая тварь неодушевленная, воздыхающая теперь вмѣстѣ съ нами, освободится отъ тяжкой работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ.

Видите, сколько радостей и надеждъ принесъ намъ день настоящій! Сравните всѣ радостныя вѣсти, какія только можемъ мы получать отъ кого-либо, и всѣ онѣ окажутся малы и незначительны. Радостенъ бываетъ день, въ который врачъ страждущему отъ тяжкой болѣзни и потерявшему надежду скажетъ: «успокойтесь, съ вашимъ недугомъ произошелъ переворотъ благотворный, и вы непремѣнно будете здоровы». Намъ всѣмъ нынѣ сказано гораздо больше; ибо сказано, что не только всѣ болѣзни тѣла и души, отъ коихъ страдалъ безнадежно весь родъ человѣческій, исчезнутъ нако-

нецъ навсегда; но что и самая смерть, этотъ неотразимый врагъ, будетъ побѣждена и уничтожена, и мы паки содѣлаемся чисты, свѣтлы и безсмертны.

Радостенъ бываетъ день, когда находящіеся въ осадѣ отъ непріятелей и доведенные до послѣдней крайности узнаютъ, что врагъ, осаждавшій ихъ городъ, потерялъ силу, что онъ прогнанъ и разсѣянъ, что имъ остается только пользоваться плодами побѣды. Нынѣ возвѣщено всѣмъ намъ большее, ибо возвѣщено, что древній и непримиримый врагъ нашъ, изгнавшій насъ лестію изъ рая и всѣми силами своими влекшій во адъ, пораженъ во главу, что онъ связанъ отъ Великаго Вождя и Побѣдителя, что съ сихъ поръ у него нѣтъ власти надъ нами, такъ что каждый изъ вѣрующихъ можетъ попирать безвредно сего дракона адскаго.

Радостенъ бываетъ день, когда сынъ, потерявшій всю любовь отца, изгнанный изъ дома его, лишенный всѣхъ правъ рожденія и наслѣдства, услышитъ, что отецъ, по великодушію своему, простилъ его, готовъ принять его въ свою любовь и отдать ему все, что имѣетъ. Съ нами произошло большее: мы, отверженные за грѣхъ и находившіеся подъ гнѣвомъ и проклятіемъ, примиряемся нынѣ съ Отцемъ небеснымъ, дѣлаемся паки Его сынами возлюбленными, вступаемъ во всѣ права дѣтей и предназначаемся къ обладанію царствіемъ небеснымъ.

Измыслите, какія угодно, радостныя извѣстія,—и всѣ они обрѣтутся въ благой вѣсти, принесенной намъ нынѣ отъ Архангела.

Достойно и праведно именуется день настоящій днемъ Благовѣщенія; достойно и праведно небо и земля призываются нынѣ къ радости и прославленію Господа: ибо небо и земля будутъ дѣйствительно участвовать въ Его милосердіи и торжествѣ нашемъ.

Но, братіе мои, радуяся и прославляя Господа за великую и безпредѣльную милость Его, не забудемъ, что благая вѣсть тогда бываетъ совершенно дѣйствительна и достигаетъ своей цѣли, когда, получивъ ее, сообразуются съ нею и дѣйствуютъ именно такъ, какъ того требуетъ существо ея.

Сколько ни увѣдомляйте блуждающаго по чуждымъ домамъ и странамъ сына, что онъ прощенъ отцемъ; но если сей сынъ не оставитъ своего блужданія, не пойдетъ къ

отцу и не начнетъ вести себя, какъ прилично наслѣднику цареву: то благая вѣсть останется безъ дѣйствія и не облаженствуетъ его.

Сколько ни извѣщайте содержимыхъ въ осадѣ о безсиліи врага ихъ, о возможности поразить его и воспользоваться свободою, но если они, забывъ свое горестное положеніе, вмѣсто брани и отпора, растворятъ своему врагу врата и позволятъ дѣлать съ собою, что ему угодно; то благая вѣсть о его изнеможеніи останется втуне, врагъ соберетъ силы и снова поработитъ ихъ.

Сколько ни обнадеживайте отчаянно больнаго, что тяжкій недугъ его можетъ пройти, что опасность смерти миновалась, но если онъ не послушаетъ васъ и не станетъ дѣлать, что необходимо, для его выздоровленія; тѣмъ паче, если будетъ поступать напротивъ, предастся зловредному невоздержанію: то благая вѣсть исцѣленія останется безъ плода, и болѣзнь возвратится съ смертію.

То же и съ благою вѣстію, намъ нынѣ принесенною. Все—и сошествіе на землю Сына Божія, и Его вочеловѣченіе ради насъ, и Его смерть и воскресеніе за насъ, все сіе останется втуне, если мы не оставимъ своей грѣховной жизни и не начнемъ вести себя, какъ требуетъ новое, великое и святое предназначеніе наше. Въ такомъ случаѣ, христіане истинные, слѣдуя за нисшедшимъ съ неба Спасителемъ и творя волю Его, примутъ все, что Онъ принесъ и стяжалъ для нихъ, достигнутъ благъ вѣчныхъ и вселятся съ Нимъ въ царствіи Отца Его: а мы, нерадящіе о своемъ спасеніи, не послѣдующіе заповѣдямъ и стопамъ Его, мы, продолжающіе ходить по дебрямъ грѣха и похотей, мы и съ благою вѣстію, намъ принесенною, яко ни къ чему неспособные, останемся во грѣхахъ нашихъ и явимся подъ конецъ, яко ничтоже имуще.

Не остановимся же, братіе мои, подобно малымъ дѣтямъ, на благой вѣсти о нашемъ спасеніи, какъ она ни велика и ни радостна; постараемся узнать, чего она требуетъ отъ насъ и что намъ должно дѣлать для нашего спасенія; исполнимъ потомъ все требуемое, дабы такимъ образомъ благая вѣсть обратилась въ благое дѣло: тогда,—и только тогда,—день сей для насъ воистину будетъ днемъ Благовѣщенія, еже да сбудется надъ всѣми нами благодатію Господнею! Аминь.

Слово на день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

И рече мужъ ко искреннему своему не тако мы творимъ, день сей, день благовѣщенія есть, мы же молчимъ и медлимъ до свѣта утренняго, и обрящемъ беззаконіе; и нынѣ прейдемъ и внидемъ и возвѣстимъ въ дому царевѣ. (4 Цар. 7, 9)

У израильтянъ была нѣкогда жестокая брань съ сиріянами. Успѣхи послѣднихъ дошли до того, что самая столица израильская, Самарія, будучи обложена со всѣхъ сторонъ сиріянами, умирала отъ голода. Среди сей крайности, у вратъ городскихъ, приметалось четыре человѣка, пораженныхъ проказою, кои, вслѣдствіе закона о прокаженныхъ, были отлучены отъ всякаго сообщества человѣческаго. Подвергаясь видимой смерти отъ глада, сіи несчастные рѣшились идти лучше въ станъ непріятельскій, въ надеждѣ, что, можетъ быть, враги будутъ великодушнѣе соотечественниковъ. Входятъ, и вмѣсто оружія и воиновъ, находятъ одни бранныя кущи, наполненныя брашномъ и сокровищами. Ибо въ прошедшую ночь, какъ пророчествовалъ о томъ Елисей, на сиріянъ напалъ такой ужасъ отъ необыкновеннаго шума оружія, ими слышаннаго, что они, оставивъ все, ради единыя души своея, какъ выражается священный историкъ, бѣжали стремглавъ изъ предѣловъ земли Израильской.

Сдѣлавшись такимъ образомъ владѣтелями цѣлаго, богатаго стана, прокаженные сначала предались-было мыслямъ и дѣйствіямъ непохвальнымъ.—утоливъ голодъ, начали собирать сокровища и закапывать ихъ въ землю. Но потомъ совѣсть пробудилась, они вспомнили о братіяхъ своихъ въ градѣ, умирающихъ отъ глада и жажды, усрамились самаго благодѣянія Божія, видимо послѣдовавшаго не для нихъ однихъ:—*и рече мужъ ко искреннему своему: не тако мы творимъ: день сей, день благовѣщенія есть, мы же молчимъ и медлимъ до свѣта утренняго, и обрящемъ беззаконіе: и нынѣ прейдемъ и внидемъ и возвѣстимъ въ дому царевѣ.*

Такъ поступили прокаженные!—Хотя не вдругъ, но поняли смыслъ и цѣль чуднаго событія; выразумѣли, что тотда было время не своекорыстныхъ дѣйствій и разсчетовъ, а день всеобщей радости и благовѣщенія.

Событіе и примѣръ сей весьма поучительны, братіе, и для насъ въ день настоящій. Съ тѣхъ поръ, какъ мы за

преслушаніе заповѣди удалены отъ плодовъ древа жизни и изгнаны изъ рая сладости. весь родъ человѣческій находился въ жестокой осадѣ отъ врага Божія и нашего: всѣ терпѣли гладъ духовный, и никто не могъ положить конца ему. Но, вотъ, въ настоящій день видимо нисшелъ съ неба хлѣбъ жизни вѣчной, явилось для спасенія нашего само упостасное Слово, силою Коего всѣ враги наши разсѣяны и низложены, такъ что мы свободно можемъ исходить теперь на дѣло спасенія нашего, взимать, сколько угодно, манны небесной для препитанія духа и сердца нашего. Что же? Воспользовались ли мы симъ чрезвычайнымъ благодѣяніемъ Божіимъ? Вошли ли, подобно онымъ прокаженнымъ, въ градъ души нашей, возвѣстили-ль *въ дому царевомъ*, внутреннему человѣку нашему, объ окончаніи нашей осады духовной, о возвращеніи намъ всѣхъ средствъ къ исполненію заповѣдей Божіихъ, о избавленіи отъ всѣхъ золъ, насъ окружающихъ? Ахъ, сколь многіе, подобно самарійскимъ прокаженнымъ, и въ день Благовѣщенія, предаются суетѣ, забывая, что сдѣлано для насъ Господомъ и что намъ, вслѣдствіе того, дѣлать должно! Ибо, какъ бы намъ послѣ сего поступать надлежало? Надлежало бы употребить все время, обратить всѣ силы и способности на то, чтобы, пользуясь всемогуществомъ нашего Искупителя, для насъ нынѣ плоть пріимшаго, свергнуть съ себя всѣ узы грѣха и страстей, возстановить въ себѣ первобытное благолѣпіе и достоинство природы нашей, стяжать и упрочить за собою всѣ права на блаженство вѣчное, отданное намъ въ наслѣдіе. А мы? мы, забывъ, что для насъ сдѣлано и какое величіе и блаженство ожидаетъ насъ на небѣ, паки обращаемся къ землѣ, погребаемъ душу и сердце наше въ собраніи благъ мірскихъ и тлѣнныхъ сокровищъ, гоняемся за честями и забавами, утопаемъ въ роскоши и сладострастіи, тогда какъ внутри насъ господствуетъ гладъ крѣпокъ, тогда какъ совѣсть и сердце наше стонутъ отъ язвъ грѣховныхъ.

Не довлѣетъ ли посему и намъ, подобно онымъ прокаженнымъ, сказать: *не тако мы творимъ: день сей, день благовѣщенія есть: мы же молчимъ и медлимъ до свѣта утренняго*—до нашей смерти. Поступая такимъ образомъ, и мы *обрящемъ беззаконіе* и погибель. *И нынѣ убо прейдемъ и внидемъ и возвѣстимъ въ дому царевѣ.*

Внидемъ, убо, братіе мои, внидемъ и мы во градъ души нашей и возвѣстимъ нашему уму, чтобы онъ спѣшилъ за познаніями истины къ воплотившемуся Спасителю міра и Его Евангелію: въ немъ обрящется въ изобиліи все, что нужно намъ на землѣ знать и дѣлать, все, во что надлежитъ вѣровать и чего можно надѣяться.

Внидемъ во градъ души нашей и возвѣстимъ волѣ нашей, чтобы она спѣшила за свободою и мощію духовною къ великому Разрѣшителю всѣхъ узъ и всѣхъ немощей. Облекшись Его силою, она получитъ возможность побѣдоносно сражаться со всѣми искушеніями и соблазнами міра, быть твердою и неотступною въ законѣ Божіемъ.

Внидемъ во градъ души нашей и возвѣстимъ нашему сердцу, что явился наконецъ Тотъ, у Коего можно обрѣсти покой и отраду всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ.

Внидемъ во градъ души нашей и возвѣстимъ всему внутреннему человѣку нашему, что время узъ его кончилось, что день воскресенія приспѣлъ, что онъ можетъ поднять главу, взять паки въ руки скипетръ, исторгнутый у него врагомъ, и начать жить и дѣйствовать по образу Создавшаго его. Аминь.

Слово на день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Благовѣствуй, земле, радость велію! Хвалите, небеса, Божію славу!

Что это, слова восторга или выраженіе истины дѣйствительной? Какъ бы кто ни изъяснялъ ихъ, а для насъ въ сихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго: ибо, что говорится въ нихъ, то самое давно сказано еще св. Давидомъ, который также въ одномъ изъ псалмовъ своихъ призываетъ всѣ стихіи на прославленіе имени Господня, и не только стихіи, но и то, что намъ кажется въ нихъ какъ бы нѣкіимъ замѣшательствомъ и зломъ. *Хвалите*, восклицаетъ онъ, *Господа отъ земли: зміеве и вся бездны, огнь, градъ, снѣгъ, голоть, духъ бурень, творящія слово Его* (Псал. 148, 8). Видишь, что у Давида хвалитъ Господа—самый градъ и духъ буренъ, отъ коего мы не знаемъ, куда укрыться. Но Давидъ, скажешь, въ св. восторгѣ своемъ олицетворяетъ тварь неодушевленную, такъ что хвалятъ Господа не стихіи, а въ

стихіяхъ онъ же самъ. Хорошо: обратимся къ другому свидѣтелю. У св. Павла, когда онъ писалъ посланіе къ Римлянамъ, не было въ рукахъ лиры Давидовой, а одна простая книжная трость Апостола; но послушай, что говоритъ онъ о всей, такъ называемой, неразумной и безчувственной природѣ. *Вѣмы, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ. Чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ. Суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи. Яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ.* (Рим. 8, 19—22). Видишь, какъ онъ смотритъ на всю тварь, именно на всю, не исключая ничего! Въ ней, по замѣчанію Апостола, то же самое, что въ людяхъ: страданія и надежда на освобожденіе. Если же вся тварь, какъ открываетъ св. Павелъ, сочувствуетъ нашей бѣдности и бренности, потому что раздѣляетъ ихъ съ нами; если притомъ вся тварь ожидаетъ вмѣстѣ съ нами освобожденія отъ золъ, гнетущихъ насъ и ее: то не естественно ли слѣдуетъ за симъ, что вся тварь должна почувствовать, когда въ семъ жалкомъ положеніи произойдетъ какая-либо перемѣна на лучшее? Не естественно-ли заключить, что стоны ея затихли, и мѣсто ожиданія заступила у нея радость, когда она увидѣла, что явился наконецъ на землѣ между человѣками Тотъ, Который свергнетъ бремя проклятія со всѣхъ и всего, доставитъ и земнороднымъ и землѣ миръ и благословеніе, и такимъ образомъ возставитъ Собою *всяческая* (Еф. 1, 10)? Поелику же благотворная перемѣна сія въ судьбѣ нашей произошла въ настоящій день: то нисколько не удивительно, что день сей есть день радости не для человѣкъ токмо, а для всей твари; и Церковь, приглашая землю къ благовѣстію, а небеса къ похвалѣ, выражаетъ симъ только то, что есть на самомъ дѣлѣ.

Итакъ, братіе мои, когда услышите изъ устъ простолюдина, что нынѣ играетъ солнце, не спѣшите давать знать ему вашею улыбкою, что онъ ошибается. Нѣтъ, простымъ языкомъ своимъ онъ выражаетъ то же самое, что говоритъ намъ о семъ предметѣ самое возвышенное любомудріе христіанское. Вмѣсто глумленія въ семъ случаѣ надъ такъ называемыми предразсудками народными, вспомните мысль Апостола о стенаніи всея твари вслѣдствіе нашего паденія,—и

вы сами, можетъ быть, будете искать нынѣ признаковъ радости и на небѣ и на землѣ. Бѣдная та мудрость, которая думаетъ ограничивать и наши бѣдствія и наши радости одними нами: нѣтъ, въ мірѣ, какъ не напрасно говорятъ, все связано между собою; тѣмъ паче все связано съ человѣкомъ, хотя мы по близорукости умственной и не видимъ подробностей этой связи. Правда, что человѣкъ выше всего видимаго: правда, что по свободѣ, ему предоставленной, онъ составляетъ великую особенность въ ряду существъ, и даже нѣчто противоположное всей, такъ называемой, неразумной, природѣ; но при всемъ этомъ, мы есмы только часть, хотя самая важная, цѣлаго, и не можемъ ни страдать, ни радоваться одни. Напротивъ, поелику человѣкъ есть какъ бы средоточіе всего, по крайней мѣрѣ, видимаго творенія, то происходящее съ нимъ по сему самому не можетъ не отражаться на всѣхъ концахъ круга, имъ занимаемаго. И вотъ любомудріе, столь же отрадное, какъ и вполнѣ достойное ума человѣческаго, изображенное не Платономъ или Аристотелемъ, а Павломъ и Петромъ, или точнѣе, Духомъ Святымъ!

Но играетъ ли, или не играетъ нынѣ солнце, это еще не такъ важно для дѣла нашего спасенія съ тобою, возлюбленный слушатель; а крайне важно то: играетъ ли нынѣ или не играетъ, то-есть, чувствуетъ или не чувствуетъ радость спасенія собственное наше сердце? О, какъ долженъ быть радостенъ день настоящій для тѣхъ, кои, живя по правиламъ Евангелія, успѣли благодатію Божіею освободиться отъ узъ грѣха и страстей и сподобились пріять внутрь себя залогъ Духа Святаго!—Не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что они испытываютъ нынѣ подобное тому, что было съ св. Елисаветою, когда она срѣтила Матерь Божію, послѣ Благовѣщенія ангельскаго. Какъ Елисавета почувствовала при семъ взыграніе младенца во чревѣ ея, такъ и они, при гласѣ къ Дѣвѣ Архангела, чувствуютъ внутрь себя духовное взыграніе *потаеннаго сердца человѣка* (1 Петр. 3, 4), который, по внутреннему существу его, есть то же самое Слово, еже нынѣ плоть бысть, долженствующее, по увѣренію Апостола, *вторю вселиться* (Ефес. 3, 17) въ каждаго изъ насъ. Какія бы совнѣ несчастія ни окружали нынѣ таковыхъ христоносцевъ, хотя бы они находились въ бѣдности и озлобленіи, хотя бы сидѣли въ узахъ и темницѣ, хотя бы

страдали отъ болѣзней и мукъ: ничто не можетъ отнять у нихъ той радости духа и того веселія по Бозѣ, кои замѣняютъ для нихъ все.

А ты, нераскаянный грѣшникъ, какъ бы ни представлялся радующимся въ настоящій день, какъ бы ни веселился, ни торжествовалъ, внутрь тебя нѣтъ и не можетъ быть ни мира, ни радости: ибо откуда бы ты взялъ ее? Ее можетъ дать токмо Самъ Спаситель; а у тебя нѣтъ никакого живаго союза съ Нимъ, кромѣ что на словахъ. Ее можетъ принять и вмѣстить токмо чистая и мирная совѣсть; а у тебя она и темна, и возмущена, и болѣзненна. Если ты придешь нынѣ (и дай Богъ, чтобы пришелъ!) въ себя и очувствуешься отъ ожесточенія во грѣхѣ, то вмѣсто радости ты долженъ исполниться унынія и страха. Ибо что въ такомъ случаѣ увидишь ты? Увидишь снисшедшаго на землю для твоего спасенія Самого Сына Божія, а себя, яко безумнаго, убѣгающимъ отъ сего Спасителя, презирающимъ дѣло своего спасенія! Увидишь небо и землю, всю неразумную тварь съ радостію отзывающеюся на гласъ всемогущаго Искупителя, а себя, существо разумное, подобно мертвецу, невнемлющимъ сему гласу и почивающимъ на ложѣ страстей сномъ смертнымъ! Что можетъ быть преступнѣе и безумнѣе таковаго поведенія?

Престанемъ же, погибающій во грѣхахъ собратъ, обманывать самихъ себя. Между Іеговою и Вааломъ, между Спасителемъ и грѣхомъ нѣтъ и не можетъ быть союза. Итакъ одно изъ двухъ: или оставимъ навсегда порокъ и начнемъ жить, какъ повелѣваетъ св. вѣра и совѣсть; или престанемъ уже носить и имя христіанина и участвовать въ таинствахъ и празднествахъ св. Церкви. Аминь.

Слово на день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы *).

Мы предполагали, братіе мои, побесѣдовать нынѣ съ вами духовнѣ о настоящемъ празднествѣ нашемъ и поучиться, сколько возможно, изъ евангельскаго сказанія о благовѣщеніи Пресвятыя Дѣвы отъ Архангела; но Господу угодно было другое. Подъ конецъ самаго богослуженія, когда уже

*) Произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, марта 25 дня 1854 г.

намъ надлежало выйти предъ васъ на сіе священное мѣсто, внезапно дошелъ до слуха нашего изъ-за Дуная, вопль Церкви болгарской... Съ радостію великой срѣтила она побѣдоносное воинство наше, по его переходѣ за Дунай, срѣтила какъ своихъ собратій по вѣрѣ и языку, какъ своихъ защитниковъ и освободителей! Но, увы, въ какомъ состояніи предстала она нашей рати православной! Предстала униженною, поруганною, нагою, изъязвленною!

И во-первыхъ, въ Болгаріи нечѣмъ возвѣщать всенародно времени и часовъ богослуженія, потому что жестокосердые поклонники Магомета не могли сносить звука церковныхъ колоколовъ, какъ бы предвидя въ немъ знакъ всеобщаго народнаго пробужденія и конецъ своего неправеднаго владычества надъ сею, нѣкогда славною, страною.

Во-вторыхъ, на храмахъ болгарскихъ нѣтъ и того, что по самому простому понятію, составляетъ главное отличіе храмовъ отъ зданій обыкновенныхъ,—нѣтъ, то есть, знаменія св. креста; ибо магометане также не любятъ видѣть его нигдѣ, какъ обличителя своего нечестія, и потому воспрещается христіанамъ его всенародное употребленіе. Въ самыхъ храмахъ болгарскихъ во всемъ крайняя скудость отъ постоянныхъ притѣсненій: нѣтъ въ достаточномъ количествѣ ни книгъ церковныхъ, по коимъ должно совершаться богослуженіе, ни одеждъ священныхъ для служителей алтаря, ни даже сколько нибудь благоприличныхъ сосудовъ, для совершенія таинства пречистаго тѣла и крови Христовой.

И вотъ злополучная Церковь болгарская, по снятіи съ нея узъ и цѣпей христолюбивыми войсками нашими, простираетъ освобожденныя руки свои къ Церкви всероссійской, умоляя ее первѣе всего о помощи бѣднымъ храмамъ своимъ!..

По близости мѣста и разстоянія, къ намъ первымъ, братіе мои, достигъ вопль сей; и мы спѣшимъ обратиться къ слуху и сердцамъ вашимъ въ сей благознаменитый день празднества.

Если Сынъ Божій оставилъ славу, которую имѣлъ отъ вѣчности у Отца, и сошелъ на землю ради нашего спасенія, вселился для сего въ утробу Преблагословенныя Дѣвы Маріи, принялъ такимъ образомъ зракъ раба, и для чего пришелъ, для чего воплотился? дабы воспріявъ нашу плоть, отдать ее за насъ на крестѣ въ жертву правосудія небес-

наго, раздраженнаго грѣхами человѣческими: то можетъ ли быть снисхожденіе больше, смиреніе глубже, любовь выше и сильнѣе?

Покажемъ же, братіе мои, и съ нашей стороны, что мы любимъ нашего Спасителя воистину и умѣемъ цѣнить безцѣнныя заслуги Его. И для сего изберемъ страждущую Церковь болгарскую: ибо что мы сдѣлаемъ для нея во имя общаго Спасителя нашего, то будетъ принято и усвоено Имъ Самимъ. Покажемъ, я говорю, любовь свою къ Нему. Се, Онъ вскорѣ пойдетъ за насъ на страданіе и крестъ! А мы пойдемъ спѣшными стопами, дабы пріобрѣсти и устроить что-либо, во имя Его, для страждущихъ собратій нашихъ по вѣрѣ. Кто можетъ сдѣлать многое, сдѣлай многое: *тамъ* воздастся за все сторицею! Кто не въ состояніи сдѣлать многое, сдѣлай малое: ибо Господь взираетъ не на количество и цѣну приносимаго, а на сердце приносящаго. Вдовица, упоминаемая въ Евангеліи, вложила въ церковную корвану не тысячи и сотни, а только двѣ лепты; и Господь возвеличилъ ея приношеніе предъ всѣми прочими, потому что она сдѣлала изъ любви къ Господу и храму Его, все, возможное для нея. Поступимъ такъ и мы. Да не скажутъ собратія наши, что они, находясь подъ жестокимъ игомъ, вопіяли къ намъ о помощи и не были услышаны! Да не скажетъ нѣкогда Самъ Господь нашъ на судѣ Своемъ: *наг бѣхъ, и не одѣясте Мене* (Матѳ. 25, 43)! Аминь.

Слово на день предпразднества Успенія Божія Матери *).

Вчера, послѣдуя указанію святыя Церкви, мы сходили съ Ѳавора, осіяваемые послѣдними лучами свѣта отъ лица преобразившагося Господа. Нынѣ, послѣдуя тому же водительству Церкви, мы должны прейти въ Геѳсиманію—ко гробу Богоматери, да видимъ *конечное елико на Ней таинство*. Богорадостенъ Ѳаворъ: душеусладительна и Геѳсиманія! Тамъ лице Сына блистаетъ невечернимъ свѣтомъ Божества; здѣсь гробъ Матери лѣствицею къ небеси бываетъ. Тамъ предстаютъ во славѣ Моисей и Илія и глаголютъ о исходѣ Его,

*) Сказанное при посѣщеніи епархіи, Лебединскаго уѣзда въ селѣ Василевкѣ, 14 августа 1845 года.

да укажутъ собою въ лицѣ Іисуса Того. Иже обладаетъ не живыми токмо, но и мертвыми; здѣсь является съ вѣтвію рая служитель чудесе—Гавріилъ, да благовѣствуетъ земнороднымъ, что нисходящая во гробъ есть честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ. Тамъ Божество свѣтитъ предъ учениками изъ-подъ завѣсы плоти, да *егда узрятъ распинаема, страданіе убо уразумѣютъ вольное;* здѣсь предъ наступающею небесною славою Приснодѣвы открывается немощь Ея человѣчества, да, егда узримъ Ее одесную престола Сына и Бога, познаемъ, что сіе величіе есть дѣйствіе не естества Матери, а благодати Сына.

Въ Геѳсиманіи суждено было обнаружиться въ самой высшей степени человѣческой немощи Сына: тамъ Онъ обливался пóтомъ кровавымъ, тамъ былъ укрѣпляемъ отъ Ангела; въ Геѳсиманіи же суждено было явиться окончательно человѣческимъ немощамъ Матери: здѣсь сомкнулись очи, уста и руцѣ Ея, здѣсь святѣйшая душа Ея разрѣшилась, хотя на краткое время, отъ чистѣйшаго тѣла.

Нужно ли послѣ сего думать намъ нынѣ о какомъ-либо другомъ предметѣ для нашего поученія, кромѣ того, чтобы всѣмъ намъ пренестись мыслію къ смертному одру Преблагословенныя, у коего теперь и всѣ Апостолы, кромѣ единаго? Повторимъ кратко словами то, что они видѣли очами.

По вознесеніи Господа на небо и по сошествіи въ видѣ огненныхъ языкъ на Апостоловъ Духа Утѣшителя, мѣстомъ пребыванія Богоматери на нѣкоторое время былъ не Іерусалимъ, а тотъ градъ, изъ коего происходилъ и гдѣ жительствовалъ святый Іоаннъ, коему Она со креста вручена была вмѣсто матери. *Отъ того часа*, читается въ Евангеліи, *поятъ Ю ученикъ во свояси* (Іоан. 19, 27).

Какъ ни безмятежно было это убѣжище и какими нѣжными и святыми попеченіями ни окружена Она была въ домѣ возлюбленнаго ученика Іисусова: но материнее сердце влекло Ее паки въ Іерусалимъ, туда, гдѣ почти каждая стезя ознаменована была стопами Сына Ея и Бога, и гдѣ каждое мѣсто приводило собою на память или славу, или страданіе Его. По возвращеніи въ сей градъ, самымъ любимымъ, какъ повѣствуетъ преданіе, занятіемъ Ея было—ходить по драгоцѣннымъ слѣдамъ возлюбленнаго Сына своего, молиться тамъ, гдѣ Онъ молился, брать отдыхъ тамъ, гдѣ

Онъ успокоевался. Голгоѳа. Елеонъ, Геѳсиманія потому чаще другихъ мѣстъ наслаждались лицезрѣніемъ Богоблагодатной. Геѳсиманія сдѣлалась даже, наконецъ, постояннымъ Ея послѣднимъ пристанищемъ на землѣ. Подобясь Сыну своему, троекратно молившемуся здѣсь до кроваваго пота, Она по цѣлымъ днямъ и ночамъ проводила въ молитвѣ посреди вертограда масличнаго. О чемъ молилась Она? Молилась, безъ сомнѣнія, о скорѣйшемъ распространеніи спасительной вѣры въ Сына Ея по всему лицу земли; молилась объ обращеніи къ вѣрѣ и познанію истины погибшаго въ невѣріи и ожесточеніи народа іудейскаго; молилась о новыхъ Церквахъ, кои въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ были насаждаемы Апостолами; молилась, безъ сомнѣнія, и о всѣхъ будущихъ Церквахъ, кои имѣли быть насаждены ихъ учениками и преемниками; слѣдовательно молилась и о насъ, кои въ свое время сподобились просвѣтиться свѣтомъ вѣры евангельской: но всѣ молитвы Ея оканчивались прошеніемъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи Ея отъ узъ плоти, да видитъ выну лицемъ къ лицу Того, Который по Вознесеніи Своемъ на небо, въ показаніе безстрастія Своего Божества, не являлся Ей уже болѣе.

Такую ли чистую и святую молитву, казалось бы, не услышать вскорѣ и не удовлетворить тотчасъ? Но Она не скоро, весьма не скоро, была услышана и удовлетворена, да научимся примѣромъ Матери Божіей не изнемогать въ нашихъ моленіяхъ, не почитать знакомъ невниманія свыше, если происходитъ съ нами что-либо, противное нашимъ мольбамъ и желаніямъ. Для самой Приснодѣвы, конечно, лучше было прейти скорѣе къ Сыну на небо, и, вмѣсто узъ плоти, начать наслаждаться пренебеснымъ величіемъ; но для утѣшенія Апостоловъ Христовыхъ, для того, чтобы они лишившись видимаго присутствія своего Учителя и Господа, могли находить для себя общее прибѣжище у Его святѣйшей Матери по плоти. Преблагословенная Дѣва должна была оставаться на землѣ, и оставалась—немалое время, болѣе двухъ десятилѣтій.—

Но, наконецъ, приспѣлъ давно вожделѣнный часъ исхода.—За четыредесять дней до кончины, во время пламенныхъ молитвъ къ Сыну о ея ускореніи, Богоматерь узрѣла предъ собою Архангела, того самаго, который благовѣствовалъ Ей

нѣкогда радость неискусомужнаго зачатія.—Предвозвѣстивъ время отшествія, небесный вѣстникъ вручилъ Ей отъ лица Сына и Бога вѣтвь райскую, да станетъ она у гроба Ея знаменіемъ побѣды надъ смертію.

Для той, которая давно жила духомъ и сердцемъ у Сына на небеси, не оставалось никакихъ желаній на землѣ, кромѣ единаго—еще разъ до кончины увидѣть у одра своего Апостоловъ, утѣшиться ихъ вѣрою и любовію, изречь имъ послѣднее благословеніе Богоматернее, ободрить и воодушевить надеждою своего заступленія у престола Сына. Но обыкновеннымъ образомъ достигнуть сего было совершенно невозможно; ибо Апостолы уже давно разсѣялись для проповѣди по лицу всей земли. Сдѣлать сіе могла единая непосредственная сила Божія, и она не замедлила оказать свое дѣйствіе. Носимые, какъ говоритъ преданіе, на облацѣхъ, Апостолы всѣ, исключая Ѳомы, стеклись въ Геѳсиманію къ дню успенія Приснодѣвы. Окруженная симъ святымъ ликомъ, утѣшенная ихъ любовію, среди своей и ихъ молитвы, Богоматерь съ миромъ предала духъ свой въ руцѣ Сына своего и Бога.

Когда пречистое тѣло было предано землѣ и сокрыто въ вертепѣ Геѳсиманскомъ, на третій день предсталъ и святый Ѳома, Богу такъ устроившу, да тотъ же Апостолъ, который невѣріемъ воскресенію Сына послужилъ къ изъявленію Божества Его, будетъ орудіемъ и къ откровенію славы Матери Его. Лишенный утѣшенія узрѣть Богоматерь еще живую, св. Ѳома молилъ соапостоловъ, да удостоятъ его милости узрѣть хотя мертвое тѣло Ея, освятиться лобзаніемъ его и поклоненіемъ ему, яко кивоту святыни и мѣсту селенія славы Господней. Но когда, желая удовлетворить сему чистому желанію, Апостолы открыли гробъ въ вертепѣ, то онъ оказался совершенно празденъ. Святое тѣло преставлено было туда, гдѣ находилась прославленная душа, да, подобно Сыну, и Матерь не узритъ въ своемъ тѣлеси истлѣнія. Тогда всѣ уразумѣли, что самое замедленіе Ѳомы было дѣйствіемъ не случая, а Промысла Божія, дабы чрезъ то открылось всему міру преставленіе Богоматери вмѣстѣ съ тѣломъ на небо.

Се, святая повѣсть о успеніи Матери Божіей, какъ она предана намъ древними богоносными отцами! Дивенъ былъ

входъ Ея въ міръ сей: дивенъ и исходъ изъ міра!—Та, которая во чревѣ и на рукахъ своихъ носила Носящаго вся, не могла, подобно обыкновеннымъ дщерямъ человѣческимъ, содѣлаться снѣдію могилы. Дань естеству уплачена: яко земнородная. Она скончалась плотію: но и благодать явила себя во всей силѣ: яко Матерь живота, Она видимо путемъ гроба взошла къ животу и славѣ.

Возблаготовѣемъ предъ сими тайнами и чудесами! Ублажимъ и прославимъ Ту, которая для того и взошла на небо съ плотію, да будетъ въ покровъ и заступленіе всему міру. Но вмѣстѣ съ симъ не отыдемъ отъ гроба Ея *тщи*—безъ назиданія духовнаго. Спаситель ненапрасно сказалъ, что тѣ, кои вѣрно исполняютъ волю Отца Его, суть яко Матерь и братія Его. Значитъ, если мы будемъ, подобно Матери Божіей, ходить въ законѣ Господнемъ непорочно, то, подобно Ей, содѣлаемся и причастниками благодати Господней независтно. Благодать сія, питая, подкрѣпляя, озаряя и освящая насъ въ продолженіе нашей жизни, не можетъ не отразиться и въ часъ нашей кончины. Чѣмъ?—Не представленіемъ, конечно, бренной плоти нашей на небо (къ чему она тамъ съ ея нечистотою?), а содѣланіемъ кончины нашей такою, какой въ молитвахъ своихъ желаетъ всѣмъ намъ Церковь, то есть, непостыдною, мирною и безболѣзненною. Довольно съ насъ *малосовершихся* и сего дара, только бы благоволилъ Господь улучить его каждому изъ насъ!—Аминь.

Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы *).

Казалось бы, что если кому можно и прилично было не умирать, подобно Еноху и Иліи, то Матери Сына Божія. И однакоже Она почила сномъ смертнымъ! Значитъ, смерть—неизбѣжна! Съ другой стороны, когда бы въ смерти было для человѣка зло существенное, то если кто, то Матерь Сына Божія не была бы подвергнута сему злу; и однакоже Она подверглась смерти. Значитъ—смерть не есть зло и и вредъ для человѣка!

Смерть неизбѣжна, смерть безвредна: вотъ двѣ истины,

*) Сказанное въ заштатномъ городѣ Недригайловѣ въ Успенской церкви 15 августа 1845 года.

кои сами собою приходятъ на мысль въ день успенія Матери Божіей.

Нужно ли человѣку помнить ихъ? Крайне нужно. Ибо если смерть неизбѣжна: то всякому должно заблаговременно приготовляться къ ней. Если смерть сама по себѣ безвредна: то нѣтъ причины страшиться ея и трепетать.

Помнимъ ли мы однакоже сіи истины?—Напротивъ, кажется, ничто такъ не забывается, какъ онѣ. Мы живемъ такъ, какъ бы намъ никогда не умирать: ибо нисколько не готовимся къ смерти; а умираемъ такъ, какъ бы никогда не воскресать: ибо чрезъ мѣру страшимся смерти.

Мало мы думаемъ о нашей смерти: ибо покажите мнѣ человѣка, который бы посвящалъ на это хотя по нѣсколько минутъ каждый день; между тѣмъ смерть можетъ придти къ намъ не только каждый день, каждую минуту. Еще менѣе готовимся къ смерти: ибо, укажите, гдѣ и въ чемъ это приготовленіе? То ли приготовленіе къ смерти, что мы алчемъ награды за наградою, строимъ зданія за зданіями, переходимъ отъ удовольствія и забавы къ новымъ удовольствіямъ и забавамъ? Ты прожилъ, напримѣръ, уже болѣе полвѣка: самъ чувствуешь, что давно за полдень, недалекъ вечеръ, въ виду ночь: скажи же мнѣ, что приготовилъ ты для подземнаго ночлега? И такое невниманіе къ смерти у самыхъ престарѣлыхъ. Что сказать о людяхъ въ мужескомъ возрастѣ? Что сказать о юношахъ? Вы произвели бы на ихъ устахъ улыбку, напомнивъ о необходимости приготовляться къ смерти: между тѣмъ сколько юношей нисходитъ каждый годъ въ могилу!

Послѣ сего можно бы подумать, что мы почитаемъ вовсе ненужнымъ никакого приготовленія къ смерти. Но какъ почитать это ненужнымъ? Отправляясь и въ недальній путь, мы же заботимся, что взять съ собою, гдѣ пристать, чѣмъ заняться: а вступая во врата вѣчности, воображать, что все равно, какъ ни вступить въ нихъ, что ни взять съ собою, какъ ни расположить себя! Можетъ ли быть большаго невниманія къ себѣ и вѣчной судьбѣ своей?

Или мы не любимъ себя и потому рѣшаемся на все, что бы съ нами ни случилось по смерти?—Но такой ненависти къ себѣ въ насъ нѣтъ: мы въ то и живемъ, чтобы угождать себѣ; малѣйшую скорбь души стараемся удалить, и малѣйшую язву тѣла исцѣлить.

Скорбь и болѣзнь заботятъ насъ: а смерть—нѣтъ, а вѣчность—нѣтъ! Ослѣпленіе непостижимое! Безжалость къ себѣ крайняя!

Одно бы можно было предположить въ изъясненіе, что мы почитаемъ смерть концомъ всего: тогда не къ чему готовиться, не о чемъ заботиться въ будущемъ. Но до сей глубины нечестія мы не дошли: чаемъ жизни вѣчныя, вѣруемъ въ воскресеніе мертвыхъ. Чаемъ и не готовимся къ сей жизни; вѣруемъ и не стараемся улучить воскресенія въ животъ. Чаемъ и вѣруемъ, а живемъ яко овцы заколѣнія! Можно ли поступать пагубнѣе и безразсуднѣе?

Не трудно впрочемъ отгадать, что приводитъ у насъ въ забвеніе смерть нашу, и не позволяетъ намъ приготовляться къ ней. Мы слишкомъ преданы плотской жизни и суетамъ ея; а свойство житейскихъ суетъ таково, что онѣ, какъ прахъ на пути, ослѣпляютъ очи и не даютъ видѣть, что впереди. Находясь среди сего облака, а иногда и вихря пыли, мы не въ состояніи простирать взора въ будущее; смотримъ только вокругъ себя и водимся настоящимъ. Когда, напримѣръ, думать о смерти честолюбцу, когда тщеславіе ослѣпило его до того, что вся мысль и душа устремлены къ извѣстной наградѣ и отличію? Довольно думать и передумывать, какъ бы кто не перегналъ его на пути, какъ бы унизить соперника, сравняться съ высшими, выказать свое достоинство, сокрыть свои недостатки, ульстить мощнаго начальника. Когда думать о смерти богачу, или начинающему разбогатѣвать? У него и безъ того весь умъ занятъ счетами и разсчетами; туда отпущенъ, а оттуда ожидается товаръ; тамъ неисправенъ прикащикъ, здѣсь худо идутъ самыя дѣла; какъ бы поддержать или поправить кредитъ, нѣтъ ли случая пустить или взять въ ростъ деньги: передумать о всемъ этомъ не достанетъ не только дней, самыхъ ночей. Когда думать о смерти ученому? Онъ еще не все узналъ, не во всемъ усомнился; можно сдѣлать такое и такое открытіе, навести на то и другое подозрѣніе, превзойти предшественниковъ, обратить на себя вниманіе современниковъ, прослыть свѣтиломъ вѣка, обезсмертить свое имя.

Такъ суета въ разныхъ видахъ слѣпитъ очи! И кто свободенъ отъ сей слѣпоты? Съ другой стороны образъ смерти такъ ужасенъ, что и подумать о немъ страшно. Это можно

сдѣлать развѣ въ одинъ великій постъ, въ страстную седмицу, въ великій пятокъ... Въ другое время—это значило бы на цѣлую по крайней мѣрѣ недѣлю разстроить свои мысли, остановить дѣла, повредить, можетъ быть, даже здоровью. Какъ рѣшиться на это прежде, нежели врачъ скажетъ, что уже нѣтъ надежды, прежде нежели духовникъ явится съ молитвенникомъ и крестомъ, прежде нежели послѣдняя болѣзнь усилится до послѣдней степени? Тогда подумаемъ объ этомъ; а до того времени зачѣмъ напрасно тревожить и смущать себя призраками?

Не такова ли, братіе мои, исторія нашей жизни? Не таковъ ли образъ нашихъ дѣйствій? Скажите: гдѣ тутъ разумъ, гдѣ разсчетъ, гдѣ любовь къ самимъ себѣ? Если бы врагу, ищущему нашей вѣчной погибели, предоставлено было управлять нашими дѣйствіями, то могъ ли бы онъ надежнѣе губить насъ?

Опомнимся же, кто можетъ, отъ сего небреженія!.. Смерть неизбѣжна. Итакъ, будемъ памятовать о ней всегда; памятуя, будемъ приготовлять себя къ ней; приготовляясь, не дадимъ ослѣплять себя временнымъ благамъ и забавамъ.—

Это первый урокъ отъ гроба Богоматери: обратимъ слухъ и вниманіе ко второму.

Успеніе Ея научаетъ насъ, что смерть неизбѣжна, но въ то же время показываетъ, что смерть сама по себѣ не есть зло для человѣка. Ибо, если бы она была зло, то Матерь Сына Божія по тому самому была бы изъята отъ необходимости умереть. Примѣръ Ея долженъ посему служить въ утѣшеніе всѣмъ намъ и возвышать насъ надъ страхомъ смерти и гроба. Между тѣмъ мы смотримъ на смерть, какъ на зло величайшее, боимся гроба, какъ ничего болѣе въ мірѣ. Сколько тутъ бываетъ рыданій и слезъ, сколько воплія и обмороковъ! Сколько ропота и отчаянія! Иныя даже не могутъ перенести кончины своихъ ближнихъ, и сами идутъ за ними въ могилу.

Такъ ли бы христіанину должно было взирать на смерть? Правда, что смерть есть печальная дань грѣху, есть слѣдствіе злополучнаго нашего паденія въ Эдемѣ: но благодатію Христовою это наказаніе обращено въ средство къ нашей наградѣ. Теперь смерть для истиннаго христіанина есть не лишеніе, а пріобрѣтеніе; ибо мы, оставляя суетный и во

злѣ лежащій міръ сей. переходимъ изъ него въ міръ высшій и лучшій; скидая съ себя бренный покровъ тѣла, идемъ облещися новою одеждою нетлѣнною и прославленною; разлучаясь на малое время съ ближними, здѣсь остающимися, вступаемъ въ кругъ ближнихъ же нашихъ, отшедшихъ прежде насъ, и что важнѣе, въ ближайшее сообщество Ангеловъ и Самого Господа и Спасителя нашего.

Чего бы тутъ страшиться, о чемъ сѣтовать?—Но мы трепещемъ. рыдаемъ, предаемся отчаянію: почему? Потому что никогда не вникали въ истины Евангелія, какъ должно, и чужды свѣта, коимъ оно озаряетъ для насъ міръ загробный; потому что слишкомъ прилѣплены къ земному и тлѣнному; потому что никогда не готовились къ смерти. По всему этому смерть необходимо кажется для насъ зломъ крайнимъ; тогда какъ. при надлежащемъ настроеніи духа и сердца нашего. при христіанскомъ образѣ мыслей и поступковъ,—она могла бы служить намъ. какъ и служила для всѣхъ истинныхъ христіанъ. даже въ отраду и утѣшеніе.

Престанемъ же быть подобны несмысленнымъ, дѣтямъ. Возьмемъ отъ гроба Богоматери урокъ не почитать смерти самой по себѣ зломъ: ибо она если дѣлается таковою, то по нашей собственной винѣ. когда, то есть, мы отходимъ изъ сей жизни, обремененные грѣхами, безъ истиннаго покаянія и вѣры. Но при такомъ образѣ дѣйствій жизнь есть еще большее зло. нежели смерть: ибо смерть по крайней мѣрѣ прекращаетъ собою непрерывный рядъ тѣхъ грѣховъ и беззаконій. на кои употребляема была жизнь. Аминь.

Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

И лѣствица къ небеси гробъ бываетъ!
(Стих. 1, на вечер.)

Бываетъ къ небеси, бываетъ и къ аду!—Какъ много людей проходитъ этою лѣствицею ежедневно и ежечасно! Но много ли такихъ, о коихъ съ твердою увѣренностію можно сказать, что они—на небѣ?—Послѣ сего надлежало бы думать, что преходить чрезъ гробъ—на небо или въ адъ, зависитъ не отъ самихъ преходящихъ,—что это въ волѣ какого-либо существа, не равно доброжелательнаго для всѣхъ,

которое въ угожденіе своему произволу, назначаетъ однимъ—восходить чрезъ гробъ на небо, а другимъ—нисходить чрезъ него же во адъ. И однакоже, братіе, важное дѣло сіе зависитъ совершенно отъ человѣка! Въ его полной волѣ куда угодно обратить лѣствицу гроба, вверхъ или внизъ, на небо или въ адъ!

И мы сами обращаемъ ее къ аду?... для себя самихъ?... на всю вѣчность?... Кто бы повѣрилъ этому, если бы непрестанный опытъ не свидѣтельствовалъ о томъ самымъ неперекаемымъ образомъ!

Какимъ же образомъ бываетъ это, можно сказать безъ преувеличенія, чудо?—Какъ человѣкъ, существо столь самолюбивое, которое въ то и живетъ, чтобы ему было всегда хорошо, какъ онъ доходитъ до такого забвенія своихъ выгодъ, что лѣствицу, данную ему для восхода на небо, обращаетъ невозвратно къ аду? Все это бываетъ, братіе, самымъ непримѣтнымъ образомъ и, сія-то непримѣтность отчасти причиною того, что человѣкъ дѣйствуетъ вопреки собственному благу. Гробъ оказывается лѣствицею въ минуту самой смерти: но становится лѣствицею въ продолженіе всей жизни, и становится непримѣтно. Человѣкъ живетъ, не думая о своемъ гробѣ, а гробъ напротивъ всегда помнитъ его, каждое дѣйствіе обращается въ ступень лѣствицы,—доброе къ небу, а злое—къ аду. Такимъ образомъ, умирая человѣкъ находитъ гробовую лѣствицу уже готовую, имъ же самимъ непримѣтно сдѣланную во время своей жизни; видитъ нерѣдко съ ужасомъ, что она вся—обращена внизъ, въ адъ; но уже не въ силахъ обратить ее къ небу: въ другой разъ не живутъ, и несчастная душа идетъ, куда ведетъ ее ужасная лѣствица!

Такъ, братіе, какова жизнь, такова и смерть! Лѣствицею бываетъ собственно не гробъ, а дѣла наши. Кто жилъ въ любви къ Богу и ближнимъ, тотъ и въ смерти найдетъ къ себѣ любовь Бога и ближнихъ. А кто провелъ жизнь въ тинѣ грѣховной, былъ хладенъ къ добру и не успѣлъ омыть растлѣнія своего слезами покаянія; тотъ и въ смерти ничего не найдетъ, кромѣ мрака, хлада и тлѣнія. Гробъ таковаго, опускаемый въ землю, не остановится съ миромъ въ материхъ объятіяхъ ея, а ниспустится до-самыхъ глубинъ ада. Таковъ законъ бытія нашего: доброе здѣсь производитъ доброе и тамъ, злое здѣсь влечетъ и тамъ за собою

зло. Будемъ ли жаловаться, что наше спасеніе предано такимъ образомъ въ собственныя руки наши и поставлено въ зависимость отъ дѣлъ нашихъ? Но въ семъ-то и состоитъ высокое преимущество естества нашего; сіе-то самое и равняетъ насъ земнородныхъ съ Ангелами. Премудрость и всемогущество Божіе сдѣлали для невозможнаго возможное: гробъ, устроенный грѣхами нашими и по существу своему жилище одного тлѣнія, обратился въ лѣствицу, по коей можно восходить отъ земли на небо. Но куда обратить сію лѣствицу — это долженствовало оставаться въ нашей власти: безъ сего мы престали бъ быть человѣками.

Памятуя сіе, будемъ жить, имѣя въ виду смерть, чтобы, умирая, зрѣть въ жизнь. Не облѣнимся совершать непрестанно дѣла благія, хотя бы они сопряжены были съ трудомъ, въ твердой увѣренности, что каждое изъ нихъ послужитъ нѣкогда для насъ ступенію на небо, и чѣмъ было труднѣе, тѣмъ на большую возведетъ высоту. Будемъ со всѣмъ тщаніемъ убѣгать каждаго порока, какъ бы онъ ни казался прекраснъ, помня, что современемъ онъ обратится въ ступень къ аду.

Если мы, подобно Пресвятой Дѣвѣ, коея всечестное успеніе ублажаемъ нынѣ, проведемъ жизнь свою въ храненіи заповѣдей Божіихъ, въ чистотѣ духа и тѣла; или успѣемъ возвратить потерянную чистоту чрезъ вѣру въ Искупителя и сердечное сокрушеніе о грѣхахъ: то въ день нашего успенія совершится и надъ нами дивное чудо,—и нашъ гробъ будетъ для насъ лѣствицею на небо. Аминь.

Слово на день Успенія Пресвятыя Богородицы *).

Ублажая въ настоящій день успеніе Матери Божіей, св. Церковь называетъ сіе успеніе *конечнымъ, елико на Ней таинствомъ*. Поелику конечное, или окончательное таинство необходимо предполагаетъ таинства предшествующія и первоначальныя, то, вѣроятно, не одному слушателю псалмопѣній церковныхъ приходилъ на мысль вопросъ: какія это таинства? Нашъ долгъ дать отвѣтъ на сіе: и мы тѣмъ съ боль-

*) Сказанное въ вологодскомъ Успенскомъ соборѣ.

шимъ удовольствіемъ готовы сдѣлать это, что разсмотрѣніе таинствъ, совершавшихся надъ Матерію Божіею въ продолженіе Ея жизни, съ одной стороны можетъ служить къ прославленію Ея въ настоящій день, *конечнаго, елико на Ней, таинства*, съ другой—можетъ быть обильнымъ источникомъ размышленій назидательныхъ и чувствованій утѣшительныхъ. Одно могло бы остановить насъ въ семъ случаѣ,—что всякое таинство любитъ неприкосновенность и не терпитъ хладныхъ изслѣдованій; но мы и прикоснемся къ таинствамъ въ жизни Богоматери не сухими вопросами и хладнымъ недоумѣніемъ, а вѣрою и любовію ко всечестной памяти Ея.

Первое таинство въ жизни Преблагословенной Дѣвы Маріи открылось съ происхожденіемъ Ея на свѣтъ. Ибо отъ кого произошла Она? отъ престарѣлыхъ, какъ повѣствуетъ св. преданіе, родителей,—вслѣдствіе особенной молитвы и обѣта. Премудрость Божія восхотѣла, чтобы имѣющая родить неискусобрачно сама была плодомъ не столько силъ природы, сколько наитія благодати. И вотъ, Іоакимъ и Анна достигаютъ тѣхъ лѣтъ, въ кои теряется всякая надежда быть отцемъ или матерію. Но у сей святой двоицы есть вѣра, побѣждающая законы естества: и вслѣдствіе сей вѣры, сопровождаемой пламенною молитвою, является Марія, чистый даръ неба, и потому способная быть неизсякаемымъ источникомъ благословеній для земли.—Такъ совершилась первая тайна рожденія Преблагословенной.

Второе таинство явилось надъ Нею при введеніи Ея во храмъ на трехлѣтнемъ возрастѣ. Уже самое введеніе сіе въ такомъ возрастѣ было необыкновенно, какъ слѣдствіе особеннаго чрезвычайнаго обѣта — посвятить плодъ молитвъ своихъ Господу. А между тѣмъ симъ введеніемъ во храмъ открылась возможность будущей Матери Сына Божія получить воспитаніе при храмѣ, и такимъ образомъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ сродниться духомъ и сердцемъ со всѣмъ святымъ. Но и находясь при храмѣ, Дщерь Іоакима, по обыкновенному порядку вещей, должна была оставаться въ преддверіи его. Вмѣсто сего Ей, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, дано было первосвященниками позволеніе проникать *во внутреннее завѣсы*, входить *во святая святыхъ*, куда имѣлъ право входить единожды въ годъ только одинъ великій первосвященникъ. Не знаемъ заподлинно, вслѣдствіе какихъ

чрезвычайныхъ событій или откровеній получено Ею сіе чрезвычайное и безпримѣрное преимущество: но тотчасъ видимъ, что сія тайна вхожденія во святая святыхъ крайне приличествовала будущей Матери Сына Божія. Одушевленному Кивоту Божію надлежало, хотя по временамъ, являться тамъ, гдѣ нѣкогда постоянно хранился его символъ и прообразъ—ковчегъ завѣта съ манною и скрижалями.

Третія тайна послѣдовала по достиженіи св. Дѣвою совершеннолѣтняго возраста. Ветхій завѣтъ, какъ извѣстно, не зналъ состоянія дѣвства, посвященнаго Богу и освященнаго закономъ. Посему, когда Дщерь Іоакима и Анны достигла при храмѣ іерусалимскомъ совершенныхъ лѣтъ, то первосвященники хотѣли удалить Ее отъ храма съ тѣмъ, чтобы Она, по примѣру прочихъ дѣвъ Израиля, избрала Себѣ супруга. Но святая Дѣва рѣшительно объявила, что Она твердо рѣшилась во всю жизнь не принадлежать никому, кромѣ единаго Бога. Первосвященники не знали при семъ что дѣлать; и послѣ совѣщаній и молитвъ, рѣшились обручить Ее такому человѣку, который согласился бы носить имя мужа, не пользуясь его правами. Жребій палъ на старца Іосифа: и вотъ Марія становится супругою, не переставая быть дѣвою, и такимъ образомъ сочетаваетъ въ себѣ дѣвство и супружество, благословеніе ветхаго и благодать новаго завѣта.—А между тѣмъ сія тайна обрученія, сіе супружество по имени служитъ до времени покровомъ, необходимымъ для великой тайны воплощенія Сына Божія, защищая св. Дѣву отъ всѣхъ подозрѣній, какъ со стороны іудеевъ, кои безъ того не замедлили бы почесть Ее преступницею, такъ и со стороны того исконнаго врага, который, ожидая Сѣмени жены, имѣющаго стереть ему главу, возмутилъ бы небо и землю, если бы видѣлъ, что неискусобрачная Дѣва зачала во чревѣ Сына.

Какъ совершилась самая преславная тайна воплощенія Сына Божія — извѣстно изъ Евангелія всѣмъ и каждому. Архангелъ благовѣстилъ; Дѣва рекла смиренно: *се раба Господня:* сила Вышняго осѣнила,—и *Слово стало плотію*! Это верхъ таинъ, совершившихся надъ Пресвятою Дѣвою: но этотъ верхъ таинъ — не былъ концемъ ихъ; нѣтъ, тайны продолжались, но только углубились, содѣлались невидимѣе, не переставая быть поучительными и утѣшительными. Желаете знать, какія это тайны?

Во-первыхъ тайна распятія. Чьего? Сына? Нѣтъ, Матери. Да, братіе мои, на крестѣ былъ не одинъ Сынъ, была и Матерь. Когда? И въ продолженіе всей жизни, но особенно на Голгоѳѣ. Ибо не Самъ ли Божественый Сынъ сказалъ: *иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ!* Кто же могъ быть достойнѣе Сына какъ Матерь? Посему никто и никогда не носилъ такого креста въ продолженіе своей жизни, какъ Преблагословенная Дѣва Марія. Крестъ сей слагался не изъ древа или вещества, а изъ величія, подобающаго Матери Божіей, и—изъ уничиженія, въ коемъ сія Матерь пребывала до самой смерти. Разсудите: самъ Архангелъ именуетъ Ее благодатною и приглашаетъ къ радости; Она носитъ уже во чревѣ Сына Божія: и въ то же время должна страдать отъ подозрѣнія предъ хранителемъ своего дѣвства: и какого подозрѣнія? Что она бракоокрадованная!... Не крестъ ли это? Ей приближается время родить Того, Коего царствію не будетъ конца; и для Нея нѣтъ мѣста въ гостинницахъ виѳлеемскихъ; Она должна родить Его въ вертепѣ и положить въ ясляхъ!... Не крестъ ли это?—Ангелы поютъ: слава въ вышнихъ Богу; волхвы покланяются и приносятъ дары; и непосредственно за симъ, спасаясь отъ Ирода, надобно бѣжать нощію во Египетъ тѣмъ путемъ, который едва удобопроходимъ среди дня! Не крестъ ли это? А на Голгоѳѣ—что, вы думаете чувствовало сердце Матери, когда Сынъ вопіялъ въ мукахъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ!* Здѣсь-то, безъ сомнѣнія, исполнилось во всей силѣ ужасное предсказаніе Симеона: *яко и Тебѣ самой пройдетъ душу оружіе!* Когда оружіе прошло самую душу, то не было нужды прободать рукъ и ногъ: тайна духовнаго распятія совершилась!..

Съ окончаніемъ сея тайны, казалось, и отъ Матери будетъ удалено все погребальное, какъ удалено отъ Сына, что Она, по воскресеніи, начнетъ видимо блистать на весь міръ славою Воскресшаго. Напротивъ, Марія до конца жизни пребудетъ въ неизвѣстности, среди доли самой смиренной. Почему такъ? Потому, что за тайною сораспятія Сыну на Голгоѳѣ тотчасъ послѣдовала другая тайна усыновленія Іоанну,—тайна, мало кѣмъ примѣчаемая, но не менѣе изумительная и обильная назиданіемъ духовнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, размышляли ли вы когда-либо о семъ дивномъ усыновленіи, послѣдовавшемъ на Голгоѳѣ? Вникали-ль въ цѣль и духъ сего дѣйствія?—Для чего Матерь Сына Божія дается здѣсь въ матери ученику, и такимъ образомъ какъ бы низводится на время съ высоты своего безпримѣрнаго величія? Ужели для того, чтобы Ей имѣть пристанище въ дому Іоанна? Но кто бы изъ вѣрующихъ, по воскресеніи Сына, могъ отказать въ убѣжищѣ Его Матери?—И со креста ли происходить такимъ земнымъ, не важнымъ распоряженіямъ? Нѣтъ, таинственныя слова: *Жено, се сынъ твой!* имѣютъ смыслъ несказанно глубшій: ими опредѣляется характеръ всей остальной жизни Богоматери; здѣсь ключъ къ изъясненію всѣхъ дальнѣйшихъ событій съ Нею. Внемлите!

Когда Божество Сына, съ воскресеніемъ и вознесеніемъ Его на небо, открылось во всей силѣ; когда весь міръ началъ преклоняться предъ именемъ Распятаго: въ то время Матери Іисусовой естественно предстояла величайшая честь и слава, подобающая Матери Сына Божія, Спасителя человѣковъ. Никто, безъ сомнѣнія, не могъ быть достойнѣе Маріи сей чести и сей славы; и никто, безъ сомнѣнія, не употребилъ бы ихъ такъ свято и боголѣпно, какъ Преблагословенная Дѣва: но слава въ продолженіе земной жизни кромѣ того, что лишила бы Ее точнѣйшаго сходства съ Божественнымъ Сыномъ, Который до конца жизни Своей не имѣлъ гдѣ преклонить главы, сопровождалась бы тѣмъ важнымъ неудобствомъ, что враги христіанства не преминули бы въ семъ случаѣ найти личность его Основателя и обратить ее въ предосужденіе успѣхамъ Евангелія; великое и чудесное дѣло обращенія всего міра къ Богу не было бы свободно отъ связей и отношеній, хотя совершенно чистыхъ, но все еще земныхъ и человѣческихъ; самымъ проповѣдникамъ Евангелія трудно было бы поставить себя въ надлежащее отношеніе къ прославленной Матери Того, Коего ясли и крестъ они проповѣдуютъ. И вотъ усыновленіемъ Пресвятой Дѣвы Іоанну на Голгоѳѣ устраняются всѣ сіи неудобства: на самой вершинѣ духовнаго величія, въ самую минуту величайшей жертвы, отъ коей должна бы начаться слава Маріи, Она таинственными словами: *се сынъ твой!* низводится какъ бы въ кругъ обыкновенныхъ матерей! усы-

новленіемъ Іоанну Ей указуется на всю остальную жизнь, на простую долю первой христіанки.

И смотрите, какъ глубоко понята рабою Господнею сія тайна усыновленія! Какъ вѣрною остается Она во всю жизнь указанію со креста! Ибо что мы видимъ далѣе въ сей жизни? Рѣшительное удаленіе отъ всякой славы, при всемъ чудесномъ распространеніи христіанства. Книга Дѣяній Апостольскихъ подробно повѣствуетъ объ устроеніи первыхъ церквей христіанскихъ: означаетъ дѣйствія главнѣйшихъ Апостоловъ; представляетъ различныя обращенія іудеевъ и язычниковъ ко Христу: но Маріи вы не видите.—Только разъ, и то мимоходомъ, упомянуто, что Она была вмѣстѣ съ учениками въ горницѣ Сіонской, въ день пятидесятницы. (Ибо какъ не быть при сошествіи Духа Той, которая зачала и родила отъ Духа?) Но потомъ ни слова о всей Ея остальной жизни, ни слова о самой кончинѣ. Скажите сами: не тайна ли это молчаніе? И что значитъ она, какъ не то, что Марія устраненіемъ себя отъ всякаго вида славы, явила новый опытъ смиренія, самаго глубокаго, и такимъ образомъ сдѣлалась еще болѣе достойною того вѣнца славы, который давно по всѣмъ правамъ принадлежалъ Ей?

Но надлежало же, рано или поздно, сойти наконецъ сему вѣнцу на главу Честнѣйшей Херувимовъ и Серафимовъ,—и онъ сошелъ—во время Ея успенія. Но жизнь, исполненная таинствъ, не осталась и здѣсь безъ тайны. Что было бы удивительнаго, если бы Матерь Сына Божія взята была на небо, не испытавъ смерти? Даже не требовало ли сего нѣкоторымъ образомъ самое приличіе, когда сего высокаго жребія удостоились уже Енохъ и Илія? Но Маріи суждено другое. Какъ бы въ отраду и успокоеніе всѣмъ намъ, имѣющимъ проходить вратами смерти, и Матерь Божія умираетъ, и такимъ образомъ раздѣляетъ долгъ природы со всѣми земнородными. Но яко Матерь Сына Божія, Того, Кто сказалъ о Себѣ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ, вѣруяй въ Мя аще и умретъ, оживетъ.*—Марія, подобно Божественному Сыну Ея, не удерживается узами смерти: тѣло Ея и въ гробѣ не видитъ истлѣнія, и, по прошествіи трехъ дней, взимается, одушевленное, со славою на небо.—Съ сихъ поръ завѣсы всѣ приняты: одушевленная Скинія Божія является во всей лѣпотѣ: святѣйшій Кивотъ новаго завѣта

поставленъ на свое мѣсто; Честнѣйшая Херувимовъ вознесена превыше всѣхъ небесъ; и вся вселенная начинаетъ ублажать ту, которая содѣлалась источникомъ благословеній для всего рода человѣческаго.

Созерцая таковыя тайны (а мы указали токмо самыя главныя) въ жизни Преблагословенной Дѣвы, кто не воскликнетъ нынѣ радостно къ Ней вмѣстѣ съ Церковію: *дивны Твоя тайны, Богородице!* Дивны въ Твоемъ благодатномъ зачатіи и рожденіи, дивны въ Твоемъ чудномъ введеніи во храмъ и еще болѣе чудесномъ вхожденіи во святая святыхъ; дивны въ безпримѣрномъ обрученіи св. Іосифу и ношеніи имени жены, безъ познанія мужа; дивны въ безсѣменномъ зачатіи и рожденіи отъ Духа Святаго Предвѣчнаго Сына Божія; дивны въ непрестанныхъ, по примѣру Сына и Бога, страданіяхъ и перенесеніи многоразличныхъ крестовъ и искушеній; дивны въ таинственномъ усыновленіи Іоанну и отверженіи всей земной славы; дивны наконецъ въ самомъ успеніи и взятіи потомъ пречистаго тѣла со славою на небо!

Но, братіе мои, удивляясь благоговѣйно святымъ тайнамъ Промысла Божія въ жизни Преблагословенной Дѣвы и святолѣпно ублажая въ настоящій день созерцаніемъ ихъ память успенія Ея, не забудемъ при семъ, что и наша жизнь не безъ таинствъ, что сіи тайны нашей жизни подобны тайнамъ въ жизни Богоматери, какъ образца всѣхъ нашихъ жизней; особенно же не забудемъ того, что нѣкоторыя изъ таинъ нашей жизни совершаются надъ нами безъ насъ, а нѣкоторыя и притомъ самыя важныя, отъ коихъ зависитъ наша вѣчная судьба, непремѣнно требуютъ нашего участія, и по недостатку его, не совершившись надъ нами, могутъ подвергнуть насъ страшному осужденію.

Какія тайны Промысла Божія совершаются надъ нами безъ насъ и нашего участія? Это преимущественно двѣ тайны—нашего входа въ міръ сей и нашего исхода изъ онаго, то-есть, тайна нашего рожденія и смерти. Кто могъ опредѣлить свое происхожденіе на свѣтъ? Никто. Кто можетъ опредѣлить и свою кончину? Также никто. То и другое въ рукахъ Божіихъ; и поелику въ рукахъ Божіихъ, то мы можемъ быть спокойны касательно сихъ таинъ нашей жизни, твердо вѣруя, что всемогущество и премудрость Бо-

жія сдѣлали и сдѣлаютъ, если мы предадимъ себя въ волю Божію, за насъ и для насъ все, что нужно и полезно намъ, сдѣлаютъ такъ благоуспѣшно, какъ мы сами по себѣ никогда бы не сдѣлали.

Но другія тайны, и притомъ, какъ я сказалъ, самыя важныя, хотя непремѣнно должны совершиться надъ нами въ продолженіе нашей жизни для нашего вѣчнаго счастія, но не могутъ совершиться въ насъ безъ насъ, безъ нашего произволенія и содѣйствія. Это тайна благодатнаго вселенія въ насъ Господа Іисуса, и тайна нашего сораспятія Ему въ духѣ и истинѣ. Ибо для чего Сынъ Божій оставилъ небо и, вселившись въ утробу Преблагословенныя Дѣвы, явился человѣкомъ, подобнымъ намъ? Для того, чтобы, совершивъ дѣло искупленія нашего, освободивъ насъ Своею смертію отъ грѣха и проклятія, вселиться потомъ въ каждаго изъ вѣрующихъ во имя Его Своею благодатію, вселиться до того, чтобъ мы составляли съ Нимъ единъ духъ и какъ бы едино лице. Безъ сего таинственнаго вселенія Его въ насъ и нашего соединенія съ Нимъ, тайна спасенія нашего не можетъ совершиться въ насъ, и мы, не смотря на все наше участіе въ вѣрѣ христіанской и самыхъ таинствахъ ея, явимся нѣкогда чуждыми Христа и царствія небеснаго, Имъ для насъ пріобрѣтеннаго. Но тайна соединенія нашего со Спасителемъ нашимъ не можетъ совершиться безъ предварительнаго очищенія грѣховной и нечистой природы нашей, безъ умертвія нашего грѣху и чувственности, безъ самоотверженія растлѣнной самолюбіемъ и страстями воли нашей, кратко, безъ сораспятія Ему въ духѣ и сердцѣ нашемъ. Кто же можетъ сдѣлать все сіе въ насъ безъ насъ? Явно никто. Если мы не рѣшимся—умереть грѣху, дабы ожить со Христомъ новою благодатною жизнію, то останемся живы для міра, но мертвы для Бога; если останемся мертвы для Бога и жизни праведной, то Спаситель нашъ, яко Святѣйшій святыхъ, не вселится въ насъ нечистыхъ и нераскаянныхъ, и не содѣлается въ насъ началомъ и источникомъ жизни вѣчной; а безъ сего мы, служа міру, работая всю жизнь нашу плоти, умремъ во грѣхахъ и будемъ отвержены отъ лица Божія.

Посему, видя какъ сіи великія тайны совершились надъ самою Матерію Божіею, какъ Она чистотою жизни и сми-

реніемъ достигла благодати быть вмѣстилищемъ Сына Божія во плоти, какъ потомъ питала и сохранила сію благодать подвигами чистой любви и самоотверженія,—обратимъ вниманіе на свою жизнь и дѣйствія, дабы видѣть, есть ли въ насъ хотя начало сихъ таинъ, стараемся ли мы о благодатномъ приближеніи нашемъ въ духѣ къ Спасителю нашему, о таинственномъ соединеніи съ Нимъ—всѣмъ существомъ своимъ, а для сего очищаемъ ли себя постепенно отъ всякой скверны плоти и духа, заключаемъ ли болѣе или болѣе волю нашу въ Его пресвятой волѣ, любимъ ли крестъ Его и переносимъ ли благодушно искушенія, посылаемыя Имъ на насъ для нашего очищенія и для привлеченія насъ къ Нему. Благо тому, кто давно знакомъ съ сими великими и святыми тайнами и видитъ ихъ совершеніе надъ собою! Таковому остается только подвизаться и пребыть вѣрнымъ до конца. Благо и тому, кто хотя поздно позналъ важность сихъ таинъ для себя, но познавъ, не замедлилъ употребить все, чтобы онѣ начали совершаться и надъ нимъ! Но что будетъ съ тѣмъ, кто вовсе не мыслитъ о своемъ спасеніи и своемъ Спасителѣ? Наступитъ и для него время послѣдняго таинства въ жизни, время смерти; но какъ ужасна будетъ сія тайна для него и сама по себѣ, а еще болѣе по своимъ послѣдствіямъ! Ибо если и смерть грѣшника, по свидѣтельству слова Божія, *люта*, то безсмертіе грѣшниковъ еще лютѣе и ужаснѣе. Аминь.

Слово на день Успенія Пресвятыя Богородицы *).

Сколько смертей у человѣка? Одна, говорятъ обыкновенно, коей никому не миновать. Точно, у человѣка—одна смерть тѣлесная, коей нельзя миновать; но есть другія двѣ смерти, коихъ миновать можно и должно. Поелику сіи обѣ смерти зависятъ отъ насъ, и, избѣгнутыя, ставятъ человѣка въ состояніе самое блаженное, а не избѣгнутыя, дѣлаютъ его злополучнымъ на всю вѣчность: то, казалось бы, намъ ни о чемъ такъ не должно часто думать, ни о чемъ такъ не заботиться, какъ объ избѣжаніи сихъ смертей. Но вотъ наша заботливость! Многіе не знаютъ даже о существованіи ихъ!

*) Печатано въ первомъ изданіи съ рукописи.

Что это за смерти?

Первая изъ этихъ смертей есть смерть духовная, состоящая въ умертвіи души для жизни въ Богѣ. Ее производитъ грѣхъ и беззаконіе. Каждый грѣхъ есть болѣзнь души, рана сердца. Но если сіи недуги, эти раны умножатся, растравятся, то наконецъ слѣдуетъ смерть души: она дѣлается мертвою для Бога, для вѣчности, для добродѣтели, для закона. Такой человѣкъ, подобно мертвому, имѣетъ очи ума, но не видитъ свѣта Божія; имѣетъ слухъ, но не внемлетъ ни воплю бѣдности, ни гласу справедливости; имѣетъ руки, но не простираетъ ихъ на совершеніе дѣлъ добрыхъ; имѣетъ ноги, но не можетъ сдѣлать ни одного шага на пути покаянія и исправленія.

И наше око видитъ иногда сію внутреннюю смерть, видитъ, въ какомъ положеніи душа. Говоримъ: «это бездушный человѣкъ»; у него нѣтъ совѣсти, «онъ безъ сердца». Но всѣ наши выраженія далеко не выражаютъ дѣла. Нѣтъ, это мертвецъ духовный. Внутри такого человѣка, какъ въ гробѣ, смерть и тлѣніе, тлѣніе помысловъ, пожеланій, похотей! И можетъ быть, если бы мы могли увидѣть душу въ ея внутреннемъ видѣ, то съ ужасомъ побѣжали бы отъ нея, какъ побѣжали бы отъ мертвеца въ ночи.

Отчего же самъ такой человѣкъ не чувствуетъ своего жалкаго положенія? Оттого, что онъ потерялъ самое духовное чувство. Это-то и служитъ признакомъ духовной смерти: ибо мертвецъ безчувственъ.

Но въ немъ есть однакоже чувство: ибо онъ мыслитъ, желаетъ, дѣйствуетъ, наслаждается, страдаетъ. Конечно есть, но это чувство не духа, а плоти: это чувство все устремлено на промѣнъ вѣчности; это чувство не человѣка, а животныхъ: ибо и они смыслятъ, желаютъ, наслаждаются и страдаютъ. Притомъ это чувство, или если угодно остатокъ чувства, все занято суетою плотскою, все устремлено на промѣнъ вѣчности: у кого на почести, у кого на богатство, у кого на чувственныя удовольствія. Этому чувству нѣтъ дѣла до духа и совѣсти.

Бываютъ минуты, когда сей духовный мертвецъ,—поелику благодать никогда не оставляетъ самыхъ послѣднихъ изъ грѣшниковъ, а благодать всемогуща,—какъ бы воскресаетъ въ эти минуты. Онъ самъ чувствуетъ свое ужасное

положеніе и не скрываетъ отъ другихъ. Отсюда выраженія: «у меня адъ въ душѣ», «я человѣкъ погибели!»

Эти минуты чрезвычайныя въ жизни. Тутъ грѣшникъ силою благодати. можно сказать, подъемлется изъ глубины ада, возносится на средину между имъ и небомъ и поставляется въ возможность избирать паки то или другое. Подобныя минуты бываютъ минутами обращенія и воскресенія духовнаго, коль скоро грѣшникъ. очувствовавшись, предается св. вѣрѣ и покаянію; равно какъ сіи минуты бываютъ минутами отчаянія и самоубійства, когда темная сила беретъ въ душѣ грѣшника верхъ надъ пробудившейся совѣстію.

Такова смерть душевная! Она не страшитъ насъ потому, что не такъ видима и сокрывается подъ покровомъ жизни тѣлесной; но она есть самая ужасная: ибо она только дѣлаетъ существеннымъ зломъ для него смерть тѣлесную. Безъ смерти душевной. смерть тѣлесная даже есть великое благо; ибо освобождаетъ человѣка отъ горести здѣшней жизни и преставляетъ его въ страну мира и блаженства. Ужасна смерть духовная и потому, что она, и она одна, производитъ смерть вѣчную.

Что это за смерть? *(Не окончено).*

Слово въ день отданія празднику Успенія Пресвятыя Богородицы *).

Въ настоящій день святая Церковь совершаетъ отданіе празднику Успенія Пресвятыя Богородицы. Какъ ни малы и недостойны мы, въ сравненіи съ Нею, но и за нашимъ успеніемъ, вѣроятно, будетъ слѣдовать своего рода отданіе; то есть, и послѣ нашей кончины, совершатъ, по уставу святыя Церкви. молитвенно память о насъ въ третій, девятый и сороковый день, возглашая каждый разъ намъ вѣчную память.

Когда и скоро ли будетъ сіе? Никто не знаетъ. Можетъ быть, и очень скоро. Но во всякомъ случаѣ самая отдаленная кончина отстоитъ токмо нѣсколькими десятками лѣтъ, не болѣе.

*) Сказанное Сухскаго уѣзда въ селѣ Низахъ, 23 августа 1845 года.

Итакъ, пройдетъ нѣсколько времени, и насъ не будетъ на землѣ! Пройдетъ нѣсколько времени, и міръ настоящій со всѣми его благами, со всѣми его горестями, престанетъ для насъ существовать!

Гдѣ же мы будемъ тогда? Будемъ тамъ, гдѣ теперь всѣ наши предки и куда послѣ насъ прейдутъ всѣ наши потомки. Будемъ тамъ, куда никто изъ насъ не входитъ живой и откуда никто не возвращается мертвый. Будемъ тамъ, гдѣ для однихъ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, а для другихъ нѣтъ ни радости, ни покоя. Будемъ тамъ, гдѣ не такъ, какъ въ этомъ мірѣ, оканчивается все, что начинается; но гдѣ, что ни началось, существуетъ безъ конца. Вотъ гдѣ будемъ мы всѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ!...

Думаемъ ли мы о семъ, братіе, приготовляемся ли къ новому жилищу на небѣ, къ образу бытія высшаго и нескончаемаго? Такъ мало, что этотъ предметъ вовсе не принадлежитъ къ обыкновенному кругу нашего размышленія. Странность непостижимая! Безпечность удивительная! Предстоитъ ли какой путь въ страну отдаленную: сколько сборовъ и приготовленій! Мы стараемся заранѣе узнать то мѣсто, въ которое отправимся, кто тамъ живетъ, какіе обычаи, какая природа, какія удобства и неудобства жизни; стараемся имѣть въ запасѣ все, что можетъ быть для насъ пригодно, заводимъ предварительно тамъ связи и знакомства.

А вступить въ вѣчность! А запастись тѣмъ, что тамъ будетъ для насъ необходимо! О семъ нѣтъ у насъ ни мысли, ни заботы...

Что значитъ это? Ужъ не невѣріе ли въ жизнь будущую? Но, какъ не вѣрить сему, когда самая здѣшняя жизнь наша явно есть токмо начало, необходимо предполагающее продолженіе? Какъ не вѣрить въ жизнь за гробомъ, когда въ лучшія минуты нашей жизни, мы сами не только чувствуемъ, что внутри насъ есть нѣчто не отъ сего міра; но, можно сказать, уже предвкушаемъ ту жизнь, которая ожидаетъ насъ въ вѣчности?

Или, можетъ быть, иной мыслитъ, что все равно какъ ни вступить въ вѣчность, приготовившись къ тому или не готовясь нисколько? Но разсуждать такимъ образомъ значитъ быть малосмысленнѣе дитяти. Ибо явно, жизнь будущая должна состоять въ тѣсной и непосредственной связи

съ настоящею. какъ плодъ съ цвѣтомъ, какъ цвѣтъ съ стеблемъ. Что посѣяно здѣсь, то будетъ пожато тамъ. *Сѣявый въ плоть*, скажемъ словами св. Павла, *отъ плоти пожнетъ истлѣніе; а сѣявый въ духъ отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. 6, 8). Надѣяться противнаго—значило бы превращать въ своихъ мысляхъ уставъ премудрости и правды Божіей, порядокъ всей природы.

Что же, вопросимъ еще, что значитъ наша безпечность въ отношеніи къ вѣчности, насъ ожидающей? Значитъ то, что мы подобно малымъ дѣтямъ, заглядѣвшись на игрушки, забываемъ все, даже самихъ себя: значитъ то, что міръ такъ ослѣпилъ и привязалъ насъ къ себѣ, что мы не смѣемъ и подумать о чемъ-либо другомъ, кромѣ удовлетворенія нашей чувственности, нашихъ прихотей и страстей. Ибо одно изъ величайшихъ несчастій нашихъ то, что мы имѣемъ способность, занявшись малостію, оставлять въ то же время безъ вниманія самое важное. Вслѣдствіе сего-то мы такъ неразумно дорожимъ земными пріобрѣтеніями или потерями, и такъ невнимательны къ тому, что ожидаетъ насъ въ вѣчности!

Всегда ли намъ оставаться въ семъ странномъ и пагубномъ нерадѣніи о вѣчности?—Душа безсмертная, душа предназначенная къ пребыванію съ Самимъ Богомъ! долго ли ты будешь, яко мертва и безчувственна? Востани, что спиши? Ты спишь и предаешься грезамъ твоего воображенія; а смерть уже готовится восхитить тебя изъ среды живыхъ. Воспряни убо, доколѣ есть время; воспряни, обозри опасное положеніе свое и, подобно спавшему на пути страннику, взявъ жезлъ вѣры, устремись путемъ добродѣтели туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія! Аминь.

Бесѣда въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Что настоящее торжество есть одно изъ самыхъ радостныхъ, ибо показываетъ ходатайство Матери Божіей за насъ предъ Богомъ; что по сему самому настоящій день надобно проводить въ дѣлахъ благочестія и любви христіанской, дабы удостоиться покрова Преблагословенныя; что всѣ небрегущіе о спасеніи своемъ, доколѣ не исправятся, не мо-

гутъ имѣть справедливой надежды на Ея заступленіе предъ Богомъ,—сіи важныя и нужныя истины, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе, извѣстны каждому изъ насъ. Посему обратимъ вниманіе наше на другое: посмотримъ на самый образъ Богоматерняго покрова, не найдется ли въ немъ для насъ какого-либо новаго поученія.

Памятуете ли, братіе, какимъ образомъ произошло дивное событіе, нами воспоминаемое?—Во Влахернской константинопольской церкви, въ навечеріе недѣльнаго дня, совершалось обыкновенное всенощное богослуженіе, при коемъ, между прочими, находился и св. Андрей, Христа ради юродивый. Среди пѣснопѣній и молитвъ сей человѣкъ Божій, въ 4-мъ часу ночи, вдругъ узрѣлъ на воздухѣ Богоматерь среди Предтечи Христова и Іоанна Богослова, со множествомъ Ангеловъ и Святыхъ молящуюся за родъ человѣческій и покрывающую находившихся въ храмѣ людей своимъ пречистымъ омофоромъ. Полный духовной радости, прозорливецъ обратился къ другу и ученику своему по духу, святому Епифанію, и спросилъ его: видитъ ли онъ чудо? «Вижу, отче», отвѣчалъ Епифаній, «и ужасаюся». Когда узнано было о такомъ чудѣ и прочими находившимися въ храмѣ, то всѣхъ объялъ радостный трепетъ; въ умиленіи сердца начали благодарить Бога и славить всемірную Заступницу; а благочестивый царь Левъ и св. патріархъ Тарасій положили ежегодно воспоминать сіе утѣшительное событіе.

Первое, на чемъ должно остановиться здѣсь наше вниманіе, есть самое явленіе Богоматери съ ликами Ангеловъ и Святыхъ.

Итакъ, не напрасно вѣруемъ мы, что небожители пріемлютъ великое участіе въ событіяхъ міра человѣческаго, что старшіе братія наши на небѣ пекутся о спасеніи насъ—малолѣтнихъ на землѣ! На что же имъ и употреблять свое могущество и свою близость къ престолу благодати, если не на воспоможеніе намъ, влающимся въ морѣ житейскихъ напастей и попеченій? И мы, при всей хладности земнаго сердца, не можемъ безъ чувства взирать на несчастныхъ, и нерѣдко оказываемъ помощь: существамъ ли небеснымъ остаться праздными зрителями нашей духовной и тѣлесной бѣдности и не простерть надъ нами своего благодатнаго покрова!

Не напрасно, значитъ, вѣруемъ и тому, что силы небесныя присутствуютъ съ нами въ храмахъ! Гдѣ же и имъ быть постояннѣе, какъ не тамъ, гдѣ особенно присутствуетъ ихъ Царь и Господь? Мы не видимъ ихъ, потому что сіяніе небесной славы не выносимо для бреннаго ока; но они видятъ насъ и все наше, самыя наши мысли и желанія. Придетъ время,—и мы увидимъ ихъ; вступимъ, если будемъ того достойны, въ самый благосвѣтлый кругъ ихъ;—а до того времени должны вѣровать въ ихъ присутствіе невидимое и, вѣруя, какъ можно чаще посѣщать храмы Божіи. Только — желая быть во храмахъ съ Ангелами, надобно, братіе, и стоять во храмахъ по-ангельски, отложивъ *всякое житейское попеченіе*. Иначе и въ раю можетъ явиться искуситель, и въ раю можно заслужить оное ужасное: *смертію умреши* (Быт. 2, 17)!

Второй предметъ, стоющій благочестиваго вниманія въ явленіи Богоматери, есть тотъ видъ, въ коемъ Она представилась на воздухѣ прозорливцамъ. Какъ Мать Царя небеснаго, Она могла бы явиться сѣдящею на престолѣ и съ высоты его ниспосылающею благословенія на родъ человѣческій; но является—молящеюся! Для чего такъ? Да разумѣемъ, что единъ верховный Владыка всяческихъ, на небѣ и на землѣ, во времени и вѣчности: Богъ Отецъ! Единъ Искупитель, Провозвѣстникъ воли Божіей, *Законоположникъ и Судія, могій спасти и погубити* (Іак. 4, 12): Богъ Сынъ!—Единъ Утѣшитель и Податель даровъ благодатныхъ, Освятитель грѣшниковъ кающихся: Богъ Духъ Святый!—Что же Пресвятая Дѣва? Первѣйшая преемница благодати и первая ходатаица у престола Его за родъ человѣческій. Кто въ семъ духѣ будетъ возсылать къ Ней молитвы, тотъ поступитъ сообразно Ея желанію. Напротивъ, чествованіе имени Ея, простертое до излишества, до сравненія его съ именемъ Божіимъ, до ущерба того уваженія, коимъ мы обязаны нашему Творцу и Искупителю, составитъ не честь, а оскорбленіе для той, которая, именуя себя на землѣ *рабою Господа* (Лук. 1, 38), безъ сомнѣнія, не оставила сего смиренія и на небѣ. *Ни*,—сказалъ нѣкогда Ангелъ Апостолу Іоанну, принявшему его, вѣроятно, за Богочеловѣка и хотѣвшему почтить божескимъ почтеніемъ,—*ни: клевретъ бо твой есмь; Богу поклонися* (Апок. 22, 9). То же самое скажетъ еще съ

большею силою и Пресвятая Дѣва тому, кто, по неразумію, началъ бы воздавать Ей поклоненіе, равное божескому.—

Но много ли нынѣ нужно бояться за излишекъ усердія къ Пресвятой Дѣвѣ? Увы, въ наше время должно страшиться за недостатокъ онаго! Матерь сама воздастъ за насъ Сыну, что принадлежитъ Ему. Поучимся у Ней лучше тому, въ чемъ наиболѣе имѣемъ нужды—молитвѣ.

Если и на небѣ нельзя сдѣлать ничего безъ молитвы; если и для Честнѣйшей Херувимовъ и Славнѣйшей безъ сравненія Серафимовъ нужна молитва: то какъ необходима, братіе, молитва для насъ! И какъ много посему теряютъ тѣ, кои небрегутъ о семъ дарѣ Божіемъ! А небрегутъ многіе! Есть люди, кои вовсе не молятся. Иные молятся, но съ принужденіемъ, съ тягостію. Молитва кажется имъ тяжелою данію—работою на господина. И въ самомъ дѣлѣ, молиться, не чувствуя нужды въ молитвѣ, не зная, зачѣмъ и для чего молиться,—тяжело. Но кто виновенъ въ томъ, что манна небесная въ нашихъ устахъ превращается въ горечь? Истинная молитва сладка и питательна, и нѣтъ человѣка изъ молящихся, который когда-либо не испыталъ сея сладости. Если же молитва дѣлается горькою, то потому, что у насъ испорченъ духовный вкусъ. Намъ тяжело поднимать очи къ небу потому, что они засыпаны прахомъ земныхъ заботъ. Кто умираетъ съ голоду, тотъ съ крикомъ будетъ требовать пищи, только бы увидѣлъ человѣка; утопающій простираетъ руки и къ неодушевленнымъ вещамъ; равно, кто почувствуетъ гладъ духовный, у того уста сами собою разверзутся на молитву; кто увидитъ себя въ безднѣ грѣха, того очи и руки невольно поднимутся къ небу.

«Какъ возбудить въ себѣ чувство сего глада,—этой опасности? Какъ заставить себя увидѣть нужду—въ Богѣ?»—Обращеніемъ строгаго вниманія на себя и на свою жизнь. Испытай размыслить нѣсколько часовъ, не говорю уже дней, о томъ, какъ мы происходимъ на свѣтъ, зачѣмъ мы являемся въ сей міръ, что ожидаетъ насъ тамъ, куда пойдемъ послѣ. Быть не можетъ, чтобы подобное размышленіе не окончилось обращеніемъ очей къ небу, сердечнымъ вздохомъ предъ Всевѣдущимъ, въ десницѣ Коего наше бытіе и жизнь. Чѣмъ чаще будешь повторять сей благой опытъ и думать о своемъ предназначеніи къ вѣчности, разсматривать свою жизнь и

видѣть свои грѣхи и нечистоту, тѣмъ болѣе почувствуешь нужду въ помощи и милосердіи небесномъ; молитва будетъ становиться нужнѣе и пріятнѣе, а со временемъ получится и то святое расположеніе быть всегда въ присутствіи Божіемъ, которое Апостолъ называетъ *непрестанною молитвою* (1 Сол. 5. 18).

Посмотримъ теперь на тѣхъ людей, которые удостоились созерцать Покровъ Пресвятыя Дѣвы. Въ храмѣ Влахернскомъ было множество народа; былъ царь, за свои познанія прозванный мудрымъ: былъ патріархъ, который потомъ за святость жизни причтенъ къ лику святыхъ; были люди славные и богатые: но никто изъ нихъ не видѣлъ того, что происходило *на воздусѣ:* только Андрей и Епифаній удостоились быть свидѣтелями чуда, люди самые послѣдніе и во время ихъ земной жизни многими презираемые. Такъ небо близко и открыто для всякаго достойнаго, хотя бы онъ былъ между людьми ничѣмъ!

Изъ обстоятельствъ явленія не видно даже, чтобы оно указано было св. прозорливцамъ какимъ-либо образомъ свыше, или чтобы особенною силою Божіею на сей случай у нихъ отверсто было око духовное. Подвижническая жизнь и непрестанное самоотверженіе до того утончили ихъ духовныя чувства, что отъ нихъ не могло укрываться присутствіе существъ небесныхъ. Такъ обыкновенно бываетъ съ великими подвижниками: рѣдкій изъ нихъ не имѣетъ дара духовнаго прозрѣнія, который принадлежитъ всѣмъ людямъ, но у людей невозрожденныхъ подавленъ тяжестію плоти.

Особенно замѣчательная черта въ характерѣ св. Андрея та, что онъ былъ юродивъ; то-есть, ради Христа казался лишеннымъ ума.—И вотъ, сей-то лишенный ума видитъ первый то, что превыше всякаго ума!—Не будемъ выводить отсюда ничего въ предосужденіе ума человѣческаго, какъ способности, Богомъ; даннойи составляющей украшеніе нашей души: не будемъ извлекать изъ сего неблагопріятныхъ слѣдствій и для познаній человѣческихъ, кои также происходятъ отъ Бога, и освященныя благодатію, не только служатъ благоденствію земному, но вспомоществуютъ и на пути къ небу. Какъ однако же не замѣтить при семъ того, что столько разъ замѣчено и внушается съ такою силою въ словѣ Божіемъ, то есть, что мудрость человѣческая, за ея

почти всегдашнія заблужденія, признается у Бога *буйствомъ* (1 Кор. 1, 20) и потому осуждена на *погубленіе* (1 Кор. 1, 19)! Есть что-то въ мудрости земной, дѣлающее ее мало способною къ принятію озареній свыше: есть въ падшемъ умѣ человѣческомъ какая-то сторона темная, враждебная небу. Что это такое?—Что мудрость земную, которая сама по себѣ должна быть достохвальна, дѣлаетъ богопротивною? Отъ чего разумъ человѣческій, самъ по себѣ богоподобный, становится неподобнымъ? Гдѣ начало зла? Въ томъ, что Апостолъ называетъ *кичѣніемъ разума* (1 Кор. 8, 1) или надмѣніемъ. Наполнившись свѣтомъ познаній, умъ естественно начинаетъ сіять: но сіяніе сіе, по болѣзненности очей умственныхъ въ падшемъ человѣкѣ, большею частію ослѣпляетъ его; и онъ, вмѣсто того, чтобы зрѣть съ благодарностію и смиреніемъ *свѣтъ во свѣтѣ* Божіемъ, начинаетъ думать, что сіяніе, имъ издаваемое, есть его собственное. Отсюда опасное чувство самодовольства и забвеніе собственной бѣдности; затѣмъ посягательство на всевѣдѣніе и противоборство Божественнымъ откровеніямъ и тайнамъ; потомъ забвеніе Бога, презрѣніе Церкви и неуваженіе порядка общественнаго; затѣмъ ослабленіе совѣсти, рабство чувственности; а тамъ сомнѣніе въ предметахъ священныхъ, даже въ томъ, что составляетъ собственное достоинство природы человѣческой;—и люди, кои начали тѣмъ, что они все знаютъ, что они выше всего, оканчиваютъ нерѣдко тѣмъ, что сомнѣваются въ бытіи собственномъ, ставятъ себя наряду съ безсловесными! Такъ мудрость земная объюродѣваетъ и погубляетъ сама себя прежде еще, нежели погубляется отъ *Бога разумовъ* (1 Цар. 2, 3).

Удивительно ли послѣ этого, что *такая* мудрость осуждена на *погубленіе?* Хотя такой ходъ отъ познаній къ нечестію самъ по себѣ неестественъ,—ибо свѣтъ земной долженъ бы вести къ Свѣту небесному, уму человѣческому слѣдовало бы обращать человѣка къ уму Божію,—но, такъ какъ по развращенію людей, всегда почти бываетъ противное сему, то, чтобы не затрудняться, такъ сказать, безплоднымъ разборомъ того, что въ мудрости человѣческой стоитъ пощады и что не стоитъ оной, принято за правило у Бога, чтобы всякій, желающій спасенія, отказывался отъ мудрости земной и дѣлался ради Христа буіимъ. *Аще кто мнится*

мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ (1 Кор. 3, 18). Согласіе или несогласіе на отверженіе своей мудрости, будучи условіемъ спасенія, бываетъ вмѣстѣ и несомнѣннымъ признакомъ, истинную ли кто имѣлъ мудрость, или ложную. Имѣвшій истинную мудрость тотчасъ промѣняетъ ее на мудрость благодатную, всегда готовъ свой умъ плѣнить въ послушаніе ума Божія; а чья мудрость была въ недугѣ киченія, для того весьма тяжело оставить ее. Оставленіе же сіе бываетъ или явное или тайное. Явное мы видимъ въ юродивыхъ Христа ради: у нихъ совершенное отреченіе ума—подвигъ высокій и доступный немногимъ не только потому, что произвольно казаться лишеннымъ ума—крайне тяжело для нашего самолюбиваго сердца, но еще и потому, что въ такомъ подвигѣ человѣкъ непрестанно колеблется между двумя опасностями—измѣнить святому обѣту буйства Христа ради и нарушить долгъ любви къ ближнему— соблазномъ его, или неподаніемъ ему нужнаго совѣта, или чѣмъ-либо другимъ. Но можно быть буіимъ ради Христа, и не представляясь лишеннымъ ума, пользуясь даже всѣми богатствами мудрости человѣческой. Апостолъ Павелъ былъ *буй Христа ради* (1 Кор. 4, 10), но училъ въ ареопагѣ философовъ! Св. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ были свѣтилами своего вѣка, и однакоже не были чужды и буйства Христова. Все это бываетъ посредствомъ смиренія ради Христа; смиреніе миритъ мудрость земную съ буйствомъ Христовымъ. Кто водится смиреніемъ, тотъ на всѣ познанія свои смотритъ, во-первыхъ, какъ на незаслуженный даръ Божій, почему у него нѣтъ и причины къ киченію. А при томъ самая мудрость земная, идя у него правильно, скоро доводитъ его до границъ познанія человѣческаго, и, не будучи въ состояніи преступить за нихъ, но чувствуя нужду идти далѣе, сама передаетъ питомца своего вѣрѣ, т. е. уступаетъ мѣсто святому *буйству Божію* (1 Кор. 1, 25).

Предъ таковыми мудрыми въ очахъ міра и вмѣстѣ буіими въ очахъ Божіихъ, тайны міра духовнаго раскрывались, какъ свидѣтельствуютъ жизнеописанія ихъ, съ такою же удобностію, какъ и предъ тѣми, кои ради Христа казались міру совершенно лишенными ума.

Можно бы и еще коснуться нѣкоторыхъ обстоятельствъ

въ чудесномъ явленіи Пресвятыя Дѣвы, нынѣ нами воспоминаемомъ: напримѣръ, почему видѣніе не замѣчено и такимъ человѣкомъ, каковъ былъ патріархъ Тарасій? Почему св. Андрей, созерцая видѣніе, былъ исполненъ болѣе радости, а св. Епифаній—болѣе страха? Но должно предоставить что-либо и собственному размышленію каждаго изъ васъ. Цѣль поученій христіанскихъ должна состоять не въ томъ, чтобъ сообщить все возможное касательно разсматриваемаго предмета, а и возбудить собственное размышленіе въ слушателяхъ. Кто къ слышимому присоединяетъ собственное размышленіе, у того и изъ малаго выходитъ много; а кто только слушаетъ, а самъ нисколько не размышляетъ, для того и многое бываетъ безполезно.

Итакъ, вмѣсто заключенія слова, примите отъ меня прошеніе продлить его собственнымъ вашимъ размышленіемъ.

На каковое благое дѣло благословеніе Господне да будетъ со всѣми вами! Аминь.

Слово въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Для совершающихъ торжественно память чудеснаго явленія покрова Матери Божіей не можетъ быть ничего радостнѣе, какъ если бы кто возвѣстилъ имъ, что сей благодатный покровъ простертъ и надъ ними. Но кто можетъ быть такимъ вѣстникомъ?—Чье око способно видѣть святѣйшую Ходатаицу, *на воздусѣ за ны Христу молящуюся?*—Среди насъ нѣтъ явныхъ тайнозрителей, подобныхъ блаженному Андрею и Епифанію; а сокровенные довѣдомы единому Господу и блюдутъ духовныя созерцанія свои для вѣчности.

И однакоже мы, и именно мы, стоящіе теперь въ семъ храмѣ, не безъ свидѣтеля, и притомъ самаго вѣрнаго, о томъ, что покровъ Преблагословенныя Дѣвы простертъ и надъ нами. Кто сей свидѣтель?—Не человѣкъ какой-либо земной, и даже не Ангелъ, а Она сама—наша Покровительница! Съ дерзновеніемъ и увѣренностію говорю сіе отъ лица Ея: ибо что значитъ святая и чудотворная икона Ея, стоящая въ семъ храмѣ, какъ не постоянный, видимый залогъ Ея невидимаго покрова?—Мы знаемъ изъ исторіи чудо-

творныхъ иконъ. что въ случаѣ гнѣва небеснаго за грѣхи человѣческіе. иконы сіи вдругъ сокрывались и являли себя въ другомъ мѣстѣ. или вовсе исчезали. Посему, доколѣ наша Покровительница не оставляетъ здѣсь своего мѣста, не лишаетъ своего образа благодатной силы чудотвореній, доколѣ пріемлетъ наши молитвы и подаетъ намъ благовременную помощь: дотолѣ мы. несмотря на всю нечистоту нашу, можемъ быть твердо увѣрены, что находимся подъ Ея благодатнымъ покровомъ.

И можетъ ли Преблагословенная Дѣва не внимать мольбамъ тѣхъ. кои прибѣгаютъ къ Ней съ истинною вѣрою и любовію?—Опять дерзну сказать отъ имени Ея: не можетъ! И невозможность сія составляетъ Ея славу. Небесные покровители между прочимъ тѣмъ и отличаются отъ покровителей земныхъ. что земные могутъ покровительствовать, могутъ и не покровительствовать. хотя бы просящій былъ достоинъ покровительства: а небесные покровители не могутъ не покровительствовать достойнымъ: гдѣ искренняя мольба, тамъ ихъ и помощь; гдѣ вѣра и любовь къ нимъ, тамъ и они; это для нихъ—святая необходимость. Тѣмъ паче не можетъ не слышать чистыхъ молитвъ, не можетъ не оказывать благовременной помощи Матерь Божія, коей, какъ бы въ особенную награду за величайшее и безпримѣрное служеніе Ея спасенію человѣческому, предоставлено право быть первою Ходатаицею о всѣхъ нуждающихся, радостію и покровомъ всѣхъ скорбящихъ.

Что же должна производить въ насъ сія драгоцѣнная увѣренность въ покровительствѣ намъ Матери Божіей?—Безпечность въ дѣлѣ нашего спасенія?—Безстрашіе въ преступленіи закона Божія?—Отлаганіе со дня на день покаянія?—Нѣтъ. братіе. это значило бы злоупотреблять милосердіемъ небеснымъ и оскорблять въ лицо нашу святѣйшую Покровительницу. Чистѣйшая изъ Дѣвъ не можетъ покровительствовать грѣхамъ; Она покровительствуетъ токмо грѣшникамъ, и притомъ кающимся. Кто хочетъ постоянно быть подъ Ея благодатнымъ покровомъ, тотъ долженъ постоянно удаляться отъ всякаго грѣха; ибо всякій грѣхъ расторгаетъ союзъ съ Нею. Она молится о тебѣ горѣ, а ты молись о себѣ долу; Она покрываетъ тебя заслугами Сына своего, а ты облекайся въ нихъ вѣрою и любовію. Иначе,

если будемъ предаваться грѣху, выйдетъ то же, что было нѣкогда съ израильтянами. Моисей принималъ для нихъ отъ Бога законъ на горѣ Синайской, а они, соскучивъ его отсутствіемъ, слили подъ горою златаго тельца, и начали ему покланяться и безчинствовать. Увидѣвъ сіе, Господь тотчасъ прекратилъ бесѣду Свою съ Моисеемъ и сказалъ: *сиди отсюду, беззаконновала бо людіе твои, и нынѣ остави Мя, и возъярився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ* (Исх. 32. 7—10). Не скажетъ ли подобнаго и нашей святѣйшей Ходатаицѣ достопоклоняемый Сынъ Ея и Богъ, если мы, подобно израильтянамъ, начнемъ предаваться беззаконію? Ты молишься и ходатайствуешь о нихъ, и Я готовъ оказать все милосердіе тѣмъ, за коихъ претерпѣлъ смерть. Но вижди, что дѣлаютъ они! Когда ты молишься, они поклоняются тельцу златому, приносятъ жертвы идоламъ своихъ страстей и попираютъ Мои законы. Гдѣ тутъ мѣсто для милости? Они сами на себя воздвигаютъ гнѣвъ. Имъ нужна казнь пробуждающая и вразумляющая, а не милость утѣшающая. *Остави Мя и возъярився гнѣвомъ*, ими же самими возженнымъ, *потреблю ихъ*».

Страшный и вмѣстѣ поучительный примѣръ сего, братіе, представляетъ та же Грецiя, въ коей послѣдовало чудесное явленіе Покрова Матери Божіей, нынѣ нами воспоминаемое. Какихъ знаковъ особеннаго покровительства не являла Она надъ симъ народомъ? Сколько разъ подъ стѣнами Константинополя поражаемы были взбранною Воеводою и скиѳы и агаряне? Но когда Матерь Божія увидѣла, что покровительство Ея не дѣлаетъ лучше покровительствуемыхъ, что для нихъ нужна не милость, а наказаніе вразумляющее, то отняла покровъ свой; и трехвѣковаго рабства магометанамъ, соединеннаго со всѣми видами уничиженія, едва достаточно было Греціи для возвращенія покрова Матери Божіей, который теперь опять видимо начинаетъ простираться надъ народомъ греческимъ.

То же, братіе, можетъ быть и со всякою душею, въ надеждѣ на заступленіе Матери Божіей, нерадящею о своемъ спасеніи. Суды Божіи одинаковы и въ маломъ и въ великомъ:) *слава и честь и миръ всякому дѣлающему благое*, и раскаивающемуся въ зломъ, *скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое*, и пребывающаго во злѣ! (Рим. 2, 9. 10).

Зная сіе, будемъ несомнѣнно прибѣгать подъ кровъ Преблагословенныя Дѣвы; но не будемъ приносить подъ сей покровъ грѣховъ нашихъ, не омывъ ихъ слезами покаянія. Матерь Божія врачуетъ всѣ немощи, утоляетъ всякія скорби, покрываетъ самые грѣхи, коль скоро они соединены съ сокрушеніемъ о нихъ сердца;—но не покрываетъ и не можетъ покрыть ожесточенія во грѣхахъ! Аминь.

Слово въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Слабый по душѣ и тѣлу, подверженный опасностямъ, человѣкъ (каковъ каждый изъ насъ) необходимо имѣетъ нужду въ помощи и покровительствѣ; и чѣмъ могущественнѣе, мудрѣе, благосерднѣе покровитель, тѣмъ безопаснѣе и утѣшительнѣе для покровительствуемаго. Но земные покровители, какъ бы ни казались совершенными, часто бываютъ непостоянны въ благорасположеніи, недальновидны въ выборѣ благодѣяній, и не смотря на свое могущество, сами подвержены слабостямъ и недостаткамъ. Несравненно было бы лучше, если бы кто нашелъ себѣ покровителя на небѣ, помощника не по одному тѣлу, но и по душѣ,—предстателя не предъ людьми токмо, но и предъ Богомъ,—благодѣтеля совершеннаго, который самъ не имѣлъ бы ни въ чемъ нужды. Если бы при томъ такой благодѣтель принялъ подъ кровъ свой не одного какого-либо человѣка, и неизвѣстныхъ токмо людей, а всѣхъ, имѣющихъ нужду въ его помощи,—принялъ не на время, а навсегда, и если бы несомнѣнно было, что онъ имѣетъ великое дерзновеніе предъ Богомъ: то радость о снисканіи такого покровителя была бы радостію всего рода человѣческаго, воспоминаніе о союзѣ съ нимъ должно бы составить предметъ торжества самаго свѣтлаго.

Таково точно, братіе, торжество настоящаго дня, въ который видимо простерся нѣкогда, какъ повѣствуетъ св. исторія, надъ вѣрными Покровъ Преблагословенныя Дѣвы Маріи, невидимо досель простертый надъ всѣми нами.—Если бы даже намъ самимъ предоставлено было избирать себѣ покровителя на небѣ: то можно ли бы найдти могущественнѣе, святѣе, любвеобильнѣе Матери Божіей?—Кто далѣе Ея отъ всѣхъ несовершенствъ? Кто яснѣе видитъ наши нужды, усерднѣе

къ нашему благу?—Кто ближе къ престолу благодати, къ сердцу сына Ея и Бога?—Если Моисей, который при всемъ достоинствѣ своемъ былъ токмо вѣрный *слуга* (Евр. 3, 5) въ дому Божіемъ, могъ ходатайствомъ своимъ спасать отъ погибели цѣлый народъ еврейскій (Исх. 32, 11—14), то отъ какой опасности не можетъ спасти насъ, какого блага не сильно доставить намъ предстательство Матери Божіей, которая потому самому и содѣлалась одушевленнымъ жилищемъ Бога-Слова, что паче всѣхъ *обрѣла благодать* у Господа (Лук. 1, 30)?

Но, братіе, чѣмъ выше и святѣе лице, намъ покровительствующее, тѣмъ должно быть осмотрительнѣе покровительствуемымъ, дабы своимъ неблагоразуміемъ не отдалить отъ себя помощи, или не содѣлать ее безполезною. Мы оскорбили бы нашу святѣйшую Покровительницу, если бы подумали, что Она покровительствуетъ всѣмъ равно. Есть люди, коимъ Она не можетъ оказать никакой помощи. Съ другой стороны, всѣ мы по природѣ наклонны къ тому, чтобъ злоупотреблять благодѣяніями, намъ оказываемыми. И не бываетъ ли въ самомъ дѣлѣ злоупотребленія въ упованіи на покровъ Матери Божіей?—Къ сожалѣнію, весьма много и весьма часто. Посему собственное наше благо требуетъ вникнуть въ эти недостатки и узнать со всею точностію, *о чемъ, какъ и въ какомъ духѣ должно обращаться съ молитвами къ Матери Божіей?*

Упованіе не посрамитъ (Рим. 5, 5), по слову Апостола: но какое упованіе? *разумное;* ибо упованіе есть часть нашего богопочтенія, которое, по увѣщанію того же Апостола, должно быть *разумнымъ* (Рим. 12, 1). Но будетъ ли, братіе, упованіе на Матерь Божію разумнымъ, если бы кто обратился къ Ней съ такимъ прошеніемъ, съ коимъ нельзя предстать и предъ человѣка добродѣтельнаго, напримѣръ съ прошеніемъ о чемъ-либо несправедливомъ, или для цѣлей нечистыхъ?—Такое прошеніе, скажете, было бы не прошеніемъ, а оскорбленіемъ Честнѣйшей Херувимовъ;—къ Ней должно возсылать молитвы чистыя. Такъ, братіе, поистинѣ. Подивитесь же развращенію природы нашей, которая доходитъ до забвенія самыхъ первыхъ началъ здравой вѣры и здраваго смысла; ибо слухъ Матери Божіей поражается иногда и такими прошеніями, кои были бы тяжелы для чистаго слуха человѣче-

скаго. Не тяжело ли въ самомъ дѣлѣ слышать (а Она слышитъ!), какъ обиженный кѣмъ-либо, вмѣсто того, чтобъ просить себѣ, по заповѣди Спасителя, любви къ обидѣвшему, просить ему отмщенія и погибели! Не тяжело ли слышать (а Матерь Божія слышитъ!), какъ похитившій, или присвоившій неправедно чужую собственность, вмѣсто того, чтобы просить себѣ благаго расположенія *возвратить четверицею* (Лук. 19. 8) неправедно стяжанное, просить успѣха въ сокрытіи своей неправды отъ очей правосудія? Знаю, что для многихъ изъ насъ подобныя прошенія могутъ казаться даже невозможными: и благодареніе Промыслу, что они дѣйствительно рѣдки: но тѣмъ не менѣе они бываютъ на самомъ дѣлѣ: и учителю вѣры нельзя проходить молчаніемъ подобныхъ недостатковъ, какъ бы они ни осуждались сами своею грубостію. Для вразумленія таковыхъ просителей мы должны, хотя кратко, замѣтить, что на небѣ нѣтъ лицепріятія, что тамъ пріемлется одна правда или искреннее покаяніе, что воля Матери Божіей и Сына Ея есть одна и та же—*святость наша* (1 Сол. 4. 3), что Матерь и не можетъ просить того, чего не можетъ даровать Сынъ безъ нарушенія Своея правды, что потому просящіе неправеднаго сами себѣ изрекаютъ не токмо отказъ, но и осужденіе.

Замѣтимъ также, что подъ осужденіе сіе подходятъ и всѣ тѣ, кои у Матери Божіей просятъ хотя позволительнаго, но съ намѣреніемъ нечистымъ. Такъ напримѣръ, если кто проситъ богатства, имѣя сильное желаніе начать вести жизнь роскошную и сладострастную: если кто молитъ о возвращеніи здоровья, чтобы, получивъ просимое,—немедленно возвратиться къ худымъ навыкамъ и дѣламъ. Всѣ сіи и подобные просители да вѣдаютъ однажды и навсегда, что они не пріимутъ просимаго, ибо *злѣ просятъ* (Іаков. 4, 3). Всякое прошеніе о неправедномъ, или для цѣли беззаконной, есть оскорбленіе Матери Божіей и обращается на главу просящаго.

Обратимся къ другимъ прошеніямъ, кои кажутся невинными и чистыми, а въ самомъ дѣлѣ подлежатъ осужденію, и также недостойны небесной Покровительницы нашей.

Первый недостатокъ нашъ въ семъ отношеніи состоитъ въ желаніи помощи необыкновенной и чудесной, которая ниспедши на насъ, служила бы намъ какъ бы нѣкіимъ отличіемъ отъ прочихъ людей. Слѣдствіемъ сего бываетъ ослабле-

ніе въ собственной дѣятельности и преступная небрежность. По надеждѣ на сверхъестественныя благодѣянія оставляютъ пользоваться естественными средствами. Такъ, напримѣръ, больной отвергаетъ искусство врача, предпринимающій какое-либо трудное дѣло—совѣщаніе съ людьми мудрѣйшими и опытнѣйшими. Разумно ли, братіе, таковое поведеніе и можетъ ли быть пріятнымъ Матери Божіей?—Съ перваго взгляда подобное упованіе на Ея покровъ съ пренебреженіемъ всѣхъ прочихъ средствъ можетъ показаться возвышающимъ нашу вѣру и ея достоинство; а въ самомъ дѣлѣ таковая праздная надежда, такое бездѣятельное упованіе, такая неразумная вѣра есть преступное искушеніе Ея могущества, недостойное христіанина посягательство на силу Божію. Ибо Матерь Божія получила могущество не для того, чтобы расточать оное безъ нужды—по нашимъ прихотямъ, но для того, чтобы обращать оное непрестанно противъ законовъ природы, начертанныхъ премудростію Божіею, отъ частаго остановленія коихъ въ дѣйствіи неминуемо возмутился бы порядокъ міра нами видимаго. Какъ первая Таинница Промысла Божія о людяхъ, Она дѣйствуетъ такъ же, какъ и самъ Промыслъ,—употребляя къ нашему благу безконечное множество средствъ естественныхъ, и обращаясь къ непосредственному своему могуществу только въ тѣхъ случаяхъ, когда сіе необходимо. Посему одинъ тотъ имѣетъ право на Ея всемогущее ходатайство предъ Богомъ, кто прежде прошенія къ Ней употребилъ, и послѣ прошенія не престаетъ употреблять для достиженія своей цѣли все, что для него возможно,—разумѣя подъ возможнымъ одно позволительное и законное.

«Но въ такомъ случаѣ, скажутъ, для чего и молиться, и по чему узнать помощь Богоматери?» Для того, что всѣ наши средства единственно таковы, что оставляютъ послѣ себя еще очень много мѣста для помощи высшей, ибо каждое изъ естественныхъ средствъ, какъ доказываетъ опытъ, можетъ остаться безъ дѣйствія. Узнаешь же высшую помощь уже потому что ты молился о ней, если молился отъ сердца. То же сердце скажетъ тебѣ, чей и откуда даръ, тобою полученный. Впрочемъ, много ли тутъ нужно розысковъ, и на что они?—Не всякое ли даяніе благо сходитъ отъ Отца свѣтовъ?—Не Онъ ли мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и паки возводитъ? Не о Немъ ли *живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28)?

Не *изъ Него* ли и *въ Немъ всяческая* (Рим. 11, 36)?—Къ чему же сомнѣнія! Не розыскивать должно, получивъ благодѣянія, а молиться и благодарить.

Второй и самый общій недостатокъ нашихъ прошеній къ Матери Божіей состоитъ въ томъ, что они всѣ почти и всегда ограничиваются одними благами чувственными. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, еслибы какимъ-либо чудомъ открылась предъ нами совокупность прошеній, возсылаемыхъ къ Ней въ одномъ семъ храмѣ, что, думаете, увидѣли бы мы? Увидѣли бы, конечно, немалое число такихъ прошеній, о коихъ мы говорили въ началѣ, и отъ коихъ невольно отвратили бы очи. Вмѣстѣ съ симъ, увидѣли бы безчисленный рядъ прошеній о благахъ временныхъ, объ избавленіи отъ различныхъ болѣзней, отъ враговъ, отъ клеветъ и гоненій, объ успѣхѣ въ торговлѣ, въ путешествіяхъ, въ бракосочетаніи и тому подобное. Но много ли, думаете, явилось бы предъ нами прошеній о благахъ духовныхъ, объ исцѣленіи отъ различныхъ болѣзней души и совѣсти, о побѣжденіи худыхъ привычекъ и страстей, о стяжаніи той или другой добродѣтели, о совершеніи трудныхъ подвиговъ любви къ Богу и ближнему? Ахъ, и безъ особеннаго откровенія тайнъ сердечныхъ, можно безошибочно сказать, что прошеній о духовныхъ благахъ къ Матери Божіей весьма немного. Отчего же такъ, возлюбленные? Развѣ у насъ одно тѣло, а души и совѣсти нѣтъ? Развѣ душа и совѣсть наша не имѣютъ своего рода болѣзней и нуждъ? Развѣ Матерь Божія можетъ подавать одно временное и тлѣнное? Или мы любимъ одно тѣло наше, а душу ставимъ ни во что? или не вѣримъ въ другую жизнь, въ судъ и воздаяніе по смерти?—Но сего никто не скажетъ изъ самыхъ развращенныхъ людей. Не скажемъ словами, а дѣлами говоримъ непрестанно едва не всѣ мы. У всѣхъ только и заботы, что о земномъ и тлѣнномъ, о пищѣ, одеждѣ, забавахъ, а о томъ, въ какомъ состояніи наша душа, цѣла ли совѣсть, вѣрны ли мы Христу, съ Коимъ сочетались при крещеніи, не уклонились ли отъ пути праваго,—о томъ, какъ намъ оставить эту суетную жизнь и явиться предъ нашимъ Создателемъ, измыты ли наши грѣхи покаяніемъ, есть ли въ насъ хотя малый ростокъ для вѣчной жизни въ Богѣ, о семъ—чрезвычайно важномъ дѣлѣ, мы, если и помышляемъ, то весьма рѣдко, поверхностно, какъ о дѣлѣ чужомъ и не-

важномъ. И въ такомъ несчастномъ расположеніи духа мы являемся въ самые храмы Божіи! Съ такимъ небреженіемъ о своемъ спасеніи не стыдимся предстать предъ нашего Искупителя и Его пречистую Матерь!—Можетъ ли Она внимать такимъ неразумнымъ просителямъ?—Даровать блага, нами просимыя, значило бы съ Ея стороны дать намъ случай еще болѣе прилѣпиться къ земному и чувственному, еще глубже погрузиться въ удовольствія плотскія, потерять послѣднюю память о душѣ, совѣсти и будущей жизни.—Но небесные покровители не похожи на земныхъ, кои нерѣдко по пристрастію болѣе вредятъ покровительствуемымъ, изливая на нихъ благодѣянія безъ мѣры и разсужденія: съ неба никакъ не подадутъ земныхъ благъ, коль скоро видятъ (а взоръ небожителей гораздо чище нашего), что сіи блага обратятся во вредъ просителямъ. Посему нисколько не удивительно, если Пресвятая Дѣва, по истинной любви Ея къ намъ, не слышитъ многихъ прошеній нашихъ; если даже подаетъ намъ совершенно противное тому, о чемъ мы молимся къ Ней. Мы напримѣръ просимъ богатства, которое сдѣлало бы насъ сладострастными, и такимъ образомъ удалило бы навсегда отъ Бога, а Она можетъ подать намъ нищету, способную образумить насъ и сдѣлать истинными христіанами; мы просили чести, съ коею неминуемо впали бы въ гордость богопротивную, а Она можетъ послать на насъ уничиженіе, которое удержитъ насъ въ предѣлахъ смиренія, и спасетъ отъ многихъ золъ; мы искали благосклонности какого-либо лица, думая найти въ томъ свое счастіе, а Она отвратитъ его отъ насъ, провидя, что это же нужно для нашего благоденствія. Все это, говорю, можетъ сдѣлать Матерь Божія, вопреки нашимъ молитвамъ, и должна дѣлать, любя насъ истинно, и безъ сомнѣнія дѣлаетъ. Тотъ изъ насъ былъ бы совершенно безразсуденъ, кто пожелалъ бы, чтобъ Матерь Божія не поступала такимъ образомъ, а всегда удовлетворяла нашимъ просьбамъ. Это значило бы желать, чтобы Она содѣйствовала нашей пагубѣ.

Отсюда само собою выходитъ новое, необходимое правило для нашихъ молитвъ къ Пресвятой Дѣвѣ, которое однако же весьма часто забывается: я разумѣю нужду, заключать всѣ прошенія къ Ней преданіемъ ихъ и себя въ Ея святую волю. Этого требуетъ собственная наша польза: ибо, по кратко-

зрительности нашего ума, по нечистотѣ нашего сердца, мы можемъ молить Господа и святыхъ Его о томъ, что намъ кажется полезнымъ, а само въ себѣ есть вредъ, или и само въ себѣ полезно, но для насъ пагубно. Съ неба же виднѣе всѣ мы, и все наше прошедшее, настоящее и будущее; посему небожителямъ удобнѣе располагать нашею участію. Нашъ же долгъ, памятуя сіе, не стужать имъ прошеніями безусловными, не унывать, если не видимъ исполненія просимаго, не печалиться, если надъ нами сбывается и противное тому. Это мнимое невниманіе ихъ къ нашимъ молитвамъ можетъ быть истиннымъ плодомъ нашихъ молитвъ. Въ такомъ случаѣ лучше всего безъ роптанія обратиться къ своей совѣсти, разсмотрѣть свою жизнь, вникнуть въ свои способности, въ свой нравъ, свои отношенія, вспомнить, что мы созданы не для земли, а для неба, что не нынѣ,—завтра позовутъ въ отечество: тогда самъ можешь увидѣть, почему Матерь Божія не исполнила какого-либо твоего прошенія. А если бы и при всемъ томъ не увидѣлъ причины сего, то и тогда не должно унывать и роптать, памятуя, что мы здѣсь многаго не понимаемъ въ судьбѣ своей. Придетъ время, когда все откроется. Тогда будемъ благодарить святыхъ Божіихъ, что не слушали многихъ нашихъ молитвъ, поступали вопреки нашимъ желаніямъ.

Сократимъ для памяти все сказанное въ немногихъ словахъ. О чемъ и какъ должно просить Матерь Божію?—Должно просить у Нея единственно того, что само въ себѣ чисто и праведно. И позволительнаго надобно просить съ намѣреніемъ употребить его законнымъ образомъ. Не должно искать чудесъ, и въ надеждѣ на нихъ, пренебрегать естественными средствами и предаваться бездѣйствію. Должно просить благъ болѣе духовныхъ и вѣчныхъ, нежели временныхъ и тѣлесныхъ. И благъ чувственныхъ надобно просить не для удовлетворенія плоти, а для усовершенія себя чрезъ нихъ въ добродѣтели. Наконецъ, должно заключать всѣ прошенія преданіемъ себя въ волю Богоматери и не огорчаться мнимымъ неисполненіемъ прошеній, а почитать это побужденіемъ для себя къ покаянію.

Кто такимъ образомъ будетъ возлагать упованіе на покровъ Пресвятыя Дѣвы, того упованіе будетъ *разумнымъ* (Рим. 12, 1), и тотъ не постыдится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.

Мати Божія! не только покрый, но и вразуми насъ покровомъ своимъ: ибо мы сами *и о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* (Рим. 8, 26)! Аминь.

Слово на день Казанскія иконы Пресвятыя Богородицы.

За три седмицы предъ симъ мы совершали празднество въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы: событіе весьма радостное само по себѣ, но намъ—россіянамъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ бы чуждое, ибо оно послѣдовало въ Греціи, за цѣлое тысящелѣтіе до нашего времени. Празднуя въ честь Покрова взбранной Воеводы надъ Византіею, весьма естественно было подумать: а къ намъ Пресвятая Дѣва такъ же ли милостива, какъ къ единовѣрнымъ византійцамъ? Можно ли въ исторіи отечества нашего указать какой-либо случай, подобный покрову Пресвятыя Богородицы надъ Цареградомъ?—Настоящій день, братіе, служитъ отвѣтомъ на это, и отвѣтомъ самымъ радостнымъ. Ибо мы празднуемъ нынѣ по такому случаю, который самымъ явственнымъ образомъ показываетъ, что покровъ Матери Божіей простертъ и надъ нашимъ отечествомъ. Во славу Пресвятыя Дѣвы и для умноженія духовной радости о семъ, позвольте, братіе, изложить предъ вами событіе сіе, хотя въ главныхъ его чертахъ.

За два столѣтія предъ симъ, отечество наше было постигнуто однимъ изъ величайшихъ несчастій: на престолѣ россійскомъ пресѣкся родъ царей Рюрикова дома. Что легче, повидимому, какъ изъ многихъ милліоновъ избрать одного на царство?—Но опытъ показалъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ избрать царя изъ подданныхъ. Престолъ не долго остался праздным; но кто ни восходилъ, не могъ сидѣть на немъ. Тщетно Годуновъ напрягалъ всѣ силы ума и искусства, истощалъ всѣ средства любви и страха: ничто не могло замѣнить недостатка права наслѣдственнаго. Запятнанный подозрѣніемъ въ истребленіи послѣдней отрасли царскаго дома, онъ вскорѣ палъ, можно сказать, предъ однимъ именемъ святаго отрока, имъ закланнаго, которое противопоставилъ ему самозванецъ. Что сіе чудовище не могло замѣнить кого-либо на престолѣ—нечего и говорить. Иное дѣло

было съ низложителемъ его Шуйскимъ. Все, казалось, призывало его на престолъ: и знаменитость рода, и многочисленность связей, и давніе подвиги, и недавній опытъ мужества и любви къ отечеству; но не призванный небомъ, столько же разъ измѣнявшій истинѣ, какъ и свидѣтельствовавшій за истину,—и онъ взошелъ на престолъ только для того, чтобы съ высоты его сойти въ плѣнъ и могилу. Наконецъ, настаютъ времена полнаго междуцарствія, тѣ времена, коихъ образецъ—въ адѣ: ибо тамъ вѣчное междуцарство. Но для нашихъ сосѣдей-недруговъ это былъ самый благопріятный случай къ торжеству надъ нами. Область за областью отторгается отъ Россіи на югѣ и сѣверѣ: Польша хочетъ намъ дать своего, Швеція своего—царя. Мы сами, изнуренные безначаліемъ и междоусобіемъ, начинаемъ думать, что и для прекращенія домашней крамолы и соперничества, и для отклоненія внѣшнихъ браней, нѣтъ другаго лучшаго средства, какъ возвесть на престолъ Россіи одного изъ потомковъ Ягеллоновыхъ. Уже въ московскихъ храмахъ возглашается имя Владислава... уже полъ-Россіи за нимъ...

«Но иноземной ли, насильственно поставленной главѣ быть въ мирѣ съ русскимъ сердцемъ?... Разновѣрцу ли возсѣсть на престолѣ св. Владиміра, украшаться бармами Мономаха? Такъ мыслили тѣ, въ коихъ еще не подавленъ былъ духъ русскій смутами отечественными и кознями иноземными. «Станемъ за святую Русь, за домъ Пресвятыя Богородицы, за чудотворцевъ Алексія, Фотія и Филиппа; продадимъ женъ и дѣтей, но освободимъ отечество»! воскликнулъ истинный сынъ отечества на берегахъ Волги;—и гласъ его, какъ гласъ Архангела воскресителя, пробуждаетъ умы и сердца помертвѣвшія. Инокъ Палицынъ, гражданинъ Мининъ, бояринъ Пожарскій,—какъ бы самымъ небомъ избранные представители всѣхъ сословій,—возстаютъ на брань противу враговъ, собираютъ ополченіе, и грядутъ освободить изъ рукъ враговъ сердце отечества—Москву. Рать священная, коей подобной не было ни прежде, ни послѣ; но какъ многаго недостаетъ ей! Она должна взять твердыни, защищаемыя врагомъ и многочисленнымъ и упорнымъ, который твердо знаетъ, что съ побѣдою надъ нею, за нимъ останется все царство Русское, съ потерею сраже-

нія должно кончиться его владычество надъ нимъ самымъ плачевнымъ образомъ; а между тѣмъ у сей рати недостаетъ средствъ къ своему содержанію. недостаетъ самаго оружія. и. что всего важнѣе. недостаетъ единодушія и въ воинахъ и вождяхъ. Вотъ истощены уже послѣднія средства къ содержанію. кои доставляла св. обитель Сергіевская; вотъ значительная часть рати. волнуемая кознями самолюбцевъ. уже оставила станъ отечественный. и готова стать за враговъ. Духъ мужества. воспламенявшій воиновъ православныхъ. упадаетъ. Самое время помогаетъ врагамъ; наступаютъ осеннія непогоды. столь благопріятныя для осажденныхъ, и столь пагубныя для осаждающихъ. Еще одинъ неудачный приступъ, одинъ междоусобный споръ.—и первая вьюга зимняя развѣетъ послѣдніе остатки рати священной. «Прости свобода отечества! прости Кремль священный!» такъ. вѣроятно. мыслилъ и говорилъ не одинъ сынъ отечества:—«мы сдѣлали все для освобожденія васъ; но вѣрно, Богу не угодно принять жертвы нашей и благословить оружіе наше побѣдою.»

Между тѣмъ, сія чистая жертва давно уже была принята въ воню благоуханія. И какъ ей было не быть принятой, когда она. какъ увидимъ послѣ. вознесена была къ престолу благодати самою преблагодатною Дѣвою?—Провидѣніе медлило благословить побѣдою оружіе православнаго воинства, чтобы успѣхи брани не были приписаны собственному мужеству. Посему. когда всѣ надежды земныя пали. когда оставался одинъ шагъ до отчаянія—помощь небесная обнаружилась во всей непререкаемой очевидности. Какимъ образомъ? — Внемлите и возблагоговѣйте предъ небесною Заступницею!

Среди осажденной столицы. между врагами, въ тяжкомъ плѣну и еще тягчайшемъ недугѣ, томился одинъ изъ маститыхъ первосвятителей. который. прибывъ съ Востока. нашелъ въ Москвѣ себѣ второе отечество. Близкій къ небу по своему сану. онъ еще ближе былъ къ нему по своимъ добродѣтелямъ; посему и удостоился быть посредникомъ между небомъ и землею. Среди полночной тишины. вдругъ келія его наполняется свѣтомъ необыкновеннымъ, и онъ зритъ предъ собою св. Сергія Радонежскаго. «Арсеній,» рекъ Преподобный болящему. «ваши и наши молитвы услы-

шаны: предстательствомъ Богоматери судъ Божій объ отечествѣ преложенъ на милость; заутра Москва будетъ въ рукахъ осаждающихъ, и Россія спасена.» Какъ бы въ подтвержденіе пророчества, болящему старцу вдругъ возвращается здравіе и крѣпость силъ. Радостная вѣсть о семъ, переходя изъ устъ въ уста, немедленно проникаетъ за стѣны града — къ воинству православному, и воспламеняетъ его непреодолимымъ мужествомъ. Дерзая о имени избранной Воеводы, христолюбивое воинство не видитъ болѣе предъ собою никакихъ непреодолимыхъ преградъ; враги, не смотря на свое ожесточеніе, не могутъ болѣе стоять на твердыняхъ.—Кремль въ рукахъ россіянъ. Благоговѣя предъ небесною помощію, благодарное воинство, въ слѣдующій день воскресный совершаетъ торжественное молебное шествіе въ возвращенную столицу: на встрѣчу ему исходитъ тотъ самый святитель, который удостоился пріять вѣсть о помощи свыше. Изнесенная имъ чудотворная икона Богоматери казалась для всѣхъ зрящихъ на нее не мертвою иконою, а живымъ изображеніемъ—взбранной Воеводы, о имени которой одержана побѣда. Падая на землю и проливая слезы, всякій стремился освятить себя прикосновеніемъ къ чудотворному лику. И чтобы память о столь чудесномъ явленіи Покрова Пресвятыя Дѣвы надъ отечествомъ не ослабѣла отъ времени, положено единодушно творить ежегодно торжественное воспоминаніе его въ настоящій день.

Судите сами послѣ сего, какъ важенъ день сей для отечества! Это день чуднаго освобожденія Россіи отъ рабства иноземнаго и крамолъ внутреннихъ, день пакибытія земли Русской. Если бы престольный градъ остался въ рукахъ враговъ: то, по всей вѣроятности, осталась бы въ рукахъ ихъ и вся Россія; но Москва осталась бы въ плѣну, если бы не приспѣло на помощь заступленіе Пресвятыя Дѣвы: ибо земныя средства были истощены всѣ. Посему день настоящій есть истинный день Покрова пресвятыя Богородицы надъ нашимъ отечествомъ. Послѣ сего нельзя не спросить: что обратило на предковъ нашихъ матерній взоръ небесной Покровительницы и приблизило къ нимъ Ея дивную помощь?—Обратили, конечно, болѣе всего молитвы угодниковъ Божіихъ, каковы: св. Сергій, Алексій, Петръ, Фотій, Кипріанъ и прочіе чудотворцы россійскіе,

кои во время бѣдствій ихъ земнаго отечества не преставали молить о его спасеніи Господа и подвигли на ходатайство о немъ самую Матерь Его. Но израильскій народъ имѣлъ нѣкогда не менѣе за себя ходатаевъ предъ Богомъ въ лицѣ своихъ почившихъ праотцевъ и пророковъ, однако же былъ преданъ въ руки враговъ. и, наконецъ, совсѣмъ отвергнутъ. И Господь Самъ предварительно объявилъ чрезъ пророка: *аще станутъ Моисей и Самуилъ предъ лицемъ Моимъ, нѣсть душа Моя къ людямъ симъ* (Іер. 15. 1). Значитъ. и молитвы святыхъ за земножителей не всегда бываютъ услышаны. Почему же услышаны были молитвы святыхъ за Россію? Потому. что когда святые молились за Израиля, самъ Израиль не молился Богу отцевъ. а покланялся богамъ инымъ; а наши предки не знали боговъ иныхъ, а какъ въ счастіи, Такъ и въ несчастіи, обращались за помощію къ единому и Тому же Богу отцевъ своихъ, къ Его пречистой Матери и святымъ угодникамъ. Но къ Богоматери, замѣтимъ еще. обращались и враги наши тогдашніе, владѣвшіе Москвою, и желавшіе завладѣть Россіею. ибо и они были и суть христіане: почему Она вняла молитвамъ не ихъ. а россіянъ. и оказала отечеству нашему такую дивную помощь?—Потому во-первыхъ. что вѣроисповѣданіе тогдашнихъ враговъ нашихъ хотя и христіанское, не совершенно чистое. страдающее отъ смѣшенія догматовъ небесныхъ съ преданіями человѣческими; потому во-вторыхъ, что враги наши дѣлами ниспровергали то. во что вѣровали устами, ибо не щадили не только мирныхъ хижинъ, но и самыхъ храмовъ Божіихъ, дерзновенно ругаясь святынѣ: потому, наконецъ, что незаконно силились овладѣть Россіею, и идя противъ нашего царя. не оказывали должнаго повиновенія и своему монарху. чѣмъ впослѣдствіи унизили и погубили свое отечество. Не безъ слабости и недостатковъ были, конечно. предки наши. за что и подвергались великимъ бѣдствіямъ и дошли-было до послѣдней крайности; но и среди самыхъ жестокихъ бѣдствій. въ самой крайности обстоятельствъ, они умѣли сохранить вѣру въ Царя небеснаго и вѣрность царямъ земнымъ: свидѣтель сего ихъ безпримѣрное усердіе, съ коимъ они все охотно отдавали за домъ Пресвятыя Дѣвы, за престольный градъ и отечество. И вотъ Матерь Божія. видя ихъ покаяніе, смиреніе. усердіе къ святынѣ и самоотверженіе, прекло-

нилась къ милосердію. а, преклонившись сама, преклонила и Сына своего на помощь намъ. Се тайна Ея спасительнаго Покрова надъ Россіею!

Чему поучаетъ насъ сія тайна?—Тому, во-первыхъ, чтобы никогда не терять вѣры ко спасенію отечества. какимъ бы искушеніямъ и бѣдствіямъ судьбамъ Всевышняго ни угодно было подвергнуть его. Премудрость Божія любитъ народы ей угодные, равно какъ и людей. ей любезныхъ. искушать бѣдствіями. дабы тѣмъ болѣе очистить, укрѣпить и возвысить ихъ. Народъ россійскій. какъ показываетъ исторія его, есть одинъ изъ таковыхъ народовъ. Сколько разъ приближался онъ. повидимому, къ концу своего существованія, и всегда воскресалъ со славою! И всегда при семъ воскресеніи, являлись съ своимъ заступленіемъ. какъ Ангелы Божіи, святые чудотворцы россійскіе; являлась—сама Матерь Божія. Послѣ сего можно ли терять когда-либо надежду. на спасеніе отечества?

Поучаетъ. во-вторыхъ. настоящій день всѣхъ насъ силѣ усердныхъ молитвъ предъ Богомъ, а особенно молитвъ святыхъ за насъ. Не напрасно св. Сергій сказалъ Арсенію: «ваши и наши молитвы услышаны». Это значитъ, что безъ молитвъ земныхъ не были бы услышаны и молитвы небесныя; равно какъ безъ небесныхъ не были бы, конечно, приняты молитвы земныя. Посему во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ отечества нашего, или нашихъ собственныхъ, молитва должна быть первымъ и послѣднимъ средствомъ ко спасенію: молясь сами. мы должны воздвизать на молитву угодниковъ Божіихъ. памятуя. *что много можетъ молитва праведнаго* (Іак. 5. 16). Тѣмъ паче должны мы прибѣгать подъ кровъ преблагословенныя Дѣвы. которая всегда была и пребудетъ утѣшительницею всѣхъ, притекающихъ съ вѣрою къ Ея заступленію и творящихъ по сей вѣрѣ.

Я говорю: творящихъ по вѣрѣ. Ибо еще повторю: къ Матери Божіей возносили молитвы и тогдашніе враги наши, но не пріемля отъ Нея помощи. потому, что не поступали сообразно своей вѣрѣ, а предавались всякой нечистотѣ и оскорбляли святыню. Посему. кто желаетъ удостоиться благодатнаго покрова Ея, долженъ вознести къ Ней, вмѣстѣ съ молитвою, если не добрыя дѣла свои. то по крайней мѣрѣ живую вѣру, смиреніе и покаяніе. Это послѣдній урокъ для всѣхъ насъ отъ настоящаго празднества нашего! Аминь.

Слово на день Казанскія иконы Пресвятыя Богородицы *).

Гдѣ мы стоимъ теперь и молимся, на этомъ самомъ мѣстѣ, за нѣсколько вѣковъ предъ симъ, было море; и воздымались волны и плавали морскія животныя и корабли; свирѣпствовали бури и происходили кораблекрушенія.—Кто могъ стать противъ моря?—Но, откуда взялся песокъ и началъ спорить съ моремъ? Зерно за зерномъ, песчинка за песчинкою, и среди морскихъ хлябій образовалась суша, которая, вначалѣ едва видимая, долго служила пристанищемъ однѣмъ птицамъ небеснымъ и рыбамъ морскимъ; но потомъ—раскинулись по ней мрежи рыбарей,—потомъ завиднѣлись на ней ихъ хижины, къ коимъ, хотя не вдругъ, пролегъ и путь, приведшій за собою современемъ куплю и продажу. А когда умножилось на новомъ мѣстѣ населеніе; когда, послѣ удовлетворенія вещественнымъ потребностямъ, далъ себя почувствовать и духовный гладъ—не хлѣба и воды, а слова Божія и общественной молитвы; тогда, какъ вѣнецъ въ зданіи общежительства человѣческаго, возникъ на семъ мѣстѣ и этотъ храмъ, въ коемъ, по случаю годоваго празднества его, стоимъ мы теперь и молимся. Такъ измѣнилось здѣсь лице земли! Непроходимая бездна морская уступила мѣсто слабому песку, какъ бы въ новое подтвержденіе древняго слова писанія о всемогуществѣ Божіемъ: *оградилъ еси море пескомъ* (Іер. 6, 12); то есть, не желѣзомъ и мѣдью, не мраморомъ или гранитомъ, а пескомъ—веществомъ самымъ зыбкимъ и возметаемымъ отъ всякаго вѣтра, да видимо будетъ всегда и для всѣхъ могущество Того, Кто, по слову того же писанія, единъ истинно владычествуетъ сушею и моремъ.

Подобно лицу земли, измѣняется, братія мои, и лице рода человѣческаго; но, увы, какъ жалкимъ и ужаснымъ иногда образомъ! Давно ли все пространство морскихъ береговъ нашихъ покрыто было мирными дѣлателями, трудившимися надъ воздѣлываніемъ полей своихъ или спѣшившими во градъ нашъ съ плодами трудовъ своихъ? Давно-ли всѣ пристани наши покрыты были стаями кораблей, кои, порѣваемые недостатками земли отечественной, изъ всѣхъ странъ свѣта летѣли къ намъ на крылахъ вѣтра за произведеніями благо-

*) Произнесенное въ одесской Казанской, что на Пересыпи, церкви въ день храмоваго праздника, 22-го октября 1854 года.

словенной страны нашей, не разъ спасавшей ихъ отъ глада и смерти? И вотъ, все это измѣнилось самымъ неожиданнымъ образомъ,—измѣнилось не вѣками и столѣтіями, какъ море съ его здѣшними брегами, а въ нѣсколько мѣсяцевъ и недѣль! Теперь, какъ сами видите, все поморіе наше, вмѣсто мирныхъ оратаевъ, покрылось воинами и бранными колесницами: воды наши или представляютъ изъ себя пустыню, или приносятъ на хребтѣ своемъ враждебныя намъ громады огнедышащія.

Какимъ образомъ произошло все это?—Отъ зависти и злобы, подобно какъ нѣкогда въ Эдемѣ... Неразумный—по изувѣрію своему, мусульманскій сосѣдъ нашъ, вопреки древнихъ условій и недавнихъ обѣтовъ, отяготилъ безчеловѣчно иго свое надъ собратіями нашими по вѣрѣ; мы по необходимости должны были стать за ихъ права и за правду самого дѣла, за кровь и слезы злополучныхъ жертвъ изувѣрія; потребовали дружески отъ сего, не разъ спасеннаго нами же отъ крайней погибели, сосѣда, чтобы подобнымъ, зловреднымъ для него самого, насиліямъ положенъ былъ конецъ навсегда, и чтобы св. вѣра наша не составляла собою впредь причины къ уничиженію и лишеніямъ для исповѣдующихъ оную на Востокѣ, подобно какъ и у насъ поклонники Магомета ни въ чемъ не терпятъ угнетенія и лишеній за свою вѣру, при всемъ ея недостоинствѣ въ сравненіи съ христіанствомъ. Что могло быть проще и естественнѣе таковыхъ требованій? И они, при всемъ своенравіи и упорствѣ мусульманскомъ, были бы удовлетворены, какъ тому подобное бывало не разъ и прежде: и удовлетворенныя, не только бы не повредили собою державѣ Оттоманской, но еще спасли бы ее надолго отъ послѣдняго упадка и разрушенія. Но можно ли было при такомъ удобномъ случаѣ, не поднять главы исконной враждѣ и наслѣдственной зависти къ могуществу Россіи державъ западныхъ?—И вотъ, эта злоба и зависть пробудились, сначала тайно, а потомъ и явно, со всею силою и ожесточеніемъ, въ лицѣ легкомысленныхъ галловъ и своекорыстныхъ британцевъ... Тогда, все еще мирный дотолѣ, споръ нашъ съ поклонниками луны, не могъ уже не принять огромнаго размѣра вражды, не сосѣдственной токмо, а едва не всеобщей. Запылала брань, безпримѣрная въ лѣтописяхъ міра по ея чудовищности; ибо христіанскій Западъ

сталъ въ ней противу христіанскаго Сѣвера и Востока, сталъ не за что другое, какъ за господство алкорана Магометова надъ православнымъ христіанствомъ.

Но и война можетъ быть ведена не одинакимъ образомъ. Отъ народовъ образованныхъ, каковыми величаютъ себя западные противники наши, ожидалось и войны не варварской, а образованной, въ коей не проливалось бы крови, не производилось бы разрушеній безъ цѣли и пользы, гдѣ среди самой грозы и вихря браннаго не нарушалось бы уваженія къ тому, предъ чѣмъ должны равно преклоняться и друзья и враги. Это самое и обѣщали въ слухъ всего свѣта недруги наши; но увы, какъ постыдно измѣнили они своему слову!

Наступаютъ послѣдніе дни страстной седмицы, дни всемірнаго искупленія — смертію Богочеловѣка; приближается великій праздникъ Пасхи, когда, по выраженію Церкви, сходятся въ торжествѣ и радости небо, земля и самая преисподняя: и вотъ въ эти самые дни на водахъ нашихъ являются соединенные флоты двухъ враждебныхъ намъ державъ христіанскихъ. Можно было подумать, что они, не смотря на вражду, преклонясь предъ общимъ съ нами знаменіемъ спасенія, пришли раздѣлить съ нами по-братски радость наступающаго праздника празднествъ... Нѣтъ, они, подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, заводятъ съ нами прю; и потомъ открываютъ противу насъ цѣлый адъ огня и жупела въ тотъ самый день и тѣ самые часы, когда Церковь у гроба Господня торжественно возглашала: *днесь адъ стеня вопіетъ: разрушися моя держава!* (Стих. на веч. въ Вел. Субб.). И это все еще не могло удовлетворить ихъ злобы; ослѣпленные нечестіемъ, они продолжаютъ адское дѣло разрушенія противу града нашего въ самый день воскресенія Господня, какъ будто въ показаніе того, что для нихъ, увлеченныхъ своекорыстіемъ и ненавистью къ намъ подъ знамя Магометово, не осталось болѣе на землѣ ничего священнаго...

Вѣчное благодареніе Господу силъ, покрывшему насъ и градъ нашъ благодатію Своею отъ разженныхъ стрѣлъ враговъ нашихъ, и обратившему въ ничто всю ихъ ярость и усилія!—Но, братіе мои, какъ не оглянуться при семъ снова съ глубокою жалостію на самыхъ противниковъ нашихъ?

Двумъ великимъ державамъ христіанскимъ стать открыто подъ богопротивное и всегда пагубное для христіанства знамя Магометово, стать не для чего другаго, а прямо для утвержденія въ силѣ владычества душетлѣннаго алкорана надъ православнымъ Востокомъ, для скрѣпленія оковъ мусульманскихъ, кои истлѣли уже отъ самаго времени, на выѣ и рукахъ многихъ милліоновъ христіанъ восточныхъ... Кто могъ ожидать такого безумія и нечестія отъ державъ христіанскихъ, хвалящихся просвѣщеніемъ и любовію къ человѣчеству?.. Ибо, скажите, что же остается еще послѣ сего къ униженію и поруганію имени Христова отъ самыхъ христіанъ?—Если при какихъ, то при подобныхъ событіяхъ, можно вмѣстѣ съ царепророкомъ воскликнуть: *время дѣйствовать Господу,*—Самому *Господу — ибо разорили законъ Его!* (Псал. 118, 126).

И будьте увѣрены, братіе мои, что Господь и теперь, какъ и всегда, *поруганъ* (Гал. 6, 7) безнаказанно не будетъ. Яко всемогущій, Онъ попуститъ обнаружиться всей слѣпотѣ обуяннаго невѣріемъ и своекорыстіемъ Запада; не воспрепятствуетъ измѣнникамъ вѣрѣ отцевъ своихъ и клевретамъ магометанства проявить все нечестіе сердца ихъ; но, когда наступитъ часъ суда и воздаянія, Онъ же, всемогущій, грозно и страшно покажетъ предъ лицемъ всего свѣта, что есть Богъ, судяй всей земли, есть разность между служеніемъ Іеговѣ и Ваалу, между любовію ко Христу и усердіемъ къ Магомету...

Вотъ, къ какимъ мыслямъ и чувствамъ пришли мы здѣсь, братіе мои, въ день настоящаго праздника вашего! пришли не произвольно, а руководимые, можно сказать, самымъ храмомъ вашимъ, въ коемъ стоимъ мы теперь и молимся. Мѣстоположеніемъ своимъ онъ возбудилъ въ насъ мысли о пучинѣ морской, которая покрывала нѣкогда все это пространство земли; а вершиною и главою своею онъ же невольно привелъ намъ на память то, что потерпѣли мы отъ враговъ нашихъ въ прошедшую великую субботу, когда и храмъ сей принялъ во главу свою отъ огней непріятельскихъ ту язву, которая, на всѣ будущія времена, означена на ней чернымъ пятномъ.

На сей-то язвѣ и пятнѣ хочу я наконецъ окончить мое слово, предоставивъ ихъ постоянному вниманію вашему и потомковъ вашихъ.

Когда будете проходить мимо сего храма и увидите на верхнемъ кровѣ его это черное пятно, то, осѣнивъ себя знаменіемъ крестнымъ, вспомните, что надъ Одессою, особенно надъ сею частію города, висѣла въ настоящемъ году ужасная туча бѣдъ и скорбей, и что если она не разразилась совершеннымъ разрушеніемъ сего мѣста, то по особенному невидимому покрову и защитѣ свыше.—вспомните и возблагодарите за сіе Господа, съ обѣтомъ служить во славу имени Его дѣлами благими.

Подобнымъ образомъ, когда возрастающія дѣти ваши будутъ вопрошать васъ, что значитъ черное пятно на кровѣ храма вашего,—скажите имъ, что это признакъ и слѣдъ варварскаго нападенія на Одессу галловъ и британцевъ, во дни великой субботы и воскресенія Христова,—скажите и, разъяснивъ имъ это нападеніе, внушите, чтобы они послѣ сего не вѣрили въ пустое велерѣчіе сихъ народовъ о любви къ человѣчеству, въ ихъ мнимую образованность и мягкость нравовъ, что это народы, не вѣдущіе другаго Бога, кромѣ своего претордаго *я*, другихъ высшихъ законовъ, кромѣ своего самолюбія и выгодъ, и что подражать имъ раболѣпно въ ихъ образѣ мыслей, чувствъ и дѣйствій, какъ начали дѣлать нѣкоторые,—значитъ рѣшиться, рано или поздно, на измѣну вѣрѣ отцевъ своихъ, на отступленіе отъ нравовъ прародительскихъ и на отреченіе отъ самой земли Русской, отъ чего да сохранитъ всѣхъ насъ Господь!—Аминь.

Слово на день Владимірскія иконы Богоматери *).

Настоящій день, братіе мои, приснопамятенъ для Церкви и отечества и чрезвычайною опасностію, нѣкогда надъ нами бывшею, и чрезвычайнымъ благодѣяніемъ Божіимъ, тогда же надъ нами явленнымъ. Дѣло было такъ. За четыре вѣка предъ симъ, на юговостокѣ, въ Азіи, произошла ужасная буря, опрокинувшая не только города,—цѣлыя царства, и погубившая многіе милліоны людей. Эта буря былъ—Тамерланъ или, какъ называютъ его наши лѣтописи, Тимурѣ-

*) Сказанное при обозрѣніи епархіи въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ селѣ Богуславскомъ, 26 августа 1843 года.

Акcакъ. Изъ простаго. бѣднаго человѣка сдѣлавшись вождемъ безчисленной рати. захвативъ въ свою власть полъ-Азіи, перешагнувъ Кавказъ, сей ужасный завоеватель устремился наконецъ на бѣдное отечество наше, которое въ то время едва начало оправляться отъ грозы Батыевой. Воронежъ. Ливны. Елецъ пали предъ нимъ, какъ слабыя былинки предъ вихремъ. Рязань, Тула, самая Москва въ трепетѣ ожидали той же участи; ибо силъ военныхъ было у насъ мало и тѣхъ не успѣли собрать какъ должно; самаго духа не доставало отъ долголѣтняго изможденія всѣхъ сословій жестокимъ игомъ монгольскимъ.

Не видя такимъ образомъ никакихъ достаточныхъ средствъ къ оборонѣ отечества—на землѣ, христолюбивый князь Василій Дмитріевичъ обратился, по примѣру благочестивыхъ предковъ своихъ. за помощію къ Царю небесному. Съ береговъ Оки. гдѣ собрана была рать отечественная, онъ далъ повелѣніе принести въ Москву изъ Владиміра икону Богоматери. писанную Евангелистомъ Лукою, и совершать предъ нею въ продолженіе трехъ дней моленіе о спасеніи отечества отъ врага. Воинство съ царемъ также провело сіи три дня въ постѣ и молитвѣ, взывая со слезами о помощи къ всесильной Заступницѣ.

Можете судить. какъ пламенна была молитва сія, когда каждый молился не только за свою жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ за бытіе цѣлаго отечества. за спасеніе самой вѣры и Церкви православной. И упованіе вѣры не посрамилось! Въ одно утро (это было въ нынѣшній день) Тамерланъ. возставъ отъ сна. собираетъ полководцевъ своихъ и велитъ имъ немедленно начать отступленіе: потому что дальнѣйшій путь прегражденъ и воспященъ совершенно. Кто могъ воспятить его? вопрошаютъ вожди Тамерлановы. «Небо», отвѣтствуетъ Тамерланъ. «Нынѣшнею ночью, во снѣ мнѣ представилась Жена. грядущая съ высоты небесъ въ сопровожденіи тьмы темъ воевъ непобѣдимыхъ. Грозный видъ Ея являлъ. что Она весьма гнѣвна на меня. а простертая десница видимо воспящала путь къ Москвѣ. Не упрекайте меня въ маловѣріи,— продолжалъ воитель,— я самъ повѣрилъ видѣнію не прежде, какъ оно повторилось трижды. Теперь нѣтъ сомнѣнія: воля неба должна совершиться».

И совершилась. Туча варваровъ еще скорѣе сокрылась

съ лица земли Русской, нежели какъ появилась на ней. Никимже гонимый, безъ всякой видимой причины, грозный завоеватель устремился вспять, къ новымъ битвамъ и завоеваніямъ въ Азіи.

Всѣ, отъ царя до послѣдняго воина, недоумѣвали въ станѣ о случившемся; но удивленіе сіе обратилось во всеобщую радость и благодарность, когда узнано было о дивномъ видѣніи Тамерлановомъ. Икона Владимірскія Богоматери съ тѣхъ поръ осталась въ престольномъ градѣ, яко залогъ мира и безопасности отечества, а настоящій день содѣлался на всѣ вѣки днемъ торжества всенароднаго.

Да, братіе, нельзя не пасть до земли въ благодарномъ духѣ предъ Матерію Божіею, помысливъ о томъ, что было бы съ нашимъ отечествомъ, если бы отъ него дивнымъ заступленіемъ Ея не была отвращена ужасная туча Тамерланова. Нынѣшнее благоденствіе Россіи еще было бы замедлено на цѣлые вѣка; и кто знаетъ? можетъ быть мечемъ завоевателя былъ бы положенъ конецъ самому нашему бытію государственному. Посему достойно и праведно пѣть и величать небесную Заступницу нашу, тѣмъ паче, что Она не на сей токмо разъ явила себя покровительницею нашего отечества. Ибо всегда, какъ токмо оставляли насъ силы и средства естественныя, какъ только приближались мы къ самому краю бѣдствій и теряли всякую надежду, кромѣ упованія на помощь свыше, Богоматерь являла свою дивную помощь, такъ что повѣсть о прошедшей судьбѣ нашего отечества есть вмѣстѣ изображеніе чудесъ, сотворенныхъ для него Матерію Божіею.

И наша страна, какъ вамъ извѣстно, красуется духовнѣ не однимъ изъ дивныхъ изображеній лика Ея. Кто не поклонялся, напримѣръ, Богоматери Ахтырской? Нѣкоторые изъ васъ, можетъ быть, видѣли на себѣ даже благотворныя знаменія отъ чудотворнаго лика Ея, который для того, безъ сомнѣнія, и явился среди страны нашей, чтобы мы тѣмъ удобнѣе могли прибѣгать къ небесной Заступницѣ за помощію во всѣхъ бѣдахъ и обстояніяхъ нашихъ.

Не грѣшно ли послѣ сего, что нѣкоторые изъ насъ слишкомъ унываютъ иногда во время трудныхъ обстоятельствъ и думаютъ, что они оставлены въ сей жизни на произволъ случая? Какъ оставлены, когда сама Матерь Божія такъ видимо

приближается къ намъ, когда оставляетъ, такъ сказать, небо, дабы жить среди насъ, принимать наши молитвы и подавать намъ помощь и утѣшенія?—Если Она не избавляетъ насъ отъ всѣхъ золъ и бѣдствій, то потому, что для многихъ изъ насъ бѣдствія и скорби гораздо полезнѣе радостей и утѣхъ земныхъ.

Да, братіе мои, эту истину должно твердо запомнить каждому, что духъ благочестія, духъ вѣры и добродѣтели растетъ въ насъ и укрѣпляется не отъ богатствъ и сладостей мірскихъ, а слезами и терпѣніемъ по Бозѣ. Посему-то Господь и попускаетъ только немногимъ изъ насъ обладать многимъ, а большей части суждено проводить жизнь въ трудахъ и лишеніяхъ. Развѣ бы Онъ не могъ всѣхъ и каждаго сдѣлать богатымъ и славнымъ? Можетъ, безъ сомнѣнія, но не хочетъ. Почему не хочетъ? Ужели по недостатку любви къ намъ? Но можно ли предполагать недостатокъ любви къ намъ въ Томъ, Кто положилъ душу Свою за всѣхъ насъ на крестѣ? Нѣтъ, предназначивъ насъ не для земли, а для неба, Онъ видитъ, что счастіе земное было бы въ пагубу для насъ: однихъ задержало бы на пути къ небесному отечеству, другихъ вовсе ослѣпило бы и совратило съ сего пути; потому и оставляетъ насъ въ нуждахъ и бѣдности, кои, какъ строгіе приставники, блюдутъ насъ отъ соблазновъ мірскихъ. Теперь мы тяготимся симъ состояніемъ, и съ радостію промѣняли бы его на роскошь и довольство во всемъ; но когда будемъ *тамъ*, когда возвратимся къ Нему—въ домъ отеческій, тогда поймемъ, какъ хорошо поступила премудрость Божія, не давъ намъ наслаждаться счастіемъ на землѣ; поймемъ и возблагодаримъ Господа за то самое, отъ чего теперь плачемъ и воздыхаемъ. Аминь.

Слово на день явленія Ахтырскія иконы Божія Матери *).

Уже болѣе столѣтія, какъ день настоящій содѣлался священнымъ и радостнымъ не только для града сего, но и для всей страны нашей. Не знаемъ, что привлекло къ намъ на обитаніе въ семъ дивномъ ликѣ Царицу небесную: бѣдствія ли страны, открытой тогда еще для дикихъ ордъ татарскихъ,

*) Сказанное въ Ахтырскомъ соборѣ 2 іюля 1842 года.

или простые и чистые нравы предковъ нашихъ; только Она видимо утвердила здѣсь селеніе свое, а вмѣстѣ съ симъ и пристанище для всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ. Какое многочисленное собраніе составилось бы, если бы теперь явились здѣсь всѣ пріявшіе помощь отъ дивнаго лика Владычицы! Какое величественное слово вышло бы само собою въ похвалу Ея, если-бъ каждый изъ нихъ повѣдалъ токмо, какъ онъ страдалъ душею и тѣломъ, и какъ обрѣлъ здѣсь конецъ своимъ страданіямъ!

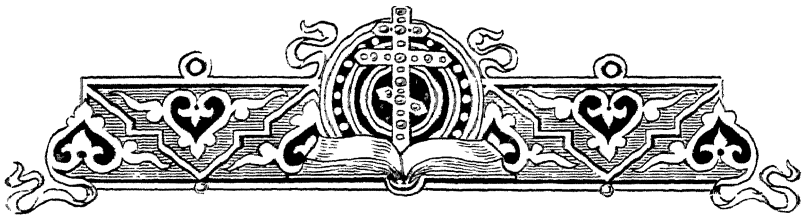
Возблагодаримъ же небесную Благодѣтельницу нашу не точію за Ея знаменія и чудеса, явленныя на мѣстѣ семъ, но и за Ея долготерпѣніе къ духовнымъ недугамъ нашимъ.— Ибо, что видитъ Она, находясь между нами толикое время? Видитъ ли хотя часть той чистоты, той вѣры и любви, коими окружена Она на небѣ—у Сына и Бога своего? Ахъ, съ Ея пребываніемъ между нами и намъ подобало бы быть, яко небожителямъ!—Но мы таковы, какъ бы Ея вовсе не было между нами.—Та же хладность къ предметамъ священнымъ, то же нерадѣніе о спасеніи души своея, та же слѣпая привязанность къ суетѣ мірской, то же невоздержаніе и гордость. Пречистая зритъ все сіе, терпитъ отъ нашихъ нечистотъ и неправдъ, но не оставляетъ своего мѣста; видитъ, какъ одинъ приближается къ Ней съ невѣріемъ, другой съ нечистотою плотскою, третій съ душею несытою къ обидѣ ближняго, и всѣмъ и каждому даетъ лобызать пречистый ликъ свой. У Нея ли бы не достало средствъ воспятить недостойныхъ, поразить жестокосердыхъ, низринуть нераскаянныхъ?—Но Она вся покрываетъ любовію своею, вся терпитъ и всѣмъ благодѣтельствуетъ.—Почему? Потому что ожидаетъ нашего покаянія и исправленія. Подобясь Сыну и Богу своему, Она пришла къ намъ въ видномъ ликѣ своемъ, не судить, а спасти насъ; посему и не употребляетъ никакихъ другихъ средствъ къ привлеченію насъ, кромѣ благодати и милости.

Будемъ ли, братіе, мои, злоупотреблять сею любовію и симъ долготерпѣніемъ? Кто не умѣлъ нынѣ принести въ даръ Владычицѣ ради празднества Ея чистоты сердца и жизни, тотъ возьми сію чистоту отъ лица Ея. Кто явился въ сей храмъ, связанный по руку и ногу какою-либо страстію, сребролюбіемъ, плотоугодіемъ или враждою,— тотъ разорви теперь сіи узы въ присутствіи Ея. Богоматерь сама подастъ къ тому

силу духа; только-бъ была наша рѣшимость на то. Другія чудеса, напримѣръ исцѣленіе отъ болѣзней, могутъ быть совершены Ею по нашимъ молитвамъ, но могутъ быть и не совершены—для нашего же блага: ибо для насъ иногда полезнѣе болѣзнь, нежели здоровье. А это чудо, то есть, исцѣленіе души отъ страсти грѣховной, въ чемъ бы она ни состояла, таково, что Богоматерь, если мы будемъ молить Ее о томъ, не можетъ не совершить его; ибо это необходимо для нашего спасенія.

Но, увы, мы тревожимся обыкновенно только тѣмъ, что касается нашего тѣла и нашего могущества, и ни во что ставимъ страсти и грѣхи наши! Непрестанно слышатся здѣсь Матерію Божіею моленія о избавленіи отъ бѣдъ: но какихъ? Тѣлесныхъ и чувственныхъ. Просятъ здоровья, просятъ успѣха въ предпріятіяхъ, просятъ благъ земныхъ; но проситъ ли кто освобожденія отъ грѣха? Просятъ ли себѣ вѣры, покаянія, смиренія, любви ко врагамъ? Сіи-то прошенія возвеселили бы сердце Матери Божіей; но ихъ-то и не слышитъ Она отъ насъ!...

Престанемъ же быть подобны дѣтямъ. У насъ есть тѣло страждущее; но есть и душа, недугующая грѣхами. Мы имѣемъ нужду въ благахъ земныхъ; но еще болѣе—въ благахъ небесныхъ. Не будемъ преданы тѣлесному и временному такъ, чтобы вовсе не памятовать о духовномъ и вѣчномъ. Доставимъ Матери Божіей радость исцѣлить вмѣстѣ-съ тѣломъ и нашу душу, которая слишкомъ дешева только для насъ неразумныхъ, а для Нея и Сына Ея стократъ дороже всѣхъ приношеній и даровъ нашихъ. Аминь.



СЛОВА И БЕСѢДЫ
НА ДНІ СВЯТЫХЪ.

Слово на день Собора Архистратига Михаила и прочихъ Безплотныхъ Силъ *).

Празднующимъ въ честь высокихъ и благотворныхъ лицъ всего ближе и пріятнѣе въ продолженіе празднества бесѣдовать между собою о сихъ лицахъ. Посему, братіе, и я намѣренъ побесѣдовать нынѣ съ вами о св. Архангелахъ. Священныя изображенія ихъ всегда предстоятъ очамъ нашимъ въ семъ храмѣ, посвященномъ ихъ имени; но они стоятъ на такой высотѣ, что многіе съ трудомъ могутъ возводить туда взоръ и не въ состояніи различать всего, чѣмъ отличается изображеніе каждаго Архангела. Посему слово наше можетъ быть не безплоднымъ для слуха вашего дополненіемъ и изъясненіемъ того, что всегда видитъ здѣсь ваше око. Только не ожидайте, братіе, отъ меня въ семъ случаѣ какихъ-либо собственныхъ умозрѣній о мірѣ ангельскомъ: съ сего священнаго мѣста должно слышаться одно то, что открываютъ намъ, касательно Ангеловъ, слово Божіе и сказанія тѣхъ богомудрыхъ мужей, кои не напрасно именуются отъ самой Церкви собесѣдниками Ангеловъ.

Ублажаемыя нынѣ Церковію лица называются Архангелами, или главными и первыми изъ Ангеловъ; потому что они суть вожди и начальники ликовъ ангельскихъ. Ибо и на небѣ, братіе, не смотря на взаимную любовь, радость и

*) Сказанное въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ.

блаженство всѣхъ и каждаго, нѣтъ однако же того равенства, коего нѣкоторые, по крайнему неразумѣнію, ищутъ на землѣ: и тамъ одни начальствуютъ и предстоятъ, другіе повинуются и послѣдуютъ. Существенное и полное равенство находится только между тремя Лицами Пресвятыя Троицы: Богомъ Отцемъ, Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ.

Хотя число Ангеловъ крайне велико, *тмы тмъ*, по выраженію Писанія; но Архангеловъ только седмь. *Азъ есмь единъ отъ седьми святыхъ Ангеловъ*,—такъ говорилъ Архангелъ Рафаилъ праведному Товиту,—*иже приносятъ молитвы святыхъ и входятъ предъ славу Святаго* (Тов. 12, 15). И св. Іоаннъ въ своемъ дивномъ Апокалипсисѣ, изрекая благодать и миръ церквамъ отъ Сущаго, и Иже бѣ, и Грядущаго, изрекаетъ потомъ благословеніе и отъ седми духовъ, иже предъ престоломъ Его суть (Апок. 1, 4). Отчего главныхъ Ангеловъ только седмь—не менѣе и не болѣе?—Это тайна творенія, довѣдомая Господу и Творцу Ангеловъ. Мы съ благоговѣніемъ можемъ примѣтить только при настоящемъ случаѣ, что седмеричное число составляетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ законовъ происхожденія и бытія тварей и въ мірѣ духовномъ и въ мірѣ вещественномъ. Ибо воззримъ ли на царство благодати?—обрѣтаемъ седмь даровъ Духа Святаго седмь таинствъ. Посмотримъ ли на царство природы?—находимъ седмь лучей свѣта, седмь тоновъ звука, седмь дней творенія и проч.

Изъ числа седми верховныхъ духовъ св. Церковь первымъ признаетъ Михаила; почему и настоящее празднество именуется Соборомъ Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ Силъ. *Кто яко Богъ*—означаетъ имя его; *кто яко Богъ*—выражаютъ собою и всѣ дѣла его. Онъ первый возсталъ противъ Люцифера, когда сей возсталъ противъ Вседержителя. Извѣстно, чѣмъ кончилась эта первая ужасная брань, низверженіемъ Денницы съ неба. Съ тѣхъ поръ Михаилъ не престаетъ, ратоборствуя за славу Творца и Господа всяческихъ, за дѣло спасенія рода человѣческаго, за Церковь и чадъ ея. Почему и изображается всегда въ воинственномъ видѣ съ копіемъ или мечемъ въ рукѣ, имѣя подъ ногами дракона, то есть духа злобы. Бѣлая хоругвь, украшающая верхъ копія его, означаетъ неизмѣнную чи-

стоту и непоколебимую вѣрность Ангеловъ Царю небесному: а крестъ, коимъ оканчивается копіе, даетъ знать, что брань съ царствомъ тьмы и побѣда надъ нимъ самыми Архангелами совершается во имя креста Христова, совершается посредствомъ терпѣнія, смиренія и самоотверженія. Посему для тѣхъ, кои украшаются именемъ перваго изъ Архангеловъ, всего приличнѣе отличаться ревностію къ славѣ Божіей, вѣрностію Царю небесному и царямъ земнымъ, всегдашнею бранію противъ порока и нечестія и всегдашнимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ.

Второе мѣсто въ ряду Ангеловъ принадлежитъ Гавріилу: имя, означающее силу Божію. Поелику у небожителей названіе всегда выражаетъ самую вещь, то Архангелъ сей въ дѣлѣ служенія спасенію человѣческому является особенно провозвѣстникомъ и служителемъ всемогущества Божія. Такъ—имѣетъ ли открыться сила Божія въ чудесномъ зачатіи Предтечи отъ престарѣлыхъ родителей,—вѣсть о семъ зачатіи возлагается на Гавріила. Имѣетъ ли произойти безсѣменное зачатіе Самого Сына Божія,—честь благовѣстія о семъ достается паки Гавріилу. Сей же Архангелъ, по мнѣнію богомудрыхъ мужей, посланъ былъ для подкрѣпленія Спасителя въ саду Геѳсиманскомъ и для возвѣщенія Богоматери Ея всечестнаго успенія. Посему Церковь именуетъ его служителемъ чудесе. Но служа чудесамъ, онъ по тому самому есть особенный служитель и таинъ Божіихъ: ибо одно предполагаетъ другое. Посему, когда нужно было нѣкогда открыть Даніилу пророку будущія событія, то онъ слышалъ гласъ: *Гавріиле! скажи видѣніе оному* (Дан. 8, 16). Имѣя въ виду таковое служеніе Гавріила, святая Церковь изображаетъ его иногда съ райскою въ рукѣ вѣтвію, которая принесена имъ была Богоматери, а иногда въ правой рукѣ съ фонаремъ, внутрь коего горитъ свѣща, а въ лѣвой—съ зерцаломъ изъ ясписа. Изображаетъ съ зерцаломъ—поелику Гавріилъ есть вѣстникъ судебъ Божіихъ о спасеніи рода человѣческаго; изображаетъ съ свѣщею въ фонарѣ, поелику судьбы Божіи бываютъ сокрыты до времени исполненія ихъ, и, по самомъ исполненіи, постигаются только тѣми, кои неуклонно смотрятъ въ зерцало слова Божія и своей совѣсти. Такимъ образомъ, если кому, то носящимъ имя Гавріила прилична та вѣра Божія (Марк. 2, 23), для коей, по слову Самого Спа-

сителя. нѣтъ ничего невозможнаго; и если отъ кого, то отъ нихъ должно быть какъ можно далѣе то наказаніе, которое за скудость вѣры принужденъ былъ нѣкогда наложить сей Архангелъ на отца Предтечи (Лук. 1. 20).

Рафаилъ. или помощь и исцѣленіе Божіе, есть имя третьяго Архангела.—имя по тому самому любезное всѣмъ страждущимъ. Въ святомъ Писаніи есть цѣлая книга, въ коей описывается. какъ сей Архангелъ, въ видѣ человѣка, сопутствовалъ праведному Товіи. освободилъ отъ злаго духа его невѣсту. возвратилъ зрѣніе его престарѣлому отцу, Товиту, и потомъ вознесся отъ нихъ на небо. Почему сей Архангелъ и изображается съ сосудомъ врачебнымъ въ лѣвой рукѣ, и правою ведущій Товію. Весьма поучительны слова, сказанныя симъ Архангеломъ при разлученіи съ семействомъ Товита.

Благо молитва съ постомъ и милостынею и правдою, вѣщалъ Рафаилъ, *милостыня бо отъ смерти избавляетъ и тая очищаетъ всякъ грѣхъ. Егда молился еси ты и невѣстка твоя Сарра, азъ приношахъ память молитвы вашея предъ Святаго; и егда погребалъ еси мертвыя, подобнѣ присутствовахъ тебѣ; и егда не лѣнился еси востати и оставити обѣдъ твой, да отшедъ покрыеши мертваго, не утаился еси мене благотворяй, но съ тобою бѣхъ* (Тов. 12, 8. 9. 12—14).—Посему кто желаетъ сподобиться небесной помощи Рафаила, тому первѣе всего надобно самому быть милостиву къ бѣдствующимъ. Милостивые скорѣе всего бываютъ помилованы сами. Тѣмъ паче добродѣтель милосердія и сердоболія должна отличать носящихъ имя Рафаила: иначе у нихъ не будетъ духовнаго союза съ Архангеломъ.

Четвертаго Архангела изображаютъ съ мечемъ, обращеннымъ противу персей, а въ шуйцѣ съ пламенемъ, ниспускающимся долу; а имя его Уріилъ, то есть свѣтъ или огнь Божій. Какъ Ангелъ свѣта, онъ просвѣщаетъ умы людей откровеніемъ истинъ, для нихъ полезныхъ; какъ Ангелъ огня божественнаго, онъ воспламеняетъ сердца любовію къ Богу и потребляетъ въ нихъ нечистыя привязанности земныя. Итакъ это вашъ Архангелъ, люди, посвятившіе себя наукамъ! Какъ отрадно должно быть для васъ знать, что нощныя бдѣнія и труды ваши надъ собраніемъ познаній, освѣщаются не однимъ стихійнымъ мерцаніемъ отъ лампады,

а и свѣтомъ отъ пламенника Архангела. И вотъ, конечно, источникъ многихъ истинно полезныхъ и великихъ открытій въ области наукъ!—тѣхъ открытій, о коихъ сами сдѣлавшіе ихъ замѣчаютъ, что они приходили на умъ внезапно, какъ бы по откровенію свыше. Удивительно ли приходить внезапнымъ озареніямъ свыше, когда есть особый Архангелъ свѣта и познаній?—Чего однако же можно ожидать отъ сего премірнаго наставника?—Откровенія таинъ природы, превышающихъ нашъ разумъ и наши нужды? Предвозвѣщенія будущихъ событій или чего-либо подобнаго? Нѣтъ, это дѣло не Архангела. Послушайте, что отвѣчалъ Уріилъ одному благочестивому, но слишкомъ любознательному мужу, когда онъ, въ жару страсти къ познаніямъ, желалъ увѣдать отъ него тайну міроправленія божественнаго. Архангелъ не отрекся отвѣчать на вопросы, но потребовалъ, чтобы Ездра (такъ назывался сей мужъ) сдѣлалъ для него прежде одно изъ трехъ: взвѣсилъ пламень огня, или указалъ начало вѣтра, или возвратилъ прошедшій день. Когда Ездра отрекся невозможностію сдѣлать это, то Архангелъ сказалъ: *аще бых вопросилъ тя, глаголя: коль много жилищъ есть въ сердцы морстѣмъ, или коль много источниковъ въ началѣ бездны: или коль много жилъ есть надъ твердію небесною, или кія суть предѣлы райскія; негли отвѣчалъ бы ми еси: въ бездну не снидохъ, ни во адъ еще, ниже на небеса когда взыдохъ. Нынѣ же о семъ не вопросихъ тя, точію о огни и о вѣтрѣ и о дни, въ оньже еси пребывалъ, и безъ сихъ вещей быти не можеши; и ты о сихъ ничтоже ми отвѣщалъ еси. Ты сихъ убо, яже твоя суть и съ тобою возрастоша, познати не можеши, и какъ сосудъ твой возможетъ вмѣстити пути Вышняго* (3 Езд. 4, 7—11)? Замѣтьте урокъ сей, люди, преданные наукамъ, и не забывайте, по примѣру вашего Архангела, быть служителями не одного свѣта истины, а и огня Божественной любви. *Разумъ кичитъ*, одна *любы созидаетъ* (1 Кор. 8, 1).

Пятый Архангелъ есть верховный служитель молитвы и называется Салафіиломъ. Чистая и пламенная молитва сама можетъ служить вмѣсто Херувима для души, охраняя ее отъ всѣхъ враждебныхъ силъ. Но каковы наши молитвы?—Слабы, кратки, нечисты, холодны. И вотъ, Господь, зная сколь необходима для каждаго изъ насъ молитва, даровалъ

намъ цѣлый ликъ Ангеловъ молитвенныхъ съ ихъ вождемъ Салафіиломъ, да чистыхъ дохновеніемъ устъ своихъ согрѣваютъ наши хладныя сердца и подвизаютъ ихъ на молитву, да вразумляютъ насъ— о чемъ, когда и какъ помолимся, да возносятъ самыя приношенія наши къ престолу благодати. Когда увидите, братіе, на иконѣ Архангела, стоящаго въ молитвенномъ положеніи, съ очами потупленными долу, съ руками приложенными съ благоговѣніемъ къ персямъ;—то знайте, что это Салафіилъ. А видя въ такомъ положеніи самаго Архангела молитвы, старайтесь сами во время молитвы быть всегда въ положеніи, приличномъ молящемуся. Приличномъ—говорю: ибо у многихъ нѣтъ и сего. Смотря на то, какъ иные изъ насъ молятся, подумаешь, что они не просятъ, а повелѣваютъ и угрожаютъ Тому, у Кого просятъ. Это ли молитва!...—

У шестаго Архангела въ десницѣ златой вѣнецъ, а въ шуйцѣ бичъ изъ трехъ червленныхъ вервій. Это потому, что обязанность сего Архангела съ ликомъ Ангеловъ, ему ввѣренныхъ, есть поощрять наградою благъ вѣчныхъ и защищать именемъ Святыя Троицы и силою креста Христова людей, труждающихся въ различныхъ родахъ служенія во славу Божію: почему онъ и называется Эгудіилъ, или хвала Божія. Между нами нѣтъ людей, носящихъ это имя; за это всякій изъ насъ, отъ мала до велика, обязанъ жить и трудиться для славы Божіей: и коль скоро труждается надъ симъ воистину, то быть не можетъ, чтобы не встрѣчалъ при семъ различныхъ препятствій. Ибо на нашей грѣшной землѣ, среди насъ, грѣшныхъ людей, всякое благое дѣло иначе не совершается, какъ съ трудомъ, а многія—съ великимъ и тяжкимъ. Что нужды? Господь и Владыка нашъ *не обидливъ забыть* никакого благаго *дѣла* нашего и никакого *труда любве* (Евр. 6, 10) во имя Его; чѣмъ больше подвигъ, тѣмъ выше и свѣтлѣе награда для воина, который во время брани не щадитъ жизни за Церковь и отечество, а во время мира *никого же обидитъ, доволенъ своими оброки* (Лук. 3, 14), для градоправителя, который не воздремлетъ, ниже уснетъ, храняй ввѣренный ему градъ,—для судіи, который твердо держитъ вѣсы правды, судитъ безъ лицепріятія сира и смиренна: это—награда для домовладыки, подающаго примѣръ богобоязненности своимъ домашнимъ,—для раба, несущаго съ вѣрою и терпѣніемъ свой жребій.

Послѣднему Архангелу,—послѣднему по порядку, а не по достоинству и силѣ,—богомудрые учители Церкви даютъ названіе Варахіила. Это Ангелъ благословеній Божіихъ, какъ то означаетъ его имя и выражаетъ тотъ видъ, въ какомъ представляется онъ на святыхъ иконахъ; ибо его изображаютъ со множествомъ цвѣтовъ розовыхъ въ нѣдрахъ его одежды. Поелику благословенія Божія различны, то и служеніе сего Архангела—многообразно: чрезъ него посылается благословеніе домочадія и благоустройства семейственнаго; чрезъ него пріемлется благословеніе плодовъ земныхъ; чрезъ него сподобляются благословенныхъ успѣховъ въ куплѣхъ и прочихъ дѣлахъ житейскихъ. Но когда сподобляются?—Тогда, безъ сомнѣнія, когда земныя благословенія хотятъ принимать для стяжанія благословеній небесныхъ и вѣчныхъ: когда напримѣръ желаютъ имѣть чадъ, дабы воспитать ихъ въ страхѣ Божіемъ; ожидаютъ обилія плодовъ земныхъ, дабы подѣлиться ими съ бѣдностію, истаявающею отъ глада; ищутъ умноженія доходовъ, дабы имѣть возможность украсить храмъ Божій, призрѣть сираго, искупить должника невиннаго, и тому подобное. Въ противномъ случаѣ Господь не пошлетъ, и Архангелъ не принесетъ благословенія. Какъ же, скажете, міролюбцы, совершенно забывшіе Бога, пользуются иногда всѣми дарами счастія земнаго?—Для нераскаянныхъ это даръ гнѣва, а не любви Божественной; служителемъ сихъ даровъ—не Архангелъ, а тотъ міродержитель тьмы вѣка сего, который Самому Сыну Божію дерзнулъ сказать: *сія вся Тебѣ дамъ, аще падъ поклонпшмися* (Матѳ. 4. 9)!

Таковъ Соборъ Архангеловъ!—Таковъ по отношенію къ намъ и нашему спасенію!—Ибо, каковъ онъ въ пренебесной силѣ, лѣпотѣ и величіи своемъ, этого не дано теперь знать намъ. Узримъ, когда сподобимся стать одесную престола Божія и войти въ самый соборъ Ангеловъ. Я говорю: войти; ибо человѣкъ, по разумѣнію многихъ учителей Церкви, для того и созданъ (тѣмъ паче для того возсозданъ), чтобы восполнить собою въ сонмѣ Ангеловъ тотъ недостатокъ, который произошелъ чрезъ отпаденіе отъ свѣтлаго лика ихъ Люцифера съ его воинствомъ.

Посему, празднуя Соборъ Архангеловъ и Ангеловъ, мы должны, братіе, помышлять и о нашемъ будущемъ собраніи

къ нимъ. Одно изъ двухъ неизбѣжно: надобно, непремѣнно надобно, быть или въ соборѣ Ангеловъ, или среди скопища духовъ отверженныхъ. Кто можетъ рѣшиться на послѣднее?— Но, желая перваго, надобно заблаговременно приготовлять себя къ сожитію съ Ангелами чрезъ стяжаніе мыслей и чувствъ ангельскихъ. Ибо и на землѣ, тѣмъ паче на небѣ, живутъ въ мирѣ и постоянномъ союзѣ токмо тѣ, кои стремятся къ единой и той же цѣли и оживлены единымъ и тѣмъ же духомъ. Аминь.

Слово на день Собора Архангела Михаила.

Кто со вниманіемъ поклонялся святой иконѣ Архистратига Михаила, въ честь коего мы нынѣ празднуемъ, тотъ не могъ не замѣтить, что Архангелъ сей изображается всегда въ грозномъ и воинственномъ видѣ. На главѣ его видишь шлемъ, въ рукѣ мечъ или копіе, подъ ногами дракона, имъ поражаемаго. Что значитъ это? Ужели безъ меча нельзя ходить безопасно и на небѣ? Или престолъ Царя небеснаго имѣетъ нужду въ охраненіи, подобно престоламъ царей земныхъ? Или Ангелы на то созданы, чтобы сражаться?

Нѣтъ, братіе, престолъ Всемогущаго непоколебимъ какъ вѣчность: сонмы чистѣйшихъ духовъ сотворены не для брани и побѣдъ, а для славословія, мира и блаженства. Такъ было вначалѣ: такъ было бы и всегда, если бы одинъ изъ самыхъ первыхъ духовъ не открылъ въ себѣ самомъ источника зла, брани и нестроенія, и не возмутилъ истины небесной. Не знаемъ, какъ ниспалъ онъ до безумія возстать противу Всевышняго: но возсталъ! По естественной ли зависимости воинства отъ вождя, или по духу взаимнаго прельщенія, но вслѣдъ за симъ возмутителемъ устремилось множество и другихъ духовъ.—Для всемогущаго Творца не было и не могло быть при семъ опасности, но міръ духовный поколебался: могъ весь превратиться въ самомъ основаніи своемъ. Это была бы потеря тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ болѣе излито на міръ духовный даровъ и совершенствъ, чѣмъ выше его предназначеніе. И вотъ въ сію-то рѣшительную минуту, когда цѣлому небу предстояла опасность обратиться въ адъ,—изъ среды же Ангеловъ является поборникъ славы Божіей и защитникъ чести самаго міра ангельскаго. Кто, яко Богъ?—

восклицаетъ Михаилъ къ собратіямъ своимъ; и вмѣстѣ съ ними устремляется на безумнаго возмутителя и клевретовъ его. Не вдругъ одержана побѣда, ибо Люциферъ, какъ верховный изъ Ангеловъ, обладалъ великими совершенствами: но наконецъ сила добра превозмогла надъ силою зла; Денница свергнутъ съ неба, а Михаилъ и Ангелы его остались навсегда побѣдоносными слугами Царя небеснаго.—Съ тѣхъ поръ (это было до созданія человѣка и, вѣроятно, еще до сотворенія видимаго міра), съ тѣхъ поръ въ рукахъ Михаила мечъ, а подъ ногами его драконъ; ибо сатана, и сверженный съ неба, не престаетъ воевать противу небожителей.

Не много опытовъ Михаиловой брани указываетъ намъ потомъ святое писаніе (ибо оно весьма рѣдко поднимаетъ завѣсу, сокрывающую отъ насъ міръ духовный; и когда поднимаетъ, то показываетъ болѣе то, что можетъ устрашать и приводить въ недоумѣніе); но сіи немногія указанія таковы, что заставляютъ предполагать о многомъ. Такъ Апостолъ Іуда въ посланіи своемъ (ст. 9) сказываетъ, что Архангелъ Михаилъ препирался нѣкогда съ діаволомъ по кончинѣ Моисея за тѣло его, которое діаволъ, вѣроятно, искалъ обратить въ предметъ обожанія для израильтянъ, а Михаилъ внушилъ погребсти такъ, что *не увѣда никтоже погребенія его* (Второз. 34, 6). Такое благотворное отношеніе Михаила къ лицу Моисея, конечно, не ограничивалось попеченіемъ о судьбѣ тѣла его, а простиралось на всю жизнь, на все многообразное и многотрудное служеніе его, и особенно, на законодательство, которое, по выраженію святаго Стефана, произошло устроеніемъ ангельскимъ (Дѣян. 7, 53).

Судя по сему, Ангелъ, глаголавшій съ Моисеемъ на горѣ Синайской (тамъ же, ст. 38) долженъ быть не другой кто, какъ Михаилъ. И поелику законоположеніе синайское было весьма не по сердцу сатаны,—почему онъ и старался всячески содѣлать народъ израильскій недостойнымъ чести быть народомъ Божіимъ,—то Михаилу во время устроенія Моисеемъ Церкви іудейской, безъ сомнѣнія, не мало было случаевъ извлекать противъ него мечъ и повторять удары въ его голову.

Особенно же открылся случай къ сему, когда сатана, незадолго до пришествія Христова, какъ бы предчувствуя

наступающую рѣшительную опасность для своей темной области, воздвигъ противъ іудейскаго народа и Церкви злочестиваго Антіоха, наустивъ его искоренить совершенно вѣру и законъ Моисеевъ. Въ сіе время спасеніе избраннаго народа и Церкви никакъ не могло быть совершено одними естественными средствами. Посему еще Даніилу дано было созерцать въ видѣніи, какъ Михаилъ возстанетъ въ сіе время за *сыновъ людей* Божіихъ (Дан. 12, 1). Слѣдствіемъ сего-то невидимаго заступленія отъ Архангела, безъ сомнѣнія, было то, что горсть ревнителей закона, предводимыхъ Маккавеями, въ состояніи была обращать въ бѣгство и разсѣвать неоднократно многочисленныя полчища Антіоховы. Маккавеи побѣждали сиріянъ потому, что въ тоже время поражалъ сатану и клевретовъ его Михаилъ. Посему Архангела сего можно, по справедливости, назвать Ангеломъ-защитникомъ народа іудейскаго, Архистратигомъ Церкви ветхозавѣтной.

Воинственное служеніе Церкви Михаила не окончилось съ Церковію ветхозавѣтною. Въ двѣнадцатой главѣ Апокалипсиса Іоаннова читаемъ, что, по убѣжаніи отъ змія въ пустыню жены, облеченной въ солнце, то есть Церкви Христовой, брань бысть на небеси съ симъ зміемъ (Апок. 12, 6). Кто же паки брался съ нимъ? Михаилъ и Ангелы его. Не сего мѣста и не настоящаго времени дѣло—опредѣлять: на какой вѣкъ христіанства упадаетъ время этой брани? – на вѣкъ ли послѣдняго, жесточайшаго гоненія на Церковь первенствующую, Діоклитіанова? или на вѣка волненій, произведенныхъ потомъ въ Церкви еретиками? – или на времена новѣйшаго отпаденія отъ вѣры цѣлыхъ народовъ?— Для цѣли нашей довольно примѣтить, что брань сія, по упорству враговъ и важности послѣдствій, походила на оную первую брань на небѣ. Ибо и послѣ сей брани говорится о сатанѣ, что онъ сверженъ съ неба и съ ангелами его, сверженъ такъ, что уже отселѣ *и мѣсти не обрѣтеся имъ къ тому на небеси* (Апок. 12, 8), то-есть, пресѣчена, вѣроятно, всякая возможность проникать, силою или хитростію въ высшія и лучшія области мірозданія. Значитъ, Михаилъ есть Архистратигъ и Церкви новозавѣтной, такъ же, какъ былъ Архистратигомъ Церкви ветхозавѣтной. Болѣе сего нѣтъ въ словѣ Божіемъ указаній на брань Михаила съ діа-

воломъ; но, и безъ особаго указанія, можно съ достовѣрностію присовокупить, что брань сія должна ожесточиться въ высшей степени предъ концемъ міра. Ибо тоже святое писаніе открываетъ намъ, что тогда діаволъ, *вѣдый, яко время мало имать* (Апок. 12. 12), употребитъ всю силу и всю хитрость противу царства свѣта, и явится въ лицѣ Антихриста, въ такомъ могущественномъ и увлекательномъ видѣ, что еслибы возможно было, то имъ прельстились бы и самые избранные (Матѳ. 24. 24).

При такой опасности для царства свѣта, можетъ ли почить въ бездѣйствіи мечъ Архангела, который отъ начала міра никогда не почивалъ и при меньшихъ опасностяхъ?

Послѣ всего сказаннаго понятно, братіе, почему въ такомъ воинственномъ видѣ изображается такое благотворное существо, каковъ прославляемый нами Архангелъ. Видъ сей долженъ приводить въ ужасъ врага Божія, а не насъ, слугъ Божіихъ, какъ то однакоже бываетъ съ нѣкоторыми изъ чадъ Церкви, по ихъ неразумію.

Сообразно достоинству и величію силы своей, какъ первый изъ Архангеловъ, Михаилъ есть защитникъ болѣе всей Церкви, нежели каждаго члена ея порознь: но многіе опыты чуднаго заступленія его свидѣтельствуютъ, что побѣдоносный вождь силъ небесныхъ не почитаетъ чуждымъ своего достоинства принимать подъ защиту свою всякаго, кто только съ вѣрою молитъ его о помощи.

Посему въ кругѣ церковномъ есть даже особый день, назначенный для благодарнаго воспоминанія таковыхъ чудесъ Михаиловыхъ.

Тѣмъ паче мы, вину молящіеся въ семъ, посвященномъ имени его, храмѣ, тѣмъ паче, братіе, мы можемъ быть увѣрены, что охранительный мечъ Архангела сего будетъ всегда за насъ, коль скоро мы не будемъ питать въ себѣ преступнаго союза съ тѣмъ врагомъ, котораго онъ всегда преслѣдуетъ.— Ибо, братіе, бесѣдуя о брани Михаила съ діаволомъ, должно, наконецъ, привести вамъ на память и то, что брань сія совершается не только внѣ, но и внутрь насъ. И въ каждомъ изъ насъ есть свой внутренній, домашній змій; есть и внутренній архистратигъ, его постоянно преслѣдующій. Внутренній змій сей есть прирожденная всѣмъ намъ наклонность къ злу, та несчастная тлетворная похоть, которая *зачеша*, по

замѣчанію Апостола, *раждаетъ грѣхъ*, а чрезъ него производитъ и смерть (Іак. 1, 15). А внутренній архистратигъ—это наша совѣсть, которая, доколѣ руководится словомъ Божіимъ и благодатію, непрестанно гласитъ во уши сердца нашего: кто яко Богъ и Его святой законъ?—непрестанно преслѣдуетъ змія—грѣховную похоть—страхомъ суда Божія и мукъ вѣчныхъ. Не будемъ же скрывать, грѣть и питать въ себѣ сего внутренняго змія: дадимъ нашему архистратигу, при каждомъ появленіи жала его, поражать его въ самую главу. Безъ сей вѣрности нашему внутреннему архистратигу не приспѣетъ къ намъ на помощь и Архистратигъ внѣшній. Ибо ополчаться за спасеніе людей есть долгъ, самый пріятный для Ангеловъ и побѣдоноснаго вождя ихъ: но за спасеніе какихъ людей? не всѣхъ, а токмо боящихся Господа (Псал. 33, 8). Аминь.

Слово въ день Собора Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ *)

ОБЪ АНГЕЛѢ-ХРАНИТЕЛѢ.

На празднествахъ обыкновенно предлагается посѣтителямъ какое-либо утѣшеніе отъ празднующихъ. На празднествѣ въ честь безплотныхъ силъ должно быть и утѣшенію не плотяному, а духовному. Что же предложимъ мы нынѣ любви вашей отъ лица святой обители сей въ день ея годоваго празднества?

Съ нашей стороны, мы готовы были бы предложить вамъ цѣлую духовную трапезу, полное ученіе о духахъ безплотныхъ и ихъ благодатномъ союзѣ съ человѣками, но краткость времени не позволяетъ ни намъ преподать, ни вамъ принять сего ученія вполнѣ. Посему ограничимся, вмѣсто многихъ, единымъ брашномъ отъ духовной трапезы; но за то возьмемъ такое, котораго было бы совершенно достаточно для утоленія духовнаго глада и для подкрѣпленія духовныхъ силъ. Таково ученіе православной Церкви нашей объ Ангелѣ-хранителѣ, ученіе простое и вмѣстѣ глубокое, столько-же утѣшительное, какъ и назидательное. А чтобы сіе брашно

*) Сказанное въ Кіево-златоверхо-михайловскомъ монастырѣ.

было удобнѣе для употребленія всѣхъ и каждаго, для сего раздробимъ его, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ, на малые участки.

Кто называется Ангеломъ-хранителемъ?

Ангеломъ-хранителемъ называется такой Ангелъ, который даруется отъ Бога человѣку, при его вступленіи въ царство благодати—при крещеніи, дабы хранить его въ продолженіе всей жизни и руководить къ небесному отечеству.

Откуда извѣстно, что у каждаго христіанина есть Ангелъ-хранитель?

Это несомнѣнно извѣстно, во-первыхъ, изъ многихъ свидѣтельствъ о семъ слова Божія. Еще святый Давидъ воспѣвалъ о человѣкѣ, любящемъ Бога и законъ Его: *Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя, во всѣхъ путехъ твоихъ; на рукахъ возьмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Псал. 90, 10, 11). Самъ Спаситель предъ учениками и народомъ свидѣтельствовалъ, что Ангелы дѣтей *выну видятъ лице Отца небеснаго* (Матѳ. 18, 10). Наконецъ, Апостолъ Павелъ говоритъ, что Ангелы *вси суть служебные духи, посылаемые въ служеніе хотящимъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1, 14).

Во-вторыхъ, присутствіе при человѣкѣ Ангела-хранителя неоспоримо утверждается многими примѣрами и опытами. Такъ, еще въ самой глубокой древности слышимъ, какъ патріархъ Іаковъ благословляетъ дѣтей своихъ о имени Ангела, который сопровождалъ и хранилъ его самого на всѣхъ путяхъ его жизни (Быт. 48, 16). Въ древней же священной исторіи потомъ видимъ, какъ праведный Товитъ сопровождается Ангеломъ-хранителемъ на пути, избавляется имъ отъ бѣдствій, и, наконецъ, слышитъ отъ него, что онъ издавна былъ хранителемъ его и свидѣтелемъ всѣхъ его поступковъ (Тов. 12, 12—15).

Что касается до Церкви новозавѣтной, то она отъ начала своего до нашихъ временъ, представляетъ столько примѣровъ дѣйствія Ангеловъ-хранителей надъ людьми, ими хранимыми, что ихъ надлежало бы пересказывать не часъ, а цѣлый день.

Можно ли собственнымъ опытомъ убѣдиться въ томъ, что у каждаго изъ насъ есть Ангелъ-хранитель?

Не только можно, но и должно. *Можно*, ибо охраненіе

насъ Ангеломъ-хранителемъ, какъ дѣйствіе постоянное, могущественное и разнообразное, потому самому не можетъ не быть весьма ощутительнымъ для всякаго внимательнаго. *Должно:* ибо неощущеніе ангельскаго охраненія надъ собою всегда предполагаетъ въ насъ невниманіе къ нему и слабость нашего духовнаго союза съ Ангеломъ-хранителемъ.

Отчего же большая часть людей не ощущаетъ на себѣ дѣйствій своего Ангела-хранителя?

Оттого, что большая часть изъ насъ не обращаетъ никакого вниманія на своего Ангела-хранителя; не мало даже такихъ, кои вовсе не знаютъ, что у нихъ есть Ангелъ-хранитель.—Иные знаютъ по наслышкѣ, что у человѣка есть Ангелъ-хранитель, и желали бы видѣть надъ собою опытъ ангельскаго охраненія, но болѣе изъ любопытства, нежели для пользы душевной.—не стараясь нисколько содѣлать себя того достойными: прилично ли Ангелу-хранителю удовлетворять желанію такихъ людей?

Кто виновенъ въ томъ, что мало знаютъ своего Ангела-хранителя, и еще менѣе стараются быть въ союзѣ съ нимъ?

Виною сего наше невниманіе къ дѣлу своего спасенія, и происходящее отсюда невниманіе къ ученію слова Божія и святыя Церкви объ Ангелѣ-хранителѣ и нашемъ отношеніи къ нему. Святая Церковь дѣлаетъ съ своей стороны все, чтобъ не дать намъ остаться въ невѣдѣніи о столь важномъ для насъ лицѣ, каковъ Ангелъ-хранитель. Каждый первый день недѣли посвящается ею на прославленіе и молитвенное призываніе Ангеловъ вообще, и Ангела-хранителя въ частности. Кромѣ сего у ней есть не малое число трогательныхъ молитвъ къ Ангелу-хранителю—для нашего домашняго употребленія.

Какой надежнѣйшій способъ ко вступленію въ живое общеніе съ Ангеломъ-хранителемъ?

Вниманіе къ себѣ, своей жизни, совѣсти и своему вѣчному предназначенію; частое молитвенное обращеніе мысли и сердца къ Ангелу-хранителю; искреннее желаніе слышать его гласъ и слѣдовать его внушеніямъ; удаленіе себя отъ всего грѣховнаго и нечистаго и жизнь ангелоподобная:—вотъ, по свидѣтельству святыхъ отцевъ, самыя вѣрныя средства ко вступленію въ живой союзъ съ Ангеломъ-хранителемъ!

Что служитъ въ человѣкѣ предметомъ храненія для Ангела-хранителя?

Весь человѣкъ: духъ, душа и тѣло.—умъ, воля и совѣсть; а вмѣстѣ съ симъ и его внѣшнее состояніе, и притомъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Посему отъ Ангела-хранителя можно надѣяться всякой помощи, прибѣгать къ нему съ моленіемъ во всякой нуждѣ и обстояніи. Но преимущественно Ангелъ-хранитель бодрствуетъ надъ сохраненіемъ нашей души и совѣсти. Ибо, хотя бы все было потеряно, даже здравіе и самая жизнь: но если цѣла душа и совѣсть, то человѣкъ—цѣлъ: и Ангелъ-хранитель радуется о немъ, какъ о сохраненномъ. Напротивъ, хотя бы весь міръ былъ нами пріобрѣтенъ; но, если погублены совѣсть и душа, то мы все потеряли, и Ангелъ-хранитель плачетъ о насъ, какъ о погибшихъ.

Можно ли въ надеждѣ на Ангела-хранителя предаваться опасностямъ?

Никакъ. Духъ тьмы предлагалъ нѣкогда Спасителю вергнуться съ крова церковнаго, въ надеждѣ, яко писано есть: *Ангеломъ Своимъ заповѣстъ о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ:* но Сынъ Божій отвѣчалъ: *не искусиши Господа Бога твоего* (Матѳ. 4. 6. 7). Тѣмъ паче долженъ отвѣчать себѣ такимъ образомъ христіанинъ, если бы пришла ему искусительная мысль отважиться, безъ достаточной причины, на что-либо опасное и превышающее его силы, въ надеждѣ на помощь Ангела-хранителя.

На одно мы твердо и всегда можемъ и должны рѣшаться, по надеждѣ на помощь нашего Ангела-хранителя, или, что тоже, на помощь Божію; это—сраженіе съ нашею природою грѣховною; тутъ побѣда всегда возможна, ибо всегда необходима.

Какимъ образомъ обнаруживается надъ человѣкомъ дѣйствіе Ангела-хранителя?

Обнаруживается.—и чудесно,—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ естественныя средства недостаточны, а нужда въ помощи величайшая, какъ напримѣръ, когда три святые отрока ввержены были въ пещь огненную въ Вавилонѣ. Но, во всѣхъ прочихъ обыкновенныхъ случаяхъ Ангелъ-хранитель дѣйствуетъ обыкновеннымъ, ему свойственнымъ образомъ. Но должно помнить, что ангельское и обыкновенное выше мно-

гаго человѣческаго необыкновеннаго. Поелику знаніе и силы Ангеловъ далеко превышаютъ всю мудрость и все могущество человѣческое; то Ангелъ-хранитель безъ чудесъ можетъ сдѣлать для хранимаго имъ человѣка весьма много такого, чего онъ самъ не могъ бы для себя никогда сдѣлать; напримѣръ, можетъ невидимо отклонять отъ человѣка опасности, или благовременно предостерегать его отъ нихъ; можетъ вразумлять умъ тайными озареніями мыслей, можетъ вдыхать въ сердце благія желанія, — одушевлять, когда нужно, мужествомъ, утѣшать въ скорбяхъ, и проч.

Какой главный органъ у человѣка для сообщенія съ своимъ Ангеломъ-хранителемъ?

Главный органъ для сообщенія человѣка съ Ангеломъ-хранителемъ, какъ и вообще съ міромъ духовнымъ, даже съ Самимъ Богомъ, есть сердце и совѣсть. Посему вниманіе къ своему сердцу и совѣсти есть первый долгъ для того, кто хочетъ слышать голосъ Ангела-хранителя.

Что должно каждому изъ насъ дѣлать въ отношеніи къ своему Ангелу-хранителю?

Первѣе всего постоянно памятовать, что у каждаго изъ насъ есть Ангелъ-хранитель; ибо многіе, къ сожалѣнію, о семъ вовсе и не думаютъ.

Во-вторыхъ, должно стараться приходить какъ можно болѣе въ постоянное и живое общеніе съ Ангеломъ-хранителемъ, пользуясь для сего всѣми, выше указанными, средствами.

Въ-третьихъ, достигнувъ живаго союза съ Ангеломъ-хранителемъ, должно поддерживать сей блаженный союзъ чистотою совѣсти и жизни; а въ случаѣ грѣхопаденія, надобно возстановлять его скорымъ и искреннимъ покаяніемъ.

Можно ли потерять Ангела-хранителя?

Хотя Ангелъ-хранитель дается человѣку на всю жизнь и никогда не оставляетъ его совершенно до самой его смерти; но коль скоро человѣкъ, повторяя одни и тѣже грѣхи, предается совершенно страстямъ и, ниспадая отъ одного порока въ другой, доходитъ, наконецъ, до ожесточенія во грѣхѣ и нераскаянности: то Ангелъ-хранитель, хотя не оставляетъ вовсе такого грѣшника, но, побуждаемый несовмѣстностію чистаго естества своего со грѣхомъ, удаляется отъ него, такъ что грѣшникъ лишается ангельскаго покрова.

Что бываетъ, когда удаляется отъ человѣка его Ангелъ-хранитель?

Тогда открывается ближайшій доступъ къ человѣку ангела тьмы, ибо, при немъ нѣтъ Ангела-хранителя: при немъ врагъ губитель; а гдѣ сей врагъ, тамъ тьма за тьмою, нечистота за нечистотою, нераскаянность за нераскаянностію, доколѣ смерть не полагаетъ конца грѣхамъ человѣка.

Можетъ ли грѣшникъ возвратить себѣ своего Ангела-хранителя?

Самый великій грѣшникъ можетъ сдѣлать сіе и примириться съ своимъ Ангеломъ-хранителемъ, посредствомъ искренняго раскаянія во грѣхахъ и оставленія ихъ навсегда. Въ такомъ случаѣ, по слову писанія, великая радость бываетъ не только для Ангела-хранителя на земли, но и для всѣхъ прочихъ Ангеловъ на небеси.

Какія молитвы и прошенія со стороны нашей особенно пріятны для Ангела-хранителя?

Тѣ, въ коихъ испрашивается у него помощь на совершеніе благихъ дѣлъ, на подвиги самоотверженія, смиренія и любви христіанской, на побѣжденіе соблазновъ, на искорененіе въ себѣ худыхъ навыковъ и страстей. Такими прошеніями мы открываемъ Ангелу-хранителю все удобство низводить своими молитвами на насъ благодать Божію, для чего онъ особенно и дарованъ каждому изъ насъ.

Увидитъ ли когда-либо каждый изъ насъ своего Ангела-хранителя?

Увидитъ въ часъ своей смерти. Ибо Ангелъ-хранитель остается единымъ спутникомъ души, по разлученіи съ тѣломъ, исходящей изъ сего міра.—Здѣсь-то узнаетъ каждая душа, кто хранилъ ее. Но это свиданіе съ Ангеломъ-хранителемъ не одинаково для всѣхъ. Для душъ добрыхъ оно источникъ взаимной радости и благодаренія, а для душъ злыхъ и нераскаянныхъ—источникъ стыда, печали и вѣчныхъ угрызеній совѣсти.

Такова, братіе, сущность ученія православной Церкви объ Ангелѣ-хранителѣ! Можетъ ли быть что-либо отраднѣе и вмѣстѣ назидательнѣе сего ученія?—Возшлемъ убо благодареніе Господу и Спасителю нашему, Который столько возлюбилъ насъ, что приставилъ къ намъ, какъ къ малолѣтнимъ дѣтямъ, такихъ великихъ и святыхъ пѣстуновъ. Будемъ при-

знательны и къ святымъ Ангеламъ за то, что они, по любви своей къ намъ, не презираютъ нашей нечистоты и немощей, и воспріемлютъ каждаго изъ насъ на свои руки. А благодаря Господа Ангеловъ и пренебесныхъ слугъ Его, потщимся обратить во благо для себя ихъ благотворное служеніе нашему спасенію, дабы, когда прійдетъ время самимъ намъ оставить міръ сей и вступить въ сонмъ безплотныхъ духовъ, свиданіе каждаго изъ насъ съ своимъ Ангеломъ-хранителемъ было не на укоризну и стыденіе, а на вѣчное утѣшеніе и радость. Аминь.

Слово въ день Собора Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ *).

Апостолъ Павелъ въ одномъ изъ посланій своихъ (1 Кор. 13. 1) упоминаетъ о языкѣ ангельскомъ. Если когда желалось бы уразумѣть хотя нѣкую часть сего языка, то въ настоящій день: ибо мы намѣрены бесѣдовать съ вами объ Ангелахъ. Но на землѣ нѣтъ учителя для языка ангельскаго, съ неба трудно ожидать его для нашего недостоинства: остается потому и объ Ангелахъ говорить языкомъ не ангельскимъ, а человѣческимъ. Чтобы однако же онъ не былъ вовсе не достоинъ Ангеловъ, освятимъ его, какъ можно болѣе, мыслями и словами св. писанія, которое, по увѣщанію того же Апостола, такъ важно и священно для насъ, что противное ему не стоитъ вниманія, хотя бы возвѣщалось отъ самаго Ангела (Гал. 1. 8).

Поелику первое понятіе о вещи заключается въ ея названіи, то начнемъ съ имени ангельскаго.

Имя Ангела означаетъ вѣстника. Архангелъ, слѣдовательно, есть вѣстникъ главный. Такъ называются безплотные духи потому, что они, въ отношеніи къ людямъ, суть провозвѣстники воли Божіей.

Что касается до самой природы Ангеловъ, то они суть существа духовныя, и слѣдовательно разумно-свободныя,— безплотныя и потому невидимыя, кои, будучи одарены высокою степенію силы и могущества, наслаждаются посему бытіемъ самымъ блаженнымъ.

*) Сказанное въ Харьковской Михайловской церкви, 8 ноября 1458 года.

Много ли Ангеловъ?

Число ихъ извѣстно единому Богу. Изъ слова Божія видно токмо, что оно чрезвычайно велико. Такъ напр., когда пророкъ Даніилъ видѣлъ Господа сидящимъ на престолѣ, то *тысящи тысящъ* Ангеловъ служили Ему, и *тьмы темъ* предстояли Ему (Дан. 8. 10). Подобнымъ образомъ и тайновидецъ Іоаннъ, когда слышалъ хвалебный гласъ Ангеловъ окрестъ престола Агнча: то число ихъ было тьма темъ и тысяща тысящъ (Апок. 5. 11), то есть, крайне велико.

Есть ли между Ангелами какое-либо первенство и подчиненность?

Есть: ибо въ св. писаніи упоминаются не Ангелы токмо, но и Архангелы, то есть, Ангелы главные или начальствующіе. Нѣкоторые изъ Ангеловъ называются также властями и господствами, безъ сомнѣнія, по ихъ власти надъ другими. Вслѣдствіе сего одинъ изъ мужей апостольскихъ, св. Діонисій Ареопагитъ, на основаніи слова Божія, исчисляетъ въ мірѣ ангельскомъ слѣдующихъ чиновъ: первый видъ—Херувимы, Серафимы, Престолы; второй видъ—Господства, Начала, Власти; третій видъ—Силы, Архангелы, Ангелы. У сего же св. отца желающій можетъ найти, чѣмъ каждый изъ сихъ чиновъ отличается отъ другаго.

Когда сотворены Ангелы?

Прежде человѣка ибо, какъ говоритъ Господь у Іова, *егда сотворены быша звѣзды* (а это произошло въ четвертый день), *восхвалиша Мя гласомъ велiимъ вси Ангели мои* (Іов. 38. 7). Православная Церковь учитъ даже, на основаніи этого мѣста, что Ангелы или міръ невидимый сотворены вообще прежде всего міра видимаго, а не одного человѣка, и что было, какъ говоритъ св. Василій Великій время, такъ сказать, довременное, когда существовали однѣ умныя силы и не было еще ничего вещественнаго.

Гдѣ обитаютъ Ангелы?

Вездѣ, но преимущественно на небѣ, окрестъ престола Божія, то есть, тамъ, гдѣ наиболѣе Богъ открываетъ для нихъ славу Свою, а чрезъ нихъ волю Свою.

Велико ли вѣдѣніе Ангеловъ?

Весьма велико въ сравненіи съ человѣческимъ. И сами по себѣ, по своему существу и положенію, они знаютъ многое, чего не можемъ знать мы. Кромѣ сего, они участвуютъ въ

тайнахъ Божіихъ и пріемлютъ непосредственное озареніе отъ Пресвятыя Троицы. Впрочемъ, Ангелы не всевѣдущи: это совершенство принадлежитъ единому Богу.

Какъ же Ангелы могутъ знать молитвы и прошенія наши, если они не всевѣдущи?

Чрезъ Бога всевидящаго, Ангелы, по слову Спасителя, *выну видятъ лице Отца небеснаго* (Матѳ. 18, 11), а въ семъ лицѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается все.

Велико ли могущество Ангеловъ?

Несказанно выше человѣческаго. Посему они могутъ творить такія дѣла, кои превышаютъ силы природы и суть для насъ чудо. Такъ напр., Ангелъ въ одну ночь поразилъ сто восемьдесятъ тысящъ ассиріянъ за оскорбленіе имени Божія.

Въ чемъ состоитъ дѣятельность Ангеловъ?

Въ прославленіи совершенствъ Божіихъ, и въ исполненіи воли Творца, особенно касательно спасенія человѣческаго.

Могутъ ли Ангелы грѣшить?

Какъ существа свободныя, они въ началѣ, подобно людямъ, могли злоупотреблять своею свободою и впасть въ грѣхъ, какъ и впали нѣкоторые. Но тѣ, кои остались вѣрными Творцу своему, въ продолженіе времени столько утвердились въ добрѣ, что теперь грѣхъ для нихъ сдѣлался невозможнымъ; не потому, чтобы они не могли преступить воли Божіей, но потому, что никогда не захотятъ сего.

Всѣ ли Ангелы остались вѣрными своему долгу и удержали свое достоинство?

Нѣтъ, не всѣ; Сатана съ подвластнымъ ему ликомъ ангельскимъ, предавшись гордости, отпалъ отъ Бога, и за сіе ниспалъ на всегда изъ міра ангельскаго въ преисподнюю.

Въ какомъ отношеніи Ангелы къ людямъ?

Въ самомъ благотворномъ для людей: всѣ они, по увѣренію слова Божія, *суть служебныя духи, въ служеніе посылаемыя за хотящимъ наслѣдовать спасеніе* (Евр. 1, 14).

Не унижается ли достоинство Ангеловъ служеніемъ ихъ человѣкамъ?

Нисколько: ибо это служеніе въ нихъ отъ любви и по примѣру Самаго Господа, Который приходилъ на землю, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою въ избавленіе за всѣхъ насъ. Ангелы служатъ людямъ, какъ старшіе

малолѣтнимъ, здравые недужнымъ, свободные плѣннымъ, зрящіе слѣпымъ.

Извѣстны ли какіе-либо опыты служенія ангельскаго спасенію человѣческому?

Ими исполнена вся священная исторія. Ангелы были руководителями патріарховъ; чрезъ нихъ данъ на Синаѣ законъ Израилю; Ангелами возвѣщено зачатіе, воспѣто рожденіе, оглашено воскресеніе и проповѣдано вознесеніе Спасителя. Ангелы споспѣшествовали Апостоламъ въ распространеніи вѣры христіанской. Ангелы, какъ видно изъ Апокалипсиса, употребляются для совершенія великихъ судовъ Божіихъ надъ царствами и народами. Ангелы же, въ концѣ міра, соберутъ всѣхъ людей на судъ всемірный.

Имѣетъ ли у Ангеловъ еще особаго какого-либо союза съ людьми?

Есть. Это союзъ Ангела-хранителя съ человѣкомъ, имъ хранимымъ. Союзъ сей такъ важенъ для насъ, что мы побесѣдуемъ когда-либо о немъ особенно.

Довлѣетъ ли человѣку почитать Ангеловъ?

Довлѣетъ; ибо какъ не оказывать почтенія существамъ, украшеннымъ толикими совершенствами, кои при томъ суть наши помощники и хранители?

Можно ли Ангеламъ покланяться такъ, какъ покланяемся Богу и Спасителю нашему?

Нѣтъ, такого поклоненія не пріемлютъ Ангелы, потому что оно, яко подобающее единому Богу, посему самому противно ихъ ревности по славѣ Божіей. *Виждь*, сказалъ нѣкогда Ангелъ тайновидцу, когда онъ, принявъ его за Спасителя, хотѣлъ поклониться ему, какъ Богу,—*виждь, ни, клеврета ти есмь: Богу поклонися* (Апок. 22, 8)!

Какое же поклоненіе прилично Ангеламъ?

То, которое состоитъ въ признаніи и прославленіи ихъ совершенствъ, поколику въ нихъ отражается слава Творца,—въ призываніи ихъ на помощь съ изъявленіемъ предъ ними знаковъ любви и уваженія, и, главное, въ подражаніи ихъ ангельскимъ нравамъ и дѣяніямъ.

Довольно вопросовъ и отвѣтовъ!—Прекратимъ бесѣду объ Ангелахъ, и обратимся на молитву къ Ангеламъ. Ибо, хотя хорошо и бесѣдовать о нихъ, но еще лучше молиться. Усердно молящагося научатъ о себѣ сами Ангелы. Аминь.

Слово въ день пророка Иліи.

Блажаемый нынѣ праведникъ принадлежитъ, братіе, къ числу тѣхъ великихъ мужей, кои, какъ звѣзды, сіяли на тверди Церкви ветхозавѣтной, до восшествія Солнца правды—явленія во плоти Сына Божія. Мы называемъ сего праведника *пророкомъ*, за особенную рѣшительность предсказаній его; но еще съ большею силою приличествуетъ ему названіе чудотворца. Какъ Моисей былъ нѣкогда данъ, по выраженію писанія, *въ бога Фараону* (Исх. 7, 1); такъ Илія, можно сказать, опредѣленъ былъ на время богомъ для Ахава и Израиля, уклонившихся къ мерзостямъ языческимъ. Чего не происходило по гласу Иліи? Небо и заключалось и отверзалось, и не давало дождя и проливало цѣлыя рѣки; огнь ниспадалъ на жертву и потреблялъ самую воду, коею она была окружена. Чего не произошло и для Иліи?—Враны доставляли ему пищу; Іорданъ обнажалъ лоно свое и преводилъ его по суху; Самъ Богъ является Иліи такъ, какъ не являлся никому послѣ Моисея. Конецъ жизни, состоявшей изъ чудесъ, еще чудеснѣе: Илія возносится на небо на колесницѣ огненной, какъ не возносился никто прежде, и, вѣроятно, не вознесется никто послѣ.

И не смотря на все сіе, *Илія*, по слову Апостола, *бѣ человѣкъ подобострастенъ намъ* (Іак. 5, 17). Когда подумаешь о семъ, братіе, то въ иное время тотчасъ возносишься какъ бы на высоту, а въ иное—какъ бы упадаешь долу. Въ минуту святаго восторга хочешь возвыситься въ мысляхъ до высоты праведника, распространиться въ дѣйствіяхъ до его круга дѣятельности, слышишь внутрь себя голосъ, что *Богъ Иліинъ* (4 Цар. 2, 14) есть Богъ всѣхъ и каждаго, что у Него не одна огненная колесница, а *тьмы темъ* (Псал. 67, 18).—чувствуешь какое-то стремленіе летѣть на Кармилъ и въ Хоривъ, дабы послѣ огня и бури слышать тамъ *гласъ хлада тонка* (3 Цар. 19, 12). А въ минуту слабости духа взоръ невольно поникаетъ долу предъ образомъ праведника, трудно бываетъ вѣрить, что все это совершено съ нашею бренною плотію, думаешь видѣть одну картину, начертанную рукою благочестиваго художника; стоишь въ мысляхъ у подошвы Хорива, и не смѣешь войти въ пещеру, гдѣ является Господь. Такъ бываетъ при мысли и о дру-

гихъ великихъ праведникахъ: духъ паритъ къ нимъ и съ ними, какъ съ своими, а плоть отрицается отъ нихъ, какъ отъ чуждыхъ, неподражаемыхъ.

Кого слушать: плоть или духъ?—Если слушать плоть, то рано или поздно должно приложиться наконецъ *скотамъ неслысленнымъ* (Псал. 48. 21); ибо какъ бы грѣховная плоть ни облагороживала, ни возвеличивала, ни утончала и ни украшала образцы свои и наслажденія, они всегда берутся изъ круга вещей чувственныхъ, тлѣнныхъ и неразумныхъ. Притомъ, *сѣявый въ плоть*, говоритъ вѣчная истина, *отъ плоти пожнетъ истлѣніе* (Гал. 6. 8). Посему лучше слѣдовать за духомъ, какъ бы ни высокъ былъ полетъ его; ибо, *сѣявый въ духъ*, говоритъ таже истина, *отъ духа пожнетъ животъ вѣчный*. Грѣховной плоти хорошо быть земною и стремиться долу, ибо сама она изъ праха и разсѣется въ прахъ; а духу непремѣнно должно быть небеснымъ: ибо ему надобно, оставивъ плоть въ персти, идти на небо. Но какъ онъ взойдетъ туда, если заранѣе не пріучитъ себя паритъ горѣ, и не отрѣшится заблаговременно отъ всего земнаго?

Чему же именно должно подражать намъ въ Иліи? Ужели и дивнымъ дѣламъ его, въ коихъ онъ являлся превыше всея природы? А что же, возлюбленный, если бы сказали тебѣ—подражать и этому? Развѣ бы сказали неправду?—Что-либо неприличное христіанину?—Развѣ вѣрующимъ во Христа не обѣщано знаменій? *Знаменія же вѣровавшимъ*, говоритъ Самъ Спаситель, *сія послѣдуютъ: именемъ Моимъ бѣсы изженутъ, языки возглаголютъ новы, змія возмутъ, аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ* (Марк. 16, 17, 18). Много сказано; но не думай, чтобы здѣсь было перечислено все; и это многое указано только для примѣра. Ибо послушай, что говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ Самъ Спаситель: *вѣруяй въ Мя дѣла, яже Азъ сотворихъ, и той сотворитъ, и большая сихъ сотворитъ* (Іоан. 14, 12). Мало ли творилъ чудесъ Спаситель? Но вотъ, обѣщаются еще большія дѣла. Кому? вѣрующему, слѣдственно и тебѣ, если вѣруешь какъ должно. Намъ кажется это невозможнымъ, потому что мы далеки отъ высоты совершенства христіанскаго; такъ какъ человѣку, стоящему во рву, все кажется выше его.

Но предоставимъ колесницу огненную тѣмъ, кои могутъ

сидѣть на ней и не сгарать; поднимемъ съ благоговѣніемъ по крайней мѣрѣ милоть Иліину, которая упадетъ прямо на главы наши: я разумѣю добродѣтели чудотворца хоривскаго. Много было въ Иліи чудесъ, но еще болѣе добродѣтелей. Будемъ подражать добродѣтелямъ, когда не можемъ подражать чудесамъ. Добродѣтели лучше чудесъ, ибо отъ нихъ и всѣ чудеса, а чудо еще не даетъ само по себѣ добродѣтели. Будемъ подражать воздержанію Иліи, по коему онъ три года питался горстію муки и чванцемъ елея; будемъ подражать святой наклонности къ уединенію, по коей онъ едва не всю жизнь провелъ въ пещерѣ; будемъ подражать смиренію, по коему Иліи не хотѣлось имѣть даже въ Елисеѣ свидѣтеля своего вознесенія на небо. Паче же всего да возлюбимъ ревность Иліину по славѣ Бога истиннаго. Говорю: *паче всего;* ибо святая добродѣтель сія приходитъ у насъ едва не въ совершенное забвеніе. Коснутся какимъ-либо образомъ нашей чести? мы выходимъ изъ себя: готовы отдать за нее нашу жизнь. А честь вѣры и ея свѣтлѣйшихъ таинствъ, а честь Искупителя нашего и будущаго Судіи, а честь общія матери нашея Церкви для многихъ—ничто! Говорите при нихъ что угодно, противъ всего святаго, они не скажутъ ни слова въ защиту, будутъ находить удовольствіе въ вашихъ словахъ, можетъ быть полюбятъ васъ за это. Такъ ли должно быть между истинно-вѣрующими? Не явный ли это знакъ, что у такихъ людей нѣтъ вѣры въ сердцѣ, что они—тайные язычники?—А мало ли такихъ!

Посему-то я и приглашаю подражать ревности Иліи.—Какъ подражать? Мечемъ Иліинымъ?—Нѣтъ, онъ въ рукахъ предержащей власти, которая всѣми дѣйствіями своими доказываетъ, что она, по выраженію Апостола, *не безъ ума мечъ носитъ* (Рим. 13. 4); а во-первыхъ—примѣромъ благимъ, то-есть личнымъ уваженіемъ твоимъ ко всему священному, во-вторыхъ, словомъ благимъ и убѣжденіемъ, коль скоро будешь останавлять порывы безумія и вразумлять людей буйныхъ и ненаказанныхъ. По крайней мѣрѣ, не слушай хульныхъ рѣчей, не улыбайся, когда слышишь ихъ, а бѣжи, если можешь, отъ говорящаго. Какъ бы много сократилось несчастіе, если бы наказывалось хотя однимъ—невниманіемъ.

Если будемъ такимъ образомъ подражать небовосшественному пророку въ его добродѣтеляхъ; то наконецъ и предъ

нами явится колесница, и мы будемъ восхищены на небо. То есть, смерть наша, коей мы всѣ такъ страшимся, будетъ для насъ мирнымъ преселеніемъ въ обители Отца небеснаго. Аминь.

Слово въ день Рождества Іоанна Предтечи.

Предтечи рождествомъ острится днесь сѣкира духовная, еюже вся посѣкаются страстей взыгранія, тайно же процвѣтаютъ плоды покаянія (Кан. Пѣс. 7, ст. 3)

Итакъ, братіе, грозная сѣкира, видѣнная нѣкогда Іоанномъ Предтечею (Матѳ. 3, 10) при корнѣ всякаго древа, не творящаго добра, цѣла и доселѣ! И чтобы кто не подумалъ, что священное остріе ея притупилось уже о выи нераскаянныхъ грѣшниковъ, се нынѣ она, по свидѣтельству Церкви, снова острится рождествомъ Предтечи!

Оставимъ ли празднество, убоявшись того, что имъ острится сѣкира духовная? Но тому, кто скончалъ жизнь свою подъ мечемъ, позволительно и при рожденіи привести на память мечъ!—Лучше подойдемъ ближе къ грозной сѣкирѣ: разсмотримъ, какъ она нынѣ острится, противъ кого и чего? и нѣтъ ли способа сдѣлать самое остріе ея для насъ спасительнымъ?

Явленіе на свѣтъ праведника всегда есть великая милость Божія къ людямъ: ибо праведниками стоитъ и держится весь міръ. Но тѣмъ не менѣе рожденіе праведника всегда есть нѣкотораго рода обличеніе для міра, есть новый приговоръ противу его соблазновъ и страстей:—ибо праведники своею противоположностію служатъ постояннымъ осужденіемъ для житія грѣшниковъ. Не имѣя предъ своими очами праведниковъ, грѣшники могли бы говорить, что законъ Божій слишкомъ тяжелъ, а природа человѣческая слишкомъ слаба. Но, когда подобострастный имъ человѣкъ ходитъ *во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ Господнихъ непорочно* (Лук. 1, 6); исполняетъ много даже такого, чего законъ Божій прямо и не требуетъ отъ людей: то уста людей грѣшныхъ, желающихъ извинять свои измѣны закону, затворяются невольно, и они, по причинѣ подобострастнаго имъ праведника,—*вины не имутъ о грѣсѣхъ* (Іоан. 15, 22). Потому-то міръ съ такимъ ожесточеніемъ всегда и преслѣдовалъ праведниковъ; ибо въ ихъ жизни видѣлъ приговоръ самому себѣ.

Такое предназначеніе—служить осужденіемъ для міра—съ особенною силою выражается въ жизни тѣхъ праведниковъ, кои предопредѣлены (ибо и праведники имѣютъ разныя предназначенія) возвѣщать людямъ ихъ грѣхи и нужду исправленія. Въ день явленія міру каждаго изъ таковыхъ Богомъ воздвигаемыхъ проповѣдниковъ покаянія, сѣкира гнѣва Божія подъемлется и острится снова для посѣченія тѣхъ, кои не воспользуются ихъ проповѣдію, не тронутся ихъ примѣромъ, останутся нераскаянными въ своихъ грѣхахъ.

Но между всѣми праведниками, приходившими въ міръ для проповѣди покаянія, Предтеча Христовъ Іоаннъ есть первый и главный. Стоя на предѣлахъ двухъ завѣтовъ и связуя своимъ чрезвычайнымъ служеніемъ царство благодати съ временами подзаконными, онъ, судя по его проповѣди и дѣламъ, кажется, ничего болѣе не видѣлъ въ продолженіе жизни своей, кромѣ двухъ предметовъ: грѣховъ человѣческихъ и Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра. *Покайтеся!* (Матѳ. 3. 2)—было началомъ; *вѣруйте!* (Іоан. 1, 29)—было окончаніемъ всѣхъ его словъ. Что содержалось въ словахъ, то самое выражалось и во всей жизни Іоанновой: она совмѣщала въ себѣ все, что покаяніе имѣетъ суроваго, а вѣра—высокаго. Поелику же современники и соотечественники Іоанновы были большею частію люди упорные въ предразсудкахъ и страстяхъ, такъ что Самъ Спаситель не зналъ, чему уподобить родъ сей (Матѳ. 11. 16); а посему, не смотря на проповѣдь Іоаннову, многіе имѣли остаться въ своихъ грѣхахъ: то самъ Іоаннъ видѣлъ уже и вслухъ всѣхъ объявлялъ, что *сѣкира при корени древа лежитъ*, и *всякое древо, не творящее плода добра, будетъ посѣчено и брошено въ огнь* (Матѳ. 3, 10). И нѣтъ сомнѣнія, что со многими негодными древами въ то время такъ именно и поступлено.

Но Іоанна давно уже нѣтъ, а сѣкира Іоаннова продолжаетъ лежать при корени безплодныхъ деревъ, и нынѣ воспоминаніемъ рождества его паки острится! Чѣмъ и какъ острится? Разительною противоположностію его жизни нашимъ нравамъ и нашей жизни. Ибо что долженъ чувствовать и нынѣ каждый грѣшникъ, если въ немъ еще не подавлено грѣхомъ всякое чувство добра,—что долженъ чувствовать, воспоминая жизнь Іоанна и обращаясь отъ ней къ образу своей жизни? Не смущеніе ли? Не осужденіе ли

самого себя?—Можетъ ли вспомнить о пустынѣ Іоанновой безъ упрека совѣсти тотъ, кто строитъ чертоги за чертогами?—Объ акридахъ и медѣ дивіемъ—тотъ, кто не знаетъ счету своимъ яствамъ?—О поясѣ усменномъ и власахъ верблюжьихъ—тотъ, кто облачается непрестанно виссономъ?—О главѣ на блюдѣ спекулатора—тотъ, который самъ среди пировъ готовъ бываетъ отдать все за предметы похоти плотской.

Одинъ взглядъ на образъ великаго подвижника Іорданскаго производитъ въ незагрубѣлой совѣсти чувство, подобное тому, какое происходитъ въ ранѣ тѣлесной отъ прикосновенія къ ней острія. Но начните всматриваться пристальнѣе въ сей святой образъ, заставьте себя размышлять болѣе и болѣе о жизни и проповѣди Іоанновой,—и вы увидите, какъ сѣкира, имъ указанная, будетъ видимо приближаться къ вамъ, почувствуете, какъ въ васъ много такого, что подлежитъ необходимо посѣченію, сознаетесь внутренно, что вертоградъ души вашей давно, давно требуетъ отребленія. Послѣ сего вы не будете уже и спрашивать, противъ кого и чего нынѣ острится сѣкира духовная? Противъ тѣхъ же людей и пороковъ, на кои гремѣлъ нѣкогда Іоаннъ: противъ саддукеевъ, кои, не вѣря въ воскресеніе и бытіе духовъ, ограничивая всѣ надежды человѣка землею и земными благами, говорятъ себѣ и другимъ: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. 15, 32); противъ фарисеевъ, кои, имѣя образъ благочестія, отвергаются силы его (2 Тим. 3, 5); снаружи красны и чисты, а внутрь исполнены грабленія, лукавства и всякой нечистоты (Матѳ. 23, 25); противъ книжниковъ, кои *въ премудрости Божіей не разумѣютъ премудростію Бога* (1 Кор. 1, 21), родившись въ христіанствѣ, мудрствуютъ не по Христѣ, а по стихіямъ міра (Кол. 2, 8); противъ всѣхъ, кои, возобновляя въ себѣ пороки древнихъ іудеевъ, гордость, любостяжаніе, сладострастіе, заслуживаютъ и древній упрекъ Предтечи, называвшаго такихъ людей порожденіями ехидновъ. Всѣмъ таковымъ грѣшникамъ Іоаннъ и нынѣ, не съ береговъ Іордана, а съ неба вопіетъ: *покайтеся и сотворите плоды, достойны покаянія! Не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама* (Мато. 3, 10. Именуемся христіанами, ходимъ во храмы, участвуемъ въ таинствахъ. Все это безъ перемѣны сердца и жизни — ничто.

Покайтеся и вѣруйте въ Евангеліе,—вѣруйте не словами, а дѣломъ! Иначе и теперь, какъ было прежде и какъ будетъ всегда, и теперь сѣкира при корени древа лежитъ, и *всякое древо, не творящее плода добра, посѣкается и во огнь вметается* (Матѳ. 3. 10).

Посѣкается! въ огонь вметается! Ахъ, братіе, выраженія сіи и на нашемъ языкѣ, любящемъ преувеличивать понятія, были бы страшны; а на языкѣ людей, подобныхъ Іоанну, кои всегда менѣе говорятъ, нежели дѣлаютъ, они должны заставить трепетать каждаго грѣшника!

Что же дѣлать тѣмъ, кои почувствуютъ въ себѣ сей святый трепетъ? Ничего болѣе, какъ добровольно подклонить главу подъ сѣкиру Іоаннову и дать ей, по выраженію Церкви, *усѣчь до корени всякое страстей взыграніе*. Духовная сѣкира страха Божія и покаянія имѣетъ въ себѣ то чудное свойство, что посѣкаетъ всеконечно тѣхъ, кои убѣгаютъ отъ нея своимъ нераскаяніемъ, и напротивъ отребляетъ, избавляетъ отъ сухихъ вѣтвей, отъ нечистотъ и болѣзней и наконецъ отъ смерти тѣхъ, кои сами прибѣгаютъ къ ея спасительному дѣйствію. Итакъ, да взыдетъ, да взыдетъ скорѣе священное остріе ея на все сухое и безплодное въ нашемъ умѣ и сердцѣ! Да посѣчетъ въ самомъ корнѣ гордость, сладострастіе, гнѣвливость, сквернословіе и, по выраженію Церкви, *всякое страстей взыграніе!* Растлѣнная природа наша нерѣдко обманываетъ насъ невинною, повидимому, игрою своихъ силъ, которая однакоже почти всегда оканчивается тяжкими паденіями. Да посѣкутся и сіи взыранія, да разбіются о камень воздержанія самые младенцы грѣха (Псал. 136, 9)—злые помыслы! Со зломъ не можетъ быть никакого перемирія: тутъ брань на смерть; одно изъ двухъ: или мы мертвы, а грѣхъ живъ въ насъ; или грѣхъ мертвъ, а мы живы. Среднее состояніе есть плодъ самообольщенія: его нѣтъ и быть не можетъ. Токмо когда посѣкается всякое страстей взыграніе, и нанесенъ смертельный ударъ въ самое сердце ветхаго нашего человѣка, только тогда начинается новая жизнь, и могутъ процвѣтать плоды покаянія. Процвѣтать *тайно:* ибо хотя они родятся въ нашемъ сердцѣ, но корень ихъ далѣе и глубже—въ благодати Духа Святаго, коея дѣйствія не подлежатъ взорамъ нашего разума. Тайно: ибо какъ естественныя добродѣтели, всегда растворенныя гордостію, всюду любятъ выказы-

ваться; такъ плоды Духа Святаго, добродѣтели духовныя, будучи проникнуты смиреніемъ, не любятъ очесъ человѣческихъ. Обновленный благодатію грѣшникъ, подобно праведной Елисаветѣ, носитъ въ себѣ новаго человѣка и таится (Лук. 1, 24), какъ бы не довѣряя чудесамъ, въ немъ совершающимся.

Для успѣха же въ великомъ дѣлѣ самоотребленія духовнаго, будемъ, братіе, чаще отъ суетъ міра, отъ шума и пререканій житейскихъ переноситься мыслію въ пустыню Іоаннову и молить его, чтобы онъ и въ насъ, какъ нѣкогда въ народѣ іудейскомъ, уготовалъ путь Спасителю. Живя въ духѣ съ Іоанномъ, раздѣляя по возможности его подвиги, мы, безъ сомнѣнія, скоро увидимъ подобно ему, Агнца Божія, грядущаго взять грѣхи наши. Тогда, принявъ отъ Него, послѣ Іоаннова крещенія слезъ, крещеніе Духомъ, мы не согласимся промѣнять духовной пустыни ни на какой земной рай, и со слезами благодарности будемъ лобызать Іоаннову сѣкиру покаянія, избавившую насъ отъ смерти духовной.—Аминь.

Слово въ день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.

И абіеославъ царь спекулатора, повелѣ принести главу его. Онъ же шедъ, усѣкну его въ темницѣ, и принесе главу его на блюдѣ, и даде ю дѣвицѣ, и дѣвица даде ю матери своей (Марк. 6, 27. 28).

На самой срединѣ жизни, проводимой въ строжайшемъ исполненіи закона Божія,—предъ самымъ *пришествіемъ царствія Божія въ силѣ* (Марк. 9, 1), для коего всѣ ветхозавѣтные праведники готовы были бы возстать изъ гробовъ,—вдругъ лишиться жизни въ угожденіе безстудной любодѣйцы и отдать главу свою на блюдо спекулатора, чтобы она служила зрѣлищемъ среди безумнаго пира,—можетъ ли быть участь плачевнѣе сей участи?—И кого же постигла такая участь? Святѣйшаго проповѣдника истины и добродѣтели, Предтечу и Крестителя Сына Божія, того, болѣе коего, по свидѣтельству самой истины, *не восте* никто *въ рожденныхъ женами* (Матѳ. 11, 11)!—Боже мой, что же послѣ сего значатъ наша жизнь и смерть, что Промыслъ небесный и добродѣтель, что міръ сей и все, что въ немъ!

Вѣрно. братіе. не то. что мы обыкновенно представляемъ; вѣрно. не такъ должно взирать на жизнь и смерть, какъ мы обыкновенно взираемъ; видно. у Творца нашего есть другіе законы. по коимъ величайшій праведникъ можетъ скончать земное теченіе свое такъ. какъ скончалъ его Іоаннъ, и напротивъ величайшій грѣшникъ, каковъ Иродъ, можетъ не знать печали и слезъ до самаго конца своего.

Можемъ ли мы знать эти законы?—Можемъ и должны. У Промысла Божія много таинъ, но въ семъ отношеніи довольно свѣта для самыхъ близорукихъ очей. Дабы мы не имѣли причинъ къ ропоту и несли благодушнѣе каждый свой крестъ. для сего въ словѣ Божіемъ ясно открыты намъ какъ причины. такъ и цѣль невинныхъ страданій въ семъ мірѣ. Раскроемъ это въ утѣшеніе страждущихъ и для вразумленія тѣхъ. кои заставляютъ невинно страдать другихъ.

Что счастіе есть природный удѣлъ добродѣтели, что за невинностію должны слѣдовать радость и миръ, а не гоненіе и слезы.—это законъ вѣчный, непреложность коего сердце наше признаетъ вопреки всѣмъ мудрованіямъ ума строптиваго. вопреки всѣмъ примѣрамъ гонимой добродѣтели и торжествующаго порока. Невольно и вмѣстѣ охотно вѣришь. что было время. когда добродѣтели и блаженство были заодно. и что паки будетъ время, когда они станутъ заодно. Съ другой стороны. кто. не сводя взоровъ съ лица Отца небеснаго. можетъ сказать. чтобы усматриваемое теперь всюду разлученіе счастія отъ добродѣтели имѣло основаніе свое въ волѣ Его. премудраго и всеблагаго,—и чтобы источникъ страданій для праведныхъ бралъ начало свое на небѣ?—Кто можетъ сказать это?

Кѣмъ же разорванъ на землѣ вѣчный и естественный союзъ счастія съ добродѣтелію и возведенъ на престолъ порокъ? Никѣмъ. кромѣ человѣка. Онъ самъ, надменный и ослѣпленный внушеніями змія. не соблюлъ *своего начальства* (Іуд. 6) въ Эдемѣ, вышелъ изъ благолѣпной подчиненности Творцу. возмутилъ порядокъ вещей. уклонился отъ цѣли бытія своего и уклонилъ съ собою все, ему подчиненное, сдѣлался несчастнымъ самъ и распространилъ несчастіе по всему лицу земли. Съ тѣхъ поръ торжествуютъ нечестивые и будутъ торжествовать. доколѣ міръ внѣшній, лежащій возлѣ, не престанетъ быть заодно съ тѣмъ зломъ, коимъ испол-

ненъ ихъ міръ внутренній. Теперь, когда множество развращенныхъ людей непрестанно вносятъ во вселенную новые безпорядки, порчу и разстройство, по необходимости многое здѣсь не на своемъ мѣстѣ и происходитъ не такъ, какъ бы надлежало: чему слѣдовало быть горѣ, то повержено долу, а дольнее вознесено нерѣдко къ облакамъ; правое сдѣлалось лѣвымъ, а лѣвое правымъ; тьму называютъ свѣтомъ, а свѣтъ тьмою. Послѣ сего искать въ нашемъ падшемъ мірѣ строгаго порядка правды, вѣрнаго сочетанія счастія съ добродѣтелью значило бы искать постоянныхъ дѣйствій благоразумія въ домѣ лишенныхъ ума.

«Но, гдѣ же Промыслъ?»—Вездѣ, гдѣ есть въ немъ нуждающіеся. «Что дѣлаетъ онъ?» Все, что нужно для блага гонимыхъ и даже гонителей.—Въ самомъ дѣлѣ, все, чего должно желать въ настоящемъ состояніи вещей человѣческихъ и чего можно по праву надѣяться отъ Промысла Божія, все это состоитъ въ томъ, чтобы противъ безпорядковъ человѣческихъ взяты были надлежащія мѣры, чтобы поставленъ былъ предѣлъ, за который не могло бы простираться безуміе человѣческое, чтобы страданія людей добродѣтельныхъ были какъ можно менѣе и обращались во благо для страждущихъ, чтобы зло погребалось въ самомъ торжествѣ своемъ, а правда воскресала со славою изъ самаго гроба своего.—Но все это и сдѣлано Промысломъ, и притомъ такъ, что самый взыскательный умъ не можетъ пожелать большаго и лучшаго. И во-первыхъ, далеко ли можетъ простираться свирѣпость надъ подобными себѣ самыхъ лютыхъ гонителей человѣчества?—Не далѣе, какъ до отъятія жизни тѣла, какимъ образомъ и пострадали многіе мученики, самъ Іоаннъ и Самъ Спаситель. *Лишше что,* говоря собственными Его словами,—мучители не *могутъ сотворити* (Лук. 12, 4): души коснуться не въ ихъ власти, тѣмъ паче совѣсть остается всегда собственностію человѣка, недоступною никакому внѣшнему могуществу. Но много ли значитъ потеря тѣла бреннаго, которое и безъ мученій чрезъ нѣсколько лѣтъ должно содѣлаться добычею болѣзней и тлѣнія, и которое самъ человѣкъ отдаетъ нерѣдко прямо на смерть не только въ важныхъ случаяхъ, напр. для защищенія отечества, но и по маловажнымъ причинамъ,—много ли значитъ потеря тѣла для духа, который не знаетъ смерти и конца и, совлекаясь

бренной храмины тѣлесной здѣсь, гдѣ она тяготитъ его непрестанно. тотчасъ находитъ для себя храмину новую, *созданную* Самимъ Богомъ *на небесахъ* (2 Кор. 5, 1),—облекаясь въ тѣло духовное. славное и безсмертное? Не то же ли въ семъ отношеніи значитъ самая мученическая смерть, какъ если бы кого насильно извлекли изъ бѣдной хижины и бросили на вѣчное жилище—въ чертоги царскіе?—И мучители въ семъ случаѣ не суть ли благодѣтели мучимыхъ, какими послѣдніе дѣйствительно нерѣдко и называли ихъ? Точно благодѣтели. хотя сами не вѣдаютъ того и думаютъ дѣлать для мучимыхъ ими зло нестерпимое: они отъемлютъ временное. а лишаемые пріобрѣтаютъ вѣчное; огнь скорбей и мученій потребляетъ послѣдніе остатки нечистотъ грѣховныхъ, кои въ самыхъ праведныхъ людяхъ остаются иногда надолго. Все дѣло страждущихъ такимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы умѣть переносить страданія въ духѣ вѣры и обращать ихъ къ духовному совершенству своему, къ очищенію сердца и совѣсти,—чтобы чрезъ страданія тѣснѣе соединяться съ Господомъ и Спасителемъ своимъ, Который есть вождь. образецъ и другъ всѣхъ страждущихъ во имя Его. Кто страдаетъ такимъ образомъ, въ духѣ вѣры и любви, безъ ропота на Промыслъ, безъ ненависти къ своимъ гонителямъ, тотъ имѣетъ всѣ причины радоваться: ибо онъ явно среди царскаго пути. и состоитъ въ ближайшемъ духовномъ сродствѣ съ своимъ Спасителемъ; надъ нимъ уже вѣетъ знамя побѣды. предъ нимъ уже отверсты врата рая!

Приложимъ сіи истины къ радостно-печальному событію, нами воспоминаемому. Іоаннъ по своей ревности къ правдѣ и закону. не могъ не обличать Ирода; Иродъ съ Иродіадою. по своей злобѣ и развращенію, неспособны были принимать съ пользою обличеній святаго мужа. Правда срѣтилась такимъ образомъ и сразилась съ порокомъ; каждый, такъ сказать, сдѣлалъ свое дѣло. и каждый получилъ свое. Въ Іоаннѣ обнаружилась вся сила вѣры и добродѣтели; въ Иродѣ явило себя преобладаніе могущества земнаго. Сила вѣры не убоялась обличить порокъ, прикрытый порфирою; могущество земное не устыдилось усѣкнуть того, кто, по признанію всѣхъ, былъ величайшимъ изъ пророковъ. Побѣда, повидимому, осталась на сторонѣ нечестія: гласъ, вопіявшій въ пустынѣ, умолкъ, свѣтильникъ свѣта погасъ: а порокъ остался въ любезномъ

ему, безмолвномъ мракѣ. Но на самомъ дѣлѣ произошло совершенно противное: Іоаннъ изъ пустыни восхищенъ въ рай, отъ акридовъ—на вечерю Агнца; спекуляторъ былъ ангеломъ, который возложилъ на него вѣнецъ мученическій. Иродъ продолжалъ пиршествовать, пиршествовалъ нѣсколько лѣтъ, а потомъ увидѣлъ и надъ собою спекулатора, который исторгъ душу его изъ тѣла и повергъ туда, гдѣ огнь не угасаетъ и червь не умираетъ. Кто теперь пріобрѣлъ, и кто потерялъ?—Иродъ или Іоаннъ?—Если бы убійцѣ Іоаннову предложено было возвратиться на землю, какихъ смертей не согласился бы онъ претерпѣть, только бы возвратить безумное повелѣніе, данное противъ Іоанна?—А Іоаннъ? Мученическій вѣнецъ его такъ величественъ, что ему не для чего возвращаться на землю, даже за всѣми вѣнцами въ мірѣ. И изъ насъ теперь, не смотря на слабость нашу въ добродѣтели, кто,—если бы довелось избирать одно изъ двухъ,—кто захочетъ стать на мѣстѣ Ирода и не предпочтетъ участи Іоанна?—Одно имя послѣдняго уже возбуждаетъ благоговѣніе у всѣхъ и любовь; напротивъ, имя Ирода всегда означало и будетъ означать извергова, играющихъ человѣчествомъ.

Такимъ образомъ, братіе, и всегда страдаетъ здѣсь невинность,—страдаетъ временно, дабы пріять награду вѣчную,—страдаетъ потому, что не можетъ быть терпима неправдою, равно какъ и сама не терпитъ неправды,—страдаетъ для усовершенія себя въ безкорыстномъ служеніи Богу.

Памятуя сіе, будемъ великодушны въ перенесеніи бѣдствій; не станемъ роптать на Промыслъ за то, что онъ допускаетъ торжествовать нечестивымъ; здѣсь *ихъ година и область тьмная* (Лук. 22, 53), но будетъ время воздаянія и суда, день торжества для праведныхъ и гонимыхъ; тогда-то явится во всей силѣ, кто потерялъ и кто пріобрѣлъ,—тѣ ли, кои *сѣяли слезами* (Псал. 125, 5), или тѣ, кои разсѣвали жизнь среди безумныхъ радостей и смѣха. Въ ожиданіи сего славнаго и грознаго дня, будемъ съ терпѣніемъ нести крестъ, нимало не страшась порока, какъ бы онъ ни былъ могущъ и дерзокъ. Человѣкъ, дѣлающій правду, ходящій въ законѣ Божіемъ, долженъ быть выше всего и бояться единаго Бога. *Ей, глаголю вамъ*, братіе, *кого убойтеся?—Убойтеся имущаго власть и душу и тѣло вовргщи въ геенну огненную* (Лук. 12, 5),—а не Иродовъ, не Каіафъ и Пилатовъ! Аминь.

Слово на день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя *).

Мученическая кончина такого великаго и святаго мужа, каковъ былъ Предтеча и Креститель Господа нашего, безъ сомнѣнія, была однимъ изъ разительныхъ и печальныхъ событій для всей Іудеи. Одни жалѣли, безъ сомнѣнія, отъ всей души, что такой великій свѣтильникъ, освѣщавшій собою всѣ предѣлы израильскіе, угасъ навсегда во мракѣ темничномъ. Другіе проклинали Ирода, который ради безстудной плясавицы не пощадилъ того, котораго уважалъ и слушалъ самъ до того времени. Иные, вѣроятно, роптали даже на Промыслъ, допустившій восторжествовать буйству страстей надъ правдою и святостію; а иные, наконецъ, можетъ быть, утверждались въ мысли, усмотрѣнной въ нѣкоторыхъ въ свое время еще Соломономъ, яко единъ конецъ благому и злому, жрущему и нежрущему, и что не стоитъ хорошо жить, когда благочестивая жизнь не получаетъ никакой награды.

Никто, вѣроятно, не думалъ, чтобы сіе печальное событіе состояло подъ особеннымъ тайнымъ распоряженіемъ Божіимъ и допущено съ цѣлію чрезвычайною, крайне высокою и благодѣтельною. А между тѣмъ дѣло точно было такъ: *Предтечево славное усѣкновеніе смотрѣніе бысть нѣкое Божественное.* Какое смотрѣніе? То, да и *сущимъ во адѣ Спасово проповѣсть пришествіе.*

Спаситель міра уже давно былъ на землѣ и скоро готовился окончить Свое земное поприще на землѣ. Кто не хотѣлъ смежить очей, тотъ давно видѣлъ, подобно Симеону, *спасеніе, еже уготовалъ* Господь *предъ лицемъ* всѣхъ людей.

Но Спасителя ожидали не одни сущіе на землѣ живыхъ, а и умершіе, коихъ число въ сравненіи съ живыми несказанно больше. Надобно было кому-либо возвѣстить посему и послѣднимъ о пришествіи Побѣдителя смерти и ада. И вотъ, для сего великаго дѣла назначается Промысломъ Божіимъ тотъ же Іоаннъ, который предвозвѣстилъ явленіе Спасителя на землѣ: *да и сущимъ во адѣ Спасово проповѣсть пришествіе.*

---

*) Печатано въ первомъ изданіи съ рукописи.

Что послѣ сего были Иродъ съ Иродіадою? Они, сами не зная, выполнили тайное опредѣленіе Промысла. Вина ихъ чрезъ то не уменьшается: ибо они не знали сего и дѣйствовали по одному безумному своему произволу, въ удовлетвореніе своихъ страстей. Но судьба праведника является въ истинномъ видѣ; но пути Промысла Божія, попустившаго злодѣяніе, оказываются премудрыми и благодѣтельными. Іоаннъ имѣлъ уже много вѣнцевъ за многіе подвиги и дѣла свои, ему дается еще новый вѣнецъ мученичества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, новое, великое порученіе — быть предтечею и провозвѣстникомъ Спасителя во адѣ для всѣхъ, ожидавшихъ тамъ Его пришествія. *Да и сущимъ во адѣ Спасово проповѣсть пришествіе.*

Какъ славно было явиться Іоанну въ соборѣ всѣхъ усопшихъ отъ вѣка съ радостною вѣстію о томъ, что часъ искупленія приблизился, что чрезъ малое время грядетъ въ слѣдъ его Тотъ, Который долженъ сокрушить главу змія и разрушить державу ада и смерти!—Безъ сомнѣнія, тогда,—а это было тотчасъ послѣ кончины—мученическая смерть его въ темницѣ отъ спекулатора казалась ему мгновеннымъ исшествіемъ изъ чертога царскаго для исполненія чрезвычайныхъ велѣній Господа славы. Когда возлежавшіе на нечестивой трапезѣ Иродовой смотрѣли съ тайнымъ ужасомъ на главу Крестителя на блюдѣ, этотъ Креститель стоялъ уже въ славѣ небесной предъ сонмомъ праведниковъ и возвѣщалъ имъ событіе того, чего они ожидали отъ вѣка.

Но этого, какъ мы выше замѣтили, никто на землѣ не зналъ: посему кончина Крестителя должна была производить во всѣхъ благомыслящихъ самыя горестныя чувства, и безъ сомнѣнія, по причинѣ ея было пролито множество слезъ, возбудилось множество вопросовъ и недоумѣній, и нѣкоторые, можетъ быть, преткнулись о сей камень соблазна до того, что вопрошали въ горести: есть ли послѣ сего Промыслъ, когда Іоаннъ усѣкнутъ въ темницѣ отъ Ирода?

Что мы должны взять отсюда себѣ въ назиданіе?

Двѣ вещи: а) не смущаться тѣмъ, что въ этомъ мірѣ нерѣдко правда и невинность страдаютъ до конца: это страданіе временное и краткое, а награда за него вѣчная; б) не смущаться безвременными, такъ называемыми, кончинами особенно людей, присныхъ намъ.

Слово въ день Іоанна Богослова

НА ВСЕНОЩНОМЪ БДѢНІИ.

Святое Писаніе ветхаго и новаго завѣта, содержа въ себѣ начала чистѣйшей нравственности и преподая множество прекрасныхъ правилъ касательно разныхъ добродѣтелей, не даетъ открытыхъ наставленій въ отношеніи къ добродѣтели дружества. Такое умолчаніе, безъ сомнѣнія, произошло отъ того, что у святыхъ писателей, или паче у Духа Святаго было въ намѣреніи не то, чтобы обнять наставленіями всѣ случаи жизни и дать людямъ полное собраніе правилъ поведенія, а то, чтобы посредствомъ Писанія вдохнуть въ нихъ такой образъ мыслей и чувствъ, чтобъ они сами, безъ предписаній и правилъ, знали, какъ при каждомъ случаѣ надобно поступать христіанину. Въ семъ отношеніи можно сказать: о чемъ сказано въ Священномъ Писаніи, сказано для примѣра, и о чемъ не сказано, не сказано также для примѣра.

Между тѣмъ, нѣтъ ни одной книги, въ коей находилось бы столько примѣровъ и образцовъ для истиннаго дружества, какъ въ книгахъ ветхаго и новаго завѣта. Кто изъ имѣющихъ сердце и душу не возблагоговѣетъ предъ дружествомъ Авраама и Лота (Быт. 12, 5; 13, 1—5)? Кто безъ умиленія можетъ читать описаніе дружеской любви Іонаѳана къ Давиду (1 Цар. 18, 1. 2. 3; 20, 2. 12. 17)?—Илія и Елисей, Ездра и Неемія, Іосифъ и Никодимъ, Павелъ и Варнава, Марія и Елисавета, Саломія и Магдалина: это такія имена, изъ коихъ каждое пробуждаетъ въ душѣ чувство дружества самаго постояннаго и чистаго.

Но всего болѣе поучителенъ примѣръ Самого Іисуса Христа: ибо и Ему Самому благоугодно было оставить намъ въ Своемъ лицѣ образецъ дружества. Вы знаете, кто былъ удостоенъ чести—быть другомъ Богочеловѣка: это сей самый Апостолъ, коего мы ублажаемъ нынѣ память. Посему мы не уклонимся отъ празднества въ честь его, если оживимъ, по возможности, въ умѣ нашемъ образъ дружества его съ Богочеловѣкомъ, дабы повѣрить имъ образъ нашего дружества.

Святый Іоаннъ имѣлъ всѣ качества, потребныя для возбужденія и поддержанія святой любви дружеской. Особен-

ная приверженность его къ своему Учителю украшалась въ немъ особенною невинностію нравовъ и чистотою сердца; умъ возвышенный соединялся въ Іоаннѣ съ такою полнотою чувствъ любви въ сердцѣ, которая уступала одной преизбыточествующей полнотѣ любви Іисусовой. Такимъ образомъ, поелику душа святаго Іоанна болѣе прочихъ была открыта для чистѣйшей души Іисусовой и болѣе прочихъ приближалась къ ней своею чистотою, то святѣйшій Учитель и святый ученикъ соединились между собою узами дружескаго единства. Плодомъ сего святаго соединенія долженствовалъ быть совершеннѣйшій образецъ истиннаго дружества. И дѣйствительно, Господь Іисусъ въ отношеніи къ святому Іоанну представляетъ наилучшій примѣръ друзей благодѣтелей; а святый Іоаннъ, въ отношеніи къ своему Учителю, являетъ прекрасный образецъ друзей благодѣтельствуемыхъ. Разсмотримъ съ благоговѣніемъ то и другое порознь: первое нынѣ, а послѣднее—завтра.

Мы сказали, что Господь Іисусъ въ отношеніи къ святому Іоанну есть образецъ друзей благодѣтелей. Всякое дружество слагается изъ любви, довѣренности и общительности; но въ истинномъ дружествѣ любовь должна быть безъ страсти, довѣренность—безъ неосмотрительности, общительность — безъ расточенія. Всему этому поучаетъ насъ дружество Спасителя нашего.

Іисусъ былъ самымъ нѣжнымъ и обязательнымъ другомъ. Уединяется ли Онъ для воскрешенія мертвыхъ,—другъ его получаетъ позволеніе присутствовать при совершеніи столь великаго чуда (Лук. 8, 51). Восходитъ ли на гору для преображенія,—Его слава кажется Ему несовершенною, если другъ Его не будетъ ея свидѣтелемъ (Матѳ. 17, 1). Потребны ли утѣшители въ скорбныя минуты предъ наступленіемъ страданій,—другъ Его въ числѣ ихъ (Матѳ. 26, 37). Нужно ли приготовить вечерю, на которой мѣсто пасхальнаго агнца должны заступить Тѣло и Кровь Іисуса,—приготовленіе ея возлагается на друга (Лук. 22, 8). Въ продолженіе этой вечери Господь Іисусъ съ безпримѣрною нѣжностію удостоиваетъ Своего друга возлежанія на Своихъ персяхъ (Іоан. 13, 23).

Но любовь Іисуса Христа была любовію Богочеловѣка; въ ней непримѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ пристрастія,

столь много обезображивающаго любовь человѣческую. Для ученика столь нѣжно любимаго, какъ святый Іоаннъ, что можетъ быть свойственнѣе ревности по славѣ своего Учителя?—И вотъ онъ, видя нѣкоего, изгоняющаго именемъ Іисуса бѣсовъ, но непринадлежащаго къ числу послѣдователей Іисусовыхъ, почитаетъ за долгъ запретить ему призываніе возлюбленнаго для него имени. Но Учитель не одобряетъ ревности Своего друга и научаетъ его снисходительнѣе судить о поступкахъ ближняго. *Не браните*, говоритъ Онъ, призывать Мое имя; *иже бо нѣсть на вы, по васъ есть* (Лук. 9, 50). Жители весей самарянскихъ возбраняютъ Іисусу Христу входъ въ ихъ предѣлы; другъ Его въ жару негодованія проситъ позволенія низвести, подобно Иліи, огнь съ небесъ для потребленія жилищъ людей безчувственныхъ и беззаконныхъ. Господь Іисусъ, напротивъ, поспѣшаетъ угасить и тотъ огнь, коимъ объята была душа Его друга, и упрекаетъ его въ невѣдѣніи своего духа: *не вѣсте, коего духа есте вы; Сынъ бо Человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти* (Лук. 9, 55). Вообще, земная жизнь Іисуса Христа содержитъ въ себѣ столько же обличеній Іоанна заблуждающаго, сколько знаковъ благоволенія къ Іоанну, справедливо ревнующему по истинѣ. Иначе не могло и быть; поелику любовь къ нему Господа Іисуса была любовь не земная, обыкновенная, а истинная и святая.

Напротивъ, нашею, братіе, любовію къ друзьямъ по большей части управляетъ пристрастіе. Какъ все не нравится намъ въ томъ, кого мы ненавидимъ, такъ все восхищаетъ насъ въ томъ, кого мы любимъ. Мы, повидимому, совершенно забываемъ, что любимый нами человѣкъ, подобно другимъ, подверженъ слабостямъ, и представляемъ его божествомъ, чуждымъ всякаго несовершенства. Кромѣ того, что мы возвышаемъ безъ мѣры похвальныя качества и поступки друзей нашихъ, самые недостатки ихъ часто обращаемъ имъ въ похвалу. Вмѣсто того, чтобы пользоваться дружескою близостію для взаимнаго замѣчанія несовершенствъ и для исправленія ихъ, мы почитаемъ какъ бы нѣкоторымъ долгомъ—не замѣчать недостатковъ друга; и даже когда оные такъ видимы, что не могутъ не быть замѣченными, все наше попеченіе ограничивается тѣмъ, чтобы, сколько возможно, извинять ихъ. Отсюда-то проистекаетъ, что столь

многіе жалуются на свою погибель отъ безразсуднаго снисхожденія къ нимъ друзей, и такъ немногіе хвалятся содѣйствіемъ друзей въ достиженіи христіанскаго совершенства. А такимъ образомъ взаимная любовь, будучи превращаема страстію, губитъ болѣе людей, нежели самая ненависть и вражда.

О, будемъ любить друзей нашихъ по примѣру Іисуса, любить не для собственнаго удовольствія, а для ихъ блага, для ихъ и нашей добродѣтели! Узы дружества не только не должны лишать насъ свободы—видѣть недостатки друзей нашихъ, но и налагаютъ на насъ необходимость—быть хранителями ихъ нравственнаго совершенства.

Дружеская любовь, какъ мы сказали, не можетъ еще быть безъ взаимной довѣренности.—Довѣренностію Іисуса Христа пользовались всѣ ученики Его, не исключая самаго предателя. Посему-то Онъ всѣхъ учениковъ Своихъ называлъ не слугами, а друзьями. *Не кто̀му васъ,* говоритъ Онъ имъ, *глаго̀лю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господь его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (Іоан. 15, 15). Впрочемъ, на основаніи сего же закона дружества, изреченнаго Самимъ Господомъ Іисусомъ, должно сказать, что святый Іоаннъ былъ преимущественнымъ Его другомъ; поелику пользовался преимущественною къ нему довѣренностію Іисуса, не только въ продолженіе Его земной жизни, но (если позволено простерть взоръ далѣе) и въ состояніи Его прославленія. Такъ, тайна предателя, которую, повидимому, Іисусъ желалъ сокрыть отъ прочихъ учениковъ Своихъ, открывается одному Іоанну. Сія-то довѣренность, безъ сомнѣнія, была причиною, что ученики Іисуса употребляли Іоанна вмѣсто посредника къ узнанію сокровеннѣйшихъ намѣреній своего Учителя; а по воскресеніи Его съ такимъ любопытствомъ желали знать отъ Него о будущей судьбѣ Его друга: *Господи, сей же что* (Іоан. 21. 21)? Имъ казалось, что Учитель ихъ, оказавъ Іоанну столько знаковъ Своего особеннаго расположенія въ продолженіе Своей жизни, пріиметъ дѣятельнѣйшее участіе въ послѣдующей судьбѣ Своего друга и по Своемъ воскресеніи, и въ событіяхъ его жизни покажетъ новые знаки Своей любви къ нему.

Въ самомъ дѣлѣ, Іоаннъ и по воскресеніи своего Божественнаго Друга остался преимущественнымъ хранителемъ

Его таинъ. И во-первыхъ таинъ Божественнаго лица Іисусова: вѣчное бытіе, рожденіе и божественность Слова, таинственное соединеніе Его съ человѣчествомъ въ лицѣ Господа Іисуса, дѣйствительность присутствія Тѣла и Крови Богочеловѣка подъ видомъ хлѣба и вина.—эти тайны Божественнаго лица Іисусова никѣмъ не описаны съ такою ясностію, какъ святымъ Іоанномъ. Тайны дома Божія, то-есть, Церкви Христовой, какъ то: ея возрастаніе, угнетеніе и успѣхи; наконецъ, тайны царствія небеснаго—конечное торжество Агнца надъ зміемъ, вѣчное блаженство праведныхъ и рѣшительное отверженіе нечестивыхъ—изображены также святымъ Іоанномъ въ его дивномъ Откровеніи. Іисусъ Христосъ, будучи уже на престолѣ славы со Отцемъ, принялъ сіи тайны отъ Отца,—и поелику Самъ не могъ оставить славы Своей, послалъ Ангела Своего для сообщенія ихъ, въ пользу Церкви, Своему другу. *Апокалипсисъ Іисуса Христа, егоже даде Ему Богъ, показати рабомъ Своимъ, имже подобаетъ быти вскорѣ: и сказа, пославъ чрезъ Ангела Своего, рабу Своему Іоанну* (Апокал. 1, 1). Такъ свидѣтельствуетъ о довѣренности къ себѣ своего возлюбленнаго Учителя самъ Іоаннъ.

Но не можетъ ли быть нѣкоторыхъ таинъ и между друзьями?—Не должны ли иногда и друзья сокрывать нѣчто одинъ отъ другаго?—Должны, особенно когда они не состоятъ во взаимной сподчиненности равенства по состояніямъ. Примѣръ Самого Іисуса Христа утверждаетъ сіе правило во всей силѣ.

Апостолы, еще несовершенно свободные отъ предразсудка о земномъ царствѣ Мессіи, по воскресеніи своего Учителя, предлагаютъ Ему вопросъ о времени утвержденія Его царства на землѣ: *Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево* (Дѣян. 1, 6)?—Судя по живости характера Іоаннова, должно думать, что онъ былъ въ числѣ первыхъ виновниковъ сего вопроса. Но Господь Іисусъ отвѣчаетъ рѣшительно Своимъ ученикамъ, что не ихъ дѣло судить о томъ, что Отецъ предоставилъ Своей волѣ. Онъ могъ бы, сокрывъ отъ прочихъ учениковъ тайну Своего пришествія и обращенія іудеевъ, открыть оную Своему другу,—могъ бы сообщить ему о таинственномъ прицѣпленіи къ древу жизни отломившейся вѣтви іудейскаго народа то, что сообщено впослѣдствіи святому Павлу (Рим. 11, 25. 26); но отвѣтъ Его: *нѣсть ваше*

разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти (Дѣян. 1. 7), простирается и на Его друга. Открывъ Іоанну все то, что предоставлено было Его власти, Богочеловѣкъ не сообщаетъ той тайны, коея откровеніе Отецъ небесный предоставилъ Себѣ Самому.

Примѣръ дружескаго умолчанія, достойный всегдашняго подражанія! — Но какъ мало, и какъ рѣдко подражаютъ ему! — Какъ часто подъ видомъ дружескихъ тайнъ сообщаютъ то, отъ чего зависитъ честь, покой, счастіе, даже жизнь ближняго, — не заботясь нимало о слѣдствіяхъ своей безразсудной откровенности, не имѣя другаго побужденія быть откровеннымъ, кромѣ удовольствія занять своего друга на счетъ чести ближняго! — Все извиненіе наше въ семъ случаѣ состоитъ въ томъ, что мы открылись другу; но сей другъ откроется не болѣе, какъ одному и при томъ съ видомъ, требующимъ сокровенности: — и между тѣмъ изъ сей взаимной тайны вскорѣ составляется общественный голосъ; изъ сей толпы неблагоразумныхъ друзей, непримѣтно для нихъ самихъ, образуется толпа насмѣшниковъ, недоброжелателей, гонителей. Мы совсѣмъ забываемъ, что преданіе тайны ближняго, хотя бы то другу, есть похищеніе, и притомъ весьма безчестное для насъ, самое обидное для ближняго. Союзъ дружества столь же мало извиняетъ переданіе похищенной тайны, какъ сообщество грабителей — переданіе похищенныхъ вещей. Законъ дружества требуетъ откровенности, но откровенности осмотрительной, не соединенной съ нарушеніемъ правилъ скромности въ отношеніи къ себѣ и другимъ.

Истинные друзья, далѣе — не могутъ не быть общительны. — Іисусъ Христосъ былъ такъ бѣденъ, что не имѣлъ, гдѣ подклонить главы; но — *имѣлъ Духа безъ мѣры* (Іоан. 3, 34). Онъ не могъ посаждать на престолѣ земной славы; но имѣлъ власть поставлять иныхъ апостолами, другихъ пророками, сихъ учителями (Еф. 4, 11. 12). Обладая такими дарами, Онъ въ избыткѣ сообщилъ ихъ Своему другу. Іоаннъ содѣланъ Имъ апостоломъ малоазійскихъ Церквей, — тамъ, гдѣ былъ самый *престолъ сатаны* (Апок. 2, 13), — евангелистомъ, предавшимъ намъ изъ жизни своего Учителя самое драгоцѣнное — Его бесѣды, — учителемъ получавшимъ самой высшей добродѣтели: любви, — мученикомъ, засвидѣтельство-

вавшимъ вѣру свою огнемъ, ядомъ и изгнаніемъ,—дѣвственникомъ и вмѣстѣ хранителемъ Чистѣйшія изъ дѣвъ. Щедролюбивое сердце Іисуса пребыло отверстымъ для Его друга на самомъ крестѣ. Изъ устъ, можно сказать, самой смерти, Іисусъ простираетъ къ Іоанну голосъ Свой, и завѣщаваетъ ему все то, что для Него, яко человѣка, оставалось на землѣ драгоцѣннѣйшаго—Свою Матерь: *глаголя ученику: се мати твоя* (Іоан. 19, 27)!

Но даруя столько Іоанну, оставлялъ ли Господь безъ знаковъ своей щедродательности прочихъ учениковъ?—«Онъ находилъ, говоритъ святый Златоустъ (Бесѣд. на Матѳ.), въ любви Іоанна болѣе тихости и нѣжности, но въ тоже время замѣчалъ въ вѣрѣ Петра болѣе живости и рѣшительности; посему перваго любилъ нѣжнѣе, а послѣдняго возвышеннѣе: первому вручилъ Свою Матерь, яко даръ любви, болѣе приличный простому его характеру; послѣднему обѣщалъ преимущество *утвержденія въ вѣрѣ своихъ братій* (Лук. 22, 32), яко даръ чести, болѣе сообразный съ силою его вѣры».

Мы, напротивъ, если не бываемъ скупы, то даемъ безъ мѣры,—не соразмѣряясь ни съ качествомъ, ни съ состояніемъ, ни съ заслугами друзей нашихъ. Потокъ благодѣяній нашихъ, будучи направленъ въ одну какую-либо сторону, всѣ прочія оставляетъ сухими и безплодными. Слѣдствіемъ сего бываетъ ненасытимая алчность въ однихъ, ибо какой любимецъ когда-либо почелъ себя, не говорю, излишне, даже довольно награжденнымъ?—и неотвратимое огорченіе и досада другихъ, ибо какой проситель думалъ когда-либо, что ему отказано совершенно справедливо?

Какъ часто являются передъ сильными земли съ прошеніями, подобными прошенію Іоанна: *даждь намъ, да единъ одесную Тебе и единъ ошуюю сядева во славѣ Твоей* (Марк. 10, 37)! И какъ рѣдко сіи сильные имѣютъ столько присутствія духа, чтобы сказать: *не вѣсти, чесо просита* (Марк. 10, 38)! Ослѣпленные самолюбіемъ, вы не видите, что просимое вами совершенно превышаетъ силы ваши, что вы не имѣете ни столько проницательности, ни столько ревности, ни даже столько времени, чтобы занять такое или другое мѣсто, вступить въ ту или другую должность. Вы не примѣчаете, что исполненіе вашего прошенія послужитъ во вредъ вамъ и другимъ, что вамъ еще должно испить чашу

искушеній, прежде нежели вы содѣлаетесь способными наслаждаться славою—*не вѣста чесо просита!*

Такое пристрастіе, часто губящее друзей благодѣтелей и друзей благодѣтельствуемыхъ происходитъ, братіе, изъ того, что любятъ друзей своихъ не по примѣру любви Іисусовой, или паче отъ того, что не любятъ Самого Господа Іисуса. Кто любитъ Его, у того образъ дружества Іисусова будетъ всегда предъ очами; тотъ будетъ любить друзей своихъ, но безъ страсти, будетъ открывать предъ ними сердце свое, но не измѣняя тайнамъ, ему ввѣреннымъ будетъ, наконецъ, дѣлиться съ ними своими благами, но не изливая ихъ на одного такъ, чтобы ничего не оставалось для другихъ. Аминь.

Слово въ день Іоанна Богослова

НА ЛИТУРГІИ.

Бесѣдуя, братіе, съ вами вчера о дружествѣ Іисуса Христа со святымъ Іоанномъ, я сказалъ, что сей ученикъ Христовъ представляетъ наилучшій примѣръ для друзей благодѣтельствуемыхъ. Это должно составить предметъ нынѣшняго нашего собесѣдованія, которое постараемся устроить такъ, чтобъ оно послужило столько же къ нашему назиданію, сколько къ прославленію празднуемаго нами Апостола.

Какой существенный долгъ друзей благодѣтельствуемыхъ? Чувствовать всю цѣну дружества своихъ благодѣтелей и, по возможности, платить за оныя взаимнымъ усердіемъ и вѣрностію: вотъ ихъ обязанность!—Нельзя лучше и успѣшнѣе выполнить ее, какъ выполнилъ Іоаннъ. Чтобъ увѣриться въ семъ, для сего достаточно обратить вниманіе на то, какъ онъ пользовался преимущественною любовію къ нему своего Учителя и Господа,—на что употреблялъ особенную довѣренность Его къ себѣ, и къ чему служила у него щедродательность Божественнаго Друга.

Любовь плотскихъ друзей весьма часто бываетъ ревнива. Не только желаютъ, чтобъ ихъ любили, но и домогаются быть единственнымъ предметомъ вниманія и любви. Всякій знакъ расположенія къ другимъ почитаютъ нѣкоторымъ знакомъ нерасположенія къ себѣ. А посему вмѣсто того, чтобъ

стараться возбуждать въ другихъ любовь къ другу-благодѣтелю. всемѣрно стараются удалять отъ него всѣхъ тѣхъ, кои любовію своею могли бы заслужить его любовь къ себѣ и быть для него полезными.

Святый Іоаннъ, напротивъ, возлежалъ на персяхъ Господа Іисуса для того, дабы всѣмъ повѣдать о богатствѣ любви, сокрывающейся въ Его сердцѣ, и такимъ образомъ во всѣхъ возбудить любовь къ Нему, и всѣхъ содѣлать достойными Его любви. Прочіе Евангелисты преподали намъ изъ жизни Іисуса Христа то, что преимущественно служитъ къ утвержденію вѣры въ Его Божественное посольство; святый Іоаннъ собралъ тѣ черты характера Іисусова, которыя преимущественно способны возбудить любовь къ Нему. Кто не возлюбитъ Господа Іисуса, видя, какое нѣжное участіе принимаетъ Онъ въ недостаткахъ друзей Своихъ на бракѣ, въ Канѣ Галилейской (Іоан. 2, 1—12)?—Кто не возлюбитъ Господа Іисуса, внимая Его бесѣдѣ съ женою самарянскою, и видя, съ какою снисходительною мудростію возводитъ Онъ, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ, умъ ея отъ чувственнаго къ духовному (Іоан. 4, 7—27)? Кто не возлюбитъ Господа Іисуса, представляя себѣ ту небесную кротость, съ которою Онъ обращаетъ отъ грѣшной, но кающейся жены, стыдъ на главу закоренѣлыхъ во злѣ ея обвинителей (Іоан. 8, 3—12)? Кто не возлюбитъ Господа Іисуса, проливающаго слезы на гробѣ друга Своего Лазаря, и умоляющаго Отца небеснаго о возвращеніи ему жизни (Іоан. 11, 34, 41—45)? Кто не возлюбитъ Іисуса, омывающаго ученикамъ ноги, и поучающаго ихъ смиренію и кротости (Іоан. 13, 4, 5)? Кто, наконецъ, не возлюбитъ Іисуса, читая Его прощальную бесѣду съ учениками, въ коей все сердце Его изливается въ любви къ нимъ и ихъ послѣдователямъ (17)? Всѣ сіи Божественныя черты характера Іисусова сохранены для насъ святымъ Іоанномъ. Любовь Іисуса Христа оставила столь глубокое впечатлѣніе въ его сердцѣ, что онъ, спустя болѣе полувѣка, въ престарѣломъ возрастѣ, передаетъ всѣ выраженія ея, съ точностію современнаго писателя. Въ училищѣ сея-то любви онъ изучился тому простому, но трогательному языку, коимъ онъ въ своихъ любвеобильныхъ посланіяхъ призываетъ всѣхъ чадъ своихъ къ любви взаимной.

Но одними ли словами святый Іоаннъ возбуждалъ въ дру-

гихъ любовь къ Іисусу?—Мы видимъ его на Ѳаворѣ, преклоняющагося предъ величіемъ Божественной славы своего Друга, и не удивляемся, что сердце его участвуетъ въ восклицаніи Петра: *Господи, добро есть намъ здѣ быти* (Матѳ. 17, 4)! Но вотъ Іисусъ, окруженный лютѣйшими врагами, возводится на Голгоѳу, возносится на крестъ: гдѣ вы, друзья Іисуса, Имъ благодѣтельствованные, гдѣ вы, исцѣленные отъ болѣзней, насыщенные въ пустынѣ, получившіе отъ Него даръ чудотворенія, гдѣ вы? Ахъ, они всѣ, оставивъ Его,—убѣгаютъ!—Нѣкоторые, дерзнувъ послѣдовать за Нимъ, отвергаются Его съ клятвою. Одинъ Іоаннъ мужественно послѣдуетъ за своимъ Другомъ на Голгоѳу, раздѣляетъ вмѣстѣ съ Нимъ болѣзнь души Его, принимаетъ послѣдніе вздохи Его со креста и своею молитвою сопровождаетъ духъ Его къ Отцу. Можно ли вѣрнѣе сего платить за любовь дружескую и убѣдительнѣе возбуждать въ другихъ любовь къ своему другу?

Столь же святое употребленіе дѣлалъ святый Іоаннъ изъ довѣренности къ нему Господа Іисуса. Любимцы сильныхъ земли обыкновенно пользуются довѣренностію ихъ для того, чтобы придавать себѣ какъ можно большую цѣну въ глазахъ другихъ. Если они не всегда бываютъ столько не скромны, чтобы тайны, имъ ввѣренныя, обращать въ предметъ собственной, преступной довѣренности къ другимъ, то всегда почти бываютъ столько честолюбивы, что, удостоясь довѣренности, принимаютъ тотъ таинственный, многозначительный видъ, который выразительнѣе словъ внушаетъ всѣмъ о ихъ силѣ и достоинствѣ. Святый Іоаннъ всѣ тайны, ему ввѣренныя, обращалъ во славу Господа Іисуса, частію защищая оную отъ враговъ, частію распространяя между вѣрующими.

Церковь христіанская находилась еще въ младенчествѣ, когда лютые зміи устремили на нее ядовитое жало свое. Кериѳъ, Евіонъ и другіе еретики возстали противъ Божества Іисусъ Христова, и дерзнули изображать Его простымъ человѣкомъ. Видя сіе, святый Іоаннъ, подобно благому домостроителю, немедленно, по внушенію Святаго Духа, износитъ изъ сокровищницы своего сердца дивную тайну предвѣчнаго рожденія Слова, и въ слухъ всего Востока возглашаетъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1, 2). Слова, при всей простотѣ ихъ, столько

возвышенныя, исполненныя такою силою убѣжденія, что самые языческіе философы, по словамъ Августина (1 Бес. на Іоан.), не могли отказать имъ въ удивленіи. Вообще, святый Іоаннъ, какъ въ своемъ Евангеліи, такъ въ Посланіяхъ и Откровеніи, съ такою силою утверждалъ божественное достоинство Іисуса Христа, что святый Златоустъ (тамъ же) не усомнился назвать его писанія столпомъ Церквей христіанскихъ.

Съ тою же ревностію, съ какою защищалъ Божественную славу своего Друга противъ невѣрующихъ, святый Іоаннъ распространялъ оную между вѣрующими. Надобно быть совершенно безчувственнымъ, чтобы не тронуться отеческою попечительностію, съ которою онъ училъ возлюбленныхъ чадъ своихъ различать учителей, исповѣдывавшихъ вочеловѣченіе Господа Іисуса, отъ тѣхъ, кои не признавали онаго. *Возлюбленніи,* писалъ онъ къ нимъ отъ полноты любви, *возлюбленніи, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть.—О семъ познавайте Духа Божія и духа лестча: всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа, во плоти пришедшаго, отъ Бога есть; и всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа, во плоти пришедшаго, отъ Бога нѣсть: и сей есть антихристовъ* (1 Іоан. 4, 2, 3). Не признавать Іисуса Христа Богомъ, по духу ученія Іоаннова, значитъ не имѣть Ходатая о грѣхахъ, быть лишеннымъ дерзновенія предъ Богомъ, пребывать безъ надежды узрѣть нѣкогда Бога, значитъ—находиться въ узахъ вѣчной смерти. Но, и признавая Іисуса Христа Богомъ, не сообразовать съ этимъ признаніемъ своей жизни, не поступать такъ, какъ поступалъ Онъ, значитъ, по духу того же ученія Іоаннова, быть лжецомъ, представлять лживымъ Самого Бога, Который благоволилъ очистить насъ во Христѣ отъ всякія скверны.—Можно ли чище и возвышеннѣе изъяснять то поклоненіе, котораго Господь Іисусъ требуетъ Себѣ отъ Своихъ послѣдователей?

Какимъ образомъ, наконецъ, употреблялъ святый Іоаннъ дары духовные, полученные отъ своего Друга и Господа? На то ли, какъ обыкновенно бываетъ между нами, чтобы превозноситься предъ другими и въ упоеніи гордостію, забывать о самомъ благодѣтелѣ?—Но, для чего я говорю сіе? Таковыя чувствованія приличны только плотскимъ друзьямъ, между коими благодѣянія весьма часто порождаютъ одну неблагодарность. Благодѣянія Іисусовы, оказываемыя свя-

тому Іоанну, расположили его всѣмъ жертвовать для Іисуса Не постигая въ продолженіе земной жизни своего Друга цѣны страданія за ближнихъ, святый Іоаннъ на Голгоѳѣ уязвленъ былъ, наконецъ, такою сильною любовію ко кресту, что ничто впослѣдствіи не могло погасить въ немъ священной жажды *къ чашѣ* (Матѳ. 20, 23), обѣщанной Іисусомъ.

Но дивный споръ щедродательности Учителя съ признательностію ученика! Ученикъ жаждетъ пролить кровь свою за Учителя; Учитель отклоняетъ отъ него всѣ опасности, до самаго конца его жизни. Уже всѣ Апостолы соединились съ Господомъ и Учителемъ своимъ въ Его вѣчномъ царствѣ; уже тысячи меньшихъ братій прешли путемъ мученія въ обители Отца небеснаго; уже многіе изъ возлюбленныхъ чадъ Іоанна получили наслѣдіе живота вѣчнаго: для одного Іоанна нѣтъ ни меча, ни огня, ни креста; онъ одинъ среди сонма побѣдителей остается безъ вѣнца побѣднаго.

Наконецъ, адскій огнь преслѣдованія возгорѣлся въ сердцѣ Домиціана; Іоаннъ спѣшитъ принесть себя во всесожженіе. Уже онъ среди кипящей смолы, уже касается цѣли своихъ желаній; но вдругъ таинственное опредѣленіе: *хощу, чтобъ онъ оставался, пока прійду* (Іоан. 21, 22), снова пріемлетъ силу,—и святый Іоаннъ исходитъ изъ огненной купели, по словамъ Тертулліана, съ большею крѣпостію, нежели съ какою вошелъ въ оную.

Новый лучъ надежды блеснулъ въ очахъ любви Іоанновой:—онъ заточается Домиціаномъ въ Патмосъ, осуждается на изнурительные труды вмѣстѣ съ преступниками. Вѣнецъ мученичества, хотя не столь блистательный, но тѣмъ не менѣе колючій, видимо соплетается надъ главою его;—но невидимая десница паки восхищаетъ его изъ глазъ Іоанна: тиранъ лишается жизни, Іоаннъ лишается изгнанія.

Не токмо мученія, самая смерть какъ бы убѣгаетъ Іоанна. Земля вокругъ солнца уже сто разъ совершила теченіе свое; но теченіе Іоанново еще не совершилось. Двѣнадцать кесарей, подобно тѣнямъ, явились и исчезли на престолѣ римскомъ; Римъ и Іерусалимъ испытали всю превратность времени; храмъ Соломоновъ и Капитолій обращены въ пепелъ: но бренная храмина столѣтняго старца остается неразрушимою среди всѣхъ бурь. Возлюбленный Іисусе! когда же исполнится время Твоего таинственнаго *пришествія* (Іоан.

21, 22)? Когда наступитъ вожделѣнный для Твоего друга день соединенія съ Тобою? Или забыто обѣщаніе раздѣлить съ нимъ чашу страданій Твоихъ? Гдѣ же сія, столь страшная для другихъ, и столь вожделѣнная для него чаша?

Въ сей-то, братіе, таинственной медлительности и состояло мученіе, предопредѣленное Іисусомъ Своему другу. Умереть такъ, какъ умеръ святый Іоаннъ, то-есть, быть сраженнымъ естественною смертію, имѣя усильное желаніе сразиться во славу Божію, съ насильственною,—видѣть столько разъ надъ главою своею вѣнецъ мученическій, драгоцѣннѣйшій всѣхъ вѣнцевъ царскихъ, и остаться неувѣнчаннымъ.—тещи на крестъ къ Возлюбленному, и, будучи непрестанно отторгаемымъ, испустить духъ не у подножія Его.—это самое жестокое мученіе для тѣхъ, кои уязвлены любовію, *крѣпкою яко смерть* (Пѣсн. Пѣсн. 8, 6).

Но, любезные братіе, понятна ли для насъ сколько-нибудь эта святая тайна—страданія любви отъ недостатка страданій за Возлюбленнаго? Есть ли кто-либо въ семъ собраніи дѣятельно участвующій въ ней? Есть ли кто-либо такой въ нашемъ вѣкѣ? Въ цѣломъ нашемъ мірѣ? Ахъ, вмѣсто того, чтобъ искать страданій за Бога и Христа, мы не можемъ переносить и тѣхъ, кои налагаются на насъ Богомъ и Христомъ; вмѣсто того, чтобъ терпѣть изъ любви и радоваться, не можемъ даже терпѣть по правдѣ и не роптать! Это ли истинная любовь къ Богу?—Такъ ли Онъ Самъ возлюбилъ и любитъ насъ? Какой изъ храбрыхъ воиновъ не согласится принести своей жизни за жизнь своего военачальника?—А мы, послѣдователи Того, Кто Самъ положилъ за насъ душу Свою, мы жалуемся нерѣдко на исполненіе какихъ-либо обрядовъ въ честь Его, и почитаемъ самое малое наше служеніе Ему тягостію великою! Это ли любовь къ Спасителю нашему? Такъ ли Онъ Самъ возлюбилъ насъ?—Послѣ сего неудивительно, что наше земное дружество бываетъ большею частію слабо, какъ паутина, горько, какъ мерра, и колюче, какъ терніе. Кто не умѣетъ любить своего Спасителя, тотъ можетъ ли истинно любить кого-либо? Врагъ Бога не можетъ быть другомъ людей! Аминь.

Слово въ день Іоанна Богослова.

Послѣ того, что среди вчерашняго богослуженія и нынѣ читано было изъ писаній празднуемаго нами евангелиста о Богѣ и Спасителѣ нашемъ, о любви и жизни вѣчной;—послѣ того, говорю, нѣтъ почти нужды въ особенномъ наставленіи. Ибо въ читанномъ указаны средства не только какъ познать Бога (1 Іоан. 2, 3. 4), но и какъ *пребывать въ Богѣ* (4. 16); а болѣе сего что нужно для христіанина?—Но, чтобы настоящій, особенный для насъ, день не остался даже безъ обыкновеннаго поученія, обратимъ вниманіе на жизнь празднуемаго евангелиста, и возьмемъ изъ нея что-либо какъ для нашего частнаго, такъ и для общаго назиданія.

Жизнь великихъ и святыхъ мужей всегда бываетъ обильна примѣчательными дѣяніями, въ коихъ, болѣе или менѣе, обнаруживается ихъ великій и святый духъ. Но въ жизни почти каждаго изъ таковыхъ мужей можно находить и такія дѣянія, въ коихъ духъ ихъ обнаруженъ во всей полнотѣ и и силѣ, въ коихъ великій и святый мужъ виденъ, такъ сказать, весь. Нѣтъ ли подобнаго поступка или событія и въ жизни празднуемаго нами евангелиста?—Кажется, что таково именно стояніе его съ Богоматерію на Голгоѳѣ, у креста Іисусова; и я, когда представляю себѣ Іоанна, то представляю стоящимъ у креста. Не можетъ быть положенія единственнѣе и святѣе! Если Іоаннъ совершалъ чудеса, изгонялъ бѣсовъ, воскрешалъ мертвыхъ, то въ семъ нѣтъ еще для него особеннаго отличія; тогда было время чудесъ; всѣ почти вѣрующіе или совершали чудеса, или видѣли ихъ совершенными надъ собою. Подобнымъ образомъ, если Іоаннъ проповѣдывалъ евангеліе, обращалъ ко Христу грады и веси, посрамлялъ идоловъ и ихъ служителей, то надъ симъ самымъ трудились и прочіе апостолы; и одинъ изъ нихъ, по собственному, неложному отзыву его, *потрудился паче всѣхъ* (1 Кор. 15, 10). Самую честь быть писателемъ евангелія (хотя Іоанново превосходитъ глубиною и высотою прочія) «сынъ громовъ» раздѣляетъ съ другими тремя евангелистами, изъ коихъ два не принадлежали даже и къ числу двенадесяти. Но на Голгоѳѣ Іоаннъ одинъ и единственъ; тутъ выше его, то есть, ближе ко кресту одна Матерь Іисусова и его!—Въ самомъ дѣлѣ, изъ самыхъ близкихъ учениковъ *всѣ оставльше* Учителя

бѣжаша (Матѳ. 26, 56),—не только по чувству страха, который былъ такъ великъ, что первоверховный отрекся трижды съ клятвою, но нѣкоторымъ образомъ даже въ сообразность съ намѣреніемъ Учителя, который не хотѣлъ, чтобы кто-либо изъ учениковъ Его оставался въ рукахъ враговъ;—но «сынъ громовъ не взираетъ ни на что, одинъ остается на божественной стражѣ, одинъ пріемлетъ послѣднее завѣщаніе, усыновляется и услаждаетъ своимъ присутствіемъ горькую чашу страданій. Болѣе сего подвига оказать, выше сея чести вмѣстить не могъ, находясь во плоти, Серафимъ. Въ сіи-то минуты обнаружилось вполнѣ, что сынъ Зеведеовъ можетъ пить чашу Христову, и креститься крещеніемъ Христовымъ (Матѳ. 20, 22), и что посему достоинъ сидѣть одесную въ славѣ, ибо стоялъ уже одесную въ уничиженіи.

И такой подвигъ вѣры и мужества совершенъ Іоанномъ еще до крещенія Духомъ Святымъ, до облеченія *силою свыше* (Лук. 24, 49)! Откуда такая непоколебимость въ юномъ ученикѣ?—Что вознесло его надъ всѣми страхами и содѣлало способнымъ стоять твердо на колеблющейся Голгоѳѣ?—Все это, братіе, произвела любовь—*любовь*, по слову Павла, *николи же отпадающая* (1 Кор. 13, 8). Вѣра Петрова затмилась, упованіе Іакова сокрылось, а любовь Іоаннова осталась неизмѣнною. Онъ жилъ болѣе жизнію сердца, а потому вѣрилъ вопреки тому, что видѣлъ, уповалъ превыше того, что слышалъ. Одушевленный любовію, онъ, не размышляя, сошелъ бы съ Учителемъ своимъ въ самый адъ. Ибо для него былъ рай тамъ, гдѣ былъ Господь и Учитель его.

Сему-то одушевленію святою любовію, сей-то жизни сердца въ божественномъ, должно приписать и ту глубокую высоту, которая усматривается во всѣхъ писаніяхъ Іоанна. Онъ не писалъ бы такъ, если бы не вѣдалъ сердца Іисусова; не вѣдалъ бы сердца Іисусова, если бы не возлежалъ на персяхъ Его; и не возлежалъ бы на персяхъ Іисусовыхъ, если бы въ собственныхъ персяхъ его не было полноты небеснаго чувства и пламени божественнаго. Любовь приблизила Іоанна ко Іисусу, любовь открыла ему тайну Его лица и дѣяній, любовь содѣлала Іоанна Богословомъ: крестъ и любовь суть символъ Іоанна!

Не то же ли самое, братіе, должно быть символомъ и всякаго истиннаго богослова?—Можно знать истины вѣры

однимъ умомъ и памятію:—но, какъ бѣдно, безжизненно и безплодно это познаніе! Можно знать истины вѣры одною дѣятельностію, обращая ихъ въ правила жизни;—но и сіе познаніе хотя гораздо выше перваго и необходимо къ совершенству, хладно, сухо, и вмѣсто отрады часто производитъ *духа работы въ боязнь* (Рим. 8. 15). Токмо участіе облагодатствованнаго сердца дѣлаетъ *иго* самоотверженія *благимъ* и *бремя* заповѣдей *легкимъ* (Матѳ. 11. 30) только живое ощущеніе въ душѣ небеснаго и божественнаго роднитъ человѣка съ небомъ, и даетъ ему вкусить *силы грядущаго вѣка* (Евр. 6. 5): только святая любовь производитъ, болѣе или менѣе, тѣсный и дѣйствительный союзъ человѣка съ Богомъ и Христомъ, а посему и живую вѣру и живое упованіе. Безъ любви нѣтъ самаго истиннаго познанія; и причина очевидна. Богъ, главный предметъ вѣры, *любы есть* (1 Іоан. 4. 16): какъ же можно истинно познать Его, *не пребывая въ любви* (тамъ же)? Іисусъ Христосъ, средоточіе нашея вѣры, по любви принесъ Себя въ жертву за спасеніе людей; какъ же можно уразумѣть тайну сея жертвы, не зная силы любви? Благодать Духа Святаго приходитъ отъ любви Бога Отца и Сына, и производитъ сыновнюю любовь къ Богу Отцу и Сыну: можно ли быть причастникомъ сея благодати безъ любви? Любовь по сему самому есть ключъ ко всѣмъ таинствамъ вѣры.

Она же есть лѣствица и къ совершенству христіанскому. Въ любви къ Богу и къ ближнимъ, по свидѣтельству самой воплощенной Любви, *весь законъ и пророцы висятъ* (Матѳ. 22, 40). *Любяй другы, законъ исполни* (Рим. 13. 8). Посему о томъ учителѣ вѣры, который не знаетъ любви христіанской, должно сказать, что онъ, хотя бы обладалъ всѣми земными познаніями, ничего не разумѣетъ въ дѣлахъ вѣры, какъ должно; и, хотя бы говорилъ ангельскими языками, есть при томъ не болѣе, *какъ мѣдь звенящая и кимвалъ звяцаяй* (1 Кор. 13, 1)!

Но куда преимущественно должно быть устремлено чувство любви божественной, долженствующей одушевлять истиннаго богослова?—Ко кресту Спасителя. Въ семъ крестѣ сосредоточилась и обнаружилась вся любовь къ намъ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго; въ семъ же крестѣ должна сосредоточиваться и обнаруживаться и вся наша любовь къ Пресвятой Троицѣ. Кто разумѣетъ силу креста Христова, тотъ знаетъ всѣ тайны вѣры; ибо всѣ онѣ и

выходятъ изъ креста и ведутъ ко кресту. Кто разумѣетъ силу креста, тотъ знаетъ всѣ тайны дѣятельности христіанской, ибо духовная жизнь и начинается, и возрастаетъ, и совершенствуется крестомъ и подвигами самоотверженія. Безъ креста нѣтъ Спасителя и спасенія, нѣтъ вѣры и знанія, нѣтъ жизни и дѣятельности духовной. Крестъ по тому самому есть начало и вѣнецъ истиннаго боговѣдѣнія!

Вамъ, питомцы благочестія и будущіе наставники вѣры и нравовъ, вамъ особенно желалъ бы я внушить сіи истины, ибо вамъ наиболѣе принадлежатъ онѣ. Вы призваны идти по слѣдамъ апостоловъ, быть *сосплѣшниками* (1 Кор. 3, 9) Божіими въ великомъ дѣлѣ возстановленія падшаго рода человѣческаго посредствомъ вѣры въ Сына Божія. Много средствъ употребляется для образованія вашего; много пособій имѣете вы для того, чтобы успѣшно достигать вашего высокаго предназначенія. Но всѣ средства и пособія останутся безъ полнаго дѣйствія, доколѣ каждый изъ васъ не вступитъ на путь дѣятельнаго освященія вѣрою и любовію, и не начнетъ жить въ предметахъ вѣры своимъ сердцемъ. Только вкушеніе благости Божіей даетъ уразумѣть, коль благъ Господь и Спаситель нашъ; только пріятіе въ душу спасенія отъ креста Христова усвояетъ насъ Христу и намъ Христа, а все это дѣло не столько ума, сколько сердца. Итакъ, образуя умъ, образуйте сердце, и паче образуйте сердце, нежели умъ. Среди сего образованія крестъ Христовъ да будетъ первымъ и послѣднимъ предметомъ вашихъ мыслей и чувствъ.—Кто знаетъ его, тотъ знаетъ все; кто не знаетъ его, тотъ не знаетъ ничего, хотя бы казался знающимъ все. Но истинное знаніе креста Христова должно быть и не можетъ не быть соединено съ несеніемъ его, ибо безъ сего никакъ нельзя знать, что именно въ крестѣ и составляетъ крестъ. Но и нести крестъ Христовъ, какъ должно, можетъ только одна истинная любовь ко Христу, которую потому и должно стяжавать прежде и паче всего. Кто не чувствуетъ въ себѣ святой рѣшимости стоять съ Іоанномъ у креста Спасителева на Голгоѳѣ, тотъ еще не ученикъ, тѣмъ паче не учитель по чину Іоаннову! Аминь.

Слово на день преставленія святаго славнаго и всехвальнаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова *).

Скончаніе Іоанново празднуемъ. Но скончался ли онъ? Не живъ ли доселѣ? Вопросы неожиданные, но предлагать ихъ располагаетъ не любопытство, а само Евангеліе: ибо вы слышали, что говорится въ немъ касательно Іоанна: *изыде же слово сіе въ братію, яко ученикъ той не умретъ* (Іоан. 21, 23). Братія богосвѣтлой Церкви апостольской не могли легкомысленно яться за мечту своего воображенія и произвольно выдать оную за изъясненіе словъ Спасителя. При томъ Евангеліе, упоминая объ ожиданіи, *яко ученикъ той не умретъ*, не опровергаетъ его, яко не сбыточнаго и происшедшаго отъ неправильнаго разумѣнія словъ Спасителя о Іоаннѣ; а только ограничиваетъ причину и основаніе его точными предѣлами отъ всякаго преувеличенія: *и не рече ему, яко не умретъ; но аще хощу, да той пребываетъ, дондеже пріиду, что къ тебѣ?* (Іоан. 21, 23). Въ церковной пѣсни, пѣтой вчера въ честь св. Іоанна, слышимъ еще болѣе: здѣсь онъ прямо и ясно называется доселѣ *живущимъ и ждущимъ страшное второе Владыки пришествіе* (стих. на малой вечерни).

Если же св. Іоаннъ не умиралъ и доселѣ живъ, то какъ же мы празднуемъ день преставленія Его? Не подобно ли это тому, какъ если бы кто поминалъ умершимъ человѣка, который остается еще въ живыхъ?

Нѣтъ. Іоаннъ дѣйствительно скончался, ибо его нѣтъ на землѣ; хотя и не умиралъ такъ, какъ умираютъ всѣ обыкновенно. Это самое и выражаетъ вышеприведенная пѣснь церковная, когда называютъ его отъ *земли пріемлющимся и земли неотступающимъ*. Ибо что называется преставленіемъ? То, когда человѣка, жившаго между нами, не стало болѣе на землѣ; когда онъ пересталъ считаться между живыми, и сдѣлался навсегда невидимъ, какъ это бываетъ съ умершими. Въ семъ смыслѣ св. Іоаннъ скончался, ибо его, со втораго вѣка христіанскаго, уже не было на землѣ, между людьми.

*) Сказанное въ семинарской церкви 1846 г. 26 сентября.

Что мы называемъ смертію? Разлученіе души съ тѣломъ, слѣдствіемъ коего бываетъ то, что душа отходитъ въ другой міръ, а тѣло разрѣшается на части и обращается въ персть. Въ семъ смыслѣ о св. Іоаннѣ не безъ основанія можно сказать, что онъ не умиралъ.

Чтобы лучше понять сіе, выслушаемъ, что говоритъ св. преданіе Церкви о кончинѣ Апостола: «исполнившимся же всѣмъ лѣтомъ его сту и вящше, изыде изъ дому Домнова съ седмію ученикъ своихъ, и дошедъ нѣкоего мѣста, тамо онымъ сѣсти повелѣ. Бяше же ко утру, и той отшедъ, яко на верженіе камня, помолися. Потомъ же, ископавшимъ ученикомъ гробъ крестообразно въ долготу возраста его, яко же имъ повелѣ, заповѣда Прохору, да идетъ во Іерусалимъ, и тамо да пребываетъ до кончины своея. И наказавъ ученики, и цѣловавъ, рече: привлекше землю, матерь мою, покрыйте мя. И цѣловаша его ученицы, и покрыша его даже до колѣнъ. И паки цѣловавшу ихъ, покрыша его даже до выи, и положиша на лице его поняву, и тако цѣловавше, плачуще зѣло, покрыша его весьма. Слышавше же сіе, иже во градѣ братія, пріидоша и откопавше гробъ не обрѣтоша ничтоже, и много зѣло плакаша, и помолившеся, возвратишася во градъ. На всякій же годъ изъ гроба его прахъ тонкій въ осьмый день мѣсяца маія являшеся, и испѣленія болящимъ молитвами святаго Апостола Іоанна подаваше, въ честь Богу въ Троицѣ хвалимому, во вѣки вѣковъ».

Взвѣсивъ со всею точностію силу сего преданія, не должно ли сказать о св. Іоаннѣ то самое, что сказали мы, послѣдуя словамъ пѣснопѣнія церковнаго, то есть, что онъ преставился отъ насъ, и однако же живъ есть; умеръ и вмѣстѣ не умиралъ, сообразно таинственному предсказанію о немъ Господа?

Такимъ образомъ, удобно разрѣшается неразрѣшимое, повидимому, противорѣчіе касательно кончины Іоанновой: и Церковь права, что празднуетъ день преставленія его; и братія Церкви апостольской свободны отъ нареканія въ легкомысліи—за ожиданіе, *яко ученикъ той не умретъ*.

Примѣръ сей да научитъ насъ между прочимъ не смущаться, если мы встрѣтимъ иногда въ сказаніяхъ и дѣйствіяхъ Церкви что-либо, похожее на противорѣчіе. При

углубленіи въ дѣло, при соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, навѣрно окажется, что это противорѣчіе какъ и въ настоящемъ случаѣ, только мнимое. Не должно смущаться и тогда, если бы мы сами не могли разрѣшить какого-либо недоумѣнія. Не разрѣшимъ мы, разрѣшатъ другіе. Если бы и никто не разрѣшилъ инаго недоумѣнія: и то не удивительно и не можетъ служить къ нареканію на Церковь. Естествоиспытатели хвалятся знаніемъ природы; но сколько остается въ ней нерѣшимаго ни для какихъ усилій ума! И никто не дерзаетъ отвергать неразрѣшимаго, и отвергающій показался бы безумнымъ. Но царство благодати, коего осуществленіемъ на землѣ служитъ Церковь, несказанно обширнѣе и возвышеннѣе царства природы: удивительно ли посему, что въ немъ есть неудобопостижимое?

Но обратимся къ Іоанну. Что за дивная судьба его! Почему она досталась на долю его, а не другаго кого-либо изъ Апостоловъ? потому ли, что онъ былъ ученикъ, *его же любляше Іисусъ* (Іоан. 13, 23)? Но любовь Іисусова не подобна обыкновенной любви человѣческой: въ ней нѣтъ пристрастія: она любитъ столько, сколько предметъ того заслуживаетъ. Кто творитъ волю Отца небеснаго, какъ Самъ Онъ сказалъ, тотъ братъ и мать Его есть (Марк. 3, 25). Значитъ, причина и основаніе дивной судьбы Іоанновой сокрываются въ немъ самомъ. Въ чемъ именно? Къ разрѣшенію сего можетъ служить самое названіе, коимъ св. Церковь отличаетъ его отъ прочихъ Апостоловъ. Ибо, наименованія Церкви не суть праздныя названія, а выражаютъ характеръ лица или вещи. Како убо именуетъ она Іоанна? Богословомъ. И мы называемся иногда богословами: но наше богословіе состоитъ большею частію въ однихъ мысляхъ и словахъ. Не таково богословіе Іоанново. Онъ былъ въ Богѣ и Богъ былъ въ немъ: оттуда чрезвычайная высота его ученія: *ибо Богъ свѣтъ есть* (1 Іоан. 1, 15). Оттуда преизбыточествующая любовь въ писаніяхъ и объясненіяхъ Іоанна: ибо *Богъ любы есть* (1 Іоан. 4, 16). А этотъ свѣтъ и любовь, соединившись вмѣстѣ, произвели такой избытокъ жизни вѣчной еще во времени, еще въ бренномъ тѣлесѣ Іоанновомъ, что смертное, безъ того переворота, который состоитъ въ разлученіи души съ тѣломъ и который мы обыкновенно называемъ смертію, *пожерто* въ немъ было *животомъ* (1 Кор. 15, 54). Не пред-

чувствіе ли сего самаго водило рукою Іоанна, когда онъ писалъ: *мы вѣмы, яко преидохомъ отъ смерти* (1 Іоан. 3, 14)? Безъ сомнѣнія, сей переходъ отъ жизни къ смерти совершился прежде въ духѣ Іоанновомъ; но потомъ, по естественному порядку не только благодати, но и самой породы, простерся сверху долу, распространился и на тѣлесную природу, и въ продолженіе долголѣтней жизни его (Іоаннъ жилъ болѣе ста лѣтъ), пріуготовилъ ее къ непосредственному вступленію въ міръ духовный, такъ что, можетъ быть, самое покровеніе отъ учениковъ тѣла его землею заповѣдано имъ не по нуждѣ какой-либо для него самого, а по единому смиренію.

И что удивительнаго, если возлюбленный ученикъ Христовъ возрастаетъ, еще на землѣ, въ мѣру будущаго воскресенія мертвыхъ?—Смертію Христовою такъ рѣшительно низложено могущество смерти, а благодатію Духа Святаго подано намъ столько средствъ къ животу вѣчному, что надобно дивиться болѣе тому, какъ мало людей, достигающихъ подобнаго совершенства. *Жало смерти—грѣхъ* (1 Кор. 15, 51), говоритъ Апостолъ: слѣдовательно, въ комъ сокрушено это жало, тотъ неприступенъ для смерти. А какъ во множествѣ вѣрующихъ во имя Христово не быть такимъ, кои благодатію Его совершенно очистились отъ всякаго грѣха?

И однако же самые великіе святые умирали, скажете. Не перекаемъ сему; почитаемъ только за долгъ примѣтить, что не съ однимъ Іоанномъ могло быть то, что приписывается ему, то есть, что онъ хотя прошелъ путемъ гроба, а въ самомъ дѣлѣ не подлежалъ смерти подобно намъ. Ибо, какъ свидѣтельствуютъ дѣписанія (напр., Лѣствица Іоанна Лѣствич.), тѣло не одного Іоанна не было найдено по смерти въ гробѣ, а и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ, начиная съ Богоматери.

Если тѣлеса прочихъ святыхъ остаются среди насъ—на землѣ, то вмѣстѣ съ симъ въ нихъ совершаются такія дѣйствія, кои дивны не менѣе преставленія съ плотію на небо. Таково, во-первыхъ, уже ихъ нетлѣніе. Ибо, если что скорѣе всего подвергается разрушительному дѣйствію стихій, то это—тѣло человѣческое, оставленное душею. А тѣлеса святыхъ, находясь нерѣдко въ нѣдрѣ самаго тлѣнія, остаются

невредимыми цѣлые вѣка и тысящелѣтія. Что это, какъ не видимое, не престающее отраженіе въ нихъ жизни вѣчной, какъ не постоянное торжество ея надъ смертію въ самой срединѣ ея области? Къ сему дивному свойству нетлѣнія обыкновенно присоединяются и другіе дары, какъ то: исцѣленіе болѣзней, прогнаніе злыхъ духовъ, иногда самое воскресеніе мертвыхъ. Въ семъ случаѣ еще болѣе чудеснаго, когда видимъ, что святая плоть и по разлученіи съ духомъ, отъ присутствія въ ней силы благодатной, такъ могущественна, что совершаетъ дѣйствія, превышающія всѣ силы природы.

Перестанемъ же недоумѣвать и удивляться тому, что повѣствуется намъ о Іоаннѣ. Вмѣсто недоумѣнія, лучше устремимся по слѣдамъ, имъ для насъ оставленнымъ. Ибо всѣ мы, не смотря на недостоинство наше, призваны носить имя богослововъ и учителей вѣры. Будемъ же, подобно ему, богословами не по одному имени, а на дѣлѣ и по истинѣ. И мы содѣлаемся такими, если будемъ ходить во свѣтѣ и дѣлать дѣла Божія; если будемъ очищать себя, яко же *Онъ*, Спаситель нашъ, *чистъ есть* (1 Іоан. 3, 3); если будемъ любить братію нашу, какъ Онъ возлюбилъ насъ; и если, наконецъ, не одни уста наши, а вся жизнь будетъ органомъ славы Божіей. Тогда и мы, скончавъ земное поприще, прейдемъ отъ смерти въ животъ, хотя не такъ дивно, какъ Іоаннъ, но такъ, какъ подобаетъ всякому истинному послѣдователю Христову, тѣмъ паче провозвѣстникамъ Его достопоклоняемаго имени, еже буди со всѣми вами и нами молитвами Евангелиста Христова! Аминь.

Слово въ день храмоваго праздника поклоненія честнымъ веригамъ святаго и всехвальнаго Апостола Петра *).

Нынѣ здѣсь храмовый праздникъ: бываетъ немало въ Церкви праздниковъ и въ другіе дни: но бываетъ ли когда праздникъ на небѣ?—Бываетъ. Когда? Въ то время, какъ на землѣ совершается покаяніе грѣшника. На землѣ сего большею частію не замѣчаютъ, или видятъ немногіе: на небѣ—

*) Сказанное въ харьковской тюремной церкви 16 января 1843 года.

напротивъ! Тамъ всѣ знаютъ о покаяніи на землѣ и единаго грѣшника, и всѣ радуются тому: *радость бываетъ велія на небеси*, такъ свидѣтельствуетъ Самъ Спаситель нашъ, *о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. 15. 7). Кто тамъ радуется такимъ образомъ? Радуется Богъ Отецъ, видя, яко *сынъ Его сей*, то есть, грѣшникъ, *иже мертвъ бѣ и изгибль*, теперь, чрезъ покаяніе, *оживе и обрѣтеся*—для Его, то есть, любви и наслѣдія благъ вѣчныхъ.—Радуется Сынъ Божій, Спаситель нашъ, видя, что кровь Его, проліянная Имъ на крестѣ во искупленіе всѣхъ грѣшниковъ, не осталась туне, а послужила во спасеніе покаявшагося грѣшника. Радуются всѣ Ангелы Божіи; ибо провидятъ въ покаявшемся грѣшникѣ своего будущаго собрата, коего спасенію они служили доселѣ безплодно.

И примѣтьте, братіе, силу выраженія Спасителева: *радость бываетъ велія на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. 15. 7). Много значило бы для грѣшника, когда бы обращеніе и покаяніе его были тотчасъ благосклонно приняты на небѣ (ибо что удивительнаго, если бы и отвергли ихъ!); еще болѣе важно и отрадно было бы для грѣшника, когда бы покаяніе его доставляло утѣшеніе, хотя малое, небожителямъ, тѣмъ паче если и радость; но, вотъ оно, по свидѣтельству Господа, производитъ гораздо болѣе.—производитъ то, чего и ожидать было нельзя.—радость особенную, великую, родъ нѣкоего блаженства: *радость бываетъ велія на небеси!* То есть, на небѣ бываетъ въ это время именно то, что мы на землѣ обыкли называть великимъ торжествомъ и празднествомъ.

И кто же творитъ собою этотъ праздникъ цѣлому небу?—Бѣдный, но кающійся грѣшникъ! Чѣмъ? Однимъ своимъ покаяніемъ! Кто бы могъ повѣрить сему, если бы не свидѣтельствовалъ о томъ Самъ Сынъ Божій?—Но поелику свидѣтельствуетъ Онъ, то нѣтъ мѣста недоумѣнію: остается только удивляться, благодарить, славить милосердіе Господа и—каяться!

Да, братіе мои, и каяться. Ибо будемъ ли мы медлить во грѣхѣ, когда покаяніемъ своимъ можемъ обрадовать цѣлое небо? Надлежало бы бросить грѣхъ, сразиться со всякою страстію и злымъ навыкомъ—уже потому, что всякій грѣхъ губитъ насъ, всякая страсть язвитъ и растлѣваетъ

насъ. А когда же Отецъ небесный такъ милосердъ къ намъ грѣшнымъ, что съ радостію пріемлетъ насъ кающихся: когда мы возвращеніемъ нашимъ съ пути погибельнаго можемъ доставить утѣшеніе всѣмъ Ангеламъ Божіимъ: то оставаться во грѣхѣ и пребывать нераскаянными—значитъ уже быть явнымъ врагомъ не только Богу, но и себѣ самимъ.

Сколько многіе однако же виновны въ семъ послѣднемъ безуміи!—Они слышатъ гласъ евангельскій, возвѣщающій, что радость бываетъ на небеси о грѣшникѣ кающемся, и однако же остаются нераскаянными: не спѣшатъ покаяніемъ своимъ обрадовать цѣлое небо!

Ахъ, братіе мои, если въ чемъ познается ядовитая сила грѣха, то въ семъ безчувствіи, которое производитъ онъ въ сердцѣ грѣшника! Если гдѣ видно ужасное дѣйствіе духа злобы, то въ семъ случаѣ! Онъ, онъ—человѣкоубійца, затыкаетъ бѣдному грѣшнику слухъ, чтобы не слышалъ гласа, зовущаго къ покаянію. Онъ, онъ—человѣкоубійца ослѣпляетъ бѣдному грѣшнику очи, чтобы не видѣлъ, въ какой находится безднѣ, какъ близокъ къ аду. Самъ по себѣ человѣкъ не могъ бы дойти до сего ожесточенія: самъ по себѣ грѣшникъ, яко блудный сынъ въ Евангеліи, устремился бы въ объятія Отца небеснаго, Который такъ давно и съ такою любовію ожидаетъ его возвращенія.

Но я радъ бы, подумаетъ кто-либо, раскаяться и признаться во грѣхѣ, если бы не слѣдовало за симъ наказанія отъ закона.—Ахъ, возлюбленный, что значитъ временное наказаніе отъ закона, въ сравненіи съ вѣчною казнію, которая слѣдуетъ за грѣхомъ нераскаяннымъ?—Мы можемъ избѣжать иногда здѣшняго временнаго наказанія, но избѣжимъ ли вѣчнаго?—Не лучше ли посему претерпѣть здѣсь, нежели быть наказаннымъ тамъ? Ибо здѣшнія наказанія, по самой кратковременности своей, суть яко ничто въ сравненіи съ муками вѣчными. Святые Божіи человѣки были свободны отъ всѣхъ нашихъ сквернъ грѣховныхъ, были украшены всякими добродѣтелями: и однако же какъ постоянно наказывали сами себя и за малые грѣхи и невѣрности совѣсти! Вся здѣшняя жизнь ихъ была трудъ, горесть и озлобленіе. А мы, съ ногъ до главы покрытые нечистотою, мы столько времени нившіе безаконія яко воду, мы—будемъ избѣгать наказанія! Чѣмъ же и докажемъ искренность нашего отвра-

щенія отъ порока и злодѣяній, какъ не нашимъ добровольнымъ согласіемъ на понесеніе того, что нами заслужено? Это будетъ во очищеніе грѣховъ нашихъ, въ залогъ примиренія съ совѣстію и закономъ. Воинъ, сражающійся за отечество, не подвергается ли безъ всякой вины ранамъ, самой смерти?— Что удивительнаго, если симъ ранамъ подвергаемся мы, кои заслужили ихъ нашими неправдами? И что же иначе, скажите, дѣлать закону и правосудію? Ужели оставлять преступника ненаказаннымъ? Но что вышло бы тогда изъ общества человѣческаго? Поощряемые ненаказанностію, не стали ль бы тогда люди терзать другъ друга, какъ дикіе звѣри?

Но мои грѣхи, подумаетъ другой, такъ велики, что я сомнѣваюсь въ прощеніи отъ Бога; мое сердце такъ загрубѣло въ порокѣ и страстяхъ, что я не вижу возможности отстать отъ грѣха и сдѣлаться добрымъ». Кто бы ты ни былъ, возлюбленный собратъ, къ коему приходятъ сіи мысли, знай, что они отъ духа злобы, хотящаго наложить на тебя послѣднюю петлю, чтобы влечь тебя за собою въ адъ.

Какъ! у нашего Господа нѣтъ прощенія? у нашего Спасителя нѣтъ жертвы за грѣхи твои? Кто можетъ сказать сіе, кромѣ діавола? Не Самъ ли Господь говоритъ: *пріидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи* грѣхами (Мато. 11. 28)? Не ко всѣмъ ли простираетъ Онъ Свои пречистыя руки со креста? Не для того ли именно помилованъ на самомъ крестѣ разбойникъ покаявшійся, дабы никто не сомнѣвался въ милосердіи Искупителя человѣковъ?

Кто можетъ также, кромѣ врага нашего спасенія, сказать, чтобы у Господа нашего не доставало благодатныхъ силъ и средствъ къ исправленію нашего злаго сердца? Мы сами не можемъ войти паки въ утробу матери, дабы переродить себя на доброе; но Онъ—всегда силенъ произвести это перерожденіе. Онъ можетъ отнять у насъ сердце каменное и дать намъ сердце плотяное; можетъ умертвить дракона адскаго, гнѣздящагося во глубинѣ нашей души, и обновить въ утробѣ нашей духъ правый. Для сего именно сошелъ на землю Духъ Святый. Когда Онъ, привлекаемый усердною покаянною молитвою, дхнетъ на сердце, тогда все сдѣлается живымъ и плодоноснымъ. Но для сего надобно, какъ мы сказали, привлечь къ себѣ благодать Духа. Какъ и чѣмъ привлечь? Теплою молитвою, слезами покаянія, все-

нѣлымъ обращеніемъ къ Нему души и сердца. Если ты, грѣшная, но желающая своего исправленія душа, войдешь чрезъ постоянную молитву въ союзъ съ симъ всемогущимъ Духомъ святыни, то силою Его не только освободишься отъ всѣхъ узъ грѣховныхъ, на тебѣ лежащихъ, не только получишь бодрость и легкость къ совершенію дѣлъ благихъ, не только украсишься ими, но можешь, если достанетъ ревности и усердія, достигнуть самой высокой степени чистоты и святости. Мы говоримъ сіе тебѣ, основываясь на безчисленныхъ примѣрахъ. Ибо, возьмите свитокъ съ именами святыхъ Божіихъ: есть между ними люди, отъ юности посвятившіе себя Богу, незнакомые со грѣхомъ и соблазнами плоти и міра, неосквернившіе, по выраженію слова Божія, *ризъ своихъ;* но есть немалое число и такихъ, кои имѣли несчастіе потерять нѣкогда чистоту ума и сердца, кои были заведены врагомъ въ самую бездну порока, коихъ онъ влачилъ безжалостно по всѣмъ дебрямъ нечестія, такъ что, казалось, потеряна была всякая надежда къ ихъ спасенію: и однако же чрезъ покаяніе, при помощи благодати, не только вышли они изъ всѣхъ дебрей и безднъ, но и взошли на высоту жизни равно-ангельской, удостоились еще на землѣ чрезвычайныхъ даровъ благодати, содѣлались свѣтилами міру.

Что убо препятствуетъ и тебѣ, грѣшная душа, вступить на сей же самый царскій путь вѣры и покаянія? На землѣ, въ этой жизни, очевидно, тебѣ ожидать уже нельзя многаго: не лучше ли же, не теряя времени, перенесть всѣ надежды на небо, утвердить мысль свою на вѣчности? Въ такомъ случаѣ, самое униженіе, самыя лишенія, самое наказаніе, ожидающія тебя на всю жизнь остальную, содѣлаются для тебя прекраснымъ средствомъ къ умерщвленію въ себѣ ветхаго человѣка, къ обузданію плоти и страстей, къ подавленію внутрь тебя гордости и злобы, къ упражненію себя въ терпѣніи и смиреніи, то есть, во всемъ томъ, чѣмъ стяжевается милость Божія и царствіе небесное. О грѣшная, но и среди самыхъ грѣховъ возлюбленная для Спасителя душа, не пренебрегай симъ средствомъ или, лучше сказать, симъ счастіемъ! Можетъ быть, на сіе истое и мы пришли сюда, и вступили въ бесѣду съ тобою, чтобы указать тебѣ этотъ путь царскій, который лежитъ возлѣ тебя, но легко можетъ остаться непримѣченнымъ тобою.

Что же мнѣ именно дѣлать, вопроситъ кто-либо, если я рѣшусь вступить на сей путь покаянія? Призвать Бога на помощь, оставить навсегда грѣхъ и жить отселѣ по-христіански—въ чистотѣ и правдѣ: исповѣдать предъ закономъ всѣ свои преступленія, ничего не скрывая и не ослабляя; перенести, если будетъ опредѣлено, наказаніе—въ духѣ смиренія, безъ ропота, даже съ благодарностію ко Всевышнему, Который запялъ стопы твои на пути беззаконія. Что потомъ? Потомъ, на свободѣ ли—если она будетъ возвращена, или въ узахъ,—если онѣ будутъ найдены отъ закона для насъ необходимыми,—всю остальную жизнь употребить на покаяніе и совершеніе дѣлъ благихъ: останавливать и вразумлять, когда можно, и другихъ на пути разврата, представляя имъ ужасныя его послѣдствія: непрестанно молиться внутрь сердца ко Господу, да проститъ согрѣшенія и очиститъ сердце отъ самыхъ мыслей и желаній грѣховныхъ. Среди всего этого не изнемогать въ терпѣніи до конца, утѣшая себя словомъ Божіимъ, примѣромъ покаявшихся и удостоившихся помилованія грѣшниковъ, представленіемъ скоротечности нашего житія на землѣ и надеждою благъ небесныхъ и вѣчныхъ.

Се наши совѣты тебѣ, душа грѣшная! се путь къ возврату изъ бездны грѣховной! Предъ тобою жизнь и смерть: избирай любое! Изберешь жизнь, то есть, покаяніе и исповѣдь,—обрадуешь собою цѣлое небо, Спасителя и всѣхъ ангеловъ. Останешься въ смерти, то есть, въ нераскаяніи,—возвеселишь собою весь адъ и духовъ злобы. Но ты не сдѣлаешь послѣдняго—ты изберешь покаяніе и жизнь;—изберешь нынѣ же, въ день праздника твоего, и такимъ образомъ доставишь празднество цѣлому небу, которое возрадуется радостію великою, узнавъ, что ты воскресла отъ смерти грѣховной чрезъ покаяніе. Аминь.

Слово на день поклоненія честнымъ веригамъ святаго и всехвальнаго Апостола Петра *).

Между различными видами блаженствъ, указанныхъ намъ Спасителемъ нашимъ въ Его бесѣдѣ нагорной, поставлено, какъ извѣстно, и то блаженство, когда кто-либо преслѣдуется яко злодѣй за правду, терпитъ потери и мученія безъ вины.

*) Сказанное въ церкви харьковскаго тюремнаго замка 16 января 1844 года.

Безъ сомнѣнія, блаженство сіе, какъ и всѣ прочія, открывается вполнѣ не здѣсь, на землѣ, а тамъ, гдѣ царствуетъ единая истина и правда, то есть, на небѣ: но поелику для насъ, близорукихъ очами сердца, трудно слѣдить за невидимымъ блаженствомъ по ту сторону гроба, то и на землѣ, по особенному распоряженію Промысла, остаются нерѣдко слѣды его и сохраняются на цѣлые вѣки и тысящелѣтія. Доказательствомъ сему настоящее празднество въ честь веригъ святаго славнаго и всехвальнаго Апостола Петра. Продъ за благовѣстіе евангельское всадилъ его нѣкогда въ темницу и обложилъ тяжкими веригами: уничиженіе крайнее для того, кто нареченъ первымъ дѣлателемъ при основаніи и распространеніи на землѣ Церкви Христовой, коему вручены ключи царствія небеснаго Самимъ Царемъ его!—Злоба, безъ сомнѣнія, думала торжествовать: но торжество ея было кратковременно: ибо тиранъ вскорѣ погибъ бѣдственною смертію, а униженіе Апостола Христова обратилось къ большей его славѣ. Кромѣ того вѣнца нетлѣннаго, который за узы ожидалъ его на небѣ, и земля не осталась равнодушною къ его страданію за истину: св. вериги подвижника вѣры были сохранены признательностію вѣрныхъ и содѣлались предметомъ поклоненія для всѣхъ вѣковъ послѣдующихъ.

Храмъ сей, посвященный памяти и прославленію узъ Петровыхъ, показываетъ, что и для насъ не чуждо понятіе о блаженствѣ Петровомъ, то есть, о блаженствѣ людей, гонимыхъ за правду. Но какъ приложить сіе блаженство къ настоящему мѣсту, опредѣленному для людей, гонимыхъ не за правду, а, если можно такъ выразиться,—самою правдою? Ибо, возможно ли, чтобы, при настоящемъ состояніи правосудія, нашелся кто-либо, подобно Апостолу, осужденный на пребываніе въ семъ узилищѣ не за пороки и преступленія, а за истину и добродѣтель? Если бы однако же паче чаянія обрѣлся здѣсь нынѣ такой святый узникъ, то да пріиметъ онъ утѣшеніе—отъ святыхъ веригъ Петровыхъ! Правосудіе земное, по ограниченности зрѣнія человѣческаго, можетъ иногда не усмотрѣть нашей невинности; но, кромѣ земныхъ смертныхъ судей, есть верховный Правитель и Судія всѣческихъ, отъ взора Коего ничего не сокрыто, Который если не здѣсь, то тамъ, и тѣмъ паче тамъ, если не здѣсь, воздастъ каждому по дѣламъ его.

Но что должны чувствовать при помышленіи о святыхъ веригахъ Петровыхъ тѣ, кои вполнѣ заслужили собственныя вериги своимъ неповиновеніемъ законамъ Божіимъ и человѣческимъ? Таковыхъ нынѣ должно проникать чувство стыда и раскаянія. Апостолы Христовы, долженъ разсуждать самъ съ собою таковый узникъ, носили вериги, претерпѣвали заключеніе и муки за имя Христово, за евангеліе и истину; а я въ чье имя обложенъ узами? Увы, на меня наложили ихъ грѣхи и страсти; меня ввергнулъ въ узилище врагъ Божій, коему я позволилъ влачить себя по всѣмъ дебрямъ беззаконій! Веригами апостольскими прославляется истина, красуется Церковь Божія; а моими веригами истина мрачится. Церковь отъ нихъ сѣтуетъ, имя Христово хулится. О, если бъ было какое-либо средство отнять мнѣ у веригъ моихъ ту нечистоту и отвратительность, кои придаетъ имъ не темница, а собственные грѣхи мои! Если бы я могъ сдѣлать ихъ, хотя не подобными, то не противными веригамъ апостольскимъ!

И что же, возлюбленная, не смотря на всю глубину паденія твоего, и не для насъ токмо, а для Самого Христа, душа, что, если мы скажемъ тебѣ, что твое желаніе не только возможно въ исполненіи, но и весьма удобно? Возблагодаримъ любви Отца небеснаго! Святая вѣра наша тѣмъ особенно и отличается отъ всѣхъ прочихъ вѣръ, что въ ней есть средство вериги грѣха обращать въ вериги невинности. Ибо, слышите, что Самъ Господь глаголетъ чрезъ пророка ко всѣмъ грѣшникамъ: *пріидите, и истяжимся: и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю; аще же будутъ грѣси ваши яко червленое, яко волну убѣлю* (Ис. 1, 18). Послѣ сего слѣдъ ли сомнѣваться въ возможности очищенія своихъ грѣховъ, какъ бы велики и тяжки ни были они?

Если бы кто спросилъ—какимъ чудомъ грѣхи наши теряютъ силу на судѣ Божіемъ и въ нашей совѣсти отъ покаянія?—такому скажемъ, что они теряютъ собственную свою силу не отъ покаянія нашего (много ли оно значитъ и что можетъ произвести само по себѣ?), а отъ дѣйствія заслугъ Христовыхъ.—оттого, что Сынъ Божій умеръ за грѣхи наши и Своею смертію удовлетворилъ за насъ правдѣ Божіей. Послѣ сего, коль скоро грѣшникъ, раскаяваясь въ своей беззаконной жизни, притекаетъ съ теплою вѣрою къ

ходатайству Сына Божія, то грѣхи его вземлются отъ него. Искупитель пріемлетъ ихъ на Себя Самого, а грѣшнику отдаетъ и усвояетъ Свою правду и невинность. Удивительно ли послѣ сего, если вериги, наложенныя грѣхомъ, въ такомъ человѣкѣ теряютъ нечистоту свою и становятся подобными узамъ Петровымъ? Разительный примѣръ сего покаявшійся на крестѣ разбойникъ. Крестъ его былъ праведнымъ мздовоздаяніемъ за его преступленія, ибо самъ онъ говоритъ: *мы убо въ правду достойное по дѣломъ наю восприемлева* (Лук. 23. 41). Посему естественный путь съ него былъ не въ рай, а въ адъ. Но поелику несчастный успѣлъ прибѣгнуть къ вѣрѣ; успѣлъ принести предъ Сыномъ Божіимъ исповѣданіе во грѣхахъ своихъ; успѣлъ извергнуть изъ сердца прежнюю злобу и вдохнуть въ себя духъ любви, какъ видно это изъ того, что онъ говорилъ собрату своему, желая ему спасенія: то все измѣнилось. Крестъ остался, но безъ знаменія казни и отверженія тотчасъ обратился въ залогъ помилованія, въ лѣствицу на небо, и сдѣлался въ семъ отношеніи подобнымъ кресту даже Христову.

Подобно сему и у всякаго узника есть возможность сдѣлать узы свои подобными узамъ Петровымъ: для сего потребно только истинное покаяніе и вѣра въ Господа Іисуса.

Нужень ли еще убѣдительный примѣръ на сіе? Имъ можетъ служить самъ святой Петръ. Не всегда и онъ оставался вѣрнымъ Господу: были несчастныя минуты забвенія своего долга и для него. Я разумѣю то врѣмя, когда онъ въ одинъ часъ, трижды и съ клятвою, отрекся своего Учителя. Что можетъ быть недостойнѣе подобнаго отреченія въ Апостолѣ? Но оно не повредило Петру; ибо вмѣсто того, чтобы продолжаться и привлекать за собою новыя и большія измѣны и паденія, какъ это бываетъ у насъ, оно тотчасъ замѣнилось раскаяніемъ: *и исшедъ вонъ*, говорится въ Евангеліи, *плакася горько* (Мато. 26. 75). Поелику Петръ не медлилъ обращеніемъ, то и Господь не заставилъ долго ждать прощенія. Явившись по воскресеніи ученикамъ Своимъ, Онъ тотчасъ обратился къ Петру съ вопросомъ: *любиши ли Мя?* и повторилъ его трижды не потому, чтобы не зналъ о любви къ Нему Петровой, будучи Сердцевѣдцемъ, а чтобы троекратнымъ съ его стороны исповѣданіемъ любви загла-

дить совершенно его троекратную невѣрность. Посему-то, едва Петръ успѣвалъ сказать: *Ты вси. яко люблю Тя,*— Онъ возвращалъ ему каждый разъ часть его апостольскаго достоинства словами: *паси овцы Моя. паси овцы Моя;* и такимъ образомъ снова вручилъ ему, выпавшіе было изъ рукъ его, ключи царствія. Но Петръ, и совершенно прощенный Господомъ и возведенный паки въ санъ первоверховнаго Апостола, до конца жизни не прощалъ самъ себѣ. Преданіе повѣствуетъ, что онъ каждую ночь возставалъ съ своего ложа, при первомъ пѣніи пѣтела, становился на колѣна и проливалъ слезы, отъ чего глаза у него были всегда красны и чело со всегдашнимъ знакомъ отъ молитвеннаго поверженія на землю.

Такъ поступай и ты, душа грѣшная, и узы, тобою теперь носимыя, не повредятъ тебѣ, а обратятся къ истинному благу твоему, смиривъ буйность воли и чувствъ, научивъ покаянію и отвращенію отъ грѣха. Аминь.

Слово на день святителя и чудотворца Николая.

И Той возведъ очи Свои на ученики Своя, глаголаше Блажени нищіи духомъ, яко ваше есть царствіе Божіе. Блажени алчущіи нынѣ, яко насытетеся. Блажени плачущіи нынѣ, яко возсмѣетеся Блажени будете, егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ, и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына Человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день и взыграйте Се бо мзда ваша многа на небеси (Лук. 6, 20—23)

Не много, братіе, въ цѣломъ году евангелій, кои могли бы равняться нынѣ чтенному по множеству и разнообразію важныхъ мыслей и выраженій. Не смотря на сіе, въ этомъ евангеліи нѣтъ ни одной мысли и выраженія, которое не было бы осуществлено въ жизни празднуемаго нами святителя самымъ ощутительнымъ образомъ. Спаситель обѣщаетъ созерцаніе Бога тѣмъ, кои стяжали чистое сердце: и какъ вѣрно обѣщаніе это сбылось на семъ человѣкѣ Божіемъ! Онъ былъ совершенно чуждъ всякой земной мудрости; между тѣмъ самые просвѣщенные удивлялись глубокому его боговѣдѣнію; православіе обрѣло въ немъ необоримый оплотъ противъ ереси Арія. Спаситель усвояетъ царствіе Божіе нищимъ

духомъ: и Церковь, вѣрная цѣнительница даровавій духовныхъ, убѣлаетъ святаго Николая за то, что онъ стяжалъ *нищетою—богатая*. Какую же нищету разумѣетъ она, если не нищету духа? И какое богатство, кромѣ богатства благъ небесныхъ?—Спаситель провозглашаетъ помилованіе милосердымъ: святый Николай за свою благотворительность не только самъ получилъ помилованіе, но и удостоился быть особеннымъ орудіемъ милосердія Божія къ бѣдствующему человѣчеству, какъ свидѣтельствуютъ о томъ безчисленныя его чудотворенія.—Спаситель назначаетъ въ наслѣдіе кроткимъ землю: и сколько земель, въ коихъ прославляется имя кроткаго Николая! Сколько странъ, кои вмѣняютъ себѣ въ честь быть его духовнымъ наслѣдіемъ! Спаситель называетъ блаженными плачущихъ, злословимыхъ, гонимыхъ: святый Николай былъ и злословимъ и гонимъ; но за то, какое блаженство земное можетъ сравниться съ тою славою, коею онъ наслаждается теперь въ обителяхъ Отца небеснаго!—Такимъ образомъ жизнь святителя Николая есть нѣкоторое опытное изъясненіе проповѣди Спасителя о блаженствахъ: равно какъ проповѣдь сію можно назвать вѣрнымъ чертежемъ его святой и богоугодной жизни.

Итакъ, мы не имѣемъ, братіе, причины искать нынѣ другаго наставленія, кромѣ того, которое предлагаетъ намъ въ жизни своей празднуемый нами святитель. Для всѣхъ насъ довольно, если мы, послѣдуя совѣту Апостола—*помнить наставниковъ* своихъ (Евр. 13, 7), оживимъ въ памяти нашей великія добродѣтели святаго Николая. Мы не можемъ не только словами, но и мыслію объять всѣхъ подвиговъ его благочестія,—число и величіе ихъ извѣстно только Тому, предъ Коимъ *вся нага и объявлена суть* (Евр. 4, 13),—по крайней мѣрѣ, сдѣлаемъ то, что можемъ. Образъ праведника, въ какомъ бы сокращенномъ видѣ не былъ представленъ, всегда утѣшителенъ, назидателенъ и животворящъ.

Кои повѣствуютъ о знаменитыхъ дѣяніяхъ сыновъ вѣка сего—почитаютъ себя весьма счастливыми, если въ основаніе своего повѣствованія могутъ положить хотя немногія добродѣтели, коими отличалось восхваляемое лицо; тѣмъ, напротивъ, кои изображаютъ духовные подвиги сыновъ царствія Божія, невозможно бываетъ не касаться всего круга

добродѣтелей; ибо святые Божіи человѣки не ограничиваются, подобно сынамъ вѣка сего, стяжаніемъ нѣкоторыхъ только похвальныхъ качествъ. Они, по примѣру Давида, *устремляются* (Псал. 118, 6) къ исполненію всѣхъ заповѣдей, *ненавидятъ всякъ путь неправды* (Псал. 118, 104); а посему изображеніе ихъ жизни само собою становится изображеніемъ всѣхъ обязанностей человѣка, по отношенію къ Богу, ближнимъ, самому себѣ. Сей святой необходимости, братіе, подлежимъ теперь и мы. Иной изъ насъ желалъ бы слышать нынѣ единственно о ревности святаго Николая по православію! Но онъ былъ и образъ кротости и милосердія. Другой хотѣлъ бы удовольствоваться воспоминаніемъ о его благотворныхъ чудесахъ? Но святая Церковь вмѣстѣ съ симъ именуетъ его и правиломъ вѣры.—Нѣкоторые почли бы достаточнымъ поучиться у святаго Николая любви къ Богу и ближнему? Но онъ, кромѣ сего, есть учитель воздержанія и смиренія. Такимъ образомъ, святый Николай преподаетъ намъ, братіе, въ своей жизни полный урокъ благочестія; а посему и намъ должно выслушать его съ полнымъ вниманіемъ.

---

1. Касательно вѣры люди подвергаются, братіе, большею частію двумъ недостаткамъ. Одни, будучи надменны своимъ умомъ, предаются излишнимъ умствованіямъ и чрезъ то впадаютъ въ ереси и расколы, отдѣляющіе ихъ отъ всеобщаго союза вѣрующихъ: другіе, почитая чистоту вѣры совершенствомъ или недоступнымъ, или маловажнымъ, совсѣмъ не заботятся о томъ, такъ ли они вѣруютъ, какъ должно. Заблужденія различныя, но равно предосудительныя для истиннаго христіанина. Ибо для чего святая вѣра низошла съ небесъ и вселилась между человѣками? Для того ли, чтобы служить предметомъ напряженныхъ изслѣдованій, искусныхъ споровъ, утонченныхъ изысканій? Ахъ, подобныхъ предметовъ слишкомъ много и на землѣ! Озарить разумъ свѣтомъ боговѣдѣнія, воспламенить сердце любовію къ добродѣтели, укротить страсти, уничтожить или облегчить бѣдствія человѣчества: вотъ цѣль ея! И что пользы отъ суетныхъ мудрованій о вѣрѣ? Они излишни: ибо предметъ превышаетъ разумъ; вредны: ибо ведутъ къ разномыслію и враждѣ.—Съ другой стороны, не радѣть о чистотѣ вѣры значитъ пренебрегать самую вѣру. Мы стараемся сохранять неизмѣнными

многія преданія человѣческія: есть люди, кои всю жизнь посвящаютъ на то, дабы знать, что и когда случилось: какъ же намъ быть равнодушными къ чистотѣ той вѣры, отъ коей зависитъ наше вѣчное спасеніе?—Совершенство нашей любви къ Богу требуетъ, чтобъ мы въ простотѣ сердца пользовались свѣтомъ Божественнаго откровенія; но это же самосовершенство обязываетъ насъ сохранять сей свѣтъ отъ смѣшенія съ тьмою заблужденій.

Святый Николай въ томъ и другомъ отношеніи преподаетъ намъ, братіе, превосходное правило вѣры; ибо его вѣра была и проста и вмѣстѣ чиста и ревностна. Вѣкъ, въ коемъ онъ жилъ, славился просвѣщеніемъ; посему-то многіе изъ его современниковъ, предавшись умствованіямъ, сдѣлались виновниками ересей, долгое время раздиравшихъ Церковь. Но сіи шатанія ума превратнаго были совершенно чужды богопросвѣщеннаго пастыря мурликійской Церкви. Будучи преемникомъ мужей апостольскихъ по званію пастыря душъ, онъ былъ вмѣстѣ и преемникомъ ихъ простоты по вѣрѣ. Подобно имъ, онъ поставлялъ совершенство христіанскаго благочестія не въ томъ, чтобъ углубляться въ непостижимое, но чтобы вѣрно исполнять познанное: подобно имъ цѣнилъ вѣру не по словамъ, а по дѣламъ. Мыслить такъ, какъ мыслятъ всѣ истинно-вѣрующіе, учить такъ, какъ учили отцы предшествующихъ вѣковъ: вотъ тотъ царскій путь вѣры, коимъ святый Николай шелъ самъ и велъ паству свою.

Толь вожделѣнная простота вѣры не происходила въ немъ (какъ можетъ подумать кто-либо) единственно отъ его неискусства въ земной мудрости. Правда, что *разумъ*, надменный ложнымъ просвѣщеніемъ, *кичится* и *недугуетъ словопреніями* (1 Тим. 6, 4); но развѣ пренія о вѣрѣ господствуютъ между одними просвѣщенными? Развѣ нѣтъ людей, кои совсѣмъ не вѣдаютъ мудрости земной, и между тѣмъ силятся постигнуть небесную? Нѣтъ! Святый Николай зналъ, что *царствіе Божіе* состоитъ *не въ словеси, а въ силѣ* (1 Кор. 4, 20), что *тайны Господни открываются младенцамъ* (Лук. 10, 21) что въ продолженіе нашей земной жизни мы должны *ходить вѣрою, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7), что слабый разумъ нашъ *яже на земли обрѣтаетъ съ трудомъ, а яже на небеси* ни познать, ни пріять самъ по себѣ не можетъ (Прем. Сол. 9, 16),—и вотъ источникъ его простоты по вѣрѣ!

Но простота сія была удалена отъ холодности къ вѣрѣ, отъ пагубной наклонности къ безразличію во мнѣніяхъ, столь обыкновенному въ наши времена. Не было прежде Николая, но не было его и ревностнѣе. Ревность сію засвидѣтельствовалъ онъ и противъ язычниковъ и противъ еретиковъ.

Какъ легко нынѣ сохранить залогъ вѣры невредимымъ! Но тогда были иныя времена: тогда христіанинъ почитался преступникомъ законовъ, врагомъ боговъ и кесаря, язвою общества, которую старались истребить; тогда надлежало избрать одно изъ двухъ: поклоненіе идоламъ или мучительную смерть!—Злоба гонителей христіанства особенно свирѣпствовала противъ пастырей Церкви, такъ что избраніе въ пастыри было нѣкоторымъ образомъ избраніе въ мученики.—Святый Николай претерпѣлъ за Христа все, что можно претерпѣть, кромѣ смерти: лишеніе имуществъ, поношенія, темницу, гладъ, истязанія и страхъ смерти. Только Промыслу угодно было, чтобы сей свѣтильникъ вѣры сохраненъ былъ для прогнанія тьмы Аріевой, имѣвшей вскорѣ распространиться: иначе мы зрѣли бы имя Николая вписаннымъ въ число мучениковъ.

Тьма сія дѣйствительно вскорѣ распространилась. Ни мудрыя мѣры равноапостольнаго Константина, ни отеческія попеченія пастырей Церкви, ничто не могло заградить устъ, отверстыхъ противъ Божества Іисуса Христа. Церковь, едва освободившаяся отъ гоненій, снова начала колебаться; составился первый вселенскій соборъ. Святитель Николай не принесъ на него ничего, кромѣ простой и твердой вѣры: но сія-то твердость и была особенно нужна, ибо многіе не имѣли оной. Къ какимъ хитростямъ не прибѣгали аріане! Въ какіе обольстительные виды не преображались они предъ защитниками православія! Самъ Евсевій, тотъ, коего просвѣщенію мы обязаны исторіею Церкви первыхъ вѣковъ, самъ Евсевій, другъ Константина и, слѣдовательно, другъ истины, колебался въ мнѣніи. Но Николай пребывалъ твердъ, какъ та вѣра, которую онъ исповѣдывалъ! Прочіе святители защищали православіе помощію своего просвѣщенія: Николай защищалъ вѣру самою вѣрою.—тѣмъ, что всѣ христіане, начиная отъ Апостоловъ, постоянно вѣровали въ Божество Іисуса Христа. Святость жизни его, всѣмъ извѣстная, чистота намѣреній, признаваемая самими врагами, даръ чудесъ, свидѣтельство-

вавшій о непосредственномъ сообщеніи съ Духомъ Божіимъ.— содѣлали то, что святый Николай, не смотря на его простоту, былъ украшеніемъ Никейскаго собора и заслужилъ, чтобы Церковь нарекла его—*правиломъ вѣры!*

О, если бы всѣ исповѣдующіе имя Христово неуклонно слѣдовали сему правилу! Еслибы всѣ мнимые ревнители православія стяжали ту простоту вѣры, коею одушевленъ былъ святый Николай!—Тогда нѣдра Церкви не были бы терзаемы собственными ея чадами: пагубное искусство состязанія осталось бы долею земной мудрости: святая вѣра являлась бы въ собственномъ своемъ видѣ, и давно исполнилось бы моленіе Церкви о соединеніи всѣхъ христіанъ узами единовѣрія и любви. По крайней мѣрѣ, братіе, вникая въ духъ нашей святѣйшей вѣры, мы не можемъ не признать, что правило вѣры, коимъ руководствовался святый Николай, должно быть правиломъ всѣхъ христіанъ, что вѣра наша должна быть проста и вмѣстѣ ревностна. Итакъ, посмотримъ теперь на образъ кротости и милосердія, коими сей святитель поучаетъ насъ любви къ нашимъ ближнимъ.

2. Подобно Апостолу Павлу, который отлучалъ лжеучителей и хульниковъ отъ собранія вѣрующихъ, святитель Николай не терпѣлъ въ оградѣ паствы своей *волковъ и злыхъ дѣлателей* (Филип. 3. 2). Но по примѣру великаго Пастыреначальника душъ, Господа Іисуса, онъ преслѣдовалъ любовію своею и самыхъ заблуждшихъ овецъ, былъ кротокъ и милосердъ къ самымъ упорнымъ врагамъ истины. Если онъ съ отцами Никейскаго собора требовалъ, чтобы Арій и его сообщники лишены были степеней церковныхъ, то сего требовала — необходимость! — Ибо, судите сами, можно ли позволить врагамъ Божества Іисуса Христа быть служителями Его Церкви и пастырями душъ, искупленныхъ Его кровію? Между тѣмъ, безъ всякаго преувеличенія, можно сказать, что если бы святый Николай былъ увѣренъ въ возможности—цѣною собственнаго спасенія—избавить отъ вѣчной погибели всѣхъ аріанъ, то, безъ сомнѣнія, подобно Моисею и Павлу, онъ согласился бы самъ быть изглажденнымъ изъ книги живота вѣчнаго, только бы вписаны въ нее были имена сихъ заблуждшихъ людей. Ибо что составляло отличительное качество Николая? Благотворительность, и притомъ—въ самой высшей степени. Здѣсь-то, братіе, надле-

жало бы наиначе распространиться и возвыситься слову въ похвалу сему святителю; но здѣсь-то и сокращается и изнемогаетъ наше слово. Ибо можно ли малымъ сосудомъ исчерпать—море? Но святый Николай, какъ ублажаетъ его Церковь, былъ море чудесъ, которыя, не смотря на многообразность ихъ, всѣ состояли въ благотвореніи. Смотрите! Тамъ онъ спасаетъ отъ тяжкаго рабства плѣненныхъ, здѣсь препитываетъ во время глада отчаянныхъ; въ одномъ мѣстѣ возвращаетъ погибшихъ младенцевъ матерямъ безутѣшнымъ, въ другомъ избавляетъ отъ поносной смерти осужденныхъ невинно: то предупреждаетъ преступленія, коими угрожаетъ нищета, то неожиданно награждаетъ ослабѣвающее усердіе къ благочестію.

Образъ благотвореній святаго Николая былъ, если можно такъ сказать, утѣшительнѣе самыхъ благотвореній. Мнимые, или истинные друзья человѣчества,—вы, кои нерѣдко тщеславитесь тѣмъ, что осуществляете въ своихъ дѣяніяхъ примѣры благотворительности знаменитыхъ мужей Греціи и Рима,—для чего не останавливаете вы взоровъ своихъ на образѣ благотвореній святаго Николая? Подражая ему, вы превзошли бы всѣхъ благотворителей, научились бы дѣлать добро ближнему такъ, чтобы не знала шуйца, что творитъ десница,—ибо облагодѣтельствованные св. Николаемъ часто потому только узнавали имя своего благотворителя, что отъ него одного можно было ожидать подобныхъ благодѣяній; научились бы быть защитниками невинныхъ, не смотря ни на какое могущество ихъ гонителей,—ибо святый Николай тамъ особенно простиралъ руку помощи, гдѣ скудная непорочность сражалась съ многообѣщающимъ развратомъ; научились бы, наконецъ, не ограничивать своихъ благодѣяній одними ближними, знаемыми и даже единовѣрцами,—ибо святый Николай не оставлялъ безъ помощи и тѣхъ, кои не знали имени Христова.

Такимъ образомъ, святый Николай былъ избраннѣйшимъ сосудомъ не только любви къ Богу—своею ревностію по вѣрѣ, но и любви къ ближнему—своими благодѣяніями бѣдствующимъ. И какимъ бы качествамъ, братіе, надлежало быть всегда нераздѣльными, какъ не ревности по Богѣ и ревности ко благу ближняго?—Богъ, нами исповѣдуемый, есть Богъ любви и мира; убо можно ли угодить Ему пре-

слѣдованіемъ за вѣру своихъ собратій? Искупитель нашъ пролилъ кровь Свою за самыхъ враговъ Своего Божества; убо восхощетъ ли Онъ, чтобы ревнители Его славы проливали слезы и кровь искупленныхъ Имъ! Духъ Святый, Коимъ освящаемся, есть Духъ не только истины, но и благодати и щедротъ; убо вселится ли Онъ въ душѣ, которая не растворяетъ истины кротостію и милосердіемъ? Но увы! духъ злобы умѣлъ привести въ забвеніе сіи истины, и святѣйшая вѣра наша, проповѣдующая кротость и любовь, неоднократно служила предлогомъ къ насилію, враждѣ и бранямъ! Толь пагубное злоупотребленіе величайшаго изъ даровъ Божіихъ происходитъ не отъ чего инаго, какъ отъ того, что многіе желаютъ быть апостолами для другихъ, между тѣмъ какъ въ собственномъ сердцѣ ихъ *не возсіялъ* еще *свѣтъ* славнаго *благовѣствованія Христова* (2 Кор. 4, 4)—отъ того, что многіе ревнители вѣры, вмѣсто ревности по Богѣ, ревнуютъ, сами не подозрѣвая того, только по собственнымъ мнѣніямъ и предразсудкамъ. Кто хочетъ быть истиннымъ органомъ любви къ Богу и ближнему, тотъ долженъ прежде всего очистить сердце свое отъ страстей, возымѣть господство надъ самимъ собою. Святый Николай и въ семъ отношеніи преподаетъ намъ урокъ спасительный.

3. Въ чемъ должно состоять совершенство человѣка въ отношеніи къ самому себѣ?—Какъ существо, наклонное къ злу и окруженное соблазнами, онъ имѣетъ особенную нужду въ воздержаніи: какъ существо, предназначенное къ совершенству, достигаемому не собственными силами, а дѣйствіемъ благодати Божіей, онъ долженъ стяжевать смиреніе. Воздержаніемъ укрощается чувственность, и очищается духъ; смиреніемъ пріобрѣтаются и сохраняются дары духовные.

Послѣ сего, въ чемъ бы мы ни поставляли воздержаніе, святый Николай есть самый лучшій учитель воздержанію. Сократимъ ли добродѣтель сію въ ограниченіе потребностей тѣлесныхъ, въ отреченіе отъ удовольствій чувственныхъ, въ нестяжаніе благъ земныхъ? Свойства сіи сами собою представляются въ нашемъ Святителѣ. Какъ мало должно быть потребностей тѣлесныхъ въ томъ, кто велъ жизнь равноангельскую! Какъ далеки должны быть удовольствія чувствъ отъ того, кто не зналъ другаго наслажденія, кромѣ благотворительности! А о нестяжаніи и говорить нечего. Гоненія

лишали всего, но ничего не могли лишить Николая, ибо онъ, въ самомъ началѣ своего пресвитерства, раздалъ все свое имѣніе бѣднымъ. Простремъ ли воздержаніе на самый духъ человѣка, на укрощеніе страстей, на отсѣченіе пожеланій,— найдемъ, чего желаемъ. Какое свойство души труднѣе воздержать, какъ не ревность по истинѣ? Здѣсь избытокъ усердія невольно и непримѣтно увлекаетъ за предѣлы; но святый Николай, какъ мы видѣли, былъ образъ кротости, и слѣдовательно, духовнаго воздержанія. Потребуемъ ли отъ учителя воздержанія необыкновенныхъ подвиговъ умѣренности и самоотверженія,—и въ нихъ нѣтъ недостатка: святый Николай, какъ повѣствуетъ преданіе, наблюдалъ уже различіе въ яствахъ въ такомъ возрастѣ, когда другіе не знаютъ еще, что такое яства.

Что сказать о смиреніи святаго Николая? Если бы мы не вѣдали, что онъ преимущественно за свое смиреніе былъ избранъ въ пастыри мурликійской Церкви, что смиреніе отличало его между отцами Никейскаго собора, который былъ соборомъ смиренія, что смиреніе заставляло Николая сокрывать свои благодѣянія и таить дарованія духовныя подъ видомъ простоты: если бы, говорю, намъ ничего не было извѣстно о сихъ подвигахъ его смиренія, то слава небесная, коею Господь возвеличилъ Своего праведника, не долженствовала ли бы вразумить насъ, что святый Николай былъ не токмо кротокъ, но и смиренъ сердцемъ?—Ибо, братіе, какимъ вообще путемъ достигается высота небесной славы, какъ не путемъ смиренія? На землѣ высокія достоинства нерѣдко пріобрѣтаются случаемъ, хитростію, ласкательствомъ, даже наглостію; но на небесахъ этого не бываетъ: тамъ, какъ правда награждаетъ, такъ правда, по тому самому, и награждается: тамъ, чѣмъ кто смиреннѣе, тѣмъ выше и ближе къ престолу благодати, на коемъ возсѣдитъ кроткій и смиренный сердцемъ Господь Іисусъ.

Такимъ образомъ, братіе, мы исполнили теперь одну часть совѣта апостольскаго—поминать наставниковъ нашихъ: образъ добродѣтелей святителя Николая оживленъ, хотя не совершенно, въ нашей памяти; каждый изъ насъ видитъ, что онъ дѣйствительно былъ правило вѣры, образъ кротости и милосердія, учитель воздержанія и смиренія. Остается теперь исполнить другую часть апостольскаго совѣта—*взирая на*

скончаніе жительства сего Святителя. *подражать* его *вѣрѣ* (Евр. 13, 7), уподобляться ему въ кротости и любви, поучаться отъ него воздержанію и смиренію. Святый Николай наслаждается теперь блаженствомъ вѣчнымъ; но онъ былъ человѣкъ подобный намъ. Мы желаемъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ теперь—святыми и блаженными; убо должны поступать такъ, какъ поступалъ онъ: праведно, цѣломудренно и благочестно. Онъ былъ тѣмъ, чѣмъ мы теперь—подверженнымъ слабостямъ душевнымъ и тѣлеснымъ; убо мы, при содѣйствіи благодати, можемъ совершить то, что совершено имъ—очистить сердце свое отъ страстей, и содѣлаться храмомъ Духа Святаго. Награда вѣчнаго блаженства, созерцаніемъ коей онъ воодушевлялъ себя на пути къ небесному отечеству, предложена и для насъ; слово Божіе, коимъ онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ, открыто и предъ нами; всемогущій Вождь, подъ знаменами Коего онъ ратовалъ со врагами своего спасенія—Господь Іисусъ всегда готовъ быть и нашимъ Вождемъ. Мы имѣемъ всѣ средства ко спасенію, коими пользовался святый Николай; между тѣмъ многія препятствія, кои ему надлежало преподѣбѣдать, для насъ вовсе не существуютъ. Кто нынѣ гонитъ за вѣру? Кто нынѣ не уважаетъ святыхъ подвиговъ благочестія? Послѣ сего, что остается побѣждать намъ? нашу разсѣянность, привязанность къ міру, нѣкоторые предразсудки, нѣкоторыя обыкновенія: вотъ всѣ наши гонители! вотъ всѣ наши мучители! И мы еще жалуемся на трудность подражанія святымъ! Будемъ лучше жаловаться на свое сердце, которое столько удалилось отъ Бога, что для него и самый малый подвигъ благочестія кажется неудобосовершимымъ.

Если, не смотря на все это, для кого-нибудь изъ насъ будетъ казаться труднымъ подражать всѣмъ добродѣтелямъ святителя Николая, то пусть твердо рѣшится подражать одной какой-либо, напримѣръ, милосердію, или воздержанію. Быть не можетъ, чтобы онъ, восчувствовавъ сладость сего подражанія, впослѣдствіи не простеръ его и на прочія добродѣтели Святителя. Всякая добродѣтель многоплодна: вселившись въ душу, она не останется одна, но призоветъ къ себѣ, даже безъ нашего участія, и прочія добродѣтели; только бы мы не противились сему.

Святителю Христовъ Николае! Ты неисчерпаемое чу-

лесъ и благотвореній море! но мы просимъ у тебя только трехъ даровъ: содѣлай молитвами твоими, да неуклонно слѣдуемъ правилу вѣры, тобою преподанному, нелѣностно подражаемъ образу кротости, въ тебѣ явльшемуся, и не забываемъ уроковъ воздержанія, коего ты былъ и есть для всѣхъ насъ и учитель и примѣръ наилучшій. Аминь.

Слово на день святаго Антонія Великаго *).

Кто собралъ насъ нынѣ сюда—во храмъ сей—Антоній Великій.—Великій Антоній?—Но такого имени нѣтъ во всемірной исторіи.—За то въ ней есть Ироды великіе... Такъ унижаютъ себя иногда самыя науки предъ истуканами гордости житейской!...

Но когда и зачѣмъ пришелъ сюда великій пустынникъ Ѳиваиды? Пришелъ не по малому дѣлу, пришелъ въ то время, какъ полагалось основаніе сему святилищу наукъ,—пришелъ для того, чтобы усвоить себѣ храмъ сей, быть духовнымъ стражемъ и попечителемъ сего мѣста и живущихъ на немъ. Съ тѣхъ поръ, единожды и навсегда, заключенъ священный союзъ между здѣшнимъ святилищемъ наукъ и великимъ подвижникомъ египетскимъ. Честь и хвала тѣмъ, кои уразумѣли непостижимое для міра величіе его и не усомнились предать въ благодатное охраненіе его судьбу сего святилища наукъ!... Наставникамъ и питомцамъ его остается не забывать урока, имъ чрезъ сіе преподаннаго, того урока, что истинное величіе человѣка зависитъ не отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, его окружающихъ, а отъ силы духа и воли, отъ безкорыстной любви къ Богу и ближнему, отъ побѣды надъ самимъ собою. Поелику урокъ сей изображенъ со всею подробностію въ лицѣ св. Антонія, то коснемся его жизни и покажемъ, въ чемъ состояло и какъ достигалось имъ это величіе.

Если угодно, оно состояло въ томъ же, за что обыкновенно исторія называетъ людей великими. Ибо, кому усвояется сіе титло? Тѣмъ, кои прославились побѣдами и завоеваніями, — тѣмъ, кои были виновниками великихъ и

*) Сказанное въ университетской Антоніевской церкви, января 17 1843 г.

общеполезныхъ учрежденій.—тѣмъ, кои сдѣлали какія-либо важныя открытія въ области наукъ и познаній. Все сіе.—въ лучшемъ возвышеннѣйшемъ видѣ—найдемъ и въ святомъ пустынникѣ ѳиваидскомъ.

Антоній былъ великій побѣдитель. Надъ кѣмъ? Во-первыхъ, надъ самимъ собою. Нѣкоторымъ изъ насъ, вѣроятно, едва извѣстно, что у человѣка есть внутренняя, непрестанная, опасная брань съ самимъ собою; потому что онъ самъ себѣ есть первый и послѣдній врагъ. Увлекшись отъ юности плотію и кровію, отдавшись безъ сраженія въ плѣнъ похотей и страстей, заглушивъ совѣсть, таковые люди не чувствуютъ уже внутрь себя спасительной противоположности духа съ плотію и борьбы добра со зломъ, живутъ и дѣйствуютъ такъ, какъ бы въ нихъ не было ничего духовнаго и вѣчнаго. Но тѣ, кои не имѣли несчастія дойти до сего опустѣнія духовнаго, до сей потери, не говоримъ уже образа Божія, но и образа человѣческаго, тѣ знаютъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть два человѣка, одинъ плотской, земной, страстный, нечистый, грѣховный, богопротивный; другой—духовный, небесный, богоподобный, чистый и святый, и что между сими двумя человѣками происходитъ всегдашняя и жестокая брань на смерть, такъ что одно изъ двухъ, или духъ долженъ быть въ силѣ и господствовать, а плоть и страсти быть яко мертвы; или плоть возьметъ верхъ и подавитъ собою въ человѣкѣ все духовное и святое. Отъ сего самоугашенія и самоуничтоженія духа, отъ сего рабства плоти и крови не защита—ни мудрость, ни могущество, ни счастливая, такъ называемая, природа. Великіе побѣдители народовъ, законодатели царствъ, свѣтила наукъ и искусствъ, къ сожалѣнію, нерѣдко болѣе прочихъ подлежали и подлежатъ сему несчастію. Вообще, совершенная побѣда надъ собою и своими страстями есть явленіе рѣдкое въ человѣчествѣ.

И въ сей-то побѣдѣ первѣе всего состоитъ величіе святаго Антонія. Уже совершенное отдаленіе его отъ міра, тогда какъ онъ имѣлъ средства пользоваться всѣми благами его, показало немалую власть его надъ собою. Но борьба съ собственнымъ сердцемъ не оставляетъ человѣка, какъ извѣстно, и въ пустынѣ; удаленіе отъ міра сего само по себѣ не прекращаетъ ее, а только дѣлаетъ тоньше и, можно

сказать, опаснѣе. Антоній зналъ это, испыталъ надъ собою сію внутреннюю брань во всѣхъ видахъ, и во всѣхъ видахъ ея остался побѣдителемъ. Плоть? Она многолѣтними подвигами, постомъ и бдѣніями ослаблена, укрощена, утонена до того, что Антоній походилъ, наконецъ, болѣе на духа безплотнаго, нежели на существо, обложенное тѣломъ. Воображеніе?—Оно, посредствомъ богомыслія, размышленія о смерти и молитвеннаго возношенія мыслей и желаній горѣ, очищено до того, что въ немъ отражались предметы токмо небесные, а изъ земныхъ только самые необходимые и святые. Умъ? Онъ совершенно покоренъ вѣрою, заключенъ въ словѣ Божіемъ, проникнутъ озареніемъ свыше. Собственная воля? Она отвергнута, попрана, умерщвлена въ самыхъ невинныхъ, по видимому, движеніяхъ ея, и на мѣсто ея водружена въ душѣ воля Божія, благая и всесовершенная. Святый Антоній посему, подобно Павлу, могъ сказать о себѣ: *живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ!* (Гал. 2. 20).

Но и послѣ такой побѣды надъ самимъ собою, оставалась еще одна брань съ духами, какъ называетъ ихъ святый Павелъ, злобы поднебесной. О сей брани еще менѣе имѣютъ понятіе люди плотскіе; она для нихъ не существуетъ, потому что они нисколько не живутъ духомъ; а не живя духомъ и раболѣпствуя плоти и страстямъ, они потому самому, безъ брани и борьбы, находятся во власти врага Божія, который владѣетъ и движетъ ими по всей его темной волѣ, хотя они и не примѣчаютъ того. Но кто, освободившись отъ рабства плоти, возвысился до жизни въ духѣ, кто, вышедъ изъ области грѣха и проклятія, вступилъ въ свѣтлую область истины, правды, мира и освященія благодатнаго, тотъ не можетъ не подлежать враждѣ и нападеніямъ отъ духовъ злобы, кои, чтобы не потерять въ немъ клеврета и раба своего, употребляютъ всѣ средства низринуть его съ высоты и возвратить въ плѣнъ грѣха и страстей.

Подлежалъ сей брани и Антоній великій, подлежалъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе, по духовному возрасту своему, былъ къ области духовъ. Невозможно безъ удивленія читать въ святой жизни его, какія козни употребляли для запятія его на пути къ небу врагъ Бога и человѣковъ. Но смиреніе

и молитва превозмогли все. Каждое нападеніе служило токмо къ новой побѣдѣ:—и подвижникъ Христовъ, облеченный силою свыше, достигъ, наконецъ, до такого всемогущества, что гордый Денница трепеталъ, можно сказать, одного его слова и взгляда.

Не должно ли убо назвать великимъ того, кто одержалъ столь великую побѣду не надъ плотію токмо и кровію, а и надъ духами *злобы поднебесной?*

Послѣ побѣдъ на полѣ брани, земное величіе снискивается наиболѣе посредствомъ великихъ учрежденій и подвиговъ общественныхъ, имѣющихъ великое и благотворное вліяніе на цѣлые вѣка и народы. Кто отличилъ себя подобными учрежденіями и подвигами, того по справедливости называютъ великимъ.

Святому Антонію принадлежитъ и этотъ видъ величія во всей полнотѣ и силѣ. Чтобы убѣдиться въ семъ, перенесемся, братіе мои, мыслію въ пустыню Ѳиваидскую. Видите ли эти обширныя, безплодныя и неудобопроходимыя степи, оставленныя человѣкомъ на обитаніе звѣрямъ и птицамъ? Что, если бы кто населилъ сію пустыню и притомъ такими людьми, кои могли бы составлять своими нравами и своею жизнію примѣръ для всего человѣчества? Не назвали ли бы вы сего человѣка мудрымъ и великимъ? Но сіе-то самое и сдѣлалъ изъ пустынь Ѳиваидскихъ святый Антоній; и какъ сдѣлалъ? Не такъ, какъ дѣлаютъ завоеватели, переселяя изъ страны въ страну цѣлые народы и племена; не такъ, какъ дѣлаютъ люди богатые и сильные, привлекая въ пустыни толпы гладныхъ и нищихъ звукомъ золота и обѣщаніемъ выгодъ: нѣтъ, у Антонія не было ни одного изъ земныхъ средствъ; онъ пришелъ въ пустыню съ одною ризою и съ однимъ жезломъ; наполнилъ ее своими молитвами, благодатію Божіею;—и безплодная пустыня процвѣла яко кринъ! Подъ конецъ его жизни, необитаемыя дотолѣ мѣста спорили уже въ многолюдствѣ съ обширнѣйшими градами Египта. Но число пустынножителей было въ семъ случаѣ—дѣло послѣднее; всего важнѣе то, что это были общества людей, украшенныхъ всѣми добродѣтелями евангельскими, вознесшихся превыше всѣхъ слабостей природы человѣческой. Послушайте, какъ описываетъ ихъ святый Златоустъ: «и ты нынѣ, пришедъ въ пустыню египетскую, рая всякаго луч-

шую. узриши пустыню сію, и многочисленныя лики ангельскія въ человѣческихъ образѣхъ, и народы мучениковъ, и собранія дѣвъ, и все діавольское мучительство разрушено, Христово же царство сіяющее... Не тако есть свѣтло небо испещреннымъ звѣздъ ликомъ, якоже пустыня египетская, кущи отвсюду намъ иноческія показующая... Увѣдѣвше бо вещми самѣми, яко истинная премудрость и небесъ достойная есть сія, яже отъ рыбарей симъ возвѣщена бысть; сего убо ради съ прилежнѣйшимъ ученій храненіемъ многу и житіемъ своимъ показуютъ добродѣтель: всѣхъ бо имѣній совлекшеся, и всему міру распеншеся, далѣе происходятъ, тѣлесный трудъ свой въ пищу требующимъ истощевающе. Ниже бо, егда постятся и бдятъ, праздни во дни быти хощутъ: но нощи въ священныхъ пѣсняхъ и всенощныхъ молитвахъ, дни же въ молитвахъ купно и рукодѣліи провождаютъ, Апостола подражающе ревности... И аще кто бѣ во странѣ оной, вѣсть яже глаголю. Аще же никогда же кто къ кущамъ онѣхъ взыдѣ, той да воспомянетъ до нынѣ во устѣхъ всѣмъ сущаго, его же по апостолѣхъ Египетъ изнесе, блаженнаго и великаго Антонія, и да помыслитъ, яко и сей во оной странѣ бысть, въ ней же и Фараонъ: но обаче ничтоже отъ страны той поврежденъ бысть, но и божественнаго зрѣнія сподобися, и таково показа житіе, какова Христовы взыскуютъ законы».

Кто произвелъ толь великое преобразованіе, былъ виновникомъ столь святаго, благотворнаго и божественнаго учрежденія, каково древнее пустынножительство египетское, тотъ не долженъ ли, какъ то дѣлаетъ самъ святый Златоустъ, быть почтенъ отъ насъ именемъ великаго?

Наконецъ, святый Антоній представится великимъ, если мы обратимъ вниманіе на великія открытія и чрезвычайные опыты, имъ произведенные, ибо и за сіе исторія обыкла называть нѣкоторыхъ людей великими.

Вѣроятно, не одинъ изъ васъ, братіе мои, удивится, услышавъ объ открытіяхъ и опытахъ святаго пустынника, и сочтетъ, можетъ быть, языкъ и выраженія наши не такъ естественными. Да, если угодно ограничивать область опытовъ и открытій только внѣшнею природою, какъ это бываетъ въ школахъ, то есть надъ камнями, растеніями и животными, или и надъ человѣкомъ, но только въ отноше-

ніи къ его тѣлу, и притомъ большею частію въ его болѣзненномъ состояніи, то мы охотно признаемся, что святый пустынникъ ѳиваидскій былъ чуждъ подобныхъ занятій. Но, братіе мои, ужели область познаній человѣческихъ должна ограничиваться только тѣмъ, что не есть самъ человѣкъ? Ужели уму размышляющему никогда не заглянуть въ ту бездну таинъ и чудесъ, которая сокрыта внутрь души человѣческой? Какое великое и священное поле для опыта—одно приложеніе истинъ христіанства къ душѣ человѣческой! Кто не пожелаетъ знать, что можетъ выйти изъ человѣка, если онъ осуществитъ на себѣ все то, что заповѣдуется евангеліемъ?

И здѣсь-то святый Антоній является величайшимъ, если угодно такъ назвать, испытателемъ, съ одной стороны, вѣры христіанской и ея св. таинствъ, съ другой—природы человѣческой и ея воспріемлемости, такимъ испытателемъ, подобнаго коему напрасно мы стали бы искать между всѣми мудрецами и естествоиспытателями, коихъ выставляетъ намъ наука. Это видно уже изъ способа, который употребленъ имъ для своей цѣли. Ибо въ чемъ состоялъ сей способъ? Въ томъ, на что мудрость обыкновенная не любитъ рѣшаться,—въ приложеніи къ своей душѣ и жизни правилъ евангелія въ самой высшей ихъ чистотѣ и строгости—въ осуществленіи на дѣлѣ со всею точностію требуемаго христіанствомъ отъ того, *иже хощетъ совершенъ быти.*

Не любопытно ли, не поучительно ли знать, что вышло изъ сего опыта Антоніева, продолжавшагося не недѣли и мѣсяцы, даже не годы, а болѣе полвѣка? Вышло то самое, что обѣщаетъ евангеліе, и что, по рѣдкости, кажется многимъ вещію несбыточною. Вмѣстѣ съ возстановленіемъ въ душѣ святаго подвижника образа Божія, сами собою являлись во всемъ существѣ и дѣйствіяхъ его дивныя послѣдствія сего богоподобія. И во-первыхъ, какъ у людей чувственныхъ самый духъ принимаетъ грубую и вмѣстѣ немощную дебелость плоти: такъ у Антонія самая плоть одухотворилась, исполнилась силы и свѣта, и сдѣлалась превыше вліянія стихій, кои на насъ дѣйствуютъ такъ неотразимо. Во-вторыхъ, въ чистой душѣ его, отъ преизбытка благодати, открылся даръ такого вѣдѣнія, предъ коимъ наши обыкновенныя познанія, какъ слабыя свѣдѣнія отрока предъ опытною мудростію мужа.

Антоній вѣдалъ тайны сердецъ; зрѣлъ самое отдаленное, какъ—близъ сущее; провидѣлъ будущее, какъ настоящее. Въ-третьихъ, въ волѣ его, отъ преизбытка той же благодати, явилась такая таинственная мощь, предъ коею силы природы, какъ предъ всемогуществомъ Божіимъ, преклонялися мгновенно. На все сіе мы могли бы привести множество примѣровъ изъ его необыкновенной жизни; но чтобы не утомить продолжительностію слова вниманія вашего, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы поощрить кого-либо къ собственному изслѣдованію сего важнаго и душеспасительнаго предмета, препровождаемъ желающихъ къ самой сей жизни. Тамъ увидятъ они, правильно ли мы говоримъ, когда усвояемъ святому Антонію чрезвычайные опыты и открытія въ природѣ человѣческой, опыты, совершенные не въ видахъ какой-либо науки, а по любви къ Богу и для спасенія души своей, коимъ тѣмъ паче должна дорожить истинная наука.—Что касается лично до насъ, братіе мои, то мы откровенно признаемся предъ вами, что если научились знать сколько-нибудь природу человѣческую въ чистомъ ея видѣ и не увлекаться разными поверхностными сужденіями о ней, коихъ, какъ извѣстно, такое множество и въ школѣ и внѣ ея, то симъ обязаны мы не столько ученымъ книгамъ и разсужденіямъ, сколько святымъ опытамъ и необыкновеннымъ дѣяніямъ такихъ святыхъ мужей, каковъ былъ Антоній великій!

Достойно убо и праведно великій подвижникъ сей избранъ основателями заведенія сего въ небеснаго покровителя здѣшнему храму, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣлому святилищу наукъ, для коего храмъ сей служитъ средоточіемъ и какъ бы сердцемъ. Достойно и праведно: ибо онъ былъ великъ воистину, великъ духомъ и вѣрою, великъ добродѣтелію и самоотверженіемъ, великъ близостію къ небу и чудесами. Имѣя выну предъ очами образъ сего праведника, въ коемъ природа человѣческая сіяетъ всѣми лучами богоподобія, не будемъ, подобно малымъ дѣтямъ, увлекаться суетными видами величія мірскаго, большею частію нечистаго и грѣховнаго; устремимся, по слѣдамъ его къ пріобрѣтенію не однихъ мертвыхъ познаній, кои подаютъ намъ науки, но и того живаго вѣдѣнія, которое достойнымъ преподаетъ Самъ Духъ Святый; а для сего смиримъ свой гордый по природѣ умъ и подчинимъ его водительству святыя вѣры. Ибо не напрасно сказано, что тайны царствія Божія утаены

отъ премудрыхъ и разумныхъ, то есть, отъ тѣхъ, кои сами мнятъ себя видѣть таковыми, и открываются *младенцамъ* (Матѳ. 11. 25).

Лучшаго совѣта не можемъ преподать вамъ, братіе, во благознаменитый день праздника вашего! Аминь.

Слово въ день святаго Антонія Великаго *).

Непрестаю благодаря о васъ, поминаніе о васъ творя въ молитвахъ моихъ: да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія въ познаніе Его: просвѣщенна очеса сердца вашего, яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія его, и кое богатство славы достоянія его во святыхъ (Ефес. 1, 16—18).

Не знаемъ, почтенные слушатели, что было нынѣ особеннымъ предметомъ вашихъ молитвъ предъ Господомъ; а мы, предстоя сему престолу благодати, молились въ отношеніи къ вамъ о томъ же, о чемъ молился нѣкогда въ сихъ словахъ Апостолъ Христовъ о ефесеяхъ, чтобы, то есть, и вамъ такъ же, какъ имъ данъ былъ *Духъ премудрости и откровенія и были просвѣщены очеса сердца*, для уразумѣнія, *кое есть упованіе званія нашего во Христѣ*. Сего наипаче дара, а не другихъ, просили мы отъ Господа для васъ потому, что онъ иначе и не получается какъ только посредствомъ молитвы; а между тѣмъ, если какіе дары духовные необходимы для васъ, то именно этотъ даръ просвѣщенія свыше.

Чтобы пояснить все сіе и расположить къ участію въ молитвѣ Апостола даже и тѣхъ, кои почему-либо доселѣ не обращали на нее вниманія, разсмотримъ сущность ея подробнѣе.

Очевидно, Апостолъ объемлетъ въ сей молитвѣ всю область просвѣщенія духовнаго—отъ высшаго ея премірнаго начала—Духа Божія до послѣдняго ея животворнаго конца—упованія жизни вѣчной.

И во-первыхъ, онъ указуетъ на то, что служитъ въ человѣкѣ источникомъ духа просвѣщенія. Это духъ премудрости и откровенія.

*) Сказанное въ университетской церкви 17 января 1844 г.

Во-вторыхъ. онъ изъявляетъ, что производитъ въ человѣкѣ Сей Духъ и какъ содѣлываетъ его способнымъ къ боговѣдѣнію.—это просвѣщенныя очеса сердца.

Наконецъ. онъ указуетъ на самый предметъ и цѣль духовнаго просвѣщенія: это познаніе того. къ чему мы призваны во Христѣ и что ожидаетъ насъ въ вѣчности.

Предметы величественные! Истины высокія! Приложимъ къ нимъ слухъ нашего ума и сердца.

Итакъ, Апостолъ Христовъ не находитъ въ дѣлѣ просвѣщенія достаточнымъ началомъ нашъ умъ и науку, а почитаетъ необходимымъ для сего благодатное общеніе человѣка съ Самымъ Духомъ Божіимъ.

Можно ли намъ самимъ видѣть эту недостаточность нашего ума и эту необходимость озаренія свыше?—Можно. Кромѣ другихъ способовъ къ тому достаточно обратить вниманіе на свойство нашего познанія вообще, и на то, что умъ человѣческій могъ сдѣлать доселѣ безъ озаренія свыше.

И во-первыхъ. явно. что умъ въ душѣ тоже, что она въ тѣлѣ. Для зрѣнія предметовъ великихъ мало того, чтобы имѣть очи: надобно. чтобы предметы дѣйствовали на зрѣніе, надобно еще. чтобы между предметами и зрѣніемъ было посредствующее начало свѣта. Безъ предметовъ не увидимъ ничего. и съ предметами, но безъ свѣта не увидимъ ничего.

Прилагая сей образъ познанія къ уму. что окажется?—Окажется. что и для созерцанія предметовъ духовныхъ, кромѣ умственнаго зрѣнія. или ума. необходимо дѣйствіе предметовъ духовныхъ и посредство между ими и умомъ свѣта духовнаго.

Кто же приблизитъ къ нашему уму предметы духовные. или насъ возвыситъ до ихъ святой высоты? Кто можетъ окружить ихъ и насъ свѣтомъ духовнымъ. безъ коего невозможно созерцаніе духовное? Умъ нашъ самъ по себѣ не можетъ сдѣлать сего, такъ же какъ око тѣлесное не можетъ ни приблизить. ни освѣтить предметовъ видимыхъ.

И вотъ причина. почему всѣ усилія ума человѣческаго, безъ озаренія свыше оставались безплодными въ познаніи предметовъ духовныхъ. Покушались видѣть солнце безъ солнца—и что видѣли? одни выдавали за самое солнце слабое мерцаніе звѣздъ. то есть. идеи ума, другіе—безумно отвергали самое бытіе его. Тѣ, кои умствовали при свѣтѣ

откровенія, не представляютъ подобныхъ заблужденій, но доколѣ не представляютъ? Доколѣ не уклоняются отъ сего руководителя. Въ противномъ случаѣ, и они впадаютъ въ тоже противорѣчіе и ту же неисходимую тьму.

Напротивъ, какое величественное зрѣлище представляютъ эти рыбари, эти мытари, кои безъ всякаго знакомства съ наукою, возвѣщаютъ всему міру истины, недовѣдомыя всѣмъ мудрымъ вѣка, и удовлетворяющія всѣхъ и каждаго!—Откуда въ нихъ сія премудрость и сила? Оттого, что они водились не умомъ, а Духомъ Божіимъ. Кому Сей Духъ, какъ выражается святая Церковь, по достоянію дхнетъ, того вземлетъ отъ земли и приближаетъ къ міру горнему. Кого Онъ озаритъ свѣтомъ Своимъ, тому не нужно много размышлять, ибо онъ также истинно и легко видитъ окомъ ума предметы духовные, какъ очами тѣлесными видятъ предметы чувственные.

Поелику же Сей Духъ истины и откровенія не есть исключительная принадлежность токмо нѣкоторыхъ избранныхъ, и обѣщанъ всѣмъ душамъ чистымъ, его вожделѣвающимъ, то что остается истинному любителю мудрости, какъ не повергаться предъ престоломъ благодати, вмѣстѣ съ Соломономъ, молить и Сѣдящаго на немъ, да пошлетъ въ душу его собственную премудрость, и моля о семъ уготовлять себя въ ея обитель?—Что же производитъ въ человѣкѣ сей Духъ откровенія? Какъ содѣлываетъ его способнымъ къ боговѣдѣнію? Это тайна Духа, но Апостолъ касается и ея, приподнимая завѣсу—краткимъ, но премногознаменательнымъ выраженіемъ. Человѣкъ дѣлается способнымъ къ боговѣдѣнію, по его словамъ, чрезъ то, что Духъ премудрости просвѣщаетъ *очеса сердца*. Примѣтьте особенность выраженія. Мы обыкновенно достигаемъ познанія чрезъ размышленіе: въ духовномъ просвѣщеніи господствуетъ не размышленіе, а созерцаніе—*очеса*. Притомъ у насъ, если и говоримъ о созерцаніи, то оно всегда относится къ тому же уму, но Апостолъ относитъ его къ сердцу, не говоря ни слова объ умѣ. *Очеса сердца*, по свидѣтельству другаго Апостола, сіи очеса сердца не вдругъ озаряются отъ Духа Божія, а прежде совершается надъ ними помазаніе таинственнымъ коллуріемъ (Апок. 3, 18), чрезъ что они дѣлаются способными видѣть. Все это, равно какъ и другія выраженія писанія, необходимо приводятъ къ той мысли, что въ душѣ нашей

есть органъ къ познанію предметовъ духовныхъ, который въ обыкновенномъ ея состояніи неспособенъ къ дѣйствію и не дѣйствуетъ, но въ состояніи благодатномъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Духа Божія, раскрывается въ человѣкѣ и содѣлываетъ его способнымъ не только познавать, даже видѣть то, что посредствомъ обыкновеннаго размышленія умомъ совершенно нельзя знать, или по крайней мѣрѣ такъ ясно и правильно.

Можетъ ли сказать что-либо въ подтвержденіе сей важной истины наука?—Можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ наши умственныя способности предъ взоромъ Того, Кто въ состояніи проникать во внутреннюю работную храмину мыслей и нисходить вниманіемъ до самыхъ послѣднихъ таинъ родниковъ самосознанія?

Представляютъ три важныхъ недостатка, кои явно неестественны, и вмѣстѣ съ тѣмъ явно неизбѣжны и всеобщи.

Первый недостатокъ—въ нихъ нѣтъ свѣтлаго живаго средоточія, изъ коего бы все выходило и въ которое бы все входило. Каждая изъ способностей умственныхъ предполагаетъ высшую, всѣ, наконецъ, сходятся въ два начала, но перваго не видно. Самое сознаніе наше, замѣняющее сіе начало, подобно разбитому зеркалу, дробится непрестанно на частныя представленія, не имѣя полноты и единства. Въ семъ отношеніи душу можно сравнить съ превосходнымъ инструментомъ, въ коемъ нѣтъ главной струны.

Второй недостатокъ—между способностями души недостаетъ соотвѣтствія и подчиненности. Въ семъ отношеніи душа подобна зрительной трубѣ, въ коей стекла стоятъ не на своемъ мѣстѣ и оттого не способны представлять предметы.

Третій недостатокъ—организмъ ума—осмѣлимся употребить сіе выраженіе—явно подлежитъ какому-то духовному разслабленію, такъ что одна или двѣ способности, какъ части въ тѣлѣ, всегда бываютъ поражены болѣзненностію: то недостаетъ, напр., разсудка, то памяти, то воображенія.

Отъ сихъ именно недостатковъ страдаетъ міръ умственный; противъ сихъ именно недуговъ вооружается наука. Но что производитъ? Много ли успѣваетъ? Сколько ни увеличиваетъ познанія, сколько ни сводитъ радіусовъ въ безпредѣльномъ кругѣ, средоточія, кромѣ мысленной точки, не

можетъ произвести. Сколько ни полируетъ стекла въ зрительной трубѣ, не можетъ поставить ихъ въ надлежащее другъ отъ друга разстояніе и привести въ соотвѣтствіе. Сколько, наконецъ, посредствомъ искусственнаго тренія и согрѣванія, ни оттираетъ безжизненныя части, то есть, тѣ способности, въ коихъ недостатокъ,—не можетъ возвратить имъ дѣйствія и силы.

А нельзя ли сдѣлать то, къ чему приходитъ самая строгая наука въ самыхъ избранныхъ любителяхъ своихъ—Къ горестному безотрадному признанію, что умъ человѣческій неспособенъ къ постиженію истинъ сверхъопытныхъ, еще къ худшему,—что якобы по началамъ его равно можно доказывать и опровергать самыя важныя истины.

Но можно ли думать такимъ образомъ, не оскорбляя величія Бога разумовъ, не унижая достоинства существа человѣческаго?

Не такъ поступаетъ откровеніе. Оно признаетъ болѣзненное состояніе ума нашего, признаетъ въ немъ болѣе естественной порчи, нежели сколько можетъ видѣть наука, но вмѣстѣ съ симъ говоритъ, что эта порча не дѣло рукъ небеснаго Художника, что эта болѣзнь наносная, приходящая, а не естественное всегдашнее состояніе. Притомъ, открывая болѣзнь, откровеніе указуетъ и на Врача, Который можетъ все исправить. Этотъ всемогущій Врачъ есть Духъ Божій, Духъ премудрости и откровенія. Кто предается Его водительству, привлекаетъ Его усердною молитвою, хранитъ чистотою сердца и жизни, въ томъ Онъ Своимъ всемощнымъ дѣйствіемъ производитъ то, чего не можетъ произвести никакая наука, отверзаетъ очи сердца, озаряетъ пренебеснымъ свѣтомъ самыя очи ума, восполняетъ недостающее, укрѣпляетъ ослабѣвшее, приводитъ въ соотвѣтствіе разстроенное, и такимъ образомъ содѣлываетъ его способнымъ видѣть истину.

Что же именно видѣть? Апостолъ указуетъ, наконецъ, на предметъ и цѣль духовнаго просвѣщенія. *Яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія вашего, и кое богатство достоянія славы его во святыхъ.*

Естественно, что просвѣщеніе свыше отъ Духа имѣетъ и главнымъ предметомъ своимъ не земное, а духовное, вѣчное. Очесамъ сердца неприлично было бы устремиться на созерцаніе плоти и крови, для коего довлѣетъ око чувственное. Богопросвѣщенный человѣкъ, во свѣтѣ Духа Божія, созер-

цаетъ то, что разумъ естественный видѣть не можетъ—тайну паденія человѣческаго, источникъ бѣдствій, отъ коихъ страдаетъ родъ человѣческій и отъ коихъ освободиться не можетъ, тайну искупленія рода человѣческаго вочеловѣченіемъ и крестною смертію Сына Божія, тайну будущаго возстановленія всѣхъ и всего, имѣющаго совершиться въ концѣ міра, видитъ безъ числительной подробности, ибо это—тайна, но съ такою увѣренностію, что скорѣе усомнится въ собственномъ бытіи, нежели въ истинахъ ему открытыхъ.

Впрочемъ, тотъ подумалъ бы весьма ошибочно, кто вообразилъ бы, что сіе просвѣщеніе отъ Духа, будучи направлено къ предметамъ духовнымъ, безполезно для познанія предметовъ міра дольняго. Нѣтъ. Апостолъ, обращаясь къ людямъ богопросвѣщеннымъ, ненапрасно говоритъ: *вы имате помазаніе отъ Святаго, и вѣсте вся.* Не что-либо одно, и не одно духовное, а *вся*, все, что необходимо по обстоятельствамъ человѣка. Духъ Божій, какъ Самъ есть источникъ всякой истины, всѣхъ даровъ, такъ и человѣку съ Нимъ соединенному сообщаетъ все, что нужно. Исполненные Симъ Духомъ, Моисей законодательствуетъ, Даніилъ управляетъ царствомъ и предводитъ общество мудрецовъ вавилонскихъ, Соломонъ знаетъ все отъ кедра до иссопа, Іовъ указуетъ происхожденіе металловъ, жителей безднъ морскихъ и пустынь непроходимыхъ, Давидъ бряцаетъ на арфѣ и поетъ псалмы, Ездра возстановляетъ лѣтописи народныя, Сирахъ предаетъ письмени изреченія старцевъ.—Посему, какому бы кто ни посвятилъ себя виду познаній человѣческихъ, да не почитаетъ его чуждымъ Духа Божія: Ему чужда одна ложь и невѣдѣніе. Аминь.

Слово въ день святаго Антонія Великаго *).

Никтоже себе да прельщаетъ: аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ. Премудрость бо міра сего, буйство у Бога есть (1 Кор. 3, 18, 19)

Не знаемъ, братіе, что сказалъ бы нынѣ, въ день праздника своего, святый Антоній великій, если бы сталъ теперь среди насъ и удостоилъ преподать намъ наставленіе. Мы же, простирая къ вамъ гласъ отъ лица его, не нашли ни-

*) Сказанное въ университетской церкви 1846 года, января 17 дня.

чего лучшаго и полезнѣйшаго, какъ привести вамъ на память сей совѣтъ учителя языковъ касательно способа достиженія истинной мудрости. Причина очевидна: вы занимаетесь достиженіемъ мудрости, слѣдовательно, кому же болѣе прилично и повторять совѣтъ Апостола касательно достиженія ея, какъ не вамъ, кои тотчасъ можете употребить его въ дѣло? Одно могло бы остановить насъ и заставить избрать другой предметъ: если бы сей совѣтъ былъ всѣмъ извѣстенъ. Но едва ли можно сказать сіе. Возглашаясь среди самой церкви одинъ разъ въ году, въ такой день, который употребляется на занятія и дѣла житейскія, онъ уже по тому самому не такъ извѣстенъ. Даже тотъ, кто имѣетъ обычай самъ брать по временамъ въ руки писанія Апостольскія, легко можетъ опустить его изъ виду среди множества другихъ истинъ и наставленій. Наконецъ, и изъ тѣхъ, коимъ онъ извѣстенъ, вѣроятно, немногіе скоро рѣшатся употребить его въ дѣло, по чрезвычайной необыкновенности его. Ибо, судите сами, что совѣтуетъ Апостолъ? Самымъ мудрымъ для достиженія мудрости сдѣлаться буіими!... Многіе ли рѣшатся испытать такое средство?

А между тѣмъ оно должно быть самое дѣйствительное уже потому, что его предлагаетъ не человѣкъ какой-либо, положимъ самый мудрый, а Апостолъ Христовъ, который въ свѣтѣ Духа Божія видѣлъ ясно все. И какъ предлагаетъ! Какъ единственное,—такъ что, кто не послѣдуетъ его совѣту, тотъ, какъ бы ни казался себѣ и другимъ мудрымъ, останется навсегда буіимъ, лишеннымъ истинной мудрости.

Какъ же горько было бы весь вѣкъ учиться и не придти въ разумъ истины!

Итакъ, соберемъ вниманіе наше и разсмотримъ совѣтъ Апостола, вникнемъ въ его сущность и причины и посмотримъ во свѣтѣ его на нашу мудрость.

Никтоже себе да прельщаетъ. Симъ предвареніемъ начинается совѣтъ апостольскій и, конечно, не безъ причины. Человѣкъ такъ легко обольщается своимъ совершенствомъ, и особенно мудростію своею! Разумъ по самой природѣ своей кичитъ, а наполненный знаніями тѣмъ труднѣе склоняетъ предъ чѣмъ-либо главу свою...

Аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ.

Вотъ сущность совѣта! Средство къ мудрости—содѣлаться буіимъ!

Разберемъ каждое слово: ибо каждое слово важно.

Кому говоритъ здѣсь Апостолъ? Членамъ Церкви коринѳской, изъ коихъ многіе отличались мудростію, такъ какъ и самый городъ славился просвѣщеніемъ. Извѣстно, до чего достигла земная мудрость въ Греціи: она достигла тамъ такой высоты, далѣе коей не восходила во всемъ древнемъ мірѣ. Самый Римъ, предъ коимъ пала Греція, падалъ съ уваженіемъ предъ мудростію греческою.

И вотъ, симъ-то мудрецамъ, такъ сказать, перваго разряда, кои были оракулами своего времени, Апостолъ говоритъ, что они не имѣютъ мудрости, и что если хотятъ имѣть ее, то должны сдѣлаться буіими. *Аще кто мнится въ васъ мудръ быти въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ!*

Можете судить, братіе, каково было услышать такой совѣтъ мудрецамъ Греціи изъ устъ учителя іудейскаго! Но этотъ учитель былъ—Павелъ!

Что же предлагалъ онъ для достиженія мудрости? Сдѣлаться буіими—*буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ!*

Подъ симъ буйствомъ, очевидно, не разумѣется простое лишеніе ума и объюродѣніе умственное. Самъ Апостолъ служитъ примѣромъ противнаго. Не разумѣется пренебреженіе познаній, пріобрѣтаемыхъ наукою: самъ Апостолъ при одномъ случаѣ заповѣдывалъ доставить себѣ книги.

Что же разумѣетъ Апостолъ подъ безуміемъ, когда указуетъ на него какъ на единственное средство къ мудрости? Разумѣетъ отреченіе отъ тѣхъ началъ, на какихъ утверждается мудрость человѣческая: отреченіе отъ той увѣренности, по коей сія мудрость почитаетъ, что она только одна можетъ быть истинно совершенною; отреченіе отъ того упорства, по коему все, что противно ей, отвергается ею совершенно какъ ложное; разумѣетъ готовность признать свое невѣдѣніе и искать свѣта высшаго, готовность принять сей свѣтъ, хотя бы онъ былъ и не того рода, какимъ мы привыкли видѣть въ своихъ сужденіяхъ, готовность переносить для сего всѣ хулы и осужденія міра, святую готовность казаться въ очахъ міра буіимъ; разумѣется принятіе другихъ началъ для своихъ познаній и дѣйствій; разумѣется усвоеніе

предметовъ вѣры христіанской, кои для мудрости еллинской казались юродствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, припомните главные пункты мудрости еллинской: они составляли совершенную противоположность съ догматами Евангелія.

По греческой мудрости человѣкъ признается способнымъ ко всему, къ самому богоподобію; по Евангелію онъ является мертвымъ по духу, могущимъ быть воскрешеннымъ токмо силою Духа Святаго, и тогда уже способнымъ на вся.

По греческой мудрости думали, что Бога можно узнать такъ же, какъ и природу, или Его нельзя вовсе познать. По Евангелію—Бога никто же знаетъ, токмо Онъ Самъ, и ему же волитъ Сынъ открыти; и открытый, Онъ можетъ быть видимъ всякому, не философу токмо, а и простолюдину.

По греческой мудрости надобно было питать страсти; по Евангелію—умерщвлять ихъ.

По греческой мудрости источникъ дѣятельности—самолюбіе, по Евангелію—самоотверженіе.

Всѣ сіи и подобныя правила составляли основаніе и душу греческой мудрости. Отказаться отъ нихъ, какъ требовало Евангеліе, значило стать наряду съ глупыми.

Но развѣ это безуміе? скажетъ кто-либо. Конечно, не безуміе само въ себѣ, а путь къ мудрости и даже самое ея начало. Но спросите мудрость человѣческую—что скажетъ она объ этомъ? Не назоветъ ли чистымъ безуміемъ? Не то ли она твердила въ древніе вѣка, когда въ первый разъ услышала совѣтъ Апостола? Не то ли твердила въ вѣкъ послѣдующій? Не то ли готова твердить и нынѣ?

«Какъ? Мы ничего не знаемъ, какъ должно? Нашъ умъ не можетъ открыть, что намъ нужно? Мы должны вѣровать въ то, чего мы не можемъ постигнуть? Есть область истинъ, не только намъ не доступная, но и во многомъ противоположная нашимъ познаніямъ? Итакъ, откроютъ все это рыбари и мытари іудейскіе? Такъ прилично думать простолюдинамъ, а не тѣмъ, кои образовали свой умъ науками! Какъ? Мы должны водиться не волею, а самоотверженіемъ?

Не такъ ли именно отзывается обыкновенно мудрость человѣческая? И если бы она еще отзывалась такимъ образомъ! Ибо мы, чтобы не отягчать слуха вашего, передаемъ только слабые звуки того, что гремитъ трубою. Если бы за

симъ осталось въ комъ недоумѣніе, что міръ почтетъ буіимъ того, кто бы рѣшился исполнить совѣтъ Апостола: пусть начнетъ жить истинно по-христіански, и увидитъ, скоро увидитъ, какъ міръ начнетъ смотрѣть на него и говорить о немъ.

Аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ.

Безъ сомнѣнія, греческая мудрость, обращавшая все въ вопросы, не могла не предложить въ семъ случаѣ своего любимаго: почему? Проповѣдникъ Евангелія могъ сказать, что такъ хочетъ Богъ. Но, зная свойства своихъ слушателей, онъ показываетъ причину требуемаго. Какая же это причина? Та, что *премудрость міра сего буйство у Бога есть*, равно какъ и премудрость Божія кажется мудрости земной буйствомъ.

Причина рѣшительная сама по себѣ: ибо, если земная мудрость есть буйство предъ Богомъ, то ясно, нѣтъ другаго пути приблизиться къ премудрости Божіей, то есть истинной, какъ оставить свою мудрость, пренебречь ее и содѣлаться ея противникомъ.

Но раждается еще вопросъ: дѣйствительно ли премудрость міра сего есть буйство у Бога; и если такъ, то почему? Въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ Апостолъ не предполагаетъ сего вопроса и потому не даетъ отвѣта, потому что уже далъ его при другихъ случаяхъ.

Какая же это причина, что премудрость міра стала въ такую рѣшительную противоположность съ мудростію Божіею, что оказалась буйствомъ?

Не та, чтобы разумъ человѣческій самъ по себѣ былъ противоположенъ разуму Божественному; не та, чтобы премудрость міра не имѣла въ себѣ никакой возможности быть не противною мудрости Божіей.

Но та, что мудрецы, увлекшись страстями, извратили и свой умъ, и вмѣстѣ съ нимъ и свои познанія.

Конечно, не всѣ занимающіеся мудростію въ равной мѣрѣ подлежали этому извращенію познаній: были малыя исключенія. Но что представляютъ они въ своей сложности? Представляютъ порывъ къ свѣту, но вмѣстѣ и ту же тьму.

И вотъ, поелику въ премудрости Божіей, явленной въ природѣ внѣшней и въ душѣ человѣческой, міръ не уразу-

мѣлъ премудрости Бога; то Богъ благоволилъ уже не мудростію, а буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ. А премудрость міра, яко объюродѣвшую, погубить и отвергнуть.

Послѣ того, для самихъ—такъ называемыхъ мудрецовъ, чтобъ сдѣлаться мудрыми, не осталось другаго средства, какъ отвергнуть свою ложную мудрость, сдѣлаться буіими, воспріять буйство проповѣди евангельской и такимъ образомъ умудриться воистину. *Аще кто мнится мудръ быти въ васъ, въ вѣцѣ семъ, буіи да бываетъ, яко да премудръ будетъ.*

Такъ точно и поступили Іустины, Аѳинагоры, Августины и Амвросіи. Нельзя безъ умиленія читать, какъ описываютъ они жалкое состояніе своего духа, когда они искали истины въ портикахъ и академіяхъ, и какъ успокоились души ихъ у подножія креста Христова!

Тѣ же, напротивъ, изъ мудрецовъ, кои остались при своей мнимой мудрости, продолжали объюродѣвать болѣе и болѣе, пока наконецъ не совершился надъ мудростію строгій приговоръ: *погублю премудрость мудрыхъ.*

Но все это, подумаетъ кто-либо, сказано о греческой мудрости міра древняго, языческаго: нынѣшняя мудрость, яко христіанская, не подлежитъ уже тѣмъ упрекамъ; нынѣ можно быть мудрымъ воистину, не дѣлаясь буіимъ.

Нѣтъ, возлюбленный собратъ, совѣтъ Апостола и нынѣ имѣетъ всю силу и все приложеніе.

Признаемъ и мы драгоцѣнную возможность мудрости человѣческой не дѣлаться противною мудрости Божіей. Но пользуемся ли этою возможностію? Увы, такъ мало, что грозное осужденіе, заслуженное мудростію языческою, нерѣдко всею тяжестію своею падаетъ и на нынѣшнюю мудрость!

Казалось бы, что съ распространеніемъ христіанства, мудрость міра сего должна была принять другое свойство, престать быть противною мудрости Божіей и потому не быть осужденною на погубленіе. Но, увы, опытъ свидѣтельствуетъ противное. Отъ чего страдала мудрость въ Греціи и Римѣ, отъ того страдаетъ и вездѣ: посему и теперь остается во всей силѣ совѣтъ Апостола...

Занимающимся мудростію среди христіанства, очевидно, предстоитъ возможность не быть похожими на мудрыхъ древнихъ язычниковъ. Въ сей слѣдовало бы токмо начинать съ того, чего требуетъ христіанство—съ святаго буйства про-

повѣди крестной, а потомъ, сдѣлавшись мудрыми о Христѣ, украшать себя тѣмъ, что въ земной мудрости есть сообразнаго съ вѣчною истиною.

Такимъ образомъ не нужно бы потомъ перестроивать зданіе до самаго основанія.

Но, увы, духъ гордости, страсти и множество другихъ причинъ—виною того, что эта драгоцѣнная возможность для ума строить домъ мудрости уже не по своимъ планамъ и вымысламъ, а по чертежу Божественному, остается большею частію безъ употребленія. Вмѣсто того, чтобы пользоваться въ достиженіи мудрости руководствомъ свыше, стараются забыть, избѣгать его, яко преграды и помѣхи на пути. И чего же достигаютъ? Вступивъ на прежній путь язычества, дѣйствуя однимъ своимъ умомъ, достигаютъ того же, что было съ язычниками:—созидаютъ мудрость, противную премудрости Божіей, которая потому оказывается въ очахъ Божіихъ юродствомъ и влечетъ за собою то же осужденіе, коему подвергнута была мудрость язычниковъ.—Древняя мудрость, яко происшедшая до Евангелія, не была даже въ такой намѣренной противоположности съ нимъ, пренебрегала имъ по гордости, но, не устремляясь на него съ такимъ ожесточеніемъ, болѣе защищалась, нежели нападала. Новая мудрость языческая, происходя при Евангеліи, якоже уже незаконная по происхожденію, питаетъ какъ бы врожденную ненависть къ нему, и первымъ дѣломъ почитаетъ гнать его и преслѣдовать. Чтобы убѣдиться во всемъ этомъ, стоитъ токмо привести на память, какова была и что сдѣлала мудрость вѣка прошедшаго. Какихъ не оставила она слѣдовъ своего ожесточенія противъ христіанства, то есть противъ мудрости Божіей? Это была мудрость уже не земная, душевная, а въ прямомъ смыслѣ адская и бѣсовская. Злополучная и ужасная судьба ея заставила разлюбить такую мудрость самыхъ пламенныхъ поклонниковъ ея. Но престала ли мудрость быть языческою?..

Послѣ сего, нѣтъ нужды много доказывать, что совѣтъ Апостола для мудрости во всей силѣ идетъ къ нашимъ временамъ.

(Не окончено).

Слово на день преподобнаго Онуфрія Великаго *).

И показа ми чисту рѣку воды животныя, свѣтлу яко кристаллъ, исходящу отъ престола Божія и Агнча. И по оба полы рѣки древо животное, еже творитъ плодовъ двонадесяте, на кіждо мѣсяцъ воздая плодъ свой, и листіе древа во исцѣленіе языкомъ (Апок. 22. 1—2).

Такъ пишетъ святый Іоаннъ въ дивномъ Откровеніи своемъ. Послѣ многихъ величественныхъ и разнообразныхъ видѣній, ему дано было созерцать и будущій градъ Божій—Іерусалимъ, сходящъ съ небесе. Здѣсь, среди разныхъ предметовъ, указана Іоанну Духомъ и рѣка воды живой, исходящей не изъ горъ и дебрей, какъ у насъ,—въ этомъ бѣдномъ мірѣ,—а отъ престола Бога и Агнца, по брегамъ коей растетъ древо жизни съ плодами неоскудѣвающими. Что означала сія святая рѣка, не сказано ни Духомъ Тайновидцу, ни намъ Тайновидцемъ. Но не будетъ неблагочестно думать, что этою чудною, исходящею отъ престола Божія, рѣкою символически изображенъ былъ для Іоанна потокъ силы творческой, который, исходя изъ нѣдръ всемогущества Божія, непрестанно льется на все сотворенное и, обтекая вселенную, оживляетъ собою все—отъ перваго Серафима до послѣдняго насѣкомаго, такъ что безъ него всякая жизнь, сила и крѣпость, всякое совершенство, какъ въ мірѣ вещественномъ, такъ и въ духовномъ, оскудѣли бы совершенно.

Не знаемъ, имѣлось ли въ виду сіе мѣсто изъ Откровенія Іоаннова у боголюбивыхъ создателей храма сего, во время его устроенія; но то, что видимъ въ семъ храмѣ, само собою препровождаетъ мысль къ видѣнію Іоаннову. И здѣсь, какъ видите, водруженъ престолъ Бога и Агнца, на коемъ божественный Агнецъ сей ежедневно приносится въ безкровную жертву о грѣхахъ всего міра; и здѣсь если не рѣка, то потокъ воды живой исходитъ изъ-подъ сего престола и протекаетъ, хотя невидимо, по всему протяженію храма; и здѣсь по брегамъ его растетъ древо жизни—слово пророковъ и апостоловъ, при каждомъ богослуженіи возглашаемое съ сего священнаго мѣста; и здѣсь не только ка-

*) Сказанное въ мужскомъ Курязскомъ монастырѣ, въ Онуфріевской церкви, въ коей изъ-подъ престола въ алтарѣ вытекаетъ источникъ, проходящій (подъ помостомъ) сквозь весь храмъ и образующій изъ себя два кладезя, одинъ предъ престоломъ, другой подъ амвономъ. Кладези эти во время служенія—закрываются.

ждый мѣсяцъ, но, можно сказать, каждый день обрѣтаются для алчущихъ всегда новые плоды, могущіе питать душу въ жизнь вѣчную. Кратко сказать, что возлюбленный ученикъ Христовъ созерцалъ точію въ видѣніи пророческомъ, что блаженные небожители будутъ зрѣть токмо по окончаніи сего міра, подобное тому дано здѣсь видѣть всѣмъ намъ—самыми очами плоти.

Для чего дано? для одного ли празднаго любопытства, чтобы, возвратившись въ домы свои, подобно малолѣтнимъ дѣтямъ, разсказывать съ живостію, что мы были въ такомъ храмѣ, гдѣ есть кладези предъ престоломъ и подъ амвономъ? Для сего не стоило бы созидать съ такимъ трудомъ сего храма; не стоило бы и намъ, съ разныхъ не близкихъ мѣстъ, приходить сюда утренневать у прага его.—Нѣтъ, храмъ сей, эти кладези и наше путешествіе сюда тогда токмо достигнутъ своей цѣли, если видимое здѣсь напомнитъ намъ о невидимомъ, а настоящее препроводитъ мысль нашу къ грядущему.

Какому грядущему? Тому самому, которое предоткрыто было токмо одному Іоанну, а уготовляется для всѣхъ и каждаго.

Да, братіе, по безпрекладному милосердію Спасителя нашего, всѣ мы предназначены войти нѣкогда въ оный новый Іерусалимъ, сходящъ съ небеси,—увидѣть эту живую рѣку, истекающую изъ-подъ престола Божія и Агнча,—утолить жажду отъ чистыхъ струй ея и вкусить отъ плодовъ растущаго по брегамъ ея древа животнаго. И какъ предназначены? Не дарованіемъ токмо на это права, а наложеніемъ на насъ ко всему этому обязанности, такъ что если кто окажется недостойнымъ войти во святый градъ Божій и пить изъ сей рѣки, то таковый на всю вѣчность—слышите!—на всю вѣчность будетъ удаленъ отъ свѣтлаго лица Божія и заточенъ къ *студенцу бездны* (Апок. 9, 1), который течетъ уже не струями прохлаждающими, а пламенемъ неугасаемымъ.

Какъ послѣ сего не подумать прилежно о томъ, чего потребуютъ отъ насъ при вратахъ небеснаго Іерусалима, и кто будетъ допущенъ къ струямъ рѣки Агнчей? Отвѣтъ на сіи вопросы даетъ намъ тотъ же святый Іоаннъ въ слѣдующихъ словахъ: *и видѣхъ*, говоритъ онъ, *и се народъ многъ, егоже изчести никто же можетъ, отъ всякаго языка и ко-*

льна, и людей и племенъ, стоящіе предъ престоломъ и предъ Агнцемъ, облечены въ ризы бѣлы, и финиксы въ рукахъ ихъ. И возопиша гласомъ велікимъ, глаголюще: спасеніе Сѣдящему на престолѣ Богу нашему и Агнцу! И отвѣща единъ отъ старецъ, глаголя ми: сіи облеченніи въ ризы бѣлыя кто суть и откуда пріидоша? И рѣхъ ему: Господи, ты вѣси. И рече ми: сіи суть, иже пріидоша отъ скорби великія, и испраша ризы своя и убѣлиша ризы своя въ крови Агнчей. Сего ради суть предъ престоломъ Божіимъ, и служатъ Ему день и нощь въ Церкви Его, и Сѣдяй на престолѣ вселится въ нихъ. Не взалчутъ ктому, ниже вжаждутъ, не имать же пасти на нихъ солнце, ниже всякъ зной: яко Агнецъ, Иже посредѣ престола, упасетъ я, и наставитъ ихъ на животныя источники водъ и отметъ Богъ всяку слезу отъ очію ихъ (Апок. 7.9—10. 13—17).

Видите, теперь кто будетъ допущенъ въ небесный Іерусалимъ къ источникамъ водъ животныхъ? Это тѣ, иже пріидоша отъ скорби великой, тѣ, иже убѣлиша ризы свои въ крови Агнчей: вотъ два качества, безъ коихъ нѣтъ доступа ни въ градъ Божій, ни къ источнику жизни. Итакъ, надобно стяжать ихъ, стяжать здѣсь, доколѣ живемъ на землѣ; ибо когда пробьетъ полночь и пріидетъ Женихъ, тогда поздно будетъ, какъ показываетъ примѣръ дѣвъ юродивыхъ, искать елея для свѣтильниковъ.

Что убо это за скорбь велія! И почему необходимо пройти ее, дабы войти потомъ въ свѣтлый градъ Божій? Скорбь сія есть то же, что тѣсныя врата, о коихъ говоритъ Спаситель: *подвизайтеся внити сквозѣ тѣсныя врата* (Лук. 13, 24); то же, что разумѣлъ Апостолъ, когда писалъ: *а иже Христовы суть плоть распяша со страстьми и похотьми* (Галат. 5, 24). Ибо можно ли распять собственную плоть, не чувствуя при томъ великой боли и тяжкой скорби отъ сего распятія? Итакъ, не мните, братіе мои, какъ мнили нѣкоторые, что видѣнный Іоанномъ сонмъ облеченныхъ въ бѣлыя ризы и введенныхъ предъ престолъ Божій, къ источникамъ воды живой, есть сонмъ точію мучениковъ Христовыхъ. Конечно, мученики, за ихъ торжественное исповѣданіе имени Христова и претерпѣніе за то различныхъ мукъ и смерти, достойны особенной похвалы и награды; но и всякій истинный христіанинъ есть, въ своемъ родѣ, мученикъ, ибо онъ долженъ распять свою плоть со страстьми и

похотьми; а это стоитъ не малаго терпѣнія и, можетъ быть, превосходитъ многія муки.

Зачѣмъ же, спросятъ, необходима эта скорбь велія, это мученіе безкровное? Затѣмъ, что распятіемъ токмо плоти и самоотверженіемъ достигается та чистота сердца и свобода духа, кои необходимы для будущихъ обитателей царства Христова на небеси. Въ него, какъ замѣчаетъ Тайновидѣцъ, не можетъ внити *никая скверна*. Но какъ изгнать эту скверну изъ существа нашего, когда она проникла его отъ ногъ до головы? Ужели сладостями и радостями вѣка сего? Ахъ, сладкимъ не лѣчатъ и болѣзней тѣла; тѣмъ менѣе врачуется имъ духъ и совѣсть. Необходимо горькое лѣкарство; необходимъ крестъ и скорбь велія. Только они одни могутъ ослабить, умертвить и искоренить наше самолюбіе, этотъ корень въ насъ всего злаго и богопротивнаго. И вотъ почему весь сонмъ праведниковъ, торжествующихъ на небеси, состоитъ не изъ другихъ какихъ-либо лицъ, а изъ тѣхъ, кои пріидоша отъ скорби великія. Вотъ почему и мы, если не вооружимся въ ту же святую мысль, не облечемся тою же вѣрою и тѣмъ же долготерпѣніемъ, и не перенесемъ благодушно искушеній и скорбей, неразлучныхъ при сраженіи со грѣхомъ, гнѣздящимся въ нашемъ сердцѣ; то не узримъ ни града Божія, ни рѣки, текущей изъ-подъ престола Агнца.

Вторая, отличительная черта торжествующихъ небожителей состоитъ въ томъ, что они, какъ говоритъ св. Іоаннъ, *испраша ризы своя и убѣлиша въ крови Агнца*. Что это значитъ? Кто омываетъ одежду свою въ крови? Свойство крови не убѣлять вещи, а дѣлать ихъ красными. Какъ же небожители убѣлили ризы свои въ крови Агнца? Уже изъ сего явно для каждаго, что это агнецъ не какой-либо обыкновенный, каковыхъ напримѣръ закалали въ жертву Богу въ ветхомъ завѣтѣ цѣлыя тысячи; ибо крови *юнчей и козлей*, какъ замѣчаетъ Апостолъ, *невозможно отпущати грѣхи* (Евр. 10, 4); а здѣсь какъ подъ ризами, очевидно, разумѣется не одѣяніе, такъ и подъ очищеніемъ ихъ не освобожденіе отъ праха или грязи, а изглажденіе пятенъ совѣсти и нечистотъ душевныхъ. Кто же этотъ Агнецъ, Коего кровь можетъ убѣлить ризы души нашей и сдѣлать насъ чрезъ то способными войти въ святый градъ Божій и приступить къ источнику жизни вѣчной?

Это Агнецъ, закланный прежде сложенія міра. Коего агнцы ветхозавѣтные служили точію слабымъ предъизображеніемъ; это возлюбленный Спаситель нашъ. Который, по выраженію пророка, яко агнецъ на заколеніе ведеся за грѣхи наши. Его-то кровь убѣляетъ—и одна токмо можетъ убѣлить—ризы наши; ибо Онъ у вѣрующаго во имя Его отъемлетъ всѣ беззаконія и переноситъ ихъ на Себя и крестъ Свой; и въ то же время взимаетъ отъ Себя правду Свою и усвояетъ ее бѣдному грѣшнику, на Него уповающему. Кто достигъ сего оправданія во Христѣ.—а достигнуть можно токмо живою вѣрою и умерщвленіемъ въ себѣ грѣха и страстей.—тотъ непостыдно можетъ явиться предъ врата небеснаго Іерусалима, съ увѣренностію, что ему не скажутъ: не вѣмъ тя».

Итакъ, братіе мои, если хощемъ стать нѣкогда на горѣ сіонстѣй, у престола Бога и Агнца; если желаемъ вкусить отъ живоносныхъ струй рѣки эдемскія и отъ плодовъ древа жизни: то пріимемъ трудъ исполнить условія, для того необходимыя; то есть, не будемъ уклоняться съ узкаго пути скорбей и очищенія, коимъ ведетъ насъ рука Промысла Божія, на широкій путь міра; постараемся соединиться въ духѣ, какъ можно пріискреннѣе, со Спасителемъ нашимъ, да облечемся въ бѣлую и свѣтлую одежду божественныхъ заслугъ Его.

Желаете ли знать, что и какъ можетъ намъ содѣйствовать къ сему? Для сего будьте внимательны къ Евангелію, къ своей совѣсти и къ уставамъ св. Церкви: ибо въ сихъ трехъ зерцалахъ со всею ясностію изображено все то, что намъ должно дѣлать и чего убѣгать, дабы войти нѣкогда на вѣчное пребываніе въ Іерусалимъ небесный, къ источнику воды живой, изъ коего да удостоимся всѣ мы утолить нѣкогда,—иначе ничѣмъ неутолимую,—жажду души и сердца, молитвами и заступленіемъ святаго угодника Божія Онуфрія, въ честь коего собрались мы нынѣ на мѣсто сіе. Аминь.

Слово на память святителя Михаила,

ПЕРВАГО МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ВСЕЯ РОССІИ.

Память святителя Михаила, нынѣ нами совершаемая, важна для всей Церкви россійской уже потому, что имъ предначи-

нается рядъ святителей нашихъ, чрезъ него благодать рукоположенія апостольскаго прешла изъ Церкви греческой въ Церковь россійскую. Не всякаго Провидѣніе допуститъ стать на столь важное мѣсто, чтобы соединить собою двѣ великія Церкви и начать новый, многочисленный ликъ святителей Божіихъ. Это дѣло великое!—Но Михаилъ вполнѣ оправдалъ равноапостольное избраніе свое. Доказательствомъ сего служитъ его жизнь.

«Но, много ли мы знаемъ о его жизни?» подумаетъ при семъ кто-либо.—Если спросить историковъ, то они дѣйствительно скажутъ намъ весьма немного; почти одно то, что Михаилъ былъ родомъ изъ Сиріи, пришелъ въ Херсонъ ко Владиміру съ греческою царевною Анною и, окрестивъ его и народъ россійскій, святительствовалъ потомъ четыре года въ Кіевѣ. Одно почти это говорятъ историки о святомъ Михаилѣ; но мы, братіе, и не будемъ ихъ спрашивать о жизни сего святителя, а спросимъ—его самого. Въ самомъ дѣлѣ, не въ семъ ли градѣ почиваютъ мощи Михаиловы? Что же можетъ быть лучше сего отвѣта—на вопросъ: каково было житіе Михаила?—Если самое тѣло Михаила столько возвысилось надъ всѣмъ тлѣннымъ, такъ очистилось отъ всего земнаго, что избѣгло общей участи тѣлъ человѣческихъ—обращаться въ землю, изъ которой они взяты: то явно, что душа Михаилова была храмомъ Духа Святаго.—А дѣянія таковыхъ людей извѣстны: для нихъ, по выраженію Апостола, *нѣтъ и закона* (Гал. 5. 23); ибо они безъ закона всегда помышляютъ и всегда исполняютъ вся, *елика честна, елика праведна, елика прелюбезна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала* (Фил. 4, 8). Таковые люди направляются, по словамъ Давида, *ко всякой заповѣди и ненавидятъ всякій путь неправды* (Псал. 118. 104). Они смиренны, кротки, благопокорливы, не воздаютъ зла за зло, благословляютъ даже кленущихъ ихъ и молятся за творящихъ имъ напасть. Таковъ, безъ сомнѣнія, былъ въ дѣйствіяхъ своихъ и Михаилъ, какъ то показываетъ святость и нетлѣніе мощей его.

Какъ драгоцѣненъ залогъ сей для всей Церкви россійской!—Онъ показываетъ, что благодать рукоположенія апостольскаго, столь важная для іерархіи и для всей Церкви, принесена въ наше отечество въ сосудѣ крѣпкомъ, чистомъ и благолѣпномъ, что первый пастырь нашъ былъ не по имени

токмо, но и на дѣлѣ—ангеломъ представителемъ и предстателемъ новосозданной Церкви. Безъ сомнѣнія, и теперь сей ангелъ-предстатель не оставилъ стражи своей, не престаетъ осѣнять молитвами своими народъ, приведенный имъ ко Христу, особенно пастырей сего народа, кои всѣ чрезъ него приняли благодать *священства*. Если бы духъ Михаила оставилъ паству свою, то не осталось бы среди насъ и его тѣла. Къ чему служилъ бы видимый знакъ единства, если бы совершенно прервался союзъ невидимый и духовный?—Въ нетлѣнныхъ останкахъ своихъ первый іерархъ россійскій продолжаетъ нѣкоторымъ образомъ совершать даже на землѣ пастырское служеніе свое, поучая вѣрѣ и добродѣтели всю паству свою. Не долго суждено ему было учить народъ новообращенный; ибо онъ святительствовалъ, какъ мы сказали, только четыре лѣта, да и новообращенные еще не способны были къ принятію всей полноты ученія христіанскаго: и вотъ, какъ бы въ замѣну сего служенія, предоставлено ему учительство высшее, которое окончится только съ концомъ міра.—Святыя и нетлѣнныя мощи Михаиловы сильнѣе всякаго слова поучаютъ и всѣхъ пастырей и всѣхъ пасомыхъ.

Пастырямъ Михаилъ показываетъ собою, каковъ долженъ быть христіанскій пастырь. Мало того, что если онъ служитъ только орудіемъ къ низведенію благодати на пасомыхъ—въ таинствахъ, такимъ орудіемъ, чрезъ которое протекаетъ только благодать, не освящая его самого и не оставляя въ немъ слѣда,—мало сего для пастыря, хотя пасомые и такимъ образомъ пріемлютъ всю необходимую для спасенія ихъ благодать. Истинный христіанскій пастырь долженъ быть орудіемъ благодати не мертвымъ, а живымъ, не преводящимъ токмо сію благодать, а исполненнымъ и проникнутымъ ею, и потому источающимъ ее.—онъ долженъ быть постояннымъ жилищемъ и храмомъ Духа Святаго. Будетъ ли слѣдствіемъ сего нетлѣніе и самаго тѣла, или не будетъ—это не въ волѣ человѣка: Премудрость Божія являетъ чудеса нетлѣнія, когда угодно ей, а не намъ. Но есть *нетлѣніе*, которое непремѣнно должно украшать всякаго пастыря христіанскаго. Это нетлѣніе ума,—его свобода отъ заблужденій, кои рано или поздно должны разсѣяться и исчезнуть,—нетлѣніе воли,—ея свобода отъ нечистыхъ правилъ и порочныхъ навыковъ, коимъ также нѣтъ мѣста на

небѣ—среди жизни вѣчной; нетлѣніе сердца—его свобода отъ похотей, кои, безпрестанно возникая и непрестанно исчезая, премѣняясь и какъ бы пожирая другъ друга,—являютъ собою явный образъ тлѣнія духовнаго. Говоря словами Писанія, въ пастырѣ требуется совлеченіе *ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ* (Еф. 4, 22), и стяжаніе *потаеннаго сердца человѣка въ неистлѣніи кроткаго и молчаливаго духа* (1 Пет. 3, 4). Къ сему-то нетлѣнію и безсмертію воззываетъ всѣхъ преемниковъ своихъ въ пастыреначальствѣ первый іерархъ россійскій!

Но, поучая пастырей, святый Михаилъ нетлѣнными останками своими преподаетъ наставленіе и всѣмъ пасомымъ—быть христіанами не по одному имени, блюсти твердо вѣру православную и осуществлять ее постоянно въ жизни, стремиться путемъ добродѣтелей и покаянія во слѣдъ его—въ небесное отечество. Сему поучаетъ всѣхъ и каждаго гробъ Михаиловъ; и я не думаю, чтобы кто-либо изъ насъ отходилъ отъ сего гроба безъ мыслей о своемъ спасеніи. Прикасаясь къ останкамъ святаго и лобызая ихъ, кажется, слышишь отъ нихъ голосъ: все суета, кромѣ вѣры и добродѣтели.

Пребудемъ ли, братіе, равнодушны къ сему и подобнымъ гласамъ?—Промыслъ столь милосердъ ко всѣмъ намъ, что благоволилъ обитать намъ во градѣ, исполненномъ нетлѣнными останками святыхъ и гласами, отъ нихъ исходящими. Безотвѣтны будемъ, если, живя среди сонма святыхъ Божіихъ, не научимся восходить, по слѣдамъ ихъ, на небо! Аминь.

Слово на память священно-мученика Макарія,

МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО.

Святый Давидъ, желая изобразить блаженство праведныхъ по смерти, говоритъ, что они *возликуютъ во славѣ и возрадуются на ложахъ своихъ* (Псал. 149, 5).—Какимъ образомъ праведные прославляются въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго—сего не дано видѣть бренному оку человѣческому. А какъ они въ радости и мирѣ почиваютъ на ложахъ своихъ—это въ самомъ ощутительномъ видѣ открыто

для взора многихъ и многихъ. И особенно не сокрыто сіе отъ васъ, обитатели богоспасаемаго града сего! Ибо, не предъ вашими ли очами, отъ лѣтъ древнихъ, почиваетъ на ложахъ своихъ цѣлый сонмъ святыхъ Божіихъ человѣковъ! О! блаженны очи ваши, кои всегда могутъ видѣть, что многіе изъ сыновъ православной Церкви сподобляются узрѣть едва единожды въ цѣлую жизнь!

Се, и нынѣ кто собралъ насъ? Единъ изъ тѣхъ, кои восхваляются присно, во славѣ, и въ обителяхъ Отца небеснаго. Куда собралъ?—Къ тому ложу, на коемъ онъ возлегъ опочить послѣ многихъ неусыпныхъ трудовъ въ вертоградѣ Христовомъ. Собралъ нынѣ; ибо нынѣ онъ самъ, пожатый мечемъ свирѣпыхъ монголовъ, собранъ былъ, яко зрѣлый классъ, въ житницу Отца небеснаго. Зрите, какъ мирно почиваетъ праведникъ на ложѣ своемъ! Болѣе трехъ вѣковъ протекло надъ симъ ложемъ, а ложе—то же! Три разнаго рода владычества прешли надъ сею страною, а область тлѣнія ни разу не коснулась того, кто почиваетъ на семъ ложѣ! Самый видъ горъ и юдолей нашихъ измѣнился, а образъ почивающаго священно-мученика единъ и тотъ же!—Пройдутъ и еще вѣка и, можетъ быть, тысящелѣтія надъ симъ святымъ ложемъ; совершатся и еще новыя и новыя перемѣны въ судьбѣ сего града и страны,—все измѣнится вокругъ! а праведникъ пребудетъ, яко гора Сіонъ, неподвижимъ среди устремленій потока времени, и возстанетъ съ ложа своего съ большею легкостію, нежели какъ мы возстаемъ отъ сна утренняго. Такъ вѣрно исполняется надъ страдальцами за имя Христово слово Премудраго, что они *непщеваніи быша* только *во очію безумныхъ умрѣти, и вмѣнися озлобленіе исходъ ихъ, и еже отъ насъ шествіе сокрушеніе:* сами же *они* были и *суть въ мирѣ: ибо прежъ лицемъ человѣческимъ аще и муку пріимутъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено* есть (Премуд. 3, 2—5). Мечъ монголовъ, пресѣкши нить жизни священно-мученика, только ускорилъ торжество его во славѣ, и, не давъ ему узрѣть здѣшняго града, на вѣки соединилъ его съ нимъ открывъ ближайшій случай опочить здѣсь навсегда святымъ и нетлѣннымъ мощамъ его.

Но не на почиваніе пришелъ сюда священно-мученикъ! Можно ли было опочивать здѣсь мирно, когда все вокругъ

дышало бранію, раздоромъ и запустѣніемъ?—когда отечество наше было подобно тѣлу, лишенному большей части своихъ членовъ, у коего только въ сердцѣ хранилось нѣсколько капель жизни и движенія?—когда Церковь и паства кіевская были, яко вертоградъ не огражденный, не напоенный, отметнувшій листвіе, преданный на позобаніе всѣмъ звѣремъ дубравнымъ?—когда самый храмъ сей, избранный въ мѣсто покоища священно-мученикомъ, останавливалъ взоры одними великолѣпными развалинами и служилъ виталищемъ не служителей алтаря, а птицъ небесныхъ?—Когда не могъ почивать мирно на ложѣ своемъ ни одинъ изъ жителей сего града, могъ ли опочивать тогда на своемъ ложѣ верховный пастырь бѣдствующей Церкви?—И не почивалъ!—Свидѣтель тому чудесный огнь, видѣнный въ тѣ бѣдственныя времена неоднократно среди нощи между непокровенными стѣнами сего храма и исходившій отъ гроба священно-мученика. Что другое былъ огнь, какъ не видимое выраженіе пламенныхъ молитвъ его къ Богу о паствѣ и Церкви своей?—Какъ сильно было сіе предстательство у Господа—показали потомъ событія: ибо съ тѣхъ поръ, какъ священно-мученикъ, возлегшій среди храма сего на ложѣ, началъ возставать съ него на молитву, видимо начали улегаться всѣ волны, обуревавшія корабль Церкви кіевской. Политики дивятся нынѣ, какимъ образомъ страна здѣшняя такъ мирно могла войти паки въ составъ православнаго отечества. Какъ ей было не войти мирно, когда она ведома и пореваема была къ тому неусыпными молитвами—столь великихъ предстателей у Господа!

Теперь, когда отъ прежнихъ неустройствъ страны и Церкви кіевской, большею частію, не осталось ничего, кромѣ печальныхъ воспоминаній; когда стѣны храма сего, соединивъ въ себѣ древнее и новое благолѣпіе, начали свидѣтельствовать предъ каждымъ, что нощь сѣтованія нашего прейде, а день радости приближися.—теперь настало время священно-мученику, не только возлечь, но и опочить на ложѣ своемъ. А мы ежегодно дерзаемъ приступать къ сему ложу и творимъ его каждый разъ снова идти вмѣстѣ съ нами съ мѣста покоища его!.. Откуда и для чего сіе дерзновеніе?—Отъ вѣры, любви и благодарности, для вѣры, любви и назиданія—износя нетлѣнныя мощи священно-мученика изъ-подъ крова сего храма подъ кровъ небесный, мы хотимъ показать наше

сокровище всему міру, всей обновленной весной природѣ; а обнося ихъ вокругъ храма, симъ самымъ свидѣтельствуемъ благодарственно, что святитель былъ и есть, яко стѣна и огражденіе паствы своей, и, безъ сомнѣнія, самъ священномученикъ, движимый отъ насъ въ святыхъ останкахъ своихъ, не остается неподвиженъ, но вмѣстѣ съ симъ подвизается духомъ къ теплѣйшему ходатайству о насъ, ибо хотя отцы любятъ дѣтей своихъ и молятся о нихъ, и безъ ихъ просьбъ о томъ, но любятъ также, чтобы дѣти, съ своей стороны, возбуждали, чѣмъ могутъ, ихъ любовь къ себѣ.—Наконецъ, мы сами, сколь ни косны на благое, но видя, какъ угодникъ Божій оставляетъ мѣсто покоища своего, и видимо шествуетъ среди насъ, невольно ощущаемъ въ сердцѣ своемъ движеніе многихъ святыхъ мыслей и чувствованій, и неприметно располагаемся сами идти во слѣдъ праведника путемъ его добродѣтелей къ мѣсту вѣчнаго покоя для всѣхъ.

Посему не дерзновеніе наше (оно благочестиво и свято) должно занимать теперь мысль нашу, а другое, совершенно другое: возрадуется ли нынѣ о насъ священно-мученикъ на ложѣ своемъ и что узритъ онъ между нами, исшедъ изъ сего храма?—Повидимому, нельзя найти времени для показанія себя предъ нимъ лучше, какъ время настоящее; ибо мы окружены священными днями: не такъ давно совершали св. четыредесятницу и покланялись страстемъ Христовымъ; потомъ праздновали возстаніе Господа изъ гроба; за нѣсколько дней предъ симъ исходили на воды для принятія благодати Божіей;—съ другой стороны готовимся торжествовать вознесеніе Спасителя нашего на небо; ожидаемъ сошествія Духа Утѣшителя. Какъ среди такихъ дней и торжествъ не освятиться самимъ, не обогатиться святыми мыслями и чувствами, не удержаться отъ многихъ грѣховъ, не совершить въ такое время, хотя изъ подражанія, хотя по необходимости, нѣкоторыхъ добродѣтелей? Все это не малая порука за то, что священно-мученикъ можетъ обрѣсти между нами что-либо и достойное своего взора, который, просвѣтленный лицезрѣніемъ Отца небеснаго, не можетъ сносить грѣха и безчувствія душевнаго.

Но, братіе, надѣясь въ настоящемъ случаѣ на нѣчто въ насъ благое, можемъ ли не опасаться за многое и многое злое? Куда сокрыть намъ отъ свѣтлаго взора священно-му-

ченика такое множество бѣдныхъ, кои напрасно предстаютъ ежедневно предъ очи богачей и часто не получаютъ даже ласковаго взгляда? Куда сокрыть такое множество дѣтей, кои оставляются родителями возрастать безъ страха Божія, безъ познанія путей спасенія, оставляются ходить куда влечетъ ихъ наклонное къ злу сердце человѣческое? Куда сокрыть множество распрей и ссоръ, раздѣляющихъ не только людей чуждыхъ между собою (хотя христіане всѣ должны быть братьями), но и связанныхъ узами ближайшаго родства? Куда сокрыть корыстолюбіе и лукавство, коимъ нѣкоторые едва не превосходятъ послѣдователей синагоги,—чувственность и нечистоту жизни, коими иные спорятъ съ поклонниками Магомета? Куда дѣвать на сей случай нашу холодность къ вѣрѣ и храмамъ Божіимъ, непочтеніе къ родителямъ, ропотъ противу высшихъ, недовольство своимъ жребіемъ, душетлѣнную склонность къ разсѣянію?—Все это, братіе, узритъ священно-мученикъ—и что изречетъ на градъ нашъ? Не отвратитъ ли лица своего? Не возвратится ли съ горестію на мѣсто покоища своего?

Что же остается дѣлать, чтобы усладить для праведника настоящее торжество въ честь его?—Остается одно: вмѣсто недостающихъ благихъ дѣлъ окружить пока священное ложе его святыми обѣтами. Пусть каждый изъ насъ произнесетъ въ душѣ твердый обѣтъ или отстать, въ честь святаго покровителя нашего града, отъ какого-либо грѣха, или совершить во имя его какое-либо благое дѣло. Окруженный сими обѣтами, видя искренность и твердость ихъ, священно-мученикъ безъ огорченія возвратится на мѣсто покоища своего, и представъ престолу Отца небеснаго, скажетъ: «Господи, я узрѣлъ паству свою; она немощна, весьма немощна; но въ ней есть желаніе быть здравою: пріумножь для нея въ грядущемъ лѣтѣ благодать Свою, да совершится въ ней все благое, къ коему возбудило ее мое посѣщеніе!» Аминь.

Слово на память священно-мученика Макарія,

МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО, КОЕГО МОЩИ, ПОЧИВАЮЩІЯ ВЪ КІЕВО-СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ, ОБНОСЯТСЯ ПО ЛИТУРГІИ ВОКРУГЪ ХРАМА.

Между чудесными знаменіями, окружавшими смерть и воскресеніе Господа, было, по свидѣтельству исторіи евангель-

ской, и то знаменіе, *что гроби отверзошася и многа тѣла усопшихъ святыхъ восташа, и, по воскресеніи, внидоша во святый градъ, и явишася многымъ* (Матѳ. 27, 52). Такимъ образомъ для Іерусалима въ то время совершилось въ маломъ видѣ, можно сказать, будущее воскресеніе мертвыхъ.

Какъ ни разительно знаменіе сіе, но богоспасаемому граду нашему дано видѣть нѣчто подобное въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Ибо сколько вѣковъ, какъ благодатію Божіею отверзлись у насъ гробы многихъ святыхъ, и не закрываются доселѣ! Сколько тѣлесъ, въ нихъ почивающихъ, видимо воспрянули изъ персти земной своимъ нетлѣніемъ!—Наконецъ, какъ бы въ довершеніе сходства съ древнимъ событіемъ, се единъ изъ сонма святыхъ Божіихъ, яко пастырь града сего, каждый годъ, въ продолженіе богосвѣтлаго круга празднествъ въ честь воскресенія Христова, подъемлется съ своего мѣста, исходитъ изъ храма, и является предъ лицемъ всего града нетлѣнными мощами своими!...

Для чего сіе явленіе?—Для того же, для чего являлись въ Іерусалимѣ воскресшіе святые по воскресеніи Господа:—во свидѣтельство, что умершій за насъ и воскресшій для насъ Господь Іисусъ есть истинный Владыка жизни и смерти; что держава смерти и тлѣнія дѣйствительно попрана и разрушена Его смертію; что грядетъ часъ, когда *вси, сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ* Сына Божія и, *услышавши оживутъ* (Іоан. 5, 28), что потому христіанамъ нѣтъ причинъ бояться *убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити*, а должно бояться токмо Того единаго, Кто можетъ душу и тѣло *повергнуть въ геенну огненную* (Матѳ. 10, 28). О семъ свидѣтельствуетъ предъ нами священно-мученикъ торжественнымъ явленіемъ нетлѣнныхъ мощей своихъ среди града нашего!

Что же производитъ въ насъ сіе свидѣтельство? Какой плодъ его каждодневнаго явленія среди насъ? Укрѣпляемся ли мы имъ въ надеждѣ на жизнь будущую? Утѣшаемся ли сею надеждою среди горестей и превратностей жизни настоящей? Ограждаемся ли молитвами святителя отъ соблазновъ и грѣха? Растемъ ли въ вѣрѣ и благодати, въ любви, смиреніи и чистотѣ? Не продолжимъ вопросовъ, а замѣтимъ вмѣсто сего, что какъ всякая милость Божія, такъ и та, коею мы пользуемся, не бывъ употреблена во благо, послужитъ къ вящшему осужденію нашему. *Аще не быхъ пришелъ и глаголалъ*

имъ, говорилъ Самъ Спаситель о іудеяхъ, *грѣха не бѣша имѣли; нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ* (Іоан. 15, 22). Такъ могутъ сказать о насъ и святые Божіи, особенно блаженный священномученикъ, каждый годъ творящій шествіе съ нами. Теперь онъ возстаетъ съ своего ложа для того, чтобы ходатайствовать за насъ и благословлять насъ, а нѣкогда возстанетъ для того, чтобы свидѣтельствовать противу нашего ожесточенія и судить насъ.

Будемъ же внимательны къ знаменію благодати Божіей и, шествуя за нетлѣнными мощами святителя и чудотворца, вникнемъ въ нашу жизнь, куда лежитъ путь ея: точно ли мы идемъ туда, куда ведутъ насъ святіи Божіи человѣцы и своими молитвами и своимъ примѣромъ? Аминь.

Слово на память преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго *).

Аще и тѣломъ отхожу отъ васъ, но духомъ съ вами пребуду,—такъ говорилъ, благочестно ублажаемый нами преподобный настоятель обители сея, прощаясь предъ своею кончиной съ братіею. Онъ желалъ и надѣялся пребыть среди ея духомъ; а Господь, творящій несравненно болѣе, *чего мы просимъ, или о чемъ помышляемъ* (Еф. 3, 20), даровалъ ему благодать пребыванія среди братіи своей не только духомъ, но и плотію. И какою плотію? Въ коей явно видны слѣды Духа Божія, которая, сама торжествуя столько вѣковъ надъ тлѣніемъ, источаетъ жизнь и нетлѣніе всѣмъ, притекающимъ съ вѣрою. Послѣ сего, не знаю, можно ли правильно сказать, что мы нынѣ *творимъ память преподобнаго*. Память творится о тѣхъ, кои давно были, или находятся вдалекѣ; а онъ здѣсь, всегда здѣсь, на своемъ мѣстѣ:—прежде всѣхъ является на молитву, и послѣ всѣхъ оставляетъ ее, или паче, никогда не оставляетъ.

И не мните, братіе, чтобы такое пребываніе среди васъ, въ семъ храмѣ, великаго наставника и отца нашего было бездѣйственно. Нѣтъ, оно важнѣе присутствія живаго начальника. Предъ обыкновеннымъ начальникомъ открыты одни внѣшнія ваши дѣла и движенія: предъ симъ настоятелемъ

*) Произнесенное въ Кіево-печерской лаврѣ, мая 3-го дня 1839 года.

не сокрыты самыя мысли и движенія сердечныя: онъ—въ Богѣ—видитъ все, что происходитъ во глубинѣ душъ вашихъ; видитъ и замѣчаетъ;—замѣчаетъ и дѣйствуетъ. Вы не знаете, откуда приходитъ вамъ такая радость, или такая скорбь, думаете, что причиною сего такой-то человѣкъ, или такой-то случай. Такъ, не безъ дѣйствія надъ вами и люди и случаи; только будьте увѣрены, что всѣ ихъ дѣйствія, все, и пріятное и непріятное, съ вами здѣсь случающееся, состоитъ, послѣ всеблагой воли Божіей, въ особенномъ распоряженіи святыхъ и богоносныхъ отцевъ, основателей и покровителей сей чудотворной обители, и служитъ во святыхъ рукахъ ихъ для составленія врачествъ на различные душевные недуги ваши.—Посему нѣтъ для васъ, братіе, лучшаго правила, какъ все, что ни случается съ вами, принимать такъ, какъ больные принимаютъ отъ врачей лекарства. Сладко ли, горько ли,—больные принимаютъ равно вѣрно, въ уреченный часъ, въ указанномъ количествѣ. Такъ принимайте все, случающееся съ вами, и вы, будучи твердо увѣрены, что богоносные отцы, невидимо и непрестанно бдящіе о спасеніи душъ вашихъ, никогда не назначатъ вамъ лекарства невѣрнаго, или въ излишнемъ количествѣ. Нѣтъ, они скорѣе сами перенесутъ за васъ, что нужно, нежели васъ отяготятъ чѣмъ-либо излишнимъ.—Какъ скоро вы начинаете всегда поступать такимъ образомъ, то будьте увѣрены, все пріятное и непріятное станетъ обращаться вамъ во благое, и вы достигнете истиннаго здравія душевнаго, за коимъ притекли подъ мирный кровъ святыя обители сея. Ибо за чѣмъ притекли вы сюда, оставивъ міръ и всѣ его пріятности?—Ужели за почестями, за стяжаніями, за благами земными?—Всего этого надлежало искать въ мірѣ, а не здѣсь; здѣсь одна почесть—вышняго званія о Христѣ Іисусѣ, одно сокровище—вѣры, добродѣтели и смиренія, одно благо—миръ Божій, превосходяй всякъ умъ.

Но, къ кому я говорю сіе?—здѣсь ли учить, гдѣ всѣмъ должно поучаться?.. Такъ, возлюбленные братіе, у подножія святыхъ Божіихъ всѣ мы не болѣе, какъ малоопытные ученики. Но надобно же кому-либо, въ отсутствіе христолюбиваго пастыря и предстоятеля вашего, быть органомъ ихъ духовнаго вѣщанія:—и я не думаю измѣнить мысли и желанію, какъ преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, нынѣ нами

ублажаемаго, такъ и всѣхъ богоносныхъ отецъ, здѣ почивающихъ, если отъ имени ихъ не только васъ, находящихся подъ кровомъ обители сея, но и всѣхъ, здѣсь присутствующихъ и раздѣляющихъ празднество наше, приглашу къ тому, чтобы идти по святымъ слѣдамъ ихъ.—Куда идти? въ пустыню и затворъ?—Нѣтъ, къ самоотверженію, вѣрѣ, смиренію и чистотѣ духа и плоти. Что можетъ мѣшать всѣмъ намъ подражать въ семъ отношеніи святымъ? Не къ сему ли самому всѣ мы обязаны по званію христіанъ? Не той же ли были и они природы, что и мы?—Намъ встрѣчаются искушенія, а имъ развѣ не встрѣчались? Прочтите ихъ жизнеописанія; и вы увидите, что всѣ наши искушенія въ сравненіи съ ихъ подвигами не болѣе какъ сраженіе на картинѣ противъ сраженія на самомъ дѣлѣ.

Святымъ подавалась благодать? Подается и намъ и еще болѣе подается намъ, нежели подана была имъ. Дивитесь сему? Но такъ увѣряетъ насъ самъ апостолъ Христовъ: *идѣже,* говоритъ, *умножися грѣхъ, тамо преизбыточествова благодать.* Кромѣ сего путь вѣры и добродѣтели, можно сказать, уже углаженъ для всѣхъ насъ стопами святыхъ Божіихъ; сокращенъ и огражденъ ихъ молитвами.

Безотвѣтны убо будемъ, если, живя среди святыхъ, воззываемые непрестанно ихъ примѣромъ, влекомые ихъ молитвами, не успѣемъ придти туда, гдѣ блаженствуютъ теперь они. Аминь.

Слово на память преподобнаго Димитрія, Прилуцкаго чудотворца *).

Собравшись сюда въ такомъ числѣ не только изъ града, но и изъ всѣхъ окрестностей, вы собрались, братіе, безъ сомнѣнія, не для слушанія слова человѣческаго, а для того, чтобы принять въ души и сердца наставленіе отъ самаго угодника Божія, здѣ почивающаго и нынѣ благочестно нами ублажаемаго. Не скроемъ отъ васъ, что и мы пришли сюда, не столько для преподанія, сколько для принятія наставленій. Ибо гдѣ же и пастырямъ Церкви, для коихъ въ свою

*) Сказанное въ Спасо-прилуцкомъ монастырѣ.

чреду нужны просвѣщеніе и вразумленіе. и еще большія. нежели для пасомыхъ, гдѣ же и имъ почерпать себѣ наставленія, какъ не у подножія св. угодниковъ Божіихъ?...

Но, братіе, ужели посему ожидать намъ, чтобы угодникъ Божій для наставленія насъ оставилъ свое святое ложе. взошелъ на сіе мѣсто и—началъ бесѣдовать съ нами, подобно тому, какъ мы бесѣдуемъ съ вами! Такого собесѣдованія многіе изъ насъ, вѣроятно, не могли бы и перенести. Довольно того, что онъ столько вѣковъ предлежитъ нетлѣнными останками своими взору всѣхъ и каждаго, какъ разверстая книга, а читать въ сей книгѣ. и брать изъ нея назиданіе должно каждому самому, смотря по своему состоянію и своей нуждѣ. И трудное ли дѣло назидаться такимъ образомъ у раки св. угодниковъ каждому самому? Напротивъ! Какъ стоя противъ лѣтняго солнца, нельзя не начать нагрѣваться; какъ стоя у моря, нельзя не почувствовать мгновенно прохлады: такъ, стоя у подножія мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ, невозможно не исполняться душевнаго назиданія.

Стоитъ только при семъ не развлекаться воображеніемъ по предметамъ стороннимъ, надобно только устремить молитвенно вниманіе и мысли на угодника Божія; и въ сердцѣ тотчасъ открывается источникъ святыхъ мыслей и чувствованій. Сіи мысли и чувствованія суть поученія самаго угодника Божія къ намъ, коего не могутъ замѣнить никакія наши поученія, потому что въ нихъ всегда сокрывается врачество прямо противъ того недуга, отъ коего мы страдаетъ; а проповѣдники не могутъ знать душевныхъ недуговъ каждаго; и если бы знали, не могутъ указать, въ одномъ и томъ же словѣ, каждому врачество приличное.

Итакъ, желающій слышать нынѣ поученіе, стань у раки преподобнаго, помолись ему отъ сердца и попроси наставленія, потомъ прислушайся къ своей душѣ, и смотри какая мысль въ ней явится. Придетъ ли мысль совершить какое-либо богоугодное дѣло, напримѣръ призрѣть бѣднаго, простить должника,—соверши его скорѣе: сего хощетъ угодникъ Божій. Явится ли намѣреніе разорвать постыдную связь, тебя доселѣ связывавшую и влекшую во адъ,—тотчасъ разорви ее навсегда; это повелѣваетъ угодникъ Божій. Почувствуешь ли отвращеніе отъ неумѣреннаго употребленія вина

и сикера,—брось эту пагубную привычку: угодникъ, внушившій тебѣ сіе чувство, самъ поможетъ тебѣ преодолѣть ее. Предавался ли доселѣ гнѣву, безчинію, сквернословію, нерадѣлъ ходить въ церковь, подавать милостыню, и совѣсть твоя начнетъ обличать въ этомъ,—скажи самъ себѣ: это—обличаетъ меня угодникъ Божій, не буду отселѣ такимъ, каковъ былъ.—скажи и докажи то самымъ дѣломъ. Когда бы такимъ образомъ приступали мы къ мощамъ святыхъ угодниковъ, то всегда слышали бы отъ нихъ поученіе для насъ нужное. Ибо для чего же они и возлежатъ предъ нами толико вѣковъ, какъ опочившіе вчера токмо сномъ. Ужели для того, чтобъ принимать отъ насъ поклоненіе? Но что нужды въ нашихъ поклоненіяхъ тѣмъ, коимъ мзда у Вышняго, кои наслаждаются царствіемъ небеснымъ? Если они остаются среди насъ видимо, не возносятся самою нетлѣнною плотію на небо, то именно потому, чтобъ наставлять и учить насъ, чтобы показать намъ путь живота вѣчнаго.

Пойдемте всѣ учиться у раки преподобнаго Димитрія! Аминь.

Слово на память преподобнаго Діонисія Глушицкаго *).

Аще узриши мя вземлема отъ тебе, будетъ ти тако; аще ли не узриши, не будетъ (4 Цар. 2, 10).

Такъ говорилъ пророкъ Илія ученику своему и преемнику пророку Елисею, просившему у него предъ взятіемъ его на небо, въ наслѣдіе себѣ *духа сугуба*, то есть силу благодати вдвое противъ той, которая обитала въ Иліи. Елисей въ точности исполнилъ дивное условіе: удостоился видѣть какъ *колесница огненная и кони огненные* восхитили учителя его на небо; посему и сподобился пріять просимое: падшая на него сверху милоть Иліина дала знать, что вмѣстѣ съ нею перешелъ на него и духъ Иліинъ.

Мы, братіе, не зрѣли возносимою на небо чистой и святой души великаго и святаго основателя обители сей, нынѣ благочестно нами ублажаемаго; никто изъ насъ не просилъ у него предъ кончиною духа, тѣмъ паче сугубаго: и однако же онъ, отходя на небо, оставилъ, подобно древнему про-

*) Сказанное въ Глушицкомъ монастырѣ.

року, намъ милоть свою, и какую милоть? Не одежду,—хотя и она отъ святыхъ не мало значитъ,—а свое нетлѣнное тѣло, которое, какъ милоть, служило нѣкогда покровомъ для чистой и святой души его.

Для чего оставилъ? Скажемъ не обвинуясь, что для того же, для чего оставлена была Иліина милоть Елисею, то есть, чтобы въ насъ, если возможно, былъ духъ праведника сугубъ. Ибо судите сами, если обыкновенная милоть служила знакомъ духа сугубаго, то милоть, намъ оставленная, составляющая сама по себѣ великое чудо, не можетъ не быть знакомъ и залогомъ величайшихъ дарованій. Итакъ могій вмѣстить да вмѣститъ!—У того, кто даетъ способнымъ *духа безъ мѣры*, станетъ духа для всякаго—въ мѣру возраста его.

Но большей части изъ насъ далъ бы Господь имѣть хотя тотъ благой духъ, который обиталъ въ ублажаемомъ нами праведникѣ. Ибо какихъ благихъ дѣлъ не совершили бы мы, если бы оживлены были духомъ Христовымъ въ той мѣрѣ, въ какой исполненъ былъ имъ преподобный Діонисій?

Если бы кто почелъ и эту мѣру не по себѣ и своимъ слабостямъ, тотъ возьми меньшую, возьми, если угодно, самую малую, но надобно взять какую-либо непремѣнно: Ибо для чего же оставлена и тебѣ, наравнѣ съ другими, чудесная милоть? Ужели для того, чтобы ты поклонялся ей и лобызалъ ее, не заемля нисколько духа у угодника Божія?—Но, для сего стоило ли бы ей цѣлые вѣки оставаться невредимою отъ тлѣнія?—Стоило ли бы для сего и намъ, оставивъ все, домы и дѣла наши, собираться въ такомъ числѣ въ сію пустыню?—Нѣтъ, сія чудесная милоть оставлена намъ, безъ сомнѣнія, для какого либо святаго употребленія: какого? Елисей милотію Иліною раздѣлилъ Іорданъ и прешелъ его по суху; а мы милотію угодника Божія будемъ раздѣлять потокъ времени и всего временнаго, потокъ удовольствій и сладостей мірскихъ, потокъ худыхъ примѣровъ и соблазновъ, тотъ потокъ, въ коемъ многіе утопаютъ такъ безгодно. Какъ раздѣлять? Повергая въ него милоть преподобнаго. Тебя, напримѣръ, окружаетъ потокъ чувственности и нечистыхъ удовольствій, ты самъ видишь, что можешь въ глубинѣ его погибнуть: стань мысленно у гроба преподобнаго, имись вѣрою за святыя мощи его, и потокъ соблазновъ житейскихъ разступится предъ тобою, ты прейдешь его, какъ

Елисей Іорданъ. безвредно. Предъ тобою потокъ неправеднаго прибытка, стопы твои скользятъ подъ нимъ; ты готовъ повергнуться во глубину его стремглавъ: спѣши мысленно къ чудесной милоти преподобнаго, укройся подъ нее сердцемъ смиреннымъ, воззови къ нему изъ глубины души о помощи.—и потокъ раздѣлится, корысть неправедная представится тебѣ во всей ея черноте и потеряетъ силу влечь тебя за собою. Тебѣ оказана несправедливость, ты оскорбленъ жестоко; потокъ гнѣва кипитъ въ сердцѣ, и готовъ излиться въ словахъ студныхъ, въ ропотѣ и хулѣ: вспомни о милоти преподобнаго. о томъ, что ты лобызалъ святыя мощи его,— и уста, отверстыя на хулу, сомкнутся.

Такъ надобно поступать и въ другихъ случаяхъ. Не должно скучать, если святая милоть не вдругъ окажетъ свое благотворное дѣйствіе. И Елисей милотію Иліиною не вдругъ раздѣлилъ Іорданъ. долженъ былъ повергнуть въ него сію милоть дважды. *И удари Елисей воды второе* пишется въ книгѣ Царствъ. *и разступишася воды сюду и сюду, и прейде по суху* Такъ поступай и ты: ставь себя мысленно какъ можно чаще у святыхъ мощей угодника, и не отступай отъ него. доколѣ не почувствуешь въ себѣ присутствія благаго и крѣпкаго духа его. Ибо не напрасно же онъ оставилъ намъ всѣмъ такую милоть—свои нетлѣнныя мощи, когда мы напрасно не оставляемъ нигдѣ своего платья. Аминь.

Слово по прочтеніи указа Св. Сунода объ открытіи въ Воронежѣ мощей святителя и чудотворца Митрофана.

Вы слышали. братіе, призываніе Церкви и царя земнаго къ почитанію памяти новоявленнаго во святыхъ угодника Христова Митрофана. Долгъ служителя слова возвѣстить вамъ при семъ и волю Царя небеснаго, напомнить и объ ожиданіи при семъ Церкви горней.

Для чего явился новый угодникъ Божій? Оставилъ, такъ сказать, небо и пришелъ паки на землю? Безъ сомнѣнія, не для принятія нашихъ поклоненій (его и всѣхъ святыхъ *мзда у Вышняго!*), а для нашего спасенія, для вспомоществованія намъ на пути къ небу. Явленіе нетлѣнныхъ мощей его міру

есть для него новый подвигъ служенія Господу въ пользу земныхъ братій своихъ. Посему мы ничѣмъ не можемъ лучше срѣтить небеснаго гостя, какъ обращеніемъ при семъ случаѣ большаго вниманія на самихъ себя, на состояніе своей души и сердца, нашея вѣры и добродѣтели: такъ ли мы живемъ, чтобъ его обращеніе среди насъ не содѣлалось для него, какъ нѣкогда для Лота—*мученіемъ* (2 Петр. 2, 8); такъ ли располагаемся жить впредь, чтобы его молитвы за насъ не остались безплодными?

Такъ, братіе, пріобрѣтая многое въ новомъ угодникѣ Божіемъ, мы и обязываемся вмѣстѣ съ тѣмъ ко многому. Это новый проповѣдникъ истины святыя вѣры нашея, новый споручникъ нашихъ надеждъ, новый образецъ для подражанія, новый помощникъ во всѣхъ нуждахъ нашихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и новый судія и обличитель нашъ, если мы, радуясь явленію его, не воспрянемъ отъ сна грѣховнаго, не вступимъ на путь правды, по коему взошелъ на небо онъ, и не потечемъ, при его помощи, къ горнему нашему отечеству. Сего именно хощетъ Господь нашъ, посылая къ намъ святыхъ Своихъ. Мнѣ кажется, что всякій разъ, когда является на землѣ новый чудотворецъ, отверзается небо, видимъ бываетъ престолъ Божій, и слышенъ гласъ Сѣдящаго на немъ ко всѣмъ земнороднымъ: «вы, кои находитесь во тьмѣ и сѣни смертной, забываете о небесныхъ обителяхъ, для васъ уготованныхъ, воззрите на собрата вашего, облеченнаго среди самаго тлѣнія безсмертіемъ! Путемъ вѣры и святыхъ подвиговъ онъ уже прешелъ отъ васъ въ нѣдра вѣчнаго покоя; но Я паки его посылаю къ вамъ, да будетъ вашимъ руководителемъ, хранителемъ и помощникомъ. Перестаньте же любить суету; идите по стопамъ собрата вашего, вамъ явившагося!—и вы, подобно ему, придете ко Мнѣ, и *Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28)». Да отзовется, братіе, гласъ сей во глубинѣ душъ и сердецъ нашихъ!—Да пробудитъ въ насъ новую рѣшимость продолжать бодренно, или начать нелѣностно, хожденіе въ заповѣдяхъ Божіихъ! Ибо ради сего именно являются между нами по временамъ новые угодники Божіи и чудотворцы! Аминь.

Слово въ день памяти св. безсребренниковъ Козмы и Даміана *).

Нынѣ день памяти святыхъ безсребренниковъ, Козмы и Даміана, издревле почитаемый отъ всея Церкви православной, но тѣмъ паче имѣющій право на особенное уваженіе въ странѣ Таврической. Ибо древнее преданіе сказуетъ, что сіи врачи-чудотворцы посѣтили нѣкогда и озарили чудесами своими и здѣшній полуостровъ, будучи сосланы сюда въ заточеніе отъ кесаря римскаго. И среди горъ вашихъ есть доселѣ цѣлебный источникъ, носящій имя святыхъ Козмы и Даміана, который изведенъ изъ земли, по свидѣтельству того же преданія, ихъ молитвами. Памятуя сіе, мы, не смотря на трудность нынѣшнихъ обстоятельствъ и неудобства пути, посѣтили вчера это священное мѣсто, и снова воздали тамъ хвалу Тому, Чья всемогущая десница преукрасила его такъ дивно. Ибо, надобно знать, братіе мои, что это одно изъ самыхъ пустынныхъ и величественныхъ мѣстъ между вашими горами, кои вообще столь богаты живописными мѣстоположеніями. Вообразите сошедшимися три изъ самыхъ высокихъ горъ и образовавшими среди себя грозное ущеліе; вообразите ихъ покрытыми отъ подошвы до вершины разными древами и зеленью, съ обнаженнымъ, какъ у престарѣлаго человѣка, теменемъ; вообразите, что изъ главнаго между сими горами ущелія, также покрытаго лѣсомъ и пресѣченнаго малыми утесами, стремится съ ревомъ потокъ Алмы, а о страну его, за малымъ утесомъ, изъ бока горы бьетъ огромный ключъ, и вскорѣ соединяется съ симъ потокомъ: этотъ ключъ источникъ святыхъ Козмы и Даміана.

Не смотря на великую степень холода воды въ немъ, которую можно назвать холоднымъ кипяткомъ, приходящіе туда богомольцы съ благоговѣніемъ пьютъ (въ возможно большемъ количествѣ, ибо она крайне вкусна) эту воду, и погружаются въ нее для купанья. Сильный холодъ объемлетъ при семъ человѣка, и кажется, проходитъ до костей и самыхъ мозговъ. Но среди сего-то, повидимому, не безопаснаго дѣйствія воды, и подается многимъ недужнымъ исцѣленіе; почему самый источникъ на языкѣ здѣшнихъ татаръ

*) Сказанное въ симферопольскомъ Александро-Невскомъ соборѣ, 1 іюля 1855 года.

именуется не иначе, какъ «водою здравія». Ибо къ нему притекаютъ не одни христіане, но и поклонники Магомета, прославляя за то имя святыхъ Козмы и Даміана.

Безмолвно и пустынно было мѣсто это, когда посѣтилъ я его за шесть лѣтъ предъ симъ. Святость воспоминаній, благодѣтельное свойство источника, величественность мѣстоположенія тотчасъ возбудили во мнѣ особенное вниманіе и благоговѣніе къ сему необыкновенному мѣсту. Если гдѣ,—думалъ я,—то въ подобныхъ ущеліяхъ горъ мѣсто обителямъ иноческимъ; и предположилъ, если угодно будетъ Богу, устроить киновію во имя святыхъ Безсребренниковъ Козмы и Даміана. Святѣйшій сунодъ не замедлилъ преподать благословеніе на сію мысль, а Благочестивѣйшій Государь не только запечатлѣлъ наше предположеніе своимъ державнымъ словомъ, но и удостоилъ знать всѣ преданія, соединенныя съ симъ мѣстомъ.

Оставалось пріискать вещественныя средства къ благоустроенію святаго мѣста; и, можетъ быть, мы долго не возмогли бы ихъ найти, если бы сами Безсребренники не позаботились о томъ. Туне пріявшіе даръ исцѣленій, они туне и подали его одному изъ вашихъ здѣшнихъ согражданъ отъ болѣзни, казавшейся неисцѣльною. Но сей рабъ Божій (я могу назвать его симъ именемъ и не за это одно благое дѣло) уподобился тому, исцѣленному отъ прокаженія, самарянину, который, *видѣвъ, яко исцѣлѣ, возвратися, со гласомъ великимъ славя Бога* (Луки 17, 15). Въ благодарность святымъ угодникамъ, исцѣленный положилъ на своемъ сердцѣ отъ собственныхъ избытковъ, устроить малую церковь надъ источникомъ, съ двумя купальнями, а вблизи его нѣсколько келій, какъ для жительства иночествующихъ, такъ и для успокоенія приходящихъ къ источнику. Послѣднее, то есть, пристанище для богомольцевъ нашелъ я уже воздвигнутымъ теперь. Уповаемъ, что вскорѣ не замедлитъ совершиться и первое, такъ что впослѣдствіи, если дастъ Господь, будемъ имѣть утѣшеніе совершить надъ цѣльбоноснымъ источникомъ и св. литургію.

Съ намѣреніемъ повѣствую предъ вами пространно о семъ источникѣ. Ибо мнѣ хочется возбудить къ нему ваше вниманіе и познакомить васъ съ собственнымъ вашимъ сокровищемъ.

А все это нужно: ибо многіе знаютъ подробно едва не всѣ ущелія горъ, а доселѣ находятся въ неизвѣстности о мѣстѣ святаго и многоцѣлебнаго источника. Многіе ежегодно посѣщаютъ, какъ бы по обѣту, языческія и іудейскія древности по разнымъ мѣстамъ страны вашей, а ни разу не думали увидѣть то мѣсто, которое освящено пребываніемъ столь великихъ угодниковъ Христовыхъ, каковы св. Козма и Даміанъ, и не только освящено, но и представлено благодарственному вниманію и употребленію всѣхъ родовъ грядущихъ, чрезъ изведеніе на немъ цѣлебнаго источника.

Не подобаетъ тако быти (Іак. 3, 10), возлюбленные, скажемъ и мы съ Апостоломъ. Не воспрещаемъ быть внимательными ко всему, что носитъ слѣды особенной древности, языческое ли то, іудейское, или магометанское, но первое наше вниманіе принадлежитъ древностямъ христіанскимъ, ибо мы христіане. Соблюденіе сего правила нужно и вездѣ, тѣмъ паче у васъ, коихъ страна такъ богата всякаго рода священными древностями, ибо въ сей странѣ христіанство возникло съ первыхъ временъ его; здѣсь же потомъ, въ Херсонесѣ, была самая колыбель русскаго православія. Есть что видѣть христіанину и чѣмъ заняться не только съ любопытствомъ, но и съ благоговѣніемъ! Между тѣмъ нельзя не сказать къ глубокому прискорбію, что священныя древности находятся у васъ въ самомъ незавидномъ положеніи. Я разумѣю не то, что онѣ всѣ въ развалинахъ; въ этомъ виновны не вы, а время и судьба края, подлежавшаго столь многимъ и разрушительнымъ переворотамъ. Но, вотъ что можно поставить и вамъ въ вину! Столько прошло времени отъ водворенія мира и порядка на полуостровѣ, чрезъ поступленіе его подъ благословенную державу россійскую, и никто не подумалъ доселѣ о сихъ священныхъ развалинахъ,—о томъ, чтобы, если не возградить ихъ, то спасти отъ конечнаго разрушенія, а паче всего—отъ посрамленія предъ иновѣрцами. Ибо сказать ли вамъ, въ какомъ состояніи нашелъ я самыя первыя священныя мѣста ваши? Останки, напримѣръ, церкви, гдѣ, по всей вѣроятности, совершилось крещеніе св. Владиміра,—то событіе, съ коего началось и пошло просвѣщеніе св. вѣрою по всей земли Русской,—ничѣмъ неогражденные, предоставлены были попранію безсловесныхъ животныхъ, кои истребляли тамъ послѣдній злакъ, прикрывавшій

собою наготу колыбели Православія. Священныя пещеры Инкерманскія, гдѣ подвизались въ заточеніи св. Климентъ и Мартинъ исповѣдники, и гдѣ доселѣ находятся мѣста двухъ малыхъ храмовъ, употреблялись на пристанище среди зноя для стада овецъ и другихъ животныхъ! Такъ ли должны поступать христіане? Симъ ли выразимъ нашу просвѣщенную любознательность и вкусъ къ древностямъ? И что думаютъ о насъ иноплеменники и иновѣрцы, населяющіе въ такомъ множествѣ нашъ полуостровъ? А между тѣмъ,—еще повторяю,—мы же, подобно малымъ дѣтямъ, стремимся съ такимъ любопытствомъ къ самымъ малымъ слѣдамъ у насъ древняго язычества или іудейства!...

Благодареніе Богу, вложившему въ наше сердце жалость и желаніе—сохранить и возградить священныя древности страны вашей! Дѣло, какъ сами знаете, начато, и, при помощи Божіей, идетъ хотя медленно (ибо какъ иначе?), но не безъ успѣха. Дайте же намъ руку и соединитесь съ нами въ семъ, не безтрудномъ для насъ, подвигѣ. Почтите дружелюбнымъ вниманіемъ и совершаемое и совершающихъ. Ибо, трудность дѣла въ изобрѣтеніи не однихъ средствъ къ дѣйствію, а и лицъ дѣйствующихъ. Гдѣ взять подобныхъ дѣлателей? Кто пойдетъ къ намъ, въ отдаленную страну и на голые, такъ сказать, камни? И пришедшій—долго ли потрудится, не возвратясь вспять, когда еще отъ васъ будетъ срѣтать холодность и равнодушіе?

Ужасный пожаръ ожесточенной брани истребилъ уже не мало изъ того, что въ семъ отношеніи было сдѣлано нами,—и вѣроятно, прострется еще далѣе; святое предпріятіе затруднится посему для насъ еще болѣе: но мы, доколѣ живы, не отстанемъ отъ своего дѣла. Не ослабѣвайте и вы въ вашемъ сочувствіи и усердіи. Можетъ быть, самый этотъ огнь брани явился за нашу прежнюю холодность къ нашей святынѣ. А когда Господь увидитъ, что мы перемѣнились, и что въ насъ достаточно пробудилась ревность по вѣрѣ и по всему, что къ ней относится, то *прекратитъ* невидимо этотъ *пламень* (Псал. 28, 7), положитъ конецъ разрушенію, и къ намъ паки возвратятся дни мира и благоденствія, чего всеусердно желаемъ отъ Господа вамъ и всей странѣ нашей. Аминь.

Слово на день св. великомученицы Варвары *).

Съ какой стороны ни смотрѣть, а нетлѣніе тѣлесъ святыхъ угодниковъ Божіихъ представляетъ, братіе, какъ сами видите, зрѣлище величественное и поучительное. Тѣ самые останки земнаго бытія, которые обыкновенно служатъ послѣднимъ и сильнѣйшимъ обличеніемъ бренности нашего тѣлеснаго состава, и кои, по тому самому, по смерти человѣка за долгъ почитаютъ удалять отъ взора человѣческаго, тѣ самые останки здѣсь являются не только сами видимо торжествующими надъ тлѣніемъ, но и проливающими жизнь и нетлѣніе для всѣхъ, къ нимъ съ вѣрою притекающихъ!..

Для чего же премудрость и всемогущество Божіе совершаютъ предъ очами нашими столь дивное и продолжительное чудо? Для того ли, чтобы прославить память святыхъ угодниковъ?—Но что въ славѣ земной для тѣхъ, кои украшены вѣнцемъ славы небесной? Нетлѣнныя тѣлеса мучениковъ,—это милоть Иліина, которую они, возносяся на небо, оставляютъ для насъ, въ знаменіе своего неразрывнаго союза съ нами въ духѣ, дабы, подъ сѣнію ея, мы сами могли немокренно прейти Іорданъ—потокъ тлѣнія, ожидающій насъ на пути въ Ханаанъ небесный. Раки святыхъ подвижниковъ—это Самимъ Богомъ воздвигнутыя каѳедры, съ коихъ всѣмъ и каждому возвѣщаются вѣчныя истины не словами, какъ это бываетъ въ нашихъ слабыхъ поученіяхъ, а дѣлами и чудесами.

Послѣ сего, братіе, вмѣсто наставленій вамъ отъ себя, мы сами должны нынѣ вмѣстѣ съ вами поучаться у сего гроба. И трудно ли обрѣсти въ немъ, приличное всѣмъ и каждому, поученіе?—Обозрѣвая со вниманіемъ жизнь великомученицы, тотчасъ видимъ: 1) какъ должно находить и познавать истину? 2) какъ употреблять ее во благо свое и другихъ? 3) и, наконецъ, какъ хранить ее среди соблазновъ и искушеній?

Нынѣ, братіе, мы такъ счастливы, что не только истина,

*) Сказанное у честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей ея, въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ.

сама благодать Божія срѣтаетъ каждаго изъ насъ, при самомъ появленіи на свѣтъ. Еще очи младенца не открылись для свѣта видимаго; еще онъ, можно сказать, не существуетъ для предметовъ, его окружающихъ: а свѣтъ Христовъ уже озаряетъ его душу, и весь составъ существа его уже проникнутъ таинственнымъ дѣйствіемъ благодати и запечатлѣнъ знаменіемъ искупленія. Самое происхожденіе наше отъ христіанскихъ родителей уже предрасполагаетъ природу нашу къ добру, ослабляя въ ней дѣйствіе той древней наслѣдственной порчи, по коей всѣ мы зачинаемся въ грѣхахъ и раждаемся въ беззаконіяхъ.

Но въ то время, когда узрѣла свѣтъ великомученица, было другое: мракъ язычества покрывалъ еще самые образованные народы, гордый Римъ и ученая Греція кланялись еще идоламъ: христіане по тому самому почитались врагами боговъ и отечества, и преслѣдовались за вѣру свою, подобно тяжкимъ преступникамъ. А какъ отецъ святой Варвары принадлежалъ къ числу ревностнѣйшихъ идолопоклонниковъ, то заранѣе можно было предвидѣть, что онъ поставитъ преграду на преградѣ, дабы свѣтъ вѣры не проникъ до его единородной дщери. И дѣйствительно, образъ воспитанія, избранный для святой Варвары, удаляя ее отъ всякаго сообщества человѣческаго, лишалъ ее, повидимому, всѣхъ средствъ выйти изъ тьмы идолопоклонства. Юная отроковица заключается съ ея подругами на высокомъ столпѣ, дабы до времени брака не слышать чуждаго гласа и не зрѣть чуждаго лица человѣческаго: предъ ея очами остаются одни свѣтила небесныя и древа полевыя.

Какія малыя и слабыя средства къ богопознанію въ сравненіи съ нашими! Цѣлая Римская имперія видѣла это небо надъ собою и эту землю подъ собою,—и кланялась небу и земли, какъ богамъ, мудрецы греческіе и римскіе со всѣмъ прилежаніемъ наблюдали за теченіемъ свѣтилъ небесныхъ, замѣчали каждую былинку полевую,—и, подобно непросвѣщенной толпѣ, красоту неба и земли относили къ могуществу бездушныхъ истукановъ, или къ слѣпому и еще болѣе ничтожному случаю. Юной ли, неопытной отроковицѣ вознестись своею мыслію надъ красотою видимыхъ тварей и достигнуть чрезъ нихъ до престола Творца невидимаго?— Но въ душѣ сея отроковицы есть чистая мысль, естественно

стремящаяся горѣ, къ Виновнику всяческихъ; есть чистое и святое желаніе любить Его всѣмъ сердцемъ и служить Ему во всѣ дни жизни; есть чистая совѣсть, неумолкающая наставница на все благое и правое: и они скажутъ ей о Богѣ то, чего не открыла бы вся нечистая мудрость языческая. Хотите ли знать, какъ совершалось это внутреннее ученіе? — *Разумъ неуразумѣнный о единомъ всея твари Творцѣ разумѣти шущи.*—говоритъ въ изъясненіи сего церковная пѣснь.—*святая дѣва бесѣдоваше съ своимъ си разумомъ, глаголя: отъ темныхъ кумировъ чуднымъ свѣтиламъ небеснымъ како бы создатися мощно, рцы ми? Къ ней же онъ со псаломникомъ* рече: *вси бози языкъ бѣсове, единъ же есть Господь, Иже небеса и вся свѣтила ихъ сотвори.* Надъ св. Варварою вполнѣ оправдалось теперь то, что св. Апостолъ Павелъ говорилъ нѣкогда вообще о язычникахъ; то-есть, что *разумное Божіе* (необходимое для человѣка познаніе о Богѣ) *явь есть въ нихъ,* споспѣшествующей *имъ* къ тому *совѣсти, и помысломъ между собою осуждающимъ или отвѣщающимъ* (Рим. 1, 19; 2, 15). Поелику сіи помыслы въ чистой душѣ Варвары были чисты и свѣтлы, то и отвѣты ихъ на вопросы ея о невидимомъ Творцѣ были тверды и вразумительны. И вотъ, велѣдствіе сего внутренняго ученія, сего истинно-естественнаго богословія, идолы презрѣны, поклоненіе имъ отвергнуто; принято твердое намѣреніе искать того Бога, Котораго естественный разумъ заставлялъ предполагать, но не могъ открыть явственно.—А *Господь разумовъ* и откровеній, видя, какъ юная язычница остается *вѣрною въ малѣ,* не замедлилъ даровать ей *большее:* не смотря на удаленіе Варвары отъ всякаго сообщества человѣческаго, ведомый особеннымъ Промысломъ, къ ней вскорѣ является одинъ изъ пресвитеровъ христіанскихъ и открываетъ ей во всемъ свѣтѣ не только Бога истиннаго, но и великаго Посредника между Богомъ и человѣкомъ, безъ Коего нѣтъ спасенія.

Можно ли не радоваться, видя такое неожиданное и счастливое возникновеніе юной язычницы изъ тьмы идолопоклонства на высоту истиннаго боговѣдѣнія? Но послѣ сего можно ли не удивляться, слыша какъ въ наши времена нѣкоторые продолжаютъ вопрошать: что намъ дѣлать, дабы спастися? Кто вопрошаетъ такимъ образомъ: іудей, магометанинъ, язычникъ? Нѣтъ.—христіане, кои отрождены водою и

Духомъ при самомъ началѣ своей жизни. въ рукахъ коихъ всегда и вездѣ слово Божіе. для коихъ отверсты тысячи храмовъ съ ихъ священнодѣйствіями и таинствами!.. Итакъ насъ мало и недостаточно учили и пророки и апостолы. мало открылъ намъ Самъ Господь и Спаситель нашъ, мало вразумляютъ насъ святые отцы и святая Церковь? Для насъ. повидимому. нужно еще откровеніе, новые апостолы и пророки: и почему такъ? Потому ли что недостаточно прежнихъ? Нѣтъ, а потому, что не знаютъ и не принимаютъ труда знать то. что они сказали и говорятъ всѣмъ и каждому о пути ко спасенію.

Въ самомъ дѣлѣ, не касаясь тѣхъ, кои ничему не учатся и потому пріобрѣли какъ бы нѣкое несчастное право оставаться въ невѣдѣніи касательно вѣры и ея святыхъ таинствъ. изъ самыхъ учащихся многіе ли занимаются познаніемъ истинъ вѣры хотя такъ, какъ занимаются какою-либо наукою? Нѣтъ ли даже такихъ, кои, стяжавъ себѣ ученое имя, продолжаютъ оставаться въ грубомъ невѣдѣніи о самыхъ главныхъ предметахъ вѣры и упованія христіанскаго?—Послѣ сего, удивительно ли, что такіе люди. нисколько не думавъ прежде о своемъ спасеніи, потомъ когда. по какому-либо особенному стеченію обстоятельствъ, рѣшаются начать путешествіе къ вѣчному отечеству, то оказываются незнающими пути и должны спрашивать каждаго встрѣчающагося: гдѣ дорога?

Ахъ. братіе мои, что же было бы съ нами, если бы намъ досталось произойти на свѣтъ въ іудействѣ или магометанствѣ? Думаете ли вы, съ такимъ небреженіемъ о вѣрѣ и состояніи душъ нашихъ, пробились бы сквозь густую тьму заблужденій, сквозь крѣпкую преграду предразсудковъ и привычекъ,—мы, кои не видимъ пути среди свѣта полдневнаго и не идемъ по немъ, влекомые всѣми узами благодати?.. Вмѣсто того, чтобъ быть мучениками за истину, сколько было бы изъ насъ гонителей истины! Оттого-то, можетъ быть, благость Божія и поставила насъ съ самаго рожденія нашего у самыхъ вратъ царствія небеснаго, дабы мы, слабые и долу преклонные, могли войти въ нихъ, когда только восхощемъ. Познаемъ же наше преимущество, не дадимъ праздно лежать сокровищу истинной вѣры и начнемъ употреблять оное во благо душъ нашихъ, памятуя, что кому много дано, съ того

много и взыщется. Святая великомученица и въ семъ отношеніи подаетъ намъ примѣръ спасительный.

Какъ мало бы она могла сдѣлать употребленія изъ познанной ею истины, если бы рѣшилась руководиться примѣромъ своихъ современниковъ! Не было ли тогда множества людей, кои гораздо болѣе шестнадцати-лѣтней дѣвицы, видѣли суету и ничтожество идоловъ? Что же дѣлали они изъ своего познанія для себя и другихъ? Совершенно ничего существеннаго. Въ уединеніи своихъ внутреннихъ храминъ мудрецы Греціи и Рима смѣялись надъ своими богами и ихъ похожденіями; а на улицахъ и площадяхъ вмѣстѣ съ народомъ повергались предъ ихъ истуканами!.. Отчего такъ? Оттого, что вообще были холодны къ истинѣ, преданы міру и страстямъ; оттого, что не хотѣли подвергнуться опасности, идя вопреки общаго мнѣнія, и дорожили своимъ временнымъ спокойствіемъ; оттого, что не радѣли о своемъ вѣчномъ предназначеніи.

Не такъ поступила святая отроковица! Истина была для нея драгоцѣннымъ талантомъ, который не употребить въ дѣло—она почитала за грѣхъ величайшій; посему едва только лучъ истинной вѣры коснулся ея ума, она спѣшила сдѣлать изъ сего свѣта всевозможное употребленіе для себя и для другихъ: для себя—отвергнувъ единожды и навсегда идоловъ отеческихъ, принявъ всѣмъ сердцемъ вѣру во Іисуса Христа, обративъ ее въ неизмѣнное и единственное правило всей своей жизни, посвятивъ ей все бытіе свое; для другихъ—пользуясь всѣми случаями обнажать предъ ними тщету идоловъ, проповѣдать всѣмъ вѣру въ Бога истиннаго и Ходатая Бога и человѣковъ, Іисуса Христа. Многое, весьма многое препятствовало юной отроковицѣ употреблять такимъ образомъ вѣру въ благо не свое токмо, а и другихъ: юность возраста, немощь пола, власть отца, противоборство родственниковъ и знаемыхъ; но *мужемудренная дѣва* ни на что не взирала; знать и дѣйствовать въ семъ отношеніи, было для нея одно и то же; имѣть вѣру и не жить по ней казалось все равно, что и не имѣть ея.

Такъ и должно быть, братіе!—Ибо что за вѣра, что за свѣтъ небесный, когда онъ не свѣтитъ и не согрѣваетъ?.. Но у насъ, къ сожалѣнію, найдена несчастная возможность имѣть вѣру въ устахъ и не имѣть ея въ сердцѣ, тѣмъ паче

въ жизни. Въ храмахъ большею частію всѣ христіане, а въ домахъ—язычники и магометане. И почему такъ? Потому ли, что у насъ много препятствій къ тому, чтобы не только вѣровать, но и жить по вѣрѣ? Напротивъ, насъ все побуждаетъ къ тому; побуждаетъ святая Церковь, взывая непрестанно къ намъ о необходимости жить по-христіански,—побуждаетъ власть предержащая, постоянно благопріятствуя своими распоряженіями удовлетворенію всѣхъ благочестивыхъ потребностей жизни христіанской; побуждаетъ общество, преслѣдуя своимъ мнѣніемъ, извергая изъ нѣдръ своихъ людей съ нехристіанскимъ образомъ мыслей; побуждаетъ благо семейное, которое явно преспѣваетъ наиболѣе тамъ, гдѣ наиболѣе страха Господня, смиренія евангельскаго и чистоты христіанской; побуждаетъ собственное сердце, которое, не удовлетворяясь никакимъ благомъ и утѣхами мірскими, всегда ищетъ, и ни въ чемъ, земномъ и временномъ, не находитъ себѣ покоя; но мы пренебрегаемъ всѣ сіи побужденія, оставляемъ сокровище вѣры безъ всякаго употребленія во благо свое; ходимъ за утоленіемъ внутренней жажды ко всѣмъ кладенцамъ человѣческой мудрости, земнаго могущества и покровительства привременныхъ благъ и стяжаній,—только не хотимъ заглянуть въ текущій предъ нами источникъ жизни вѣчной!..

Послѣ сего можно ли ожидать, чтобы мы, по примѣру святой великомученицы, почли за долгъ употреблять свою вѣру еще во благо другихъ людей? напрасно іудеи цѣлыми толпами являются предъ лице наше и своимъ жалкимъ видомъ вызываютъ нашу сострадательность: ни одинъ изъ нихъ не слышалъ отъ многихъ изъ насъ ни слова въ назиданіе душевное, а многіе, можетъ быть, отходили съ явнымъ соблазномъ, что христіане хуже язычниковъ въ своихъ поступкахъ. И что говорить о іудеяхъ? Хотя бы для домашнихъ нашихъ мы приняли трудъ быть наставниками въ вѣрѣ и добродѣтели: сколь многіе изъ нихъ, при всемъ желаніи своемъ узнать что-либо для спасенія души своей, не могутъ сдѣлать сего потому, что все время ихъ употребляется на исполненіе нашихъ приказаній и на удовлетвореніе прихотямъ: и какимъ прихотямъ? коихъ одно наименованіе было бы наказаніемъ для виновныхъ. Можно ли поступать такимъ образомъ?..

Третій урокъ отъ гроба великомученицы, какъ я сказалъ, состоитъ въ томъ, что подаетъ намъ своею жизнію и смертію разительный примѣръ, какъ должно хранить истинную вѣру среди искушеній и быть ей вѣрными до смерти. Для нѣкоторыхъ можетъ показаться урокъ сей ненужнымъ въ наши времена, когда нѣтъ болѣе гоненій за вѣру Христову; нѣтъ сего нынѣ.—и однако же не терпитъ ли святая вѣра въ насъ отъ другихъ причинъ? не угрожаютъ ли ей часто опасности другаго рода? ибо все равно, отъ чего бы ни терялась въ насъ истинная вѣра: отъ огня и желѣза, или отъ соблазнительнаго примѣра, или отъ собственной нашей страсти. Скажите же сами: менѣе ли страстей нынѣ, нежели было во время великомученицы? и менѣе ли нынѣ каждая изъ страстей противна вѣрѣ и закону Христову?—менѣе ли взыскательна, менѣе ли мучительна для человѣка, ею обладаемаго? Страсть—это идолъ, который непрестанно требуетъ жертвъ: доколѣ вы приносите ихъ, дотолѣ сей истуканъ спокоенъ; но начните презирать его, и вы увидите, какая брань возникнетъ въ нашемъ сердцѣ; Іоаннъ многострадальный есть живой примѣръ сего безкровнаго мученичества. А міръ съ его служителями? развѣ пересталъ враждовать онъ противъ истиннаго христіанства, потому что пересталъ называться міромъ языческимъ и покорился видимо Евангелію?—Нѣтъ, между духомъ міра и духомъ Христовымъ, между царствомъ Божіимъ и областію плоти и крови, никогда не можетъ быть согласія. Посему *вси хотящіи* истинно *благочестно жити о Христѣ Іисусѣ*, какъ прежде гонимы бывали, такъ и всегда, по пророческому слову Апостола, *гонимы будутъ*. Поучимся же изъ примѣра святой Варвары, какъ должно сохранять вѣру среди всѣхъ искушеній и напастей.

Чего не было употреблено для поколебанія вѣры въ душѣ юной подвижницы? какой изъ членовъ святаго тѣла не сражался и не былъ мученъ за вѣру? Глава видѣла на себѣ млатъ тяжкій; грудь и ребра были палимы свѣщами; сосцы урѣзаны; все тѣло повѣшено и строгано. Для юной отроковицы всего дороже стыдъ; лютость мучителей не забыла сего: обнаженная, она водится по стогнамъ всего града. И все сіе надлежало терпѣть отъ руки не чуждой, а той, которая была чтима и любима—отъ руки собственнаго отца!..

Опираясь на столь разительный примѣръ мужества и тер-

пѣнія, поданный юною подвижницею, какихъ жертвъ не въ правѣ мы потребовать, братіе, отъ васъ для спасенія душъ вашихъ? Не въ правѣ ли мы, напримѣръ, сказать словами Спасителя какому-либо богачу, храмлющему на оба колѣна: *иди, продаждь имѣніе твое, раздаи нищимъ, и гряди въ слѣдъ* своего Спасителя?—Но мы не будемъ требовать отъ васъ неудобоисполнимаго; оставайтесь каждый въ своемъ состояніи, при вашихъ занятіяхъ, вашемъ времяпрепровожденіи: только, не принося особенныхъ жертвъ вѣрѣ, не дѣлайте, по крайней мѣрѣ, изъ вѣры вашей жертвъ для міра и плоти. Ибо, кому и чему не приносится святая вѣра въ жертву? приносится обычаямъ свѣта, изъ коихъ каждый важнѣе для многихъ самыхъ первыхъ правилъ вѣры и Церкви; приносится въ жертву житейскимъ нуждамъ, кои у рѣдкихъ изъ насъ не берутъ верха надъ всѣми попеченіями о душѣ и совѣсти; приносится въ жертву самымъ прихотямъ—и своимъ и чужимъ, предавшись коимъ, забываютъ о исполненіи самыхъ важныхъ обязанностей вѣры. Наступаетъ, напримѣръ, день воскресный, звонъ колокола со всѣхъ сторонъ зоветъ въ церковь, внутренній голосъ призываетъ туда же; но къ сему дню не поспѣло любимое платье, нѣтъ модной колесницы, мы можемъ встрѣтиться въ церкви съ такимъ и такимъ человѣкомъ; и намѣреніе быть при богослуженіи оставлено; время молитвъ отдается на жертву занятій совершенно суетныхъ, напримѣръ, на приготовленіе себя къ какому-либо вечернему собранію. Другой примѣръ: попадаетъ въ руки какая-либо безсмысленная книга, наполненная возраженіями противъ религіи; и, не смотря на то, что сіи возраженія уже сто разъ опровергнуты со всею основательностію, одного легкаго чтенія ядовитой книги бываетъ достаточно для того, чтобы усумниться въ святыхъ истинахъ, коимъ вѣрили изъ-дѣтства, и не только усумниться, но и сдѣлаться проповѣдниками невѣрія для другихъ. При такомъ положеніи вещей, какихъ жертвъ, братіе, требовать отъ васъ для вѣры? Не жертвуйте же, по крайней мѣрѣ, еще повторимъ, вѣрою; сами не терпя за нее ничего, не заставляйте другихъ терпѣть за нее, не будьте ея врагами и гонителями!

Вы удивляетесь сему прошенію?.. Но, я желалъ бы знать отъ нѣкоторыхъ, какъ поступили бы они съ своимъ слугою, который, не имѣя возможности быть въ церкви почти весь

годъ, рѣшился бы когда-либо, вопреки волѣ своего господина, сходить въ храмъ Божій? И въ одномъ ли семъ случаѣ выражается несчастная готовность идти противъ требованій вѣры и Церкви? Осмотритесь вокругъ себя, и вы сами увидите болѣе, гораздо болѣе.

Чувствую, что я коснулся, можетъ быть, самаго больнаго мѣста въ нашей нравственности мірской; но гдѣ же приличнѣе говорить всю истину, какъ не при гробахъ святыхъ мучениковъ? Они пролили за истину всю кровь, положили самый животъ свой; а мы будемъ сомнѣваться отверзть уста, возвысить голосъ?.. Нѣтъ, братіе, кто бы вы ни были, если страшитесь слышать всю истину, то не приходите слышать ее у сего святаго гроба; здѣсь, если мы умолкнемъ, то святые останки великомученицы возопіютъ о томъ, какъ должно всѣмъ намъ познавать истину, какъ употреблять ее и какъ намъ быть вѣрными ей до смерти. Аминь.

Слово на день св. великомученицы Варвары.

Вѣнецъ невѣсты Христовой, нынѣ торжественно нами ублажаемой, блистаетъ многими драгоцѣнными камнями, то есть, великими подвигами мученическими и великими дарами духовными; но наиболѣе блистаетъ въ семъ вѣнцѣ и привлекаетъ благоговѣйный взоръ всѣхъ одно многоцѣнное перло. Это пріятый свыше великомученицею даръ—спасать отъ внезапной болѣзни и наглыя смерти всякаго, кто съ вѣрою и любовію притекаетъ къ ея о томъ ходатайству предъ Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, кто, слушая съ умиленіемъ акаѳистово пѣніе въ честь святой Варвары, не останавливалъ особеннаго благоговѣйнаго вниманія на тѣхъ мѣстахъ его, въ коихъ упоминается о семъ дивномъ и благотворномъ дарѣ?—Кто изъ насъ, обращаясь къ ней съ молитвою, не испрашивалъ у нея, первѣе и послѣ всего, защиты отъ внезапной болѣзни и наглой смерти?—Итакъ, воспоминая нынѣ торжественно подвиги великомученицы, подойдемъ благоговѣйно мыслію ближе къ вѣнцу ея и разсмотримъ это многоцѣнное перло.

Я говорю: «многоцѣнное», ибо, что нужнѣе для каждаго изъ насъ, какъ отойти изъ сей жизни совершенно приготовленными къ жизни новой, ожидающей насъ за гробомъ? Отойти, то есть, очистившись благодатію Божіею отъ всѣхъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій.—принесши въ нихъ истинное покаяніе?—Но, бренность жизни нашей такъ велика, что многіе предъ исходомъ изъ сего міра не успѣваютъ даже помыслить о своихъ грѣхахъ и возвести покаяннаго взора на небо; отходятъ по сему самому предъ небеснаго Судію со всѣми нечистотами земной жизни, въ такомъ состояніи, въ какомъ они не посмѣли бы явиться предъ земнаго начальства. Посему возможность быть защищену отъ внезапной смерти принадлежитъ къ числу самыхъ желанныхъ возможностей для каждаго, кто только хотя мало дорожитъ спасеніемъ бѣдной души своей.

Но гдѣ достать сей драгоцѣнной возможности?—Кто въ состояніи остановить руку ангела смерти, надъ ними подъятую? Безъ сомнѣнія, не земные врачи, а единъ тотъ Врачъ душъ и тѣлесъ, у Коего *не изнеможетъ всякъ глаголъ* (Лук. 1, 37). Который, какъ одинъ даетъ всѣмъ жизнь и дыханіе (Дѣян. 17, 25), такъ одинъ можетъ и продлить ихъ, когда и сколько Ему угодно. Посему святая Церковь, при каждомъ богослуженіи, между большимъ числомъ, необходимымъ для каждаго изъ насъ, прошеній, помѣщаетъ прошеніе о кончинѣ безболѣзненной, непостыдной и мирной.

Прошеніе крайне утѣшительное! Но собственное недостоинство не позволяетъ многимъ быть увѣренными, что сила сего прошенія воздѣйствуетъ и надъ нами. По немощи вѣры нашей, желалось бы имѣть у престола Божія какого-либо ближайшаго къ намъ споручника и ходатая, который бы, такъ сказать, взялъ на свои руки жизнь нашу, обѣщался защитить насъ отъ всякаго вида внезапной смерти.

И вотъ, такого-то споручника жизни и смерти нашей, по благости Божіей, каждый изъ насъ можетъ имѣть въ лицѣ прославляемой нами великомученицы. Претерпѣвъ за возлюбленнаго Жениха своего всѣ роды мученій самыхъ лютыхъ, предъ самымъ концемъ жизни своей, она имѣла все право просить у Него многихъ и разныхъ даровъ, но просила единаго дара—спасенія отъ наглой болѣзни и внезапной смерти всякаго, о томъ ея просящаго.—Что побудило

великомученицу къ такому прошенію? Побудила, безъ сомнѣнія, пламенная любовь ея къ бѣдствующему человѣчеству, для коего, какъ мы видѣли, ничто такъ не нужно, и вмѣстѣ ничто такъ иногда не трудно, какъ имѣть предъ смертію достаточное время для покаянія. А ближайшимъ образомъ къ подобному прошенію могло расположить великомученицу воспоминаніе о собственной нѣкогда опасности отъ наглой смерти. Извѣстно, когда угрожала ей сія опасность: тогда, какъ безчеловѣчный отецъ ея, выслушавъ отъ ней надъ банною купелію исповѣданіе Святой Троицы, вдругъ устремился на нее съ мечемъ. Великомученица спасалась отъ сего меча сначала бѣгствомъ, а потомъ чудеснымъ сокрытіемъ въ каменной скалѣ. Что не отъ простаго страха смерти происходило это бѣгство, доказательствомъ сего то непоколебимое мужество, съ коимъ она перенесла потомъ множество самыхъ лютыхъ мученій. Почему же уклонилась она отъ меча?—Потому, безъ сомнѣнія, что эта смерть была преждевременная, и воспрепятствовала бы совершить ей все то, что она совершила потомъ во славу возлюбленнаго Жениха своего. И, вотъ теперь идя съ радостію подъ тотъ мечъ, отъ коего прежде убѣгала со страхомъ, святая великомученица воспоминаетъ прежнее положеніе свое, чувствуетъ, какая великая разность изыти изъ сего міра съ полнымъ пріуготовленіемъ и быть восхищену туда внезапно;—и отъ полноты вѣры въ силу небеснаго Жениха своего, отъ избытка любви къ человѣчеству, дерзаетъ просить у Него дара—оказывать ту же драгоцѣнную милость другимъ, какою воспользовалась нѣкогда сама.

Услышано ли сіе прошеніе?—Услышано; ибо Самъ Господь милосердія и щедротъ говоритъ: *вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете: и будетъ вамъ* (Марк. 11, 24); а въ комъ сильнѣе могла быть вѣра, какъ не въ святой великомученицѣ, и когда, какъ не въ послѣдній часъ ея подъ мечемъ?—Услышано: ибо сама святая Церковь, отъ древнихъ временъ донынѣ, постоянно усвояетъ ей даръ спасать отъ внезапной смерти; а кто можетъ лучше и вѣрнѣе цѣнить дарованія чудесныя, какъ не святая Церковь, которая сама есть хранительница и раздаятельница дарованій благодатныхъ?—«Но есть ли, спроситъ кто-либо, опытныя доказательства на сіе?»—Есть, возлюбленный, и въ такомъ

числѣ, что самое множество ихъ не позволяетъ намъ разсказать теперь ихъ подробно. Кто желаетъ знать о семъ, тому стоитъ только развернуть жизнь святой великомученицы, при коей помѣщаются сказанія о дивныхъ опытахъ ея защиты отъ внезапной смерти.—Но, зачѣмъ доказательства изъ мертвыхъ книгъ? Обратимся къ живымъ, непререкаемымъ свидѣтелямъ, обратимся ко всему граду, въ коемъ живемъ, обратимся къ цѣлой обители, въ коей теперь находимся. Кто не знаетъ, что губительная язва, въ разныхъ видахъ, не разъ вторгалась во градъ нашъ и производила въ немъ величайшія опустошенія? Но святая обитель, въ коей почиваютъ мощи великомученицы, всегда оставалась цѣлою и невредимою, безъ всякихъ особенныхъ средствъ къ защитѣ. Что это, какъ не всенародный опытъ чудеснаго заступленія свыше?

Послѣ сего намъ остается только пользоваться съ вѣрою и любовію драгоцѣннымъ даромъ великомученицы спасать отъ внезапной смерти. Какъ пользоваться?—Такъ ли, чтобы въ надеждѣ на чудесную защиту ея не брать никакихъ мѣръ предосторожности, не радѣть о своемъ здравіи, позволять себѣ все, что сокращаетъ жизнь и губитъ наши силы? Нѣтъ: это значило бы искушать силу Божію, поставлять святую великомученицу въ необходимость благопріятствовать невоздержной и порочной жизни. Такъ ли, чтобы по надеждѣ на чудесное спасеніе отъ внезапной смерти, отлагать со дня на день свое приготовленіе къ смерти, жить, не думая о концѣ жизни и о томъ отчетѣ, который ожидаетъ всѣхъ насъ за гробомъ?—Нѣтъ, это значило бы явно идти вопреки своего спасенія, злоупотреблять помощію святыхъ Божіихъ человѣковъ, заставлять великомученицу благопріятствовать нераскаянности во грѣхахъ. Всѣ таковые не имѣютъ никакого права на ея помощь. «Въ противномъ случаѣ»,—скажетъ кто-либо,—«зачѣмъ и стужать своими прошеніями великомученицѣ?» Затѣмъ, что при всемъ нашемъ воздержаніи, все еще можетъ быть множество непредвидимыхъ и неотвратимыхъ случаевъ, въ коихъ жизнь наша можетъ подвергнуться смертной опасности. О предохраненіи отъ сихъ-то опасностей мы должны молить великомученицу;—и она, безъ сомнѣнія, предохранитъ или избавитъ насъ отъ нихъ, коль скоро мы будемъ молить ее о томъ съ вѣрою и любовію.

молить для того, чтобы спасаемые ею отъ смерти временной, тѣлесной, могли, чрезъ покаяніе, спасти себя отъ смерти духовной и вѣчной. Аминь.

Слово на день св. великомученицы Варвары.

Что предъ нами? Останки тѣла юной отроковицы, умученнаго, обезглавленнаго, которое лютость мучителей хотѣла бы обратить въ ничто. И вотъ, сіи святые останки, вопреки всѣмъ извѣстнымъ законамъ природы касательно бренности естества человѣческаго, остаются цѣлы и невредимы, и составляютъ предметъ поклоненія для цѣлыхъ странъ и народовъ! Не чудное ли зрѣлище? И давно ли началось такое торжество вѣры и добродѣтели надъ невѣріемъ и тиранствомъ? Десять, двадцать лѣтъ? Нѣтъ, пятьнадесять вѣковъ. Когда подумаешь о семъ, то невольно приходишь въ благоговѣйное изумленіе. Чего не пало и не сокрушилось въ продолженіе сего времени? Гдѣ тѣ идолы, за непоклоненіе коимъ пострадала великомученица? Давно исчезли съ лица земли гакъ, что совершенно неизвѣстны мѣста ихъ стоянія. Гдѣ тѣ безумные властители, кои, ратуя за нечестіе, рѣками проливали кровь невинныхъ послѣдователей вѣры Христовой? И ихъ память погибла съ шумомъ. Все враждовавшее противъ истины истребилось до конца. А истина, а св. вѣра не только сама превозмогла надъ невѣріемъ и нечестіемъ, но и послѣдователей своихъ вознесла превыше всякаго земнаго величія.

Въ самомъ дѣлѣ, какой царь или мудрецъ пріемлетъ по смерти своей въ продолженіе толикихъ вѣковъ такое поклоненіе, какое пріемлетъ св. отроковица, коея нетлѣнные останки предлежатъ взору нашему и составляютъ предметъ настоящаго торжества? Такъ вѣрно и предъ нами сбывается во всей силѣ замѣчаніе древняго мудреца, что *праведныхъ души въ руцѣ Божіей и не прикоснется имъ мука*, что они *непщеваны быша* только *во очію безумныхъ умрети* и только предъ очами міра и плоти *вмѣнися въ озлобленіе исходъ ихъ и еже*

отъ насъ шествіе сокрушеніе: они же сами суть въ мирѣ: ибо предъ лицемъ человѣческимъ аще и муку пріяли, упованіе ихъ безсмертія исполнено. Вмалѣ наказаны бывше, великими благодѣтельствовани будутъ; яко Богъ искуси ихъ, и обрѣте ихъ достойны Себѣ; яко злато въ горнилѣ искуси ихъ, и яко всесожженіе жертвенное пріятъ я. И во время посѣщенія ихъ возсіяютъ; судятъ языкомъ и обладаютъ людьми, и воцарится въ нихъ Господь во вѣки (Прем. Солом. 3. 1—7).

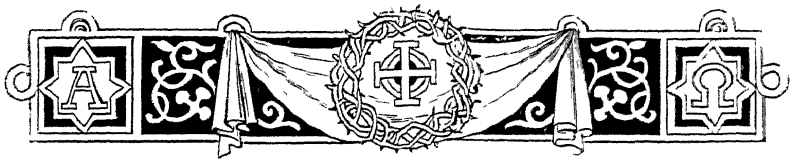
Исходъ св. великомученицы изъ сего міра былъ предъ лицемъ міра съ оскорбленіемъ и безчестіемъ; но это оскорбленіе и безчестіе временныя, а награда и слава вѣчныя. Господь видимо пріялъ Себѣ, яко всесожженіе жертвенное, не только духъ, но и самое тѣло ея, за Него страдавшее, видимо воцарился и въ духѣ и въ плоти ея во вѣки; почему св. останки ея содѣлались не только сами нетлѣнными, но источникомъ нетлѣнія и жизни для всѣхъ, съ вѣрою притекающихъ, дабы всѣ видѣли, какъ Господь вѣнчаетъ славою тѣхъ, кои вѣрны Ему до смерти.

А все это не новое ли побужденіе для всѣхъ насъ хранить твердо вѣру, не мѣнять истины ни на что въ свѣтѣ, не жалѣть, если то нужно, для Бога и спасенія никакой жертвы, самой жизни нашей?

Ибо посмотрите и нынѣ вокругъ себя: что дѣлаетъ человѣка истинно достойнымъ уваженія, что упрочиваетъ миръ и благосостояніе семействъ, что низводитъ благословеніе свыше на цѣлые роды,—не страхъ ли Божій, не усердіе ли къ святой вѣрѣ, не чистота ли нравовъ и жизни? Бываютъ и любящимъ Бога искушенія; ибо кого любитъ Господь, наказуетъ, дабы болѣе очистить и приблизить къ Себѣ. Но сіи искушенія не сокрушаютъ искушаемыхъ, а только усовершаютъ; Господь подаетъ имъ съ искушеніемъ и терпѣніе. Напротивъ, безвѣріе и безчувственность и нынѣ все истощаютъ, ослабляютъ, искореняютъ. Посредствомъ мірской оборотливости таковыхъ людей, часто удается накопить богатства, нахватать честей и отличій, прослыть людьми особенными, взойти такимъ образомъ едва не на верхъ земнаго счастія; но все это во-первыхъ не доставляетъ душѣ и сердцу мира и довольства; во-вторыхъ бываетъ почти всегда не прочно, такъ что съ верху почестей и изобилія упадаютъ въ презрѣніе и нищету; въ-третьихъ, подвергаются нерѣдко таковые еще при

жизни наказаніямъ свыше, что видящіе ихъ признаютъ надъ ними карающій перстъ Божій.

Имѣя въ виду все сіе, братіе, то есть съ одной стороны крестъ добрыхъ, а съ другой непрочное величіе злыхъ, будемъ непреклонны въ добрѣ и непоступны ко злу, не усумнимся отвергнуть выгоду незаконную, памятуя, что она не богатитъ насъ, не усумнимся принести въ жертву истинѣ все, будучи твердо увѣрены, что принесенное въ жертву вѣры будетъ воздано намъ сторицею. Аминь.



СЛОВА, БЕСѢДЫ И РѢЧИ
ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ХРАМОВЪ,
И ЗАЛОЖЕНІИ СВ. И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗДАНІЙ.

Слово на освященіе храма во имя Михаила, перваго митрополита Кіевскаго.

Былъ ли какой-либо храмъ въ раю земномъ? Не было никакого. Будетъ ли храмъ въ раю небесномъ?—Не будетъ.—Зачѣмъ же устроенъ и освященъ храмъ сей? Затѣмъ, что мы всѣ теперь ни въ раю земномъ, ни въ раю небесномъ, а на пути отъ перваго къ послѣднему. На пути не строятъ домовъ, но устрояютъ пристанища; и вотъ мы, по благодати Божіей, устроили нынѣ одно изъ такихъ пристанищъ. Для кого устроили?—Не для тѣхъ, кои не чувствуютъ никакой тоски по отчизнѣ, живутъ въ семъ мірѣ, какъ бы имъ никогда не надобно было идти вонъ, а выходятъ вонъ изъ міра такъ, какъ бы никогда не слѣдовало возвращаться паки на землю живыхъ. Таковымъ на что пристанище?—Они не на пути, они дома, съ ними—все. Нѣтъ, если мы съ такимъ тщаніемъ освятили нынѣ храмъ сей, то святили его въ пристанище и успокоеніе для тебя, душа вѣрующая и взыскующая горняго отечества!—Среди пустыни міра, идя по тернистому пути внѣшнихъ скорбей и внутреннихъ искушеній, подвергаясь нападеніямъ отъ дальнихъ и ближнихъ, ты не разъ принуждена будешь сказать съ Давидомъ: *увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися* (Псал. 119, 5)!—не разъ не найдешь мѣста, гдѣ бы подклонить главу (Матѳ. 8, 20): тогда пріиди сюда, подклони ее здѣсь, у ногъ твоего Спасителя, и ты обрящешь себѣ покой и радость. Иногда умъ твой потребуетъ вразумленія отъ закона Божія: здѣсь

всегда будетъ слышаться глаголъ вѣры, надежды и любве; иногда совѣсть будетъ имѣть нужду въ елеѣ и обязаніяхъ на раны: здѣсь всегда найдешь то и другое; иногда весь внутренній человѣкъ твой придетъ въ изнеможеніе: тогда Тѣло и Кровь Богочеловѣка, здѣсь преподаемыя, послужатъ тебѣ въ укрѣпленіе духа и тѣла. А если, возлюбленный, у тебя отверсты благодатію очеса и ушеса сердца (Ефес. 1. 18), то здѣсь ты можешь увидѣть и услышать то, чего не слышимъ и не видимъ мы сами, слабые служители алтаря; можетъ быть, съ Самуиломъ къ тебѣ прострется гласъ, воззывающій тебя на особенные подвиги во славу Божію и благо ближнихъ; можетъ быть, съ Василіемъ и Григоріемъ будешь свидѣтелемъ того, какъ Духъ Святый видимо нисходитъ на дары, когда мы призываемъ Его для ихъ освященія: подобно Андрею и Епифанію удастся и тебѣ зрѣть на воздусѣ Матерь Господа, со всѣми святыми за ны молящуюся. Не буду болѣе поднимать завѣсу храма: для достойныхъ она поднимается сама собою, а для прочихъ и сего много. Итакъ, души вѣрующія, возблагодарите вмѣстѣ съ нами Господа за освященіе сего храма: се новое пристанище для васъ на пути, новая врачебница на случай болѣзней духовныхъ, новая твердыня противу нападенія враговъ. И чтобы вы не усумнились въ дѣйствительности сего новоявленнаго дома Божія по причинѣ недостоинства насъ, служителей его: то мы указуемъ вамъ въ семъ случаѣ не на насъ, а на великаго угодника Божія Михаила, во имя коего посвященъ храмъ сей. Онъ самъ вамъ порука за дѣйствительность служенія въ семъ храмѣ; онъ самъ приметъ ваши молитвы и вознесетъ ихъ къ престолу благодати, когда мы почему-либо будемъ не въ состояніи сего сдѣлать. Возблагодарите убо съ нами нынѣ Господа!

Къ чему пригласить тѣхъ, кои, не чувствуя тоски по отчизнѣ, ходятъ во храмы не для храмовъ, кои и теперь пришли сюда безъ расположенія къ молитвѣ, а просто, какъ на зрѣлище?—Если бы таковые захотѣли послушать благаго совѣта,—а должны послушать, коль скоро въ ихъ сердцахъ не погасло всякое чувство добра,—то я предложилъ бы имъ обратиться теперь къ Господу съ благодарностію.—За что?—За то, что Онъ, ради ихъ хладности и легкомыслія, не престаетъ вселяться Своею благодатію между нами, и те-

перь благоволилъ видимо приближиться въ семъ храмѣ къ нимъ самимъ. Можетъ быть, и съ ними случится здѣсь то же самое, что бываетъ иногда съ людьми, посѣщающими гостинницы на пути; видя, какъ мимоходящіе спѣшатъ идти куда-либо, и они непримѣтно располагаются идти туда же. Можетъ быть, и ихъ постигнетъ здѣсь благая участь Саулова, такъ что они, подобно ему, пошедши искать заблудшихъ ослятей, найдутъ себѣ царство. Не удивительно, что и самъ міръ съ его благами поможетъ въ семъ святомъ дѣлѣ: онъ любитъ отводить отъ пути истиннаго, но никогда не приведетъ къ цѣли; умѣетъ возбудить жажду, но не можетъ насытить души: все обѣщаетъ, но подъ конецъ, большею частію, самъ все отнимаетъ. Тогда-то, какъ дружба міра покинетъ васъ, какъ здравіе и силы измѣнятъ вамъ, какъ радости и забавы улетятъ, утѣхи и смѣхи отцвѣтутъ, и вы останетесь одни—съ немощами, съ бѣдностію, съ пустотою въ душѣ, съ язвами въ совѣсти,—о, тогда и для васъ кровъ дома Божія покажется раемъ на землѣ, единымъ пристанищемъ, гдѣ вы можете опочить душею, отдохнуть сердцемъ, познать, что и вы еще на пути, что и предъ вами еще—цѣль!

Всѣ убо возблагодаримъ Господа за новое Его снисхожденіе къ намъ въ новоявленномъ домѣ Божіемъ. Но помышляя о семъ снисхожденіи, не забудемъ, братіе, и о нашемъ восхожденіи ко Господу чрезъ сей видимый храмъ Его.—Мы назвали храмъ пристанищемъ; но пристанище не есть домъ и должно напоминать о вѣчномъ жилищѣ; оно устрояется въ обитель покоя, но временнаго, и должно препровождать къ дальнѣйшей дѣятельности.

Итакъ, служители алтаря Господня, по примѣру сего же алтаря, нынѣ нами освященнаго, уготовьте и вы сердца свои, на новый престолъ Господу. Если находящіеся во храмѣ во время священнодѣйствія всѣ тайно образуютъ собою Херувимовъ; то вы, священно-дѣйствующіе, образуете собою тѣхъ изъ Херувимовъ, на коихъ непосредственно почиваетъ и чрезъ коихъ движется слава Божія (Іез. 1. 19). Итакъ помните великое назначеніе свое,—по примѣру великаго Ходатая, быть посредниками между небомъ и землею, возносить моленія о всѣхъ, низносить благословеніе всѣмъ. Пусть никто не отходитъ отсюда не просвѣщенъ, не насыщенъ, не утѣшенъ вами!

Поющіе и чтущіе! *Пойте и читайте разумно* (Псал. 46, 9)! *Да усладится Господу* не одинъ псаломъ (Псал. 103, 34), но и сердце ваше!—Помните, что читаемое и поемое здѣсь читается и поется не для услажденія бреннаго слуха, а для питанія духа безсмертнаго, что вамъ внимаютъ не одни подобные вамъ человѣки, а и Ангелы Божіи, выну пребывающіе въ храмахъ. Слова, исходящія изъ устъ вашихъ, должны быть подобны искрамъ огня серафимскаго для воспламененія душъ и сердецъ любовію къ Господу; и они будутъ таковыми, если сей огнь будетъ пламенѣть въ собственномъ вашемъ сердцѣ.

Предстоящіе и молящіеся! Входите во храмъ съ благоговѣніемъ, отложивъ за прагомъ его всякое земное попеченіе; стойте со страхомъ, какъ стоятъ предъ лицемъ Царя небеснаго; молитесь съ умиленіемъ, какъ прилично молиться ищущимъ помилованія грѣшникамъ. Ибо что же, братіе, всѣ мы, кто бы ни были, какъ не осужденные на смерть преступники закона Божія? Всѣ заслуги наши предъ Творцемъ нашимъ не состоятъ ли въ совершенномъ признаніи Его величія и нашей нечистоты? Всѣ права и всѣ надежды наши не въ одномъ ли безпрекладномъ милосердіи Его? Такимъ ли существамъ искать здѣсь первыхъ мѣстъ, отличаться убранствомъ и нарядами, принимать на себя величавый и презорливый видъ! Здѣсь мѣсто свиданія съ Господомъ и Ангелами, а не съ земными друзьями и знакомыми; тутъ время бесѣдовать въ глубинѣ души съ евангеліемъ и съ совѣстію, а не тѣмъ, кто стоитъ возлѣ тебя.

Требовать ли, наконецъ, какой-либо жертвы отъ васъ, кои ходите въ храмъ не для храма?—Ахъ! отъ васъ-то бы наипаче и надобно требовать ее!—Но что въ состояніи принести вы Господу?—Доколѣ всемощная рука Его не коснется сердца вашего и не сокрушитъ мѣди и желѣза, облегающихъ выю вашу,—принесите въ жертву по крайней мѣрѣ одно то, что вы приносите непрестанно міру—благоприличіе и скромность. Не пріемля здѣсь сами пользы душевной, не будьте по крайней мѣрѣ во вредъ другимъ. Зачѣмъ въ семъ раю принимать на себя образъ змій-искусителей? Если уже Ангелы-хранители ваши должны плакать, то пусть плачутъ о васъ однихъ.

Но, Боже мой, какой совѣтъ принужденъ давать я?—

Такимъ ли языкомъ надлежало говорить съ сего священнаго мѣста?—Но, что дѣлать, когда разсѣянность наша дошла до того, что нѣкоторые готовы домъ молитвы обращать въ вертепъ разбойниковъ! Надобно спасать многихъ, когда не можно спасти всѣхъ.

Впрочемъ, что и всѣ мы безъ благодати Божіей?—Посему, рѣшаясь достойно служить, воспѣвать, предстоять и молиться въ семъ храмѣ, мы всѣ должны обратить паки очи и сердца свои ко Господу, да даруетъ Онъ служителямъ алтаря—духъ служенія, поющимъ и чтущимъ—духъ разумѣнія и назиданія, предстоящимъ и молящимся—духъ страха и умиленія.

Господи и Владыко неба и земли! мы освятили благодатію Твоею храмъ сей въ пристанище душъ нашихъ, но единъ Ты можешь устроить и освятить души наша въ жилище Твое! Самъ убо, Всесвятый, начни и соверши сіе освященіе. Употребляй, молимъ Тя, все, что нужно для сего: омовеніе ли слезами покаянія, или окропленіе росою благодати, куреніе ли отъ огня внутреннихъ испытаній, или біеніе млатомъ внѣшнихъ лишеній и скорбей:—ими же вѣси судьбами, точію освяти и спаси душа наша! Аминь.

Слово на день освященія храма св. великомученика Георгія *).

Помыслихъ дни первыя, и лѣта вѣчная помянухъ, и поучахся,—такъ свидѣтельствуетъ о себѣ богодухновенный пѣвецъ псалмовъ. Если для того, кто избранъ былъ Самимъ Богомъ во всегдашніе наставники царей и народовъ, воспоминаніе о лѣтахъ древнихъ служило поученіемъ, то тѣмъ паче оно можетъ быть вмѣсто наставленія для всѣхъ насъ. И, если когда и гдѣ прилично всѣмъ намъ поучиться отъ воспоминанія лѣтъ древнихъ, то въ сей день и въ этомъ храмѣ. Ибо, обратимъ ли вниманіе на судьбу нынѣшняго празднества и сего храма, или устремимъ взоръ на знаки отличія, украшающіе грудь вашу:—и то и другое воззываетъ мысль нашу

*) Произнесенное 1838 г. ноября 27 дня, въ присутствіи георгіевскихъ кавалеровъ, по случаю кавалерскаго праздника, въ кіевской Георгіевской церкви, созданной на мѣстѣ древней Ярославской, освященіе коей воспоминается въ сей день Церковію.

ко временамъ прежде-бывшимъ. Итакъ, послѣдуя примѣру святаго Давида, займемъ нынѣ наставленіе у прошедшаго, дабы лучше устроить свое будущее.

Достойный сынъ и преемникъ равноапостольнаго Владиміра. Ярославъ Великій приближается къ концу дней своихъ. Многоплодная для Отечества жизнь его уже полна великими дѣяніями: миръ и благоденствіе отечества извнѣ ограждены громкими побѣдами, извнутрь—мудрыми законами; для умовъ, ищущихъ свѣта наукъ, воздвигнуты обители просвѣщенія; для душъ, жаждущихъ озаренія горняго, устроены обители благочестія христіанскаго. Уже и храмъ премудрости Божіей вознесъ къ небу верхи свои, какъ бы въ знакъ того, что на землѣ русской вѣра и просвѣщеніе будутъ дружно вести почитателей своихъ къ единому и тому же небу. Но на душѣ маститаго героя-законодателя лежитъ еще одна святая мысль: воздвигнуть благодарственный памятникъ небесному покровителю своему, великомученику и побѣдоносцу Георгію.— Святымъ что посвящать, кромѣ святаго? и вотъ, по манію Самодержца, начинаетъ воздвигаться храмъ во имя великомученика близъ того мѣста, которое было свидѣтелемъ бѣгства печенѣговъ отъ меча Ярославова изъ-подъ стѣнъ Кіева. Щедро расточаемыя сокровища царскія поощряютъ, охладѣвшее—было, усердіе дѣлателей; храмъ созданъ, украшенъ всѣмъ, чѣмъ тогда богата была Россія и страны чужеземныя; митрополитъ Иларіонъ,—первый изъ сыновъ Отечества, сдѣлавшійся верховнымъ пастыремъ его,—совершаетъ освященіе храма, и въ то же время предназначаетъ его быть мѣстомъ освященія всѣхъ верховныхъ пастырей Церкви Россійской. Небо и земля сорадуются святому торжеству державнаго храмостроителя; и цѣлая Россія пріемлетъ завѣтъ освящать ежегодно воспоминаніе сего дня торжествомъ священнымъ. Таково происхожденіе настоящаго празднества!

Завѣтъ цѣлъ и въ силѣ; но гдѣ предметъ завѣта? гдѣ храмъ, коего великолѣпію дивились и соотечественники и чужестранцы? Ахъ, онъ и двухъ вѣковъ не пережилъ своего державнаго строителя! Тяжелая рука времени, гроза и бури общественныхъ переворотовъ даже развалины его сравняли съ землею, такъ что теперь просвѣщенной любви къ древности предлежитъ отыскать самые слѣды его въ сердцѣ земли.

Таковъ удѣлъ памятниковъ земныхъ!—Что чище и свя-

тѣе, какъ ознаменовать свою благодарность къ Богу и святымъ Его сооруженіемъ въ честь ихъ храма!—Но и сіи дары признательности и любви пріемлются Господомъ отъ рукъ насъ смертныхъ только на время, а потомъ предоставляются власти того же времени. Для чего?—Да вѣдаемъ. *яко Вышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ* (3 Цар. 8. 27), и что единый, вѣчный и неразрушимый храмъ для Него тотъ, который воздвигается Ему въ сердцахъ и душахъ нашихъ.

Чтобы сія поучительная мысль не показалась вамъ, братіе, только случайнымъ примѣненіемъ къ настоящимъ обстоятельствамъ, не отрекитесь взойти со мною вашею мыслію къ самымъ первымъ временамъ человѣчества. Что тамъ? Былъ ли какой-либо храмъ въ раю?—Не было. Почему? Ужели человѣкъ менѣе молился до своего паденія, нежели сколько молится по паденіи. Нѣтъ, тогда вся жизнь его была богослуженіемъ: но, весь чистый, невинный, святый, онъ самъ тогда былъ и жертвою, и священникомъ, и храмомъ; въ трехчастной скиніи существа его, въ тѣлѣ, душѣ и духѣ, было и преддверіе, и святое, и святое святыхъ; здѣсь была и манна, и ковчегъ завѣта, и херувимы. Послѣ сего къ чему бы служилъ тогда храмъ?—Внѣшніе храмы сдѣлались необходимы тогда, когда человѣкъ самъ пересталъ быть храмомъ Божества, и существуютъ не для чего другаго, какъ для того, чтобы человѣкъ, входя въ храмы и видя, что и какъ въ нихъ совершается, научился обновлять свой собственный, внутренній, трехчастный храмъ, для совершенія въ немъ вѣчнаго, непрестающаго богослуженія во славу тріипостаснаго Господа всяческихъ. Посему-то всѣ внѣшніе храмы, со всѣмъ ихъ разнообразіемъ и великолѣпіемъ, существуютъ только на время, доколѣ продолжается возсозданіе падшей скиніи существа человѣческаго, а по совершеніи сего великаго дѣла они должны уступить мѣсто навсегда одному храму внутреннему—въ душахъ и сердцахъ человѣческихъ. *И видѣхъ*, свидѣтельствуетъ тайновидецъ сего величественнаго будущаго, *и видѣхъ небо ново и землю нову, и видѣхъ градъ святый Іерусалимъ новъ, сходящъ съ небесе:* но *храма не видѣхъ въ немъ* (Апок. 21, 1. 10. 22). Гдѣ же онъ?—Въ Богѣ. *Яко Господь Вседержитель храмъ ему есть и Агнецъ.*

Послѣ сего должно ли удивляться, если всепремудрый въ созиданіи спасенія нашего Промыслъ Божій, между прочими

напоминаніями намъ о сей важной истинѣ, заставляетъ свидѣтельствовать о ней предъ нами самые храмы наши—ихъ развалинами! Чѣмъ великолѣпнѣе разрушенное, чѣмъ менѣе остатковъ его; тѣмъ сильнѣе напоминаніе о состояніи нашего внутренняго храма, тѣмъ громче зовъ къ его возстановленію. Посему, встрѣчая развалины храмовъ древнихъ, поспѣшайте, братіе, переноситься мыслями не къ одному началу и исторіи ихъ, а и къ судьбѣ собственнаго внутренняго храма; обращайте вниманіе на вашу душу и сердце, и смотрите, есть ли тамъ хотя столько остатковъ храма, сколько видите ихъ предъ собою; не въ такомъ ли состояніи нашъ храмъ внутренній, что надобно призвать опытныхъ знатоковъ духовной древности и духовнаго зодчества, чтобы открыть самые слѣды, гдѣ стоялъ онъ? Если какой градъ представляетъ часто случаи на упражненіе сей святой любви къ драгоцѣнной древности, то нашъ, столь богатый святыми развалинами.

Се первая часть поученія Давидова—первый урокъ отъ воспоминанія лѣтъ древнихъ храма сего!

Спросимъ теперь: что разрушило храмъ, освященіе коего составляетъ предметъ настоящаго празднества, и не дало намъ насладиться созерцаніемъ его древняго великолѣпія?—Свирѣпость монголовъ, отвѣчаетъ исторія. Свирѣпость монголовъ!.. такъ, но не сія ли свирѣпость многократно сокрушалась потомъ, и, наконецъ, сокрушилась совершенно и навсегда о грудь мужественныхъ сыновъ Церкви и Отечества?—Что же воспрепятствовало ей сокрушиться тогда? Почему россіянинъ, который могъ такъ побѣдоносно возстать изъ-подъ развалинъ Отечества, не могъ устоять и отстоять самой святыни, стоя и защищаясь на твердыняхъ Церкви, еще крѣпкой, высокой, благоукрашенной?—Былъ, былъ еще до нашествія враговъ внѣшнихъ, жестокій врагъ внутренній, который занялъ всѣ входы и исходы земли русской, отнялъ всю силу и свободу у сыновъ ея, оковалъ цѣпями умы и сердца, превратилъ въ нихъ храмы и алтари, и такимъ образомъ сдѣлавъ насъ неспособными защищать Церковь и Отечество, открылъ всюду путь врагамъ внѣшнимъ, отдалъ имъ насъ въ поносное, двухвѣковое рабство. Разгните лѣтописи временъ, предшествовавшихъ нашествію монголовъ: что тамъ? всюду развалины прежней вѣры и любви къ Богу, развалины прежняго единодушія и мира гражданскаго, развалины

прежнихъ благихъ нравовъ и обычаевъ. Итакъ, вотъ что предало насъ въ руки монголовъ!.. Съ нами произошло то, что было съ древними израильтянами: мы забыли Бога отцевъ, наши храмы подверглись участи храма Соломонова!..

Что же должны мы извлечь изъ сего втораго, горькаго воспоминанія лѣтъ древнихъ?—Право осужденія предковъ нашихъ за ихъ недостатки? Всего менѣе! Смиреннымъ перенесеніемъ тяжкой участи своей, горькими слезами раскаянія, добрыми подвигами среди узъ и плѣна, самоотверженіемъ, съ коимъ они спасали потомъ среди потока бѣдствій ковчегъ завѣта—вѣру православную и любовь къ Царямъ своимъ,—всѣмъ симъ они давно искупили предъ судомъ потомства слабости свои; и отходя на небо нерѣдко путемъ мученій, можетъ быть, не разъ низводили потомъ молитвами своими благословеніе Божіе на ряды послѣдующихъ защитниковъ Отечества. Не на предкахъ должны мы останавливаться въ подобныхъ случаяхъ, а на самихъ себѣ. Съ чѣмъ останавливаться? Съ тѣмъ великимъ и важнымъ урокомъ, что внѣшнее благоденствіе Отечества и Церкви зиждется на внутреннемъ христіанскомъ благоустройствѣ сыновъ его; что посему, заботясь объ устроеніи памятниковъ величія и славы Отечества, о созиданіи и украшеніи самыхъ церквей Божіихъ, должно въ то же время еще болѣе прилагать попеченіе о томъ, чтобы внутрь насъ укрѣплялись и возрастали вѣра и добродѣтель, чистота нравовъ и отношеній, праводушіе и безкорыстіе, смиреніе и трудолюбіе. Безъ сего не порука за благоденствіе Отечества—ни многочисленные ряды мужей брани, ни умноженіе обителей наукъ и образованія, ни самое великолѣпіе храмовъ Божіихъ. Ибо Царь неба и земли, какъ не имѣетъ нужды въ жилищѣ, то благоволитъ обитать благодатію Своею въ созданныхъ для Него храмахъ дотолѣ, доколѣ они служатъ въ духовное назиданіе и освященіе для входящихъ и исходящихъ. Въ противномъ случаѣ, и сіи домы молитвы оставляются пусты—и, оставленные такимъ образомъ, предаются запустѣнію. Благо, по крайней мѣрѣ, если оставляются пусты не навсегда; если раскаяніе, исправленіе нравовъ человѣческихъ низводятъ паки на землю и во храмы благодать съ небесъ: тогда,—ибо Господь нашъ многомилостивъ и щедръ,—тогда разрушенное возставляется, и про-

исходитъ новое, сугубое обновленіе храмовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ.

Свидѣтель сей утѣшительнѣйшей истины настоящій храмъ нашъ.—Испытавъ всю свирѣпость разрушенія, всю силу гнѣва Божія, онъ испыталъ, наконецъ, и милость Божію, возсталъ изъ небытія, и содѣлался паки мѣстомъ освященія если не святѣйшихъ, то освящаемыхъ. Правда, въ немъ нѣтъ древняго царственнаго великолѣпія Ярославова: но храмы Божіи великолѣпны не златомъ и сребромъ, а вѣрою и чистымъ усердіемъ. Что же можетъ быть благословеннѣе усердія, воздвигнувшаго храмъ сей?—Небольшое христіанское братство воиновъ, для коихъ самъ проповѣдникъ пустыни Іорданской поставилъ въ добродѣтель—*быть довольными оброки своими* (Лук. 3. 14), умѣло не только оставаться довольнымъ, но отдѣлить часть оброковъ своихъ на сооруженіе сего храма. Не это ли лепты Евангельской вдовицы, драгоцѣнныя предъ Богомъ паче даянія многа (Лук. 21. 4)?—Прости, мудрый и христолюбивый строитель храма древняго, если я—не въ униженіе имени твоего, а въ похвалу христіанскихъ добродѣтелей.—скажу: во истину болѣе Ярослава здѣ!

Если бы и послѣ сего нужно было внѣшнее украшеніе настоящему празднеству, то мы займемъ его отъ васъ, доблїи сыны Отечества, вѣрные подражатели прославляемому нами великомученику!—Благодаря мудрой Монархинѣ, которая подобно Ярославу, умѣя освѣщать величіе земное небеснымъ, соединила воспоминаніе вашихъ подвиговъ съ воспоминаніемъ настоящаго дня, мы, лишенные удовольствія видѣть памятникъ Ярославовъ, имѣемъ утѣшеніе на васъ смотрѣть, какъ на живые памятники славы отечественной. Дерзнемъ ли вопросить: что теперь на сердцѣ у васъ? гдѣ ваша мысль?.. Тамъ, гдѣ вы лицемъ къ лицу встрѣчались со смертію... тамъ, гдѣ вы, въ силѣ вѣры и любви, полагали души за Церковь и Отечество!.. О, не опасайтесь предаваться симъ воспоминаніямъ и здѣсь, предъ престоломъ Царя царствующихъ: ваши подвиги святы, ими купленъ миръ Церкви и Отечества. Если вы не были мучениками Христовыми, подобно празднуемому нами, то подобно ему были побѣдоносцами Христовыми. Но зачѣмъ я лишаю васъ подобающаго вамъ?—нѣтъ, вы были и мучениками,—вашимъ твердымъ изволеніемъ, ибо вы, подобно Исааку, рѣшились быть закланными изъ любви

къ Церкви и Отечеству, и устремлялись на явную смерть. Если мечъ не поразилъ, и огнь не попалилъ жертвы вашей, то виною сего не вы, а мановеніе свыше. Памятуйте же сіе и не берите своей жертвы назадъ, съ престола вѣры и Отечества. Господь извелъ васъ изъ среды, гдѣ вокругъ васъ пали тысячи: Онъ обратилъ для васъ съ своей стороны въ даръ жизнь вашу, Ему принесенную: умѣйте воспользоваться симъ даромъ! Мы не сомнѣваемся, что вы еще сто разъ готовы нести жизнь противъ враговъ внѣшнихъ. Но не забудьте, что есть враги внутренніе,—не тѣ несчастныя жертвы самообольщенія, коихъ ничего не стоитъ побѣждать силою, а трудно только спасать отъ собственнаго ихъ насилія себѣ самимъ.—а тѣ, кои съ нами раждаются, возрастаютъ, живутъ и только съ нами умираютъ—наши страсти! Укрѣпляйтесь на брань и противу сихъ враговъ, не жалѣя для пораженія ихъ самой своей жизни. Молитвы великомученика и крестъ, украшающій грудь вашу, да будутъ для васъ и побужденіемъ къ мужеству, и оружіемъ на брани, и залогомъ побѣды. Аминь.

Слово по освященіи храма *).

Въ память чего празднуетъ нынѣ святая Церковь? Въ память того, что въ нынѣшній день Господь нашъ Іисусъ Христосъ вошелъ нѣкогда съ торжествомъ въ Іерусалимъ, посѣтилъ тамъ храмъ Соломоновъ, изгналъ изъ него торжниковъ, и пріялъ отъ дѣтей еврейскихъ радостное въ честь Его восклицаніе: *осанна Сыну Давидову!*—Одно воспоминаніе о семъ преславномъ событіи составляетъ предметъ торжества для всей Церкви Христовой.

Какъ же послѣ сего, любезныя дѣти, многомилостивъ и щедръ къ вамъ Господь нашъ, когда Онъ даровалъ вамъ счастіе не только воспомянуть нынѣ, вмѣстѣ съ нами, Его торжественный входъ во Іерусалимъ, но и быть свидѣтелями Его нынѣшняго таинственнаго вшествія въ храмъ сей! Ибо, для кого Онъ вошелъ нынѣ такимъ образомъ сюда! Для васъ, кои будете приносить здѣсь молитвы ваши о всѣхъ нуждахъ вашихъ. На сколько времени вошелъ! Не на нѣ-

*) Поизнесенное въ недѣлю Ваій въ Кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

сколько часовъ, какъ входилъ нѣкогда въ храмъ іерусалимскій, а чтобы пребывать здѣсь дотолѣ, пока вы сами не оставите сего мѣста.—Можетъ ли быть милость больше сей милости?

Что же будетъ дѣлать среди васъ—въ семъ храмѣ—Господь нашъ?—Онъ будетъ, любезныя дѣти, дѣлать здѣсь подобное тому, что дѣлалъ, обитая нѣкогда для спасенія нашего на землѣ. Помните ли, что Онъ тогда дѣлалъ? Училъ и наставлялъ; врачевалъ отъ болѣзней тѣлесныхъ и душевныхъ; питалъ и насыщалъ алчущихъ. Подобное тому будетъ дѣлать Господь и здѣсь, въ семъ храмѣ.

Онъ будетъ здѣсь учить и наставлять васъ. Ибо, что такое пророки, евангелисты, апостолы, коихъ вы будете слушать здѣсь? Это уста Христовы. Все, что ни говорятъ они, говорятъ не отъ себя, а отъ Него; Онъ ихъ послалъ учить весь міръ; Онъ имъ далъ Духа Святаго и повелѣлъ говорить намъ одну правду и одну истину для спасенія нашего.

Посему, слушая здѣсь слово Божіе, принимайте его, какъ бы оно выходило изъ устъ Самого Спасителя нашего, который невидимо всегда будетъ Самъ находиться здѣсь между вами;—принимайте потому со всѣмъ вниманіемъ и благоговѣніемъ, стараясь выполнять на самомъ дѣлѣ все, что имъ заповѣдуется. И какъ вамъ не быть внимательными къ слову Божію? Что вы слышите отъ прочихъ наставниковъ, говорящихъ вамъ о земномъ, то, какъ бы ни было хорошо, полезно только на время, до конца этой земной жизни; а что вы будете слышать здѣсь отъ лица Господа, чрезъ священнослужителей Его, то полезно навсегда, пойдетъ съ вами за предѣлы этой жизни, въ самую вѣчность. Какъ вамъ не стараться помнить твердо и исполнять вѣрно слово Божіе! Если не хорошо забыть словъ отца или наставленія матери, то стократъ хуже и непростительнѣе забыть заповѣди Того, Кто создалъ всѣхъ насъ, и въ рукахъ Коего мы, отцы и матери наши. Безъ исполненія на дѣлѣ, слово Божіе послужитъ не къ спасенію, а къ большему осужденію нашему, содѣлывая насъ безотвѣтными и предъ судомъ совѣсти и на будущемъ страшномъ судѣ Христовомъ.

Господь будетъ здѣсь врачевать благодатію Своею души ваши отъ грѣховъ. Возрастъ вашъ, любезныя дѣти, есть возрастъ невинности; вы со всѣхъ сторонъ защищены отъ па-

деній, но не думайте, чтобы потому вы были совершенно безгрѣшны. Кто не подлежитъ искушеніямъ, какъ вы, у того и малый грѣхъ великъ. И развѣ малый ядъ не ядъ? все бѣда и страхъ. Посему для всѣхъ нуженъ божественный Врачъ душъ и сердецъ; и Онъ будетъ являться вамъ въ лицѣ священнослужителя, при таинствѣ исповѣди. Ибо кто мы, чтобы намъ самимъ по себѣ осмѣлиться не только изрекать вамъ прощеніе во грѣхахъ, но и принимать исповѣдываніе въ нихъ? Господь повелѣлъ намъ дѣлать это, и мы дѣлаемъ, о Его имени, Его силою. Потому и сдѣланное такъ твердо: прощенное въ таинствѣ исповѣди, здѣсь на землѣ, прощается и тамъ—на небѣ.

Судите, какъ послѣ сего вамъ надобно будетъ принимать разрѣшеніе во грѣхахъ вашихъ? Надобно принимать съ полною вѣрою въ силу таинства, съ глубочайшимъ смиреніемъ и съ величайшею благодарностію. Но истинная благодарность въ семъ случаѣ одна—не впадать болѣе въ тѣ грѣхи, въ коихъ разъ получили прощеніе,—удаляться всего, что ведетъ къ нимъ. Если и предъ земнымъ начальникомъ стыдно показаться, сдѣлавъ опять то же преступленіе, въ коемъ онъ разъ уже, тѣмъ паче если нѣсколько разъ простилъ намъ: тѣмъ стыднѣе придти опять въ храмъ, и явиться предъ лице Божіе, съ прежними грѣхами.

Итакъ, любезныя дѣти, старайтесь всѣми силами сохранять чистоту нравовъ; берегитесь не только худыхъ дѣлъ, но и худыхъ словъ и худыхъ мыслей. Мысли въ душѣ, какъ воздухъ въ комнатѣ: самая разукрашенная комната, если воздухъ въ ней худъ, не хороша для житья; такъ и душа самая образованная въ наукахъ, если есть въ ней худыя мысли, непріятна Богу и людямъ.

Господь будетъ еще здѣсь чудесно питать васъ. Уже самое слово Божіе есть пища для души. Но Господь сдѣлаетъ для васъ болѣе: Онъ будетъ питать васъ тѣмъ, чѣмъ не питали васъ отцы и матери ваши—Тѣломъ и Кровію Своею. Скажете, какъ можно дать свое тѣло и кровь въ пищу? Человѣку сдѣлать нельзя, но Богочеловѣку—можно. Спросите, для чего такое чудесное питаніе? Для того, что все прочее питаніе наше питаетъ насъ на-время, одно тѣло, а души не можетъ питать, а Тѣло и Кровь Господа насыщаютъ самую душу, на цѣлую вѣчность. Насыщаютъ и врачуютъ, врачуютъ не

одну язву, а все существо наше—отъ того яда, которымъ мы заразились еще въ раю отъ змія, чрезъ вкушеніе отъ плода запрещеннаго.

Но, любезныя дѣти, питаясь здѣсь такимъ божественнымъ, всецѣлительнымъ брашномъ, надобно помнить, что принимающій его обязанъ наблюдать строжайшее воздержаніе во всемъ; всякая неумѣренность, всякій безразсудный порывъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, будетъ ли состоять онъ изъ гнѣва, зависти, непослушанія, лѣности, или разсѣянности,—ослабляетъ силу пренебеснаго врачевства.

Вотъ, любезныя дѣти, что будетъ дѣлать для васъ здѣсь милосердый Господь, и что надобно для Него дѣлать вамъ!

Когда вы будете внимательны къ словамъ Господа, будете слушать и исполнять Его повелѣнія, будете соединяться съ Нимъ вѣрою, надеждою и любовію, то Онъ не остановится на томъ, что уже сдѣлалъ для васъ, не останется въ семъ храмѣ; нѣтъ, Онъ перейдетъ на обитаніе въ самыя души и сердца ваши. Ибо душа человѣческая сама, по природѣ своей, должна быть храмомъ Божіимъ и жилищемъ Пресвятаго Духа, и, если не есть такою, то по причинѣ своего паденія и нечистоты. Самые храмы внѣшніе созидаются и освящаются не для чего другаго, какъ для напоминанія человѣку о возобновленіи и освященіи его храма внутренняго, и для содѣйствія къ тому.

Итакъ, по совершеніи молитвъ въ семъ храмѣ, выходя изъ него, спрашивайте, хотя изрѣдка, одна другую: о если бы, любезная сестра, намъ всегда быть храмами Святаго Духа! Аминь.

Слово при освященіи церкви

ПРИ ВОЛОГОДСКОМЪ АРХІЕРЕЙСКОМЪ ДОМѢ, ВО ИМЯ ВСѢХЪ УГОДНИКОВЪ ВОЛОГОДСКИХЪ.

Отъ молитвъ и пѣснопѣній время прейти къ собесѣдованію и слову: но сердце мое прежде всякаго слова обращаетъ меня паки къ молитвѣ. Чувствую нужду благодарить и молить. Кого? Тебя, Существо трiипостасное, Боже Отче, Сыне и Душе Святый, Тебя, отъ Коего нисходитъ всякое даяніе

благо и всякъ даръ совершенъ, безъ Коего мы сами по себѣ не можемъ и помыслить, тѣмъ паче совершить что-либо добраго. Отъ Тебя низошла къ намъ мысль—устроить сей домъ молитвы; Твоею благодатію воодушевлялись мы въ преподоланіи трудностей сего святого дѣла; Твоимъ вседержавнымъ именемъ положена нынѣ на немъ и печать освященія: Тебѣ убо единому подобаетъ за сіе слава, честь и благодареніе!— Призри съ высоты святыя славы Своея, и даруй, да всѣ входящіе во храмъ сей исходятъ изъ него со освященіемъ души и тѣла! Да счастливые обрѣтаютъ здѣсь побужденіе употреблять дары счастія въ славу Твою и благо ближнихъ: да несчастные износятъ отсюда утѣшеніе и силы къ благодушному несенію креста своего; да кающійся грѣшникъ слышитъ здѣсь гласъ помилованія, а нераскаянный да объемлется здѣсь спасительнымъ предчувствіемъ суда будущаго и мукъ вѣчныхъ; да всякъ просяй здѣсь пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ! О семъ молимъ Твою благость днесь, и будемъ молить выну, доколѣ вседержавной волѣ Твоей угодно будетъ внимать здѣсь нашимъ слабымъ молитвамъ.

Пріимите храмъ сей подъ молитвенный покровъ вашъ и вы, святые угодники и чудотворцы вологодскіе, имени коихъ посвященъ онъ! Мы твердо вѣруемъ, что духъ вашъ молитвенно носится надъ всею страною нашею, что всякъ обращающійся къ вамъ съ молитвою, гдѣ бы ни былъ, находитъ у васъ благовременную помощь: но намъ хотѣлось имѣть видимое, постоянное мѣсто, гдѣ бы мы могли обращаться ко всѣмъ вамъ въ молитвѣ, и обрѣтать васъ вкупѣ. Гдѣ же быть сему мѣсту, какъ не здѣсь, откуда, посредствомъ іерархическаго священнодѣйствія, исходитъ освященіе на всю страну нашу? Не оставляйте же, угодники Божіи, сего дома молитвы вашимъ невидимымъ присутствіемъ; предстойте сами на стражѣ духовнаго вертограда вологодскаго; очищайте, дополняйте, воодушевляйте наши хладныя молитвы вашимъ огнемъ серафимскимъ, да возможемъ священнотайнѣ низводить здѣсь благодать освященія на тѣхъ, кои должны потомъ освящать таинствами всѣхъ и каждаго.

Обращаясь отъ всей молитвы къ собесѣдованію съ вами, братіе, я прежде всего долженъ подѣлиться съ вами чувствомъ духовной радости. Итакъ мы будемъ отселѣ имѣть храмъ во имя всѣхъ святыхъ молитвенниковъ и предстателей страны

нашей. Кто изъ насъ, въ день памяти каждаго изъ нихъ, не желалъ бы стоять и молиться у самыхъ святыхъ мощей угодника Божія? Но это невозможно. Въ замѣнъ сего, мы будемъ имѣть теперь возможность собираться въ сіи дни здѣсь, составлять въ честь каждаго праведника духовное празднество и такимъ образомъ поддерживать духовный союзъ нашъ съ ними. Мысль сія радуетъ мое сердце, и, безъ сомнѣнія обрадуетъ каждаго, кто вѣруетъ въ силу молитвеннаго ходатайства о насъ святыхъ Божіихъ.

И какъ не вѣровать въ сіе? Не таковъ ли вообще порядокъ вещей и на землѣ, между нами, что совершенный возрастомъ служитъ опорою для малолѣтняго, мудрый и опытный для недальновиднаго и незнающаго, богатый для бѣднаго, сильный и могущественный для слабаго и малозначительнаго? Что же всѣ мы въ отношеніи къ небожителямъ, какъ не дѣти малолѣтнія, какъ не существа недальновидныя, немощныя, всенуждающіяся? На что, съ другой стороны, употреблять и имъ свое духовное богатство, силу, мудрость, какъ не на помощь намъ, земнымъ братіямъ ихъ? Тѣмъ паче, когда сіе входитъ въ планъ міроправленія божественнаго, по коему всѣ существа разумныя, на землѣ и на небѣ, составляютъ единое семейство Отца небеснаго, гдѣ старшіе должны помогать и служить младшимъ, доколѣ всѣ не придутъ въ мѣру возраста чадъ Божіихъ. Въ силу сего закона любви самые Ангелы, по свидѣтельству святаго Павла, всѣ суть *служебные духи, въ служеніе посылаемые за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1, 14); въ силу сего же закона и святые Божіи, сіи новые ангелы, всѣ суть нашими наставниками, защитниками и хранителями. Въ сію высокую должность, какъ свидѣтельствуетъ слово Божіе, они вступаютъ еще въ продолженіе жизни своей, обложенные немощною плотію. Такъ, Авраамъ ходатайствуетъ за грады, уже осужденные правосудіемъ небеснымъ за казнь; и Господь благоутробно внемлетъ его ходатайству, и обѣщаетъ перемѣнить грозное опредѣленіе, если въ осужденныхъ градахъ обрящется десять праведниковъ. Моусей дѣлаетъ еще болѣе: дерзаетъ одинъ стать за цѣлый народъ, осужденный на истребленіе, кладетъ на вѣсы милосердія, въ цѣну избавленія, — собственное вѣчное спасеніе; и что же? Народъ спасенъ, даже ущедренъ новыми милостями. Кто спасъ и въ

нашей странѣ цѣлый градъ, и отвратилъ каменную тучу надъ нимъ висѣвшую? не одинъ ли праведникъ — святой Прокопій Устюжскій? Если одинъ могъ сдѣлать столь великое чудо, то чего не въ состояніи сдѣлать всѣ предстатели страны нашей? И если они такъ сильны были на землѣ, то какой помощи нельзя ожидать отъ нихъ съ неба? И се. они всѣ теперь здѣсь, съ нами. каждый съ своею молитвою, каждый съ своимъ благословеніемъ, каждый съ примѣромъ своей жизни! Сія мысль радуетъ мое сердце, веселитъ духъ. заставляетъ благодарить и славить.

Но, братіе мои, радуясь такимъ образомъ, и праведно, о внѣшнемъ приближеніи нашемъ къ святымъ покровителямъ страны нашей, не забудемъ при семъ, что сіе приближеніе. безъ поддержанія и укрѣпленія внутренняго союза съ ними въ духѣ, нравахъ и жизни, не приблизитъ ни ихъ къ намъ. ни насъ къ нимъ. Древній Израиль, подобно намъ, уповалъ нѣкогда на молитвы и заступленіе предъ Богомъ святыхъ праотцевъ своихъ. И дѣйствительно, доколѣ народъ израильскій старался быть достойнымъ ихъ святаго покровительства. усиливался ходить по чистымъ и святымъ стопамъ ихъ. дотолѣ, не смотря на всѣ слабости и недостатки свои, пользовался особенною милостію Божіею. Но когда, по надеждѣ на заступленіе святыхъ праотцевъ, народъ израильскій уснулъ сномъ грѣха и нераскаянности, то Вышній отвратилъ отъ него лице Свое, и, чтобы Израиль не продолжалъ обольщаться ложною надеждою, громко устами одного изъ пророковъ изрекъ ему: *аще станутъ Моисей и Самуилъ предъ лицемъ Моимъ, нѣсть душа Моя къ людемъ симъ* (Іерем. 15, 1). То же можетъ быть и съ нами, если мы. въ надеждѣ на видимую близость къ намъ святыхъ, дерзнемъ предаваться безпечности и нерадѣть объ освященіи себя вѣрою живою и дѣлами благими. Святый святыхъ не услышитъ молитву самыхъ святыхъ о грѣшникахъ нераскаянныхъ. Дерзнутъ ли ходатайствовать о таковыхъ самые праведники? Если и на землѣ, между нами, никто не пріемлетъ на себя ходатайства о человѣкѣ неисправимомъ, кольми паче на небѣ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть никакого лицепріятія. Если святые, по преизбытку любви небесной, и будутъ продолжать молить у престола благодати о таковомъ грѣшникѣ, то конечно не о томъ. чтобы

все спѣялось въ руку его, а о томъ, чтобы, для возбужденія отъ смертнаго сна грѣховнаго, возгремѣлъ надъ нимъ громъ небесный.

Приходя убо, съ освященіемъ храма сего, въ ближайшій видимый союзъ съ святыми покровителями страны нашей, возревнуемъ объ укрѣпленіи и расширеніи невидимаго духовнаго союза съ ними. А для сего будемъ подражать ихъ жизни и подвигамъ. Соборъ ихъ такъ, благодатію Божіею, великъ и разнообразенъ, что всякое состояніе имѣетъ въ нихъ для себя образецъ, по роду и виду своему. Желаютъ ли пастыри и учители духовные видѣть, какъ должно предстоять стаду Христову, какъ совершать священнодѣйствіе слова и таинствъ, какъ право править слово истины?—Се предъ вами святые Стефанъ, Питиримъ и Антоній, положившіе за евангеліе самую душу свою. Нуженъ ли для мудрыхъ образецъ, какъ не ослѣпляться блескомъ мудрости земной, какъ буйство креста Христова ставить выше всѣхъ мірскихъ познаній? Се предъ нами святый Прокопій Устюжскій, святый Андрей Тотемскій, кои до того простерлись въ исполненіи заповѣди самоотверженія, что всю жизнь были буіими Христа ради. Святые благовѣрные князи Іоасафъ и Игнатій покажутъ сильнымъ и богатымъ, какъ не полагаться на богатство погибающее, на силу и могущество сокрушающіяся, какъ умѣть вмѣнять вся въ уметы—и славу и богатство, чтобы пріобрѣсти и не потерять Христа. Святые Корнилій Комельскій, Діонисій Глушицкій, Ѳеодосій Тотемскій, съ соборомъ преподобныхъ, ожидаютъ только желанія и охоты отъ тѣхъ, кои посвятили себя житію иноческому, чтобы руководить ихъ и примѣромъ и молитвами своими по узкому пути жизни пустынническої.

Имуще убо, заключимъ словами Апостола, *облежащъ насъ толикъ облакъ свидѣтелей,* и непрестанно орошаемы изъ сего облака росою благословеній небесныхъ, *терпѣніемъ да тецемъ на предлежащій* всѣмъ намъ *подвигъ спасенія, взирающе* непрестанно на Самого *Начальника вѣры и Совершителя спасенія нашего, Господа Іисуса* (Евр. 12, 1). Аминь.

Слово по освященіи новаго кладбищенскаго храма,

что на холодной горѣ, во имя всѣхъ святыхъ *).

Исшедъ нынѣ на мѣсто сіе для собесѣдованія съ вами, братіе мои, по случаю освященія храма сего, вполнѣ чувствуемъ, что мы находимся теперь не только посреди живыхъ, но болѣе, думаю, гораздо болѣе умершихъ. Къ кому первѣе обратиться намъ съ словомъ, къ живымъ или мертвымъ?— Съ живыми нерѣдко доводиться намъ бесѣдовать въ другихъ мѣстахъ; а съ мертвыми, здѣ почивающими, мы видимся такимъ образомъ, какъ нынѣ, еще въ первый разъ. Самый храмъ сей, теперь освященный, болѣе для мертвыхъ, нежели для живыхъ, у коихъ есть не мало другихъ храмовъ. Итакъ, поелику нынѣшнее торжество и радость принадлежатъ преимущественно умершимъ, то къ нимъ первымъ обратится и слово наше. Да содѣлаетъ Господь, чтобы оно, обращенное и къ умершимъ, было не мертво, а живо силою и дѣйствіемъ Того, предъ Коимъ нѣтъ мертвыхъ, а всѣ живы!

Что же мы скажемъ нынѣ усопшимъ братіямъ нашимъ, здѣ почивающимъ и, какъ мнится, здѣ теперь присутствующимъ? Живымъ мы говоримъ—вѣруйте и уповайте: они отъ вѣры и упованія прешли уже къ видѣнію и зрятъ теперь предъ собою то, чего мы еще только надѣемся. Живымъ мы говоримъ — покайтесь и сотворите плоды, достойны покаянія: для нихъ время, данное на покаяніе, кончилось, и предначались судъ и воздаяніе. Живымъ мы говоримъ—памятуйте вашъ часъ послѣдній и приготовляйтесь къ переходу въ вѣчность: они уже прошли посредѣ сѣни смертной и вышли на онъ-полъ бытія.

Но, усопшіе братія и сестры о Христѣ, ужели ваше нынѣшнее бытіе состоитъ изъ единаго бездѣйствія! — Жизнь разумной и богоподобной души есть чувство, мысль и желаніе; а гдѣ мысль и желаніе, тамъ и дѣйствіе духовное. Итакъ, мыслите, чувствуйте и желайте сообразно тѣмъ молитвамъ, кои возноситъ о васъ святая Церковь: усвояйте себѣ, сколько можете, тѣ блага, кои она испрашиваетъ для васъ; ибо она не можетъ испрашивать для васъ невозмож-

*) Сказанное ноября 1-го дня, 1844 года.

наго. Се храмъ всѣхъ святыхъ, для васъ сооруженный! избирайте, кого угодно, изъ нихъ въ заступники и руководители для себя: по волѣ всемилосердаго Господа, ни единъ изъ нихъ не отречется оказать благовременную помощь только-бъ была въ васъ способность пріять ее. Для сего не попускайте угасать въ себѣ дару благодати, преподанному вамъ въ святыхъ таинствахъ Церкви, при исходѣ вашемъ отъ насъ. Стекайтесь вкупѣ у сего престола благодати, утвержденнаго среди мрачныхъ жилищъ; питайтесь словомъ Божіимъ и пѣснопѣніями церковными, кои будутъ неоскудно возглашаться здѣсь; освящайтесь кровію завѣта вѣчнаго, которая будетъ изливаться здѣсь во искупленіе грѣховъ всего міра; парите вмѣстѣ съ ѳиміамомъ на крылахъ молитвъ церковныхъ горѣ—къ сонму *духовъ праведныхъ совершенныхъ* (Евр. 12, 23). Болѣе сего, что нынѣ съ освященіемъ храма сего сдѣлано для васъ, ничего не могла сдѣлать любовь къ вамъ братій и сродниковъ вашихъ, здѣ оставшихся. Употребляйте убо во благо свое, какъ знаете и можете, сдѣланное для васъ: и, если кто изъ васъ имѣетъ дерзновеніе ко Господу, то не оставляйте возносить мольбу за боголюбивыхъ создателей храма сего, да обрѣтутъ они у Него благодать и милость.

Хотя мы обращались доселѣ къ умершимъ, но уповаемъ, что сказанное къ нимъ не будетъ безполезно и для насъ живыхъ. Ибо умершимъ не быть уже, подобно намъ, живыми на землѣ сей; а намъ всѣмъ неминуемо предлежитъ содѣлаться, подобно имъ, мертвыми. Заранѣе посему, еще въ жизни сей, надобно узнавать о всемъ томъ, что можетъ служить намъ на пользу — по смерти, и узнавая, стараться о пріобрѣтеніи того. Посему-то намѣреваясь теперь побесѣдовать и съ вами, братіе, живыми, не знаемъ, какъ лучше говорить съ вами, какъ еще съ живыми, или уже какъ съ умершими. Ибо долго ли намъ оставаться въ живыхъ? А посреди мертвыхъ надобно будетъ почивать долго, долго. Впрочемъ, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь есть средина: будемъ говорить съ вами, какъ съ живущими еще, но скоро имѣющими умереть, какъ съ существами, находящимися во времени, но предъ коими—вѣчность!

Предъ нами—вѣчность!.. Ахъ, братіе мои, обращали-ль вы когда-либо къ самимъ себѣ сіи грозныя и потрясающія

душу слова, и размышлялъ-ль когда-либо о семъ важномъ предметѣ?.. Мысль о вѣчности всегда производила великое дѣйствіе: она воодушевляла мучениковъ и дѣлала для нихъ не страшными самыя лютыя страданія: она затворяла въ пустыни подвижниковъ и доводила ихъ до подвиговъ самоотверженія не человѣческаго; она останавливала даже закоренѣлыхъ грѣшниковъ на пути беззаконія и подавала имъ мужество сразиться съ своими страстями. Чего бы размышленіе о вѣчности не могло произвести и надъ нами, если бы мы, внимая спасенію души своея, хотя по временамъ, умѣли ему предаваться, какъ должно!

Намъ предстоитъ вѣчность! Итакъ, все временное, какъ бы оно ни казалось важнымъ, есть яко ничто въ сравненіи съ вѣчностію. Слава, чести, достоинства, титулы и отличія—ничто; ибо они въ часъ смерти спадутъ съ насъ, какъ падаютъ теперь листья съ деревъ. Много ли ихъ было на деревѣ, или мало, все равно—дерево голо.—Богатство, стяжанія, домы, вертограды—ничто: ибо изъ всего этого ничего не пойдетъ за нами—въ вѣчность, все достанется другимъ, можетъ быть, даже врагамъ нашимъ, и употребится противъ нашихъ желаній и намѣреній. Самыя горести и бѣдствія, отъ коихъ мы въ этой жизни плакали, роптали, не знали, гдѣ найти мѣста—ничто; ибо въ часъ смерти они явятся, якоже небывшія.

Намъ предстоитъ вѣчность! Убо существенно важно для меня одно то, что можетъ прейти со мною въ другой міръ. Пусть что-либо не имѣетъ никакой важности для временнаго пребыванія моего на землѣ, пусть даже вредитъ ему; но если оно окажетъ для меня благотворное дѣйствіе въ вѣчности, то я буду дорожить имъ, какъ сокровищемъ, употреблю на пріобрѣтеніе его всѣ силы и средства.

Намъ предстоитъ вѣчность! Итакъ, чистое безуміе было бы, забывая вѣчное, предаваться временному и тлѣнному. Подобное же безуміе было бы не употреблять временнаго для пріобрѣтенія вѣчнаго, коль скоро можно дѣлать это. Нѣтъ, что ни буду я дѣлать на землѣ, никогда не буду дѣлать для одной земли, а всегда буду имѣть въ виду небо и вѣчность. Срѣтитъ ли меня счастіе,—я воспользуюсь дарами его для служенія Богу и человѣчеству, для искупленія грѣховъ моихъ дѣлами состраданія и помощи бѣдствующимъ собратіямъ мо-

имъ. Постигнутъ ли меня искушенія,—я пренесу ихъ въ духѣ смиренія и преданности, обращая скорбь и слезы мои на пользу душѣ моей.

Предъ нами вѣчность! Что же ты, богачъ, безпечно дремлешь на ложѣ своемъ, говоришь безумно душѣ своей: «яждь, пій и веселися», и не спѣшишь на помощь Лазарю, который, можетъ быть, одинъ только будетъ въ состояніи устудить языкъ твой, когда ты будешь объятъ пламенемъ геенскимъ?

Предъ нами вѣчность! Что же ты, мудрецъ, считаешь камни и травы, чертишь числа и фигуры, взвѣшиваешь и разлагаешь стихіи, а не помыслишь, какая стихія ожидаетъ тебя по ту сторону гроба, изъ какихъ фигуръ состоитъ образъ нравственнаго бытія твоего, какое число, агнчее или звѣрино, начертано незримо на челѣ твоемъ?

Предъ нами вѣчность! Что же ты, жестокій властелинъ, томишь безпощадно подручныхъ твоихъ, кои, не находя защиты противъ тебя на землѣ, давно уже перенесли дѣло свое на небо и готовятся предстать съ тобою на страшный судъ Божій!

Одно могло бы успокоивать насъ при мысли о вѣчности:—если бы все равно было, какъ ни вступить во врата ея, съ душею и совѣстію чистою, или обремененною неправдами и грѣхопаденіями. Но можно ли думать такимъ образомъ? Какъ! Для тебя, какъ отца, противенъ сынъ непокорный и развратный, и ты готовъ лишить его наслѣдства: а Отецъ небесный, Коего святость неизмѣнна, будетъ безъ разбора принимать въ объятія Свои сыновъ погибельныхъ и нераскаянныхъ? Для тебя, какъ властелина, нестерпимъ слуга невѣрный, составлявшій ковы на твою жизнь, а Владыка небесный растворитъ чертогъ Свой для грѣшника ожесточеннаго, который не хочетъ знать Его святыхъ законовъ, коему его страсти и самолюбіе суть вмѣсто всякаго божества? Нѣтъ, если мы, зли суще и нечисты, не можемъ терпѣть въ другихъ беззаконій и неправдъ: то Тотъ, Иже есть по существу истина и правда, чистота и святость, тѣмъ паче не можетъ быть едино съ грѣшникомъ. *Не преселится къ Тебѣ, Господи, всякъ лукавнуяй* (Псал. 5, 5)! И если бы Ты, по преизбытку милосердія Твоего, допустилъ его къ Себѣ; то онъ самъ, за лукавство и нечистоту свою, исчезъ бы отъ неприступ-

ной славы Твоего лица, ибо *Ты еси огнь, поядаяй* беззаконныя (Евр. 12. 29).

А когда такъ, то что значитъ наше невниманіе къ вѣчности, насъ ожидающей, и наше нерадѣніе о приготовленіи себя къ ней? Значитъ, что мы потеряли вовсе изъ виду наше предназначеніе, и прахъ суетъ земныхъ до того ослѣпилъ душевныя очи наши, что мы не видимъ бездны, въ которую стремимся!

Возбудимся же отъ сего пагубнаго нечувствія! *Довлѣетъ*, скажемъ словами Апостола Петра, довлѣетъ намъ всѣмъ *минувшее время житія, волю языческую* грѣховную *творившимъ, хождшимъ въ нечистотахъ, въ похотехъ, въ піянствѣ, въ козлогласованіяхъ, въ лихоиманіи* и прочихъ мерзостяхъ грѣховныхъ (1 Петр. 4, 3). Довольно мы служили и работали безгоднѣ міру суетному; время послужить и поработать Богу и Спасителю нашему. Довольно погубили мы талантовъ, намъ данныхъ, на причиненіе вреда душѣ и совѣсти своей: часъ уже начать и думать о покаяніи и возвращеніи въ домъ отеческій. Пойдемъ же съ праздника нынѣшняго въ домы свои съ тѣмъ, чтобы не жить такъ, какъ жили или паче убивали себя прежде; пойдемъ и начнемъ, при помощи Божіей, устраивать вѣчный храмъ души своей, который теперь лежитъ въ развалинахъ, дабы, когда придетъ время явиться сюда и остаться здѣсь навсегда—близъ храма сего, мы обрѣли здѣсь мѣсто покоища, подобающаго тѣмъ, кои добрѣ потрудились до времени для вѣчности, а не мѣсто печали и воздыханія, ожидающее грѣшниковъ нераскаянныхъ. Аминь.

Слово при освященіи придѣла *).

Что, если бы почивающимъ окрестъ храма сего усопшимъ братіямъ нашимъ дано было въ нынѣшній день возстать изъ гробовъ своихъ, придти сюда и начать бесѣду съ нами, что, думаете вы, сказали бы они теперь намъ? Изъявили бы благодарность за попеченіе наше о семъ храмѣ? Безъ сомнѣнія; ибо храмъ сей еще важнѣе для нихъ, нежели для

*) Сказанное въ кладбищенской, что на Холодной горѣ, церкви, ноября 1 дня, 1845 года.

насъ, кои положили на него столько труда и заботъ; важнѣе не потому, чтобы не былъ важенъ и для насъ, а потому, что они гораздо способнѣе насъ чувствовать всю его нужду и важность. О, смерть великій учитель!... Она научаетъ многому, чему ни у кого не научишься на землѣ, и первѣе всего тому, чтобы дорожить вѣрою и добродѣтелію. Посему я увѣренъ, что усопшіе, начавъ бесѣду съ нами, первѣе всего изрекли бы намъ слѣдующее: благодаримъ васъ за храмъ сей! это наилучшій даръ для всѣхъ насъ! Отселѣ мы будемъ имѣть здѣсь пристанище необуреваемое; отселѣ и могилы наши будутъ мирнѣе и бренныя тѣлеса наши спокойнѣе начнутъ возлежать въ нѣдрѣ общей матери—земли.

Но, въ слѣдъ за симъ усопшіе сказали бы намъ, вѣроятно, и слѣдующее: братія и друзи! поелику вы печетесь о спасеніи душъ нашихъ, то примите въ благодарность за сіе и отъ насъ наставленіе. Вѣдайте, что земная жизнь ваша минетъ скоро, и окажется потомъ, яко сонъ мимошедшій: вѣдайте, что всѣ успѣхи ваши въ дѣлахъ земныхъ и житейскихъ, коль скоро они не растворены духомъ вѣры и любви Христовой, суть ничто для вѣчности; вѣдайте, что здѣсь, гдѣ теперь мы, и гдѣ скоро будете и вы, цѣнится единая добродѣтель и чистота сердца, а все прочее, вами столь высоко цѣнимое—ваша мудрость стихійная, ваше богатство погибающее, ваша исчезающая слава,—ничего не значатъ; вѣдайте, наконецъ, что если вы не успѣете омыть грѣховъ вашихъ слезами покаянія, то васъ ожидаетъ здѣсь такое горе, коему въ вашемъ мірѣ нѣтъ и подобія.

Вотъ что, вѣроятно, рекли бы намъ усопшіе братія наши, если бы дано было имъ въ семъ храмѣ провѣщать къ намъ теперь!

Почему же, спроситъ кто-либо, не явится никто изъ нихъ для преподанія намъ урока правды и истины? Потому, возлюбленные, что мы, какъ сказано въ Евангеліи, имѣемъ Моисея и пророковъ, да послушаемъ ихъ, а если не захотимъ слушать Моисея и пророковъ, то хотя бы кто возсталъ и изъ мертвыхъ, не возымѣемъ вѣры.

Вещь крайне странная—не повѣрить воскресшему изъ мертвыхъ; но, когда Самъ Духъ Святый утверждаетъ это въ Евангеліи, то вѣрно такъ и было бы; ибо Онъ знаетъ насъ

болѣе и лучше, нежели мы сами. Впрочемъ, вообразимъ, что какой-либо мертвецъ явился предъ нами: думаете ли, что всѣ бы тотчасъ признали его за того, кто онъ есть? Многіе, вѣроятно, тотчасъ сказали бы—это не онъ, а только сходный съ нимъ. Такъ точно было съ слѣпорожденнымъ, коего исцѣлилъ Спаситель, хотя онъ былъ и не мертвецъ воскресшій, а живой: *овіи глаголаху, яко сей есть: иніи же глаголаху, яко подобенъ ему есть* (Іоан. 9, 9). Тѣмъ паче сказали бы такъ послѣдніе о воскресшемъ изъ мертвыхъ. И тѣ самые, кои повѣрили бы сначала, думаете ли, что долго остались бы при своей вѣрѣ? Прошла бы недѣля, мѣсяцъ: и вѣровавшіе прежде начали бы думать: да точно ли я видѣлъ умершаго? Не подлогъ ли это былъ какой? Такъ подумалъ бы не одинъ изъ видѣвшихъ воскресшаго; и въ первый разъ, вѣроятно, прогналъ бы отъ себя подобную мысль; а въ другой, еще чрезъ недѣлю, еще чрезъ мѣсяцъ, уже безъ затрудненія остановился бы на ней, а потомъ началъ бы думать и говорить: это было что-то необыкновенное и странное, но что же такое, Богъ вѣсть! нельзя отвергать, но нельзя и утверждать за вѣрное: ибо мало ли разсказываютъ подобнаго?

Такъ было бы и съ видѣвшими: что же съ невидѣвшими? При первомъ слухѣ о томъ, многіе тотчасъ стали бы противъ и огласили бы разсказывающихъ мечтателями, людьми не свѣдущими, не стоящими довѣрія уже потому, что они разсказываютъ подобное.

Вообразимъ даже, что воскресшій явился бы предъ судей, подобно какъ слѣпорожденный въ Евангеліи. Чѣмъ доказать, что онъ точно воскресъ изъ мертвыхъ? Сходствомъ съ умершимъ и погребеннымъ? Но развѣ не бываетъ двухъ людей, совершенно похожихъ одинъ на другаго?—Разсказомъ объ обстоятельствахъ своей жизни? Но ихъ можно узнать и усвоить себѣ, хотя бы они были и чужія. Отсутствіемъ тѣла умершаго изъ его гроба? А развѣ оно, скажутъ, не могло быть взято и сокрыто кѣмъ-либо? Повѣствованіемъ о томъ, что происходитъ и совершается въ другомъ мірѣ? Но повѣствуемое само потребуетъ подтвержденія, и чѣмъ подтвердить его?

Видите, какъ правильно сказано, что—*аще кто и изъ мертвыхъ востанетъ, не имутъ вѣры* (Лук. 16, 31)! А кто имѣетъ вѣру, то есть, въ чьей душѣ есть расположенность къ

невидимому, духовному и вѣчному, тѣмъ паче кто живетъ по сей вѣрѣ и удостоился получить въ сердцѣ и совѣсти хотя малый залогъ вѣчной жизни—частію въ совершеніи подвиговъ любви и самоотверженія, частію въ благодатныхъ озареніяхъ и услажденіяхъ свыше—для того нѣтъ нужды въ подобныхъ чудесахъ и знаменіяхъ: онъ такъ же увѣренъ въ жизни вѣчной по ту сторону гроба, какъ гладный увѣренъ, что есть и существуетъ пища для утоленія голода, хотя бы онъ вовсе не видалъ ея предъ собою. Аминь.

Слово по освященіи нижней церкви

ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ ХАРЬКОВСКОМЪ, СЪ ПЕРЕИМЕНОВАНІЕМЪ ЕЯ ИЗЪ ТРЕХСВЯТИТЕЛЬСКОЙ ВЪ СТРАСТНУЮ, ТО ЕСТЬ, ПОСВЯЩЕННУЮ ПАМЯТИ СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХЪ *).

Услышавъ о новомъ имени сего возлюбленнаго храма, вѣроятно, нѣкоторые придутъ въ своихъ мысляхъ къ вопросу: зачѣмъ оставлено прежнее имя и взято новое? Вмѣсто того, чтобы избѣгать сего вопроса, яко неблагопріятнаго, мы рады ему, какъ гостю на нынѣшній праздникъ; просимъ токмо объ одномъ,—чтобы вопрошающій принялъ трудъ размыслить вмѣстѣ съ нами о вопрошаемомъ. Такимъ образомъ достигнется уже часть цѣли, для коей послѣдовала самая перемѣна въ наименованіи храма.

Ибо, для чего дано ему новое имя? Очевидно, не потому, чтобы прежнее было чѣмъ-либо не хорошо. Памятію трехъ великихъ Святителей исполнена вся Церковь Христова, вся вселенная: сего ли малаго храма не могла она наполнить собою? Подъ святый покровъ ихъ прибѣгали, святый примѣръ съ нихъ взимали пастыри и учители всѣхъ странъ и вѣковъ: для насъ ли, смиренныхъ пастырей града сего, могло недоставать ихъ духовнаго водительства и примѣра? Предъ вами, Святители Христовы, открыта душа и сердце наше: вы вѣдаете, съ какимъ благоговѣніемъ читаются нами ваши святыя творенія, воспоминаются ваши святыя дѣянія, съ какимъ чувствомъ вѣры и любви взираемъ мы на самое изо-

*) Сказанное 9 января, 1846 года.

браженіе лицъ вашихъ на иконахъ: съ вами хотѣли бы мы жить, съ вами и умереть! Но вы сами, бывъ еще на землѣ, возвѣщали и проповѣдывали *не себе* (2 Кор. 4, 3), а Христа распятаго: водрузить Крестъ Его въ душахъ и сердцахъ вѣрующихъ—было цѣлію всѣхъ вашихъ трудовъ и всей жизни. Тѣмъ паче, преставленные на небо, вы давно, безъ сомнѣнія, положили уже всѣ вѣнцы свои къ подножію Агнца, закланнаго отъ сложенія міра (Апок. 4, 10). Посему мы совершенно увѣрены, что творимъ самое угодное вамъ, когда храмъ вашъ посвящаемъ страданіямъ Того, за Коего вы сами всегда готовы были положить душу свою. Не оставляйте же мѣста вашего въ семъ храмѣ; научайте насъ поклоняться Кресту и страданіямъ Господа нашего, да стяжавъ для себя сію домашнюю Голгоѳу, не явимся среди ея безчувственны, подобно іудеямъ неразумнымъ.

«Но, если прежнее названіе храма, еще вопроситъ кто-либо, не заключало въ себѣ никакого несовершенства: то для чего новое имя? не по стремленію ли какому-либо къ новости?» Нисколько, если разумѣть новость въ смыслѣ мірскомъ: ибо что Церкви до подобныхъ новостей? Какъ Основатель и Глава ея Іисусъ Христосъ есть единъ и Тойжде вчера, днесь и во вѣки: такъ и она сама свободна отъ тѣхъ непрестанныхъ перемѣнъ и превращеній, коимъ подлежитъ міръ и все что въ мірѣ, самое высокое и важное. Но есть и въ Церкви мѣсто новому, тому новому, о коемъ св. Давидъ говоритъ: *приложу на всяку похвалу твою* (Пс. 70, 14), и въ другомъ мѣстѣ: *пойдутъ отъ силы въ силу* (Пс. 83, 8), и въ третьемъ: *сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. 76, 11),—тому новому, о коемъ и св. Павелъ говоритъ: *тѣмже оставльше начала Христова слова, на совершеніе да ведемся, не паки основаніе покаянія полагающе отъ мертвыхъ дѣлъ, и вѣры въ Бога* (Евр. 6, 1),—тому новому, по силѣ коего всякъ изъ вѣрующихъ долженъ приходить не только отъ вѣры въ вѣру (Рим. 1, 17), но и *преобразоватися отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18), долженъ содѣлаться самъ храмомъ Духа Святаго и, окончивъ земное поприще, явиться къ великому Подвигоположнику, для принятія имени новаго, *егоже никтоже вѣсть, точію пріемляй* (Апок. 2, 17). По стремленію къ сему-то новому, если угодно, дано новое названіе и сему храму, при настоящемъ обновленіи его. Доселѣ мы осѣня-

лись въ семъ храмѣ предстательствомъ трехъ великихъ Святителей Христовыхъ: время уже показать намъ хотя нѣкій плодъ ихъ духовнаго водительства и попеченія о насъ. Какой плодъ? Тотъ, чтобы приступить къ Самому великому Архіерею, прошедшему небеса, приступить къ тому, что въ Его служеніи спасенію рода человѣческаго было самаго священнаго и божественнаго.—къ Его страданіямъ и Кресту, коими, яко послѣднею жертвою, окончательно и всецѣло изглаждены грѣхи всего міра и побѣждено царство смерти. Какъ приблизиться и приступить къ сему? Безъ сомнѣнія, не однимъ посвященіемъ страданіямъ Христовымъ сего храма, а наиболѣе вѣрою и любовію и дѣятельнымъ усвоеніемъ себѣ спасительной силы Креста Христова. Но и самое имя Креста въ семъ отношеніи вещь не излишняя: ибо, при нашей всенаклонности къ забвенію предметовъ духовныхъ, намъ всѣмъ весьма нужно постоянное припоминаніе о нихъ; поелику же Крестъ Христовъ и Его страданія суть предметы самые необходимые для нашего спасенія, то всего нужнѣе для насъ припоминаніе о семъ Крестѣ и страданіяхъ, яко источникѣ нашего спасенія. И вотъ, съ сей-то стороны, храмъ сей будетъ служить намъ въ ежедневное возбужденіе мыслей и чувствъ о сихъ страданіяхъ; и входя и исходя изъ него, мы будемъ невольно представлять себѣ, кто и какъ спасъ насъ отъ грѣха и смерти.

Хотите ли узнать и, какъ надѣемся, раздѣлить съ нами и еще одну мысль, побудившую насъ дать новое имя сему храму и посвятить его не другому кому, а Кресту и страстямъ дражайшаго Спасителя нашего? Всегда казалось намъ страннымъ, что мы, воздвигая непрестанно храмъ за храмомъ, когда посвящаемъ ихъ даже Спасителю нашему, то всегда посвящаемъ какимъ-либо событіямъ изъ жизни Его славнымъ и величественнымъ, напр., Преображенію или Вознесенію; даже когда посвящаемъ ихъ Кресту Его, то избираемъ обыкновенно всемірное Воздвиженіе сего Креста, то есть, состояніе его уже прославленное. Между тѣмъ, во всей странѣ нашей нѣтъ ни одного храма, посвященнаго прямо страданіямъ Господнимъ и Кресту въ томъ видѣ, какъ онъ стоялъ на Голгоѳѣ. Принадлежатъ намъ, конечно, и всѣ, самыя славныя, событія въ земной жизни Спасителя нашего: ибо что ни дѣлалъ Онъ, дѣлалъ для насъ, и что ни было съ Нимъ,

происходило также въ нашу пользу; но не должно же забывать намъ, что *спасеніе міра, а слѣдовательно и наше* совершено не славою Спасителя, а Его страданіями и смертію за насъ. И симъ-то страданіямъ, сей-то искупительной смерти не посвящено у насъ ни единаго храма! Не будемъ вникать въ причину сего; но явно, что это немаловажный недостатокъ, *который надлежало восполнить при первомъ случаѣ.* Случай сей представился теперь и притомъ въ самомъ благопріятномъ видѣ: ибо храмъ сей составляетъ средоточіе и, можно сказать, сердце и главу всѣхъ храмовъ нашихъ. Да будетъ же онъ и посвященъ воспоминанію того, что составляетъ *средоточіе спасенія нашего*, то есть, страданіямъ Господнимъ, коими содѣлано спасеніе наше *посреди земли*, какъ замѣчаетъ святый Давидъ.

Изъ таковыхъ мыслей и чувствъ, братіе мои, проистекло новое названіе сего храма. Не пренебреженіе прежняго наименованія, не стремленіе къ новостямъ руководило насъ при сей перемѣнѣ, а желаніе почтить память страстей Господнихъ, окружить себя ихъ воспоминаніемъ и приблизиться къ нимъ вѣрою и любовію. Зная вашу христолюбивую душу и сердце, мы вполнѣ увѣрены, что вы уже предупредили насъ своею радостію о сей перемѣнѣ и усвоили ее себѣ, какъ бы она произошла съ общаго нашего согласія.

Теперь другая всѣмъ намъ забота: какъ бы дѣйствительно достигнуть той цѣли, какую мы *предложили, перемѣняя* названіе сего храма, то есть, чтобы Голгоѳа наша (такъ назовемъ сей храмъ) послужила намъ, какъ и всему міру, во спасеніе, а не во осужденіе, какъ неразумнымъ іудеямъ. На Голгоѳѣ находилось не малое число душъ, коихъ присутствіе облегчало страданіе *Господа*: находилась Матерь Его съ Ея безпредѣльною преданностію въ волю Божію; находился ученикъ съ его николиже отпадающею любовію къ Учителю; находились Іосифъ и Никодимъ съ ихъ святымъ дерзновеніемъ за истину и правду; находился сотникъ съ его *прозорливымъ вниманіемъ* и вѣрою, находился разбойникъ съ его покаяніемъ и исповѣдію; находились благочестивыя жены съ ихъ слезами и любовію; изъ самыхъ жителей Іерусалима многіе возвращались въ домы свои, *рыдающе и біюще въ персы своя.* Что увидитъ среди себя наша Голгоѳа? Увидитъ ли подобную преданность и вѣру? Увидитъ ли подобное покая-

ніе и исповѣдь во грѣхахъ? Увидитъ ли слезы и усердіе къ Іисусу страждущему?

Увидитъ, братіе мои, если мы, посѣщая храмъ сей, будемъ стоять въ немъ не съ разсѣянными мыслями, а съ усерднымъ размышленіемъ о страданіяхъ Господа нашего, и будемъ прилагать ихъ къ своему сердцу. Ибо чему не можетъ научить насъ страждущій Спаситель нашъ! Его молитва въ саду Геѳсиманскомъ научитъ насъ, какъ молиться и предавать судьбу свою въ волю Отца небеснаго; Его кроткіе отвѣты судіямъ неправеднымъ научатъ насъ великодушію и кротости предъ гонителями; Его попеченіе со Креста не только о Матери, но и о кающемся разбойникѣ, научитъ насъ не оставлять любви къ ближнимъ среди самыхъ жестокихъ скорбей и страданій; Его кроткое преданіе духа Своего въ руцѣ Отцу научитъ насъ, какъ предавать и намъ послѣдній духъ въ сіи же руцѣ; Его тяжкія страданія, претерпѣнныя за грѣхи наши, покажутъ намъ, какъ ужасенъ и тяжекъ грѣхъ. Всему научимся у возлюбленнаго Господа нашего со Креста Его; точію да не являемся предъ Нимъ во храмѣ семъ съ высокомѣріемъ книжниковъ, съ лицемѣріемъ фарисеевъ, и съ ожесточеніемъ первосвященниковъ іудейскихъ. Аминь.

Слово при освященіи Харьковскаго Каѳедральнаго Собора *).

И намъ наконецъ дано имѣть храмъ! Намъ говорю; ибо у всѣхъ было по храму, а у насъ однихъ почти не было, потому что бывшее было таково, что вмѣсто радости постоянно возбуждало скорбь. Далеки мы, братіе, отъ того, чтобы сущность храма полагать во внѣшнемъ его великолѣпіи и богатствѣ украшеній: храмы христіанскіе красуются не пурпуромъ и златомъ, а божественными таинствами и усердіемъ молящихся; но нельзя же сказать и того, чтобы домамъ нашимъ подобало удобство и благолѣпіе, а храмамъ Божіимъ—тѣснота, мрачность и безобразіе. Въ такомъ случаѣ обличилъ бы насъ не только святый Давидъ, стыдившійся обитать въ кедровыхъ чертогахъ, когда кивотъ завѣта находился подъ шатромъ, но и собственная наша совѣсть.

*) Сказанное, по его возобновленіи, 27 сентября, 1844 года.

Между тѣмъ вспомните состояніе сего храма: какому храму не уступалъ онъ своею внутренностію? Посему-то безъ сомнѣнія и былъ онъ оставленъ и какъ бы забытъ всѣми. А оставлять и забывать его было не должно уже потому, что это первый храмъ харьковскій; первый, можетъ быть, и по времени, тѣмъ паче по назначенію. Ибо, какъ храмъ каѳедральный, онъ по тому самому есть глава всѣхъ прочихъ храмовъ, мѣсто посвященія для священнослужителей и мѣсто собраній всеобщихъ въ нарочитые дни въ году. При такомъ значеніи и предназначеніи сего храма печальное состояніе его служило укоризною для всего града нашего, и потому было источникомъ печали и смущенія для насъ. Ибо, что долженъ былъ подумать о насъ каждый посѣщающій нашъ городъ? что мы небрежемъ о церквахъ Божіихъ и совершенно холодны къ вѣрѣ. Ибо, гдѣ же усердіе, если самый первый храмъ нашъ былъ не лучше послѣдняго? Еще было бы извиненіе, если бы домы наши находились въ такомъ же состояніи, какъ и храмъ. Но они-то наипаче и обличали нашу холодность ко храму: ибо всѣ бывающіе въ городѣ нашемъ замѣчаютъ обширность и красоту его домовъ. Какъ вмѣстѣ съ симъ было не замѣтить и скудости сего храма и не осудить насъ? Но благодареніе Богу, сія укоризна теперь отнята, причина сѣтованія прекратилась, и мы всѣ можемъ предаться теперь духовной радости. Можетъ быть, и теперь иной пожелалъ бы большаго и лучшаго. Таковый да вѣдаетъ, что и мы могли бы не отстать въ подобныхъ желаніяхъ: сдѣлано то, что было возможно для насъ. Могущій и желающій да сдѣлаетъ большее: мы первые съ радостію уступимъ надъ собою побѣду. Нѣтъ, для наружнаго довольно: надобно устремить теперь мысли ко внутреннему и духовному, то есть, позаботиться о томъ, чтобы, вмѣстѣ съ обновленіемъ храма, обновиться нравами и жизнію намъ самимъ, и служащимъ въ храмѣ, и входящимъ въ него на молитву. Въ храмѣ ветхомъ и темномъ и наша духовная ветхость не такъ могла быть примѣтна: теперь, если останемся съ сею ветхостію, то самыя стѣны обновленнаго храма будутъ ежедневно обличать насъ.

Желаете ли знать, съ какими чувствами должно входить въ храмъ, какъ вести себя въ немъ и что дѣлать для освященія души и сердца своего? Вспомните, какъ изобра-

жаетъ святый Іоаннъ въ своемъ Откровеніи тѣхъ, кои находятся въ церкви небесной, предъ престоломъ Божіимъ. Поелику Церковь справедливо называется небомъ на землѣ: то и находящимся во храмѣ всего ближе и лучше подражать тѣмъ, иже суть въ Церкви небесной. Что же замѣтилъ тамъ Тайнозритель? Замѣтилъ, во-первыхъ, чистоту и безпорочность: *не имать въ него внити ничтоже скверно и творяй мерзость и лжу* (Апок. 21, 27); замѣтилъ, во-вторыхъ, всеобщее благоговѣніе и смиреніе: *и падоша на лица своя предъ престоломъ и поклонишася* (Апок. 7, 11); замѣтилъ, въ третьихъ, скромность и благоприличіе въ самомъ внѣшнемъ ихъ положеніи: *облечены въ ризы бѣлы и финицы въ рукахъ ихъ* (Апок. 7, 9).

Не можемъ мы, обложенные плотію и кровію, являться во храмѣ, подобно небожителямъ, вовсе безъ порока. По крайней мѣрѣ должны являться во храмъ за безпорочностію, съ желаніемъ и молитвою о томъ, чтобы Господь возсоздалъ въ насъ Своею благодатію сердце чистое и обновилъ во утробѣ нашей духъ правый. Тѣмъ паче уже непозволительно ни въ какомъ случаѣ являться во храмъ за порокомъ—для того, напримѣръ, чтобы соблазнять другихъ, или самимъ быть соблазненными. Ибо, къ сожалѣнію, и это бываетъ, что храмъ—мѣсто молитвы—обращается въ мѣсто соблазнительныхъ взглядовъ, бесѣдъ и свиданій. На кого въ такомъ случаѣ походятъ таковые люди? Явно, не на небожителей, а развѣ на духовъ тьмы, кои, по допущенію свыше, являются иногда у самаго престола Божія, какъ это видимъ на искусителѣ Іова. Что можетъ ожидать таковыхъ людей въ будущемъ, какъ не казнь самая ужасная? Ибо, если вообще горе тому, *имже соблазнъ приходитъ* (Матѳ. 18, 6), такое горе, что, по слову Спасителя, лучше было бы для таковыхъ, когда бы съ камнемъ на выи они брошены были въ пучину морскую; то судите, какое горе должно ожидать человѣка, который осмѣливается сѣять соблазнъ въ самомъ храмѣ Божіемъ, уловлять души въ погибель предъ лицемъ Самого Владыки неба и земли, у подножія Его престола?

Второе свойство пребывающихъ въ небесномъ храмѣ, по указанію Тайновидца, есть ихъ крайнее смиреніе и благоговѣніе: *и падоша на лица своя.* При великой непорочности и чистотѣ ихъ можно бы, казалось, и не повергаясь

долу, откровеннымъ, по выраженію Апостола, лицемъ взирать на славу Сѣдящаго на престолѣ; но и очищенные, и убѣленные, и освященные, они памятуютъ, чѣмъ были нѣкогда на землѣ, не забываютъ своего прежняго недостоинства и во смиреніи повергаются долу, къ подножію Его престола. Послѣ такого примѣра, чего надлежало бы ожидать во храмѣ отъ насъ—недостойныхъ и грѣшныхъ? Того, что большая часть все богослуженіе будутъ не стоять, а повергать себя долу, во прахъ, не смѣя подобно мытарю возвести очей своихъ на небо. Подобно сему и поступаютъ нѣкоторые; и святая Церковь съ радостію замѣчаетъ ихъ смиреніе. Но что сказать о другихъ, особенно о нѣкоторыхъ! Нѣтъ, кажется, мѣста, въ которое бы они приходили съ большимъ небреженіемъ, дерзостію и, такъ сказать, неистовствомъ, какъ во храмъ. Это для нихъ домъ безъ хозяина, гдѣ можно вести себя какъ угодно. Къ сожалѣнію, тѣ самые, отъ коихъ бы ожидалось противнаго, кои даже по самому званію своему должны бы служить примѣромъ для другихъ, тѣ самые предаются иногда во храмахъ—то безвременнымъ бесѣдамъ, то неприличнымъ движеніямъ; и вмѣсто того, чтобы по внушенію Церкви, оставивъ всякое земное попеченіе, предаться молитвѣ, стараются, и для себя и для другихъ, продолжать посредствомъ неблагоразумныхъ бесѣдъ, суету житейскую. Какъ не пожалѣть о такомъ забвеніи и святости храма и собственной чести? Ибо кто изъ присутствующихъ во храмѣ не готовъ осудить такого жалкаго самозабвенія?

Третье качество небожителей, видѣнныхъ св. Іоанномъ на небѣ—у престола Божія, состояло въ приличіи и скромности ихъ внѣшняго положенія: *облечены въ ризы бѣлы и финицы въ рукахъ ихъ.*

Если самъ св. Тайновидецъ почелъ нужнымъ замѣтить сіе обстоятельство, тѣмъ паче мы не сдѣлаемъ излишняго, напомнивъ о томъ же, дабы входящіе во храмъ знали, въ какомъ видѣ являться тамъ. Нужны ли для сего убранства и богатыя одежды? Нѣтъ, Господь храма равно пріемлетъ и виссонъ и рубища; ибо ищетъ не одеждъ нашихъ, а сердца. Впрочемъ, если мы, идя въ домъ людей уважаемыхъ, стараемся не внести въ нихъ вмѣстѣ съ собою какой-либо нечистоты: то кольми паче, идя въ храмъ, попечемся о воз-

можной чистотѣ и благоприличіи. Противное можетъ быть извинено токмо развѣ какою-либо крайностію.

Но, заботясь о внѣшнемъ благоприличіи въ храмѣ, тѣмъ паче надобно умѣть не преступать мѣру этой заботы. Ибо, у нѣкоторыхъ простирается она до того, что въ убираніи себя проводятъ значительную часть времени, назначеннаго для богослуженія; посему и поспѣваютъ только къ половинѣ, а иногда къ концу онаго. Уже это весьма худо; а еще хуже то, для чего нѣкоторые стараются преукрашать себя такимъ образомъ, то есть, чтобы, вошедъ въ церковь, остановить на себѣ взоры всѣхъ, чтобы превзойти то или другое лице своимъ убранствомъ. Объ этомъ ли думать, идя въ церковь! Тутъ ли мѣсто соперничеству и зависти! Нѣтъ, истинная христіанка, собираясь идти въ церковь, и имѣя даже всю возможность удивить своими нарядами, почтетъ за долгъ отложить въ сторону все пышное и дорогое, и явится безъ украшеній, въ простомъ видѣ, дабы иначе не сдѣлать изъ себя зрѣлища во храмѣ и не отвлечь взоровъ и вниманія отъ святыхъ иконъ—на себя. Если нуженъ примѣръ на сіе, то возьмемъ его у небожителей, видѣнныхъ св. Іоанномъ. Въ какомъ украшеніи ни могли бы они являться предъ престоломъ Божіимъ? Но они являются токмо облеченными въ одежду бѣлую и съ финиками въ рукахъ, яко съ знаменіемъ побѣды надъ грѣхомъ и страстями. А намъ, яко еще не побѣдившимъ и находящимся на полѣ сраженія, намъ—часто падающимъ и уязвляемымъ—всего приличнѣе являться во храмахъ съ знаменіемъ печали и сокрушенія сердечнаго.

Совокупимъ теперь все сказанное во едино. Какъ должно входить во храмъ и вести себя въ немъ? Должно входить сколько можно чистыми и съ благоприличіемъ, ибо идемъ въ домъ Божій;—но безъ убранствъ и модныхъ прикрасъ, ибо на молитву. Должно стоять и вести себя съ благоговѣніемъ и смиреніемъ, какъ подобаетъ кающимся и ищущимъ помилованія грѣшникамъ. Должно стараться о томъ, чтобы пребываніе во храмѣ всегда служило къ освященію душъ нашихъ и приближало насъ къ Богу. Тѣмъ же, кои, посѣщая храмъ, не имѣютъ въ виду сего внутренняго самоосвященія, лучше уже оставаться дома, дабы не быть въ тягость Господу храма, оставаясь и предъ лицемъ Его съ своимъ нечистымъ и злымъ сердцемъ. Аминь.

Слово по случаю освященія храма *).

Наставниче, добро есть намъ здѣ быти и сотворимъ сѣни три едину Тебѣ, и едину Моусеови, и едину Илиѣ! Не вѣдый, еже глаголаше (Лук. 9, 33).

Въ то самое время, какъ на Ѳаворѣ не велятъ воздвигать и единой сѣни тремъ, мы на сей горѣ уже воздвигли третію сѣнь Единому!—Не подходимъ ли мы потому троекратно подъ упрекъ, сдѣланный Апостолу Христову? Если о немъ сказано *не вѣдый, еже глаголаше:* то о насъ не скажутъ ли еще большаго: не вѣдятъ, еже творятъ?

Чувствую я, что сія мысль не весьма пріятна для боголюбивыхъ возсоздателей храма сего, но я потому и останавливаюсь на ней, что она, какъ острый камень, лежитъ на пути нынѣшней ихъ радости; для того именно и останавливаюсь, чтобы посредствомъ благоговѣйнаго размышленія, устранить ее съ пути, дабы кто-либо изъ идущихъ, то есть, желающихъ возрадоваться въ нынѣшній день, не преткнулся о нее и не палъ духомъ.

Если на Ѳаворѣ не одобрена нынѣ мысль Петрова—сотворить три сѣни, то надобно знать, почему не одобрена. Двѣ изъ нихъ предполагалось сотворить для Моусея и Иліи: но какая нужда была въ земныхъ жилищахъ для небожителей, кои являлись на землѣ токмо на краткое время и тотчасъ должны были паки отойти въ вѣчныя и нерукотворенныя обители Отца небеснаго?—Излишня была забота о сѣни на Ѳаворѣ и для Самого Учителя: ибо и Онъ восшелъ на сію гору не для обитанія, а для временной токмо молитвы. Уже приближалось для Него время оставить не только Ѳаворъ, но и самую землю, и возвратиться на небо къ Отцу, отъ Коего Онъ пришелъ, для совершенія дѣла нашего спасенія.

Съ нами другое! Хотя и обитатели святой горы сей взошли на нее для того, чтобы преобразиться на ней тѣмъ преображеніемъ ума и воли, коихъ требуетъ отъ послѣдователей Христовыхъ св. Апостолъ Павелъ, но вмѣстѣ съ симъ они

*) Сказанное въ Куряжскомъ монастырѣ, августа 6 дня 1842 года.

взошли на сію гору съ тѣмъ обѣтомъ, чтобы, послѣ сего преображенія, не сходить уже съ нее долу, не возвращаться въ міръ, а оставаться здѣсь до того часа, въ который будутъ воззваны на Сіонъ небесный. Въ ожиданіи сего вожделѣннаго часа и зова, они должны каждый день и каждую нощь являться во храмъ предъ лице Божіе для совершенія молитвъ, и пріятія пищи духовной. Въ продолженіе лѣтняго времени для сего служитъ главный храмъ, но среди бурь осеннихъ и вьюгъ зимнихъ, не только слабая старость, но и бодрая юность не въ силахъ иногда выносить суровости воздуха въ семъ храмѣ. Требовалась сѣнь зимняя, которая, доставляя успокоеніе внѣшнему человѣку, симъ самымъ отклоняла бы препятствія для дѣйствій по человѣку внутреннему. И вотъ, устроеніемъ сего храма восполнено недостававшее, восполнено такъ, что теперь, оставивъ всѣ заботы о вещественномъ, остается токмо пещись о духовномъ, то есть, о спасеніи своихъ душъ.

Значитъ, подумаетъ кто-либо, мы поступили на своей горѣ лучше, нежели какъ верховный Апостолъ поступилъ на Ѳаворѣ. Нѣтъ, возлюбленный собратъ, довольно съ насъ и того, если мы поступили, какъ намъ было нужно. На Ѳаворѣ, вѣроятно, и мы, даже съ нынѣшнимъ вѣдѣніемъ таинъ спасенія, въ то время не открытыхъ вполнѣ еще и Апостоламъ, не удержались бы изрещи подобно тому, что сказано отъ полноты восторга св. Петромъ. Ибо кто не пожелалъ бы продлить для себя видѣнія славы ѳаворской въ лицѣ Христовомъ? Но Апостолъ и въ семъ случаѣ показуетъ самозабвеніе, его достойное. Мы, вѣроятно, позаботились бы устроить первѣе всего сѣни и жилища для самихъ себя, а потомъ для Моусея и Иліи; а св. Петръ совершенно забываетъ себя и заботится только о томъ, чтобы устроить на Ѳаворѣ кровъ и пристанище для Учителя и небожителей, съ нимъ теперь бесѣдовавшихъ.

Но зачѣмъ и для чего сравненія? Довольно сказать, что мы за воздвиженіе сей святой сѣни, хотя она и третія уже на сей горѣ, не подлежимъ упреку ѳаворскому. И вотъ доказательство на сіе: преобразившійся нынѣ на Ѳаворѣ Господь не только не уклонился отъ этой новой сѣни нашей, какъ отъ Петровой на Ѳаворѣ; но избралъ ее въ обитель для Себя, и утвердилъ отнынѣ среди ея видимый престолъ

благодати Своей. Посему здѣсь—въ таинствахъ и богослуженіи церковномъ—будетъ происходить подобное тому, что было на Ѳаворѣ: будетъ, то есть, видѣться божественная слава Спасителя, будетъ слышаться гласъ Отца, свидѣтельствующій о Сынѣ, будутъ являться Моисей и Илія съ ихъ пророчествами. Здѣсь будетъ даже болѣе, нежели на Ѳаворѣ: а именно—вертепъ съ яслями, Іорданъ съ крещеніемъ, Голгоѳа съ крестомъ и воскресеніемъ, Елеонъ съ возносящимся Господомъ, горница Сіонская съ огненными языками Духа. Все это, говорю, будетъ въ нашей новой сѣни, потому что въ богослуженіи нашемъ изображается и какъ бы повторяется вся земная жизнь Господа нашего.

Какое богатство назиданія для душъ вѣрующихъ! Сколько новыхъ узъ, влекущихъ ко Христу! Сколько пищи для сердца! утѣшенія въ печали! ободренія на подвиги духовные!

Воздвигнемся же и мы вѣрою, смиреніемъ, любовію, терпѣніемъ, упованіемъ. Начнемъ дружнѣе и прилежнѣе работать надъ возсозданіемъ въ самихъ насъ той божественной скиніи, для которой устрояются и всѣ храмы на землѣ, которая, будучи разъ возсоздана, не престанетъ существовать вѣчно. Вы знаете, о чемъ говорилъ нѣкогда и Апостолъ Петръ, когда писалъ ученикамъ своимъ слѣдующее: *къ Нему же* (Христу Спасителю) *приходяще камени живу, отъ человѣкъ убо уничиженну, отъ Бога же избранну, честну, и сами, яко каменіе живо, зижитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови* (1 Петр. 11. 4. 5).

Видите, къ чему мы всѣ предназначены! не ходить только въ храмы, а и самимъ быть храмами: не приносить только въ жертву что-либо малое или великое, а самимъ обратиться въ жертву Господеви. Будемъ ли уклоняться сей чести потому токмо, что она велика и безмѣрна?—Но Господь знаетъ, къ чему вести насъ, и доведетъ, если токмо будемъ послушны гласу Его и вѣрны обѣтамъ своимъ. Аминь.

Слово по освященіи церкви *).

Господи Боже Израилевъ! нѣсть якоже Ты Богъ на небеси горѣ, и на земли низу.. аще бо небо, и небо небесе не довлѣютъ Ти, кольми паче храмъ сей, егоже создахъ имени Твоему? Обаче призри на молитву мою, ею же молится рабъ Твой предъ Тобою. Да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей день и нощь, и услышиши молитву людей Твоихъ, о нихъ же помолятся на мѣстѣ семъ, и милостивъ будеши неправдамъ ихъ, ими же согрѣшиша Ти, яко да уразумѣютъ вси людіе земніи, яко имя Твое нарецеся на храмѣ семъ, егоже создахъ во славу Твою (3 Цар. 8, 23,—49).

Такою молитвою молился нѣкогда всенародно премудрый царь Израилевъ предъ Господомъ о новосозданномъ храмѣ своемъ въ Іерусалимѣ. Ту же самую молитву повторяли и мы, при освященіи храма сего. Нѣтъ сомнѣнія, что и христолюбивые возсоздатели его, раздѣляли ее вмѣстѣ съ нами. Послѣ сего для всѣхъ насъ должно быть и любопытно и поучительно знать, какой же отвѣтъ данъ былъ Соломону на его молитву о храмѣ? Вотъ онъ:

И явися Господь Соломону, и рече къ нему Господь: услышахъ гласъ молитвы твоея, и моленія твоего, имъ же молился еси предо Мною: сотворихъ ти по всей молитвѣ твоей: и освятихъ храмъ сей, его же создалъ еси, еже положити имя Мое тамо во вѣки: и будутъ очи Мои ту и сердце Мое во вся дни. И ты аще пойдеши предо Мною, якоже ходи Давидъ отецъ твой въ преподобіи сердца и въ правотѣ, и еже творити по всѣмъ, яже заповѣдахъ ему, и повелѣнія Моя и заповѣди Моя сохранити: и возставлю престолъ царствія твоего во Израили во вѣки, якоже глаголахъ къ Давиду отцу твоему, глаголя: не оскудѣетъ ти мужъ властелинъ во Израили. Аще же отвращающеся отвратитеся вы, и чада ваша отъ Мене, и не сохраните заповѣдей Моихъ и повелѣній Моихъ, яже даде Моисей предъ вами, и пойдете и поработаете богомъ инымъ и поклонитеся имъ: и изрину Израиля изъ земли, юже дахъ имъ, и храмъ сей, его же освятихъ имени Моему, отвергу отъ лица: и будетъ Израиль въ погубленіе и во глаголаніе всѣмъ людемъ. И домъ сей будетъ высокій, всякъ преходяй сквозѣ его ужаснется и возсвищетъ и речетъ: чесо

*) Сказанное 22 сентября 1844 г. въ селѣ Славгородкѣ,—возобновленной и украшенной усердіемъ помѣщика того села, князя В. П. Голицына.

ради сотвори Господь тако земли сей и храму сему? и рекутъ: понеже оставиша Господа Бога своего, Иже изведе отцы ихъ изъ Египта, изъ дому работы, и пріяша боги чуждыя, и поклонишася имъ и поработаша имъ. Сего ради наведе на ня Господь зло сіе (3 Цар. 9. 2—10). Такъ отвѣтствовалъ Господь Соломону на его молитву о новосозданномъ имъ храмѣ іерусалимскомъ! Отвѣтъ вполнѣ божественный, ибо въ немъ Испытующій сердца и утробы проникаетъ до глубины души царственнаго храмоздателя, объемлетъ взоромъ и словомъ Своимъ не только прошедшее и настоящее, но и все будущее,—болѣе дарствуетъ, нежели пріемлетъ; обѣщаетъ и учитъ; похваляетъ и вразумляетъ.

Можно ли возсоздателямъ храма сего усвоить себѣ сей отвѣтъ, данный Соломону? Не только можно, но и должно. Господь и нынѣ, какъ во времена Соломона со благоволеніемъ пріемлетъ все, что творится во славу Его пресвятаго имени. И что же ближе можетъ быть посвящено сему всесвятому имени, какъ не домъ молитвы! Если гдѣ, то въ храмѣ тысячи рукъ и очей прямо подъемлются къ небу; тысячи устъ прямо отверзаются на молитву; тысячи душъ и сердецъ вступаютъ въ видимое собесѣдованіе съ Богомъ. Можетъ ли такое мѣсто не обратить на себя благоволительнаго вниманія Того, Кто сказалъ о Себѣ: *идѣже еста два, или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. 18, 20). Но во храмѣ происходитъ еще болѣе: здѣсь приносится безкровная жертва о грѣхахъ всего міра: могутъ ли очи Отца не быть отверсты на то мѣсто, гдѣ кровь Его Сына?

Святая Церковь вполнѣ чувствуетъ всю важность подобныхъ мѣстъ, то есть, храмовъ: и вы видѣли, сколько употребляетъ она молитвъ, колѣнопреклоненій, тайныхъ и явныхъ священнодѣйствій, знаменій и символовъ, дабы основать, утвердить и благоукрасить во храмѣ мѣсто селенія для славы Божіей.—Послѣ всего этого о каждомъ храмѣ воистину можно сказать то, что патріархъ Іаковъ изрекъ нѣкогда о мѣстѣ явленія ему Господа: *страшно мѣсто сіе, нѣсть сіе, но домъ Божій и сія врата небесная* (Быт. 28, 17).

Да возрадуется убо сердце и душа тѣхъ, кои удостоились послужить возсозданію и благоукрашенію сего дома Божія! Я говорю удостоились, ибо прочь отъ насъ та ложная и нечистая мысль, яко мы сдѣлали симъ какое-либо одолже-

ніе Господу. Если есть въ семъ случаѣ одолженіе, то для насъ самихъ, состоящее въ томъ, что Всевышній и Вездѣсущій нисшелъ до нашей малости, и не смотря на то, что Его не можетъ вмѣстить небо и небо небесе, благоволилъ возобитать въ семъ храмѣ. Но тѣмъ не менѣе воздвигшіе сей храмъ Господу, подобно Соломону, могутъ ожидать и надѣяться всякой милости и благословенія отъ Господа храма, Который по самому величію Его не можетъ оставаться въ долгу у насъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, и безъ сомнѣнія найдетъ случай и средство воздать съ лихвою за то, что принесено ему въ жертву. Примѣръ Соломона показываетъ, что премудрость Божія не ожидаетъ въ семъ случаѣ даже вѣчности для вознагражденія создателей храма, а сопровождаетъ ихъ благословеніемъ еще при жизни ихъ, простирая оное на все ихъ потомство. Послѣ сего мы имѣемъ право сказать, что въ настоящій день, можетъ быть, рѣшилась судьба сихъ малыхъ птенцовъ, хотя они по малолѣтству своему, менѣе всѣхъ могли принимать разумнаго участія въ томъ, что совершалось здѣсь.

Но, усвояя, въ извѣстной мѣрѣ, создателямъ храма сего обѣтованія Божіи, изреченныя создателю храма іерусалимскаго, тѣмъ паче не можемъ не остановить вниманія ихъ на томъ условіи, подъ коимъ изречены были сіи обѣтованія. Ибо Господь за созданіе храма обѣщаетъ, какъ мы видѣли, благословеніе Соломону и потомству его, не просто, а въ томъ случаѣ, если онъ и потомки его не будутъ отвращать отъ Него лица своего и ходить на поклоненіе къ богамъ инымъ. Не почіетъ и на создателяхъ храма сего благословеніе Божіе, если они допустятъ увлечь себя служеніемъ богамъ чуждымъ, если не научатъ чадъ своихъ быть вѣрными единому Богу истинному. Нѣтъ нужды много изъяснять, что это за боги иные, служеніе коимъ лишаетъ насъ благословенія отъ Бога истиннаго. Во времена Соломона это были идолы и кумиры боговъ языческихъ. Нынѣ не падаетъ предъ сими истуканами самое малое дитя, но за то нынѣ есть другіе невидимые лжебоги, предъ коими нерѣдко повергаются въ прахъ самые исполины міра. Это идолы страстей и истуканы господствующихъ въ мірѣ пороковъ. Посмотрите, напримѣръ, на человѣка, преданнаго плотоугодію: кто его богъ? Явно, его чрево, коему приноситъ онъ въ жертву все. Посмотрите

на сребролюбиваго, кто его богъ? Явно, корысть и прибытокъ, кои ставятся имъ выше всего. Не ищите и у преданныхъ другимъ страстямъ иныхъ боговъ, кромѣ предметовъ сихъ же самыхъ страстей. Но въ чьемъ сердцѣ дано вселиться симъ нечистымъ божествамъ, тамъ по необходимости нѣтъ уже мѣста для Бога истиннаго. Ибо, можетъ ли Онъ всесовершенный довольствоваться частію нашего сердца и раздѣлять свое владычество надъ нимъ съ истуканами страстей нашихъ? Одно изъ двухъ неизбѣжно: или онѣ всѣ должны пасть и исчезнуть, или Онъ оставитъ сердце наше, вмѣстѣ со всѣми благословеніями Своими.

Поймемъ же тайну нашего истиннаго благоденствія во времени и въ вѣчности: то и другое всецѣло зависитъ отъ нашей вѣрности къ Богу истинному. Пребудемъ вѣрны: и изъ сего храма, отъ сего престола славы Божіей прольются на насъ всѣ благословенія, временныя и вѣчныя. Не будемъ вѣрны: и самый храмъ обратится въ обличеніе наше. Почему обратится въ обличеніе? Потому что сооруженіе его свидѣтельствуетъ, что мы были близки къ Господу и Господь былъ недалекъ отъ насъ, но удалился потомъ, гонимый нашею невѣрностію.

Соломонъ, увлеченный соблазнами плоти и крови, не сдержалъ, какъ извѣстно, условія, подъ коимъ обѣщано было услышать молитву его о храмѣ; почему и царственное потомство его лишено благословенія Божія, обѣщаннаго за созданіе храма, и самый храмъ, имъ воздвигнутый, разрушенъ иноплеменниками. Примѣръ страшный, но онъ не долженъ смущать и приводить въ уныніе христолюбивыхъ возсоздателей сего храма, а долженъ только постоянно располагать ихъ къ неослабному бдѣнію надъ своимъ сердцемъ и жизнію и къ прилежнѣйшему воспитанію чадъ своихъ въ страхѣ Божіемъ.—Было бы только съ нашей стороны искреннее желаніе служить Господу въ чистотѣ и истинѣ, а Онъ Всемогущій Самъ найдетъ средство подкрѣпить нашу немощь и устранить нашу невѣрность, даже заглаждать покаяніемъ наши вольныя и невольныя грѣхопаденія. Аминь.

Слово по освященіи храма *).

Итакъ, дѣло кончено.—храмъ освященъ!.. Нѣтъ, возлюбленный о Христѣ строитель храма, не кончено, далеко не кончено... Слава Богу, если токмо начато, какъ должно; тѣмъ паче, если продолжается благоуспѣшно.—Не кончено дѣло: ибо, скажите, для чего устроенъ храмъ сей? Ужели для того, чтобы святыня заключена была въ стѣнахъ его, какъ мертвое сокровище въ ковчегѣ, и никуда не исходила изъ оныхъ?—Безъ сомнѣнія, не для сего, а для противнаго, то есть, чтобы она, открывшись здѣсь какъ источникъ жизни, струилась отсюда непрестанно, преходила въ домы и жилища наши, напаяя собою души и сердца, спасая ихъ отъ зноя страстей, отъ окамененія во грѣхѣ, питая въ нихъ сѣмена, цвѣты и плоды духовные, то есть святыя мысли, чувства и дѣянія. Скажемъ болѣе—храмъ сей есть токмо одно изъ средствъ къ возсозданію внутрь насъ того храма, о коемъ говоритъ Апостолъ: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Духа Святаго суть?*—Но готовъ ли сей внутренній храмъ? Освященъ ли онъ, какъ должно?— Слава Богу, если токмо начатъ зданіемъ понадлежащему; тѣмъ паче, если созиданіе его продолжается безостановочно и съ успѣхомъ.

Говоря такимъ образомъ, мы нисколько не желаемъ умалять настоящей радости о созданіи и освященіи сего прекраснаго храма. Какъ не радоваться, видя, что на семъ, недавно еще пустынномъ мѣстѣ, воздвигся домъ Божій и утвержденo видимое жилище благодати? Какъ не радоваться, что цѣлыя тысячи душъ, кои за отдаленіемъ отъ храма едва разъ въ годъ имѣли возможность быть при богослуженіи, теперь каждый день воскресный будутъ стекаться сюда на молитву, на питаніе души своей словомъ жизни и на освященіе себя таинствами святыя Церкви?—Все сіе радуетъ и насъ радостію великою.

Но не должно же и среди радости забывать о собственномъ благѣ и думать, что когда получено средство, то достигнута и цѣль; нѣтъ, ее надобно еще достигать, для сего надобно еще думать и немало трудиться.

Мы сказали уже, какая это цѣль,—это наше внутреннее

*) Устроеннаго усердіемъ помѣщика села Араповки, Купенскаго уѣзда, г. Клепацкимъ, сказанное 2-го августа, 1845 года.

освященіе, это возсозданіе въ насъ храма духовнаго, это наше собственное, такъ сказать, воцерковленіе. Къ сей именно великой и святой цѣли, какъ средство, долженъ служить и храмъ сей. Безъ сего онъ будетъ яко свидѣтель противъ нашего внутренняго запустѣнія.

По настоящему, братіе мои, не намъ бы надлежало получать освященіе отъ вещей внѣшнихъ, а имъ отъ насъ. Изъ человѣка, яко средоточія всего видимаго міра, по намѣренію Творца, долженствовала исходить благодать на весь міръ. Но когда мы, прервавъ чрезъ грѣхъ непосредственное сообщеніе съ Божествомъ, престали быть органомъ Его дѣйствія на весь міръ дольній; когда мы, помертвѣвъ вслѣдствіе сего духомъ, ниспали съ этой высоты боголодобія подъ владычество грубыхъ стихій, то удержимъ хотя настоящій чинъ, пріимемъ освященіе извнѣ, изъ тѣхъ источниковъ, кои открыло для насъ милосердіе Божіе; не останемся мрачными и нечистыми среди свѣта и святыни, насъ окружающихъ. Иначе стѣны сего же храма, нами воздвигнутаго, возстанутъ противъ насъ. Для того ли скажутъ, вы воздвигли насъ, чтобы намъ быть свидѣтелями вашего безчувствія и хладности духовной? Долго ли стоять намъ, какъ указателямъ пути, на который никто вступить не хощетъ?

Спросите, какъ созидается и освящается внутренній храмъ? Образъ сего указанъ уже въ освященіи сего престола. Видѣли, что дѣлалось съ нимъ: надъ нимъ употреблена была съ начала и въ концѣ молитва, въ срединѣ—омовеніе и помазаніе, потомъ облаченіе. Такъ должно поступать и при устроеніи въ душѣ престола благодати: надобно очистить ее отъ скверны плотскихъ и омыть слезами покаянія; надобно пріять помазаніе отъ Святаго, то есть, благодать Духа, безъ коей мы всѣ и всегда ничто, сильны только на одно зло; надобно далѣе облечь ее благими нравами и добродѣтелями христіанскими: все же сіе и начинается и продолжается и оканчивается, когда дастъ Господь кончить.—молитвою. Дѣло великое! Храмъ внѣшній, какъ бы онъ ни былъ огроменъ, можно устроить въ нѣсколько лѣтъ. Надъ храмомъ внутреннимъ надобно трудиться и работать всю жизнь. За то сей храмъ вѣченъ, и въ немъ преестественно будетъ обитать вся Пресвятая Троица, исполняя того, въ немъ же обитаетъ, радостію неизглаголанною и прославленною.

Итакъ, устроивши храмъ сей, обратимъ теперь всѣ заботы свои на душу нашу, да содѣлается и она живымъ храмомъ Бога живаго. Когда онъ достигнетъ надлежащаго совершенства, то для освященія его явится уже не подобный намъ человѣкъ, а Самъ Архіерей, *прошедый небеса* (Евр. 4, 14). Господь Іисусъ, и не явится токмо, но, освятивъ, вселится въ него и будетъ въ немъ *Самъ и еже хотѣти, и еже дѣяти, о благоволеніи* (Филип. 2, 13).

Большей награды не можемъ пожелать создателямъ храма сего за ихъ труды и усердіе ко славѣ имени Божія и вѣчному спасенію своихъ ближнихъ. Аминь.

Слово на освященіе Церкви *).

Освятилъ есть селеніе Свое Вышній (Псал. 45, 5).

Кто же можетъ освятить что-либо, кромѣ Его Всевышняго и Всеосвящающаго? Тѣмъ паче, кто можетъ освятить селеніе Вышняго, если не Самъ Всевышній?

Итакъ, не думайте, братіе мои, и не говорите, что храмъ освященъ нами. Мы были точію слабымъ орудіемъ при семъ тайнодѣйствіи, и не столько освящали, сколько сами освящались тѣмъ, что здѣсь совершалось! *Освятилъ есть селеніе Свое Вышній.* Здѣсь дѣйствовала таже сила, которая извела изъ небытія все сущее, которая водрузила надъ главами нашими солнце и разсыпала міріады звѣздъ, таже сила, которая разлила по землѣ моря, заставила течь рѣки, возвысила горы, и ежегодно обновляетъ и украшаетъ лице всея земли, изводя изъ нея обильно все, необходимое на потребу человѣка.

А если такъ, то и не смотрите, братіе, съ сихъ поръ на храмъ сей, какъ на простое зданіе, какъ на дѣло рукъ человѣческихъ. Нѣтъ, это уже теперь не обыкновенное мѣсто собраній, а селеніе Вышняго, это чертогъ Царя славы страшный и досточтимый для самыхъ Херувимовъ и Серафимовъ. Здѣсь—отнынѣ—будетъ совершаться и тайнодѣйствоваться то, чего нѣтъ на самомъ небѣ, не смотря на все

*) Сказанное 6-го мая 1845 года, въ селѣ Некременномъ Изюмскаго уѣзда.

его величіе. ибо здѣсь будетъ совершаться таинство пречистаго Тѣла и Крови Сына Божія.

О, чудо снисхожденія къ намъ любви Божіей! Что мы употребляемъ на созиданіе храмовъ Господнихъ? Одни избытки отъ стяжаній нашихъ, кои впрочемъ сами суть даръ любви Божіей; а сія любовь? Она въ каждый храмъ приноситъ Тѣло и Кровь свою, и для чего приноситъ? Не показать ихъ токмо намъ, хотя бы и это было знакомъ великой милости, а предать въ снѣдь вѣрнымъ, и какъ предать? Не разъ или два, а, если захотимъ, каждый день, поставляя, такимъ образомъ, сама себя на ряду съ нашимъ ежедневнымъ питаніемъ.

Забудемъ же всѣ труды, понесенные при созданіи сего храма; да не воспомянется нами ни одна изъ жертвъ, на него употребленныхъ. Да останется и да господствуетъ въ душѣ и сердцѣ единая благодарность за то, что Господь не отринулъ нашего усердія, удостоилъ насъ послужить, чѣмъ могли, селенію славы Его. А вмѣстѣ съ симъ да не замедлимъ воспользоваться новымъ преслоломъ благодати, среди насъ водруженнымъ. Ибо для чего освятилъ есть селеніе Свое Вышній? Для Себя ли Самого? Земные властелины созидаютъ чертоги для самихъ себя, ибо, яко подобные намъ люди, имѣютъ нужду въ кровѣ и пристанищѣ. Царь небесный свободенъ отъ таковыхъ нуждъ; Онъ, если благоволитъ устроять Себѣ селеніе среди насъ, то для насъ же самихъ, дабы мы знали, гдѣ находить Его безпредѣльнаго, дабы видѣли, куда притекать для пріятія отъ Него свѣта и истины, благодати и помилованія, духа и жизни.

Можно и безъ храма находить доступъ ко Всевышнему, какъ и находили его нѣкогда праотцы, когда во всемъ мірѣ не было ни единаго храма, и какъ находятъ его и нынѣ тѣ, кои жребіемъ своей жизни удалены отъ всѣхъ храмовъ. Но тѣмъ непростительнѣе, имѣя среди жилищъ своихъ селеніе Всевышняго и приснотекущій въ немъ источникъ благодати и освященія, не умѣть, или не хотѣть черпать изъ него и оставаться въ отдаленіи по духу отъ Господа. Въ такомъ случаѣ самый храмъ вмѣсто того, чтобы быть ходатаемъ за насъ, возглаголетъ противу насъ.

Что же должно дѣлать, чтобы храмъ сей принесъ намъ всю душевную пользу? Во-первыхъ, чаще посѣщать его.

Надобно бы посѣщать, если бы богослуженіе совершалось, и каждый день, ибо отказались ли бы мы быть у царя, если бы онъ приглашалъ насъ, каждый день? Но тѣмъ паче не должно пропускать святаго служенія, потому что оно совершается только по праздникамъ. Можно ли не посѣтить храма Божія въ праздники? Это показало бы, что мы не боимся Господа и небрежемъ о спасеніи душъ своихъ. Если придетъ мысль, чтобы въ праздникъ, когда звонятъ къ церкви, остаться, то будь увѣренъ, что эта мысль отъ лукаваго. Онъ употребляетъ для сего разные предлоги; то говоритъ: у тебя то и то не сдѣлано, займись этимъ теперь, а въ храмъ сходишь въ другое воскресеніе. Не обольщайтесь сею мыслію. Много ли надѣлаешь въ тотъ часъ, въ который бываемъ въ церкви? И пойдетъ ли дѣло съ успѣхомъ, когда ты будешь дѣлать его, не помолившись прежде въ церкви, и не испросивъ благословенія Божія? У тѣхъ, кои набожны и прилежны ко храму, всѣ дѣла бываютъ лучше; а у презрителей святыя церкви самый трудъ бываетъ не въ прокъ. Еще говоритъ иногда врагъ: ты не такъ здоровъ, останься дома, отдохни». Какъ будто во храмъ идутъ на работу! Тамъ-то и отдыхъ душѣ и совѣсти! То ли дѣло, когда поусерднѣе помолишься: на душѣ становится легче, а съ душею и тѣлу лучше. Теплая молитва ко Господу—наилучшее лекарство отъ всѣхъ болѣзней.

Посѣщая храмъ, надобно умѣть стоять въ немъ какъ должно иначе и бывъ въ церкви, ничего не получишь для души: даже вмѣсто пользы получишь вредъ. Въ самомъ дѣлѣ, не вредъ ли получаетъ тотъ, кто идетъ въ церковь не въ своемъ видѣ (а бываютъ къ сожалѣнію, и такіе)? Это значитъ ругаться имени Божію, и явно идти подъ тяжкое осужденіе. Не вредъ ли получаютъ тѣ, кои, вмѣсто того, чтобы молиться, заводятъ въ церкви разговоры, нерѣдко такіе шумные, что мѣшаютъ другимъ слушать и молиться? Не вредъ ли получаютъ тѣ, кои, идя во храмъ, наряжаются, чтобы на нихъ смотрѣли, и думаютъ соблазнять другихъ своими прикрасами? Таковыхъ ожидаетъ неминуемый гнѣвъ Божій. Въ храмъ надобно идти съ умомъ чистымъ, опрятно, но безъ особыхъ украшеній; въ храмѣ надобно стоять тихо, устремивъ взоръ и мысль къ Богу и святымъ иконамъ. Если необходимо сказать кому что-либо, то сказать кратко и

тихо. Должно воздерживать себя отъ самыхъ естественныхъ движеній, дабы не помѣшать тому, что читается, или поется, напр., не кашлять громко и тому подобное.

Благоустроивъ себя такимъ образомъ, надобно питать душу свою тѣмъ, что совершается во храмѣ.

Здѣсь, во-первыхъ, совершается разное чтеніе—евангелія, апостола, пророчествъ, каноновъ, стихиръ, молитвъ. Когда читается все это, особенно евангеліе и апостолъ, то вперяй весь умъ въ то, что слышишь, ибо ты слышишь слово Божіе; а слово Божіе дороже, какъ говоритъ св. Давидъ, перловъ и золота. Какъ бы ты подбиралъ, если бы кто сыпалъ тебѣ жемчугъ или златники? Такъ подбирай и слова, выходящія изъ устъ читающаго въ церкви. Кто знаетъ, какое изъ нихъ подѣйствуетъ на твою душу? По невниманію можно проронить именно то слово, которое для тебя предназначено. Мы видимъ изъ жизни святыхъ людей, что они отъ одного какого-либо слова евангельскаго оставляли грѣховную жизнь, перемѣнялись совершенно и начали быть святыми. То же можетъ быть и съ тобою, если будешь внимателенъ. А если не будешь, то что бы ни читалось, все пройдетъ мимо уха и не оставитъ никакого слѣда въ сердцѣ, и, не принесши пользы, обратится въ осужденіе. *Слово*, говоритъ Спаситель, *еже глаголахъ, то судитъ въ послѣднїй день* (Іоан. 12, 48). Почему судитъ? Потому что слышали его безъ вниманія и не воспользовались имъ. Лучше было бы не слышать его и не знать пути Господня, подобно язычникамъ. *Аще не бы пришелъ*, говоритъ Тотъ же Господь, *и не глаголалъ имъ, грѣха не бышa имѣли; нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ* (Іоан. 12, 48).

Далѣе, въ храмѣ совершаются таинства, особенно таинство Тѣла и Крови Христовой. Это бываетъ во время литургіи, особенно послѣдней части ея. Тутъ посему потребно особенное и вниманіе и благоговѣніе, ибо это время чудесъ. И когда дьяконъ скажетъ: *станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ*, соберись со всѣми мыслями и чувствами, отложи всякое земное попеченіе, вообрази, что ты стоишь на Голгоѳѣ и предъ тобою на крестѣ Сынъ Божій, Спаситель твой; или что ты въ горницѣ Сіонской, и предъ тобою нисходитъ Духъ Святый. Воздѣнь вмѣстѣ съ священникомъ руки къ Богу и молись; пади съ нимъ на

помостъ храма. и благодари Бога за неизреченную Его милость. Ибо какъ не милость, когда на святомъ престолѣ приносится въ сію минуту за грѣхи наши жертва столь великая! Какъ не чудо, когда обыкновенный хлѣбъ и вино, дѣйствіемъ Святаго Духа, обращаются въ эту минуту въ Тѣло и Кровь Христову, дабы питать души наши въ жизнь вѣчную?

Когда мы такимъ образомъ будемъ посѣщать храмъ Божій. то каждый разъ будемъ возвращаться въ домы свои лучшими, нежели какъ пошли въ него: умъ у насъ будетъ свѣтлѣе. сердце спокойнѣе, совѣсть живѣе, упованіе тверже. Когда мы такимъ образомъ будемъ посѣщать храмъ, то все и въ домахъ нашихъ сдѣлается лучше, мы престанемъ предаваться невоздержанію, слово гнило не будетъ выходить изъ устъ нашихъ, самыя худыя мысли со дня на день рѣже будутъ заходить въ нашъ умъ. Аминь.

Слово при заложеніи храма *).

Мы стоимъ на мѣстѣ всенародной печали и сѣтованія: рѣдкій изъ васъ не проливалъ здѣсь горькихъ слезъ. И вотъ, на семъ мѣстѣ плача и рыданій Господь даруетъ намъ радость, и не на часъ или на день, а навсегда!... Ибо здѣсь будетъ храмъ; а гдѣ храмъ, тамъ радость. Отраднѣе будетъ оставлять любезныхъ сердцу на вѣчный покой подъ сѣнію дома Божія; отраднѣе будетъ приходить на мѣсто ихъ покоища и находить, что оно оглашается богослуженіемъ и принесеніемъ за нихъ безкровной Жертвы; отраднѣе будетъ для самихъ мимоходящихъ видѣть, что градъ нашъ красуется не одними зрѣніями для живыхъ, но и мѣстами священной памяти по умершимъ.

Посему-то, какъ только посѣтилъ я въ первый разъ мѣсто сіе, во мнѣ родилось желаніе устроить здѣсь храмъ. Безъ сего, казалось мнѣ, и могилы здѣшнія не тихи, и почивающіе въ нихъ не мирны. Теперь сіе желаніе исполняется; и я, полагая въ основаніе храма первый камень, первый радуюсь и благодарю за сіе Бога. Когда, при по-

*) Произнесенное мая 25 дня, 1845 года, на новомъ харьковскомъ кладбищѣ.

мощи Божіей, дѣло сіе придетъ къ концу, тогда мы будемъ посѣщать мѣсто сіе, не смущаясь болѣе мыслію ни за живыхъ, ни за почившихъ. Иначе, какъ было не смущаться? У живыхъ столько высокихъ и пространныхъ чертоговъ а у почившихъ отцевъ и братій не было даже храма!... Что же значитъ въ такомъ случаѣ наша память о нихъ, что любовь къ нимъ, что слезы литыя и льющіяся на ихъ могилы? Тѣмъ паче нельзя было не смущаться за мертвыхъ. У живыхъ разные источники утѣшеній, а у почившихъ одна отрада—престолъ милосердія, на коемъ приносится за грѣхи ихъ безкровная жертва. И сего-то престола, сего-то источника утѣшенія здѣсь не было!

Но, благословенъ Тотъ, Кто обладаетъ живыми и мертвыми! Се, и на семъ мѣстѣ плача водворяется радость для живыхъ и мертвыхъ!—Теперь, жители града Харькова, отъ васъ зависитъ и ускорить и упрочить сію радость вашими посильными приношеніями на помощь святому дѣлу, нынѣ предначинаемому. Ибо,—да будетъ извѣстно вамъ,—оно предначинается безъ всякихъ готовыхъ средствъ, точію о имени Божіемъ и по надеждѣ на ваше усердіе и любовь къ здѣ лежащимъ отцамъ и братіямъ вашимъ. Слышите ли, что они говорятъ вамъ изъ могилъ своихъ? Братія и други, говорятъ они, мы оставили вамъ все, что имѣли; не взяли съ собою во гробъ ничего, кромѣ креста Христова; и теперь не хотимъ ничего отъ васъ, кромѣ храма. Дайте намъ храмъ! Дайте пристанище душамъ нашимъ! Дайте молитву и жертву безкровную о грѣхахъ нашихъ! Покажите, что мы не забыты вами, что вы любите насъ по прежнему и печетесь о вѣчной судьбѣ нашей!

Если бы къ сему гласу отцевъ и братій вашихъ нужно было присовокупить что-либо и отъ насъ, то мы скажемъ вамъ, братіе, что, благотворя мѣсту сему, содѣйствуя устроенію здѣшняго храма, вы заранѣе окажете благотвореніе и самимъ себѣ... Ибо долго ли оставаться вамъ въ домахъ и жилищахъ вашихъ? Чрезъ нѣсколько лѣтъ (и какъ скоро пройдутъ они!) всѣ вы возляжете на вѣчный покой, подъ сѣнію сего храма, и отъ него, можетъ быть, по гласу трубы архангельской, возстанете съ плотію на судъ всемірный. Спѣшите же усвоить себѣ этотъ храмъ, или паче себя храму сему—посильнымъ участіемъ въ сооруженіи его. Да не про-

длится благое дѣло за недостаткомъ средствъ! Да не рекутъ: вотъ храмъ, котораго не могутъ или не хотятъ достроить! Да возымѣемъ и мы сугубую радость, положивъ первый камень, возжечь здѣсь и первую свѣщу; и какъ теперь приносимъ молитву за храмъ, такъ въ уготованномъ храмѣ принести молитву о живыхъ и мертвыхъ!

Крестителю Христовъ, Іоанне! Твое святое имя наречено на храмѣ семъ: пріими же и храмъ и мѣсто сіе подъ сѣнь святыхъ молитвъ твоихъ! Да обрѣтаютъ души здѣ лежащихъ братій нашихъ въ тебѣ ходатая и заступника предъ престоломъ Того, за Котораго усѣчена честная глава твоя *)! Аминь.

Слово по освященіи церкви,

ДРЕВНЕЙ ПОДЗЕМНОЙ НЕДАВНО ОТКРЫТОЙ И ВНОВЬ ВОЗСТАНОВЛЕННОЙ ВЪ СВЯТОГОРСКОЙ ОБЩЕЖИТЕЛЬНОЙ ПУСТЫНИ **).

Не много словъ потребно для храма сего, если смотрѣть на его видимое, столь малое пространство, но не мало надобно думать и соображать, когда захочешь дойти до его перваго начала и предназначенія.

Кто и когда положилъ основаніе сему храму? Чьи руки ископали эту пещеру и утвердили въ ней престолъ Богу живому?—Ни живаго, ни мертваго отвѣтчика на это не видно; ни современнаго, ни поздняго свидѣтеля о семъ не слышно. Явно только, что руки сіи были не праздныя, а трудолюбивыя, и что онѣ любили углубляться въ сердце земли не для отысканія металла гибнущаго, а для собранія сокровищъ духовныхъ и вѣчныхъ. Обратимъ ли испытующій взоръ на эти камни, кои одни пощажены временемъ?—они самымъ видомъ своимъ говорятъ, что здѣсь былъ нѣкогда храмъ, коего стѣны посредствомъ нихъ же впослѣдствіи времени были укрѣпляемы; но когда происходило это? опять неизвѣстность. Одно можемъ сказать, что окончательное устроеніе сего храма, въ настоящемъ его видѣ, должно было произойти не въ самомъ началѣ христіанства въ Отечествѣ нашемъ, ибо свойство плинѳъ, здѣсь употребленныхъ, не то, какое ви-

*) Новый храмъ заложенъ въ память усѣкновенія главы Предтечевой.
**) Сказанное августа 30, 1846 г.

димъ въ храмахъ нашихъ первобытныхъ.—но и не въ близкія къ нашимъ времена, иначе сохранилась бы память о семъ событіи.

При такомъ мракѣ и недоумѣніи, какъ дорогъ былъ и малый лучъ свѣта! Какъ желанно было-какое либо, хотя бы и скудное, но несомнѣнное указаніе! И вотъ по тайному распоряженію Промысла, не попускающаго изглаждаться совершенно на грѣшной землѣ нашей самымъ слѣдамъ стопъ вѣрныхъ рабовъ своихъ, какъ бы нарочно во свидѣтельство о судьбѣ сего храма, сохранялся въ живыхъ до прошедшаго лѣта ветхій, столѣтній старецъ, надъ свѣжею могилою коего, у входа въ сію пещеру, возглашали мы сейчасъ вѣчную память. Не много могли пріять мы изъ его слабѣющихъ устъ; но пріяли то самое, что наиболѣе было нужно для насъ, а именно, что пещера сія должна быть современна самому бытію здѣшней обители, что въ ней былъ храмъ во имя преподобныхъ и богоносныхъ отецъ, Антонія и Ѳеодосія кіево-печерскихъ, что храмъ сей сокрывался уже подъ землею въ неизвѣстности въ то время, когда монастырь со скалы сошелъ долу, и слѣдовательно пришелъ въ сію неизвѣстность гораздо прежде.—по всей вѣроятности,—во время общаго запустѣнія сего края и цѣлаго отечества отъ нашествія всеразрушавшихъ монголовъ, что въ предпослѣднее время,—лѣтъ за восемьдесятъ предъ симъ.—пещера сія была случайно найдена и открыта между прочимъ руками сего же старца, бывшаго тогда юношею, но по смутнымъ обстоятельствамъ тогдашней обители, оставленная безъ вниманія, паки вскорѣ сокрылась подъ землею, въ ожиданіи нынѣшняго, вмѣстѣ съ нею, пакибытія и обновленія.

Какъ послѣ сего не смотрѣть намъ на сію малую храмину, какъ на священный останокъ временъ самыхъ древнихъ?—Какъ не признать въ ней произведенія рукъ, подобныхъ тѣмъ, кои подвизались въ горахъ кіевскихъ и обратили ихъ во святилище вѣры и благочестія? Здѣсь и тамъ, одни и тѣ же образы и виды бытія иноческаго; одинъ и тотъ же долженъ быть и духъ, облекавшійся въ сіи образы. Мнѣ кажется, я вижу, какъ святые иноки горы Печерской, наслѣдовавъ отъ первыхъ вождей своихъ святую наклонность къ распространенію по землѣ Русской житія пустынно-иноческаго, порѣваемые, подобно древнему пророку, духомъ

(4 Цар. 2. 2—6). оставляютъ свое мѣстопребываніе и идутъ, одни на востокъ, другіе на западъ, иные на сѣверъ, сіи на югъ, ища мѣста для подвиговъ, которое укажетъ Господь. И. вотъ, нѣкоторые изъ нихъ приходятъ въ страну нашу, достигаютъ здѣшняго мѣста: необыкновенный видъ горъ, глубокое безмолвіе окрестностей, останавливаютъ ихъ, приводятъ имъ на память святыя горы кіевскія; и, они, призвавъ на помощь Бога и святыхъ угодниковъ кіево-печерскихъ, остаются здѣсь на жительство. То есть, что дѣлаютъ? То есть, по примѣру оставленныхъ ими собратій кіевскихъ, искапываютъ для пребыванія своего пещеры, одни—можетъ быть, особенно наклонные къ созерцанію.—на скалѣ, высящейся надъ всею окрестностію, другіе,—болѣе преданные безмолвію и затвору, здѣсь, въ сей юдоли, предобразуя такимъ образомъ для будущей обители, имѣвшей помѣститься въ срединѣ, какъ бы два духовныя крыла, противоположныя по виду, но равно способныя возносить достойныхъ горѣ—къ Тому, Который благоволилъ именовать Себя Владыкою горъ и юдолей (3 Цар. 20. 28).

Кто бъ не пожелалъ, чтобы въ назиданіе наше древнія лѣтописи сохранили намъ дѣянія и подвиги первыхъ вселенниковъ мѣста сего, подобно какъ сохранена память о подвигахъ и дѣяніяхъ древнихъ обитателей пещеръ кіевскихъ? Но и безъ особенныхъ лѣтописныхъ сказаній мы удобно можемъ представить себѣ образъ и родъ жизни ихъ: ибо онъ, какъ мы сказали, долженъ быть подобенъ тому, какой видимъ у святыхъ отшельниковъ кіевскихъ. Одна только особенность не могла не отличать постоянно мѣста сего, потому что выходила изъ самаго положенія его на послѣднихъ предѣлахъ тогдашняго Отечества нашего. Будучи лишены всякой защиты земной, окруженные народами дикими и невѣдущими Бога истиннаго, обитатели святыхъ горъ по тому самому непрестанно видѣли мечъ надъ главою своею и, оканчивая день, изъ глубины души говорили съ Церковію: *день прешедъ, благодарю Тя, Господи! вечеръ съ нощію миренъ и ненавѣтенъ подаждь ми!* Если на горахъ кіевскихъ обильно лились слезы покаянія и любви: то здѣсь вмѣстѣ съ сими слезами лилась нерѣдко и кровь мученическая. Посему, если гдѣ, то здѣсь,—при посѣщеніи сихъ святыхъ горъ,—довлѣетъ полагать мѣру самымъ стопамъ своимъ, дабы не попрать

дерзновенною ногою костей или святой персти какого-либо исповѣдника вѣры и мученика.

Престанемъ же послѣ сего дивиться, что отъ столькихъ вѣковъ бытія здѣшней обители не осталось намъ никакихъ сказаній. Лѣтописцами ея не могли быть люди: единые Ангелы вписывали дѣянія и подвиги въ книгу живота. На всемірномъ судѣ, гдѣ разгнутся всѣ книги и воспомянутся всѣ дѣянія, тамъ услышится исторія обители Святогорской.

Вамъ, братія обновленной обители, предоставлено Промысломъ Божіимъ продолжать исторію ея и на землѣ, продолжать не столько повѣстію словесною и писаніемъ, сколько самымъ дѣломъ и святыми подвигами. Войдемъ же въ духъ нашего святаго предназначенія. Благо намъ, если мы, при помощи ревнителей благочестія, возстановимъ стѣны и возградимъ забрала древней обители. Но эта работа, хотя и небезтрудная, составляетъ токмо одни подмостки къ зданію, одинъ приступъ къ труду негибнущему. Существенное предназначеніе наше, главный подвигъ долженъ состоять въ томъ, чтобы въ насъ воскресъ духъ древней обители, чтобы онъ, облекшись какъ бы новымъ тѣломъ, явился въ первобытной лѣпотѣ своей, да всѣ, ближніе и дальніе, видя дѣла вѣры и плоды любви нашей о Христѣ, прославили за насъ Отца, Иже на небесѣхъ. Да напоминаетъ вамъ о семъ выну между прочимъ и обновленный храмъ сей!—Входя въ него, подъ землею, воображайте, что вы умерли для міра и идете уже тѣмъ послѣднимъ путемъ, по коему всѣмъ намъ нѣкогда должно пройти. Исходя отсюда паки на свѣтъ, воображайте, что вы, подобно Ангеламъ, исходите до времени въ міръ, для совершенія воли Божіей, во благо ближнихъ. Памятуйте, что богоносные отцы, коимъ имя наречено на храмѣ семъ, не престанутъ посѣщать его невидимо и назирать за вашими молитвами и дѣяніями. Да обрѣтаютъ они и здѣсь то, чѣмъ услаждается духъ ихъ въ пещерахъ,—ископанныхъ ихъ собственными руками!—Тогда неизвѣстные намъ, но вѣдомые Господу, основатели храма сего возрадуются о васъ *на ложахъ своихъ* (Псал. 149, 5), въ царствѣ Отца небеснаго; тогда и мы почтемъ себя счастливыми, что удостоились, хотя мало, послужить обрѣтенію и возстановленію сего храма и низвести въ настоящій день на него благодать освященія. Аминь.

Слово въ день открытія Святогорскаго Успенскаго монастыря *).

Итакъ, плѣнъ святогорскій кончился! Да возрадуются Ездра и Неемія, благоускорившіе его окончаніемъ!—Итакъ Лазарь, не три дня, а семьдесятъ лѣтъ лежавшій во гробѣ, возсталъ: остается только разрѣшить погребальныя пелены и дать ему идти (Іоан. 11. 44): да предстанутъ Марѳа и Марія, и да окажутъ ему сію послѣднюю услугу! Благословенъ Господь, и попустившій пріити на сіе мѣсто запустѣнію и не давшій обратиться ему въ то ужасное, вѣчное запустѣніе, коимъ угрожалъ нѣкогда пророкъ Іерусалиму. Должно благодарить и за прошедшее запустѣніе; ибо явно теперь, что это было запустѣніемъ зимы, среди коего, въ нѣдрахъ земли, тайно предуготовляются и цвѣты весенніе и плоды лѣтніе. Велико было искушеніе: но вѣренъ Богъ, Иже не попускаетъ *искуситися паче, неже можемъ понести:* ибо со искушеніемъ сотворено наконецъ и *избытіе* (1 Кор. 10, 13). Теперь и къ сей пустынѣ можно со всею полнотою обратить слова пророка: *да возвеселится пустыня и да цвѣтетъ, яко кринъ* (Исаіи 35, 1)!

Да возвеселится! Ибо все, что наводило и могло наводить скорбь, или уже прошло, или пройдетъ скоро, и не только пройдетъ, но и само будетъ причиною къ радости. Таково свойство сердца нашего, что намъ—даже пріятно бываетъ вспоминать о прошедшихъ бѣдствіяхъ, коль скоро они благополучно кончились: тѣмъ паче, если вознаграждены сугубо, какъ того надѣемся и здѣсь. Можетъ быть, я отъ радости вижу болѣе, нежели сколько есть: но мнѣ кажется, что вчера, когда мы входили во врата сей обители съ небесною Поспѣшительницею, то и рѣка была живѣе, и скала возвышеннѣе, и древа величественнѣе, и все какъ будто сочувствовало нашей радости. Какъ впрочемъ было и не возрадоваться самой неодушевленной природѣ, когда она узрѣла предъ собою изображеніе чудотворнаго лика Матери Божіей, на который безъ благоговѣнія не могутъ взирать Херувимы и Серафимы! Когда почувствовала, что къ здѣшнему мѣсту приближаются, заключенные въ семъ ликѣ, святые останки

*) Сказанное въ церкви Святогорскаго общежительнаго мужескаго Успенскаго монастыря августа 15 дня, 1844 года.

великихъ угодниковъ Божіихъ, предъ коими трепещутъ самые духи злобы? Какъ было не возрадоваться горамъ и юдолямъ здѣшнимъ, когда онѣ, вмѣсто прежняго запустѣнія, паки становятся мѣстомъ убѣжища для душъ, взыскующихъ горняго отечества, когда среди ихъ водружается обитель благочестія, въ коей выну будетъ совершаться жертва хвалы и благодаренія Господу?

Но если и для неодушевленныхъ существъ было мѣсто въ торжествѣ нашемъ, то какою радостію должно исполняться нынѣ ваше сердце, боголюбивые жители окрестныхъ мѣстъ, кои доселѣ съ такимъ сожалѣніемъ взирали на развалины сей обители, и для коихъ (не скроемъ истины) сіи развалины постоянно составляли нѣкій не несправедливый упрекъ и укоризну. Теперь сія укоризна отъемлется, и вы съ веселіемъ будете восходить на скалу, на которую прежде нельзя было вамъ и воззрѣть безъ смущенія. Я уже не говорю о своихъ мысляхъ и чувствахъ въ настоящій день: ихъ вѣдаетъ Господь, безъ всякихъ заслугъ нашихъ, даровавшій намъ возможность послужить, какъ умѣли, возсозданію и сего святаго мѣста. Почту подобнымъ же молчаніемъ и чувства тѣхъ, кои возревновали святою ревностію о печальной участи святыхъ горъ и, при первой возможности, поспѣшили изъять ихъ изъ собственнаго удѣла, дабы обратить паки въ жребій Господень. Таковымъ дѣяніямъ похвала и награда не у насъ, а у Всевышняго. Довольно сказать, что всѣ мы и все вокругъ насъ имѣетъ нынѣ и причину и побужденіе къ радости, и никто и ничто—къ печали.

Итакъ, да возвеселится пустыня, бывшая столько лѣтъ и сама унылою, и наводившая уныніе на всѣхъ зрящихъ! О чемъ и о комъ да возвеселится? О Господѣ. Всякая другая радость была бы не по пустынѣ; всякое другое веселіе снова можетъ обратить ее въ пустыню духовную. Веселіе святыхъ пустынь—Господь, утѣшеніе ихъ—Духъ Святый, украшеніе ихъ—крестъ Христовъ. Сею радостію да возвеселится пустыня и да распространяетъ сію радость окрестъ себя! Да отучаетъ примѣромъ своимъ отъ шумныхъ и мутныхъ радостей міра, кои веселятъ на время и печалятъ навсегда, кои, утучняя плоть, томятъ душу и изъядаютъ сердце!—Да возвеселится и да цвѣтетъ, яко кринъ! Чѣмъ цвѣтетъ? Вѣрою, упованіемъ, смиреніемъ, воздержаніемъ, молитвами, чувствомъ любви и

милосердія, благодатными дарами Духа Святаго. Ибо чѣмъ же иначе цвѣсти пустынѣ? Ужели мудростію мірскою, которая нерѣдко возносится на самый разумъ Божій? Но сія мудрость и у посвятившихъ себя ей производитъ не цвѣтъ въ лицѣ и крѣпость силъ, а часто доводитъ до гроба, такъ что *приложивый разумъ* мірской, по замѣчанію премудраго Соломона, рѣдко не прилагаетъ себѣ вмѣстѣ съ симъ и болѣзни (Еккл. 1, 18). Ужели цвѣсти пустынѣ стяжаніями, сокровищами, златомъ и серебромъ? Но все это и въ мірѣ нисколько не помогаетъ человѣку въ *день скончанія его*—поможетъ ли въ пустынѣ? Ужели наконецъ цвѣсти пустынѣ пресыщеніемъ плоти и сластями житейскими? Но, *сѣяй въ плоть* и въ мірѣ *отъ плоти* пожинаетъ наконецъ одно *истлѣніе* (Гал. 17, 7): въ пустынѣ ли отъ плотоугодія возрасти нетлѣнію и жизни вѣчной? Нѣтъ, обновляемая обитель благочестія, не мудрости человѣческой, не благъ земныхъ, не чести и славы преходящей желаемъ тебѣ въ день пакибытія твоего! Мы возлюбили тебя во Христѣ любовію не земною, посему и желаемъ тебѣ лучшаго. Оградою твоею да будетъ страхъ Божій и послушаніе начальникамъ; высотою твоею да будетъ смиреніе и созерцаніе духовное; златомъ и украшеніемъ твоимъ да содѣлается любовь взаимная и духъ нестяжанія; драгоцѣнные перлы твои да составятся изъ молитвъ и слезъ умиленія. Когда сіи добродѣтели утвердятъ здѣсь жилище свое: тогда всѣ недостатки твои пройдутъ сами собою: тогда не только ближнія веси, но и отдаленные грады будутъ приходить къ тебѣ за благословеніемъ: тогда самые Ангелы Божіи, нисходя въ дольній міръ нашъ, будутъ съ удовольствіемъ находить среди тебя успокоеніе себѣ.

Сбудутся ли сіи благожеланія?... Вѣруемъ, что сбудутся. Ибо не напрасно же Матерь Божія съ святыхъ горъ кіевскихъ пришла къ намъ сюда въ дивномъ ликѣ своемъ въ день обновленія сей обители: Она узрѣла здѣсь мѣсто, для Нея угодное. Не напрасно вмѣстѣ съ Нею—въ честныхъ мощахъ своихъ—поспѣшили явиться нынѣ богоносные угодники кіевопечерскіе: они предусмотрѣли здѣсь преемниковъ своихъ въ подвигахъ иноческихъ. Что совершилось вчера, совершилось для того, чтобы и васъ, братіе, здѣ вселяющихся, воодушевить святымъ упованіемъ при самомъ началѣ вашихъ подвиговъ, и насъ утѣшить благою надеждою за

васъ и за наше усердіе къ мѣсту сему. И почему бы и вамъ и намъ о васъ не имѣть сей благой надежды? Откуда пришли вы? Изъ того мѣста, которое славится всюду строгостію житія иноческаго *). Вы оставили его подобно Аврааму, оставившему свое отечество, и рѣшились вселиться среди здѣшнихъ развалинъ. Пребудьте же увѣрены, что Господь, поминающій всякую жертву, тѣмъ паче *необидливъ забыти дѣла вашего и труда любве, юже показасте во имя Его*—къ сему святому мѣсту (Евр. 6, 10). Если кому изъ васъ остается еще принести въ жертву своего Исаака—послѣднюю привязанность къ чему-либо земному и временному: то гдѣ лучше совершить сіе жертвоприношеніе по чину Авраамову, какъ не на сихъ горахъ? Не напрасно гласъ народа нарекъ ихъ святыми. Здѣсь все располагаетъ къ благочестію: текущая у вратъ обители вашей рѣка будетъ ежечастно выражать предъ вами непостоянство и скоротечность всего мірскаго, а стоящая надъ главою вашею скала будетъ изображать предъ вами участь раба Христова, который, вознесшись въ духѣ надъ всѣмъ міромъ, имѣя законъ Бога посреди чрева своего,—яко гора Сіонъ не подвижится во вѣкъ. Самый вѣчнозеленѣющій видъ древесъ, васъ окружающихъ, будетъ непрестанно приводить вамъ на память слова святаго Давида о праведникѣ—*и листъ его не отпадетъ, и вся, елика аще творитъ, успѣетъ* (Псал. 1, 3).

Но съ вами, братія о Христѣ, мы еще будемъ имѣть случай бесѣдовать, поучать васъ и сами поучаться съ вами и отъ васъ. Надобно поспѣшить сказать что-либо въ назиданіе тѣхъ, кои въ такомъ множествѣ собрались нынѣ сюда почтить день сей и раздѣлить радость нашу, и коихъ, можетъ быть, мы никогда не увидимъ болѣе. Не утѣшительно было бы вамъ, боголюбивые посѣтители и гости наши, возвратившись въ домы свои съ такого празднества, не принести съ собою какого-либо дара пустыннаго. У насъ самихъ нѣтъ для васъ такого дара, но есть у Того, Кто воздвигъ сіи горы, Кто повелѣлъ струиться у подножія ихъ сей рѣкѣ, Кто населяетъ теперь сію пустыню и творитъ ю духовнымъ прибѣжищемъ для градовъ и весей. Слышали, что изречено Имъ въ нынѣ чтенномъ евангеліи Марѳѣ!

*) Изъ Глинской пустыни, что въ Курской епархіи.

Сказано, *яко едино есть на потребу* (Лук. 10. 42). Что сказано Маѳѣ, то сказано всѣмъ намъ: ибо всѣ мы, подобно многозаботливой Маѳѣ, печемся и молвимъ, и къ сожалѣнію, не часъ единъ, какъ она, а всю жизнь, о многѣ; между тѣмъ какъ для всѣхъ насъ существенно велико и важно одно—вѣчное спасеніе душъ нашихъ. Возьмите же, братіе мои, сіи драгоцѣнныя слова Спасителя, вмѣсто напутія и дара отъ новой обители, въ домы ваши. Когда возвратитесь къ присным своимъ, и васъ будутъ спрашивать, что вы видѣли здѣсь, скажите, что мы видѣли, яко *едино есть на потребу* человѣка, и что тѣ, кои, оставивъ суету міра, посвятили здѣсь себя на исканіе сего единаго, избрали благую часть, *яже не отымется отъ нихъ во вѣкъ*. Когда у васъ будутъ любопытствовать, что вы слышали отъ насъ съ сего священнаго мѣста, скажите, что вы слышали, яко *едино есть на потребу*, и что сіе единое состоитъ въ томъ, чтобы спасти душу свою, чтобы сохранить вѣру и совѣсть свою, чтобы приготовиться къ смерти и страшному суду Божію, всѣхъ насъ ожидающему; чтобы, наконецъ, слезами покаянія омыть и дѣлами милосердія убѣлить одежду души своей. А между тѣмъ, братія мои, сорадуясь возстановленію изъ развалинъ древней обители сей обратите вниманіе на храмъ души вашей и разсмотрите, не лежитъ ли и онъ въ развалинахъ, не заросъ ли волчцами и терніемъ, не витаютъ ли въ немъ зловѣщія птицы и звѣри дивіи. Ибо, что пользы для насъ, если вокругъ насъ все обновится и возстанетъ изъ развалинъ, а мы, своими нравами, дѣлами и жизнію, будемъ походить на брошенныя всѣми развалины? Что пользы для насъ, если внѣшніе храмы наши заблистаютъ златомъ и привлекутъ на себя взоры всѣхъ, а внутренній храмъ души нашей останется пустымъ, безмолвнымъ и непроходимымъ? Посему-то, возвращаясь въ домы ваши, обозрите свою жизнь и вникните въ свою совѣсть. Кто найдетъ внутрь себя что-либо похожее на развалины (а многіе ли не найдутъ, если будутъ искать?), тотъ да возревнуетъ о ихъ возстановленіи! Высочайшій указъ о семъ давно подписанъ небеснымъ Самодержцемъ: остается только каждому привести его надъ собою въ исполненіе! Аминь.

Слово въ день открытія Ахтырскаго Святотроицкаго монастыря *).

Есть время всякой вещи подъ небесемъ: есть время созидати и есть время разрушати. говоритъ Премудрый (Екк. 3, 1—3). Какъ ни плачевно это послѣднее *время разрушати* и какъ ни противно первобытному порядку вещей, какимъ вышелъ онъ нѣкогда изъ рукъ Творца: но въ настоящемъ нашемъ, извращенномъ грѣхопаденіемъ перваго человѣка и обреченномъ за сіе разрушенію, мірѣ, и это плачевное время не можетъ уже не имѣть своей чреды; и когда приходитъ она, то дѣйствуетъ сильно и неотразимо, не только въ дѣлахъ міра, но и въ дѣлахъ Церкви, поколику она сопринадлежитъ міру. Примѣръ и доказательство сего—здѣшнее мѣсто. Не знаемъ, какъ и отъ чего именно, но пришло на него, за шесть десятилѣтій предъ симъ, ужасное время разрушати;— и все превратилось: смиренные обитатели мѣста сего разсѣялись; зданія и ограды разрушены: самая святыня разнесена по разнымъ мѣстамъ. На нерукотворенной горѣ остался только одинъ рукотворенный храмъ, какъ бы на стражѣ среди запустѣнія, и въ предвѣстіе будущаго возсозданія. Долго стражъ сей стоялъ въ одиночествѣ пустынномъ: долго собирались сюда одни звѣри сельные и птицы небесныя. Набожный путникъ, мимоходя здѣсь къ святымъ мѣстамъ кіевскимъ, съ сожалѣніемъ взиралъ на святую гору, служившую нѣкогда пристанищемъ для всѣхъ, подобныхъ ему, странниковъ; мирный житель окрестныхъ селеній еще съ большимъ сожалѣніемъ всходилъ по временамъ сюда, на то мѣсто, гдѣ предки его обыкли собираться на моленіе во всякой нуждѣ и обстояніи, общественномъ и частномъ. Всѣ сѣтовали объ участи сего святаго мѣста: и никто не могъ поднять его изъ развалинъ.

Но наконецъ приспѣло и для сей св. горы радостное *время—созидати:* и се, паки водворяется здѣсь обитель Святыя и Живоначальныя Троицы! И какъ бы въ награду за прошедшее злостраданіе, водворяется въ сугубомъ видѣ благочестія, и какъ пристанище любви къ Богу—для иночествую-

*) Сказанное 3 іюля 1843 года.

шихъ, и какъ пристанище любви къ ближнимъ—для обремененныхъ лѣтами и недугами *).

Возблагодаримъ же, братіе, Господа за то, что для насъ выпалъ отрадный жребій находиться здѣсь не въ печальное время разрушенія, а въ радостное время возсозданія. Падемъ въ умиленіи духа предъ симъ чудотворнымъ ликомъ Матери Божіей **) и скажемъ изъ глубины души: Ты, Всепѣтая, простерла зиждительный покровъ твой надъ мѣстомъ симъ; твоимъ всемощнымъ предстательствомъ у Сына твоего и Бога возстаетъ оно теперь изъ развалинъ!

Вмѣстѣ съ симъ да прославится имя благочестивѣйшаго Монарха, который, въ неусыпномъ попеченіи своемъ о благоустройствѣ Церкви православной, при первомъ услышаніи о печальной судьбѣ сего святаго мѣста и о желаніи возстановить его, не умедлилъ изречь свое державное: «да будетъ!» Да возносится благодарнѣ здѣсь, день и нощь, имя и святѣйшаго правительствующаго Синода, предстательствомъ у трона и благословеніемъ коего возсозидается теперь здѣшняя обитель!—Примите отъ лица ея благодарность и вы, боголюбивые жители окрестныхъ селеній, кои своими желаніями подвигли и насъ къ ходатайству о возсозданіи ея, кои вашими посильными приношеніями дали намъ возможность ручаться не только за способъ къ ея существованію, но и за благія дѣйствія ея на всю страну вашу.

Чего пожелать тебѣ, святая обитель, въ день обновленія твоего? Пожелать ли высокихъ стѣнъ, пространныхъ зданій, златыхъ главъ, сребра и перловъ многоцѣнныхъ? Можетъ быть, и сіе не мимо идетъ тебя; но мы пожелаемъ тебѣ большаго и лучшаго. Не высокими стѣнами ограждаются обители иноческія, а благодатію, уставомъ святыхъ отецъ, послушаніемъ начальникамъ, взаимнымъ братолюбіемъ и вся-превосходящимъ смиреніемъ. Огражденныя такимъ образомъ, онѣ сами служатъ невидимою оградою для цѣлыхъ странъ. Не златыми главами и крестами блистаютъ святыя обители предъ очами Бога и Ангеловъ, а чистотою и твердостію вѣры православной, неусыпною молитвою о благосостояніи всего міра, подвигами любви христіанской и

*) Въ новооткрытомъ монастырѣ имѣетъ помѣщаться епархіальная богадѣльня для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ священно-и церковнослужителей.

**) Икона Богоматери Ахтырской, которая въ крестномъ ходѣ принесена была въ сей день изъ города въ монастырь.

самоотверженіемъ. Не сребро и перлы составляютъ ихъ богатство, а благіе нравы и дарованія духовныя, коими Самъ Духъ Святый обогащаетъ души простыя и смиренныя. Сего-то богатства духовнаго, сего-то украшенія нетлѣннаго, сей-то ограды несокрушимой молитвенно желаемъ тебѣ, новая обитель! Да будешь не именемъ токмо, но и дѣломъ обителію Святыя и Живоначальныя Троицы! Какъ превознесена ты надъ всею страною здѣшнею самымъ положеніемъ твоимъ, тако да возвеличишься ты и высотою внутреннею и дарами Духа Святаго! Если кому, то тебѣ должно непрестанно памятовать слова Евангелія: *не можетъ градъ укрытися, верху горы стояй* (Матѳ. 5. 14). Совершающееся въ тебѣ все и для всѣхъ далеко видимо; да будетъ же все видимое таково, чтобы зрящіе за зримое всегда могли прославлять Отца, Иже на небесѣхъ! Тогда, не смотря на внѣшнюю скудость твою, ты не будешь чувствовать ни въ чемъ недостатка; не убоишься болѣе за существованіе твое никакихъ превратностей временъ и обстоятельствъ; тогда и мы отъ сердца будемъ радоваться и благодарить Господа, что удостоились послужить къ возсозданію твоему.

А васъ, благолюбивые обитатели окрестныхъ мѣстъ, просимъ продолжить и, если можно, усугубить усердіе ваше къ новой обители. Ибо, какъ сами видите, она, подобно новорожденному младенцу, нуждается во всемъ. Посѣщая сію гору, ищите на ней успокоенія не тѣлу, а духу вашему; не ласкъ и привѣтливости мірской, а назиданія и уроковъ христіанскихъ. Терпѣливо перенесите, если служеніе и чинъ церковный не явятся здѣсь предъ вами тотчасъ во всей лѣпотѣ, подобающей святымъ обителямъ. За молитвами Матери Божіей, и сіе не умедлитъ произойти; и мы особенно будемъ пещись о томъ.

Мати Божія! Твоимъ предстательствомъ у Господа обитель сія возстаетъ изъ полувѣковыхъ развалинъ: пріими же ее навсегда подъ всемогущій покровъ твой! Сама посѣщай ее и видимо и невидимо; сама назирай за ея преспѣяніемъ, внѣшнимъ и внутреннимъ; сама руководи здѣсь и руководимыхъ и руководителей. На *Тебе бо*, на Тебе единую, *надѣемся, и Тобою* — болѣе никѣмъ — *хвалимся: твои бо есмы раби, да не постыдимся, Владычице!* Аминь.

Слово на другой день по открытіи Ахтырскаго мужескаго Святотроицкаго монастыря *).

Кто взыдетъ на гору Господню? или кто станетъ на мѣстѣ святѣмъ Его? Неповиненъ рукама и чистъ сердцемъ, иже не ульсти языкомъ своимъ (Псал 23, 3—4).

По всевозсозидающему промышленію Царя небеснаго и державному соизволенію Самодержца земнаго, мѣсто сіе. братіе мои, со вчерашняго дня, паки содѣлалось мѣстомъ святымъ, а гора здѣшняя — горою Господнею. Вчера, отъ избытка радости, мы способны были токмо славить и благодарить Господа за исполненіе нашихъ общихъ молитвъ и желаній: нынѣ можно обратиться и къ размышленію о происшедшемъ и, послѣдуя примѣру святаго Давида, вопросить: *кто же взыдетъ* на эту новую *гору Господню*, и *кто станетъ* на этомъ новомъ *мѣстѣ святѣмъ?*—Вопрошеніе сіе касается двоякаго рода лицъ: во-первыхъ—тѣхъ, кои, оставивъ міръ, будутъ восходить на здѣшнюю гору для всегдашняго пребыванія на ней; во-вторыхъ, тѣхъ, кои, не оставляя жизни въ мірѣ, будутъ являться на семъ святомъ мѣстѣ, какъ временные его посѣтители. По отношенію къ первымъ можно спросить: чего требуется отъ того, кто хощетъ содѣлаться сыномъ святой обители и посвятить себя здѣсь навсегда жизни иноческой? Въ отношеніи ко вторымъ можно пожелать знать: съ какимъ расположеніемъ духа должно посѣщать здѣшнее святое мѣсто мірянину?—Отвѣтомъ на первый вопросъ укажутся и означатся обязанности постоянныхъ жителей; а отвѣтомъ на второй—обязанности посѣтителей новой обители. О томъ и другомъ полезно побесѣдовать, дабы каждый—и житель и посѣтитель—зналъ заранѣе, чего ожидаетъ отъ него святая гора, и сообразно съ тѣмъ велъ себя здѣсь, не извиняясь невѣдѣніемъ.

Кто убо взыдетъ на гору Господню? кого новая обитель ожидаетъ на жительство къ себѣ? кто въ правѣ желать быть сыномъ ея? *Неповиненъ рукама и чистъ сердцемъ, иже не ульсти языкомъ своимъ,* отвѣчаетъ святый Давидъ. Кто бы и изъ насъ не пожелалъ для новой обители такихъ чистыхъ

*) Сказанное 4 іюля 1843 года.

и святыхъ жителей? Мы первые далеко вышли бы на встрѣчу, и поклонились бы срѣтаемому до земли, если бы пришелъ на обитаніе сюда хотя единъ изъ подобныхъ человѣковъ Божіихъ. Но гдѣ взять ихъ?—Да не оскудѣваютъ сіи земные ангелы по крайней мѣрѣ въ цѣлой странѣ нашей; ибо они, по слову Самого Спасителя, суть свѣтъ міра и соль земли; а впрочемъ, гдѣ бы ни находились таковые, они вездѣ наши, ибо вездѣ молятся о насъ ко Господу. Въ отношеніи же къ новой обители пожелаемъ молитвенно, дабы она способна была вмѣстить, если Святой Троицѣ угодно будетъ препослать ей въ даръ таковый сосудъ благодати.

Говоря такимъ образомъ, мы ни мало не разногласимъ со святымъ Давидомъ и не мыслимъ уничтожать силу его требованія. Ему нельзя было не искать безгрѣшія и совершенной чистоты въ томъ, кто восходитъ на гору Господню; ибо онъ имѣлъ въ виду не земную какую-либо гору, какъ мы, а небесную, ту, которая явится на землѣ, когда не будетъ на ней уже ни горъ, ни юдолей,—ту гору, которая показана была въ дивномъ видѣніи Евангелисту Іоанну. На сію гору, очевидно, никто не можетъ взойти, кромѣ тѣхъ, *иже убѣлиша ризы своя въ крови Агнчи, и суть прочее безъ порока* (Апок. 7, 14). Касательно небесной обители на сей будущей горѣ справедливо сказано: *не имать внити въ ню ничтоже скверно, но токмо написанныя въ книгахъ животныхъ Агнца: внѣ всякъ любяй лжу и творяй мерзость* (Апок. 21, 27). Наша же гора не имѣетъ такой высоты и неприступности; и должна служить токмо лѣствицею и преддверіемъ къ сей горѣ Сіонской. Посему и изъ обители на горѣ нашей долженъ слышаться не сей строгій приговоръ, а другой гласъ дражайшаго Спасителя нашего, слышанный изъ устъ Его во все время земнаго пребыванія Его между человѣками: *пріидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28). Сообразно сему здѣшняя обитель должна быть отверста для всякаго, кто, почувствовавъ нужду удалиться отъ шума мірскаго и суеты житейской, рѣшится посвятить дни свои на служеніе Господу и на приготовленіе себя къ вѣчности.—Какова бы ни была прошедшая жизнь, въ чемъ бы ни состояли слабости духа и тѣла, отъ чего бы ни страдало сердце и совѣсть, но

коль скоро въ комъ есть твердое намѣреніе, *не кпому человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время* (1 Пет. 4. 2): то мѣсто сіе хотя и свято, пріиметъ таковаго, гора сія, хотя и Господня, допуститъ его не только стать, но и вселиться на вершинѣ ея.

Такимъ образомъ и въ отношеніи къ нашей горѣ мы не отступаемся вовсе отъ требованія Давидова, только обращаемъ его, какъ видите, не на прошедшую жизнь восходящихъ на гору для вселенія на ней, а на ихъ жизнь послѣдующую. До житія на горѣ ты могъ быть, чѣмъ тебѣ угодно: это твое дѣло, о коемъ вопроситъ тебя здѣсь только развѣ духовный отецъ твой; но съ тѣхъ поръ, какъ ты вселился на сей горѣ, уже не только святый Давидъ, но и настоятель твой потребуютъ отъ тебя,—и справедливо,—чтобы ты былъ *неповиненъ рукама, чистъ сердцемъ и безъ лести въ устахъ*.

И во-первыхъ, *неповиненъ рукама*: то есть, неукоризненъ въ житіи и поступкахъ, ибо рука у Псалмопѣвца означаетъ нашу дѣятельность. И отъ мірянина требуется поведенія неукоризненнаго, отъ монаха—сугубо. Почему? Потому, во-первыхъ, что монахъ на то пошелъ, дабы жить благочестиво и заниматься спасеніемъ души своей; во-вторыхъ потому, что у него гораздо болѣе средствъ удаляться порока и жить добродѣтельно, нежели у мірянина. Вы сами знаете, какъ среди міра трудно бываетъ иногда удержаться въ предѣлахъ истины и справедливости по причинѣ множества искушеній и соблазновъ житейскихъ; а монахъ свободенъ отъ сихъ узъ и сѣтей. Если онъ терпитъ искушенія, то болѣе извнутрь—отъ себя самого, чему подлежитъ и мірянинъ; сонмъ же монахъ пользуется великою удобностію къ добродѣтели. Кого, напр., монаху обидѣть? противъ кого и за что сказать худое слово? Ибо вокругъ него одни братія его. Въ мірѣ непрестанно раздѣляетъ людей и приводитъ ко грѣху любостяжаніе и собственность: между вами здѣсь нѣтъ сего источника лукавствъ и вражды, ибо здѣсь—все общее. Въ мірѣ неправдуютъ и ссорятся за мѣста, за чести, за отличія: здѣсь одна честь—быть смиреннѣе всѣхъ, одно отличіе—быть послушнѣе ко всѣмъ. Среди міра впадаютъ во грѣхъ иногда даже отъ крайней нужды; напр., похищаютъ чужую собственность, чтобы утолить голодъ или при-

крыть наготу: здѣсь, если нѣтъ богатства, то нѣтъ и нуждъ подобныхъ.

При такомъ огражденіи отъ искушеній и соблазновъ, при такомъ безмятежіи духа и тѣла, при такомъ множествѣ побужденій и средствъ къ преспѣянію въ благочестіи, какъ иноку не оставаться неукоризненнымъ въ жизни и дѣлахъ своихъ и чѣмъ извинить себя, если онъ явится преступникомъ тѣхъ законовъ правды и долга, за нарушеніе коихъ самый міръ преслѣдуетъ неумолимо? Въ такомъ случаѣ не только начальство, самая гора здѣшняя вознегодуетъ на живущаго на ней; не только собратія, самые камни здѣшніе подвигнутся отъ мѣстъ своихъ и будутъ готовы пасть на главу того, кто, забывъ страхъ Божій, позволитъ себѣ пятнать и себя и обитель дѣлами неподобными.

Но мы вѣруемъ, что Святая Троица не попуститъ украшенной именемъ Ея обители потерпѣть такъ скоро ущербъ въ духовной лѣпотѣ своей отъ кого-либо изъ сыновъ своихъ. Матерь Божія, подъ покровъ коей мы отдали мѣсто сіе, сама станетъ на стражѣ и не дастъ духамъ злобы проникнуть въ него. Въ надеждѣ на сію всемогущую ограду и заступленіе, мы охотно прекращаемъ наши опасенія и обращаемся ко второму требованію Давидову, простирая его такъ же, какъ и первое, на жизнь вашу, не прошедшую,—въ мірѣ, а настоящую, со времени поступленія въ обитель.

Кто убо, вопросимъ паки, взыдетъ на *гору* Господню? кто достоинъ вселиться на здѣшнемъ святомъ мѣстѣ? Тотъ, отвѣтствуетъ царь пророкъ, кто со внѣшнею неукорительностію житія и дѣяній соединяетъ внутреннюю чистоту души и сердца: *неповинень рукама и чистъ сердцемъ!*

Надобно соединять то и другое; иначе не будетъ у тебя ни того, ни другаго. Можно таить до времени язву грѣха въ сердцѣ и являться снаружи чистымъ и праведнымъ, но нельзя утаить надолго, тѣмъ паче—навсегда. Нечистота мыслей и желаній, рано или поздно, обнаруживается и въ словахъ гнилыхъ и въ дѣлахъ студныхъ; и тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе были сокрываемы. Посему-то желающіе не казаться токмо, а быть честными, и въ семъ мірѣ стараются о томъ, чтобы соблюдать умъ свой отъ худыхъ мыслей, сердце отъ нечистыхъ желаній, воображеніе и память отъ соблазнительныхъ картинъ и видовъ. Такъ,

говорю, поступаютъ лучшіе изъ людей и въ мірѣ; тѣмъ паче нужно поступать такъ въ монастыряхъ. Истинный инокъ посему непрестанно бдитъ надъ своимъ сердцемъ; у него нѣтъ мыслей пустыхъ и бездѣльныхъ, тѣмъ паче нечистыхъ и богопротивныхъ. Богъ и вѣчность, смерть и судъ страшный, жизнь и дѣянія Спасителя и святыхъ угодниковъ Божіихъ, заповѣди и обѣтованія евангельскія, богослуженіе, таинства и обряды св. Церкви, послушаніе, ему ввѣренное,—вотъ гдѣ витаетъ мысль истиннаго инока, вотъ въ чемъ вожделѣнія души его. На самыя красоты природы онъ взираетъ осторожно, дабы, замедливъ на видимомъ и временномъ, не потерять изъ виду небеснаго и вѣчнаго. Самыя чистыя связи съ міромъ инокъ старается вести такъ, чтобы всегда могъ тотчасъ оставить и прекратить ихъ, когда потребуется, безъ всякаго сожалѣнія: ибо помнитъ, что онъ отрекся міра и всего, еже въ мірѣ, и есть для него яко мертвецъ. Покажется ли труднымъ такое господство надъ своими мыслями и чувствами? Но безъ него не можетъ быть достигнута чистота сердца: а безъ чистоты сердца непрочна и недостаточна чистота дѣяній. Какъ бы ни былъ красивъ сосудъ совнѣ, но если онъ испорченъ запахомъ худымъ, то его никто не употребитъ съ удовольствіемъ. Таковъ и монахъ живущій честно, но питающій въ душѣ своей мысли худыя. Небесный Домовладыка не пріиметъ таковаго въ домъ Свой и не дастъ ему возсѣсть среди сонма избранныхъ рабовъ Своихъ.

Памятуйте сіе, братіе мои, и не преставайте бдѣть надъ чистотою своего сердца, упраздняя его отъ всѣхъ плотскихъ помысловъ, наполняя его желаніями святыми, мыслями богоугодными и представленіемъ благъ не земныхъ и тлѣнныхъ, а небесныхъ и вѣчныхъ. Сначала это будетъ трудно для падшей и нечистой природы нашей; но потомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ сдѣлается легче. Господь, видя посильную борьбу нашу съ нечистыми помыслами, Самъ положитъ конецъ ей, изгонитъ ихъ навсегда изъ души вашей и подастъ вамъ ту драгоцѣнную чистоту сердца, ту сладкую тишину духа, кои отличаютъ всѣхъ вѣрныхъ рабовъ Его и еще на землѣ стократно вознаграждаютъ ихъ за всѣ труды и подвиги надъ собою.

Третіе требованіе св. Давида касается нашихъ устъ и языка: *иже не ульсти языкомъ своимъ*. Упоминается одна лесть,

но безъ сомнѣнія, разумѣются и всѣ прочіе недостатки и нечистоты языка, тѣмъ паче такіе недостатки, какъ злорѣчіе, клятва, срамословіе и хула. Прилично ли все это даже кому-либо изъ христіанъ? И никому не прилично, а въ инокѣ совершенно нетерпимо: если чьи уста и языкъ, то инока должны быть органомъ точію славы Божіей и духовнаго назиданія для ближнихъ.

Трудно управляться съ устами нашими! Апостолъ не напрасно назвалъ языкъ *зломъ неудержимымъ* (Іак. 3. 8). Но отъ чего онъ дѣлается такимъ? Оттого, что мы отъ юности привыкаемъ раскрывать уста, какъ случится, по первому движенію мысли; а это оттого, что мы слова наши считаемъ за ничто и не дорожимъ ими. Но поелику слова вещь важная, ибо за каждое слово надобно будетъ дать отвѣтъ, то первѣе всего надобно утвердить въ себѣ мысль о важности и святости слова человѣческаго. Памятуя сіе, мы сдѣлаемся осмотрительными во всѣхъ словахъ нашихъ; ибо мы же бережемъ дорогія вещи и никто изъ насъ не бросаетъ ихъ безразсудно, кромѣ безумныхъ. Познавъ такимъ образомъ цѣну слова и дорожа имъ, каждый по тому самому престанетъ расточать его, какъ попало; тѣмъ паче не будетъ осквернять устъ своихъ словами гнилыми и нечистыми. Надобно потрудиться надъ симъ, ибо вещь стоитъ того! Мы думаемъ, что у однихъ змѣй ядъ въ устахъ; нѣтъ, у человѣка, если вознерадитъ и допуститъ себя до того, еще болѣе бываетъ яда въ устахъ. Это не наша мысль, а Апостола, который называетъ злой языкъ исполненнымъ *яда смертоноснаго* (Іак. 3, 8). Худыя и соблазнительныя слова точно какъ ядъ; они заражаютъ слухъ и сердце слушающаго, который можетъ быть во всю жизнь свою и не подумалъ бы о какомъ-либо порокѣ, но ты кинулъ предъ нимъ ядовитое слово, и въ немъ на всю жизнь зародится искушеніе тяжкое, а можетъ быть и грѣхъ смертельный. Какъ же не беречь послѣ сего слова, когда въ немъ можетъ быть такое зло?

Впрочемъ, когда мы будемъ хранить чистоту сердца, то чистота устъ и языка придетъ за нею, можно сказать, сама собою; подобно какъ и вещественный языкъ нашъ бываетъ чистъ, когда чистъ нашъ желудокъ. Но доколѣ не достиглась еще сія внутренняя чистота мыслей и чувствъ, надобно, для охраненія устъ, брать мѣры осторожности и совнѣ, ибо, не-

хранимые. они могутъ осквернять. какъ выражается Апостолъ Іаковъ. *весь кругъ нашего бытія* (Іак. 3, 6).

Сократимъ теперь для памяти все сказанное въ немногія слова. Итакъ. чего требуется отъ жителя сего святаго мѣста? Во-первыхъ. неукоризненнаго и добраго житія, во-вторыхъ—чистоты мыслей и сердца. въ-третьихъ—слова здраваго и благаго. Все это. можно сказать. еще только азбука и начало житія иноческаго, но не прошедъ его. нельзя стремиться къ дальнѣйшему совершенству. И чѣмъ ниже и ближе первыя ступени въ лѣствицѣ, тѣмъ скорѣе надобно вступить на нихъ и утвердиться стопою твердою и невозвратною.

Не худо сдѣлаетъ тотъ изъ васъ, кто разсмотрѣнныя нами теперь слова святаго Давида изобразитъ на хартіи, и будетъ имѣть въ своей кельи всегда предъ своими очами. Мы обыкновенно неслишкомъ памятливы на доброе, посему нужно всячески помогать себѣ въ подобныхъ случаяхъ; а дѣло. о коемъ разсуждаемъ мы. очевидно, крайней важности для всякаго. Посему для того, чтобы не забывать его. и еще можно указать на одно средство. Положите себѣ за правило. разъ или два въ недѣлю уединившись размышлять съ собою по нѣсколько минутъ о томъ, за чѣмъ взошли вы на гору сію? Имѣются ли въ васъ качества, необходимыя для инока? Чего въ семъ отношеніи не достаетъ вамъ. и какъ восполнить недостающее? Равнымъ образомъ, когда будете собираться по чему-либо вмѣстѣ, то между прочими разговорами. не забывайте иногда побесѣдовать и о семъ. Поводомъ къ тому можетъ быть, пожалуй, воспоминаніе объ открытіи монастыря и нынѣшняя бесѣда наша съ вами. Другой поводъ къ тому самая псалтирь святаго Давида. Почти каждую седмицу вы будете слышать въ церкви псаломъ, изъ коего мы заимствовали предметъ настоящаго собесѣдованія. Итакъ. когда услышите чтеца, произносящаго: *кто взыдетъ на гору Господню?* вспомните нашу бесѣду и свою гору, обратите взоръ на самихъ себя. и посмотрите умными очами—есть ли въ васъ то, чего требуетъ святый Давидъ.

Теперь. благочестивые посѣтители горы сей, ваша чреда узнать и выслушать, чего святая обитель въ правѣ требовать отъ посѣщающихъ ее, и что вамъ должно наблюдать. чтобы посѣщеніе сея святыя горы, вмѣсто душевной пользы

для васъ, не обратилось во вредъ и вамъ и обитателямъ ея.

Не велико было бы, если бы и отъ васъ всѣхъ, посѣщающихъ обитель сію, потребовали той же безукоризненности житія, той же чистоты сердца и устъ, какихъ требовали сейчасъ отъ иноковъ. Ибо кто же вы? Хотя не иноки, но и не іудеи, не магометане, не язычники, а христіане, и притомъ православные: отъ христіанина ли не требовать подобной чистоты и совершенства? Что же бы значило само христіанство, если бы оно не въ состояніи было доставить намъ сихъ добродѣтелей? Ибо, есть люди и между христіанами, кои старались и стараются достигать ихъ. Но, поелику печальный опытъ и во многихъ христіанахъ представляетъ противное сему, то и мы умалимъ наши требованія въ отношеніи къ вамъ до послѣдней возможности; умалимъ и потому, что если бы даже и восхотѣли наблюдать строгій разборъ между восходящими на сію гору, то не можемъ; ибо новая обитель сія, какъ видите, не имѣетъ еще ни вратъ, ни ограды. Это знакъ, что святая гора сія должна принимать всѣхъ; и пусть восходятъ на нее всѣ. Пусть восходитъ на сію гору прилѣпившій сердце свое къ богатству погибельному и стяжаніямъ неправеднымъ, да видитъ, что есть сокровища духовныя, коихъ ни тля не тлитъ, ни татіе не подкапываютъ и не крадутъ, и да научится богатѣть добрыми дѣлами. Пусть восходитъ на сію гору сластолюбецъ и плотоугодникъ, ему же, какъ говоритъ Апостолъ, *богъ чрево* (Филип. 3. 19), да устыдится своего жалкаго рабства плоти, и познаетъ, что для человѣка существуютъ не одни наслажденія чувствъ, а и духа, и что самыя чистыя радости сердца добываются не изъ земли, а приходятъ свыше. Пусть восходитъ на гору сію и невѣрующій, да видитъ, что на землѣ есть еще вѣра, и что она столько сильна, что возноситъ человѣка надъ всѣмъ, заставляетъ оставить міръ и обречь себя на всегдашніе подвиги и лишенія.

Но, открывая для всѣхъ входъ въ новую обитель, и мы потребуемъ нѣкоторыхъ вещей отъ всѣхъ же. Какихъ? самыхъ малыхъ и ни для кого нетрудныхъ. Потребуемъ, во-первыхъ, чтобы никто не вносилъ съ собою сюда соблазновъ мірскихъ. Хочешь или не хочешь занять отсюда Духа благочестія и страха Божія, это твое дѣло: по крайней

мѣрѣ не вноси сюда духа злочестія и хулы: не возмущай покоя мирной братіи о Христѣ; стой, обращайся здѣсь, и отходи отсюда, какъ подобаетъ человѣку незлонравному. Посему застанешь ли богослуженіе и войдешь въ церковь,—не заводи шума и разговоровъ: можно наговориться о всемъ дома, или внѣ церкви. Посѣщаешь ли чью-либо келлію,—опять не заводи бесѣдъ не по слуху иноческому; не позволяй себѣ тѣхъ шутокъ и кощунства, кои обыкли сопровождать нѣкоторыхъ даже въ мѣста священныя. Не напрасно касаемся мы сего предмета, ибо отъ всего этого нерѣдко страдаютъ обители иноческія; а намъ крайне жаль новаго святаго мѣста. Когда обитель укрѣпится и возрастетъ, тогда способнѣе будетъ переносить мірскіе соблазны; а теперь она подобна новорожденному младенцу, для коего тяжело и опасно и малое противное дыханіе вѣтра и холода.

Надѣемся, братія мои, что всѣ вы, по любви къ новой обители, вполнѣ раздѣляете съ нами сіи мысли и чувства наши. Вознесемъ же, въ заключеніе слова, совокупно молитву ко Господу, да Онъ всеблагій, паки изведши ее изъ небытія, оградитъ ее благодатію Своею отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ навѣтовъ и искушеній, да подастъ обитателямъ сей горы желаніе и силы соотвѣтствовать званію и святымъ обѣтамъ ихъ, а посѣщающихъ оную да осѣняетъ выну духомъ благоговѣнія къ святому мѣсту и молитвамъ о грѣхахъ своихъ. Аминь.

Слово по освященіи теплаго храма

ВО ВРЕМЕННОМЪ ПОМѢЩЕНІИ НОВООТКРЫВАЕМАГО МОНАСТЫРЯ НИКОЛЬСКАГО *).

Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ (Псал. 17, 36), говоритъ единъ изъ тѣхъ, въ коихъ былъ и есть дивенъ Господь. А намъ, взирая на храмъ сей, который вдругъ какъ бы вышелъ изъ земли, или сошелъ съ облаковъ, во смиреніи и съ благоговѣніемъ подобаетъ рещи: *дивенъ Богъ* не точію *во святыхъ Своихъ*, но и въ насъ грѣшныхъ! Кто бы могъ подумать за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, что здѣсь, на этомъ

*) Сказанное октября 6 дня 1845 года.

пустынномъ мѣстѣ. будетъ храмъ. и что къ сему храму стечется на всегдашнюю молитву и обитаніе толикое число душъ, взыскующихъ горняго отечества?—Но, что не приходило никому и на мысль, то исполняется теперь на самомъ дѣлѣ, да увѣдаемъ собственнымъ опытомъ, что *невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога* (Лук. 18, 17), и что у Него Всемогущаго *не изнеможетъ всякъ глаголъ* (Лук. 1, 37). *Всякъ глаголъ*, говоримъ мы, ибо все видимое теперь и вокругъ сего храма не заключеніе и конецъ, а только начало и залогъ того, что имѣетъ произойти на мѣстѣ семъ. Рѣдкая и святая судьба ему предназначена! Ибо здѣсь имѣетъ быть обитель благочестія, постоянное пристанище для душъ, кои, оставивъ міръ и все еже въ мірѣ, взыскали *единаго на потребу* и обрекли себя на всегдашнее служеніе Господу.

Но кто измѣнилъ такъ дивно судьбу мѣста сего и произвелъ это, столь рѣдкое въ наши времена событіе, и почти чудо? Все это содѣлали вѣра и любовь къ Богу и ближнимъ. Онѣ, какъ два ангела небесные, явились на мѣстѣ семъ; овладѣли сердцемъ владѣтелей его; открыли имъ очи на суету всего земнаго; возродили въ душахъ ихъ тоску по небесномъ отечествѣ, и внушили ознаменовать земное поприще свое не суетными замыслами и предпріятіями гордости житейской, а учрежденіемъ обители благочестія.

Примите же, боголюбивые создатели храма сего, примите нынѣ первую награду за вѣру и любовь вашу. Радость дня сего первѣе всего принадлежитъ вамъ. Безъ васъ и вашихъ жертвъ здѣсь не было бы не только обители, но и сего храма; и въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, по-прежнему, вѣялъ бы одинъ вѣтеръ пустынный. За то съ сихъ поръ изъ сего храма, въ слѣдъ за молитвами о вѣнценосцахъ и пастыреначальникахъ Церкви, будетъ ежедневно возноситься моленіе и о васъ, яко его создателяхъ. Воодушевленные сею молитвою, теките бодрственно на святое дѣло, вамъ предлежащее, не теряя духа и тогда, если бы среди трудовъ вашихъ срѣтили васъ какая-либо скорбь и искушеніе. Господь Самъ, когда созидалъ міръ сей для насъ, почилъ не въ первый, или во второй, а въ седьмый день. Не будемъ и мы ускорять преждевременно нашего успокоенія и предоставимъ его Тому, Кто, предназначивъ *субботство людемъ Божіимъ* (Евр. 4, 9), единъ знаетъ, когда и какъ насъ ввести въ оное.

А вы, здѣсь вселяющіеся, познайте изъ сего храма великость Божія снисхожденія къ вамъ, и не преставайте благодарить за сіе Господа. Ибо, подумайте—не здѣсь собственно мѣсто вашей обители; ея еще и нѣтъ: завтра мы будемъ токмо освящать мѣсто подъ нее. Но поелику вы не усомнились явиться здѣсь, пришли еще къ не-сущему и вселились здѣ въ упованіи на будущее, то и Онъ, всеблагій, видя вѣру, любовь и терпѣніе ваше, не сталъ медлить и ждать; пришелъ къ вамъ сюда на обитаніе и, можно сказать, на странствованіе съ вами. Посему вы можете и должны взирать на храмъ сей, какъ израильтяне взирали нѣкогда на скинію свидѣнія, ходившую съ ними по пустынѣ Синайской. Это знаменіе видимаго присутствія Божія между вами и видимаго покрова небеснаго надъ вами, такого покрова, могущественнѣе коего нѣтъ не только на землѣ, но и на небѣ. Ибо здѣсь, въ семъ храмѣ, будетъ постоянно съ вами не Ангелъ токмо водитель, какъ было съ израильтянами въ пустынѣ, а Самъ Господь Ангеловъ и Архангеловъ, Единородный Сынъ Божій, выну приносимый и приносящій Самого Себя на сей святой трапезѣ въ жертву за грѣхи человѣческіе.

Итакъ, *не бойся*, скажемъ и мы словами дражайшаго Спасителя нашего, *не бойся малое*, новособранное, духовное *стадо: благоволи Отецъ небесный*, и тебѣ *дати царство* (Лук. 7, 32), то царство, предъ коимъ всѣ царствія и всѣ блага міра суть яко тѣнь и мечта, которое стяжавается не мудростію человѣческою и силою, а слезами, терпѣніемъ и всегдашнею *печалію по Бозѣ* (2 Кор. 7, 13); то царство, о коемъ написано: *праведницы же возсіяютъ яко солнце во царствіи Отца ихъ* (Матѳ. 13, 43). *Обѣтованія* и дары Божіи, не какъ обѣты человѣческіе, суть *нераскаянны* (Рим. 11, 23). Онъ возлюбилъ мѣсто сіе, ибо избралъ его и призвалъ васъ къ нему; *а ихъ же призва*, вѣщаетъ Апостолъ, *сихъ и оправда, а ихъ же оправда, сихъ и прослави* (Рим. 38, 30). Итакъ будьте благодушны. Господь, призвавшій васъ, съ вами, и никтоже на вы! Пресвятая Матерь Его, имени коей посвященъ храмъ сей, съ вами, и никтоже на вы! Угодникъ Христовъ и чудотворецъ Николай съ вами, и никто же на вы!

Точію потщитесь, молимъ васъ, *новое званіе и избраніе ваше*, какъ увѣщаваетъ Апостолъ Петръ, *извѣстно сотворити*

(2 Петр. 1. 10). Чѣмъ извѣстно? Во-первыхъ, единодушіемъ и взаимною любовію во Христѣ, которая для васъ тѣмъ нужнѣе, что вы стеклись сюда изъ разныхъ мѣстъ; во-вторыхъ, послушаніемъ своему начальству, которое по новости своей и вашей, можетъ затрудняться даже тѣмъ, какъ повелѣвать вами; въ-третьихъ, благонравіемъ и духомъ истиннаго благочестія, которое состоитъ не въ словеси, а въ жизни и силѣ. Памятуйте, что міръ, коего удалились вы, не умедлитъ обратить на васъ и въ здѣшней пустынѣ своихъ взоровъ, не только испытующихъ, но и злозавидящихъ. Итакъ, блюдите себе, а въ лицѣ своемъ и новую обитель вашу, отъ всякаго нареканія не точію предъ Богомъ, но и предъ человѣками, да уразумѣютъ всѣ, и ближніе и дальніе, что мы не всуе вышли сюда изъ градовъ и весей, и яко воистинну есть Господь на мѣстѣ семъ. Аминь.

Слово при открытіи женскаго Верхохарьковскаго Никольскаго монастыря,

и при заложеніи зданій для него *).

Слава святѣй, единосущнѣй и нераздѣльнѣй Троицѣ! Слава и благодареніе пресвятѣй Троицѣ, ибо отъ Троицы мы начали и Троицы достигли. Се, третія новая обитель благочестія! Обитель уже не мужей, а женъ, да и для сихъ, по Апостолу, немощныхъ сосудовъ, не будетъ недостатка въ пристанищѣ отъ бурь и треволненій моря житейскаго. Мы не знали, какъ возблагодарить Господа за первый даръ, за обитель Святотроицкую Ахтырскую; а Онъ, великодаровитый, преподалъ намъ вторый, не меньшій—обитель Святогорскую Успенскую; еще не прошла радость о семъ дарѣ, и се ниспосылается третій—обитель Никольская! Слава убо и благодареніе святѣй, единосущнѣй и нераздѣльнѣй Троицѣ! это Ея дѣйствіе, Ея даръ! И чтобы мы не усомнились въ семъ, смотрите, какъ ниспосылается намъ сей послѣдній даръ! Орудіемъ устроенія новой обители является не одно какое-либо лице и не многія, какъ было прежде, а какъ бы въ

*) Сказанное октября 7 дня, 1845 года.

соотвѣтствіе горнему тріединству, предстаютъ три дѣйствователя, раздѣленные тѣлесы, но совокупленные духомъ, о коихъ не по плоти токмо и крови, но и по вѣрѣ и любви ко Христу, можно сказать, что они едино суть.

Ибо, если бы не были едино, то устремились ли бы съ такимъ единодушіемъ къ единому святому предмету и единой святой цѣли? Еслибъ были и едино, но по плоти токмо и крови, а не по духу, то взыскали-ль бы съ такимъ единодушіемъ единаго на потребу, обходя все прочее? О, плоть и кровь не являютъ сего! Подобныя предпріятія и намѣренія приходятъ свыше, отъ Того, Кто въ сердцахъ, открытыхъ для Его дѣйствія, Самъ есть *и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Филип. 2, 13). Міръ? Онъ для самаго братскаго единодушія указалъ бы на множество другихъ предпріятій, обольстительныхъ для похоти очесъ и гордости житейской. Но наша христолюбивая троица умѣла, благодатію Божіею, вознестись не только надъ обаяніями суеты земной, но и надъ разсчетами обыкновенной дѣятельности человѣческой. Посему-то, конечно, и избрана она Троицею небесною въ благопотребное орудіе для святаго дѣла, нынѣ предначинаемаго. Да обрѣтаетъ же она въ сей мысли о горнемъ избраніи своемъ и награду за прошедшіе труды, и ободреніе въ предстоящихъ подвигахъ, и несомнѣнный залогъ успѣха, и щитъ противъ искушеній, неразлучныхъ со всякимъ истинноблагимъ дѣломъ. Устрояемая здѣсь обитель благочестія будетъ наилучшимъ знакомъ признательности и самымъ священнымъ памятникомъ для почившихъ въ Бозѣ родителей вашихъ. Духъ ихъ невидимо носится теперь здѣсь и радуется радостію самою чистою и полною, видя, какъ собранное благоразуміемъ и трудами ихъ не расточается по суетнымъ требованіямъ свѣта и прихотямъ самолюбія, а назначено ожидается во славу Божію и духовную пользу ближнихъ.

Но, что новая обитель? Что речемъ о судьбѣ ея? Какую цѣль бытія укажемъ для ней? Какого дара и совершенства пожелаемъ ей?—Слѣдуя съ благоговѣніемъ божественному счисленію и порядку лицъ Пресвятыя Троицы (ибо какъ мы вѣруемъ, что все пріяли отъ Троицы, то желали бы и все принятое возвести къ Троицѣ), придержась самаго порядка во времени учрежденія нашихъ обителей (ибо мы дольніе не

успѣемъ вознестись мыслію къ троичному премірному сіянію, какъ падаемъ долу, въ кругъ временнаго). новой обители предстоитъ высокая честь и святое преимущество быть обителію Св. Духа. Не усомнимся же, воодушевясь вѣрою и упованіемъ, не усомнимся въ сей торжественный часъ сдѣлать единожды и навсегда распредѣленіе трехъ новыхъ обителей нашихъ, и скажемъ: обитель Ахтырская, яко первая по учрежденію, да утверждается незыблемо вседержавнымъ именемъ Бога Отца! Обитель Святогорская, яко вторая по времени, да красуется и свѣтлѣетъ сладчайшимъ именемъ Бога Сына! Обитель Никольская, яко заключающая число трехъ, да будетъ въ особенный удѣлъ Бога Духа Святаго! Не раздѣляемъ нераздѣлимое и единосущное, точію, по немощи нашей, ищемъ особаго божественнаго покрова для каждаго новаго мѣста. Со всѣми же, и сими новоучрежденными, и прежними двумя обителями, да будетъ выну благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, и да будутъ онѣ всѣ и всегда едино по вѣрѣ, любви и упованію жизни вѣчной! се наше желаніе и се наша молитва! Пріими, Пресвятая Троица, сей трехчастный даръ, отъ Тебя ниспосылаемый и Тебѣ отъ насъ паки приносимый, пріими, укрѣпи и соблюди его благодатію Твоею, да служитъ онъ во славу пресвятаго имени Твоего и къ духовному освященію страны нашей, да, улучивъ сіи *три* новые *грады убѣжища* (Числ. 35, 15), возможетъ всякъ находить въ нихъ, во время благопотребно, спасеніе отъ того непримиримаго врага и супостата, который *яко левъ рыкаяй ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 1, 8)!

Усвоясь въ удѣлъ Духу Святому, новая обитель, безъ сомнѣнія, пожелаетъ, не отлагая времени, узнать, какіе дары Духа и какіе плоды Его, дабы, узнавъ какіе дары, содѣлывать себя способною къ принятію ихъ, а узнавъ какіе плоды Святаго Духа, начать украшаться ими. Да пріимется же съ любовію, что, по краткости времени, возможно сказать намъ теперь о предметѣ столь важномъ, сказать не окончательно, а начинательно, ибо мы почтемъ за долгъ, посвятивъ обитель сію Духу, какъ можно чаще бесѣдовать съ ней о Святомъ Духѣ.

Какіе дары Святаго Духа? На вопросъ сей даетъ намъ отвѣтъ евангелистъ ветхаго завѣта, пророкъ Исаія. Предъ-

изображая полноту даровъ духовныхъ въ лицѣ Спасителя нашего. Онъ говоритъ, что на Немъ почіетъ *Духъ премудрости и разума. Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія. Духъ страха Божія* (Исаіи 11, 23). Но Спаситель нашъ для того и пріялъ Духа *безъ мѣры* (Іоан. 3. 34), дабы отъ полноты Его мы вси потомъ пріяли *благодать возблагодать* (Іоан. 1. 16). Посему мы находимъ дары сіи во всѣхъ истинныхъ послѣдователяхъ Христовыхъ: всѣ они были живыми органами Духа Святаго, хотя не въ такой мѣрѣ, какъ Самъ Спаситель (ибо главѣ подобаетъ быть превыше тѣла, для его же совершенства); однакоже въ такомъ обиліи, что предъ ихъ даромъ премудрости и вѣдѣнія всѣ знанія и мудрость человѣческія были нерѣдко яко буйство, а предъ ихъ духовною крѣпостію все могущество земное оказывалось яко немощь.

Не замедлятъ, возлюбленныя сестры о Господѣ, не замедлятъ и на васъ почить сіи дары Святаго Духа, если вы будете содѣлывать себя способными къ пріятію ихъ. Ибо Духъ Святый любосообщителенъ и самъ прилежно взыскуетъ достойныхъ Его. Но паче всего мы желаемъ для васъ двухъ послѣднихъ даровъ, то есть, духа благочестія и духа страха Божія. Нѣтъ причины скорбѣть, если не будетъ между вами прозорливыхъ, съ даромъ вѣдѣнія тайнъ; и безъ сего можно видѣть все потребное къ животу и спасенію, такъ какъ все это открыто въ словѣ Божіемъ. Нѣтъ нужды сокрушаться, если не окажется между вами дара той силы и крѣпости, кои могутъ рещи горѣ: *двигнися и вержися въ море, и будетъ* (Марк. 11, 23); и безъ сего можно быть крѣпкимъ на сраженіе со страстями, на отраженіе соблазновъ вѣка, на побѣду надъ искушеніями плоти и крови. Но горе, горе, если оскудѣетъ въ васъ духъ благочестія и страха Божія! Безъ сего монастырь не монастырь, монахиня не монахиня! Безъ сего лучше жить въ мірѣ, не носить чернаго одѣянія, и не произносить напрасно обѣтовъ монашескихъ, да не хулится ради насъ имя святой обители, самое пресвятое имя Божіе!

Послѣ сего крайне важно для всѣхъ васъ узнать, какъ пріобрѣтаются и сохраняются дары Святаго Духа.

Главныя средства и къ полученію и къ сохраненію сихъ даровъ суть: молитва и таинства святой Церкви. Молитва. Самъ Господь, стяжавшій для насъ благодать Святаго Духа

кровію Своею, говоритъ: *аще вы зли сущи, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ Духа Святаго просящимъ у Него* (Лук. 11. 13). Посему, желая пріять благодать Духа, надобно прилежно молиться и очищать себя въ то же время отъ всякой скверны плоти и духа, яко несовмѣстныхъ съ чистотою и святостію Духа Божія. Зная потребность такой молитвы, святая Церковь по тому самому и заставляетъ насъ такъ часто произносить: *Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины, пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны!*

Послѣ молитвы самое надежное для всѣхъ и видимое средство къ полученію благодатныхъ даровъ Святаго Духа суть таинства Церкви, ибо каждое изъ седми таинствъ, ею содержимыхъ, есть ничто иное, какъ видимое орудіе невидимой благодати Святаго Духа. Потому и седмь таинствъ, что седмь даровъ Святаго Духа. Мы не можемъ уже снова принимать нѣкоторыхъ таинствъ, какъ-то крещенія и муропомазанія, ибо они преподаются единожды и навсегда; не можемъ также участвовать въ тѣхъ таинствахъ, кои предназначены только для извѣстныхъ состояній, напр. въ таинствѣ священства: за то въ нашей власти употребленіе надъ собою таинствъ покаянія и причащенія. Но и сихъ двухъ таинствъ довольно для самаго пріискренняго соединенія насъ съ Духомъ святымъ, если мы будемъ приступать къ нимъ, какъ должно, по руководству святой Церкви. Очищаясь таинствомъ покаянія и исповѣди отъ всѣхъ скверъ грѣховныхъ, мы содѣлываемся способными къ обитанію въ насъ Святаго Духа, а таинство божественной Евхаристіи преподаетъ Его намъ вмѣстѣ съ Тѣломъ и Кровію Спасителя. Итакъ будемъ, какъ можно чаще, приступать къ симъ двумъ таинствамъ; ибо мы имѣемъ всю удобность къ тому. Міряне по необходимости развлекаются заботами о дѣлахъ житейскихъ, а намъ что дѣлать, какъ только молиться, каяться во грѣхахъ, и питать душу свою Тѣломъ и Кровію Спасителя нашего? Почему живущій въ монастырѣ и неимѣющій въ себѣ Духа Божія подобенъ человѣку, стоящему въ водѣ, и между тѣмъ томимому жаждою. Это вина его самаго, вина тяжкая и непростительная.

Но какъ, спросите, можно узнать въ себѣ присутствіе благодати Духа Святаго? А я спрошу васъ: какъ узнается

въ человѣкѣ присутствіе духа мірскаго? По его словамъ, движеніямъ и поступкамъ. Такъ же узнавайте присутствіе въ себѣ и Духа Божія. Ему же Онъ *по достоянію дхнетъ*, воспѣваетъ св. Церковь. *того скоро вземлетъ отъ земли*. Отвращеніе отъ земнаго и временнаго, и устремленіе мыслей и чувствъ къ небесному и вѣчному, есть первый признакъ присутствія въ человѣкѣ Духа Святаго. Ибо какъ огнь всегда стремится вверхъ и все хощетъ унести туда съ собою, такъ и благодать Духа. Посему человѣкъ, обладаемый Духомъ Божіимъ, иначе дѣйствуетъ, иначе говоритъ, иначе смотритъ, нежели какъ человѣкъ безъ Духа Божія. Каждому внимательному видно бываетъ, что такой человѣкъ живетъ не на одной землѣ, что въ немъ есть что-то высшее, святое и благое, что отъ него вѣетъ помазаніемъ и благодатію. Для точнѣйшаго же руководства въ семъ важномъ для спасенія нашего дѣлѣ постараемся изучить на память слѣдующее мѣсто изъ посланія Апостола Павла къ Галатамъ: *плодъ духовный*, говорится тамъ, *есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. А иже Христовы суть*, продолжаетъ потомъ какъ бы въ поясненіе Апостолъ, *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Галат. 5, 22—24). Видите, сколько признаковъ и слѣдовъ Духа! Итакъ, если не будете находить ихъ въ себѣ, то знайте, что въ васъ нѣтъ Духа Святаго, а это все равно, какъ если бы въ васъ не было ничего добраго, ибо все истинно благое можетъ быть въ насъ только отъ Духа Святаго. Примѣтьте еще, что слѣдуетъ у Апостола за исчисленіемъ плодовъ духовныхъ: воздержаніе и распятіе плоти. Безъ сихъ двухъ колецъ не можетъ держаться вся цѣпь. Ибо плоть и кровь постоянно воюютъ въ насъ и противъ нашего духа, тѣмъ паче противъ Духа Божія. Чѣмъ же инымъ возможемъ укротить ихъ и обезоружить, какъ не воздержаніемъ? Итакъ, если хотите, чтобы въ васъ были дары Духа, а равно и плоды Его, то возлюбите постъ святый и непощадѣніе плоти. Мы утвердимъ крестъ для основанія вашей обители въ землѣ, а вы, для основанія въ себѣ обители Духа Святаго, утвердите его въ вашемъ сердцѣ, т. е. пріимите твердую рѣшимость умерщвлять въ себѣ все плотское, начиная съ пищи и одежды до самыхъ малыхъ наклонностей и пожеланій душевныхъ. Прочее же Самъ Духъ Святый, по обѣтованію Спа-

сителя, *наставитъ васъ на всякую истину* (Іоан. 16. 13) и научитъ, яже подобаетъ творити и яже отметати, точію приклоняйте со смиреніемъ къ вѣщаніямъ Его ушеса сердца вашего, и не оставляйте исполнять на дѣлѣ внушаемаго Имъ, хотя бы оно и казалось противнымъ вашему самолюбію.

Остается поручить новую обитель кому-либо въ особый надзоръ духовный. Кому поручимъ? Между вами нѣтъ еще такой, которая бы тотчасъ могла быть привѣтствована именемъ общей для всѣхъ матери и наставницы. Вознесемъ убо теплыя молитвы къ Тому, изъ Него же, по Апостолу, *всяко отечество* и начальство *на небесѣхъ и на земли именуется* (Ефес. 3. 15), да скорѣе явитъ лице способное понести иго здѣшняго новоначальства. А въ ожиданіи сего, къ тебѣ, Святителю Христовъ Николае, обращаемся всѣ мы съ моленіемъ: поелику твое имя наречено на обители сей, то ты же, отнынѣ и навсегда, пріими ее подъ свой покровъ и надзоръ духовный! Самъ буди ея вождемъ и наставникомъ, строителемъ и питателемъ, защитникомъ и хранителемъ, да уразумѣютъ не только обитатели ея, но и вся страна наша, что не всуе даются имена, какъ людямъ, такъ и святымъ обителямъ, и что *неизчерпаемое чудесъ море*, какъ именуетъ тебя святая Церковь, не истощилось и для насъ! Аминь.

Слово по освященіи въ селѣ Богородичномъ молитвеннаго дома *).

Ко многимъ духовнымъ утѣшеніямъ, коими въ продолженіе настоящихъ дней дано намъ насладиться среди сихъ святыхъ горъ, ниспослана отъ Господа и еще одна радость—совершить освященіе сего дома молитвы!—Радость немаловажная и во всякое другое время, а теперь тѣмъ паче, ибо безъ ней всѣ прочія прежнія радости наши были бы не полны, даже отозвались бы нѣкоею скорбію, потому что радость тогда хороша и пріятна, когда радуются всѣ и каждый; а когда одни радуются, а другіе въ то же время, тѣмъ паче если

*) Сказанное августа 16 дня, 1844 года. Село сіе состояло въ приходѣ церкви Святогорской, и съ возвращеніемъ послѣдней къ ея первобытному предназначенію, возымѣло нужду въ новой для себя приходской церкви, которая и предположена тамъ къ постройкѣ, а до того времени устроенъ молитвенный храмъ, который теперь былъ освященъ.

по той же самой причинѣ, сѣтуютъ, то такая радость не свѣтла и не легка для сердца добраго. Но это самое было бы и съ нами, когда бы не явился на семъ мѣстѣ—теперь же—сей домъ молитвы. Ибо въ такомъ случаѣ мы бы радовались, что храмъ святогорскій преобразился изъ сельскаго въ соборный храмъ монастырскій, а жители сей веси, коимъ принадлежалъ оный храмъ, скорбѣли бы, что лишились его, и своею справедливою горестію возмущали бы наше духовное веселіе. Тѣмъ большая благодарность христолюбивымъ возсоздателямъ обители, кои, провидя сіе заранѣе, поспѣшили отъять всякій предлогъ къ печали для кого бы то ни было, и сооруженіемъ сего дома молитвы успокоили всѣхъ и каждаго. Теперь жители здѣшней веси не только не имѣютъ никакой причины скорбѣть, а напротивъ должны чувствовать радость сугубую, ибо вмѣсто прежняго храма—въ отдаленіи за нѣсколько верстъ, у нихъ явился теперь домъ молитвы среди ихъ собственныхъ жилищъ. А это самое, какъ мы сказали, довершаетъ полноту и всѣхъ нашихъ радостей, ибо то истинное веселіе и торжество, когда радуются всѣ и никто не имѣетъ причины къ печали, какъ это послѣдовало теперь съ нами.

Но довольно о самихъ себѣ. Время обратить рѣчь къ вамъ, жители богоспасаемой веси сей! Великій даръ ниспосланъ вамъ нынѣ отъ Господа, благоволившаго утвердить среди васъ мѣсто селенія славы Своей. Много радости было бы для васъ, когда бы даже токмо собственный—добрый—владѣлецъ вашъ избралъ весь вашу въ постоянное жилище себѣ, но домъ Божій важнѣе всѣхъ чертоговъ человѣческихъ; ибо гдѣ онъ, тамъ и престолъ благодати, тамъ источники жизни вѣчной. Надобно, посему, быть вамъ признательными къ милости Божіей и, пріявъ свыше даръ, умѣть употреблять его во спасеніе душъ своихъ. Иначе.—чѣмъ даръ болѣе и важнѣе, тѣмъ въ большее можетъ обратиться осужденіе для насъ.

Чѣмъ же, спросите, благодарить вамъ Господа?

Во-первыхъ, болѣе частымъ, въ сравненіи съ прежнимъ, хожденіемъ во храмъ Божій на молитву. Прежде, правильно или неправильно, но можно было извиняться отдаленностію храма и неудобствомъ пути къ нему; ибо надобно было ходить или черезъ рѣку, или по горамъ и дебрямъ, что въ обоихъ

случаяхъ, особенно въ нѣкоторыя времена года, было не безъ труда и не безъ опасности. А теперь чѣмъ извинишься? Почти каждому изъ васъ удобнѣе теперь придти во храмъ, нежели сходить къ иному сосѣду. Послѣ сего остаться въ какой-либо праздникъ дома и не пойти въ церковь, значило бы уже оказать явное неуваженіе къ дому Божію. Но, *Богъ*, какъ увѣряетъ Апостолъ, *поругаемъ не бываетъ* (Галат. 6. 7). Горе тому, кто презираетъ домъ Божій! У того не долго будетъ стоять и собственный домъ. А домъ души у таковаго, явно, уже ветхъ и клонится къ паденію.

Когда человѣкъ собирается идти въ церковь, то у него всходятъ нерѣдко на умъ разныя мысли противныя: ты, говоритъ мысль, не такъ здоровъ: куда тебѣ идти, останься дома, или—у тебя не сдѣлано то и то: займись и сдѣлай. Не вѣрьте, братіе, подобнымъ мыслямъ: онѣ отъ лукаваго, который не терпитъ, чтобы мы ходили во храмъ Божій, поелику это горько для него. Хотя бы ты и въ самомъ дѣлѣ недомогалъ тѣломъ, все не оставайся дома, а иди въ церковь, ибо когда помолишься прилежно, то и недугъ пройдетъ, и душѣ и тѣлу будетъ легче, ибо здравіе отъ Господа. Онъ силенъ исцѣлить всякъ недугъ и всяку язву. Не много успѣешь надѣлать, если не пойдешь въ церковь и подъ предлогомъ какого-либо дѣла дома. Ибо успѣхъ зависитъ болѣе всего отъ благословенія Божія. Когда Богъ благословитъ, то все пойдетъ хорошо, а когда Онъ отниметъ свое благословеніе, то что ни дѣлай, какъ ни трудись,—ни въ чемъ не успѣешь, какъ должно. Но дастъ ли Господь благословеніе тому человѣку, кто презираетъ храмъ Его и остается дома тогда, какъ всѣ прочіе молятся? Итакъ, православные, будьте прилежны ко храму Божію; спѣшите въ него такъ, какъ стада ваши спѣшатъ на утреннюю пажить майскую, или на источники водъ, ибо здѣсь, во храмѣ, нетлѣнная пища и питіе безсмертное для души нашей.

Пришедъ во храмъ,—это вторая благодарность ваша Господу—стойте какъ можно благочиннѣе и богобоязненнѣе. Ибо какъ обыкновенно стоите вы предъ вашимъ, даже небольшимъ, начальникомъ? Всегда стараетесь стоять какъ можно почтительнѣе. Такъ и должно быть, ибо всякое начальство отъ Господа. Но тѣмъ паче не должно забывать благочинія во храмѣ, ибо здѣсь мы стоимъ уже не предъ

земными начальниками, кои какъ бы ни были высоки, все однако же суть люди, намъ подобные, а предъ Господомъ и Творцемъ нашимъ, предъ Коимъ стоятъ со страхомъ на небѣ самые Ангелы.

Какъ между тѣмъ многіе стоятъ во храмѣ? Такъ, какъ бы стояли и находились на какомъ-либо торжищѣ:—богатые лѣзутъ напередъ; малолѣтные шумятъ и оглядываются; молодые поступаютъ—еще хуже. Кто не осудитъ такого безпорядка? И какъ онъ долженъ быть противенъ Господу и Спасителю нашему! Берегитесь, возлюбленные, безчинія и вездѣ, тѣмъ паче во храмѣ: и если бы кто по неразумію началъ вести себя безчинно, шумѣть и оглядываться, то вы, старшіе, унимайте таковаго. Бываетъ иногда, что всѣмъ трудно стоять—по тѣснотѣ: переносите благодушно эту трудность и тѣсноту. Развѣ мы не переносимъ иногда еще труднѣйшаго въ другихъ мѣстахъ? Тѣмъ паче можно и должно показать терпѣніе во храмѣ. Если гдѣ, то здѣсь. Господь увидитъ нашу любовь къ Нему и усердіе, и воздастъ намъ за все—сторицею.

Наконецъ, свидѣтельствуйтѣ, братіе мои, благодарность Господу за новый храмъ у васъ исправленіемъ вашихъ нравовъ и удаленіемъ отъ пороковъ. И прежде было худо, когда кто-либо въ день праздничный, ходя по улицамъ, заводилъ безчинные клики и игрища; но, тогда все еще не было у васъ храма. Теперь же какъ запѣть кому-либо срамную и буйную пѣсню? Какъ завести кому-либо безобразное игрище? Все это будетъ уже предъ лицемъ храма, и слѣдовательно, какъ бы предъ лицемъ Самаго Бога; а *Богъ*, какъ мы прежде сказали, *поругаемъ не бываетъ* (Галат. 6, 7). Страшно впасть въ руки Его—Всемогущаго!—А какъ не впасть, если мы, не смотря на то, что предъ очами нашими храмъ Божій, будемъ по прежнему сквернословить, лгать, божиться неправильно, сориться и предаваться дѣламъ неподобнымъ? Посему, и въ благодарность Богу и изъ жалости къ спасенію собственныхъ душъ вашихъ, старайтесь воздерживаться съ сихъ поръ отъ всѣхъ дѣлъ злыхъ. Старые и пожилые да внушаютъ молодымъ и неопытнымъ, какъ надобно вести себя и чего убѣгать изъ уваженія къ храму. Отецъ, напримѣръ, пусть скажетъ сыну: смотри, брось свое безпутство и ходи тихо, чтобы не осрамить собою храма Божія! Мать пусть скажетъ дочери: смотри, будь стыдлива и скромна среди игръ; ибо теперь на всѣхъ насъ

и юныхъ и старыхъ, смотритъ Самъ Господь изъ Своего храма!

Когда вы обратите такимъ образомъ вниманіе на свое поведеніе и постараетесь отстать отъ худыхъ обычаевъ, то, вмѣстѣ съ новымъ храмомъ, придутъ къ вамъ и новыя благословенія отъ Господа: къ полямъ и нивамъ вашимъ не посмѣетъ приблизиться ни засуха, ни градъ; къ домамъ вашимъ не посмѣетъ подойти ни огонь, ни вода; въ семьяхъ и въ стадахъ вашихъ не будетъ болѣзней смертоносныхъ.

А если останетесь невнимательны ко храму, если попрежнему будете рѣдко ходить въ него, попрежнему будете стоять въ немъ разсѣянно и безчинно; если при томъ въ селеніи вашемъ попрежнему будутъ безчинные клики, сквернословіе и игрища бѣсовскія; то знайте, православные, что Господь въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ отниметъ у васъ, у домовъ и полей вашихъ, и послѣднее благословеніе Свое; и вы послужите въ примѣръ того, какъ наказываются презрители святыни, отъ чего да сохранитъ всѣхъ васъ Господь молитвами святаго и благовѣрнаго князя Александра Невскаго, коему посвященъ храмъ сей! Аминь.

Рѣчь при заложеніи храма въ г. Севастополѣ

ВО ИМЯ СВ. И РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА, ВЪ ПАМЯТЬ ПРОСВѢЩЕНІЯ ЕГО ВѢРОЮ ХРИСТІАНСКОЮ ВЪ ХЕРСОНЕСѢ ТАВРИЧЕСКОМЪ *).

Видно, такъ угодно было Господу, чтобы я, нисколько не предвидя настоящаго событія и не думавъ о немъ, вдругъ обрѣлся теперь между вами, какъ бы для того именно, чтобы послужить молитвенно основанію сего храма. Могу ли послѣ сего остаться безмолвнымъ и не раздѣлить съ вами тѣхъ чувствъ, кои сами собою возбуждаются во мнѣ, при настоящемъ священнодѣйствіи?

Основаніе храма сего и во всякое другое время было бы событіемъ не севастопольскимъ токмо, а и всероссійскимъ; ибо кѣмъ созидается этотъ храмъ? Не здѣшнимъ токмо градомъ, и даже не одною нашею Россіею. По какому побужденію созидается онъ? Въ память крещенія и просвѣщенія

*) Произнесена 15 іюля 1854 года.

вѣрою Христовою. близъ града сего, великаго князя Владиміра; то есть, почти то же. что въ память обращенія въ христіанство земли Русской; ибо въ лицѣ князя своего крестилась тогда здѣсь и просвѣтилась вѣрою, можно сказать, вся Россія. Посему-то на всѣхъ обширныхъ краяхъ отечества. гдѣ только ни услышатъ о настоящемъ священнодѣйствіи нашемъ, возрадуются искренно и скажутъ отъ души: слава Богу и благочестивѣйшему Монарху! Давній священный долгъ всея Россіи предъ памятію великаго Владиміра скоро будетъ уплаченъ!

Но въ настоящихъ обстоятельствахъ возлюбленнаго отечества нашего. заложеніе сего храма получаетъ еще большее и обширнѣйшее значеніе. Кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи?—Это былобы. по собственному признанію ихъ, верхомъ ихъ успѣха противу насъ. А мы—въ это самое время,—какъ бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость,—полагаемъ нынѣ здѣсь основаніе храму во имя святаго Владиміра!.. Симъ самымъ, сильнѣе и внятнѣе всякихъ словъ, мы говоримъ врагамъ нашимъ какъ-бы такъ: непростительно-грубо ошибаетесь вы. воображая, что полуостровъ Таврическій составляетъ для Россіи только недавнюю добычу меча и плодъ побѣдъ: нѣтъ. это древнее и родовое достояніе наше, это наслѣдіе еще святаго Владиміра!.. Здѣсь купель нашего крещенія; здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего страну эту, кому бы то ни было, значило бы для Россіи отказаться отъ купели своего крещенія, измѣнить памяти святаго Владиміра... Возможно-ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камнѣ. нежели луна заступитъ здѣсь мѣсто креста Христова!.. Такова. говорю, сила и таковъ смыслъ нынѣшняго нашего священнодѣйствія, по отношенію къ врагамъ нашимъ! И надобно же было имъ вчера явиться въ такомъ множествѣ предъ лицемъ сего града, какъ бы нарочно для присутствія при заложеніи сего храма и для выслушанія урока, въ немъ заключающагося!.. Ослѣпленные ненавистію къ величію и славѣ Россіи, они не поймутъ теперь сего урока; но онъ не потеряетъ чрезъ то своей силы и пронесется по всей землѣ

русской, услышится и за предѣлами ея и напомнитъ о забытой истинѣ даже тѣмъ, кои хотѣли бы сокрыть ее навсегда въ неправдѣ своихъ мудрованій.

Итакъ, не унывай, богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обыщедшихъ, памятуя, что ты преемникъ и наслѣдникъ не Ахтіара мусульманскаго, а православнаго Херсонеса-Таврическаго. Созданное въ защиту твою руками человѣческими еще можетъ уступить силѣ и искусству человѣческому; но что дано и положено свыше, того не можетъ измѣнить никто и ничто. Поелику же страна сія вставлена въ составъ Россіи—въ лицѣ св. Владиміра—рукою самого Провидѣнія, то нѣтъ врага, могущаго ее отторгнуть: *яже Богъ сочета, человѣкъ не разлучаетъ* (Мато. 19, 6)! Въ такомъ случаѣ, если бы для отраженія враговъ не достало земныхъ защитниковъ.—явятся небесные: возстанетъ изъ гроба, или паче сойдетъ съ неба самъ витязь Равноапостольный, сойдетъ и приведетъ съ собою противу враговъ весь сонмъ священномучениковъ херсонскихъ, кои купили сію землю у Самого Владыки вселенныя—не златомъ и сребромъ, а слезами и кровію своею.

Радуюсь, посему, духомъ за градъ сей и благочестивомудрыхъ правителей его, кои, не смотря на множество облежащихъ ихъ теперь заботъ, нашли возможность, предъ лицемъ самихъ врагозъ, положить нынѣ основаніе храму сему! Такимъ образомъ къ твердынямъ вещественнымъ въ защиту града сего они присоединили новое, несокрушимое укрѣпленіе — духовное. Радуюсь за все православное отечество, которое изъ настоящаго священнодѣйствія нашего съ особеннымъ утѣшеніемъ увидитъ, что мы бодро стоимъ здѣсь противъ враговъ нашихъ, стоимъ не съ однимъ оружіемъ плотскимъ, но и съ непобѣдимою силою животворящаго креста Христова. Радуюсь, наконецъ, и благодарю Бога и за самого себя, коему, какъ бы ведомому *Духомъ* (Лук. 2, 27), дано явиться здѣсь такъ нечаянно и вмѣстѣ такъ благовременно. Слабыя молитвы мои всегда могли быть замѣнены молитвами другихъ, но для меня на всю жизнь осталось бы чувство сожалѣнія о томъ, что я не послужилъ основанію храма сего...

Заключимъ молитвеннымъ желаніемъ, чтобы Господь, приведшій нынѣ насъ сюда такъ неожиданно, да положимъ

здѣсь первый камень въ основаніе храма,—не судилъ насъ быть недостойными возжечь здѣсь,—въ созданномъ уже храмѣ, при освященіи его,—и первую свѣщу!—Аминь.

Рѣчь при заложеніи часовни, съ престоломъ во имя Всѣхъ Святыхъ Россійскихъ,

НА БЕРЕГУ МОРСКОМЪ, ДЛЯ ПОМѢЩЕНІЯ СВЯТЫХЪ ИКОНЪ, ПРИСЛАННЫХЪ ИЗЪ РАЗНЫХЪ МѢСТЪ РОССІИ НА БЛАГОСЛОВЕНІЕ ГОРОДУ ОДЕССѢ, ПО СЛУЧАЮ НОВОУЧРЕЖДЕННАГО ЕЖЕГОДНАГО КРЕСТНАГО ХОДА, ВЪ ПАМЯТЬ ЕЯ ОСНОВАНІЯ *).

Кто думалъ и ожидалъ, что на этомъ мѣстѣ, такъ недавно еще оспоренномъ у волнъ морскихъ, станетъ такъ скоро домъ молитвы и будетъ посвященъ не одному какому-либо божественному или святому лицу, какъ это обычно, а цѣлому собору святыхъ угодниковъ россійскихъ? — Тѣмъ паче, кто думалъ и ожидалъ, чтобы сіи угодники Божіи,—въ вѣрномъ и точномъ изображеніи ихъ святыхъ ликовъ,—всѣ сами предстали теперь среди насъ на этомъ мѣстѣ, какъ бы для видимаго и немедленнаго усвоенія себѣ, созидаемаго во имя ихъ, храма?—Но о чемъ никто не думалъ, чего никто не ожидалъ, то самое совершается теперь во славу Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ,—на благословеніе граду нашему, по окончаніи его пятидесятилѣтія!.. Какъ случилось все это?—Случилось весьма поучительнымъ для насъ образомъ: мы становимся богаты отъ собственной нашей скудости!.. Въ самомъ дѣлѣ, когда за два года предъ симъ рѣшено было увѣковѣчить для града нашего память его пятидесятилѣтія ежегоднымъ торжественнымъ хожденіемъ крестнымъ, то оказалось, что у насъ, по самой юности нашего бытія гражданскаго, нѣтъ, какъ въ другихъ градахъ, древнихъ святынь церковныхъ, коими особенно обыкли благоукрашаться хожденія крестныя. Для восполненія сего недостатка, надлежало по необходимости прибѣгнуть, такъ сказать, къ займу духовному у другихъ древнихъ градовъ и святыхъ обителей отечественныхъ;—и вотъ, благодаря духу общенія христіан-

*) Произнесена 17 іюня 1851 года.

скаго, едва только услышалось о нашей нуждѣ и духовной скудости, какъ изъ всѣхъ градовъ и обителей, славящихся мощами угодниковъ Божіихъ и чудотворными иконами, начали являться къ намъ на благословеніе святыя изображенія и лики, какъ бы въ доказательство того, что Матерь Божія и святые угодники всегда готовы на помощь намъ, только бы мы не отвращали отъ нихъ лица своего.—Но тутъ опять обнаружилась наша новая духовная скудость: ибо когда пришли къ намъ эти великіе и святые гости, то ни одинъ изъ нашихъ домовъ молитвы не оказался способнымъ вмѣстить ихъ въ полномъ числѣ и съ подобающимъ приличіемъ; а раздѣлять ихъ по разнымъ храмамъ значило бы лишить желающихъ возможности видѣть ихъ всѣ вкупѣ. Что было дѣлать?—Самая необходимость велѣла помышлять о новомъ домѣ молитвы, который бы могъ служить для нихъ общимъ и нераздѣльнымъ пристанищемъ; ибо не оставить же было столь великихъ и святыхъ гостей безъ крова и пріюта.

Но помыслить о семъ было легко, а исполнить замышленное не безъ труда: не потому, чтобы градъ нашъ не въ состояніи былъ сдѣлать, что̀ нужно, для достойнаго принятія столь великихъ и святыхъ посѣтителей, а потому, что на первый разъ, подъ живымъ и радостнымъ впечатлѣніемъ отъ новаго нашего празднества, намъ не хотѣлось обнаруживать всенародно нашу скудость духовную, для возбужденія въ комъ бы то ни было усердія отвратить ее. Желалось и ожидалось усердія, не вызваннаго нарочно, а совершенно произвольнаго и, такъ сказать, самороднаго, и—благодареніе Господу!—упованіе наше не посрамилось! Не протекло и седмицы отъ совершенія празднества, какъ явился человѣкъ желанный, который отъ благочестиваго рвенія по Бозѣ и чести святыхъ Его, одинъ сталъ за всѣхъ и принялъ на себя—иные сказали бы трудъ и издержки, а мы скажемъ святую и великую честь—устроить особенное и постоянное помѣщеніе для всѣхъ святыхъ гостей нашихъ. Не теперь и не вслухъ самого христолюбиваго созидателя,—оцѣнять сей подвигъ вѣры и любви: его оцѣнитъ съ признательностію весь градъ нашъ; ему воздадутъ честь самые отдаленные потомки, приходя въ храмъ сей на молитву; тѣмъ паче не останется онъ въ забвеніи предъ Тѣмъ, отъ имени Коего сказано: *доброхотна дателя любитъ Господь!*

Итакъ, видите, какъ мы дѣлаемся богаты отъ самой скудости нашей!—Имѣй мы древнюю святыню сами, мы не прибѣгли бы къ другимъ градамъ за нею; будь наши домы молитвы удобны къ помѣщенію всего лика святыхъ иконъ, мы не залагали бы теперь новаго для нихъ храма. Такъ *вѣрующимъ въ Бога,* по слову Апостола, все, самая скудость, *споспѣшествуетъ во благое!*

Я сказалъ, что мы становимся теперь богаты духовно, ибо не малое пріобрѣтеніе уже то, что у насъ будетъ новый домъ молитвы, и притомъ такой, какого, сколько извѣстно, не было еще доселѣ на землѣ отечественной, то есть, въ честь и память всѣхъ святыхъ россійскихъ. Но, кромѣ сего, въ новомъ храмѣ нашемъ будетъ находиться то, чего также нѣтъ въ прочихъ храмахъ, не только у насъ, но и у другихъ: я разумѣю столь значительное собраніе вѣрныхъ и точныхъ изображеній съ лика чудотворныхъ иконъ Богоматери и съ лика угодниковъ, коихъ нетлѣнныя мощи украшаютъ грады и обители отечественныя. Послѣ сего каждый, не выходя изъ града нашего, а приходя только въ храмъ сей, можетъ имѣть утѣшеніе—видѣть въ совокупности подобія той святыни, коею славятся разные края обширнаго отечества нашего. И что я говорю: видѣть одни подобія? Нѣтъ, не подобія томко святыни, а въ нѣкоторой степени, можно сказать, самую святыню. Ибо не скроемъ отъ васъ, братія, нашей тайны: когда дошла до насъ вѣсть о готовности собратій нашихъ послужить намъ въ нуждѣ нашей, то мы молили ихъ усугубить цѣну даруемаго совершеніемъ молебнаго пѣнія предъ ракою угодника Божія, отъ лица коего шла къ намъ его икона, помазаніемъ ея отъ святаго елея, предъ симъ неугасимо горящаго, и окропленіемъ отъ воды съ многоцѣлебныхъ мощей его. Подобное совершено было и надъ изображеніями, снятыми для насъ съ чудотворныхъ иконъ. Такимъ образомъ, здѣсь, въ семъ домѣ молитвы, будутъ стоять не простыя иконы,—не дѣло одной кисти художника,—а лики, исполненные отъ живоносной силы, почіющей въ чудотворныхъ иконахъ и во гробахъ святыхъ угодниковъ Божіихъ.

Возблагодари же, градъ Одесса, Господа за сіе новое знаменіе къ тебѣ милости Божіей! Призирая съ высоты нагорной на сіе святилище, не поникай долу маловѣріемъ, а

возносись мыслями къ созерцанію судебъ Божіихъ, надъ тобою явленныхъ, являемыхъ и имѣющихъ являться. Отнынѣ смотри на все, приходящее изъ-за моря, сквозь сей храмъ, въ коемъ, не смотря на малость его, въ лицѣ присланной тебѣ на благословеніе святыни своея—будетъ стоять и взирать на тебя—вся православная Россія!..

Море Черное, да отразится и на твоихъ мрачныхъ волнахъ духовная бѣлизна приближающейся къ тебѣ святыни всероссійской! Ты принесло намъ нѣкогда на хребтѣ твоемъ крестъ и евангеліе съ вѣрою православною! Зри и радуйся! Се питомцы сея вѣры, достигшіе *въ мужа совершена*, возрасшіе *въ мѣру возраста Христова*, приходятъ въ ликахъ своихъ цѣлымъ соборомъ вселиться на брегѣ твоемъ, да разумѣешь, что сѣмя вѣры, тобою принесенное, не осталось безъ плода сторичнаго, и да повѣдаешь прочимъ берегамъ твоимъ, еще непросвѣщеннымъ свѣтомъ сея вѣры, что онъ готовъ возсіять и для нихъ изъ богопросвѣщенной державы россійской.

Какъ отрадно будетъ теперь для каждаго, оставляющаго по чему-либо отечество, идя къ пристани, зайти въ сей храмъ и помолиться объ успѣхѣ предпринимаемаго пути морскаго всѣмъ святымъ россійскимъ, въ числѣ коихъ найдетъ онъ и святаго покровителя той страны, гдѣ родился и откуда пришелъ!

Какъ утѣшительно будетъ каждому, возвратившемуся изъ дальняго странствованія, вступая на брегъ, поспѣшить въ сей же храмъ, дабы пасть со слезами умиленія предъ ликомъ святыхъ заступниковъ земли отечественной!

Благодареніе Господу, тако о насъ и о градѣ нашемъ возблаговолившему!

Слово при открытіи скита въ Бахчисарайской пустынѣ.

Гдѣ мы и что дѣлаемъ? Предъ нами скала съ ея допотопною, можетъ быть, вершиною; за нами утесы съ ихъ неприступною высотою; вокругъ насъ дебри и пустыня. И въ сію-то пустыню, къ этой-то скалѣ и утесамъ стеклось столько людей и посѣтителей! Что привлекло васъ, братіе? Привлекли, очевидно, не земныя побужденія и выгоды: что для нихъ въ этой пустынѣ?—Не чувства плоти и крови: какая для нихъ пища въ этихъ голыхъ камняхъ? А живая вѣра въ Господа и Спа-

сителя нашего. Коего пречестное и великолѣпное имя славится на мѣстѣ семъ; привлекла живая любовь пречистой Матери Его, которая въ дивной иконѣ своей отъ лѣтъ древнихъ избрала гору сію въ жилище себѣ. Отъ имени убо Господа нашего и пречистой Матери Его благословляемъ васъ, братіе, за вашу вѣру и усердіе, которыя вы не теперь только явили, а являли каждый годъ и прежде, являли тогда, когда святое мѣсто сіе было оставлено едва не всѣми.

Вопреки всѣхъ превратностей времени и обстоятельствъ, вы продолжали вѣровать и любить святую гору сію;—и вотъ Господь услышалъ желаніе ваше: любимое вами мѣсто возстановляется въ древнемъ его святомъ чинѣ и благолѣпіи. Отнынѣ не во дни только настоящіе, какъ бывало прежде, а въ продолженіе цѣлаго года вы, посѣщая мѣсто сіе, будете находить въ немъ не только молитву и богослуженіе, но и образъ житія иноческаго по чину святой горы Аѳонской. Кто изъ васъ не слыхалъ о сей дивной горѣ, гдѣ тысячи добрыхъ иноковъ и смиренныхъ отшельниковъ день и нощь возсылаютъ къ Господу теплыя молитвы о мирѣ всего міра. И вотъ отнынѣ въ предѣлахъ собственнаго отечества, среди нашихъ горъ, мы будемъ имѣть утѣшеніе зрѣть подобіе древняго Аѳона! О, какое величественное и славное будущее предстоитъ горамъ нашимъ! Мнѣ кажется, я вижу уже исполненіе того, чему полагается теперь только единое начало! Вижу, какъ святый Владиміръ паки посѣщаетъ своимъ духомъ тотъ храмъ, въ коемъ онъ пріялъ крещеніе и вѣру не для себя токмо, а для всей Россіи! Вижу, какъ св. Стефанъ Сурожскій обрѣтаетъ мѣсто для своей памяти среди тѣхъ долинъ, кои напаялъ онъ струями здраваго ученія въ дни зловѣрія иконоборческаго: какъ седмь святителей и священномучениковъ херсонскихъ, теперь едва не забытые паки, въ храмахъ во имя ихъ, связуются духомъ съ прежнею ихъ паствою и начинаютъ поучать ее житіемъ своимъ; какъ первосвятители римскіе Климентъ и Мартинъ приходятъ на мѣсто своего заточенія и трудовъ и находятъ его не въ запустѣніи, какъ теперь, а въ лѣпотѣ богослуженія и чинѣ церковномъ; какъ наконецъ имя первозваннаго ученика и Апостола, который впервые огласилъ горы наши, а потомъ и всю Россію именемъ Христовымъ, нарекается съ честію на храмахъ нашихъ! Благословенъ Господь, тако возблаговолившій о мѣстѣ семъ и о горахъ нашихъ!

Отнынѣ намъ предлежитъ возращать среди себя не чувственный только виноградъ, а и духовный, отъ той божественной и животворящей лозы, о коей сказано: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе.* Благодареніе Монарху Благочестивѣйшему, который не презрѣлъ нашего моленія, повелѣлъ возстать изъ развалинъ тому, что цѣлые вѣка лежало въ запустѣніи! Принесемъ убо, братіе мои, совокупно усердныя молитвы ко Господу, да благія чаянія наши прійдутъ въ исполненіе, да труды наши не останутся вотще. Ибо аще не Господь созиждетъ здѣсь домъ во славу пресвятаго имени Своего, всуе будемъ трудиться мы—зиждущіи.

Господи! Ты зришь глубины сердецъ и помышленій, видишь нашу готовность послужить возстановленію святыхъ мѣстъ, разсѣянныхъ по горамъ нашимъ! Призри убо съ высоты святыя славы Своея и ниспошли благодать Твою на мѣсто сіе, и на всѣ прочія мѣста, ожидающія своего возстановленія!

Мати Божія, избравшая въ жилище свое святую гору Аѳонскую, благоволи осѣнить вседержавнымъ покровомъ своимъ и наши горы и пріими ихъ въ твое матернее попеченіе!

Святители и священномученики, подвижники и исповѣдники, вы, коихъ слезами и кровію орошена и освящена земля наша, пріидите на помощь нашей немощи, да крестъ Христовъ, за который вы полагали души своя, воспріиметъ въ странахъ сихъ паки и высоту и древнюю лѣпоту свою! Аминь.

Рѣчь по освященіи цистерны,

УСТРОЕННОЙ ПРИ ОДЕССКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ НА ПОЛЬЗУ НЕИМУЩИХЪ, ИЖДИВЕНІЕМЪ ОДЕССКАГО ГРАЖДАНИНА Г. И. ЗАВАДСКАГО *).

Итакъ упованіе наше *не посрамилось!* (Рим. 5. 5). Смотря на множество по стогнамъ града нашего людей, кои, во время зноя лѣтняго, истаеваютъ отъ жажды и, не имѣя возможности пріобрѣсти чашу чистой и студеной воды, принуждены утолять оную чѣмъ прилучится,—усматривая вмѣстѣ съ симъ, какъ, во время хотя рѣдкихъ у насъ дождей, множество потоковъ водныхъ упадаетъ праздно съ храмовъ нашихъ на

*) Въ 1851 году, по благой мысли и вызову преосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго, г.г. Завадскій и Бодаревскій предприняли устройство цистерны, или каменные, обложенные итальянскимъ кирпичемъ водоемы, для сохраненія дождевой воды, стекающей съ крыши при одесскомъ каѳедральномъ соборѣ и Срѣтенской церкви. Обѣ эти цистерны окончены были весною 1852 г. При освященіи первой изъ нихъ, въ воскресенье, 28 апрѣля, и произнесена была преосвященнымъ архипастыремъ настоящая рѣчь.

землю, я. братіе, не разъ помышлялъ самъ съ собою, что если бы собрать эту, безъ пользы падающую воду, при каждомъ храмѣ воедино? Сколько бы нищей братіи устудило сю во время зноя гортань и языкъ свой? И сколько бы благословеній низошло за сіе на главу того, кто сдѣлалъ бы это?

Но кто сдѣлаетъ? Храмы наши, отъ коихъ всего скорѣе и ближе можно бы ожидать подобнаго дѣла милосердія, по недавности существованія своего, сами не успѣли еще, какъ вѣдаете, удовлетворить собственнымъ своимъ нуждамъ и потребностямъ.

Въ числѣ согражданъ нашихъ многіе, бывъ благословлены избыткомъ имуществъ, весьма легко могли бы сдѣлать это безъ всякаго усилія и ущерба для себя; но станетъ ли въ ихъ сердцѣ готовности на то и усердія? Увы, несчастное свойство земнаго богатства то, что оно не размягчаетъ сердца на добро, а дѣлаетъ его жесткимъ, самозаключеннымъ и подобнымъ въ безчувствіи тому металлу, коимъ обладаютъ богачи.

Развѣ, думалъ я, обратиться за побужденіемъ на доброе дѣло въ семъ случаѣ къ Евангелію и провозгласить въ слухъ всѣхъ обѣтованіе Спасителя: *иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студеной воды во имя Мое, аминь, глаголю вамъ: не погубитъ мзды своея* (Матѳ. 10, 45)? Но, что если и за симъ не явится ни единаго благотворителя? Что, если слово Самого Спасителя, отъ насъ провозглашенное, не произведетъ дѣйствія и прозвучитъ напрасно? Не послужитъ ли это для богатыхъ въ осужденіе, и для всѣхъ—къ стыду и печали?

Среди такихъ противоположныхъ мыслей и чувствъ находились мы, братіе, не малое время; но вѣра въ силу и привлекательность добраго дѣла и упованіе на вашу сострадательность къ нуждамъ ближняго взяли верхъ у насъ надъ всѣми сомнѣніями.

И вотъ, едва только успѣли мы сдѣлать провозглашеніе евангельское, даже, можно сказать, еще не успѣли сдѣлать его во всей силѣ и привести во всеобщую извѣстность,—какъ уже явился христолюбивый согражданинъ, который со всею охотою *доброхотнаго дателя*, его же *любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7), принялъ на себя устроеніе сего кладезя: и видите, какъ усердно исполнилъ свое дѣло!

Итакъ, упованіе наше не посрамилось!..

Благодареніе убо Господу, положившему мысль благу на сердце наше и подвигшему въ то же время сердце христолюбиваго благотворителя на призывъ вѣры отозваться—дѣломъ любви!..

Теперь, по окончаніи благаго дѣла, взирая, какъ меньшая братія будетъ утолять жажду свою изъ сего водохранилища, да пріиметъ онъ мзду въ чистомъ услажденіи своей совѣсти, доколѣ праведный Судія и Мздовоздаятель не воздастъ ему за сіе сторицею въ тотъ великій и святый день, когда предстанутъ на судъ Его всѣ и каждый съ своими дѣяніями— и первый богачъ и послѣдній нищій.

Какъ отрадно и поучительно будетъ видѣть, братіе мои, когда къ каждому изъ храмовъ нашихъ присоединится по таковому же кладезю, и вода изъ-подъ креста, ихъ украшающаго, будетъ изливаться не на землю, а въ уста жаждущихъ! Тогда и о нашемъ градѣ можно будетъ сказать съ дерзновеніемъ словами Пророка: *жаждущіи, идите на воду, и елицы не имате сребра,—шедши піите безъ сребра и цѣны* (Исаіи 55, 1). Тогда не только утолившій жажду свою изъ подобнаго источника, но и всякъ посѣщающій градъ нашъ, видя, какъ мы печемся объ ея утоленіи, воздастъ о насъ хвалу Богу.

Да поспѣшатъ же тѣ, кои могутъ сдѣлать это, да поспѣшатъ раздѣлить между собою дѣло любви и милосердія истинно-христіанскаго! Устроенный при какомъ бы то ни было храмѣ источникъ не оскудѣетъ водою и для своего устроителя, тою водою, о коей сказано въ нынѣшнемъ *) Евангеліи: *а вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14); даже можетъ быть, тою водою, о которой написано: *отче Авраме, помилуй мя и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ, и устудитъ языкъ мой, яко страждү во пламени семъ* (Лук. 16, 24).

Имѣяй уши слышати, да слышитъ! Аминь.

Рѣчь при заложеніи для Ришельевскаго лицея новыхъ зданій **).

Наконецъ, дѣло, такъ давно задуманное, столько разъ рѣшенное въ умѣ и на бумагѣ, отъ всѣхъ признанное за весьма нужное, и потому не могшее остановиться совершенно, и однако же при всемъ томъ постоянно встрѣчавшее—одно за другимъ новыя препятствія, и ожиданныя, и неожиданныя, и потому—то отлагаемое, то измѣняемое.—это дѣло, по медленности своей, едва не обратившееся въ предметъ нареканій.

*) Освященіе цистерны происходило въ тотъ день, когда читается евангеліе о бесѣдѣ Іисуса Христа съ самарянкою (Іоан. 4, 5—46).

**) Произнесена 17 апрѣля 1852 года.

теперь, при помощи Божіей, начинаетъ приходить въ исполненіе—видимо и невозвратно!—Сію минуту будетъ положенъ въ основаніе новаго зданія первый камень, въ слѣдъ коего не замедлятъ ниспуститься сюда стройною чредою всѣ эти громады вещества, уготованныя для того, чтобы образовать изъ себя новое благолѣпное помѣщеніе для храма наукъ. Тѣ, кои скучали доселѣ медленностію настоящаго дѣла, могутъ теперь во утѣшеніе себѣ приложить къ нему древнее замѣчаніе: что не скоро созидается, то не скоро и разрушается.

Во всякомъ случаѣ—не скоро, безъ сомнѣнія, достанется выйдти изъ-подъ спуда и явиться на свѣтъ этой доскѣ со свидѣтельствомъ о настоящемъ событіи, которую мы, вмѣстѣ съ именами нашими, послѣдуя общему обычаю, предадимъ нѣдрамъ земли;—и дай Богъ, чтобы—если нельзя не случиться сему, случилось это не прежде, какъ для самой исторіи не легко уже будетъ разбирать—кто мы были и чѣмъ ознаменовано земное поприще каждаго изъ насъ.

А между тѣмъ, что произойдетъ?—А между тѣмъ избраннѣйшіе изъ юныхъ сыновъ страны нашей—поколѣніе за поколѣніемъ—будутъ приходить въ это святилище наукъ для утоленія жажды познаній, для образованія своего ума и сердца: и по окончаніи своего воспитанія, тою же непрерывною чредою будутъ исходить отсюда на разныя поприща службы общественной, принося вмѣстѣ съ собою всюду любовь къ закону и правдѣ, къ труду и порядку. И почему не имѣть намъ между прочимъ и той надежды, что отсюда же выйдетъ и можетъ быть не одинъ юноша, который составитъ собою украшеніе не новой токмо, такъ называемой—нашей здѣшней, но и всей древней Россіи, который знаменитыми подвигами и общеполезными трудами своими воздастъ сколько-нибудь Монарху и отечеству за то, что они дѣлали и дѣлаютъ для нашего края и для нашего града?

Подобныя-то мысли,—а онѣ, какъ видите, въ подобныхъ обстоятельствахъ приходятъ сами собою, полагаютъ такую великую разность между основаніемъ зданій частныхъ, какъ бы они велики и огромны ни были, и зданій общественныхъ, особенно предназначенныхъ на пользу наукъ. Что значило бы основаніе дома самаго знаменитаго вельможи, самаго роскошнаго богача? Одно простое событіе,—можетъ быть и самое важное въ его частной жизни,—не болѣе; а основаніе зданій для вертограда наукъ, тѣмъ паче высшаго,—каковъ здѣшній,—есть немаловажное событіе для цѣлаго края. Тутъ невольно переносишься мыслію въ будущее, воображаешь влія-

ніе того, что совершается, на многіе роды и поколѣнія, восходишь къ помысламъ о судьбѣ цѣлаго отечества.

Съ сей-то, безъ сомнѣнія, стороны взиралъ и взираетъ на дѣло настоящее самъ Августѣйшій Самодержецъ нашъ,—и вотъ почему онъ удостоивалъ его такого вниманія, что самъ, и неоднократно, вникалъ во всѣ чертежи зданія, самъ благоволилъ рѣшить и мѣсто и время постройки, не отягощаясь тѣмъ, что это дѣло на Августѣйшее усмотрѣніе восходило не одинъ разъ и не съ одною перемѣною. Таковы цари русскіе! На раменахъ ихъ судьба полсвѣта: отъ щедротъ ихъ должны изливаться струи отъ края до края отечества на все великое и малое; и однако же, когда дѣло идетъ о просвѣщеніи народа русскаго, то у нихъ всегда является новое вниманіе и новыя средства къ тому, чтобы вертограды наукъ не только не имѣли недостатка ни въ чемъ нужномъ, но и самымъ вещественнымъ благолѣпіемъ своимъ свидѣтельствовали, что они созданы рукою царскою.

Подражая столь высокому примѣру, строители сего зданія, безъ сомнѣнія, окажутъ все усердіе и внимательность къ дѣлу, нынѣ благополучно начатому, дабы медленность въ совершеніи его вознаграждена была добротою и совершенствомъ сдѣланнаго: такъ, чтобы и входящіе и исходящіе отсюда, и самые приходящіе и зрящіе, могли говорить отъ души: долго происходило, но прекрасно вышло.

Но, братіе мои, при всѣхъ усиліяхъ и неусыпности вашей, вы не забудете, безъ сомнѣнія, словъ царя-пророка, который самъ не мало лѣтъ собирался созидать домъ Господень, но принужденъ былъ предоставить это дѣло своему преемнику: *аще не Господь*, говоритъ онъ, *созиждетъ домъ, всуе труждаются зиждущіи*.

Въ самомъ дѣлѣ, мало ли какимъ превратностямъ можетъ подлежать предначатое теперь дѣло созиданія, даже съ вещественной его стороны! А будущая судьба имѣющаго водвориться здѣсь учебнаго заведенія, кому довѣдома она, кромѣ Всевѣдущаго? Отъ кого зависитъ все дѣло, какъ не отъ Его всесвятой воли?

Памятуя сіе и желая отъ души совершенства нашему главному разсаднику просвѣщенія, соединимъ мысли и чувства наши въ усердной молитвѣ къ Тому, Кто единъ нарицаетъ *не сущая, яко сущая*, сущимъ же подаетъ крѣпость и доброту, да изліетъ Онъ обильно благодать Свою на мѣсто сіе, да содѣлается оно исходищемъ истиннаго свѣта познаній для всего края нашего, да бѣжатъ отъ него всѣ духи

тьмы и злобы, *льстящіе* нынѣ едва ли не *всю вселенную*, да вселится здѣсь единъ духъ Христовъ, духъ истины и правды, духъ вѣры и любви, духъ смиренія и послушанія, тотъ духъ, въ коемъ росло и укрѣплялось, коимъ высилось и расширялось и о коемъ единомъ такъ твердо и некрушимо возлюбленное отечество наше. Аминь.

Рѣчь при заложеніи зданій для института благородныхъ дѣвицъ *).

Что будетъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ? Будетъ домъ для воспитанія и образованія благородныхъ дѣвицъ нашего края. А что будетъ съ сими дѣвицами, по окончаніи ихъ воспитанія и образованія здѣсь? Онѣ должны будутъ возвратиться въ домы своихъ родителей или родственниковъ и составить ихъ отраду и утѣшеніе, пока не найдутъ своего жребія и не содѣлаются сами супругами, матерями и начальницами семействъ, отъ коихъ зависитъ нерѣдко судьба цѣлыхъ сотней и тысячей.

Такимъ образомъ, здѣсь и теперь полагается основный камень не зданія токмо вещественнаго, но и зданія духовнаго, храма воспитанія, не блага токмо частнаго, но и благоденствія общественнаго.

Можно ли было положить такой камень безъ св. креста и всеосвящающей молитвы? И вотъ, всемогущее имя Божіе призвано на мѣсто сіе; всѣ стихіи будущаго зданія освящены молитвою и кропленіемъ св. воды; самые дѣлатели осѣнены животворящимъ крестомъ и благословлены на дѣло и труды свои.

Теперь отъ самыхъ дѣлателей и распорядителей дѣла,— великихъ и малыхъ,—зависитъ уже, чтобы начатый свято и по-христіански трудъ продолжаемъ былъ до конца такъ же свято и по-христіански; чтобы чистый духъ молитвы не срѣтался здѣсь съ темнымъ духомъ ропота и буесловія, чтобы благословеніе Божіе, низведенное на мѣсто сіе, не воспящалось и не изгонялось отсюда дѣйствіемъ клятвъ и нареканій.

Да, мы, къ сожалѣнію, обыкновенно, думаемъ, что все равно, какъ бы что ни дѣлалось, только бы дѣлалось вѣрно и исправно. Между тѣмъ, большая разность, когда дѣлается

*) Произнесена въ Одессѣ мая 19 дня, 1855 г.

по-христіански, въ духѣ вѣры и съ молитвою—отъ того, что дѣлается, хотя вѣрно и исправно, но по-язычески, то есть, съ духомъ ропота, нечистоты, срамословія и піянства. Въ первомъ случаѣ присутствуетъ при трудѣ благодать Христова и вселяется въ зданія духъ вѣры; во второмъ случаѣ является и основываетъ жилище себѣ духъ тьмы, и не безъ труда можно изгнать его.

Да не забываютъ же сего и трудящіеся надъ дѣломъ и распоряжающіе трудами; да продолжаютъ дѣйствовать, какъ начали: и благословеніе Господне пребудетъ съ ними и дѣломъ ихъ во вѣки вѣковъ.

Что касается до насъ, мы заранѣе радуемся духомъ, воображая зданіе сіе уже оконченнымъ благополучно, какъ паки мѣсто сіе, на время опустѣвшее, оживетъ и процвѣтетъ, какъ будутъ стекаться сюда изъ всѣхъ краевъ нашей страны юныя воспитанницы, и какъ онѣ же будутъ возвращаться и разносить съ собою залоги благоденствія семейнаго, какъ все будетъ радовать собою сердце Августѣйшей Покровительницы сего заведенія, составлять честь для воспитанницъ и наставниковъ; какъ сама св. Церковь по прежнему будетъ спѣшить подъ кровъ сихъ зданій, дабы быть свидѣтельницею господствующаго здѣсь духа Христова.

Господи! Сотвори, да все сіе воображаемое скорѣе пріидетъ на самомъ дѣлѣ! Аминь.

Рѣчь при освященіи новой залы при домѣ дворянскаго собранія *).

Если бы прекрасное зданіе сіе воздвигнуто было только по одной общественной нуждѣ въ немъ, или для одного удовольствія общаго: то и тогда воздвигнувшимъ его принадлежала бы справедливая благодарность за удовлетвореніе нуждѣ, за попеченіе объ удовольствіи общественномъ. Но, этотъ священный ликъ Монархини, эта надпись у подножія его свидѣтельствуютъ, что трудившіеся надъ сооруженіемъ сего зданія имѣли въ виду не одно удовлетвореніе какой-либо нуждѣ, и даже не одно общее удовольствіе, а водились и одушевлялись чувствомъ гораздо высшимъ, тѣмъ чувствомъ,

*) Зала эта выстроена въ память посѣщенія сего дома ея величествомъ, государынею императрицею Александрою Ѳеодоровною, въ проѣздъ ея чрезъ Харьковъ, въ 1837 году.

отъ коего воздвигаются и растутъ не зданія токмо, а крѣпятся и высятся цѣлыя царства.

Благочестивѣйшая Монархиня за нѣсколько лѣтъ предъ симъ осчастливила градъ нашъ посѣщеніемъ и не однодневнымъ пребываніемъ среди его. Здѣсь, въ семъ домѣ, въ кругу благороднаго сословія дворянъ харьковскихъ, проведено ею нѣсколько часовъ, особенно пріятныхъ для ней, тѣмъ паче сладостныхъ и незабвенныхъ для насъ. Можно ли было не пожелать, чтобы память о семъ увѣковѣчена была какимъ-либо знакомъ усердія и признательности? И, вотъ, сіе желаніе исполнилось: отнынѣ зданіе сіе не надписію токмо этою, а самымъ бытіемъ своимъ будетъ свидѣтельствовать предъ всѣми, какъ благородные сыны, нѣкогда воинственной, а теперь мирной, Украйны умѣютъ дорожить спокойствіемъ и радостію своихъ вѣнценосцевъ, какъ многоцѣненъ для нихъ каждый знакъ высочайшаго къ нимъ вниманія.

Да пріиметъ за сіе благодарность дворянство харьковское отъ всѣхъ сословій и жителей града и страны нашей! Сооруженіемъ сего прекраснаго зданія оно удовлетворило желанію всѣхъ и каждаго: ибо для всѣхъ и каждаго драгоцѣненъ образъ той, которая уже болѣе четверти вѣка украшаетъ собою престолъ всероссійскій.

Къ умноженію общей радости нашей при настоящемъ случаѣ можемъ сказать во услышаніе всѣхъ, что милосердый Господь внялъ теплымъ молитвамъ Россіи о возлюбленной Монархинѣ своей, что здравіе ея, толико—было—ослабѣвшее, видимо возвращается къ прежнему благонадежію, и что слѣдовательно и мы можемъ имѣть не слабую надежду представить когда-либо ея собственному взору то, что совершено здѣсь въ честь ея имени.

Въ ожиданіи сего счастія, усугубимъ молитвы наши предъ Царемъ царствующихъ, да подастъ силу и врачамъ и врачествамъ, употребляемымъ возлюбленною Монархинею, да осѣнитъ врачуемую наитіемъ той живоносной силы, предъ коей не постоитъ никакой недугъ и никакая немощь. Усердная молитва о царяхъ есть самый лучшій къ нимъ знакъ любви отъ подданныхъ. Аминь.

СЛОВА

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЪ.

Слово при вступленіи на паству Вологодскую *).

Миръ вамъ! (Луки 24, 36).

При всей употребительности сего святаго привѣтствія, въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, и при всемъ желаніи моемъ, чтобы миръ Божій всегда водворялся въ сердцахъ и душахъ вашихъ, я не осмѣлился бы теперь употребить сихъ Евангельскихъ словъ въ привѣтствіе, если-бъ мнѣ надлежало произнести ихъ къ вамъ отъ моего собственнаго лица. Ибо кто я, чтобъ мнѣ изрекать миръ и благословеніе цѣлой Церкви, которая, кромѣ другихъ преимуществъ, красуется цѣлымъ соборомъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, по всѣмъ предѣламъ ея почивающихъ нетлѣнными и чудотворными мощами своими? Не паче ли мнѣ самому должно предать себя молитвамъ сей Церкви, и отъ нихъ ожидать мира душѣ моей, и благословенія служенію моему? Но я уже сдѣлалъ сіе при самомъ вступленіи моемъ въ предѣлы паствы Вологодской; а между тѣмъ, я прихожу къ вамъ, братіе, съ тѣхъ святыхъ горъ, откуда возсіялъ свѣтъ вѣры для всей земли отечественной,—изъ нѣдръ той Церкви, которая достойно и праведно именуется матерію всѣхъ Церквей россійскихъ. Приходя изъ такого мѣста, отъ такой Церкви, какъ не принести съ собою нѣкоего дара духовнаго? — И я, оставляя святый градъ, прилежно молилъ о томъ всѣхъ святыхъ Божіихъ, тамъ нетлѣнно почивающихъ. Дерзая о ихъ-то пред-

*) Сказанное въ вологодскомъ успенскомъ соборѣ.

стательствѣ у престола Божія, о ихъ богатствѣ духовномъ, я отверзаю теперь уста мои, чтобы отъ лица Церкви Кіевской изречь миръ и благословеніе Церкви Вологодской. Миръ вамъ и благодать отъ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, Троицы единосущной и нераздѣльной, Которая равно исповѣдуется и славится на югѣ и сѣверѣ, востокѣ и западѣ, вездѣ просвѣщаетъ, всѣхъ и все животворитъ и спасаетъ. Миръ вамъ и благословеніе отъ преблагословенной Дѣвы Маріи, Матери Божіей, нерукотворенное изображеніе коей благоговѣйно созерцалъ и лобызалъ я въ самоизбранномъ Ею для себя домѣ на земли — святой и чудотворной Лаврѣ Печерской! Миръ вамъ и благословеніе отъ собора Архангеловъ и Ангеловъ, имени коихъ посвящена обитель, въ которой обиталъ я доселѣ! Миръ вамъ и благословеніе отъ святыя великомученицы Варвары, нетлѣннымъ мощамъ коей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ благочестно предстоялъ я! Миръ вамъ и благословеніе отъ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ чудотворцевъ печерскихъ, у подножія коихъ я совершалъ послѣднее служеніе предъ путешествіемъ къ вамъ! За молитвами толикихъ и такихъ предстателей у престола благодати, я дерзаю надѣяться, что мое желаніе вамъ мира и благословенія не будетъ однимъ праздным привѣтствіемъ, что благодать Божія дѣйствительно осѣнитъ души и сердца ваши.

И одно ли прошедшее и оставленное мною ободряетъ меня? Когда обзираю мысленно паству Вологодскую, то мнѣ кажется, что я изъ одного рая духовнаго переселился въ другой, подобный. Куда ни посмотрю, вездѣ вижу цѣлые лики святыхъ. Воззрю ли на востокъ? Тамъ Прокопій Устюжскій отводитъ молитвами своими каменную тучу, висящую надъ Устюгомъ; тамъ Ѳеодосій Тотемскій среди сланыхъ источниковъ открываетъ новый неизсякаемый кладезь соли духовной, и самъ содѣлывается солію земли Тотемской, спасающею отъ гніенія души и сердца. Обращусь ли къ западу? Здѣсь обитель святаго Павла Обнорскаго, святаго Корнилія и Арсенія Комельскихъ высятся яко твердыни духовныя въ прибѣжище и оплотъ воиновъ Христовыхъ, въ отраженіе враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Посмотрю ли на Сѣверъ? Тутъ, среди волнъ на скалѣ каменной, вижу несокрушимѣе

всѣхъ скалъ и камней раку святаго благовѣрнаго князя Іоасафа, преподобныхъ Петра и Василія. Приникну ли къ югу?—Тамъ почиваютъ, или, лучше сказать, стоятъ на стражѣ духовной святые основатели Церкви Вологодской—священномученики Герасимъ, Іона и Питиримъ. Осмотрюсь ли кругомъ себя? — се Димитрій Прилуцкій! се Галактіонъ Спасокаменскій! се Герасимъ Кіевскій! се, въ самомъ храмѣ семъ, Антоній Вологодскій!

Огражденные такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ святыми ходатаями и заступниками, *имѣя*, скажемъ словами Апостола, *облежащъ насъ толикъ облакъ свидѣтелей* (Евр. 12, 1) вѣры и упованія, можемъ ли не благодушно выйти на предлежащій намъ и вамъ подвигъ спасенія?—Быть не можетъ, чтобы святые угодники оставили насъ своею помощію, коль скоро мы будемъ обращаться къ нимъ за нею съ усердною молитвою, и будемъ идти неуклонно по святымъ стопамъ ихъ. А мы будемъ дѣлать сіе, будемъ и сами идти и васъ вести туда же, куда шли и дошли они.

Что же намъ именно должно дѣлать для сего? Въ чемъ должно состоять наше служеніе среди васъ? Чего въ правѣ ожидать и требовать отъ насъ вы? Чего должно желать отъ васъ намъ?—Когда я предлагалъ самъ себѣ сіи вопросы, то всякій разъ слышалъ въ отвѣтъ сіи слова Апостола: *Той* (Господь Іисусъ) *далъ есть овы убо апостолы, овы благовѣстники, овы пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, къ созиданію тѣла Церкви Христовой* (Ефес. 4, 11, 12). То есть, братіе мои, пастыри Церкви, по свидѣтельству Апостола, даются для того, чтобы руководить насъ на пути къ вѣчному спасенію, чтобы служить намъ при духовномъ возрожденіи нашемъ въ жизнь вѣчную, чтобы назидать насъ въ вѣрѣ, любви и упованіи христіанскомъ, чтобы охранить насъ отъ соблазновъ міра и навѣтовъ духа злобы, чтобы врачевать недуги души и язвы совѣсти нашей, чтобы содѣлывать насъ благодатію Христовою живыми храмами Духа Святаго, чтобы приготовлять насъ въ мирѣ къ переходу въ міръ высшій и лучшій.

Итакъ, вотъ предметъ дѣятельности и цѣль служенія нашего у васъ: мы должны быть вашими отцами духовными и пастырями, вашими духовными судіями и посредниками, вашими духовными наставниками и руководителями, вашими

духовными врачами и утѣшителями; должны заступать у васъ мѣсто Апостоловъ Христовыхъ и Самаго великаго Архіерея. Господа нашего Іисуса Христа.

Если бы смотрѣть при семъ случаѣ на скудость своихъ силъ, на недостатокъ всѣхъ человѣческихъ средствъ, то намъ при настоящемъ случаѣ сто разъ надобно было бы воскликнуть съ Апостоломъ: *кто къ симъ доволенъ* (2 Кор. 11, 16)? Сто разъ надлежало бы сказать съ Моисеемъ ко Господу: *избери могуща иного, егоже послеши* (Исх. 4, 15).

Но Тотъ. Кто далъ Своей Церкви пастырей и учителей, провидѣлъ нашу немощь и заранѣе сдѣлалъ все для восполненія нашихъ недостатковъ. Въ книгахъ пророческихъ и апостольскихъ столько свѣта, что его станетъ для озаренія всѣхъ заблуждающихъ, для прогнанія всякой тьмы; въ таинствахъ христіанскихъ столько силы и дѣйственности, что ихъ достаточно для укрѣпленія всѣхъ немощствующихъ духомъ, для исцѣленія всякой язвы совѣсти. Кромѣ сего, всемогущій Спаситель нашъ всегда Самъ среди Церкви Своей, и невидимо—силою и благодатію, и видимо—Тѣломъ и Кровію Своею. Здѣсь же, между нами, всегда Духъ истины, Коего Онъ, вознесшись на небо, послалъ намъ отъ Отца, *да будетъ съ нами во вѣкъ*, да наставляетъ насъ на всякую истину, да облекаетъ насъ силою свыше, да утѣшаетъ насъ во всякой скорби и обстояніи. Послѣ сего, намъ остается только пользоваться тѣмъ, что въ такомъ избыткѣ давно уготовано, остается быть слугами и строителями таинъ Божіихъ, оказывая вѣрность и усердіе въ домостроительствѣ спасенія нашего.

И мы торжественно, предъ лицемъ сего престола благодати, на коемъ невидимо возсѣдитъ Самъ Царь славы, обѣщаемъ Ему и вамъ сію вѣрность и сіе усердіе. Вы не услышите отъ насъ ничего, кромѣ того, что содержится въ словѣ Божіемъ, что провѣщано для нашего спасенія Пророками и Апостолами. Будемъ преподавать истины спасенія во всей ихъ простотѣ и чистотѣ, не льстя слуху и привычкамъ, не поддѣлывая слова Божія подъ вкусъ вѣка сего, не ища *отъ человѣкъ славы, ни отъ васъ, ни отъ инѣхъ* (1 Сол. 2, 6). Не будемъ жалѣть ни времени, ни силъ, ни трудовъ, только бы совершать свое дѣло и достигнуть цѣли. Нужно ли будетъ возвѣстить горе безчувственнымъ и нераскаяннымъ,—мы воз-

высимъ съ Пророкомъ, яко трубу, гласъ свой, окружимъ себя грозою Синая и Хорива. Нужно ли будетъ ободрить и утѣшить отчаянныхъ,—мы сдѣлаемся, подобно Апостолу, *тихи, какъ кормилица у колыбели дитяти*. Постараемся, по примѣру святаго Павла, *быть всѣмъ вся, да всяко нѣкія пріобрящемъ* (1 Сол. 2, 7).

Вотъ наше намѣреніе и обѣты! Сердцевѣдецъ видитъ, что они исходятъ изъ глубины души. Ему преданной, отъ сердца, жаждущаго вашего спасенія. Ничто не уклонитъ насъ съ нашего пути, не заслонитъ священной цѣли, къ коей стремимся. Мы единожды и навсегда предали себя въ волю Его Всемогущаго, всецѣло посвятили себя на служеніе Ему и дѣлу вашего спасенія; для сего готовы положить самую душу свою.

Раскрывая такимъ образомъ предъ вами душу и сердце свое, мы надѣемся, что и вы воскрылитесь новою ревностію къ дѣлу спасенія вашего, новымъ усердіемъ къ Церкви Божіей; что вы приложите все вниманіе къ тому, что будетъ возвѣщаемо вамъ, примете благодушно все, что почтено будетъ нужнымъ сдѣлать для усиленія между вами вѣры и любви во Христѣ. Надѣемся, что вы будете искать въ наставленіяхъ нашихъ не словъ красивыхъ, а духа и силы евангельской; что вы безъ огорченія услышите самыя обличенія, когда они будутъ нужны. Наконецъ, мы надѣемся, что вы будете воспомоществовать намъ вашими молитвами, ибо если пастыри должны быть свѣтильниками для паствы, то молитвы о нихъ пасомыхъ должны быть елеемъ для сихъ свѣтильниковъ.

Вотъ наши желанія и наши надежды въ отношеніи къ вамъ!—Другаго ничего не желаемъ и не ищемъ.

Итакъ, призвавъ Господа на помощь, соединимся всѣ въ одномъ святомъ намѣреніи и пойдемъ дружно всѣ къ единой общей цѣли—нашего спасенія. Быть не можетъ, чтобы Господь не благословилъ сего союза, не подалъ намъ благодати служить вашему спасенію, а вамъ—воспользоваться симъ служеніемъ ко благу душъ вашихъ.

Господи Іисусе, единый истинный и вѣчный Пастыреначальникъ душъ и сердецъ! Ты Самъ благоволилъ обѣщать въ словѣ Твоемъ: *аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю. Просите и дастся вамъ* (Іоан. 16, 23). Се мы

всѣ просимъ у Тебя единаго: пріими всѣхъ насъ подъ Твое великое пастыреначальство, и буди нашимъ Вождемъ и Наставникомъ, а мы всѣ *люди Твои, и овцы пажити Твоея*, отнынѣ и до вѣка. Аминь.

Слово при второмъ служеніи, по вступленіи на паству Вологодскую *).

Можетъ быть, для нѣкоторыхъ кажется не совсѣмъ обыкновеннымъ, что мы, не осмотрѣвшись еще, такъ сказать, на мѣстѣ новаго служенія нашего въ градѣ семъ, поспѣшили на служеніе сюда, къ послѣднему мѣсту всѣхъ и каждаго, но для насъ это было естественно. Ибо на пастыряхъ Церкви лежитъ долгъ пещись не о живыхъ только, но и объ умершихъ; и о послѣднихъ, если можно, болѣе, нежели о первыхъ, ибо живые могутъ и должны пещись о своемъ спасеніи и сами, а умершимъ кто можетъ оказать помощь, кромѣ св. Церкви? Молитвы о нихъ и безкровная жертва за нихъ,—вотъ ихъ единственное прибѣжище!— Посему-то мы, памятуя долгъ свой къ живымъ и мертвымъ, и совершивъ его, по возможности, въ прошедшее служеніе въ отношеніе къ первымъ, нынѣ поспѣшили сюда для принесенія молитвъ за послѣднихъ, желая скорѣе преподать такимъ образомъ нѣкое утѣшеніе духовное и почившимъ о Господѣ братіямъ нашимъ.

На свои ли слабыя молитвы уповая, говоримъ мы такимъ образомъ? Нѣтъ, молимся ли мы о живыхъ, или мертвыхъ, наше упованіе Тотъ, Кто единъ обладаетъ живыми и мертвыми. Безъ Его всесильной помощи, самъ по себѣ, кто дерзнетъ стать между землею и небомъ? Кто можетъ явиться предъ лице правды Божіей даже съ едиными собственными грѣхами? Но, облеченные силою заслугъ Христовыхъ, съ кровію завѣта вѣчнаго, на Голгоѳѣ за всѣхъ насъ пролiянною, мы дѣлаемся какъ бы всемогущи: смѣло приступаемъ къ престолу благодати, и воздѣваемъ руки о успокоеніи душъ усопшихъ братій нашихъ, здѣ почивающихъ.

Какой великій соборъ ихъ долженъ быть теперь среди

*) Сказанное въ вологодской кладбищенской церкви.

насъ! Меня проницаетъ трепетъ при мысли, что духовный взоръ ихъ устремленъ теперь на меня, и что нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, жаждутъ услышать отъ меня слово спасенія!..

Но, усопшіе братія, научите меня, какимъ языкомъ долженъ я бесѣдовать съ вами!—Приму-ли голосъ наставника? Ваше поприще кончено; время наставленій прешло; и теперь вы лучше всѣхъ насъ сами видите, правду ли говорили намъ учители Церкви, когда утверждали, что *едино есть на потребу* человѣка, и что нѣтъ никакой пользы, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а погубитъ душу свою. Начну ли говорить къ вамъ языкомъ утѣшителя? Но какъ дерзнуть ручаться за то, что происходитъ въ вашемъ мірѣ, который закрытъ отъ насъ непроницаемою завѣсою, гдѣ все не по нашему, хотя многое отсюда, гдѣ тысяща лѣтъ, яко день единъ и, можетъ быть, день единъ бываетъ яко тысяща лѣтъ!.. Изреку однакоже, что внушаетъ мнѣ евангеліе и собственное сердце: благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа да будетъ и со всѣми вами!—Да будетъ со всѣми! Ибо не всѣ ли вы сопровождены на мѣсто настоящаго покоя вашего молитвами и благословеніями святой Церкви? Не надъ всѣми ли вами возглашено разрѣшеніе отъ грѣховъ? Не у всѣхъ ли васъ въ рукахъ крестъ Христовъ?

О, возлюбленные, держитесь крѣпко, и непрестанно держитесь сего якоря спасенія! Доколѣ крестъ Христовъ въ рукахъ и въ сердцѣ вашемъ, какъ бы ни были крѣпки волны внутреннихъ и внѣшнихъ искушеній, никакая бездна не поглотитъ васъ. Живая вѣра въ Распятаго превозможетъ все, изведетъ отъ всего, управитъ во всемъ и ко всему. Всесильное ходатайство и смерть за грѣхи наши Сына Божія, дражайшаго Спасителя нашего—вотъ ваша сила, ваша пища, ваше утѣшеніе, ваше спасеніе! Стремитесь, сколько можете, горѣ, къ престолу благодати Его, стремитесь всѣми останками ума и сердца, всѣми силами совѣсти и чувства, а для успѣха въ семъ не озирайтесь вспять. Что вамъ въ землѣ, которую вы оставили навсегда? Что вамъ въ нашемъ мірѣ, который исчезъ для васъ невозвратно? Онъ, этотъ міръ, и теперь тотъ же, что былъ при васъ: также весь лежитъ во злѣ и мракѣ, также весь исполненъ неправдъ и соблазновъ;

то же невѣдѣніе путей живота, то же небреженіе о своемъ спасеніи, та же злоба и лукавство, та же нечистота, чувственность и страсти.—Вы испытали уже въ часъ смерти всю тщету земнаго и временнаго: видѣли, какъ ничто не помогаетъ человѣку *въ день скончанія* его: не озирайтесь же, возлюбленные, вспять къ немощнымъ и худымъ стихіямъ міра нашего: воздыхайте ко граду горнему и вѣчному, *ему же художникъ и содѣтель Богъ*.—Когда почувствуете благотворное вѣяніе молитвъ, несущихся изъ нашего міра о васъ ко престолу благодати, расправляйте въ то время и вы крылѣ духа своего вѣрою и порѣвайтесь всѣмъ существомъ его горѣ, въ объятія любви вѣчной!—А мы, какъ теперь и здѣсь призывали, такъ всегда и вездѣ будемъ призывать на васъ милосердіе Творца, и всепримиряющую силу заслугъ Христовыхъ!

Что касается до васъ, братіе, здѣ стоящіе, то мы сами пришли сюда не столько учить, какъ учиться. Пойдемте вмѣстѣ на могилы братій нашихъ и посмотримъ, что тамъ?

Что съ знатностію и славою, что съ мудростію и познаніями, что съ богатствомъ и роскошью? Увы, самый знатный здѣсь также снѣдь червей, какъ и послѣдній бѣднякъ; самый мудрый и краснорѣчивый также безгласенъ, какъ и малое дитя; кости у перваго изъ богачей лежатъ равно голы, какъ у того, кто всю жизнь не имѣлъ чѣмъ покрыть своей наготы: все изравнено, сглажено, стерто, обращено въ прахъ рукою смерти!—А мы гоняемся за всѣмъ симъ; въ этомъ полагаемъ задачу и цѣль жизни: на сіе самое тратимъ силы и здоровье; на это мѣняемъ нерѣдко совѣсть и душу. Ахъ, братіе мои, кто могъ ослѣпить насъ столь ужаснымъ образомъ?—Развѣ не предъ нами могилы братій нашихъ? Развѣ мы созданы иначе, нежели они, и съ нами не сдѣлаетъ смерть того же, что сдѣлала съ ними? Зачѣмъ же мы повторяемъ одну и ту же ошибку? Зачѣмъ не поймемъ истинную цѣль жизни? не устремимся за единымъ на потребу?

Сіи и подобныя размышленія срѣтятъ насъ на могилахъ братій нашихъ, срѣтятъ непремѣнно, если только мы, ходя между сими могилами, не будемъ подобны тѣмъ памятникамъ, кои стоятъ надъ ними; если будемъ помнить, что лежащіе здѣсь на нѣсколько лѣтъ, а нѣкоторые на нѣсколько дней, были подобны намъ, ходили какъ и мы теперь здѣсь, нѣкоторые думали, а нѣкоторые вѣроятно, и не думали, что имъ

скоро лежать здѣсь: если притомъ перенесемся мыслію къ своему послѣднему дню, вообразимъ какъ и насъ принесутъ на кладбище и опустятъ въ землю, какъ и надъ нами возвысится дерновый холмъ и ляжетъ надгробный камень, какъ придетъ любимый нами человѣкъ и ороситъ слезою нашу могилу, а, можетъ быть, и не придетъ никто, и одна святая Церковь, сія общая матерь, не забудетъ насъ въ молитвахъ своихъ; и мы будемъ лежать въ землѣ до того страшнаго дня, когда всѣмъ надобно будетъ возстать и явиться на судъ страшный. Если вы въ подобныхъ мысляхъ проведете, братіе, краткое время вашего пребыванія здѣсь, то вы услышите поученіе, лучше коего никто не можетъ сказать вамъ.

И подобныя поученія слышать здѣсь вы можете всегда, какъ только захотите, ибо у живыхъ только языкъ измѣняется и становится иногда не похожъ самъ на себя, а у мертвыхъ всегда одинъ и тотъ же: могилы никому не польстятъ и не скажутъ неправды. Посему, когда почувствуете нужду въ наставленіи, спѣшите сюда; здѣсь проповѣдь всегдашняя: всегда услышите, что жизнь наша кратка и внезапу прерываема, что все на землѣ тлѣнно и ничтожно, кромѣ совѣсти и души безсмертной: что надобно отличать и обогащать себя тѣмъ, что вмѣстѣ съ душею преходитъ въ вѣчность, то-есть, дѣлами благими, что тотъ изъ насъ ужасный врагъ самъ себѣ, кто живетъ такъ, какъ бы ему никогда не умирать. Аминь.

Слово сказанное въ тюремной Вологодской церкви.

Въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ (Матѳ. 23, 36).

Ужели драгоцѣнныя слова сіи принадлежатъ и нашимъ темницамъ, и мы, посѣщая узниковъ, посѣщаемъ чрезъ то Самаго Господа и Спасителя нашего?—Не должно ли, напротивъ, относить сего изреченія къ тѣмъ исповѣдникамъ имени Христова, коими наполнены были темницы языческія во времена древнихъ гоненій на христіанство?—Или, по

крайней мѣрѣ, къ тѣмъ, кои, по запутанности обстоятельствъ и недальновидности правосудія человѣческаго, подвергаются заключенію въ темницы невинно?

Воздадимъ каждому должное: признаемъ съ благоговѣніемъ, что святые исповѣдники вѣры особенно были достойны того, чтобы Начальникъ и Совершитель вѣры благоволилъ усвоить Себѣ Самому ихъ темничное заключеніе. Не усомнимся исповѣдать и то, что подвергающіеся заключенію безъ вины, имѣютъ особенное право утѣшать себя тѣмъ, что Самъ Господь и Спаситель раздѣляетъ съ ними узы ихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скажемъ необинуясь, что слова Господа относятся ко всѣмъ заключеннымъ въ темницахъ, кто бы они ни были, такъ что гдѣ темница, тамъ невидимо и Онъ, Искупитель всѣхъ грѣшныхъ. Ибо, если душа, присутствуя во всемъ тѣлѣ, не только не отсутствуетъ отъ членовъ недугующихъ, но еще наиболѣе сочувствуетъ имъ: то можетъ ли душа таинственнаго тѣла Церкви—Господь нашъ оставить недугующіе члены сего тѣла, то есть, преступниковъ закона, каковы заключенные? — И что другое настоящій храмъ, какъ не опытное доказательство того, что слова Спасителя: *въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко Мнѣ,* относятся ко всѣмъ темницамъ? Вы слышали, что воспѣвалось, видѣли, что совершалось здѣсь: скажите, есть ли какое-либо различіе въ совершаемомъ среди сего храма, на семъ престолѣ, противъ другихъ мѣстъ, противъ того, что совершается въ церквахъ, находящихся среди чертоговъ царскихъ? Таже тайна и таже жертва! тоже пречистое Тѣло, таже пресвятая Кровь — Сына Божія, тѣже Херувимы и Серафимы, предстоящіе и служащіе вмѣстѣ съ нами Царю славы!

Итакъ, собравшіеся здѣсь нынѣ братія и сестры о Господѣ, если вы пришли сюда въ духѣ вѣры и любви, и отойдете отсюда въ духѣ смиренія и сокрушенія о грѣхахъ своихъ, то вамъ не будетъ сказано на страшномъ судѣ: въ *темницѣ бѣхъ,* и *не посѣтисте Мене.* Тѣмъ паче не скажутъ сего вамъ, братія и сотрудники, кои такъ благородно удѣляете время отъ трудовъ общественныхъ на служеніе здѣсь недугующему грѣхами человѣчеству. Благословенъ Господь, вложившій вамъ мысль на сей подвигъ любви и смиренія! — О, плоть и кровь не являютъ сего; это дыханіе Его Всесвятаго Духа! не ослабѣвайте же въ вашемъ подвигѣ

и самоотверженіи, *еже имать мздовоздаяніе велико.* Наступитъ день, когда, можетъ быть, вмѣсто всѣхъ прочихъ правъ и отличій нашихъ, одна сія жертва любви уцѣлѣетъ на вѣсахъ правды вѣчной.

Но, если мысль о пребываніи Самого Спасителя въ темницахъ съ узниками должна располагать каждаго послѣдователя Христова смотрѣть на темницы съ нѣкіимъ особеннымъ вниманіемъ и даже уваженіемъ, и стараться оказывать посильныя услуги заключеннымъ, то заключенные, кто бы ни были, тѣмъ паче должны имѣть въ сей мысли неизсякаемый источникъ назиданія и всегдашнее побужденіе къ признанію своихъ проступковъ, къ обращенію заключенія своего въ средство измѣнить себя на лучшее.—Господь премилосердый, — такъ долженъ разсуждать съ своею совѣстію каждый узникъ,—благоволилъ сказать—*въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ*: итакъ. Онъ преблагій не оставляетъ меня и въ темницѣ. Слава Его любви и милосердію! Доколѣ Онъ со мною, нѣтъ мѣста отчаянію; съ Нимъ Всемогущимъ я могу и въ темницѣ стяжать свободу духа, получить вѣчное спасеніе. Но кто заключилъ Его въ темницу? — Я, моими грѣхами и преступленіями! Какая ужасная неблагодарность! Онъ омылъ меня благодатію Духа Святаго въ крещеніи; Онъ питалъ меня Тѣломъ и Кровію Своею въ таинствѣ причащенія; Онъ открылъ мнѣ входъ въ царство небесное, а я, неблагодарный, будучи членомъ тѣла Его, заключилъ Его, въ лицѣ своемъ,—въ темницу; ради меня непотребнаго страждетъ пресвятое имя Его, ибо я христіанинъ, коему должно отличаться отъ невѣрующаго паче всего чистотою совѣсти и жизни... а я сталъ дѣлами своими хуже невѣрнаго! — Еврею, магометанину, идолопоклоннику простительнѣе грѣхъ, ибо онъ не знаетъ пути правды, не имѣетъ въ рукахъ Евангелія, не знаменуетъ себя крестомъ. Я имѣлъ все это, и впалъ въ такія преступленія! — Чувствую мою вину, осуждаю свою прежнюю жизнь, даю обѣтъ жить впредь, какъ прилично христіанину. Пусть законъ караетъ меня: временное наказаніе, мною заслуженное и перенесенное, освободитъ меня отъ казни вѣчной. Лучше въ сей жизни все претерпѣть, только бы омыть грѣхъ, нежели, укрываясь отъ правосудія здѣсь, подвергнуться вѣчному мученію тамъ. Что значатъ всѣ земныя наказанія предъ пламенемъ адскимъ?

Посему, вмѣсто ропота, я благодарю Тебя, Господи, что Ты запялъ стопы мои на пути беззаконія, и предалъ меня въ руки правосудія. Теперь я имѣю всѣ средства исправиться и окончить жизнь въ покаяніи, а, укрывшись отъ правосудія, я безъ сомнѣнія продолжалъ бы идти далѣе во глубину золъ, зашелъ бы въ такую пропасть, откуда нѣтъ возврата, умеръ бы во грѣхѣ и содѣлался бы жертвою ада! *Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ Твоимъ!*

Такъ, или подобнымъ образомъ, должны размышлять сами съ собою вы, кои находитесь за сими забралами. Не для обличенія васъ пришли мы сюда, а чтобы преподать вамъ утѣшеніе и назиданіе. Видите сами, какъ святая вѣра, со всѣми таинствами своими, приблизилась къ вамъ: не удаляйтесь же и вы отъ нея; приблизьтесь къ ней вѣрою, покаяніемъ и исправленіемъ своихъ нравовъ. При всѣхъ грѣхопаденіяхъ вашихъ, вы имѣете еще всѣ средства къ тому, чтобы содѣлаться паки добрыми людьми и христіанами истинными: у васъ есть умъ, чтобы познать путь правды и отличать его отъ пути беззаконія, есть воля, чтобы избрать доброе и избѣгать злаго; есть совѣсть, чтобы восчувствовать свои грѣхи и возненавидѣть ихъ; есть очи, способныя плакать о содѣянномъ; есть уста, готовыя изрекать молитву и исповѣдь. Вспомните благоразумнаго разбойника, на крестѣ покаявшагося: онъ со креста пошелъ въ рай; что мѣшаетъ и вамъ подражать его святому примѣру? Спаситель и теперь простираетъ со креста руки ко всѣмъ кающимся: покайтесь и вы, и прейдете отъ смерти въ животъ!

Но что слышу я! *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему!*—Кто вошетъ столь жалкимъ воплемъ? Обремененный злодѣяніями преступникъ? нѣтъ! Обыкновенный узникъ? нѣтъ! Человѣкъ невинно страждущій въ темницѣ?—нѣтъ! По крайней мѣрѣ человѣкъ, находящійся въ темницѣ?—нѣтъ! Кто же это? Царь и пророкъ, мудрецъ и псалмопѣвецъ—святый Давидъ! Но, друже Божій, кто могъ заключить тебя въ темницу? И гдѣ сія темница, когда ты управляешь всѣмъ Израилемъ, когда кедровые чертоги твои такъ пространны, что могутъ вмѣстить всѣхъ жителей Іерусалима? На какое же заключеніе жалуешься ты? Откуда хочешь быть изведеннымъ?—Изъ темницы плоти моея, отвѣтствуетъ святый Давидъ,—той плоти, которая непрестанно мрачитъ, связуетъ,

тѣснитъ и изможденъ безсмертный духъ мой; той плоти, которая со всѣми желаніями моими влечетъ меня долу, приковываетъ къ землѣ, заставляетъ работать истлѣнію, не позволяетъ даже воздыхать свободно о горнемъ Іерусалимѣ. Чего ни дѣлалъ я, чтобы растерзать узы моихъ грѣховныхъ навыковъ, возникнуть отъ рова страстей, изыти на широту свободы чадъ Божіихъ? Обращался за помощію къ мудрости и мудрымъ; совѣтовался съ умомъ и сердцемъ: постился и плакалъ: даже связывалъ себя клятвою не преступать закона правды, но тщетна надежда на мои собственныя усилія: остается одна надежда на милость и всемогущество Того, Кто единъ можетъ возсоздать сердце чистое, и обновить въ утробѣ моей духъ правый. И вотъ, я вопію къ Нему подобно послѣднему изъ преступниковъ: *изведи изъ темницы душу мою!* (Псал. 141. 8). Возьми меня изъ сего суетнаго и мятежнаго міра въ свѣтлыя обители Твои.—туда, гдѣ живетъ одна чистота и правда, гдѣ нѣтъ печали, ни воздыханія. Или, по крайней мѣрѣ, облегчи благодатію Своею тяжесть плоти моей, укроти всемогущимъ словомъ Твоимъ бурю страстей, подажь свободу сердцу и силу духу, да возмогу сразиться съ полчищемъ нечистыхъ помысловъ и страстей, и потомъ безпретковенно до конца жизни ходить въ оправданіяхъ закона Твоего. *Изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему!*

Что мы должны заключить изъ сего молитвеннаго вопля царя Израилева? То, что у всякаго изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, есть свое заключеніе и своя темница:—что всѣмъ намъ не достаетъ свободы духа, не достаетъ и возможности освободиться отъ рабства грѣховнаго собственными силами, безъ всемогущей помощи свыше. Воспользуемся же симъ великимъ примѣромъ и, выходя изъ сей темницы, обратимъ испытующій взоръ на самихъ себя, низойдемъ во глубину и мракъ своего внутренняго заключенія и, нашедъ тамъ томящійся въ оковахъ чувственности духъ нашъ, возревнуемъ о его освобожденіи, взывая подобно царю Израилеву къ великому Разрѣшителю всякихъ узъ: *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему!* Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Уподобися царствіе небесное десятимъ дѣвамъ, яже пріяша свѣтильники своя, и изыдоша въ срѣтеніе жениху (Матѳ. 25. 1—13).

Если есть какое мѣсто въ писаніи, которое вамъ всѣмъ должно знать наизусть, то эта притча Спасителя о десяти дѣвахъ. Тутъ ваша судьба, настоящая и будущая; тутъ ваше спасеніе или ваше осужденіе. Почему я и беру сію притчу въ предметъ собесѣдованія съ вами.

Что изображаетъ она? Изображаетъ состояніе душъ, ожидающихъ пришествія небеснаго Жениха, ихъ приготовленіе къ срѣтенію Его, самую встрѣчу и неодинаковый пріемъ ихъ Женихомъ, по причинѣ разновременности прихода и недостатка у нѣкоторыхъ брачныхъ принадлежностей. Такое изображеніе, явно, все клонится къ тому, чтобы показать намъ, какъ должно ожидать Жениха небеснаго, какъ исходить въ срѣтеніе Его, чѣмъ запасаться и что имѣть для того, чтобы не остаться за дверьми чертога брачнаго. Теперь войдемъ въ самый составъ притчи.

Сколько было дѣвъ? десять. Всѣ онѣ были дѣвы, то есть души, уневѣстившія себя Господу; всѣ ожидали пришествія Жениха. И однакоже не всѣ допущены на бракъ Жениховъ: пятерымъ сказано: *не вѣмъ васъ*! Откуда такая разность въ жребіяхъ? Не отъ того ли, что сіи пять, недопущенныхъ, были юродивы? Но, онѣ были юродивы не по природѣ, а сами себя учинили такими. Когда бы захотѣли, и онѣ могли бы сдѣлать все то, что сдѣлано дѣвами мудрыми. Притча называетъ ихъ юродивыми за ихъ безразсудныя дѣйствія, за то, что онѣ, стремясь къ цѣли, небрегли о средствахъ, безъ коихъ она не можетъ быть достигнута.

Что же помѣшало имъ войти на бракъ Жениховъ? Сонъ и недостатокъ елея въ свѣтильникахъ. Уснувши, онѣ не скоро проснулись; проснувшись, вмѣсто того, чтобы вдругъ идти на встрѣчу Жениха, пошли искать елея; такимъ образомъ пропущено время; пришли, когда уже были затворены двери, и потому остались за ними.

И мудрыя дѣвы не совершенно были свободны отъ сна: медленность прихода Женихова навела дремоту и на нихъ:

*) Сказанное въ вологодскомъ горнемъ успенскомъ женскомъ монастырѣ.

возрѣмашася вся, и спаху. Но сонъ мудрыхъ дѣвъ былъ сонъ тонкій, нечуждый бодрствованія, сонъ, подобный тому, о коемъ говоритъ невѣста въ пѣсни Соломоновой: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣсн. пѣсн. 5. 2). Платя дань немощамъ природы, и онѣ засыпали иногда, ослабляли свою духовную дѣятельность, повидимому, даже прекращали ее; но сердце ихъ бдѣло и было съ Женихомъ: душа ихъ всегда находилась тамъ, гдѣ ея сокровище.—Притомъ у нихъ были готовы не одни пустые свѣтильники, но и елей дѣлъ благихъ. Посему, едва только раздался гласъ: *Женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе*: онѣ встали, и пошли на встрѣчу.

Нужно ли подробно изъяснять, что значитъ этотъ опасный сонъ, и что изображаетъ недостатокъ елея? Сонъ этотъ есть забвеніе нашей смерти и суда, насъ ожидающаго, есть преданіе себя плоти и міру и погруженіе въ чувственность, есть нерадѣніе о своей душѣ и прекращеніе дѣлъ благихъ. А недостатокъ елея есть недостатокъ чистой любви къ Богу и ближнему, которая одна можетъ поддерживать горѣніе въ свѣтильникѣ вѣры. Какъ душа погружается въ этотъ сонъ? Отъ мысли, какъ показываетъ притча, что Женихъ нескоро идетъ, и, можетъ быть, не придетъ. Съ одной стороны видятъ, что смерть еще далека, что потому будетъ время покаяться и заняться дѣломъ спасенія, съ другой—видятъ прелесть міра и благъ его, чувствуютъ влеченіе къ нимъ своей грѣховной природы, и поникаютъ подъ симъ искушеніемъ; сначала предаются одной дремотѣ, одному ослабленію въ дѣлахъ своего званія, потомъ, мало-по-малу, засыпаютъ совершенно, теряютъ духовное сознаніе и чувство, земленѣютъ, дѣлаются мертвыми духомъ и предаются дѣламъ тьмы.—Отчего небрегутъ во-время запастись елеемъ? По той же самой причинѣ. Думаютъ, что еще будетъ время пріобрѣсть его, или занять у другихъ, какъ, вѣроятно, обольщали себя сею мыслію и юродивыя дѣвы. То есть, у кого занять? у святыхъ Божіихъ, какъ иногда думаютъ грѣшники. Ибо не часто ли бываетъ, что по упованію на молитвы какого-либо угодника Божія, небрегутъ объ исправленіи своей жизни и нравовъ? Ставятъ предъ иконою свѣчи, служатъ молебны, а о томъ, чтобы освѣтить душу тѣми добродѣтелями, коими украшался угодникъ Божій, омыться тѣми

же слезами покаянія, коими всю жизнь омывалея онъ, о семъ и не думаютъ. Нѣкоторые до самаго прихода Жениха, до самой смерти своей, даже не знаютъ, есть ли елей въ ихъ свѣтильникахъ или нѣтъ. Имѣя свѣтильники, то есть содержа вѣру православную, ходя въ церковь, нося монашеское платье, выполняя наружно уставы монастырскіе, думаютъ, что симъ все сдѣлано. А какъ все сдѣлано, когда въ сердцѣ нѣтъ чистой, постоянной любви къ Богу и ближнему? когда въ немъ гнѣздится нечистота, любовь къ міру и страсти? Какъ все сдѣлано, когда обида какая-либо огорчаетъ насъ такъ же, какъ и мірянъ, когда чувственность такъ же прельщаетъ, какъ и мірянъ? Ничего не сдѣлано, доколѣ мы не предадимъ навсегда всего существа своего Господу; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не содѣлаемся мертвы для міра и живы для одного Господа; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не готовы положить ради славы Его и изъ любви къ братіямъ нашимъ самую жизнь.

Памятуйте сіе, возлюбленныя, и блюдитесь сна грѣховнаго и нечувствія. Живущимъ въ мірѣ, обязаннымъ житейскими попеченіями, извинительнѣе, если иногда, утомленные самыми трудами жизни, воздремлютъ на стражѣ своего спасенія, а намъ что и помнить, о чемъ и думать непрестанно, какъ не о концѣ своемъ, не о судѣ страшномъ, не о мукахъ вѣчныхъ? Итакъ, отходя ко сну, говорите: не эта ли ночь, въ которую придетъ Женихъ и надобно исходить въ срѣтеніе Его со свѣтильниками? Вставъ отъ сна, говорите: не это ли день, когда въ послѣдній разъ освѣтитъ меня солнце, и я пойду мракомъ сѣни смертной? Осмотритесь кругомъ себя: сколько сестръ, съ коими вы жили, вмѣстѣ молились, вмѣстѣ радовались и плакали, теперь уже тамъ, или въ чертогѣ, или за дверями чертога! И всѣмъ намъ предстоитъ то же; смерть не останавливается, каждый годъ беретъ по нѣскольку: возьметъ и всѣхъ: всѣ ляжемъ во гробъ, покроемся землею, пойдемъ на судъ. Постараемся же запастись елеемъ добрыхъ дѣлъ, доколѣ есть время. Пойдемъ заблаговременно къ продающимъ—къ обиженнымъ нами и, испросивъ прощеніе, получимъ елей мира и незлобія; пойдемъ къ бѣднымъ и нищимъ и, оказавъ имъ помощь, получимъ елей милосердія; оградимся постомъ и молитвою, и стяжемъ елей чистоты и цѣломудрія; будемъ какъ можно чаще имѣть предъ очами

висящаго на крестѣ Спасителя нашего, и стяжемъ елей терпѣнія и преданности въ волю Божію. Капля по каплѣ,—и составится полный свѣтильникъ, и мы не будемъ принуждены нѣкогда вопіять: *дадите намъ отъ елея вашего, яко свѣтильницы наши угасаютъ*. Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Терпя потерпѣхъ Господа и внятъ ми; и услыша молитву мою, и возведе мя отъ рова страстей и отъ бренія тины, и постави на камени нозѣ мои: и исправи стопы моя, и вложи во уста моя пѣснь нову, пѣніе Богу нашему. Узрятъ мнози, и убоятся, и уповаютъ на Господа (Псал. 39, 1—4).

Достигши къ вамъ путемъ новымъ и доселѣ непроходимымъ **), видѣвъ на семъ пути, подобно древнему Израилю, острану себя сюду и сюду волны, и восшедши потомъ на скалу вашу, окруженную шумящимъ озеромъ, я невольно вчера привелъ себѣ на память сіи слова Давидовы, и теперь обращаю ихъ къ вамъ вмѣсто праздничнаго привѣтствія. Чтобы сіе привѣтствіе не показалось однако же кому-либо неяснымъ, воскресимъ въ памяти нашей обстоятельства жизни Давидовой, послужившія поводомъ къ произнесенію словъ вышеприведенныхъ.

Извѣстно, что царь и пророкъ, въ продолженіе своей жизни, подлежалъ множеству всякаго рода опасностей и внѣшнихъ—отъ гоненій Саула, и внутреннихъ—отъ преслѣдованій того врага, который самого Саула сдѣлалъ изъ помазанника Божія человѣкомъ отверженнымъ. Спасаясь отъ преслѣдованій Саула бѣгствомъ, святый Давидъ не разъ обтекалъ горы и холмы іудейскіе, и одна изъ утесистыхъ скалъ послужила ему къ рѣшительному торжеству надъ гонителемъ (1 Цар. 26. 13). Сей-то случай, конечно, имѣлъ онъ въ виду, когда вдохновенною тростію писалъ благодарственную пѣснь: *на камень вознесе мя, вознесе главу мою*. Но у Давида была и другая скала, другой камень прибѣжища,

*) Сказанное въ Бѣлавинской каменной пустынѣ, что на островѣ Кубенскаго озера, на память пр. Іоасафа Каменскаго, 1841 г., сентября 10 дня.

**) Вслѣдствіе чрезвычайной засухи, бывшей въ 1841 г., къ острову открылся сухой путь съ восточной стороны.

на которомъ спасался онъ отъ преслѣдованія духовнаго Саула, съ нимъ, какъ извѣстно, жестоко ратовавшаго,—а также отъ собственнаго *малодушія и отъ бури страстей*. Этотъ духовный камень былъ тотъ самый, изъ коего, по свидѣтельству Апостола, пили нѣкогда израильтяне въ пустынѣ воду жизни (1 Кор. 19, 4), камень, который Навуходоносоръ въ чудномъ сновидѣніи видѣлъ нѣкогда отторгшимся отъ *горы—безъ рукъ*, поразившимъ собою и обратившимъ въ прахъ истуканъ царствъ земныхъ,— ставшимъ потомъ въ гору велику и наполнившимъ собою всю землю (Дан. 2, 34—36). Камень, на коемъ стоитъ Церковь Христова, не бояся вратъ адовыхъ, на коемъ утверждаются и отъ коего піютъ воду жизни всѣ вѣрующіе, то есть—Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Если какой камень, то сей, безъ сомнѣнія, не забытъ былъ Давидомъ, когда отъ полноты благодарнаго сердца за оказанное благодѣяніе, онъ воскликналъ: *на камень вознесе мя: обыдохъ и пожрохъ жертву хваленія и воскликновенія!*

Видите теперь силу словъ Давидовыхъ, и почему они обращаются къ вамъ отъ меня вмѣсто праздничнаго привѣтствія? И вы вознесены на сугубый камень—чувственный и духовный; и подъ вами двѣ скалы—видимая и невидимая! Крѣпка скала видимая: сколько вѣковъ озеро борется съ нею, хочетъ опрокинуть ее и всегда возвращается вспять, такъ что вы каждый день видите предъ собою исполненіе глагола творческаго: *до сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя*. Но стократъ крѣпче и несокрушимѣе скала невидимая, на коей утверждается внутренній человѣкъ вашъ. Что можетъ противъ Господа и Спасителя нашего весь міръ съ его соблазнами, самъ князь міра съ его темнымъ оружіемъ и воинствомъ?—Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на семъ духовномъ камени, утверждайтесь, возвышайтесь, и сами, *яко каменіе живо, зиждитеся во храмъ духовенъ, въ святительство свято возносити жертвы благопріятны Богови Іисусомъ Христомъ* (1 Петр. 2, 5). Доколѣ вы на семъ камени вѣры, дотолѣ не страшны никакія волны искушеній, никакія бури страстей: пошумятъ и пройдутъ; не дадутъ внѣшнему человѣку вашему нѣсколько ночей спокойно уснуть, но не отнимутъ мира у духа; оторвутъ, унесутъ какой-либо кусокъ земли, то

есть, что было въ васъ земнаго и нечистаго, но не опровергнуть храмины спасенія, утвержденной на камени. Когда воспшумитъ вокругъ васъ буря и свирѣпыя волны начнутъ бить въ стѣны обители вашей, помышляйте при семъ, что на морѣ житейскихъ попеченій свирѣпствуютъ еще большіе вѣтры (сколько тамъ несчастій! сколько потопленій! сколько слезъ и стоновъ!) и, представляя вашу здѣсь духовную безопасность, повергайтесь съ благодарностію предъ Тѣмъ, Кто извелъ васъ отъ рова страстей, отъ бренія мірской тины и поставилъ на камени ноздѣ ваши. А между тѣмъ памятуя, что среди бури и волненій всегда могутъ быть люди на озерѣ, васъ окружающемъ, въ эту минуту, можетъ быть борющіеся съ опасностію смерти,—воздѣвайте, какъ можно чаще, руки ваши къ небу и молитесь о спасеніи ихъ.—Да, возлюбленные, не напрасно скалѣ, васъ на себѣ носящей, повелѣно стать на самой срединѣ бурнаго озера; это значитъ, что святая обитель ваша съ ея крестоносными главами должна служить въ знаменіе спасенія и прибѣжища для всей страны окрестной, для всѣхъ погибающихъ тѣломъ и духомъ. Не забывайте сего божественнаго предназначенія! Да обрѣтаютъ у васъ всѣ притекающіе сюда пріютъ радушный и благовременную помощь! А вмѣстѣ съ симъ да обрѣтаютъ они у васъ пристанище и покой душамъ своимъ! Давидъ за то, что вознесенъ былъ на камень, приносилъ Господу, его вознесшему, въ жертву овновъ и тельцовъ; а вы за то же самое приносите нелѣпостно жертву безкровную, молясь о мирѣ всего міра, о плавающихъ и труждающихся на озерѣ вашемъ, и объ отпущеніи грѣховъ тѣмъ, кои за симъ самымъ и приходятъ къ вамъ, особенно во дни святыя четыредесятницы. Да не исходитъ изъ таковыхъ никто ненаставленнымъ, неуврачеванным, неутѣшеннымъ! Располагайте къ покаянію и трогайте ихъ не столько словами, сколько слезами вашими. Такимъ образомъ безводная и безплодная скала ваша содѣлается, благодатію Божіею, неизсякаемымъ источникомъ благословеній для цѣлой страны и превзойдетъ плодоносіемъ духовнымъ всѣ нивы и вертограды мірскіе.

Что сказать вамъ, кои съ такимъ усердіемъ, не смотря на трудность пути, оставивъ домы и всѣ занятія свои, собрались сюда на праздникъ пустынный? По самому усердію вашему къ сему мѣсту видно, что шумъ міра не заглушилъ вашего слуха духовнаго, что блага земныя не могутъ напол-

нить вашего сердца, что вы знаете цѣну уединенія и жизни отшельнической и, можетъ быть, завидуете тѣмъ, кои обитаютъ здѣсь. Благословенно чувство, васъ сюда приведшее! Питайте святую тоску по небесномъ отечествѣ, укрѣпляйте ее всѣми средствами, а для сего, не оставляйте притекать подъ мирный кровъ сей святой обители. Но не скучайте, братіе, своимъ состояніемъ и не мыслите, чтобы оно мѣшало вамъ быть истинными христіанами. Нѣтъ, святые праотцы всѣ жили въ супружескомъ состояніи; и однако же Авраамъ заслужилъ имя отца вѣрующихъ. Моисей имѣлъ семейство, и однако же былъ пророкъ, вождь народа Божія, чудотворецъ и другъ Божій. Надобно только, живя въ мірѣ, не порабощать духа міру, не прилѣпляться сердцемъ къ тлѣннымъ благамъ его, не забывать обязанностей евангельскихъ, удаляться грѣховъ и каяться въ тѣхъ, кои совершены волею или неволею: кто будетъ жить такимъ образомъ, тотъ и въ мірѣ получитъ спасеніе. Ибо отъ чего зависитъ спасеніе? Не отъ платья и одежды, не отъ мѣста и званія, а отъ вѣры и дѣлъ добрыхъ. Кто же не въ состояніи имѣть вѣру и творить добро? Тебѣ нельзя, напримѣръ, быть часто на службѣ Божіей? Вмѣсто сего что̀ ни дѣлаешь, дѣлай во славу Божію, и ты всегда будешь на службѣ Божіей. Закидываешь ли мрежи и проводишь ночь на озерѣ, или воздѣлываешь землю и проводишь день на полѣ: коль скоро ты дѣлаешь то и другое, призвавъ имя Господа Іисуса, оградивъ себя крестомъ, съ намѣреніемъ употребить добытое трудомъ на дѣло благое, то съ тобою Ангелъ-хранитель, съ тобою сама благодать Божія. Тѐ худо, если дѣла житейскія совершаются по-языčески: съ ропотомъ и клятвою, съ корыстолюбіемъ и обманомъ, для похоти и прихотей,—тогда подлинно губится душа и тѣло. Но кто велитъ совершать свое дѣло такимъ образомъ? Это зависитъ отъ насъ, какъ отъ насъ же зависитъ всѣ положенія и всѣ дѣла свои освящать молитвою.

Сими и подобными размышленіями утѣшайте и ободряйте себя, братіе, и будьте увѣрены, что царство небесное равно отверсто для всѣхъ, иноковъ и мірянъ, и что если въ мірѣ,—какъ иногда и въ обителяхъ иноческихъ,—погибаютъ, то отъ самихъ себя, погибаютъ не по недостатку средствъ ко спасенію, а потому что не пользовались ими, нерадѣли о душѣ своей. Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Преподобный отче Ѳеодосіе! Я твердо вѣрую, что ты, почивая здѣсь нетлѣнными мощами своими, никогда не оставляешь братію обители твоей безъ должнаго наставленія,— что не только она, но и всѣ притекающіе съ вѣрою къ святымъ и многоцѣлебнымъ мощамъ твоимъ, не отходятъ отъ тебя безъ тайнаго вразумленія въ душѣ и совѣсти. Но долгъ пастыря, лежащій на слабыхъ раменахъ моихъ, велитъ и мнѣ благовѣствовать слово истины.

Итакъ, благослови отверзть уста для собесѣдованія съ братіею твоею и подкрѣпи слабое слово мое твоею крѣпкою молитвою.

Въ глубокую полночь достигъ я, братіе, обители вашей; и однако же засталъ васъ всѣхъ бдящими и исшедшими на срѣтеніе меня съ горящими свѣтильниками. О если бы всѣмъ намъ срѣтить такимъ образомъ того великаго Архіерея, *прошедшаго небеса*, Который пріидетъ нѣкогда въ полунощи, и удостоиться войти съ Нимъ въ свѣтлый чертогъ Его! И почему намъ и вамъ не имѣть сей благой надежды? Не для сего ли самаго вы притекли на обитаніе подъ кровъ сей святой обители? Не для сего ли оставили все, что имѣли и могли имѣть въ мірѣ? Не для сего ли произнесли святые обѣты и облеклись во вся оружія Божія? Не для сего ли переносите всѣ трудности и подвиги житія иноческаго и постническаго? При столькихъ средствахъ не достигнуть цѣли! Отъ столькихъ жертвъ не получить плода! Послѣ столькихъ сраженій не заслужить вѣнца! Что можетъ быть, не говорю горестнѣе,—постыднѣе? Что скажутъ о насъ въ такомъ случаѣ святые угодники Божіи, коихъ имена мы носимъ, у подножія коихъ живемъ, по слѣдамъ коихъ пошли, молитвами коихъ ограждаемся и укрѣпляемся? Что скажетъ о насъ тогда самый міръ, нами оставленный, когда изъ среды его явятся люди, кои удостоятся войти въ свѣтлый чертогъ Жениха! Страшно, братіе, и подумать о семъ: но должно думать! Когда великіе подвижники до конца жизни нерѣдко бывали въ страхѣ за свое спасеніе, то намъ ли предаваться безпечности и самодовольству? Когда самъ святый Павелъ, вос-

*) Сказанное въ тотемскомъ Ѳеодосіевомъ Спасомуриномъ монастырѣ, въ церкви, гдѣ почиваютъ св. мощи преподобнаго Ѳеодосія.

хищенный до третьяго неба, бывшій еще во время земной жизни въ раю, говоритъ: *азъ себе не у помышляю достигша* (Фил. 3, 13), то намъ ли возлечь спокойно на ложахъ своихъ въ томъ мнѣніи, что мы уже достигли?—*Забывая*, по слову сего же Апостола, *задняя, всегда простиратися въ предняя*—вотъ наше правило и наша обязанность!—Каждый день мы должны начинать такъ, какъ бы еще ничего не было сдѣлано нами для своего спасенія; и каждый день оканчивать такъ, какъ бы намъ уже нельзя было дѣлать ничего болѣе. Горе тому, кто отъ гордости и самомнѣнія, или отъ нерадѣнія и хладности—все равно—воздремлетъ на стражѣ души своей! Врагъ спасенія нашего не упуститъ сего случая, не замедлитъ, во время нашей дремоты, унесть оружіе духовное, постарается опутать, какъ Далида Самсона, сѣтями чувственности духъ нашъ, набросить смертоносную петлю на выю и повлечь за собою въ пропасть адскую. Сугубое горе тому, кто съ полнымъ сознаніемъ отвращаетъ очи отъ высокой цѣли святаго званія своего и устремляется вспять, во Египетъ духовнаго рабства! О, возлюбленные, блюдитесь сего возвращенія вспять; а для сего поминайте чаще, по заповѣди Самого Спасителя, жену Лотову. Что погубило ее и обратило въ столпъ сланый? Воззрѣніе вспять на Содомъ погибающій. Этотъ погибающій градъ есть міръ лукавый и грѣшный, вами оставленный. И его ожидаетъ та же участь, какая постигла грады, преогорчившіе Господа,—огнь и жупелъ. Ангелы-хранители ваши извели васъ изъ суетъ житейскихъ, препроводили въ Сигоръ духовный, здѣшнюю богоспасаемую обитель: не озирайтесь же вспять, къ благамъ міра, вами оставленнымъ. Что вамъ въ нихъ? Вы и теперь, въ сей жизни, уже нашли блага лучшія—беззаботность отъ суеты мірской, свободу духа, покой душевный; но это одинъ залогъ благъ будущихъ. Тамъ, по свидѣтельству слова Божія, уготовано истиннымъ подвижникамъ то, чего око не видѣло, ухо не слыхало, что не восходило на самое сердце человѣческое. Есть чего подождать, есть для чего потрудиться! А міръ, обольщающій настоящимъ, развѣ вдругъ даетъ, что обѣщаетъ? Когда потребуетъ поклоненія себѣ, онъ каждый разъ говоритъ: *сія вся дамъ ти;* но поклонись ему, и увидишь, какъ онъ лишитъ тебя всѣхъ твоихъ собственныхъ совершенствъ и, вмѣсто награды, пошлетъ пасти свинія. Въ

самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ лицу людей, посѣщающихъ вашу обитель: много ли увидите свѣтлой радости на семъ лицѣ, много ли довольства и мира душевнаго? Всѣ воздыхаютъ и стонутъ,—бѣдные и богатые, безславные и славные: всѣ приходятъ у васъ искать утѣшенія и отрады души и сердцу. Научитесь же, хотя изъ чуждаго, ежедневнаго опыта, познавать преимущество вашего состоянія и пользуйтесь имъ, какъ должно.

Отъ чего наиболѣе всегда страдала и теперь страдаетъ жизнь иноческая? Отъ чего гибнутъ нерѣдко труды долголѣтніе, прежніе подвиги самоотверженія и набожности? Отъ невоздержанія. Рѣшиться прямо на дѣла неподобныя не могутъ многіе изъ самыхъ міролюбцевъ; инокъ тѣмъ паче защищенъ отъ того многими, даже внѣшними преградами. Но чувственность и плотоугодіе, особенно въ умѣренномъ видѣ, какъ это бываетъ сначала, кажутся невинными утѣшеніями плоти, даже нѣкіимъ родомъ необходимаго подкрѣпленія силъ, тѣмъ паче слабости тѣлесной. Но потокъ чувственности, единожды открывшись въ душѣ и не загражденный тотчасъ святымъ воздержаніемъ, подобенъ потокамъ горнымъ: стремится долу и растетъ, растетъ и ширится, ширится и свирѣпѣетъ, разсвирѣпѣвъ, все опровергаетъ и уноситъ съ собою. Что вначалѣ могло быть загражденно рукою младенца, противъ того тщетно силится стать потомъ и великанъ. О чемъ въ состояніи воздержанія и думать почиталось за грѣхъ, то въ состояніи невоздержанія совершать считается едва не за добродѣтель. Не такъ ли низвергаются въ бездну грѣха иногда тѣ, кои подавали о себѣ самыя прекрасныя духовныя надежды, кои долго трудились, высоко взошли и долго стояли на высотѣ?

Имѣя въ виду сіе, возлюбленные, никогда не слагайте съ себя святыхъ узъ воздержанія. А для сего поминайте чаще Лота и его злоключеніе. Примѣръ страшный! Живя въ Содомѣ, онъ былъ чистъ и удостоился посѣщенія Ангельскаго; а достигши Сигора, палъ, какъ не падаютъ многіе изъ самыхъ грѣшниковъ. Отчего? Оттого, что, живя въ Содомѣ, бдѣлъ надъ собою и ограждался постомъ; а пребывая въ Сигорѣ, забылъ на время святое воздержаніе. Если съ праведникомъ случилось такое ужасное паденіе отъ невоздержанія, то чего не сдѣлаетъ оно изъ насъ, слабыхъ и по-

ползновенныхъ ко грѣху? Но Лотъ загладилъ свое паденіе; а о насъ, единъ Богъ вѣдаетъ, можно ли сказать, что мы, падши, возстанемъ.

Впрочемъ, если бы кого и постигло искушеніе, не отчаявайся. Рана и сокрушеніе обратятся на главу врага, коль скоро покаешься и оставишь грѣхъ. Смиреніе есть наилучшая изъ добродѣтелей, а кому естественнѣе имѣть его какъ не падавшему? Этотъ драгоцѣнный плодъ, то есть, смиреніе всегда можно пожинать послѣ самыхъ грѣхопаденій. Не надобно только медлить въ безднѣ, должно тотчасъ вопіять о помощи и дать себя извести изъ рова страстей. Мало ли у васъ помощниковъ и предстателей духовныхъ? Кромѣ благодати Божіей, никогда не оставляющей грѣшника, на сіе готовы всѣ святые Ангелы и всѣ угодники Божіи, тѣмъ паче преподобный Ѳеодосій, вашъ началовождь и хранитель. Къ нему прибѣгайте, ему исповѣдайте грѣхи свои, у него просите помощи: онъ не оставитъ чадъ своихъ!

Прочее же, братіе мои, елика *суть честна, елика истинна, елика праведна, елика прелюбезна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте* (Фил. 4, 8). Богъ же всякія благодати, *возведый изъ мертвыхъ Пастыря овцамъ великаго, кровію завѣта вѣчнаго, и призвавый насъ въ вѣчную Свою славу о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ* (Евр. 13, 20), Той *насъ, малопострадавшихъ, да совершитъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ* (1 Петр. 5, 10), *да оснуетъ, и да сокрушитъ сатану подъ ноги наши* (Рим. 16, 20). Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Добро соль аще же соль не слана будетъ, чимъ осолится? Ни во что же будетъ ктому, точію да изсыпана будетъ вонъ и попираема человѣки. Имѣйте соль въ себѣ (Марк. 9, 50. Матѳ. 5, 13).

Какъ богата и неисчерпаема сокровищница Божія! И какъ легко христіанскимъ проповѣдникамъ дѣлать свое дѣло! Стоитъ только обращаться къ сей сокровищницѣ и взимать изъ нея, что нужно.

Сами согласитесь, братіе, что промыслъ, коимъ постоянно занимаетесь вы здѣсь, не изъ самыхъ обыкновенныхъ занятій

*) Сказанное въ тотемской пригородной, что на соляномъ заводѣ, церкви Воскресенія Господня.

и промысловъ.—Мнѣ хотѣлось однако же преподать вамъ наставленіе, по роду самыхъ занятій вашихъ. И вотъ, едва только я помыслилъ о семъ, какъ представились мнѣ вышесказанныя слова Спасителя. Сами видите, какъ они близко идутъ къ вашему состоянію, и что въ нихъ содержится богатый урокъ для васъ. Углубимся же въ сей божественный источникъ назиданія, для пріобрѣтенія изъ него соли духовной.

Добро соль. Итакъ, само слово Божіе похваляетъ предметъ вашихъ занятій. Обстоятельство не маловажное для васъ, кои проводите надъ солію, можно сказать, всю жизнь вашу.

Хотя никакой предметъ труда не можетъ унизить трудящагося, коль скоро онъ честенъ и полезенъ обществу: однако же лучше, безъ сомнѣнія, для трудящагося, если самый предметъ его всегдашнихъ занятій чистъ и здоровъ, тѣмъ паче если и поучителенъ для него. Предметъ вашего труда таковъ именно, по свидѣтельству самаго слова Божія. *Добро соль!* Чѣмъ добро?—Тѣмъ, что это одна изъ самыхъ чистыхъ стихій земныхъ;—Тѣмъ, что соль придаетъ въ устахъ человѣка всему вкусъ и пріятность;—тѣмъ, наконецъ, что соль есть употребительнѣйшее средство къ сохраненію слабыхъ вещей отъ порчи и тлѣнія. Посему-то соль издревле служила у всѣхъ народовъ символомъ совершенствъ духовныхъ, особенно мудрости, твердости и постоянства, вѣрности и цѣломудрія.—Посему-то, безъ сомнѣнія, когда предписывалось чрезъ Моисея израильскому народу приносить Господу разныя жертвы; то вмѣнено въ обязанность, чтобы каждая изъ нихъ была осолена солію (Лев. 2. 13). Посему-то, наконецъ, Господь самихъ Апостоловъ Своихъ сравнивалъ съ солію: *вы есте соль земли* (Матѳ. 5. 13).

Какъ не добро послѣ сего соль! И какъ не добро имѣть ее предъ очами, дабы полюбить тѣ прекрасныя добродѣтели, кои она выражаетъ собою! Вы слышали, какія добродѣтели: чистота, постоянство и нетлѣніе. Старайтесь же имѣть ихъ, братіе, будьте и въ нравахъ и въ жизни чисты какъ соль, постоянны какъ соль, благопріятны всѣмъ какъ соль, удалены отъ порчи и тлѣнія какъ соль. Постыдно было бы цѣлый вѣкъ трудиться надъ солію и между тѣмъ оставаться растлѣннымъ въ своихъ нравахъ, быть гнилымъ въ рѣчахъ и словахъ.

Какъ соль получаетъ свои прекрасныя качества? Посредствомъ огня; безъ огня не было бы хорошей соли. Замѣтьте сіе, и старайтесь благодушно переносить скорби и лишенія, неизбѣжныя въ жизни каждаго! это огонь, необходимый для нашего очищенія. Кто пользуется симъ огнемъ какъ должно, тотъ самъ становится чистою солію на трапезу Господню.

Добро соль: аще соль обуяетъ, чимъ осолится? ни во что же будетъ ктому, точію да изсыпана будетъ вонъ и попираема человѣки.

Не смотря на добротность состава своего, соль, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ терять свои прекрасныя качества: становится несоленою и недѣйствительною. Нѣтъ ничего хуже такой обуявшей соли: она рѣшительно неспособна ни къ чему, даже вредитъ той землѣ, на которую ее высыпятъ. Такъ бываетъ съ солію: такъ бываетъ и съ людьми. Если служители алтаря престанутъ учить здраво, священнодѣйствовать со страхомъ Божіимъ; если не будутъ подавать примѣра благой жизни: то что они, какъ не соль обуявшая, и что остается сей соли, какъ быть высыпанною на всеобщее попраніе? Если начальники и приставники работъ и трудовъ не будутъ оказывать справедливости въ требованіяхъ и воздаяніяхъ, не будутъ снисходить немощи и нуждамъ трудящихся, не будутъ служить имъ примѣромъ усердія къ Церкви Божіей, воздержанія и кротости: то что они, какъ не соль обуявшая? И куда годна сія соль, какъ не на то, чтобы ее изсыпать вонъ и попирать ногами? И вы, отцы и матери, если младыя дѣти наслушаются отъ васъ словъ срамныхъ, насмотрятся дѣлъ неподобныхъ: то что вы, какъ не соль обуявшая? Чѣмъ послѣ сего осолиться юному поколѣнію и избыть ранняго растлѣнія нравовъ? И что ожидаетъ нѣкогда васъ самихъ, когда вы явитесь предъ Отца небеснаго съ дѣтьми, развращенными примѣромъ вашимъ?—*Ни во что же будетъ, точію да изсыплется вонъ въ попраніе человѣкомъ.*

Имѣйте соль въ себѣ. Заповѣдь крайне примѣчательная для всякаго, тѣмъ паче для васъ, кои трудитесь постоянно надъ солію. Слышите ли? мало имѣть соль внѣ себя, подъ своими стопами и въ своихъ рукахъ; надобно, по слову Господа, имѣть соль въ самихъ себѣ. Что это за соль внутренняя?—Въ тѣлѣ человѣческомъ, какъ въ маломъ мірѣ, на-

ходятся всѣ стихіи; есть и соль, какъ необходимая часть цѣлаго. Но сія соль не зависитъ отъ насъ; нельзя по произволу ни имѣть, или не имѣть ея, хотя недостатокъ естественной соляности въ тѣлѣ всегда сопровождается его разстройствомъ и болѣзнями. Бываетъ и въ душѣ человѣческой природная соль; это самое выражаемъ мы, когда говоримъ: «такой-то человѣкъ съ солію, въ его словахъ много соли», то есть, онъ остръ и уменъ; его слова замысловаты и пріятны. Но и такой соли, съ одной стороны, нельзя имѣть, кто не получилъ ея отъ природы; а съ другой,—сія соль, какъ показываетъ опытъ, не только не спасаетъ отъ тлѣнія, а не рѣдко сама производитъ тлѣніе духовное, обнаруживаясь въ вольномысліи и шуткахъ зловредныхъ, въ кощунствѣ, пересудахъ и злорѣчіи.

Какую же соль заповѣдуется намъ имѣть въ самихъ себѣ? Соль благодати, отвѣтствуетъ Апостолъ Павелъ. *Слово ваше*, говоритъ онъ, *да будетъ солію* благодати *растворено* (Кол. 10, 8). Если слово должно быть растворено солію благодати, то и мысль; если мысль, то и умъ; если умъ, то и душа. Благодать, и только она одна, своимъ дѣйствіемъ, своимъ огнемъ всеочищающимъ, образуетъ въ насъ соль духовную, исправляетъ и содѣлываетъ благопотребною и соль естественную. У человѣка облагодатствованнаго Духомъ Святымъ все бываетъ растворено солію благодати—мысль и чувство, слово и взглядъ; самый тѣлесный составъ, проникнутый сею солію, забываетъ свое тлѣніе, какъ показываетъ примѣръ нетлѣнныхъ тѣлесъ святыхъ угодниковъ Божіихъ.

Но намъ ли, подумаетъ кто-либо изъ васъ, имѣть въ себѣ такую чудную соль и такую великую благодать? Въ нашемъ ли состояніи думать о такомъ совершенствѣ? А почему бы не только думать о немъ, но и не имѣть его? Развѣ мы крестились всѣ не Духомъ Святымъ? Развѣ у Него недостанетъ зиждительнаго огня для образованія во всѣхъ насъ соли благодатной? Кто теперь преподобный Ѳеодосій Тотемскій? Другъ Божій, собесѣдникъ и сожитель Ангеловъ, украшеніе Церкви православной и свѣтило страны нашей. Но и онъ жилъ нѣкогда на семъ же мѣстѣ, трудился надъ тѣмъ же дѣломъ, коимъ занимаетесь вы; подобно вамъ копалъ землю, рубилъ дрова, сидѣлъ у огня день и ночь. Не помѣшали же ему всѣ сіи, такъ называемые, черные труды, убѣлиться

душею своею, паче снѣга; не воспрепятствовали же ему сіи грубыя и плотскія занятія—утончить свой духъ, сдѣлаться сосудомъ благодати, духовною солію земли тотемской. Какъ онъ могъ совмѣстить такой родъ жизни съ такими совершенствами духовными? Тѣмъ, что среди всѣхъ занятій ограждалъ себя смиреніемъ и страхомъ Божіимъ, тѣмъ, что на все вокругъ себя смотрѣлъ чистыми очами вѣры и изъ всего умѣлъ извлекать назиданіе и пользу духовную. Чувственная соль, которую обработывалъ онъ, непрестанно напоминала ему слова Писанія, побуждала стараться о снисканіи тѣхъ благихъ качествъ, кои выражаетъ собою соль. Сидя у огня, на коемъ варилась соль, Ѳеодосій всегда преносился мыслію къ огню адскому и размышлялъ самъ съ собою такъ: если огнь, который разведенъ моими слабыми руками, такъ нестерпимъ и ужасенъ, то каковъ долженъ быть огнь, возженный десницею Всемогущаго для грѣшниковъ? Если въ этомъ нашемъ огнѣ нельзя и полминуты пробыть безъ жестокаго мученія, то каково должно быть мученіе тѣхъ, кои ввержены будутъ во огнь вѣчный? Такъ размышлялъ самъ съ собою преподобный, и страхомъ вѣчныхъ мукъ спасалъ себя отъ всякаго поползновенія на грѣхъ.

Что мѣшаетъ, братіе мои, и вамъ всѣмъ имѣть подобныя мысли и, просиживая цѣлые дни и ночи надъ огнемъ, вмѣсто того, чтобъ скучать отъ бездѣйствія, воспоминать объ огнѣ вѣчномъ и, воспоминая, разсматривать себя и свою жизнь, нѣтъ ли въ ней такого, что неминуемо подлежитъ горѣнію въ немъ? Святый угодникъ Божій для того, конечно, и былъ на вашемъ мѣстѣ, дабы вамъ оставить примѣръ. Подражайте ему, и тогда огонь, почти неугасаемо горящій у васъ, будетъ производить сугубое дѣйствіе: образуя соль въ рукахъ вашихъ, онъ будетъ дѣйствовать къ образованію духовной соли внутрь васъ. Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Прежде всего благодарю Господа, что даровалъ мнѣ быть въ вашемъ богоспасаемомъ градѣ и поклониться святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ, въ немъ почивающихъ! Благодарю Господа, что сподобилъ меня воздѣть молитвенно къ

*) Сказанное въ устюжскомъ Успенскомъ соборѣ.

Нему слабыя руки мои на томъ мѣстѣ, гдѣ воздѣвали ихъ святолѣпно преподобный Прокопій и Іоаннъ, Корнилій и Леонтій! Не малое преимущество, братіе, жить въ такомъ градѣ, у подножія святыхъ Божіихъ! Кто бы напримѣръ отвратилъ ужасную каменную тучу, висѣвшую нѣкогда надъ градомъ симъ, если бы въ немъ не было тогда святаго Прокопія? Безъ сомнѣнія, и по успеніи своемъ святые угодники не оставляютъ особеннымъ заступленіемъ своимъ тѣ мѣста, гдѣ почиваютъ нетлѣнными останками своими, и живущіе на сихъ мѣстахъ имѣютъ добрый залогъ упованія во всякой скорби и обстояніи.

Но, братіе мои, видимая близость къ намъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, толико полезная для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, требуетъ и отъ насъ особеннаго преспѣянія въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ христіанскихъ. Иначе мы подвергнемся гораздо большему осужденію, въ сравненіи съ другими, за нашу нечистоту и нерадѣніе, какъ имѣвшіе предъ собою особенный примѣръ благочестія, особенное побужденіе быть истинными христіанами.

Итакъ, позвольте мнѣ, по долгу пастыря Церкви, войти съ вами въ разсмотрѣніе духовнаго состоянія вашего и для сего предложить любви вашей нѣсколько вопросовъ.

И во-первыхъ, храните ли вы въ цѣлости драгоцѣнный залогъ вѣры, преданный каждому изъ насъ при святомъ крещеніи? Памятуете ли, что всѣ мы, кто бы ни были, есмы существа падшія, кои,—бывъ созданы невинными, украшены образомъ Божіимъ, поставлены въ рай сладости, предназначены къ безсмертію и блаженству вѣчному,—не умѣли стоять на высотѣ богоподобія, послушались совѣта змінаго, низверглись произвольно въ бездну преслушанія и грѣха, разбились въ прахъ и потеряли все, что имѣли и могли имѣть? Памятуете ли, что для возстановленія насъ отъ сего ужаснаго паденія, для изведенія изъ бездны грѣха и тлѣнія, сошелъ на землю Самъ Сынъ Божій, облекся нашею плотію, жилъ подобно намъ, претерпѣлъ всѣ роды бѣдности и поношеній, умеръ за насъ на крестѣ, сошелъ во адъ и потомъ, воскресши изъ мертвыхъ, вознесся на небо, дабы со престола славы управлять всѣмъ міромъ къ нашему спасенію? Памятуете ли, что Сей возлюбленный Искупитель нашъ, вознесшись на небо, послалъ намъ вмѣсто Себя *иного Утѣ-*

шителя, Духа пресвятаго, дабы Онъ пребывалъ съ нами во вѣкъ, наставлялъ насъ на всякую истину, утѣшалъ насъ во всякой скорби;—что Сей всеблагій Духъ просвѣщаетъ насъ въ Пророкахъ и Апостолахъ, освящаетъ и врачуетъ въ таинствахъ Церкви, что Онъ обитаетъ благодатію Своею въ каждой душѣ, которая не изгоняетъ Его изъ себя своею нечистотою и нераскаянностію? Памятуете ли, что у всѣхъ насъ есть общая, Самимъ Богомъ данная матерь,—Церковь Христова, которая отрождаетъ всѣхъ насъ водою и духомъ въ таинствѣ крещенія, питаетъ всѣхъ насъ словомъ Божіимъ и Тѣломъ и Кровію Христовою въ таинствѣ причащенія, врачуетъ души и совѣсти въ покаяніи и исповѣди, сопровождаетъ насъ въ самыя двери гроба разрѣшеніемъ и молитвами своими, что связанное или разрѣшенное служителями ея, вязуется или разрѣшается въ то же время на небѣ, и что всякъ, противящійся святымъ уставамъ Церкви, по сему самому, есть хуже мытаря и язычника? Памятуете ли наконецъ, что всѣ мы здѣсь на землѣ на краткое время, что всѣхъ насъ ожидаетъ смерть и судъ, что настанетъ время, когда все видимое прейдетъ, всѣ умершіе возстанутъ, дабы воспріять по дѣламъ своимъ, и что тогда истинно покаявшіеся получатъ блаженство нескончаемое, а нераскаянные подвергнутся вѣчнымъ мукамъ во адѣ?

Вотъ сущность святой вѣры нашей!—Она высока и вмѣстѣ открыта каждому, какъ сводъ небесный; глубока, неизчерпаема и вмѣстѣ доступна всякому, какъ море; неизслѣдима въ существѣ и вмѣстѣ благотворна для всѣхъ и вездѣ, какъ солнце. Храните, братіе, сію святую вѣру: за нее мученики пролили всю кровь свою, ей святые подвижники посвятили всю жизнь свою; для нея скитались *въ горахъ и пропастехъ земныхъ* тѣ, коихъ, по слову Апостола, *не бѣ достоинъ весь міръ* (Евр. 11, 28). Стыдно и грѣшно будетъ намъ, если мы не сохранимъ сей святой вѣры теперь, когда ничто не отвращаетъ отъ нея, а все побуждаетъ хранить ее въ цѣлости.

Соблюдая вѣру правую, стараетесь ли, братіе, жить по правиламъ сей святой вѣры? Вы знаете, чего требуетъ она отъ насъ,—чтобъ мы не любили міра, ни яже въ мірѣ, чтобы избѣгали похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, чтобы провождали жизнь въ цѣломудріи, благочестіи и правдѣ,

чтобъ были милостивы, кротки, великодушны, чтобы помышляли и исполняли, по слову Апостола, *вся, елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика прехвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала* (Фил. 4, 8). Такова ли наша жизнь, возлюбленные? Кого Богъ благословилъ дарами счастія, благодаритъ ли тотъ Бога и употребляетъ ли сіи дары во славу Его и на пользу ближнихъ? Кого Богъ благословилъ несчастіемъ, смиряется ли тотъ подъ крѣпкую руку Божію, носитъ ли свой крестъ благодушно и пользуется ли имъ для очищенія и освященія души своей?— Отцы и матери, воспитываете ли дѣтей вашихъ въ страхѣ Божіемъ и подаете ли имъ примѣръ жизни святой и богоугодной? Чада и домочадцы, вознаграждаете ли своею любовію и послушаніемъ родителямъ заботы и труды, для васъ подъемлемые, услаждаете ли своимъ усердіемъ и нѣжностію ихъ старость и немощи?—Господа и властители, памятуете ли, что и надъ вами есть Владыка, Коему должны вы будете нѣкогда дать отчетъ въ участи подручныхъ вамъ, и не страждутъ ли они отъ вашей жестокости и вашихъ прихотей? Слуги и рабы, служите ли господамъ своимъ по-христіански, трудясь отъ души, а *не предъ очами точію работающе?* Знаете ли, что вы служите не человѣкамъ, а Господу, Который поставилъ васъ при рожденіи въ сіе состояніе, и что чѣмъ труднѣе жребій вашъ *здѣсь*, тѣмъ большая ожидаетъ васъ награда *тамъ?* Христіанство не уничтожаетъ различія знаній и состояній земныхъ, но оно облагороживаетъ и освящаетъ ихъ всѣ. Христіанинъ превыше земныхъ отношеній; каждое званіе для него есть только переходъ къ одному званію всеобщему, небесному. Тамъ все изравняется, все вознаградится сторицею; тамъ соединимся всѣ и составимъ единое семейство Отца небеснаго.

Имѣя въ виду сію высокую цѣль бытія нашего и зная, что въ будущее вѣчное царствіе Божіе не внидетъ ничтоже нечистое, стараетесь ли, братіе, очищать себя отъ всякія скверны плоти и духа и украшать себя тѣми добродѣтелями, кои приличны наслѣдникамъ сего царствія? Бѣгаете ли отъ грѣха и соблазна, какъ язвы? Ищете ли дѣлъ благихъ, какъ сокровища? Стремитесь ли къ истинѣ? Любите ли правду? Услаждаетесь ли чистотою? Держитесь ли воздержанія? Храните ли кротость и смиреніе?

Господь премилосердый, вѣдый всю существа нашего немощь, преподалъ намъ наидѣйствительнѣйшее средство къ изглаженію самыхъ грѣхопаденій нашихъ: я разумѣю—покаяніе и исповѣдь. Пользуетесь ли вы симъ драгоцѣннымъ средствомъ, какъ должно? И производитъ ли оно въ васъ то, что должно?—Пользуетесь ли? Мы ежедневно омываемъ лице и руки; почитаемъ за необходимое чистить платье, обувь и внутренность домовъ нашихъ: какъ же хотя разъ въ годъ не омыть души и сердца слезами покаянія? Не очистить совѣсти исповѣдію? Но покаяніе дѣйствительно тогда только, когда оно сопровождается истиннымъ раскаяніемъ во грѣхахъ; исповѣдь сильна тогда только, когда мы не возвращаемся паки на тѣ грѣхи, въ коихъ пріяли отпущеніе. Итакъ, стараетесь ли избѣгать тѣхъ мрачныхъ и скользкихъ стремнинъ, въ коихъ падала и сокрушалась ваша добродѣтель? Принимаете ли всѣ мѣры къ тому, чтобы нѣжный ростокъ невинности, возникающій въ таинствѣ покаянія, былъ огражденъ и хранимъ отъ новыхъ бурь, отъ новой засухи и ожестенія грѣховнаго, отъ новаго наводненія потоками чувственности? Безъ сего вы будете возставать токмо для того, чтобы упасть снова и еще глубже, доколѣ не погрузитесь въ ту глубину золъ и нечестія, откуда нѣтъ исхода.

Послѣдній вопросъ: памятуете ли, братіе, о своей смерти и приготовляетесь ли, какъ должно, къ послѣднему часу вашему? Неминуемъ и грозенъ часъ сей; страшно разлученіе души отъ тѣла! Тогда все оставитъ насъ, все—что занимало, обольщало, радовало и печалило! Позади міръ и жизнь; впереди вѣчность и судъ! Одна вѣра, одни добрыя дѣла, одно покаяніе и сокрушеніе сердца пойдутъ за нами, и будутъ въ помощь намъ, если мы стяжали ихъ. Памятуете ли сіе, возлюбленные, и готовитесь ли къ переходу изъ суетнаго міра сего въ вѣчность? Если мы, предпринимая какой-либо временный путь, заранѣе готовимся и обдумываемъ, какъ совершить его, гдѣ и въ какое время остановиться, что гдѣ сказать и что гдѣ сдѣлать; то не крайнее ли безразсудство—имѣть предъ собою вѣчность и не думать предварительно, какъ вступить въ нее, не стяжать надлежащаго запаса на безконечное странствованіе, не употребить всѣхъ силъ и средствъ на то, чтобы послѣдній грозный часъ не засталъ насъ внезапно—неготовыми? Ибо кто положилъ за-

вѣтъ съ смертію? Кто можетъ сказать, что онъ увидитъ завтрашній день? Не пойдетъ нынѣ же путемъ всей земли? Благо тому, кто живетъ такъ, что всегда готовъ окончить жизнь и предстать на судъ Божій! но горе тому, кто потерялъ изъ виду послѣднюю цѣль бытія своего, кто поработилъ себя похоти и страстямъ, кто, имѣя еще возможность принести покаяніе во грѣхахъ своихъ и очистить ихъ вѣрою и слезами,—не спѣшитъ воспользоваться средствами къ спасенію грѣшной души своей! Пройдетъ драгоцѣнное время милосердія,—и двери затворятся! Начнетъ плакать и вопіять, — и никто не услышитъ! Да не постигнетъ сія страшная участь никого изъ васъ! Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Среди пастырскаго странствованія моего, проповѣдуя въ разныхъ мѣстахъ слово Божіе, я всегда старался о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ возродить въ слушателяхъ моихъ печаль по Бозѣ и сѣтованіе о грѣхахъ своихъ, пробудить въ нихъ мысль и тоску по небесномъ отечествѣ. Ибо между опасностями жизни мірской самая главная та, что человѣкъ, преданный земнымъ заботамъ, самъ непримѣтно земленѣетъ и дѣлается нечувствительнымъ къ своему спасенію; забываетъ совершенно, для чего онъ созданъ и къ чему предназначенъ; живетъ какъ бы ему никогда не надлежало умирать и явиться предъ страшный судъ Божій. Имѣя въ виду сію опасность, я всегда, въ моихъ бесѣдахъ, непосредственно обращался къ душѣ и совѣсти моихъ слушателей: тотчасъ вступалъ въ брань съ міромъ и его соблазнами, и срывая съ сего врага личину его мнимыхъ прелестей, показывалъ все земное и временное во всемъ его ничтожествѣ. Здѣсь думаю, нѣтъ нужды говорить мнѣ такимъ языкомъ, обращаться къ симъ средствамъ убѣжденія. Ибо, кого я вижу предъ собою? Вижу многочисленный сонмъ женъ, кои несмотря на слабость своего пола, давно дерзнули сами вступить въ брань съ міромъ и доказали побѣду надъ нимъ уже самымъ удаленіемъ отъ него на вѣки, кои, по заповѣди

*) Сказанное въ устюжскомъ Іоанно-Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ.

евангельской. оставили все, чтобы воспріять благую часть Маріину и начать искать единаго на потребу. Такихъ слушателей къ чему побуждать? Отъ чего отвращать? Въ чемъ наставлять?—Вступивъ въ такой священный кругъ, не паче ли должно сорадоваться. благодарить Господа и славить? И мы. предстоя у престола сего, не оставили принести должную жертву хвалы и благодаренія за васъ, и васъ самихъ приглашаемъ. какъ можно чаще, дѣлать то же самое. Ибо безъ Его всесильной помощи. вы не только не разорвали бы узъ міра. на васъ лежавшихъ, но, можетъ быть. и не подумали бы разрывать ихъ когда-либо. Въ самомъ дѣлѣ. мало ли въ мірѣ людей. кои вполнѣ чувствуютъ тяжесть своего мірскаго положенія; желали бы выдти и убѣжать изъ области духовнаго рабства. но не могутъ сдѣлать сего; сто разъ можетъ быть собирались, подобно древнимъ израильтянамъ. въ путь. и доселѣ сѣдятъ въ плѣну на рѣкахъ Вавилонскихъ: тоскуютъ и плачутъ о родномъ Іерусалимѣ. но остаются въ Вавилонѣ. То же было бы и съ вами—безъ особенной благодати Божіей къ вамъ. Памятуйте же. возлюбленныя, благодѣяніи Божіи, и пользуйтесь для своего спасенія преимуществами вашего званія и вашей свободы духовной.

Чего не достаетъ вамъ для спасенія? Міръ съ своими соблазнами не смѣетъ преступить за прагъ святой обители вашей; и если является кто здѣсь, то не въ видѣ грознаго владыки. требующаго отъ рабовъ своихъ жертвъ и поклоненія. а въ видѣ странника и пришельца. чтобъ послушать вашего богослуженія. поучиться вашимъ примѣрамъ. Церковь со всею святынею. со всѣми таинствами. со всѣми обѣтованіями своими такъ близка къ каждой изъ васъ, что вы всѣ. подобно преблагословенной Матери Божіей, живете подъ сѣнію дома Божія. а нѣкоторыя изъ васъ. подобно Ей, могутъ входить въ самое святое святыхъ.—Страждетъ ли какая-либо сестра отъ старости,—руки младыхъ сестеръ готовы на услуги и помощь. Страждетъ ли какая-либо сестра отъ младости,—уста и сердца сестеръ опытныхъ готовы на утѣшеніе и на молитву за нее. Приходитъ ли недугъ тѣлесный.—не далеко врачество и тѣлесное, если его требуютъ, а духовное всегда является, хотя бы его и не требовали по чему-либо. Приходитъ ли конецъ самой

жизни,—не о чемъ думать и печись, кромѣ души своей: спокойно можно закрыть глаза, бывъ увѣренною, что оставшіяся въ живыхъ сестры сдѣлаютъ все, что нужно, для поминовенія души отшедшей. Можно ли желать состоянія лучше сего тому, кто воистину ищетъ своего спасенія?

Но мы, помыслятъ при семъ нѣкоторыя изъ васъ, не можемъ, къ сожалѣнію, посвящать всего времени нашего Богу и молитвѣ; должны трудиться и работать для снисканія себѣ хлѣба насущнаго: это заставляетъ иногда даже оставлять богослуженіе или стоять на немъ съ разсѣянною мыслію и думать о земномъ.

Такого разсѣянія мыслей надобно всячески избѣгать, возлюбленныя. Но что виною его? Трудъ ли тѣлесный? Напротивъ, извѣстно, что праздность пораждаетъ еще болѣе разсѣянія и земныхъ помысловъ. Среди труда, если мысль и обращается въ земномъ, то по крайней мѣрѣ около предметовъ труда, все еще довольно чистыхъ и невинныхъ, а тамъ, у праздности мысль любитъ парить и извиваться около предметовъ самыхъ чувственныхъ и нечистыхъ. Это разсѣяніе мыслей, на которое въ вашемъ состояніи такъ часто жалуются, вообще сродно нашей падшей и нечистой природѣ: и доколѣ мы не освободимся отъ него духовнымъ бдѣніемъ и молитвою, доколѣ не побѣдимъ, благодатію Божіею, зла въ насъ живущаго, не подчинимъ воображенія уму, ума духу, духа не заключимъ въ волѣ Божіей; дотолѣ, гдѣ бы мы ни были, хотя бы на самомъ небѣ, будемъ разсѣянны и преданы мыслямъ земнымъ. А что касается собственно труда тѣлеснаго, то онъ самъ по себѣ, не только не вредитъ духовной жизни, а напротивъ, служитъ для нея помощію и оградою. Посему-то именно у древнихъ подвижниковъ благочестія время и дѣлилось всегда между занятіями духовными и трудомъ тѣлеснымъ. Духа праздности они почитали величайшимъ врагомъ духовной жизни, особенно родителемъ духа унынія; и потому молились первѣе всего о удаленіи его отъ себя, какъ это показываетъ молитва святаго Ефрема, такъ часто повторяемая въ святую четыредесятницу. Посему же, безъ сомнѣнія, Самъ Господь и пречистая Матерь Его благоволили Своимъ примѣромъ, въ поученіе наше, освятить трудъ тѣлесный. Ибо кто, думаете, доставлялъ пропитаніе Господу, когда Онъ жилъ, до тридесяти лѣтъ въ дому Іосифовомъ, въ Назаретѣ? Архан-

гелы и Ангелы? Нѣтъ, руки старца и древодѣля Іосифа и Его собственныя! Чѣмъ послѣ молитвы и слова Божія, занята была обыкновенно Матерь Божія? Сотвореніемъ чудесъ? Изреченіемъ пророчествъ? Нѣтъ, обыкновенными дѣлами своего пола, трудами тѣлесными, плодомъ коихъ былъ и тотъ нешвенный хитонъ, который покрывалъ наготу Божественнаго Сына Ея предъ распятіемъ. Видите, кто трудился и работалъ! Намъ ли послѣ сего жаловаться на трудъ и думать, что онъ мѣшаетъ жизни духовной? Нѣтъ, если какая изъ сестеръ находится въ необходимости труда, та благодари за сіе Господа, Который поставилъ ее въ состояніе, подобное бывшему состоянію на землѣ Его собственному и Матери Своей; а если какая сестра не находится въ сей необходимости, та ставь, какъ можно чаще, сама себя въ состояніе труда, дабы не лишиться мзды трудящихся, дабы избѣгнуть опасностей праздности, дабы не подпасть подъ строгое, но совершенно праведное изреченіе Апостола: *не трудивыйся, да не ястъ!* Другое дѣло немощь тѣлесная и неспособность къ труду: когда замѣтите ее въ какой-либо изъ сестеръ, то спѣшите остановить трудящуюся; помогайте ей соединенными силами, кто отъ избытка, кто отъ усердія, дабы излишекъ труда, обременивъ тѣло таковой, не повредилъ и ея душѣ! Когда будете поступать такимъ образомъ, тогда все пойдетъ хорошо, и между вами не будетъ воздыханій отъ трудовъ.

Что еще сказать вамъ, возлюбленныя о Господѣ сестры! Не забывайте цѣли, съ коею пришли вы сюда; не забывайте обѣтовъ вами произнесенныхъ; не забывайте смерти и суда страшнаго! Никакія ограды не защитятъ насъ отъ нападеній врага, если мы не станемъ ограждать себя непрестанно именемъ Господа Іисуса, смиреніемъ и бдѣніемъ духовнымъ надъ своимъ сердцемъ; никакія молитвословія и службы не освятятъ насъ, если въ душѣ нашей не учредимъ непрерывнаго служенія Богу духомъ и истиною, кротостію и чистотою, покаяніемъ и исповѣданіемъ предъ Сердцевѣдцемъ грѣховъ своихъ. А учредить внутрь насъ сего божественнаго служенія никто не можетъ, кромѣ Самого Духа Святаго. Къ Сему-то Пресвятому Духу обращайтесь какъ можно чаще съ молитвою о томъ. Онъ не только наставитъ васъ на всякую истину, но и подастъ силы исполнить всякую правду. Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Принесши въ алтарѣ семъ безкровную жертву о благосостояніи вашего града, воспомянувъ надъ нею молитвенно живыхъ и мертвыхъ, я по долгу пастыря, долженъ теперь обратиться къ вамъ, братіе, съ словомъ назиданія христіанскаго. Желалъ бы побесѣдовать съ вами о многомъ, желалъ бы повторить вмѣстѣ съ вами все ученіе о благочестіи христіанскомъ, но краткость времени не позволяетъ сего. Впрочемъ, если бы мы имѣли и много времени, то можно ли сказать съ сего мѣста все?—Могутъ ли сдѣлать это даже здѣшніе пастыря ваши и наставники, бесѣдуя съ вами часто? Кто хочетъ знать все, что нужно для его спасенія, тотъ необходимо долженъ размышлять и учиться самъ; и, благодареніе Господу! у каждаго изъ насъ есть средства къ тому. На сіи-то средства хочу я указать вамъ теперь, дабы вы пользовались ими, когда захотите. Ибо, къ сожалѣнію, многіе ими вовсе не пользуются, и потому остаются во тьмѣ и невѣдѣніи.

Самое первое къ наученію себя у каждаго человѣка средство есть его совѣсть. У кого изъ людей нѣтъ совѣсти? Кто не слышитъ, хотя по временамъ, голоса, повелѣвающаго ему то или другое дѣлать, а это или сіе оставить? Что же такое совѣсть, какъ не гласъ Самого Бога? Онъ, Отецъ небесный, посылая насъ въ міръ сей, далъ намъ сіе драгоцѣнное напутіе; Онъ вложилъ въ душу нашу сей глаголъ неумолкающій. Если бы мы слушались своей совѣсти, сохраняли, какъ должно, сіе зерцало истины и правды, то внутрь насъ непрестанно совершалось бы непосредственное откровеніе воли Божіей, и мы безъ наставниковъ знали бы все, что намъ должно дѣлать. Но, вотъ наше несчастіе! Вмѣсто того, чтобъ поступать по совѣсти, мы большею частію идемъ вопреки ея; водимся чувствами, привычками, страстями, а о совѣсти небрежемъ, заглушаемъ ее, подавляемъ. Отъ сего зеркало совѣсти тускнетъ, и покрываясь прахомъ суетъ, не можетъ отражать въ себѣ и показывать намъ ясно образа нашего; отъ сего голосъ совѣсти слабѣетъ, становится невнятенъ, наконецъ, умолкаетъ, такъ что мы

*) Сказанное въ Сольвычегодскомъ соборѣ.

остаемся безъ совѣсти. Правда, что такой человѣкъ самый несчастный—горе тому, кто погубилъ совѣсть! Но, кто виною сего горя? Самъ человѣкъ; притомъ всегда есть средство выйти изъ сего несчастнаго состоянія. Омой зерцало совѣсти слезами покаянія: и оно паки станетъ свѣтлымъ и будетъ отражать и показывать тебѣ весь образъ бытія твоего; очисти и освободи духъ душевный отъ страстей: и паки будешь слышать внутрь себя гласъ Божій, ибо совѣсть, какъ мы сказали, есть откровеніе въ насъ воли Божіей.

Второе средство къ наученію себя у каждаго есть собственная жизнь. Не напрасно жизнь называютъ школою и говорятъ— вѣкъ живи, вѣкъ учись»: жизнь подлинно есть школа, и притомъ Божія. Ибо въ чьихъ рукахъ наша жизнь и кто управляетъ ею? Богъ: безъ Его воли, какъ учитъ слово Божіе, не падаетъ съ головы нашей ни одного волоса. Если безъ воли Божіей не можетъ упасть волосъ; кольми паче не можетъ произойти съ нами что-либо важное. Посему на все, что ни случается съ нами въ жизни, мы должны смотрѣть какъ на уроки премудрости Божіей и во всемъ видѣть благую волю Божію, насъ вразумляющую. Если бы мы смотрѣли такимъ образомъ на свою жизнь, то непрестанно получали бы наставленіе. Но вотъ наше несчастіе! Мы обыкновенно думаемъ, что за нами съ неба никто не смотритъ, и что нашею жизнію никто не управляетъ. Отъ сего драгоцѣнные уроки, преподаваемые намъ свыше въ событіяхъ нашей жизни, остаются непринятыми, непонятными и потому безплодными. Особенно нельзя не пожалѣть въ этомъ отношеніи о такъ называемыхъ несчастіяхъ жизни. Если Промыслъ посылаетъ ихъ на насъ, то всегда съ особенною цѣлью,—научить насъ чему-либо, или для обузданія въ насъ чувственности, гордости и прочихъ страстей. Въ такомъ случаѣ несчастія именно подобны тѣмъ сильнымъ средствамъ, кои опытные врачи предписываютъ больнымъ въ крайности, и коихъ свойство то, что они или производятъ рѣшительный поворотъ на лучшее, или истощаютъ силу жизненную. Посему несчастія всегда должны бы оказывать самое благотворное дѣйствіе на духъ нашъ. Но часто бываетъ совсѣмъ напротивъ; почему? Именно потому, что мы, находясь въ несчастіи, вмѣсто того, чтобъ

признать на себѣ руку Божію, возвести очи къ небу и слышать гласъ Отца небеснаго, глаголющаго къ намъ въ несчастіи нашемъ, предаемся малодушію, ропоту, клянемъ людей и судьбу, а о Богѣ и душѣ своей не хотимъ и подумать.

Наконецъ, сама природа, насъ окружающая, самыя вещи бездушныя могутъ и должны служить для насъ въ ученіе полезное. Ибо что такое природа? Ужели соборъ вещей, неимѣющихъ никакого смысла? Нѣтъ, это зерцало, въ коемъ по свидѣтельству Апостола Павла, отражаются совершенства Божіи, самая *присносущная сила* Творца и Его *Божество* (Рим. 1, 5). Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на кипящее волнами море или на тучу, разсѣкаемую молніею и громами: не образъ ли это всемогущества Божія? Посмотрите на сводъ небесный, усѣянный звѣздами, на восходящее и заходящее солнце: не образъ ли это премудрости Божіей? Посмотрите на весну, украшенную цвѣтами, ведущую за собою хоры пернатыхъ: не образъ ли это благости Божіей? Что мѣшаетъ тебѣ, смотря на всѣ сіи картины, восходить мыслію къ совершенствамъ Творца твоего? Ты видишь, какъ въ природѣ все течетъ стройно и въ порядкѣ; долженъ стараться, чтобы все текло такъ стройно и въ твоей жизни. Видишь, какъ солнце сіяетъ не только на благія, но и на злыя; старайся и самъ быть благимъ ко всѣмъ, самымъ ненавидящимъ и злымъ. Услышишь громъ,—вспомни о гласѣ Божіемъ къ Адаму падшему: *Адаме гдѣ еси?* и обрати сей гласъ къ своей душѣ. Увидишь радугу,—вспомни о потопѣ, истребившемъ за грѣхи первый міръ, послѣ чего радуга поставлена Богомъ въ знаменіе мира. Настанетъ затменіе луны или солнца,—перенестись мыслію къ тому времени, когда солнце померкнетъ вовсе и луна не дастъ свѣта. Самыя обыкновенныя занятія наши житейскія могутъ служить намъ въ поученіе. Ты вышелъ на поле посмотрѣть на посѣянное тобою осенью: сѣмена были всѣ равны; рука твоя бросала ихъ одинаково: но всходъ и ростъ вышелъ различенъ: что пало на землѣ худой и каменистой, то едва взошло, рѣдко и слабо; что пало возлѣ дороги, то хотя взошло и хорошо, но пострадало отъ проходящихъ и проѣзжающихъ; что пало на землю не хорошо выбороненную, то хотя также взошло не худо, но подавлено сорными травами; хорошо растетъ, и веселитъ твое сердце одно то, что усѣлось на землѣ хорошей и хорошо

очищенной. Вотъ изображеніе нашихъ душъ и сердецъ въ отношеніи къ слову Божію! Осмотрись же — не камень ли твое сердце; не поросло ли и оно терніемъ и волчцами— похотями и страстями житейскими? — Подобнымъ образомъ ты работаешь въ своемъ саду и изъ дикихъ деревьевъ дѣлаешь деревья садовыя. Вникни, какъ это дѣлается? Посредствомъ двухъ смертей. Во-первыхъ, ты срѣзываешь дикое дерево едва не до корня; потомъ обрѣзываешь вѣтвь отъ хорошаго дерева и приставляешь къ дикому, и такимъ образомъ поправляешь его. Изъ двухъ смертей происходитъ новая, лучшая жизнь. Вотъ тебѣ символъ того, что должно быть съ тобою для твоего исправленія и перерожденія духовнаго: нужны и для сего двѣ смерти—смерть твоего Спасителя, и она подъята за тебя на крестѣ; и смерть твоя для Него, то есть, смерть твоего ветхаго человѣка, грѣха въ тебѣ живущаго. Когда ты вѣрою привьешься къ сей Божественной лозѣ—Спасителю твоему, то изъ смерти Его за тебя и смерти твоея для Него выйдетъ твоя новая жизнь; вся природа твоя измѣнится, ты содѣлаешься человѣкомъ новымъ, плодоноснымъ, достойнымъ того, чтобъ быть пересаженнымъ, въ свое время, въ вертоградъ небесный.

Столько у насъ къ наученію средствъ естественныхъ! Такъ, можемъ мы учиться у своей совѣсти, отъ своей жизни и природы, насъ окружающей! Но мы — христіане: у насъ, кромѣ естественныхъ средствъ къ наученію, есть не мало сверхъ-естественныхъ, данныхъ намъ свыше.

Таково—слово Божіе, писанія Пророковъ и Апостоловъ. Чему не могутъ они научить насъ? Слово Божіе по свидѣтельству Апостола, полезно на все, *ко ученію, ко обличенію, къ исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ и на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3. 16. 17). А кто не можетъ имѣть святыхъ книгъ, если захочетъ? Ибо цѣна ихъ менѣе цѣны тѣхъ орудій, коими ты работаешь.— Но многіе не умѣютъ читать». Такъ слушай, когда читаютъ слово Божіе въ Церкви. Здѣсь въ продолженіе года, прочитываются всѣ Евангелія, всѣ посланія апостольскія, большая часть писаній пророческихъ. Но вотъ несчастіе нашего времени! Нынѣ многіе умѣютъ читать и небрегутъ о томъ, чтобъ узнать и прочитать слово Божіе; бросаются на самыя негодныя книги, на самыя жалкія и

душетлѣнныя басни, пожираютъ ихъ съ жадностію, а не хотятъ узнать, что написано къ нимъ съ неба, о ихъ вѣчномъ спасеніи! Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ водятся любопытствомъ. Безчувствіе самое непростительное! Ибо, если бы ты, говоритъ святый Златоустъ, получилъ письмо отъ царя: то не поспѣшилъ ли бы его прочитать? Не умѣя самъ читать, не просилъ ли бы о семъ тотчасъ другаго, умѣющаго? Не перечитывалъ ли бы сто разъ сего письма, и не показывалъ ли бы его при всякомъ удобномъ случаѣ другимъ? А Царь небесный написалъ къ намъ письмо, и мы, умѣя даже читать, не хотимъ ни разу прочесть его? Можетъ ли быть большей неблагодарности, безчувствія преступнѣе? Или, если бы кто нищему оставилъ по смерти своей завѣщаніе на богатое наслѣдство, и этотъ нищій не смотрѣлъ бы на это завѣщаніе и не захотѣлъ прочесть его, что сказали бы мы о семъ человѣкѣ? Не то ли, что онъ сошелъ съ ума и врагъ самъ себѣ? А намъ всѣмъ оставлено завѣщаніе Спасителемъ нашимъ на цѣлое царство небесное, завѣщаніе написанное не чернилами, а, можно сказать, кровію Его; и мы, имѣя всю возможность, не хотимъ даже прочитать и узнать Его! Что можетъ быть преступнѣе такого невниманія?

Второе сверхъ-естественное средство къ наставленію у каждаго изъ насъ есть Церковь. Я говорю сверхъ-естественное, ибо мы можемъ строить только стѣны храмовъ; а Церковь создана единожды и навсегда непосредственно Самимъ Богомъ: она основана на чудесахъ, держится чудесами, и производитъ чудеса, ибо основана на краеугольномъ камени—Сынѣ Божіемъ; держится силою Духа Святаго, воскрешаетъ умершихъ грѣхами для жизни вѣчной. Что же есть Церковь, какъ не богоучрежденное для всѣхъ училище? Тутъ въ одной литургіи ты услышишь всю жизнь своего Спасителя и всю тайну твоего спасенія; тутъ на одномъ иконостасѣ изображенъ предъ тобою весь соборъ святыхъ, дабы ты могъ избрать любаго для подражанія его жизни. Въ продолженіе года, въ церкви пройдутъ предъ тобою всѣ праздники—съ ихъ таинствами и величіемъ, всѣ дни святыхъ—съ ихъ добродѣтелями и подвигами, всѣ посты—съ ихъ слезами и умиленіемъ душевнымъ, всѣ дни поминовенія усопшихъ—съ памятію о смерти и судѣ страшномъ. И много ли нужно для того, чтобы каждому учиться въ церкви? Нужны только глаза и

слухъ. вниманіе и смыслъ. Приходи кто угодно, всѣмъ отверсты двери; не потребуютъ справокъ, кто ты и имѣешь ли право учиться; не подвергнутъ испытаніямъ въ способности и познаніяхъ. Приходи по утру: услышишь заутреню, и въ ней изображеніе сотворенія міра; приходи среди дня: услышишь литургію и будешь приглашенъ къ трапезѣ Тѣла и Крови Христовой; приходи вечеромъ: застанешь вечерню, и поучишься скончанію міра и собственной жизни.—Такова Церковь! истинная мать во всѣхъ отношеніяхъ! Истинная наставница для всѣхъ и каждаго! И чѣмъ же многіе отвѣчаютъ на любовь сей матери? тѣмъ, что почти никогда не ходятъ въ церковь; тѣмъ, что и пришедъ въ нее,—загнанные какимъ-либо случаемъ,—стоятъ разсѣянно, дерзко, мятежно, предаются разговорамъ. даже смѣху! Что можетъ быть преступнѣе такихъ поступковъ?

Поелику худые ученики и при многихъ наставникахъ успѣваютъ слабо. а отъ насъ трудно было ожидать должнаго прилежанія къ наукѣ. не смотря на то, что это наука нашего спасенія. то любовь Божія, кромѣ вышеозначенныхъ наставниковъ видимыхъ, приставила къ каждому изъ насъ еще двухъ наставниковъ невидимыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ, какъ учитъ святая Церковь. имѣетъ Ангела-хранителя: что же такое Ангелъ-хранитель, какъ не вмѣстѣ и Ангелъ-учитель?—Можетъ ли такой наставникъ не знать что-либо нужное для нашего спасенія. или, знавъ, не сказать намъ того? Его радость, его честь состоитъ въ томъ. чтобы хранимый имъ человѣкъ не оставался во тьмѣ невѣдѣнія. Посему, если кто остается, то виною того самъ. И мало ли виновныхъ въ семъ отношеніи? Многіе ли обращаются съ молитвою къ своему Ангелу-хранителю за наставленіемъ? Сколько такихъ, кои даже и не вѣдаютъ того, что у нихъ есть Ангелъ-хранитель! Здѣсь, съ горестію. я долженъ принести вамъ жалобу на васъ самихъ, и желалъ бы, чтобы сія жалоба услышалась по всѣмъ предѣламъ паствы вологодской. Вездѣ по церквамъ, мною посѣщеннымъ, и внѣ церквей, гдѣ случалось спрашивать дѣтей о вѣрѣ, я съ утѣшеніемъ видѣлъ, что малыя дѣти ваши почти всѣ знаютъ символъ вѣры и молитву Господню. Но при вопросѣ объ Ангелѣ-хранителѣ, они останавливались, смущались, не знали что сказать, и даже что думать; видно было,

что это для нихъ лицо вовсе неизвѣстное. Какъ не возскорбѣть о семъ, и какъ не обратиться съ упрекомъ къ отцамъ и матерямъ? Почему бы не внушить дитяти, что у него есть Ангелъ-хранитель?—Пусть бы, по крайней мѣрѣ, зналъ о семъ. Если бы мы имѣли какого богатаго родственника, или знатнаго покровителя, то безъ сомнѣнія не опустили бы внушить это дѣтямъ: а Ангелъ-хранитель для насъ ничего не значитъ, о немъ трудно сказать хотя два-три слова дѣтямъ!.. Такъ мало цѣнимъ мы сего небеснаго наставника! Такъ платимъ любви Божіей за то, что она приставила каждому изъ насъ такого высокаго и святаго пѣстуна и хранителя!

Наконецъ, братіе, у всѣхъ насъ есть такой наставникъ, выше, божественнѣе коего нельзя ни пожелать, ни представить, ибо это самъ Духъ Святый—третіе Лице пресвятыя и достопоклоняемыя Троицы. Припомните, что говорилъ Спаситель предъ вознесеніемъ на небо ученикамъ Своимъ, когда они скорбѣли о Его отшествіи. Лучше, говорилъ Онъ, *дабы Я отшелъ отъ васъ; ибо если не отойду Я, то Утѣшитель не пріидетъ: аще же пойду, пошлю Его къ вамъ: Онъ, Духъ истины, пребудетъ съ вами въ вѣкъ и наставитъ васъ на всякую истину.* Въ день Пятидесятницы сей Пресвятый Духъ дѣйствительно сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ на Апостоловъ и изъ рыбарей содѣлалъ ихъ учителями вселенскими: но Онъ сошелъ на Апостоловъ разъ и видимо съ тѣмъ, чтобы потомъ пребывать всегда въ Церкви Христовой, сходить невидимо на каждаго изъ насъ въ таинствѣ крещенія, сходить для того, чтобы потомъ руководить и просвѣщать и наставлять каждаго въ жизнь вѣчную. Посему каждый изъ насъ, вслѣдствіе таинства крещенія, имѣетъ полное право обращаться за наставленіемъ къ Самому Пресвятому Духу. Какъ обращаться? Съ самою простою и краткою, только искреннею и отъ сердца молитвою. Напримѣръ, когда почувствуешь особенную нужду въ наставленіи, а видимыхъ наставниковъ нѣтъ, то обратись внутренно ко Пресвятому Духу, и говори такъ. Душе Святый, посланный для наставленія меня Спасителемъ моимъ, видишь, что я не знаю, какъ поступать мнѣ въ настоящемъ случаѣ, видишь и желаніе мое поступать право и истинно: просвѣти, убо и наставь меня благодатію Своею.—Быть не можетъ, совершенно не можетъ быть, чтобы

Духъ Святый не исполнилъ Своего дѣла, не внялъ такой молитвѣ, не сказалъ тебѣ, какъ поступить, что сдѣлать или оставить.

Итакъ, вотъ сколько имѣемъ мы учителей и наставниковъ, и естественныхъ и сверхъ-естественныхъ, и видимыхъ и невидимыхъ! И могло ли быть иначе?—Тотъ, Кто пролилъ за насъ на крестѣ всю кровь Свою, могъ ли пожалѣть для насъ наставленій? И если бы нужно было, то не стало ли бы у Него средствъ воздвигнуть для всѣхъ насъ училища, приставить ко всѣмъ намъ самыхъ умныхъ наставниковъ? Но для спасенія нашего это не нужно, а что нужно, то все сдѣлано: внѣ насъ—раскинутъ надъ нами огромный сводъ небесный и простерта подъ нами земля съ ихъ поучительнымъ разнообразіемъ; внутрь насъ начертанъ неизгладимый законъ совѣсти, и внѣдрены начала разума;—по всей землѣ устроены церкви Божіи; на всѣхъ языкахъ слышится слово Пророковъ и Апостоловъ; къ каждому приставленъ въ пѣстуна Ангелъ-хранитель; надъ всѣми носится и всѣхъ просвѣщаетъ Духъ Святый. Не у сихъ ли учителей учились всѣ святые Божіи человѣки? Многіе изъ нихъ не знали никакого земнаго образованія, не умѣли ни писать, ни читать; и при всемъ томъ не только сами просвѣтились свѣтомъ небеснымъ, но и сдѣлались свѣтилами вселенныя.

Не будемъ же сожалѣть, что большая часть изъ насъ незнакомы съ земными науками, для царствія Божія онѣ не нужны; будемъ пользоваться Богомъ данными средствами къ наставленію нашему; паче же всего постараемся познанное, хотя и малое, всегда оправдывать дѣлами; тогда мы опытно узнаемъ, что путь на небо не прегражденъ никому, и что если въ чемъ, то въ познаніи пути сего нѣтъ ни для кого недостатка. Аминь.

Слово при прощаніи съ паствою вологодскою *).

Нынѣ день празднества Срѣтенія Господня, а для меня день прощанія съ тобою, возлюбленная паства вологодская! О, если бы и мнѣ, подобно Симеону, можно было сказать

*) Сказанное въ зимнемъ вологодскомъ соборѣ 1 февраля 1842 г.

при семъ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ; яко видѣста очи мои спасеніе Твое!* По крайней мѣрѣ, и я отхожу отселѣ не по волѣ своей, а по глаголу Твоему, Господи, изреченному устами Помазанника Твоего. По крайней мѣрѣ, среди краткаго служенія моего здѣсь, и я не желалъ видѣть, и надъ собою и надъ всею паствою вологодскою, ничего болѣе, кромѣ спасенія Твоего. Твоей вседержавной волѣ угодно, чтобы я шелъ возвѣщать сіе спасеніе въ страну другую: съ благоговѣніемъ пріемлю исходящую отъ лица Твоего новую судьбу мою! Покой или трудъ, радость или скорбь срѣтятъ меня на новомъ мѣстѣ служенія,—я равно приму ихъ, ибо они отъ руки Твоей. Ты не подашь вмѣсто хлѣба камней, тѣмъ, кои *чаютъ* къ Тебѣ, Тебѣ *единому!*

Не дивно, братіе, если жезлъ служенія пастырскаго такъ часто обращается въ жезлъ странническій. Кому же, какъ не пастырямъ Церкви приличнѣе показывать самымъ внѣшнимъ образомъ жизни своей, что мы всѣ не имѣемъ *здѣ пребывающаго града, но взыскуемъ грядущаго* (Евр. 13, 14)?— Единаго надобно желать и просить у Господа, чтобы наше странствованіе было подобно странствованію древнихъ святыхъ пастырей и учителей Церкви, кои откуда ни отходили, всюду оставляли миръ и благодать, куда ни являлись, всюду приносили радость и благословеніе.

Единъ вѣчный и неизмѣнный Архіерей, *прошедый* не землю токмо, но *и небеса*, Господь нашъ Іисусъ Христосъ: къ Нему обращайте постоянно взоры и сердца ваши, ибо Онъ единъ *и той же вчера, днесь и во вѣки* (Евр. 13, 8). А мы всѣ, кто-бъ ни были, есмы токмо временные приставники и соработники въ великомъ дому Его, который есть Церковь: одинъ посѣялъ, другой полилъ, третій оградилъ посѣянное, а возрастить—дѣло Его, Его единаго!

Если что можетъ и должно служить къ утѣшенію нашему при разлукѣ, то это вѣсть, что къ вамъ грядетъ пастырь, какого только могли желать и вы и я,—пастырь, бывшій для меня нѣкогда наставникомъ въ наукахъ, и коего доселѣ желалъ бы имѣть наставникомъ въ жизни духовной, который отъ лица цѣлой Церкви россійской присутствовалъ при возстаніи, можно сказать, изъ гроба цѣлой Церкви новогреческой, который самъ потомъ, въ качествѣ сопастыря, предстоялъ уже тремъ великимъ Церквамъ отечественнымъ. Такой пастырь можетъ ли не продолжить, если что было у насъ дѣйствительно добраго? Не усовершить, если что тре-

буетъ усовершенія? Не начать и не сдѣлать всего, что окажется нужнымъ для блага паствы вологодской?

Предавъ такимъ образомъ судьбу свою снова въ волю Всеблагаго и Всемогущаго, будучи спокоенъ духомъ и за судьбу твою, Богомъ хранимая паства, я съ миромъ оставляю въ немъ жезлъ пастыреначальства, освященный преподобною десницею толикихъ святителей Божіихъ и освятившій мои слабыя руки.

Простите, святые угодники вологодскіе, простите и благословите на путь дальній, продолжайте обитать духомъ во храмѣ, посвященномъ вашему имени; но не оставляйте одушевлять молитвами и слабаго создателя его! Прости, Ангелъ Церкви вологодской, и вознеси въ послѣдній разъ послѣднее здѣшнее моленіе наше о благѣ страны сей, прости и покрой твоею любовію и молитвами недостатки служенія нашего! Простите, пастыри Церкви, и продолжайте являть ту ревность къ дѣлу Божію, то забвеніе для сего всѣхъ выгодъ земной жизни, коимъ вы утѣшали насъ! Простите, живые и мертвые, живые коихъ намъ должно было наставлять, мертвые, къ коимъ мы сами ходили учиться!

Что сказать въ послѣдній разъ тебѣ, возлюбленная паства вологодская, первая паства моя, мой *Рувимъ, начало* (Быт. 49, 3) и духовныхъ трудовъ, и духовнаго веселія моего въ служеніи пастырскомъ? Чего пожелать вамъ, братіе, разставаясь съ вами навсегда? Скажу то же, и пожелаю того же и въ послѣдній разъ, чего желалъ при первомъ свиданіи: благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца и причастіе Духа Святаго да будетъ со всѣми вами! Да будетъ всегда и вездѣ! Да почіютъ сія благодать и сей миръ на васъ и чадахъ вашихъ, да вселятся въ домы и сердца ваши, да утвердятъ васъ во всемъ благомъ и праведномъ, да срѣтятъ васъ въ тотъ послѣдній часъ, когда ничего не будетъ нужно вамъ, кромѣ благодати и милости Божіей! И сія благодать и миръ не обыдутъ и не оставятъ васъ, если только вы, занимаясь каждый дѣлами званія своего, не будете забывать единаго на потребу; если располагая жизнь и поступки свои, не по духу вѣка, а по заповѣдямъ Евангелія, будете со смиреніемъ и вѣрою пользоваться тѣми средствами ко спасенію, кои въ такомъ обиліи предлагаетъ всѣмъ и каждому святая Церковь; если, наконецъ, среди самыхъ слабостей и вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій, не будете предаваться ни безчувствію душевному, ни отчаянію и ожесточенію, омывая пятна совѣсти слезами покаянія. О, братіе,

не забывайте Бога и вѣчности, не забывайте души и совѣсти, не забывайте смерти и суда страшнаго, не забывайте—покаянія и любви христіанской! Все видимое, славное, прелестное минетъ, обратится въ прахъ, исчезнетъ навсегда, а душа и совѣсть останутся; и такъ не забывайте ихъ! Се мое послѣднее желаніе, мой послѣдній совѣтъ и завѣтъ вамъ! Для меня не будетъ большаго утѣшенія и радости духовной, какъ слышать, что вы ходите въ любви и истинѣ, что среди васъ живетъ духъ смиренія, взаимнаго уваженія и милосердія христіанскаго, что домы и семейства ваши украшаются чистотою нравовъ и скромностію. О семъ молилъ я Господа здѣсь, о семъ же буду молить и вездѣ. Подобной памяти, то есть, молитвъ о мнѣ, прошу и у васъ. Когда будете собираться паки въ семъ храмѣ на молитву, то вспомните, что у сего престола предстоялъ человѣкъ, который, не смотря на недостоинство свое, укрѣпляясь вѣрою, съ дерзновеніемъ воздѣвалъ о васъ руки къ небу; и воспомянувъ о семъ, излейте молитву, да Господь благопоспѣшитъ и путь и новое служеніе мое. Отнынѣ единъ союзъ между нами—союзъ вѣры, любви и молитвы! Да не разрывается онъ никогда! Да даруетъ Господь срѣтиться намъ нѣкогда и тамъ, гдѣ всѣ пастыри и всѣ пасомые составятъ единое стадо, подъ единымъ вѣчнымъ Пастыреначальникомъ, гдѣ, свидѣвшись, уже никогда не разлучаются. Аминь.

Слово при вступленіи на паству Харьковскую *).

И азъ пришедъ къ вамъ, братіе, пріидохъ не по превосходному словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе. Не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята. И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй но въ силѣ Божіей будетъ (1 Кор. 2. 1. 2. 4. 5).

Такъ писалъ нѣкогда Апостолъ Павелъ Коринѳянамъ, приводя имъ на память, какъ онъ въ первый разъ явился предъ ними, и какъ образъ явленія его былъ противоположенъ ихъ ожиданіямъ. Коринѳъ, какъ извѣстно, славился науками и

*) Сказанное въ Харьковскомъ успенскомъ соборѣ.

мудростію земною; Павелъ обладалъ умомъ Христовымъ и мудростію небесною: казалось, что къ мудрымъ язычникамъ и учитель языковъ явится съ мудростію, а Павелъ явился съ буйствомъ проповѣди евангельской!.. Коринѳяне надѣялись, вѣроятно, услышать отъ новаго наставника христіанскаго новое рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, коими занимались ихъ мудрецы и философы, а Павелъ, явившись предъ ними, не хотѣлъ казаться знающимъ что-либо, кромѣ Іисуса Христа, *и сего распята!*.. Противоположность разительная, явно удаленная отъ всѣхъ видовъ и разсчетовъ обыкновеннаго благоразумія человѣческаго: но Павелъ зналъ, что дѣлалъ!—Святое буйство проповѣди крестной недолго оставалось соблазномъ для любознательныхъ Коринѳянъ, сопровождаемое *явленіемъ Духа и силы,* оно не замедлило взять верхъ надъ всѣми безплодными хитроплетеніями ихъ софистовъ:—и тѣ, для коихъ распятый Богъ Павловъ казался въ началѣ безуміемъ, съ благоговѣніемъ признали въ немъ *Христа, Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. 1, 24).

И вашъ градъ, братіе мои, подобно Коринѳу, извѣстенъ любовію къ просвѣщенію и наукамъ. Не удивительно посему, если и вы обыкли смотрѣть на все не очами токмо вѣры, а и взоромъ ума испытующаго. Поелику же и намъ выпалъ жребій провести не мало времени не только *при ногу* (Дѣян. 22, 3), но и на самомъ сѣдалищѣ Гамаліиловѣ, то легко можетъ статься, что нѣкоторые ожидаютъ отъ насъ слова высокаго и проповѣди по всѣмъ правиламъ витійства человѣческаго. Да будетъ же извѣстно вамъ, братіе мои, что и мы, подражая великому учителю языковъ, приходимъ къ вамъ не съ мудростію слова, не съ выспренними умозрѣніями, не съ блестящими оборотами витійства, а съ простотою вѣры евангельской и съ единою, если дастъ Господь, силою чувства христіанскаго. Да будетъ вѣдомо, что и мы во время нашего пребыванія съ вами, не желали бы казаться знающими что-либо, кромѣ Іисуса Христа, *и сего распята.* Іисусъ и крестъ Его—се наша мудрость! Изображеніе Его предъ вами въ томъ самомъ видѣ, какъ Онъ представленъ у святыхъ Пророковъ и Апостоловъ—вотъ наше краснорѣчіе! Большаго мы не знаемъ и не обѣщаемъ; лучшаго—не можемъ и не хотимъ. И, если бы когда-либо уклонились мы отъ сего святаго правила и обѣта, и предались суетному желанію блистать предъ

вами мудростію человѣческою и витійствомъ, то, вмѣсто вниманія слову нашему, закройте тогда слухъ отъ него: остановите насъ и напомните, что мы говорили теперь предъ вами.

Пожелаетъ ли кто узнать причину, почему мы не хотимъ возводить съ собою на церковную каѳедру мудрости и витійства человѣческаго и почитаемъ ихъ здѣсь неумѣстными и даже вредными? Таковому скажемъ, что мы поступаемъ такъ потому же, почему поступалъ такимъ образомъ въ свое время Апостолъ Павелъ. Онъ избѣгалъ—въ дѣлѣ проповѣди—мудрости человѣческой по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому, чтобы премудростію слова не упразднить силы креста Христова: *не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ:* а во-вторыхъ, потому, чтобы вѣра учениковъ его основывалась не на мудрости человѣческой, а на силѣ Божіей; *да вѣра ваша не въ мудрости человѣческой, а въ силѣ Божіей будетъ.* Двѣ причины, изъ коихъ каждая такова, что одна могла быть совершенно достаточною. Ибо если крестъ Христовъ упраздняется отъ мудрости земной, то кто будетъ столько неразуменъ, чтобы тотчасъ не отвергнуть этой мудрости, яко враждебной кресту Христову? Равнымъ образомъ, если отъ насъ зависитъ, на чемъ утвердить вѣру нашу—на премудрости ли человѣческой или на силѣ Божіей, то опять можно ли сомнѣваться хотя минуту, чтобы не предпочесть послѣдняго основанія первому? Послѣ сего, для оправданія предъ вами будущаго образа проповѣди нашей, остается только вникнуть въ сіи причины и показать, что онѣ столь же сильны и по отношенію къ намъ съ вами, сколько были важны для святаго Павла и коринѳскихъ учениковъ его;—и мы увѣрены, что вы не откажете намъ для сего въ нѣсколькихъ минутахъ вашего вниманія.

Итакъ, крестъ Христовъ и премудрость слова, по ученію Апостола, не совмѣстимы между собою въ дѣлѣ проповѣди христіанской: *не въ премудрости слови, да не испразднится крестъ Христовъ* (1 Кор. 1, 17). Несовмѣстимость сія не вдругъ однако же видна для всякаго: на первый взглядъ можетъ показаться даже, что премудрость слова, если не составляетъ необходимости, то весьма полезна для креста Христова, дабы приблизить его къ нашему понятію и содѣлать благопріятнѣе для ума и сердца. Но, при надлежащемъ углубленіи въ дѣло,

скоро оказывается, что мнимая услуга сія для креста Христова отъ мудрости и витійства болѣе вредитъ, нежели приноситъ пользы. Ибо, что дѣлаютъ онѣ въ такомъ случаѣ для достиженія своей цѣли? Дѣлаютъ именно то самое, чрезъ что крестъ Христовъ теряетъ—для мудрствующихъ—свою живоносную силу. Поелику крестъ сей, яко имѣющій основаніе во глубинѣ Божества и объемлющій собою весь міръ и всю вѣчность, есть безпредѣленъ; а разумъ нашъ какъ бы ни былъ великъ и силенъ, по самому существу своему, заключенъ въ тѣсныя границы: то мудрость человѣческая, не имѣя возможности изравняться въ понятіяхъ своихъ съ сею безпредѣльностію креста и желая однако же обратить его изъ предмета вѣры въ предметъ разумѣнія, всегда, какъ показываетъ тысящелѣтній опытъ, прибѣгала къ одному и тому же жалкому средству, то есть всегда подъ какимъ-либо предлогомъ отнимала у сего креста его божественную безпредѣльность и передѣлывала его по своему, такъ что, прошедъ сквозь ея руки, это бываетъ уже не крестъ Божій—дивный, неизмѣримый, предвѣчный, святый, достопоклоняемый, а, если можно такъ изъясниться, рукодѣльный крестикъ—человѣческій, съ коимъ можно обращаться какъ угодно. Умаляясь такимъ образомъ по внѣшнему протяженію и виду своему, крестъ Христовъ въ нечистыхъ рукахъ мудрости земной, по необходимости, теряетъ вмѣстѣ съ симъ и внутреннюю свою силу и животворность. Ибо, какъ бы онъ удержалъ въ себѣ эту божественную силу, когда самъ въ такомъ случаѣ невольно представляется каждому уже не столько таинствомъ премудрости Божіей, сколько произведеніемъ ума человѣческаго? Вмѣсто того, чтобы смириться предъ нимъ, благоговѣть, молиться, освящаться и принимать благодать и силу изъ живоносныхъ язвъ, страждущаго на крестѣ за грѣхи міра, Богочеловѣка, каждый въ такомъ случаѣ почти невольно предается *помысламъ многимъ* (Еккл. 7, 30), недоумѣваетъ, смущается, вопрошаетъ: и, не находя твердой опоры для своей вѣры, поникаетъ душею долу, потому что видитъ предъ собою уже не крестъ, досязающій небеси и ада, не всеизъясняющее знаменіе всемірнаго спасенія, а одну неопредѣленную и зыбкую тѣнь его, которая сама требуетъ изъясненій и способна болѣе возмутить и устрашить, нежели успокоить и ободрить кающагося грѣшника.

Чтобы все, сказанное теперь нами, не показалось плодомъ какихъ-либо преувеличенныхъ опасеній, раскроемъ исторію Церкви. Съ чего начинала большая часть еретиковъ? Съ похвальнаго, повидимому, желанія изъяснить то, что есть въ христіанствѣ непостижимаго. А чѣмъ оканчивали? Тѣмъ, что вмѣсто сего высокаго, непостижимаго, но чистаго, святаго, божественнаго, воодушевляющаго, являлось близкое, постижимое, но слабое, безобразное, человѣческое, безжизненное. Крестъ Христовъ, яко средоточіе всей вѣры христіанской, всегда страдалъ отъ сего болѣе всѣхъ прочихъ таинъ евангельскихъ. Уже самые первые еретики утверждали напримѣръ, что распятъ и умеръ на крестѣ не Сынъ Божій, а другой вмѣсто Его, или что Онъ только казался страждущимъ и умирающимъ. Почему такъ? Потому что для близорукой мудрости человѣческой страданія и смерть Богочеловѣка—дѣйствительныя—представлялись совершенно несовмѣстимыми съ достоинствомъ и величіемъ Сына Божія.

Что видимъ и у новѣйшихъ любомудровъ, кои, при созерцаніи креста Христова, имѣли неосторожность увлечься желаніемъ понять и изъяснить его, такъ сказать, до основанія?—Видимъ также уже не крестъ всеобъемлющій и животворящій, каковъ онъ на Голгоѳѣ, у пророковъ и апостоловъ, а также одну, какъ мы сказали, зыбкую, безжизненную и потому бездѣйственную тѣнь его. Одни изъ нихъ, въ гордомъ самомнѣніи, доходили до такого неразумія и дерзости, что необинуясь утверждали, якобы ученіе новаго завѣта о крестѣ Спасителя міра нужно было только по снисхожденію къ чувственнымъ понятіямъ народа еврейскаго, дабы жертвою замѣнить въ умѣ его всѣ жертвы ветхозавѣтныя, къ коимъ онъ привыкъ издѣтства; другимъ, менѣе дерзкимъ, но не менѣе безразсуднымъ, казалось, что хотя въ смерти Христовой, яко жертвѣ за грѣхи, имѣлъ нужду не одинъ ветхій Израиль, а и весь тогдашній родъ человѣческій, но опять не по другой какой-либо причинѣ, а потому только, что и всѣ прочіе народы также издѣтства привыкли почитать необходимымъ чувственное удовлетвореніе за грѣхи и закалать для сего жертвы. И изъ всѣхъ прочихъ умозрѣній, какъ они ни были разнообразны и противоположны, всегда выходила, наконецъ, одна и та же ложная и пагубная

мысль. что крестъ и смерть Сына Божія были нужны только случайно и временно. а не составляютъ, какъ учатъ Апостолы Христовы. отъ вѣчности предъизбранное и на всю вѣчность необходимое средство къ спасенію погибавшаго во грѣхѣ рода человѣческаго.

Послѣ сего. будете ли дивиться. братіе мои, если мы. имѣя въ виду все сіе. заранѣе отрекаемся предъ вами отъ всякихъ покушеній излагать слово крестное по началамъ мудрости человѣческой? если даемъ вамъ и себѣ, или паче невидимо здѣ присутствующему Господу и Спасителю нашему. обѣтъ—говорить о святѣйшихъ таинствахъ вѣры нашей не болѣе и не менѣе того. сколько открыто въ словѣ Божіемъ. говорить такъ, какъ открыто, и для того именно. для чего открыто.—Можетъ быть, крестъ Христовъ. выставленный во всей голгоѳской наготѣ своей, покажется и нынѣ для нѣкоторыхъ — *погибающихъ*, какъ назвалъ ихъ Апостолъ.—юродствомъ; что нужды? по крайней мѣрѣ для спасаемыхъ онъ постоянно будетъ являться силою Божіею. во спасеніе всякому вѣрующему. Въ семъ видѣ,—неукрашенный. облитый кровью,—онъ побѣдилъ міръ, привлекъ къ подножію Распятаго мудрыхъ и буіихъ, еллиновъ и варваръ; въ семъ же нерукотворенномъ, безъискусственномъ, божественномъ видѣ. да дѣйствуетъ онъ надъ душами и сердцами вашими!—Для насъ же довольно будетъ и той святой чести. чтобы. подобно сотнику римскому, стоять, такъ сказать. на стражѣ *прямо* (Марк. 15. 39) сего креста. и въ слухъ всѣхъ взирающихъ на него вѣщать: *воистинну Сынъ Божій бъ Сей!*

Вторая причина. побудившая святаго Павла и побуждающая насъ. по примѣру его. въ дѣлѣ проповѣди идти путемъ простоты евангельской. а не ученыхъ умозрѣній и витійства. состоитъ въ томъ, чтобы въ противномъ случаѣ не потерять для вѣры нашей ея единственно вѣрнаго и непоколебимаго основанія: *да вѣра не въ мудрости человѣческой, но въ силѣ Божіей будетъ* (1 Кор. 2. 5).

Горе было бы. братіе мои. и вамъ и намъ. если бы святая вѣра наша не имѣла другаго основанія и опоры. кромѣ ума и мудрости человѣческой! Тогда и она подлежала бы тѣмъ же жалкимъ превратностямъ. коимъ всегда подлежали и будутъ подлежать произведенія дѣятельности человѣческой.

Тогда вмѣсто того, чтобы служить незыблемою опорой и успокоеніемъ для души нашей во всѣхъ искушеніяхъ жизни, святая вѣра сама была бы непрестанно обуреваема недоумѣніями, колеблема возраженіями и спорами и имѣла бы нужду въ защитѣ отъ навѣтовъ того же разума, который и во всѣхъ случаяхъ, тѣмъ паче въ дѣлахъ вѣры, гораздо способнѣе сомнѣваться и вопрошать, нежели отвѣчать и рѣшать сомнѣнія. Чтобы убѣдиться въ семъ совершенно, вспомнимъ судьбу вѣры въ древнемъ мірѣ языческомъ.—Всемудрая Греція, съ ея Сократами и Платонами, основывала, какъ извѣстно, свою религію на умѣ человѣческомъ: и, не смотря на всю образованность свою, многаго-ли достигла?—Того, что среди столицы тогдашняго всемірнаго просвѣщенія явился алтарь невѣдомому Богу!—Гордый Римъ, съ его Катонами и Цицеронами, клалъ въ основаніе своихъ вѣрованій умъ и краснорѣчіе; и что вышло изъ сего? то, что въ римскомъ Пантеонѣ оказалось наконецъ столько же боговъ, сколько страстей въ сердцѣ человѣческомъ. И, вотъ почему премудрость Божія, какъ свидѣтельствуетъ святый Павелъ, видя, что міръ не только ничего не успѣваетъ въ дѣлахъ вѣры посредствомъ своей мудрости, а напротивъ, обольщаясь ею, превращаетъ и губитъ все благое въ сердцахъ человѣческихъ,—положила спасти людей уже не премудростію слова, а буйствомъ проповѣди; и чтобы первая, по сродной ей самонадѣянности и страсти всюду мѣшаться, снова не покусилась на владычество и распоряженіе въ дѣлахъ вѣры, положила отвергнуть и погубить ее. *Погублю*, сказано, *премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну:* и что сказано, то и сдѣлано: *гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего* (1 Кор. 1, 19—20)!

Теперь судите сами, братіе мои: премудрость Божія положила устранить отъ благовѣстія христіанскаго мудрость человѣческую, яко неудобную и вредную; а мы, служители сего благовѣстія, стали бы призывать ее и возводить съ собою на каѳедру христіанскую!—Поступать такимъ образомъ не значило ли бы идти вопреки предопредѣленій божественныхъ? —Ужели премудрость человѣческая въ нашихъ рукахъ можетъ оказаться лучшею, нежели какою оказалась предъ очами Божіими, въ рукахъ Павловъ и Іоанновъ? И

для чего бы мы, вопреки примѣру ихъ, дерзнули употреблять ее? Чтобы утвердить на ней вѣру вашу?—Но можетъ-ли Божественное утвердиться на человѣческомъ?—И не значило ли бы это, что мы не довольствуемся тѣмъ основаніемъ для вѣры, которое дано свыше Самимъ Богомъ? Положимъ, что мы, разсыпая предъ вами и умозрѣнія и красоту словъ, произведемъ въ васъ нѣкое убѣжденіе въ истинѣ проповѣдуемаго и нѣкую расположенность къ принятію таинъ Евангелія: но много ли все это будетъ имѣть твердости въ сердцѣ вашемъ, коль скоро не будетъ другаго основанія, кромѣ довѣрія къ уму и слову проповѣдующаго? Нынѣ мы сказали одно потому, что сказанное казалось намъ лучшимъ изъ всего, что представлялось уму; завтра скажемъ другое, потому что оно покажется еще лучшимъ: и гдѣ конецъ симъ перемѣнамъ и новостямъ?—Судите сами, можно ли на такомъ зыбкомъ основаніи утверждаться столь важному дѣлу, каково дѣло вашего вѣчнаго спасенія?

Но, что же, спросите вы, возьмемъ мы въ помощь нашей проповѣди? На чемъ утвердимъ наши убѣжденія, отказавшись отъ пособій земной мудрости и обыкновеннаго витійства? Апостолы могли обходиться безъ сего: ибо были вдохновенны свыше и обладали даромъ чудесъ; а у нынѣшнихъ проповѣдниковъ нѣтъ такого дара, посему для нихъ необходимо пособіе искусства, дабы слово и проповѣдь ихъ не остались безъ силы и дѣйствія.

Благодареніе Господу, для провозвѣстниковъ святаго слова Его не было и никогда не будетъ этой опасности! Почему?—Потому, что та же всемогущая сила Божія, которая дѣйствовала въ пророкахъ и апостолахъ и производила чудеса надъ ихъ слушателями, та же сила и доселѣ не престаетъ дѣйствовать на души и сердца человѣческія и производить въ нихъ то, что необходимо для обращенія ихъ *изъ тьмы къ свѣту, и отъ области сатанины къ Богу* (Дѣян. 26. 18).

Да, братіе мои, когда вы видите предъ собою проповѣдника христіанскаго, то не мните, чтобы онъ вѣщалъ къ вамъ одинъ: нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ всегда присутствуетъ невидимо и дѣйствуетъ другой, высшій наставникъ—Самъ Духъ Святый. Безъ Него все наше краснорѣчіе и всѣ наши убѣжденія были бы *яко мѣдь звенящая и кимвалъ звящаяй* (1 Кор.

13. 1); а съ Нимъ самая простота и безъискусственность—всесильны. Кромѣ сего, въ самыхъ истинахъ и таинствахъ вѣры христіанской заключается такая внутренняя мощь и жизнь, что онѣ вполнѣ могутъ замѣнить собою всякое искусство проповѣдника, тогда какъ ихъ ничто замѣнить не можетъ. Если истины Евангелія, нами возвѣщаемыя, вы будете принимать не слухомъ токмо и умомъ, а сердцемъ и совѣстію; если не оставите обращать ихъ въ правило для своего поведенія, располагая по нимъ не одни понятія и мысли свои, а самые нравы и жизнь: то онѣ произведутъ такую благотворную перемѣну во всемъ существѣ вашемъ, что вы не потребуете уже послѣ того никакихъ новыхъ доказательствъ на ихъ Божественное происхожденіе. Если, продолжая поступать такимъ образомъ и быть не слышателями только, а и *творцами слова* (Іак. 1. 23), вы сами вступите въ живой союзъ съ Спасителемъ и Духомъ благодати, Имъ для насъ ниспосланнымъ: то, будьте увѣрены, тогда не окажется болѣе нужды даже въ томъ, *да кто учитъ вы:* ибо, какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ Христовъ, само *помазаніе* (1 Іоан. 2, 27) *отъ Святаго—наставитъ вы на всякую истину* (1 Іоан. 16, 3).

И вотъ, къ сему-то ознакомленію всѣхъ и каждаго съ животворнымъ духомъ Евангелія Христова, къ сему-то введенію внутрь насъ дѣятельнаго христіанства, къ сему-то подведенію душъ нашихъ подъ непосредственное осѣненіе и дѣйствіе Самого Духа благодати и истины, къ сему-то, наконецъ, говоря словами святаго Павла, вселенію вѣрою (Еф. 3, 17) въ сердцахъ нашихъ Самого Спасителя нашего Іисуса Христа—направлены будутъ всѣ силы и труды наши: для сего мы употребимъ всѣ средства, даже, гдѣ нужно, самую мудрость и знанія человѣческія: будемъ дѣйствовать, по примѣру Апостола, *оружіи правды десныма и шуима* (2 Кор. 17, 7), *быти всѣмъ вся* (1 Кор. 9, 22): мудрымъ яко мудрые, неразумнымъ яко неразумные, подзаконнымъ яко подзаконные, *да всяко нѣкія Христу пріобрящемъ.*

Съ сими чувствами и мыслями, съ сею простотою вѣры и избыткомъ упованія (Рим. 15. 13), съ симъ, совершенно свободнымъ удаленіемъ отъ мудрости земной и столь же свободною и полною самопреданностію истинѣ небесной, приступаемъ мы, братіе мои, къ *священнодѣйствію* между вами

благовѣствованія Христова (Рим. 15, 16), въ твердой увѣренности, что Тотъ, Кто обѣщалъ проповѣдникамъ слова Своего дать уста и премудрость, Кто воспретилъ даже имъ заботу о томъ, *како и что* (Матѳ. 10, 9) возглаголютъ, Тотъ не оставитъ и насъ безъ вразумленія и помощи, коль скоро мы будемъ всегда и во всемъ искать не собственнаго самоугожденія, а Его славы и вашего спасенія. Нисколько не сомнѣваемся и въ томъ, что, углубившись въ истины, вамъ теперь предложенныя, вы сами не замедлите раздѣлить наши мысли и чувства касательно святаго дѣла, намъ предлежащаго. Ибо ваша любовь къ просвѣщенію и наукамъ не можетъ быть похожею на суетную мудрость коринѳянъ, не вѣдавшихъ Бога истиннаго. Напротивъ—изъ устъ прежде бывшихъ пастырей вашихъ, живыхъ и почившихъ, изъ собственнаго размышленія и опыта, и изъ исторіи той же самой мудрости человѣческой.—вамъ, безъ сомнѣнія, давно извѣстно, что если въ какомъ случаѣ, то въ дѣлѣ вѣры и спасенія нашего, умъ и мудрость человѣческіе суть самые слабые и недостаточные руководители, и что для сего—какъ признавали и исповѣдывали еще лучшіе изъ мудрецовъ языческихъ—необходимо для всѣхъ и каждаго откровеніе свыше. Токмо перстъ съ неба можетъ указать вѣрный путь на небо.

Вознесемъ убо едиными усты и отъ единаго сердца усердную молитву ко Господу, да, избравъ насъ недостойныхъ въ служеніе спасенію вашему, призритъ благоутробно на немощь нашу и ниспослетъ намъ—даръ быть вѣрными истолкователями предъ вами Его пресвятой воли и заповѣдей, а вамъ—да подастъ благодать принимать возвѣщаемое нами *не яко слово человѣческое, но* якоже есть *воистинну слово Божіе* (1 Сол. 2, 13), и не медля обращать принятое въ дѣло и жизнь, памятуя, что *царствіе Божіе не въ словеси, а въ силѣ* (1 Кор. 4, 20). Аминь.

Слово при обозрѣніи епархіи *).

Не безъ глубокой горести совершили бы мы нынѣ служеніе въ семъ храмѣ; не безъ смущенія и, можетъ быть, не

*) Сказанное въ святогорской сельской церкви, бывшей нѣкогда соборною церковію Успенскаго святоградскаго монастыря, 1842 г августа 21 дня.

безъ слезъ начали бы настоящую бесѣду свою съ вами, братіе мои, если бы намъ довелось священнодѣйствовать и бесѣдовать въ семъ храмѣ не теперь, а въ прежнее время. Ибо что видимъ мы здѣсь вокругъ себя? Видимъ большею частію развалины, свидѣтельствующія о благочестіи временъ древнихъ и объ охлажденіи въ вѣрѣ временъ новыхъ. Мѣсто, рукою Самого Творца преукрашенное и видимо выставленное на удивленіе всѣмъ зрящимъ, которое посему изъ всѣхъ подобныхъ мѣстъ въ краю нашемъ одно удостоилось носить въ устахъ народа названіе святаго;—обитель благочестія, упредившая бытіемъ своимъ едва не всѣ прочія обители отечественныя, со всею вѣрностію отразившая въ себѣ великотруженическій образъ жизни святыхъ отшельниковъ кіевопечерскихъ и перестоявшая всѣ ужасы временъ Батыя и Тамерлана; —храмъ, куда цѣлый югъ древней Россіи стекался славить имя Божіе и въ часы счастія и въ годину искушеній, въ коемъ, идя на брань, проливали мольбы за отечество и брали благословеніе благовѣрные князья россійскіе, и гдѣ, по окончаніи брани, находили для себя первое и ближайшее успокоеніе; — пещеры, бывшія—свидѣтели подвиговъ самоотверженія самаго высокаго, увлаженныя слезами святыхъ труженіковъ и, безъ сомнѣнія, кровію многихъ мучениковъ: все сіе, оставленное безъ вниманія, преданное запустѣнію, отданное на попраніе безсловеснымъ!.. И въ какое время?—Когда страна наша давно ограждена миромъ и благоденствіемъ; когда домы наши непрестанно расширяются и едва не спорятъ въ высотѣ съ горами; когда отыскиваются, поддерживаются и хранятся со всеусердіемъ, какъ святыни, всякаго рода памятники древности!.. При такомъ положеніи сего святаго мѣста, среди сихъ развалинъ и запустѣнія, духовному пастырю страны, пришедшему для посѣщенія сихъ святыхъ горъ, явно приличествовало бы не тихое и спокойное собесѣдованіе Іакова или Петра, а горькій плачъ Іереміинъ и громкое рыданіе Іезекіилево...

Но, благодареніе Творцу временъ и Владыкѣ мѣстъ, держащему въ десницѣ Своей судьбы всѣхъ и всего! Не знаемъ за что въ награду, но чувствуемъ, что намъ суждено явиться здѣсь въ то самое время, когда, вмѣсто выраженія общей печали, мы можемъ быть провозвѣстниками всеобщей радости.

Да, братіе мои, нашлись наконецъ долго ожиданные ревнители благочестія: явились души, кои по примѣру великихъ возстановителей Іерусалима—Ездры и Нееміи, пламенѣютъ ревностью къ возграждению сего святаго мѣста. Проліемъ теплыя молитвы къ Возсоздателю всяческихъ, да ниспослетъ на преднамѣреваемое ими дѣло Свое всесозидающее благословеніе и подастъ добротѣ ихъ силу совершить все, что̀ взошло и взойдетъ на сердце христолюбивое. А между тѣмъ, для собственнаго назиданія, обратимся отъ внѣшняго ко внутреннему.

И для нашего ока нечистаго тяжело видѣть развалины дома Божія, запустѣніе обители благочестія. Но это—развалины стѣнъ, воздвигаемыхъ и сокрушаемыхъ рукою человѣческою, коимъ, по самому существу ихъ, нельзя оставаться вѣчными. Какъ же тяжело должно быть для пречистаго ока Божія, когда оно взираетъ на развалины храма нерукотвореннаго, вѣчнаго, находящагося въ душахъ человѣческихъ!—Между тѣмъ сколько сихъ драгоцѣнныхъ развалинъ по землѣ! Драгоцѣнныхъ—говорю: ибо что значатъ всѣ издержки и труды, употребляемые на сооруженіе зданій, въ сравненіи съ тѣмъ, чего стоило любви Божіей основаніе и созданіе храма своего въ душахъ нашихъ! Для сего надлежало Самому Сыну Божію сойти на землю, принять плоть нашу и положить за насъ на крестѣ душу Свою. Послѣ такихъ средствъ, при столь великихъ строителяхъ, какъ бы храму Божію не быть прочнымъ и твердымъ въ душѣ человѣческой, не блистать всегда благолѣпіемъ и святостію?

Но приходитъ въ душу грѣхъ съ полчищемъ страстей, и все превращаетъ! Мирное служеніе Богу—мыслями, чувствами и дѣяніями, вѣрою, любовію и упованіемъ, прекращается; вмѣсто его начинаютъ слышаться дикіе вопли страстей, буйные порывы гнѣва, ненависти и сладострастія: то есть, начинается служеніе сатанѣ... Вслѣдъ за симъ, по духу разрушенія, неотлучному отъ духа разврата, все во внутреннемъ храмѣ души слабѣетъ и клонится къ паденію. Умъ приходитъ въ развалины: свѣтлыя и чистыя понятія о Богѣ и Его святомъ законѣ, о вѣчности и воздаяніи за добро и зло, о истинѣ, правдѣ и благолѣпіи—тускнутъ, покрываются пылью, выходятъ, такъ сказать, изъ своихъ мѣстъ и теряютъ силу поддерживать человѣка. Сердце приходитъ въ

развалины: нѣтъ болѣе стройности чувствъ, нѣтъ согласія во внутреннихъ движеніяхъ, нѣтъ воодушевленія на добро; нѣтъ любви чистой, *николиже отпадающей* (1 Кор. 13, 8). Самая совѣсть приходитъ въ развалины: отъ нея остаются токмо слабыя, и то не всегда слышимыя, внушенія добра и отвращенія отъ зла.

Пришедъ въ развалины, и храмъ душевный, подобно храмамъ чувственнымъ, становится виталищемъ ночныхъ птицъ и гадовъ нечистыхъ—я разумѣю, мрачныхъ, плотскихъ помысловъ и душетлѣнныхъ пожеланій грѣховныхъ. Мало сего—какъ среди развалинъ, въ дремучемъ лѣсу, нерѣдко избираютъ себѣ пристанище люди отверженные обществомъ—тати и душегубцы; такъ между развалинами храма душевнаго всегдашнее, любимое жилище духовъ злобы поднебесной...

Судя по сему, какъ бы бѣдному грѣшнику не чувствовать своего ужаснаго положенія? Но, онъ не чувствуетъ сего, не видитъ своихъ внутреннихъ развалинъ, почитаетъ себя цѣлымъ и безопаснымъ, радуется даже нерѣдко своему блаженному, какъ онъ думаетъ, состоянію. До того грѣхъ и страсти ослѣпляютъ грѣшника, портятъ его мысли и сужденія, извращаютъ его умъ и сердце! Эти духовныя развалины кажутся нерѣдко и для другихъ прелестными, подобно развалинамъ вещественнымъ; потому что онѣ также покрыты мохомъ, увиты павиликою, испещрены цвѣтами; то есть, потому что въ развращенномъ человѣкѣ остаются слѣды моднаго образованія, проблески вкуса мірскаго, цвѣты воображенія, остроуміе, бездушная увѣтливость и любезность плотская.

Посему-то, братіе, первое правило человѣка, не отрекшагося отъ своего спасенія, никогда не довѣрять своей наружной честности, своимъ, такъ называемымъ на языкѣ міра, прекраснымъ качествамъ. Пусть удивляется и любуется ими міръ; а мы должны смотрѣть на нихъ испытующимъ окомъ совѣсти. Почему? Потому, что все это можетъ быть не что иное, какъ однѣ жалкія развалины внутренняго храма души, пріобрѣтшія нѣкій видъ красоты и занимательности отъ самой давности своего разрушенія.

Какъ же, вопроситъ кто-либо, узнать, что храмъ души нашей цѣлъ и благоустроенъ?—Такъ же, какъ узнаютъ это въ отношеніи къ храмамъ наружнымъ—сравненіемъ состоя-

нія и вида ихъ съ чертежемъ, по коему они строены. Чертежъ внутренняго храма—въ Евангеліи и совѣсти нашей: посему съ ними должно, какъ можно чаще, справляться о своемъ душевномъ состояніи тому, кто не хощетъ быть подобенъ развалинамъ. Вмѣстѣ съ симъ прилежно да помнимъ, что въ насъ, доколѣ остаемся на землѣ, все еще нѣтъ цѣлаго и полнаго храма души въ томъ совершенствѣ, какое онъ долженъ имѣть по намѣренію небеснаго Архитектона. Во всю жизнь нашу долженъ онъ возсозидаться и благоустрояться: вершину же и крестъ на немъ ставитъ—одинъ Ангелъ смерти... Нашъ долгъ посему смотрѣть ежедневно, не прекращается ли духовная работа, не отступлено ли отъ плана, надлежащіе ли употребляются матеріалы, съ усердіемъ ли и прочностію происходитъ дѣло: то есть, не оставляется ли нами когда-либо попеченіе о душѣ нашей и усовершеніе себя въ дѣлахъ благихъ, на вѣрѣ ли въ Господа Іисуса и всеискупляющемъ крестѣ Его зиждемъ мы свое спасеніе? Скрѣпляется ли зиждимое терпѣніемъ и самоотверженіемъ, украшается-ль любовью и милосердіемъ, возвышается ли отъ всепревосходящаго смиренія. Вотъ о чемъ должны мы прилагать попеченіе, а не думать, что внутренній храмъ нашъ уже конченъ и намъ остается только праздновать его освященіе. Нѣтъ, это великое празднество совершится не здѣсь, а,—если дастъ Господь,—тамъ, въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго... Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Чтобы изобразить ощутительнѣе свойства человѣка праведнаго, Священное Писаніе, какъ небезъизвѣстно вамъ, братіе, употребляетъ для сего между прочимъ и разныя сравненія. Изъ круга существъ одушевленныхъ праведникъ уподобляется льву и голубю; первому—по его мужеству и великодушію, послѣднему—по чистотѣ и незлобію. Изъ царства растеній праведникъ сравнивается съ лиліею и финикомъ: съ тою—за свое смиреніе и благоуханіе духовное, съ симъ—за обиліе въ плодахъ вѣры и любви. Изъ царства неодуше-

*) Сказанное къ братіи Святогорской пустыни въ церкви, что на скалѣ Святогорской, августа 17 дня 1844 года.

вленнаго праведникъ уподобляется твердой и непоколебимой скалѣ: *надѣющійся на Господа,* поетъ святый Давидъ, *яко гора Сіонъ не подвижится во вѣкъ* (Псал. 124. 1).

Поелику мы теперь находимся въ сердцѣ сей дивной скалы, и она же служитъ, можно сказать, отличительнымъ символомъ вашей святой обители, то не безвременно и не неумѣстно будетъ углубиться намъ нынѣ общимъ размышленіемъ въ это послѣднее сравненіе и разсмотрѣть, какимъ образомъ скала изображаетъ собою человѣка праведнаго, дабы такимъ образомъ посредствомъ слова, при помощи всемогущей благодати Божіей, извести вамъ единожды и навсегда воду назиданія духовнаго изъ этого камени, который выну стоитъ надъ главами вашими.

Праведникъ, яко скала, во-первыхъ своею высотою духовною. И міръ толкуетъ и мечтаетъ нерѣдко о высокомъ: но въ душѣ міролюбца не можетъ быть высоты истинной. Ибо откуда и какъ она зайдетъ въ эту бѣдную душу, которая вся и всегда обращена къ землѣ, день и ночь влачится мыслями и чувствами долу, вокругъ предметовъ суетныхъ и ничтожныхъ? Явись честь и знаменитое отличіе предъ міролюбцемъ: и онъ, какъ бы ни былъ гордъ, для полученія ихъ готовъ пасть, предъ кѣмъ нужно, во прахъ. Покажись богатство и успѣхи міролюбцу: и онъ для наслажденія ими готовъ отказаться не только отъ своего ума, отъ самой совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, къ какимъ низкимъ и постыднымъ средствамъ не прибѣгаютъ міролюбцы для достиженія своихъ цѣлей, для доставленія себѣ высоты мірской?—Но, высота сія не вызвышаетъ ихъ собою, когда они и достигаютъ ее. Напротивъ, въ такомъ случаѣ они кажутся еще меньше и ничтожнѣе сами по себѣ, подобно малому животному, случайно какъ-нибудь зашедшему на высокую скалу. Каждый тотчасъ видитъ и чувствуетъ, что это не ихъ мѣсто.

Не таковъ праведникъ? Въ какой бы юдоли ни стоялъ онъ, его окружаетъ нѣкое тайное величіе. Онъ выше богатства и могущества земнаго; выше силы и славы человѣческой; выше самой мудрости и познаній вѣка сего. Поелику онъ не ищетъ ничего на землѣ, то надъ нимъ—единъ Богъ!

Праведникъ, во-вторыхъ, яко скала — постоянствомъ и крѣпостію. Не имѣя опоры внутрь себя, кромѣ ломкаго са-

молюбія, водясь и увлекаясь непрестанно внѣшними случайностями, грѣшникъ, какою бы ни обладалъ властію, всегда непостоянен, измѣнчивъ и малодушенъ. Мысли и чувства его непрестанно возметаются отъ вѣтра страстей, кои не даютъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ самомъ снѣ. Случись при семъ еще какое-либо несчастіе,—и грѣшникъ изъ человѣка самонадѣяннаго, какимъ онъ любитъ показывать себя, тотчасъ обращается въ самаго малодушнаго и робкаго. Въ сіе-то наипаче время онъ, по замѣчанію Премудраго, *бѣгаетъ* даже *никому же гонящу* (Притч. 28, 1). Никому же, то есть, совнѣ: ибо внутрь грѣшника есть, кто его всегда преслѣдуетъ и гонитъ. Это злыя дѣла его и совѣсть.

Праведникъ свободенъ отъ сего шатанія чувствъ и мыслей, отъ сего малодушія и страховъ. Имѣя, какъ выражается святый Давидъ, законъ Бога *его въ сердцѣ* своемъ, онъ вмѣстѣ съ симъ закономъ не подвижится во вѣкъ. Ибо о чемъ ему смущаться и ради чего волноваться? Спаситель его единъ и той же вчера и во вѣки, и тѣхъ, кои принадлежатъ Ему, никто не восхититъ изъ руки Его—Всемогущаго;—Церкви, въ коей, какъ въ ковчегѣ, блюдется праведникъ отъ всемірнаго потопа грѣховъ и беззаконій, никогда не одолѣютъ самыя врата адова; душй безсмертныя, коею единою дорожитъ онъ въ мірѣ, не можетъ коснуться никто, кромѣ Бога: благъ небесныхъ, кои обѣщаны за земные подвиги, не похититъ никакой тать. Что же касается до земныхъ отношеній, до пріобрѣтеній или потерь временныхъ, то праведникъ взираетъ на нихъ, яко на пелены младенческія, отъ коихъ всѣхъ чѣмъ скорѣе отрѣшиться, тѣмъ лучше. Чего не употреблялъ нѣкогда міръ для искушенія и низложенія вѣры и мужества въ мученикахъ Христовыхъ? Но ничѣмъ не могъ поколебать ихъ: всегда самъ сокрушался о ихъ терпѣніе, какъ волны сокрушаются о скалу морскую.

Праведникъ, наконецъ, есть яко скала—покровомъ для нуждающихся и безпокровныхъ, указаніемъ пути для блуждающихъ. Міръ смотритъ на людей праведныхъ нерѣдко такъ же, какъ неопытные смотрятъ на горы и скалы, думая: къ чему служатъ онѣ?—Но во время бурь скала есть благонадежное прибѣжище для странника: она же указуетъ нерѣдко путь заблудившемуся. Такъ и во время всенародныхъ бѣд-

ствій праведники—вмѣсто покрова отъ гнѣва небеснаго для цѣлыхъ царствъ и народовъ. Не смотря на множество грѣховъ Содома и Гоморры, злополучные грады были бы, какъ засвидѣтельствовалъ Самъ Господь Аврааму, пощажены отъ погибели, если бы среди ихъ нашлось хотя десять праведниковъ. Даже молитва единаго праведника спасала цѣлые грады: такъ Назиба спасена отъ плѣна молитвами святаго Іакова. Солунь—предстательствомъ святаго великомученика Димитрія.

Служа такимъ образомъ, подобно скаламъ, въ духовный покровъ и защиту для цѣлыхъ странъ, праведники, подобно скаламъ же, указуютъ заблудшимъ путь возвратный. Они не проповѣдуютъ съ каѳедръ церковныхъ, подобно намъ: но ихъ жизнь и дѣянія громче и дѣйствительнѣе всякой проповѣди. Смотря на нихъ, каждый грѣшникъ невольно чувствуетъ, что онъ самъ не живетъ, какъ должно, и что гораздо лучше было бы, если бы онъ оставилъ свой путь грѣха и неправды.

Съ подобными мыслями, братіе мои, взирайте на скалу вашу; и она вѣрно представитъ вамъ въ себѣ гораздо болѣе назиданія, нежели сколько мы, по краткости времени, можемъ указать его теперь. И не взирайте токмо на скалу, а старайтесь и подражать ей. Чѣмъ? Возвышенностію мыслей и чувствъ вашихъ надъ всѣмъ земнымъ,—постоянствомъ и твердостію въ законѣ Господнемъ,—упокоеніемъ подъ кровомъ обители и молитвъ вашихъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Ибо не напрасно воздвигнута она здѣсь и стоитъ день и нощь, можно сказать, надъ главами вашими: сего непрестающій знакъ свыше, чѣмъ и каковыми должно быть—въ духовномъ отношеніи—вамъ самимъ. Аминь.

Слово при посѣщеніи епархіи *).

Вездѣ нынѣ праздникъ; а здѣсь, у васъ сугубый. Посему, хотя память святителя и чудотворца Николая благочестно ублажается по всей странѣ нашей, но никуда не стекается нынѣ столько чтителей сея памяти, какъ въ вашу обитель. Причина очевидна. Праздникъ всегда свѣтлѣе и торжествен-

*) Сказанное, мая 9 дня 1845 года, въ Святогорскомъ монастырѣ.

нѣе тамъ, гдѣ наиболѣе являетъ свое присутствіе лице празднуемое; а здѣсь, у васъ, святитель Николай явно присутствуетъ нѣкіимъ особеннымъ образомъ, какъ то показываетъ всѣмъ и каждому его святая и чудотворная икона. Явилась ли бы она чудесно на скалѣ вашей, если бы не восхотѣлъ сего самъ чудотворецъ? А когда онъ благоволилъ даровать обители вашей чудотворный ликъ свой, то, безъ сомнѣнія, потому и для того, что особенно возлюбилъ мѣсто сіе и избралъ его какъ бы въ нѣкое жилище себѣ. Достойно убо и праведно обитель сія съ сугубою свѣтлостію празднуетъ день настоящій; достойно и праведно и мы въ такомъ множествѣ стеклись нынѣ сюда для прославленія памяти святителя Христова.

Что касается до насъ самихъ, то мы поспѣшили сюда еще и по особенной причинѣ. До сихъ поръ не воздали мы торжественной благодарности святителю за недавнее возстановленіе обители вашей. Ибо кто, какъ не онъ, охранилъ мѣсто сіе въ продолжительную годину разрушенія, его постигшаго? Когда за семьдесятъ лѣтъ предъ симъ напала на него ужасная буря, то все тотчасъ удалилось отсюда, и люди и вещи. Не оставилъ сего мѣста одинъ угодникъ Божій. Продолжая пребывать здѣсь въ чудотворномъ ликѣ своемъ, онъ по прежнему привлекалъ цѣлыя тысячи душъ къ самымъ развалинамъ обители; питалъ во всѣхъ жителяхъ страны желаніе видѣть ее возстановленною изъ небытія; и хранилъ незримо то, что̀, разрушенное, не могло бы уже возстановиться руками человѣческими. Признаюсь, братіе мои, когда я пришелъ въ первый разъ на мѣсто сіе и увидѣлъ его внутреннее оскудѣніе людьми и совершенную беззащитность; когда услышалъ при томъ, сколько было и явныхъ недоброжелательствъ и тайнаго враждованія противъ него отъ тѣхъ, кои могли сдѣлать съ святыми горами все, что хотѣли, и сдѣлали съ окрестностями ихъ все, что могли; когда при всемъ этомъ я увидѣлъ сіи горы облеченными еще во всю лѣпоту, коею украсила ихъ десница творческая: то пришелъ въ недоумѣніе и вопрошалъ самъ себя—какая невидимая сила въ продолженіе столькихъ лѣтъ охраняла мѣсто сіе и изъяла его изъ общей участи, коей подверглись всѣ его окрестности? Но когда вспомнилъ, что здѣсь находится чудотворный ликъ святителя Христова Николая, то недоумѣнія мои тотчасъ

окончились. Противъ такихъ стражей, подумалъ я, ничто не значитъ ни вражда, ни лукавство человѣческое. Не въ первый разъ Святителю спасать отъ конечнаго истребленія и людей и мѣста: тѣмъ паче не могъ онъ предать беззащитно на жертву алчности человѣческой сего святаго мѣста, которое онъ видимо избралъ для пребыванія—въ чудотворномъ ликѣ своемъ. Все сіе воодушевило меня, братіе, упованіемъ на то, что какъ ни велико было запустѣніе мѣста сего, но рано ли, поздно ли, ему надлежало прейти. И вотъ оно прешло, и гораздо скорѣе, нежели какъ можно было ожидать. И кто главною виною сего?

Воздадимъ должную справедливость благолюбивымъ домовладыкамъ мѣста сего, ихъ усердію къ святой обители, ихъ готовности служить, подобно упоминаемымъ въ Евангеліи женамъ, Господу отъ *имѣній своихъ* (Лук. 8, 3): но, они первые, думаю, не отрекутся признать и исповѣдать, что былъ кто-то, который постоянно возбуждалъ и питалъ въ сердцѣ ихъ желаніе послужить возстановленію здѣшней обители. Безъ сего, воспящаемое въ исполненіи многими противными обстоятельствами и самою продолжительностію времени, желаніе сіе сто разъ могло ослабѣть и угаснуть. Между тѣмъ не ослабѣло и не угасло, а можно сказать, усилилось въ нихъ отъ самаго времени, потому что было дѣйствіемъ не плоти и крови, а духа и вѣры, подкрѣпляемыхъ тайнымъ вліяніемъ Святителя на ихъ душу. И смотрите, какъ знаменуетъ себя это вліяніе въ самомъ имени того, чья Державная рука утвердила паки бытіе святой обители!—Не одно царствованіе прешло надъ ея развалинами, но подняться изъ нихъ ей суждено не прежде, какъ въ благословенное владычество Самодержца, соименнаго святителю Николаю!

Не довлѣетъ ли убо, братіе мои, и намъ ознаменовать чѣмъ-либо нашу признательность угоднику Божію за Его видимое и невидимое покровительство сему святому мѣсту? И первѣе всего тѣмъ, что для него теперь особенно нужно, ибо и святые Божіи, сходя къ намъ съ неба, нѣкоторымъ образомъ какъ бы подвергаются нашимъ нуждамъ. Что же, спросите, потребно для Святителя Христова, или, точнѣе сказать, для его чудотворнаго лика? Потребно пристанище постоянное, ибо съ того самаго времени, какъ была упразднена здѣсь обитель, доселѣ онъ не имѣетъ постояннаго

мѣстопребыванія и странствуетъ, такъ сказать, ежедневно нисходя съ горы долу и паки восходя на скалу. Но первобытное мѣсто, ознаменованное чудеснымъ явленіемъ Его, тамъ—на скалѣ, цѣло доселѣ и ждетъ токмо нашего усердія, дабы, облекшись приличною лѣпотою, воспринять паки на всегдашнее пребываніе икону Святителя.—Поспѣшимъ же, кто чѣмъ можетъ, содѣйствовать сему благому дѣлу, да обрѣтетъ онъ себѣ успокоеніе въ ликѣ своемъ, и да познаетъ изъ того, что мы не безчувственны къ его подвигу во благо сей обители.

И какъ бы хорошо было, братіе мои, если бы въ слѣдующемъ году, въ настоящій же праздникъ, мы могли взять икону Святителя отсюда, и вознесши на скалу, поставить на мѣстѣ первобытнаго явленія ея, совершить тамъ святую литургію и оставить ее тамъ на постоянное пребываніе! Это было бы радостію и торжествомъ для всей страны здѣшней и для каждаго изъ насъ. А Святитель Христовъ вслѣдствіе сего усугубилъ бы, безъ сомнѣнія, за насъ молитвы свои предъ Господомъ; исходатайствовалъ бы намъ прощеніе во грѣхахъ нашихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—избавленіе и отъ тѣхъ бѣдствій, кои за сіи грѣхи въ разныхъ видахъ гнетутъ и удручаютъ каждаго изъ насъ.

Начнемъ же съ нынѣшняго дня заниматься симъ благимъ предпріятіемъ. Обитель, какъ видите, сама не можетъ сдѣлать въ семъ отношеніи ничего—по своей новости. Все зависитъ посему отъ нашего усердія. Ужели не достанетъ его въ комъ-либо? — нѣтъ, настоящее собраніе наше ручается за противное. А мы, въ поощреніе вѣры и любви вашей, скажемъ то, что писалъ апостолъ Павелъ Коринѳянамъ, поощряя ихъ на подобное благое дѣло, то есть, что *доброхотна дателя любитъ—Самъ Господь!* (2 Кор. 9, 7). Аминь.

Слово при первомъ посѣщеніи города Изюма *).

Любопытствуя о судьбѣ града вашего, я пожелалъ между прочимъ узнать и о томъ, что служитъ для него, по обычаю градовъ отечественныхъ, отличительнымъ символомъ граждан-

*) Сказанное 20 дня августа 1843 года.

скимъ, и узналъ, что этотъ символъ составляютъ три вѣтви виноградныхъ.—Прекрасный символъ! Ибо, виноградъ вообще есть знакъ плодоносія, мира и радости. Возлюбленный нѣкогда Богомъ народъ израильскій всегда въ писаніи сравнивается съ виноградомъ. Самъ Спаситель уподобляетъ Себя лозѣ виноградной: *Азъ есмь лоза*, говорилъ Онъ Апостоламъ, *вы же рождіе; и иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ* (Іоан. 15. 5).

Сей, а не другой символъ избранъ въ отличіе вашего града, конечно потому, что съ вашихъ предѣловъ начинается земля, способная къ возвращенію винограда, и что имъ, какъ показываетъ самое названіе города, обиловали нѣкогда здѣшнія окрестности. Нынѣ нѣтъ сего: дѣятельность жителей здѣшняго края давно обратилась къ другимъ видамъ промышленности. Но, отличительный символъ вашъ не потерялъ чрезъ то своего значенія, а скорѣе пріобрѣлъ его въ новомъ и лучшемъ смыслѣ, ибо кромѣ винограда чувственнаго, есть виноградъ духовный, который можетъ расти на всякой землѣ, во всѣхъ климатахъ, во всякое время года. Этотъ духовный виноградъ суть добродѣтели христіанскія. Лишиться сего святаго винограда кому бы и гдѣ бы то ни было—вотъ истинное лишеніе и потеря невознаградимая! Но это зависитъ отъ насъ самихъ: и если бываетъ, то по собственной винѣ.

Да произрастаютъ же у васъ всегда, да приносятъ плодъ, да питаютъ души и сердца ваши три лозы виноградныхъ—отъ трехъ лицъ Пресвятыя Троицы, во имя Коей онѣ, безъ сомнѣнія, и избраны въ символъ града вашего!

Первая вѣтвь—отъ Бога Отца—вѣра правая и живая!—Она насаждена въ душѣ человѣка при самомъ сотвореніи его въ раю сладости. Змій—искуситель ужасно повредилъ ее, наведши въ умѣ праматери нашей пагубное сомнѣніе на заповѣдь и благость Творца, но небесный Дѣлатель не оставилъ Своего насажденія: къ тому, что отъ сей лозы осталось живымъ въ душѣ человѣка, тотчасъ привилъ снова небесный ростокъ вѣры посредствомъ обѣтованія о будущемъ Искупителѣ. Съ тѣхъ поръ животворная лоза сія растетъ въ родѣ человѣческомъ: всемірный потопъ омылъ ее отъ пыли и насѣкомыхъ; законъ Моисеевъ оградилъ ее отъ позобанія звѣрями дивіими; пророки являлись для ея очищенія и отре-

бленія: Сынъ Божій напоилъ ее Своею Кровію; Духъ Святый оросилъ Своею благодатію; Апостолы увязали ее правилами и законоположеніями; преемники ихъ—пастыри Церкви, приставлены блюсти и хранить ее до скончанія вѣка. Лоза сія отъ Бога Отца; ибо святая вѣра живетъ въ области всемогущества, а Онъ, какъ исповѣдуемъ въ символѣ вѣры, есть Вседержитель, Творецъ видимыхъ и невидимыхъ.

Желаете знать, какихъ должно ожидать плодовъ отъ сей дивной лозы?—*Знаменія вѣрующимъ.* говоритъ Самъ Сынъ небеснаго Вертоградаря. *сія послѣдуютъ: именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ, языки возглаголютъ новы, змія возьмутъ, аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ, на недужныя руки возложатъ и здрави будутъ* (Марк. 16, 17—19). *Аще имате вѣру,* говоритъ Онъ въ другомъ мѣстѣ, *яко зерно горушно, и рцете горѣ: прейди и верзися въ море, будетъ.*— Вотъ что можетъ производить вѣра истинная! И все это производила она въ тѣхъ, кои проникнуты были ею, кои не мыслили токмо, но и жили по сей вѣрѣ, ибо, гдѣ вѣра, тамъ и всемогущество.

Желать ли вамъ плодовъ сихъ? *Могій вмѣстити, да вмѣститъ!* А вмѣстившій, болѣе или менѣе, да блюдетъ свято пріятое! Ибо сокровище чрезвычайно важно, и можетъ возрастать до безконечности. такъ какъ вѣрующему, по слову Спасителя, *вся возможна суть,* а сосудъ естества нашего, какъ бы мы ни укрѣпляли его. всегда скуделенъ и ломокъ.

Есть другіе плоды отъ драгоцѣнной лозы—вѣры, не столь рѣдкіе и дивные, но тѣмъ болѣе необходимые для всякаго. безъ коихъ сама вѣра есть растеніе, неплодное, и напрасно, такъ сказать. занимающее землю. Это тѣ плоды, на кои указываетъ святый апостолъ Іаковъ. *Вѣра чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцемъ,* пишетъ онъ, *сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ, и нескверна себе блюсти отъ міра* (Іак. 1, 27). То есть, необходимый плодъ истинной вѣры, по Апостолу, состоитъ въ непорочности нравовъ и жизни, и въ человѣколюбіи къ своимъ ближнимъ.

Одна вѣра можетъ произвести сей прекрасный плодъ, ибо одна вѣра можетъ вознести человѣка надъ всѣми соблазнами міра, надъ всѣми слабостями плоти; одна она можетъ расположить самолюбивое сердце наше къ тому, чтобы во всякомъ человѣкѣ видѣть брата во Христѣ. и употреб-

лять всѣ силы и средства свои на помощь ему. Въ комъ убо есть сей святый плодъ вѣры, того вѣра истинная и живая, а въ комъ нѣтъ его, кто провождаетъ жизнь во грѣхахъ и нечистотѣ, кто жестокосердъ къ своимъ ближнимъ, тотъ сколько бы ни говорилъ о своей вѣрѣ и какъ бы ни показывалъ себя вѣрующимъ, въ томъ нѣтъ истинной вѣры, а токмо одинъ ея призракъ. Такая безплодная лоза будетъ, наконецъ, извергнута изъ вертограда Христова и предана на сожженіе.

Вторая вѣтвь виноградная — отъ Бога Сына — упованіе жизни вѣчной, надежда христіанская!

Лоза сія насаждена на Голгоѳѣ, у подножія креста Христова, полита кровію Единороднаго Сына Божія. Ибо кто упованіе наше? *Христосъ*, отвѣтствуетъ Апостолъ. Безъ Искупителя нѣтъ прощенія; безъ Посредника нѣтъ мира: безъ Ходатая и Испоручника нѣтъ упованія.

Въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть упованіе у грѣшника, каковы всѣ мы? — Грѣшникъ по необходимости долженъ страшиться казни, ибо онъ преступникъ воли Божіей, а Богъ и Творецъ его правосуденъ. Грѣшникъ по необходимости долженъ трепетать смерти, ибо за предѣлами времени вѣчность, а вѣчность нелицепріятна и мздовоздаятельна.

Но является Ходатай Бога и человѣковъ. Богочеловѣкъ Іисусъ, и все измѣняетъ видъ; мѣсто страха и отчаянія заступаетъ надежда и дерзновеніе. Облеченный заслугами Искупителя, грѣшникъ съ упованіемъ взираетъ на самое правосудіе Божіе, ибо гнѣвъ его истощенъ на крестѣ: долгъ закону и правдѣ уплаченъ сполна на Голгоѳѣ. Оцушевленный силою Побѣдителя ада и смерти, грѣшникъ со дерзновеніемъ вступаетъ во врата самой смерти. *Аще пойду*, восклицаетъ онъ съ Давидомъ, *посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты, Всемогущій, со мною еси.*

Таковъ корень и таковы плоды упованія христіанскаго! Корень—Христосъ, Искупитель нашъ; плоды,—чаяніе жизни вѣчной и презрѣніе скорбей и лишеній жизни временной. О, питайте, братіе мои, возращайте, и блюдите сію животворную лозу упованія. Для сего размышляйте чаще о томъ, что содѣлано за насъ и для насъ возлюбленнымъ Спасителемъ нашимъ, и что было бы съ нами безъ Него; переноситесь чаще мыслію въ будущее, къ благамъ вѣчнымъ.

кои ожидаютъ за гробомъ тѣхъ, иже подвизались здѣсь яко добліи воини Христовы; представляйте себѣ чаще тотъ великій и славный день, въ который Господь пріидетъ воздати комужде изъ насъ по дѣломъ его.

Въ комъ есть истинное упованіе, для того размышленіе о сихъ предметахъ—паче меда и сота, но въ то же время жизнь по упованію—паче злата и сребра. Взирая постоянно въ будущее. онъ не прельщается ничѣмъ настоящимъ; благодушно проходитъ искушенія и скорби, ибо знаетъ, что они служатъ залогомъ вѣчной славы; съ радостію приноситъ, гдѣ нужно, жертвы, ибо увѣренъ, что тамъ, на небѣ, ничто не будетъ забыто, за все воздастся съ лихвою; не страшится самой смерти и всегда готовъ встрѣтить ее, ибо видитъ въ гробѣ дверь къ возврату въ домъ отеческій; и надъ всѣмъ симъ постоянно блюдетъ себя отъ скверновъ мірскихъ, или измываетъ ихъ въ себѣ слезами покаянія, ибо иначе онъ посрамилъ бы упованіе свое и потерялъ бы все дерзновеніе, яко не соблюдшій вѣрности.

Тако, братіе мои, тецыте въ упованіи и вы, да постигнете и насладитесь нѣкогда вполнѣ тѣмъ, что теперь только изрѣдка даетъ намъ предвкушать себя въ минуту святыхъ восторговъ душевныхъ.

Третія вѣтвь виноградная—отъ Бога Духа Святаго—любовь чистая и святая!—О, какъ многоплодна Божественная лоза сія! Гдѣ любовь, тамъ всѣ добродѣтели, всѣ совершенства. *Любы*, говоритъ Апостолъ, *не превозносится, не завидитъ, не радуется о неправдѣ, не мыслитъ зла, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, любы николи же отпадаетъ* (1 Кор. 13, 4—8). Гдѣ любовь, тамъ взаимная помощь и услуга; тамъ высшій служитъ низшему, тамъ нѣтъ рабовъ, всѣ братія о Христѣ. Любовь самый адъ могда бы сдѣлать раемъ, если бы только адъ могъ вмѣстить ее въ себѣ.

Стремитесь, братіе мои, къ сей пренебесной добродѣтели. Но, блюдитесь думать, что святая и животворная любовь могла произникнуть изъ нашего ума или сердца, изъ нашихъ познаній и образованія, изъ нашей плотской чувствительности и нашей мірской ласковости: все это можетъ дать только любовь языческую, своекорыстную, ограниченную, легко отпадающую, но никогда не дастъ любви чистой, совершенной, которая не ищетъ *своихъ си*, готова положить

душу за други своя, которая объемлетъ всѣхъ, благословляетъ самыхъ враговъ своихъ. Такая любовь изливается въ сердца наши точію свыше, отъ Духа Святаго. И Онъ всегда готовъ излить ее, ибо для сего и сошелъ съ неба въ видѣ огненныхъ языкъ, чтобы воспламенять ею насъ хладныхъ. И воспламенитъ, коль скоро мы представимъ Ему для сего сердца свои упраздненными отъ нечистой привязанности къ міру и его суетнымъ благамъ и удовольствіямъ. Посему, кто хочетъ быть сосудомъ любви Божественной, тотъ долженъ, во-первыхъ, упразднить сердце свое отъ пристрастій плотскихъ, а во-вторыхъ, какъ можно чаще обращаться съ молитвою къ Духу утѣшителю, да пріидетъ къ нему, и да приведетъ съ собою въ сердце любовь чистую и святую.

Стремясь къ сему, тѣмъ паче блюдитесь, братіе мои, отъ всякой ненависти, вражды, злобы и мщенія. Какъ всякая истинная любовь отъ Духа Божія, такъ вражда и злоба всегда есть отъ духа злобы. Гдѣ ненависть, тамъ адъ.

Вотъ къ какимъ размышленіямъ привелъ насъ символъ града вашего!—Вотъ что пробудили въ памяти нашей три вѣтви ваши! Явно, число ихъ избрано во образъ Святыя Троицы. Посему мы не думаемъ, чтобы размышленіемъ своимъ уклонились отъ намѣренія тѣхъ, кои избрали ихъ въ отличительный признакъ сего града. Да будетъ же отличіемъ его вѣра, надежда и любовь христіанская! Да растутъ онѣ, да цвѣтутъ между вами, да приносятъ плодъ, и да питаютъ имъ души и сердца ваши въ жизнь вѣчную! А мы, какъ приставники, посланные отъ небеснаго Вертоградаря, будемъ по временамъ посѣщать васъ, осматривать ростъ и плодъ, поливать растущее, ограждать и подкрѣплять плодоносящее, и отреблять, по слову Спасителя, безплодное. Аминь.

Слово при обозрѣніи Епархіи *).

Особенность и преимущество здѣшняго града—въ томъ, что вблизи его находятся воды цѣлебныя: преимущество немалое! Оно причиною, что градъ вашъ, не смотря на малолюдность свою, не безъизвѣстенъ по всѣмъ краямъ обширнаго отече-

*) Сказанное въ заштатномъ городѣ Славянскѣ.

ства нашего; оно причиною, что къ вамъ ежегодно стекается даже изъ отдаленныхъ мѣстъ немалое число посѣтителей, ищущихъ въ водахъ Славянскихъ исцѣленія отъ своихъ недуговъ; оно причиною, что среди васъ возникаетъ и усиливается всякаго рода промышленность, и градъ вашъ начинаетъ украшаться лучшими зданіями; оно, наконецъ, причиною, что само правительство обращаетъ на здѣшнее мѣсто особенное вниманіе и готовитъ для него новую судьбу и разныя общественныя учрежденія. Не будь здѣсь врачебныхъ водъ,—и градъ сей поступилъ бы въ разрядъ обыкновенныхъ селеній, потерялъ бы, наконецъ, по всей вѣроятности, самое имя града.

Кто же далъ граду сему это великое преимущество? Тотъ въ десницѣ Коего жребій всея земли, Кто посылаетъ источники въ дебри, велитъ—и на горахъ станутъ воды; Кто съ такою же легкостію исчисляетъ песокъ, лежащій вскрай моря, какъ и нарицаетъ имена свѣтиламъ небеснымъ. Его вседержавный перстъ указалъ подъ стопами вашими расположиться благотворнымъ слоямъ соли врачебной, отъ коей воды ваши сдѣлались цѣльбоносными. Искусство человѣческое можетъ, сколько ему угодно, разнообразить употребленіе сихъ водъ, но не можетъ измѣнить, тѣмъ паче замѣнить собою дара Творческаго.

Чувствуете ли убо, братіе мои, милость и благодѣяніе Божіе, къ вамъ чрезъ то явленныя? и стараетесь ли быть признательны къ небесному благодѣтелю вашему? Нѣтъ нужды много размышлять и доискиваться, чѣмъ вамъ можно засвидѣтельствовать въ семъ случаѣ свою благодарность предъ Нимъ: средства къ тому представляются сами собою.

И во-первыхъ, вы засвидѣтельствуете свою благодарность Господу, за открытіе у васъ цѣльбоносныхъ источниковъ, если будете имѣть особенное усердіе къ храмамъ Божіимъ и попеченіе о ихъ благолѣпіи. Храмы не напрасно называются домомъ Божіимъ: что дѣлается на пользу дома, то, яко даръ пріемлетъ Самъ Домовладыка. Что Господь неба и земли не равнодушенъ къ тому, что дѣлается для Его видимыхъ жилищъ на земли, или храмовъ, свидѣтели тому Давидъ и Соломонъ. Первый за одно намѣреніе создать храмъ и приготовленіе матеріаловъ къ тому, а вторый за

приведеніе сего намѣренія въ дѣйствіе, получили благословеніе Божіе не токмо себѣ, но и всему своему потомству.

И для тѣхъ, кои прибываютъ къ намъ для врачеванія, не малая разница, какъ они найдутъ у васъ храмы Божіи—въ состояніи благолѣпія или безобразія. Увидѣвъ храмы ваши благоустроенными, они возрадуются духомъ, возымѣютъ о васъ благопріятное понятіе, съ большею благонадежностію предадутся врачеванію, говоря самимъ себѣ: здѣсь живутъ люди благочестивые; видно, что Господь на мѣстѣ семъ! Что недугующіе обращаютъ на это вниманіе, это не подлежитъ сомнѣнію: пораженный болѣзнію всегда, болѣе или менѣе, набоженъ; забываютъ Бога и Церковь только среди здоровья и счастія...

Во-вторыхъ, вы засвидѣтельствуете благодарность свою Господу, если съ прибывающими къ вамъ для врачеванія будете поступать не по разсчетамъ своекорыстія и желанія обогатиться неправедно, а по духу любви и милосердія христіанскаго.—Нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, могутъ не жалѣть ничего для удобства своего пребыванія; а иные, по необходимости, должны дорожить каждою лептою. Не забывайте сего, возлюбленные!—Пророкъ воспрещалъ нѣкогда Израилю имѣть двѣ мѣры и два вѣса; а мы, нисколько не противорѣча гласу пророческому, совѣтуемъ вамъ имѣть ихъ по двѣ—одну для имущихъ и богатыхъ, а другую для неимущихъ; или, лучше сказать, когда увидите предъ собою Лазаря, неимущаго чѣмъ воздать вамъ за даемое ему, то оставьте всѣ вѣсы и мѣры и снабдите немощь его туне. Господь узритъ сіе, какъ бы ни было мало даяніе ваше, хотя бы то была чаша студеной воды. Только бы она подана была во имя Его, то ей, глаголемъ вамъ, не погубите мзды вашей!

Да, братіе мои, преизвѣстная истина, что Господь и Спаситель нашъ паче всего любитъ милосердіе; преизвѣстная истина, что когда Онъ будетъ судить насъ въ день онъ, то паче всѣхъ добродѣтелей и подвиговъ воспомянутся дѣла любви. *Взалкахся*, скажетъ Судія небесный, *и дасте ми ясти, вожадахся, и напоисте мя; боленъ бѣхъ и посѣтисте мя; въ темницѣ—и пріидосте ко мнѣ* (Мато. 25, 35). Послѣ сего нечего много думать о томъ какимъ образомъ снискать каждому свое спасеніе, нечего изслѣдовать и разыскивать о

пути къ Царствію: онъ предъ каждымъ, ибо вездѣ есть бѣдные и требующіе, всюду можно найти, въ лицѣ ихъ, Самаго будущаго Судію и оказать Ему помощь. Питай, напаяй, одѣвай, посѣщай, вручай; и такимъ образомъ искупляй грѣхи твои.

Если вездѣ можно это дѣлать, то у васъ тѣмъ паче. Сколько Лазарей ежедневно является въ градѣ вашемъ, ища ослабы своимъ страданіямъ! Да не найдутъ они между вами богачей, затворяющихъ отъ нихъ и врата и утробу свою! Да не будутъ псы ваши человѣколюбивѣе домовладыкъ своихъ! Любовь Христова уже воздвигла изъ среды васъ видимыхъ ревнителей и служителей милосердія; уже вы давно слышите гласъ ихъ, призывающій всѣхъ и каждаго на помощь ближнему; уже видите примѣръ ихъ, влекущій и васъ во слѣдъ себѣ. Не будьте же, умоляемъ васъ глухи, къ сему гласу; не смежайте очей своихъ при взорѣ на бѣдность и раны. Что вы сдѣлаете для болящаго брата, то усвоитъ Самому Себѣ Господь и судія всѣхъ. *Мнѣ сотвористе*, скажетъ Онъ и вамъ.

Въ-третьихъ, градъ вашъ засвидѣтельствуетъ свою благодарность Господу за ниспосланіе цѣльбоносныхъ водъ, если вы, жители его, будете отличать себя чистотою нравовъ и жизни; если прибывающіе къ вамъ для врачеванія не будутъ находить у васъ искушеній и соблазновъ. Не будемъ скрывать печальной истины — мѣста, отличающіяся многочисленностію посѣтителей, по развращенію человѣческому, всегда почти являются страждущими отъ обилія всякаго рода соблазновъ. Да отличается же вашъ градъ недостаткомъ ихъ! Получающіе исцѣленіе тѣлу, да не найдутъ у васъ язвъ для души и совѣсти! Да возвратятся въ домы свои съ чувствомъ уваженія къ нравамъ и чистотѣ вашей!— Се ваша наибольшая похвала и се ваша наилучшая благодарность Тому, Который облагодѣтельствовалъ градъ вашъ Своею Творческою десницею!

Когда Онъ узритъ, что благодѣяніе, вамъ дарованное, содѣйствуя временному благосостоянію домовъ и семействъ вашихъ, не вредитъ нисколько вѣчному преспѣянію душъ и сердецъ вашихъ; когда увидитъ, что славныя воды производятъ въ васъ не жажду неправеднаго прибытка и алчность благъ тлѣнныхъ, а возбуждаютъ въ васъ благодѣтельную

жажду спасенія, то, будьте увѣрены, Онъ усугубитъ благословеніе Свое надъ силою водъ вашихъ; слава ихъ распространится и привлечетъ къ вамъ еще большее число посѣтителей, и вы, не оставляя роднаго крова своего, будете находить чрезъ нихъ всѣ способы къ безбѣдному существованію. А когда напротивъ, вы окажетесь—въ нравахъ и поступкахъ своихъ—непризнательными къ небесному Благодѣтелю, злоупотребляющими Его дарами, не готовыми сострадать бѣдствующему человѣчеству, а стремящимися бѣдствія ближнихъ обращать на одну свою низкую пользу, то кто знаетъ, что можетъ быть? Не сбудется ли тогда и надъ вашимъ градомъ притча о соли обуявшей?—Сколько есть на земномъ шарѣ водъ, измѣнившихъ свое качество!—Долго ли останется тогда и цѣлебная сила вашихъ водъ, когда не будетъ надъ ними благословенія Божія? И пребудетъ ли благословеніе тамъ, гдѣ изсякли вѣра и любовь? Размыслите о семъ. Аминь.

Слово при первомъ посѣщеніи города Чугуева *).

Давно хотѣлось намъ, христолюбивые воины, побесѣдовать съ вами съ сего священнаго мѣста: хотѣлось уже потому, что вы принадлежите къ духовной паствѣ Харьковской; а мы еще ни разу не имѣли случая возвѣстить вамъ слова спасенія, между тѣмъ какъ званіе ваше, будучи отлично во многомъ отъ всѣхъ прочихъ званій, имѣетъ потому нужду въ особенномъ наставленіи. Но кромѣ сего, намъ хотѣлось вступить въ бесѣду съ вами и потому, что мы давно одолжены вамъ немалою благодарностію, и доселѣ ничѣмъ не выразили ее предъ вами. Желаете знать, чѣмъ мы обязаны вамъ? Тѣмъ, братіе мои (спѣшу назвать васъ тѣмъ, чѣмъ вы всегда для насъ во Христѣ Іисусѣ), что во время собесѣдованій нашихъ съ паствою по разнымъ мѣстамъ, вы постоянно служили для насъ вмѣсто живаго примѣра и доказательства на самыя важныя истины нравственности христіанской. По долгу званія пастырскаго, не разъ доводилось намъ говорить предъ своими слушателями о самоотверженіи христіанскомъ, внушать и доказывать, что христіанинъ, по заповѣди Спасителя, долженъ

*) Сказанное въ соборной Покровской церкви, 27 августа 1843 года.

быть готовъ, въ случаѣ нужды, оставить для своего спасенія все: имѣніе, домъ, жену, дѣтей, самую жизнь. Въ этомъ самоотверженіи состоитъ сущность дѣятельнаго христіанства и жизни благочестивой. Но гдѣ взять для него примѣровъ? Обращаться за симъ ко временамъ древнимъ, воспоминать мучениковъ, исповѣдниковъ, святыхъ отшельниковъ пустынь и пещеръ? Въ примѣрѣ ихъ дѣйствительно нашлось бы самоотверженіе христіанское, осуществленное во всей полнотѣ, но при семъ многіе изъ слушателей нашихъ могли бы подумать, вопреки нашего слова, что тогда были другія, лучшія времена, свѣтъ вѣры сильнѣе, любовь христіанская живѣе и чище, самые дары благодати обильнѣе и явственнѣе; другіе, съ видомъ еще большаго права, начали бы отклонять отъ себя сей примѣръ, говоря, что это были люди избранные, святые, предъ коими нашей немощи свойственнѣе благоговѣть и преклоняться, нежели подражать ихъ величію и подвигамъ. Что же мы дѣлали въ семъ случаѣ? Оставляя, большею частію, времена древнія, мы обращались за примѣромъ къ вамъ. Посмотрите, говорили мы своимъ слушателямъ, на воиновъ нашихъ, не на избранныхъ, а на всѣхъ и каждаго. Чего не приносятъ они въ жертву своему званію? Не готовъ ли каждый изъ нихъ, и всегда, сдѣлать то, чего требуетъ отъ всѣхъ насъ Евангеліе? Не готовъ ли оставить домъ, жену, дѣтей, чтобы идти на край свѣта и нести жизнь свою на смерть, даже очевидную? И все сіе дѣлаютъ они всѣ,—и самый первый и самый послѣдній, не разбирая, почему такъ дѣлается, выйдетъ ли что и что выйдетъ изъ ихъ жертвы, нѣтъ ли средствъ иначе достигнуть того, за что они должны пролить кровь свою. Если же, продолжали мы, воины дѣлаютъ все это по гласу и велѣнію своихъ начальниковъ, которые какъ бы ни были мудры, всегда яко человѣки, могутъ подлежать ошибкамъ и погрѣшностямъ, то что удивительнаго, если всѣ мы будемъ готовы сдѣлать то же по гласу не человѣка, намъ подобострастнаго, а Спасителя нашего, Который Самъ за всѣхъ насъ положилъ животъ Свой на крестѣ,—сдѣлать не по усердію къ чуждой пользѣ или славѣ, а ради искупленія собственныхъ душъ нашихъ, имѣя за сіе въ виду награду благъ вѣчныхъ?— Такъ говорили мы своимъ слушателямъ; такъ пользовались вашимъ примѣромъ, вашимъ самоотверженіемъ; и, благодареніе Господу, не разъ видѣли съ утѣшеніемъ, что слова наши

и вашъ примѣръ не оставались безъ дѣйствія, производя въ слушателяхъ увѣренность, что заповѣди Евангелія, самыя, по видимому, строгія и тяжкія, не суть заповѣди не исполнимыя.

Какъ же намъ послѣ сего не быть къ вамъ признательными и не желать побесѣдовать съ вами? Сказать вамъ по крайней мѣрѣ то, о чемъ мы сейчасъ говорили предъ вами?

Для чего сказать? И для утѣшенія и для назиданія вашего.

И во-первыхъ, для утѣшенія. Если въ какомъ, то въ вашемъ состояніи, братіе мои, можетъ приходить инымъ на мысль: не слишкомъ ли оно далеко отъ званія христіанина? Не противно ли духу любви христіанской едва не всю жизнь посвящать на упражненіе себя въ искусствѣ отнимать жизнь у подобныхъ себѣ людей? Совмѣстенъ ли крестъ Христовъ съ мечемъ воина? Такая мысль можетъ тревожить душу, ослаблять усердіе къ своему званію, заставлять завидовать другимъ родамъ жизни, доводить до унынія и даже отчаянія духовнаго. Да будетъ же извѣстно всѣмъ и каждому изъ васъ, что подобная мысль есть самая не основательная.

Званіе воина, если смотрѣть на него поверхностно, точно, можетъ показаться несроднымъ христіанину. Этотъ шумъ оружія, этотъ грозный видъ брани даже среди мира, этотъ рядъ движеній, цѣлію коихъ искусство отнимать жизнь у людей, намъ подобныхъ—все это таково, что другъ человѣчества не можетъ не желать, дабы скорѣе пришло то блаженное время мира, когда, по предреченію Пророка, всѣ *раскуютъ мечи на орала, и копія своя на серпы, и не навыкнутъ къ тому ратовати* (Исаіи 2, 4). Но, доколѣ не водворятся на земли правда и истина, доколѣ останутся не только люди, но и цѣлыя царства, имѣющія нужду въ томъ, чтобы къ долгу и справедливости принуждали ихъ силою, дотолѣ, очевидно, необходимы вооруженные защитники Церкви и отечества. Посему-то Самъ Богъ мира и любви не только позволялъ, но и повелѣвалъ нѣкогда избранному Имъ народу израильскому исходить на брань противъ враговъ; Самъ даже исходилъ невидимою силою въ его воинствахъ и благоволилъ именовать Себя Богомъ браней. И что говорить о землѣ?—На самомъ небѣ, послѣ того, какъ мятежный архангелъ возмутилъ покой его, на самомъ небѣ открылась нужда ополчаться и ратовать: сонмы Ангеловъ образовали изъ себя сонмы

воинствъ, вслѣдствіе чего Архистратигъ ихъ Михаилъ изображается постоянно во всеоружіи воина.

Послѣ сего думать, что званіе воинское противно въ чемъ-либо званію христіанина, значитъ не знать того, что говоритъ о немъ слово Божіе, что происходило нѣкогда между Ангелами, на самомъ небѣ. Объ одномъ надобно думать воину, чтобы носить званіе свое по-христіански, а не по-язычески. Іоаннъ Креститель давно указалъ къ этому средство. Когда между множествомъ приходящихъ къ нему для крещенія явились и воины съ вопросомъ: что имъ дѣлать? чѣмъ засвидѣтельствовать истину своего покаянія?—онъ не сказалъ имъ: оставьте свое званіе, сложите съ себя оружіе, а что сказалъ? *Никогоже обидите, не оклеветайте, и довольни будете оброки вашими* (Лук. 3, 14). Кто исполняетъ сію заповѣдь, не дѣлаетъ обиды и притѣсненія.—къ чему среди брани и сраженій столько случаевъ.—кто съ терпѣніемъ переноситъ лишенія и тягости, коимъ такъ много и такъ часто подвержено бываетъ состояніе воина, тотъ можетъ быть увѣренъ, что труды и подвиги его, необходимые для отечества земнаго, не будутъ оставлены безъ вниманія и въ отечествѣ небесномъ.

Съ другой стороны, званіе воина, какъ мы уже показали отчасти въ началѣ нашего слова, по самому существу своему, весьма близко къ самой высокой степени совершенства христіанскаго. Ибо, въ чемъ состоитъ это совершенство? Не въ томъ ли, чтобы не любить ничего паче Бога, чтобы не прилѣпляться сердцемъ ни къ чему въ мірѣ и быть выше всего, чтобы для вѣчности и спасенія любить ничего паче Бога, чтобы не прилѣпляться сердцемъ ни къ чему въ мірѣ и быть выше всего, чтобы для вѣчности и спасенія умѣть оставить, въ случаѣ нужды, все, самое любезное, какъ-то: отца и мать, жену и дѣтей, всѣ радости жизни и самую жизнь? Но, пересмотрите всѣ состоянія мірскія, и увидите, что ни одно изъ нихъ не требуетъ подобныхъ жертвъ; званіе воина, напротивъ, изъ нихъ именно и состоитъ. Посему званіе сіе сходится, въ семъ отношеніи, съ состояніемъ самаго строгаго подвижничества христіанскаго, и постоянно напоминаетъ собою о временахъ древнихъ, когда христіане приносили въ жертву своей вѣрѣ все, самую жизнь. Не должно ли все это радовать и утѣшать васъ, братіе мои? Ибо о чемъ же человѣку радоваться болѣе на землѣ, какъ

не о томъ, что къ нему близко небо, что въ немъ и его жизни исполняются требованія Евангелія, что онъ идетъ тѣмъ драгоцѣннымъ тѣснымъ путемъ, который, по увѣренію Спасителя, ведетъ прямо къ царствію? Пока находящіеся въ другихъ состояніяхъ успѣютъ вступить на этотъ путь, вы уже поставлены на немъ десницею Божіею; пока другіе достигнутъ возможности отказаться добровольно отъ привязанности къ міру и его благамъ, съ васъ иго сихъ привязанностей снято рукою самаго Промысла. Послѣ сего остается только благоразумно пользоваться духовными преимуществами своего званія, и проходить его такъ, чтобы не погубить мзды своей. Да, братіе мои, надобно прилежно смотрѣть и блюсти, чтобы не погубить вѣнца за труды свои. Апостолъ Христовъ не напрасно сказалъ: *аще и подвизается кто, не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ* (2 Тим. 2, 5). Не горько ли и не постыдно ли было бы всю жизнь лишаться и терпѣть, какъ лишаетесь вы, и не получить ничего въ то время, когда будутъ награждаться всѣ труды и заслуги?—Да сохранитъ васъ Господь отъ сей жалкой участи!

Спросите: что значитъ подвизаться законно? Значитъ, переносить труды и лишенія безъ ропота, исправлять дѣло своего званія безъ лжи и неправды, воодушевляясь при семъ не столько чаяніемъ наградъ земныхъ и отличій временныхъ, сколько упованіемъ вѣнца небеснаго.—Подвизаться законно значитъ умѣть отражать не однихъ враговъ отечества, видимыхъ, но и враговъ своего спасенія, невидимыхъ, кои суть наши злыя пожеланія и страсти; значитъ, среди всѣхъ самыхъ тяжкихъ положеній жизни, хранить въ сердцѣ вѣру въ Царя небеснаго и вѣрность Царю земному, послушаніе къ начальникамъ и любовь ко всѣмъ; значитъ быть кроткимъ, воздержнымъ, богобоязненнымъ и правдолюбивымъ. Безъ сего всѣ труды и подвиги наши пріимутъ, можетъ быть, нѣкую малую награду на земли, но не помянутся потому, что мы, среди ихъ, сами взирали на одну землю и не памятовали о небѣ. Да сохранитъ васъ Господь отъ сей потери вѣнца небеснаго, который единъ можетъ наградить по достоинству труды и подвиги ваши! Аминь.

Слово при посѣщеніи епархіи *).

Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ (Матѳ. 6, 34).

Царствіе Божіе, братіе мои, есть состояніе столь вожделѣнное, до того превосходящее всѣ радости и утѣхи земныя, что одно позволеніе искать его могло бы составить милость великую, и расположить каждаго къ тому, чтобы оставивъ все, употребить всѣ силы и средства къ пріобрѣтенію сего царствія.—А если бы вмѣстѣ съ симъ завѣрено было совершенно, что всякій, кто только надлежащимъ образомъ будетъ искать царствія Божія, непремѣнно получитъ его, то оставаться хладнымъ къ сему царствію и не искать его, значило бы уже крайнее нерадѣніе о своемъ благѣ и неразуміе величайшее.

Но человѣкъ, въ настоящемъ его состояніи грѣха и смерти, такъ дѣйствительно неразуменъ и невнимателенъ къ истинному благу своему, что, не смотря на непрестанно дѣлаемое ему предложеніе искать царствія Божія, искать въ вѣчную свою собственность, не смотря на всѣ завѣренія, что искомое имъ непремѣнно обрящется и будетъ получено, большею частію вовсе не думаетъ о семъ царствѣ, и вмѣсто того, чтобы искать его и употреблять для того надлежащія средства, занимается пріобрѣтеніемъ самыхъ ничтожныхъ благъ и вещей, а отъ царствія Божія, когда оно даже срѣтаетъ его, отвращается и убѣгаетъ, какъ отъ нѣкія потери и несчастія.

Что же дѣлаетъ любовь Отца небеснаго?—Она могла бы со всею справедливостію лишить неразумнаго и неблагодарнаго человѣка всѣхъ правъ на сіе царствіе, воспретить ему, яко недостойному, даже желать его. Но она не дѣлаетъ сего, а обращается къ другому средству. Видя, что предложеніе одного царствія не трогаетъ человѣка, зная въ то же время, что исканіемъ сего царствія онъ не озабочиваетъ себя между прочимъ и потому, что считаетъ нужнымъ заботиться о снисканіи другихъ, малоцѣнныхъ и ничтожныхъ вещей, но кажущихся ему необходимо нужными, любовь Отца небеснаго присовокупляетъ къ предложенію царствія

*) Сказанное въ уѣздномъ городѣ Богодуховѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 30 Іюня 1843 года.

и обѣщаніе сихъ самыхъ вещей, за коими гоняется бѣдный человѣкъ, какъ бы говоря такъ: ты не хощешь искать царствія Божія, а желаешь стремиться за благами земными: пусть будетъ по твоему! поелику и послѣднія, равно какъ и первое, въ моей власти, то я отдаю тебѣ ихъ вмѣстѣ съ царствіемъ; ты получишь и ихъ, только иши прежде царствія, яко блага высшаго и вѣчнаго: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ.*

Обѣтованіе удивительное, показующее крайнюю степень снисхожденія къ самымъ слабостямъ нашимъ любви Отца небеснаго! Послѣ сего, самое исканіе благъ земныхъ должно бы располагать насъ къ исканію того царствія, которое ведетъ за собою довольство и счастіе даже земное. Но, къ сожалѣнію, и сія чрезвычайная мѣра снисхожденія остается большею частію безъ дѣйствія и не обращаетъ на себя должнаго вниманія. Ибо, покажите мнѣ человѣка, который бы, желая провести на землѣ жизнь свою безбѣдно, рѣшился по тому самому искать прежде всего царствія Божія, яко средства къ тому!—Хотя такой образъ дѣйствія показывалъ бы еще весьма невеликое уваженіе къ самому царствію Божію; ибо въ такомъ случаѣ его искали бы не для него самого, хотя оно вполнѣ того стоитъ, а ради земнаго благоденствія, какъ средство для цѣли низшей; но и сего нѣтъ, и для сей цѣли царствіе Божіе почитается средствомъ какъ бы ненадежнымъ, и потому неупотребительнымъ.

Что виною такого жалкаго и безразсуднаго образа мыслей?—Въ однихъ незнаніе, въ другихъ неувѣренность. То есть, мы такъ мало знаемъ Евангеліе и его обѣтованія, что многіе, вѣроятно, и не знаютъ того, что ищущимъ прежде всего царствія Божія, по непосредственному распоряженію свыше, прилагается все прочее: знающіе же сіе обѣтованіе не увѣрены, что оно непремѣнно исполняется надъ тѣми, кои, послѣдуя ему, дѣйствительно ищутъ прежде всего царствія Божія.

Служителямъ слова евангельскаго предлежитъ посему и повторять въ слухъ всѣхъ обѣтованіе—для незнающихъ, и показывать непреложность его исполненія—для неувѣренныхъ въ томъ. Первое мы сдѣлали уже; а послѣднее постараемся сдѣлать теперь же, при помощи благодати Божіей.

Для сей цѣли первѣе всего опредѣлимъ въ точности силу

обѣтованія евангельскаго:—что именно обѣщается ищущимъ царствія Божія и подъ какимъ условіемъ?

Обѣщается ли ищущимъ сего царствія счастіе земное въ томъ смыслѣ и видѣ, какъ его представляютъ себѣ міролюбцы, то есть, что честолюбивый достигнетъ всѣхъ видовъ человѣческихъ почестей и отличій, что любостяжательный накопитъ груды сребра и золота и долженъ будетъ непрестанно расширять житницы, для помѣщенія собираемыхъ плодовъ, что роскошный получитъ возможность утопать во всѣхъ родахъ чувственныхъ наслажденій?—Нѣтъ, такое обѣтованіе было бы, очевидно, несовмѣстно съ самымъ царствіемъ Божіимъ, которое, какъ замѣчаетъ Апостолъ Павелъ, *нѣсть брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17); исполненіе обѣтованія въ такомъ видѣ приносило бы самому человѣку не благо, а вредъ и пагубу для его души и тѣла.—Что же обѣщается? Обѣщается довольство во всемъ необходимомъ, обѣщается безбѣдная въ земномъ отношеніи жизнь, обѣщается, говоря раздѣльно словами самого Евангелія, пища, одежда, кровъ и прочія необходимыя для чувственной жизни потребности. Все сіе тотчасъ видно изъ предшествующей бесѣды Спасителя, для коей слова: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ,* служили заключеніемъ. Въ бесѣдѣ сей Господь обличалъ многозаботливость іудеевъ о пищѣ, одеждѣ и прочихъ земныхъ потребностяхъ, и чтобы отвратить ихъ отъ сей многозаботливости, которая поглощала у нихъ все время и силы и не давала имъ помыслить, какъ должно, о царствіи Божіемъ, изрекаетъ вышеприведенное обѣтованіе. Все это, какъ бы такъ говорилъ Онъ, вы будете имѣть, коль скоро займетесь по надлежащему исканіемъ царствія Божія. Будете имѣть не чудеснымъ какимъ-либо образомъ, такъ чтобы пища сходила вамъ съ неба, одежда ваша составлялась сама собою, домы и кровы ваши выходили изъ земли, и вы находили все прочее готовымъ: нѣтъ, все сіе должно быть слѣдствіемъ вашей же дѣятельности, только съ тою разностію, что теперь, не думая о снисканіи царствія Божія, вы и трудитесь и истощаете свои силы, но часто не только безъ плода, даже со вредомъ и разореніемъ васъ, а когда начнете прежде всего искать царствія, то, по тайному распоряженію всемогущаго Промысла, труды ваши будутъ увѣнчиваться желаннымъ успѣ-

хомъ: вы будете менѣе озабочены земнымъ, нежели чада вѣка сего; и однако же не будете терпѣть недостатка въ нужномъ для вашей жизни.

Опредѣливъ такимъ образомъ силу обѣтованія евангельскаго, посмотримъ теперь—исполняется ли оно надъ тѣми, кои вѣрно слѣдуютъ ему.

Самый лучшій въ семъ случаѣ свидѣтель исполненія или неисполненія есть опытъ. А надъ опытомъ въ семъ родѣ кто можетъ вѣрнѣе наблюсти, какъ не вождь, напримѣръ, и владыка цѣлаго народа, занимавшійся притомъ подобнымъ наблюденіемъ особенно? Послушаемъ же, что говоритъ о семъ святый царь Израилевъ: *не видѣхъ,* говоритъ онъ, *праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы* (Псал. 34, 25). Можно ли желать лучшаго свидѣтеля и свидѣтельства точнѣе сего?—И примѣтьте, какъ оно совершенно сходно съ замѣчаніемъ, нами выше предложеннымъ!—И святый Давидъ не говоритъ, чтобы онъ видѣлъ человѣка праведнаго всегда на верху честей, богатства и удовольствій земныхъ, а только что?—видѣлъ только то именно, что обѣщается въ Евангеліи, то есть, въ честномъ довольствѣ и мирной жизни: *не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы.*

Умѣренно, если угодно такъ назвать, исполненіе обѣтованія: но за то, смотрите, какъ благоразумно и великодушно распредѣлено это исполненіе! Вмѣсто того, чтобы самаго праведника одного ущедрить всѣми благами, какъ иногда міръ дѣлаетъ съ своими любимцами, и всегда—ко вреду имъ самимъ, праведникъ не облагается съ ногъ до главы земными благами, нѣтъ, онъ только не оставляется въ нищетѣ, то есть, и пренебреженіи; но за то благословеніе, на немъ почивающее и имъ заслуженное, простирается на цѣлое потомство его, даже на такое, которое нейдетъ иногда съ тою вѣрностію по стезямъ заповѣдей Господнихъ, съ какою ходилъ въ нихъ самъ прародитель. Съ грѣшниками и міролюбцами въ семъ отношеніи бываетъ нерѣдко совершенно противное: отецъ живетъ въ чертогахъ и не знаетъ счета своимъ сокровищамъ; а сынъ, подобно евангельскому расточителю отеческаго наслѣдія, принужденъ бываетъ иногда желать насытиться отъ рожецъ, яже ядятъ свинія.

Если, по примѣру Давида, посмотримъ на жизнь человѣческую и собственными очами, то немного нужно труда и

усилій. чтобы примѣтить и вокругъ себя то же самое, что видѣлъ въ свое время святый Давидъ. Люди, ищущіе прежде всего царствія Божія, не часто достигаютъ верха земнаго благоденствія. и это. можетъ быть, вслѣдствіе того же тайнаго распоряженія Промысла, щадящаго ихъ отъ искушеній и соблазновъ. съ коими всегда сопряженъ бываетъ избытокъ земнаго счастія. Но вмѣстѣ съ симъ несомнѣнная истина, что люди богобоязненные и добродѣтельные обыкновенно живутъ въ мирѣ и довольствѣ; гораздо менѣе, нежели міролюбцы. терпятъ отъ коловратности обстоятельствъ; болѣе другихъ уцѣлѣваютъ среди общественныхъ бѣдствій и превращеній; служатъ нерѣдко опорою и прибѣжищемъ для самыхъ временщиковъ во время ихъ паденія и нищеты. Присмотритесь внимательнѣе, и вы увидите сію истину, во всякое время и во всѣхъ мѣстахъ исполняющеюся надъ тѣмъ. кто искренно вѣруетъ обѣтованію евангельскому. Міролюбцы напротивъ. хотя восходятъ нерѣдко слишкомъ высоко, но нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ ихъ паденія съ сей высоты. Мнимое счастіе (истинно счастливымъ грѣшникъ никогда не бываетъ). восхищенное неправдами и лукавствомъ, никогда не продолжается въ домахъ грѣшничихъ и проходитъ какъ весенняя вода, оставляя по себѣ одни голые пески и разрушеніе.

Утверждая сіе, мы не опускаемъ изъ виду нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, когда люди самые добродѣтельные едва не всю жизнь бываютъ какъ бы обречены на потери и страданія. Но особенные случаи сіи составляютъ не правило, а исключеніе и вмѣстѣ тайну Промысла, коего судьбы для нашего ограниченнаго ума суть *бездна многа*, и коего пути отстоятъ отъ путей нашихъ, какъ небо отъ земли. Случаи сіи нисколько не удивительны впрочемъ уже потому, что праведники сами не ищутъ на землѣ наградъ, а нерѣдко, по примѣру Давида, просятъ себѣ яко милости отъ Бога— быть искушенными седмерицею, дабы, прешедъ отъ земнаго странствія въ отечество, явиться тамъ во всей чистотѣ и благолѣпіи. А съ другой стороны, люди, ищущіе всего на землѣ, развѣ всегда достигаютъ счастія земнаго? Не большая ли часть міролюбцевъ, проведши всю жизнь въ исканіи сего счастія, истощивъ на это всѣ силы и способности и, что всего хуже, потерявъ для сего добродѣтель и совѣсть,

подъ конецъ жизни должны бываютъ съ горестію сказать: *обнощь всю*, то есть въ продолженіе всей жизни, *трудомся ничесоже яхомъ* (Лук. 5, 5)!

Послѣ всего этого, какъ сами видите, братіе мои, самое желаніе земнаго благоденствія должно располагать насъ къ исканію прежде всего царствія Божія, то есть, къ благочестію и правдѣ: поелику съ симъ царствомъ прилагается, по распоряженію Промысла, и все прочее, необходимое для безбѣднаго житія на землѣ. Возьмемъ же изъ сего урокъ для жизни и дѣйствій нашихъ; престанемъ гоняться безумно за благами міра и поставлять ихъ главною цѣлію нашей дѣятельности; посвятимъ способности и труды свои Господу и Его царствію. Такимъ образомъ, пріобрѣтая для себя небо и вѣчность, мы вмѣстѣ съ тѣмъ воспріиемъ въ награду за сіе отъ Него же все, что нужно для насъ изъ земнаго и временнаго. Аминь.

Слово при посѣщеніи епархіи *).

Ходяще же проповѣдуйте, глаголя: приблизися царствіе небесное (Матѳ. 19, 7).

Если бы мы по слабости человѣческой и забыли когда-либо священный долгъ, на насъ возлежащій, то нынѣшнее Евангеліе—сими словами—напоминало бы намъ о немъ. Будучи, хотя не по достоинству, преемниками Апостоловъ Христовыхъ, и мы, подобно имъ, должны не пребывать на одномъ какомъ-либо мѣстѣ, а переходить по временамъ изъ града во градъ, изъ вѣси въ весь по боговрученной паствѣ, преходить не съ жезломъ только пастыреначальническимъ, а и съ словомъ назиданія и утѣшенія: *ходяще же проповѣдуйте!*

Что проповѣдывать? Могло бы иногда встрѣтиться и касательно сего недоумѣніе. Но Божественный Законоположникъ единожды и навсегда устраняетъ его указаніемъ самаго предмета: *ходяще же проповѣдуйте, яко приблизися царствіе Божіе.*

Какъ не исполнить такой заповѣди? Должно бы исполнить ее и тогда, если бы повелѣно было проповѣдывать приближеніе не царствія и блаженства, а страшнаго суда и

*) Сказанное Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Шаровкѣ, 28 іюня 1843 года.

мукъ вѣчныхъ. И тогда подобно древнимъ пророкамъ, хотя во вретищѣ и пеплѣ, хотя употребляя вмѣсто словъ слезы и рыданія, но надлежало бы проповѣдывать. Ибо кто не отверзетъ устъ, когда Господь неба и земли повелѣваетъ вѣщать? Но, благодареніе любви вѣчной! какъ Самъ Спаситель нашъ приходилъ на землю не судить міръ, а спасти его: такъ и намъ, недостойнымъ слугамъ Своимъ, повелѣлъ Онъ возвѣщать не судъ и горе, а радость и блаженство: *ходяще же проповѣдуйте, яко приближися царствіе Божіе!*

Поелику это царство и приближеніе его не отъ насъ первыхъ вамъ возвѣщается; поелику съ сего же самаго мѣста уже, можетъ быть, сто разъ слышалась сія радостная вѣсть; то очень возможное дѣло, братіе мои, что царствіе Божіе не только приблизилось къ нѣкоторымъ изъ васъ, но и ихъ самихъ приблизило къ себѣ, что оно вошло внутрь васъ и вы вошли въ него, что оно сдѣлалось вашимъ достояніемъ, равно какъ и вы его собственностію, что оно объемлетъ все ваше существо и ждетъ токмо уреченнаго часа, дабы изъ царства благодати обратиться для васъ въ царство славы. Отъ таковыхъ вмѣсто того, чтобы имъ возвѣщать приближеніе царства Божія, мы сами готовы были бы услышать о тайнахъ сего царствія. Съ другой стороны, легко можетъ случиться, что нѣкоторые изъ васъ, и слышавъ многократно о приближеніи царствія, не вняли доселѣ, какъ должно, сей радостной вѣсти: нѣкоторые и вняли, но не приложили попеченія о томъ, что требуется отъ насъ приближеніемъ царствія Божія; а нѣкоторые, не смотря на приближеніе его, устремившись въ противную сторону, удалились отъ сего царствія, и теперь, можетъ быть, воображаютъ, что оно слишкомъ далеко отъ нихъ, что имъ уже нельзя быть въ немъ, хотя бы и захотѣли того.

Итакъ, да услышится всѣми вами снова и изъ нашихъ устъ благая вѣсть о царствіи!

Мудрые и неразумные, богатые и бѣдные, малые и великіе, господа и слуги, внемлите: *приближися царствіе Божіе!*

Приблизилось царствіе, въ сравненіи съ коимъ всѣ царства земныя, всѣ блага настоящей жизни ничего не значатъ; приблизилась совокупность такихъ совершенствъ, *ихъ же око не видѣ, ухо не слыша* (1 Кор. 2, 9), и кои не восходили на самое неистощимое въ желаніяхъ сердце чело-

вѣческое; приблизилось царствіе Божіе. и вмѣстѣ съ нимъ всѣ сокровища мудрости есть яко буйство.—и вмѣстѣ съ нимъ правда и святость. предъ коими наша праведность и честность суть яко блестящій порокъ.—и вмѣстѣ съ нимъ миръ и спокойствіе духа и сердца. кои. по выраженію Апостола. превосходятъ всякій умъ,—и вмѣстѣ съ нимъ блаженство и радости. коихъ міръ не только не даетъ. но и дать не можетъ, поелику не знаетъ ихъ.

И къ кому приблизилось это царствіе? Ко всѣмъ и каждому; равно къ великолѣпнымъ чертогамъ. какъ и къ бѣдной хижинѣ, или сказать точнѣе. еще болѣе къ бѣдной хижинѣ. нежели къ великолѣпнымъ чертогамъ,—еще болѣе къ худороднымъ міра, нежели къ славнымъ земли.

Для чего приблизилось ко всѣмъ и каждому царствіе небесное? Не мало бы значило, если бы оно приблизилось для того токмо, дабы мы могли насладиться хотя лицезрѣніемъ неизреченныхъ благъ, въ немъ заключающихся; ибо для того, чтобы посмотрѣть на вещи и не столь важныя и величественныя, многіе оставляютъ свои домы и занятія, переходятъ съ трудомъ сушу и море, подвергаютъ себя даже опасностямъ жизни. Но царствіе Божіе приблизилось къ каждому не для показанія себя ему кратковременнаго, не для заключенія съ нами какого-либо союза внѣшняго; нѣтъ, оно приблизилось, кто бы могъ подумать?—для того, дабы мы могли тѣмъ удобнѣе вступить въ него сами. и не только вступить. но и пріять его въ свое достояніе. содѣлаться его наслѣдниками и владыками.

Да, братіе мои, намѣреніе. съ коимъ приблизилось къ намъ царствіе Божіе, состоитъ не въ томъ, чтобы мы только размышляли о немъ, или чтобы удивлялись ему. любовались имъ и насыщали свои взоры, не въ томъ даже, чтобы оказать имъ какую-либо временную помощь или утѣшеніе; нѣтъ. оно приблизилось для того, чтобы войти въ наше сердце, наполнить собою все наше существо, сдѣлаться достояніемъ вѣчнымъ и неотъемлемымъ нашего ума, нашей воли, всѣхъ нашихъ способностей и желаній.

И мы не должны удивляться сему и недоумѣвать. При всей нашей настоящей бѣдности, нашей слѣпотѣ, нашихъ нечистотахъ, нашей бренности, нашего тлѣнія, происшедшихъ отъ грѣха, всѣ мы по природѣ сыны царствія, наслѣд-

ники благъ вѣчныхъ. Для сего именно созданъ былъ нашъ прародитель; къ сему же самому предназначены были и мы всѣ, потомки его. Если бы онъ, устоявъ въ испытаніи, не нарушилъ, по совѣту змія, заповѣди и не былъ за сіе самое изгнанъ изъ рая, то мы всѣ были бы облечены такимъ могуществомъ, такимъ вседовольствомъ, такимъ безсмертіемъ, такою славою и блаженствомъ, какими нынѣ, при отчужденіи насъ отъ первобытныхъ правъ нашихъ, не обладаетъ самый могущественный владыка на землѣ, или лучше сказать, какихъ мы нынѣ и представить себѣ не можемъ.

Грѣхъ лишилъ насъ всего этого; но Божественный Ходатай нашъ Господь Іисусъ уплатилъ за грѣхи наши Своею смертію, возвратилъ намъ все это. Теперь, благодаря любви Его, мы паки можемъ быть тѣмъ, чѣмъ были бы до нашего несчастнаго паденія: паки можемъ получить всѣ первобытныя права, взойти на высоту, гдѣ стояли, и наслѣдовать небо и землю.

Сіе-то самое выражаетъ Евангеліе, когда возвѣщаетъ въ слухъ нашъ, *яко приближися царствіе Божіе.*

Когда Спаситель нашъ еще не являлся на землѣ, тогда сіе царствіе, хотя уже давно обѣщанное всѣмъ, еще было, можно сказать, далеко—на небѣ. Но когда Онъ нисшелъ на землю, то и оно низошло къ намъ; когда Онъ явился во плоти, то и оно приблизилось ко всякой плоти. Теперь каждый можетъ видѣть сіе царствіе своими очами, слышать своими ушесами, осязать своими руками. Ибо не видимъ ли мы всѣ креста Христова и совершенія жертвы безкровной? не слышимъ ли евангелія, апостола и пророковъ? не вкушаемъ ли Тѣла и Крови Христовой? Но въ семъ видимомъ, слышимомъ, вкушаемомъ заключено—царствіе!

Кто видитъ, слышитъ, вкушаетъ ненапрасно; кто видимому, слышимому, даетъ мѣсто въ своемъ сердцѣ; кто съ видимымъ, слышимымъ, вкушаемымъ сообразуетъ свои мысли, чувства и дѣйствія: предъ тѣмъ царство Божіе не остается внѣ, входитъ внутрь его, проникаетъ все существо его, очищаетъ его отъ всякой скверны, просвѣтляетъ, умиряетъ, насыщаетъ и живитъ, возноситъ его надъ всѣми превратностями жизни, вознаграждаетъ его за самыя тяжкія скорби и искушенія.

Христіанинъ истинный, воскрешенный отъ грѣха благо-

датію для некончаемой жизни въ Богѣ, въ какомъ бы состояніи ни находился, хотя бы въ самой послѣдней долѣ, всегда есть истинный царь и владыка надъ своими пожеланіями и страстями. Внѣшній человѣкъ его можетъ быть лишенъ всего, можетъ быть подвергнутъ мученіямъ, самой смерти: но человѣкъ внутренній превыше всего, не только выше прелестей и соблазновъ міра, но и выше гоненій и злобы человѣческой: онъ въ Богѣ и Его святомъ законѣ: живетъ не столько на землѣ, сколько на небѣ; менѣе во времени, нежели въ вѣчности.

Такъ царствовали всѣ святые Божіи человѣки. По внѣшнему своему состоянію они большею частію бѣдствовали и страдали, но по внутреннему они блаженствовали, какъ не блаженствуютъ никакіе счастливцы міра. Почему? Потому что внутрь ихъ было царствіе Божіе; потому что они носили въ душѣ своей своего Спасителя, Который замѣнялъ для нихъ Собою все.

Міролюбцы напротивъ, обладая повидимому всѣмъ, ничѣмъ не довольны: въ душѣ ихъ пусто, хладно, мертво! Блага земныя, радости плотскія наполняютъ собою нѣкоторымъ образомъ эту пустоту, приводятъ въ забвеніе эту внутреннюю бѣдность, но это токмо повидимому и притомъ до времени: появляется какое-либо тяжкое несчастіе, и грѣшникъ остается съ своею душевною пустотою; поражаетъ сильный недугъ, и грѣшникъ подобенъ человѣку утопающему, который, не видя брега, не знаетъ, за что ухватиться; приходитъ наконецъ смерть, и бѣдный грѣшникъ какъ самозванецъ, владѣвшій незаконно наслѣдіемъ, восторгается навсегда изъ сего рукотвореннаго рая, дабы прейти на мѣсто вѣчнаго лишенія и мукъ.

Для истиннаго христіанина, напротивъ, смерть есть начало его торжества и полнаго воцаренія; кончина его есть исходъ изъ темницы, возвращеніе въ домъ Отца небеснаго, радостный переходъ отъ земной нищеты къ наслѣдію благъ вѣчныхъ.

Престанемъ же, братіе мои, быть хладными къ тому, что возвѣщается намъ въ Евангеліи; обратимъ вниманіе на царствіе Божіе, приблизившееся къ намъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мы начали жить и дѣйствовать; постараемся и сами приблизиться къ нему всѣмъ существомъ и всею жизнію

своею; дадимъ ему мѣсто не въ очахъ только, не одномъ слухѣ и памяти нашей, а въ самой душѣ и сердцѣ нашемъ; будемъ свято и вѣрно выполнять все, чего требуется для содѣланія его нашею собственностію; не пожалѣемъ для сего никакихъ трудовъ и жертвъ, неизбѣжныхъ по нашей нечистотѣ грѣховной; сдѣлаемъ все, дабы въ противномъ случаѣ за кратковременную сладость грѣха вмѣсто царствія не улучить изъ нерѣшимыхъ и мученія вѣчнаго, отъ чего да сохранитъ насъ Господь Своею благодатію. Аминь.

Слово при первомъ посѣщеніи города Купенска *).

Ожидая пастырскаго посѣщенія нашего, братіе мои, вѣроятно, немалая часть изъ васъ любопытствовали знать предварительно,—кто мы и каковы?—Есть ли въ насъ какія-либо совершенства и нѣтъ ли какихъ недостатковъ? Не осуждаемъ сего любопытства: такова природа человѣческая! Въ дополненіе къ слышанному вами, мы сами скажемъ теперь, что мы есмы не только подобострастные вамъ человѣки, но и грѣшники, ожидающіе, подобно вамъ, помилованія и спасенія души своей не отъ собственныхъ какихъ-либо добродѣтелей и подвиговъ, а отъ преизобилующаго богатства благодати Божіей и всевосполняющихъ заслугъ Спасителя нашего: что если есть въ насъ что-либо доброе и благопотребное, то это плодъ не собственныхъ нашихъ усилій, а даръ Того, Который, избравъ насъ въ служеніе слова и таинствъ, Самъ въ лицѣ насъ поддерживаетъ честь Своего горняго избранія. Сознаніе недостатковъ нашихъ и невѣрностей духу благодати всегда тяготитъ насъ и мы чувствуемъ душевное облегченіе исповѣдать сіе предъ вами, дабы вы не возмнили о насъ паче, нежели есмы; а между тѣмъ это открываетъ намъ благопріятный случай просить любовь вашу, дабы вы содѣйствовали намъ вашими молитвами предъ Богомъ, да возможемъ понести великое иго пастыреначальства духовнаго, право правя слово истины.

Послѣ сего самоисповѣданія предъ вами, которое мы готовы повторить въ слухъ цѣлаго свѣта, позвольте, братіе

*) Сказанное въ купенскомъ Покровскомъ соборѣ, 28 августа 1843 года.

мои, и намъ вопросить васъ: кто вы и каковы? въ чемъ ваши совершенства? и въ чемъ ваши недостатки? Не суетное любопытство заставляетъ насъ предлагать сіи вопросы; нѣтъ, мы водимся чувствомъ святаго долга; на насъ лежитъ обязанность бдѣть о душахъ вашихъ, и мы должны будемъ нѣкогда вмѣстѣ съ вами стать на страшномъ и нелицепріятномъ судѣ Спасителя нашего и свидѣтельствовать за васъ, или противу васъ.

Итакъ, кто вы?—Намъ не нужно знать: знатны вы или безславны, богаты или бѣдны, счастливы въ мірѣ или злополучны; для Евангелія это все равно; въ царствіе небесное открытъ входъ всякому: и самому славному и самому презрѣнному, и мытарю евангельскому и богачу евангельскому, счастливцу міра и отребію міра. Даже мы съ большимъ удовольствіемъ готовы узнать, что вы не пользуетесь благопріятствомъ земныхъ обстоятельствъ, потому что счастіе земное рѣдко не ослѣпляетъ людей гордостію, или сладострастіемъ, и всегда почти уклоняетъ ихъ на распутія лжи и неправды; а узкій и прискорбный путь, напротивъ, прямо ведетъ къ цѣли. Много надобно благоразумія и борьбы, много бдѣнія и слезъ, чтобы, воспринимая все здѣсь, имѣть еще что получить и тамъ.

Но кто бы вы ни были въ земномъ отношеніи вашемъ, для насъ сіе не важно; нужно знать одно—христіане ли вы?

Не удивляйтесь сему вопросу, и не почитайте его необыкновеннымъ. У насъ званіе христіанина унижено, вмѣнено въ малое, предано забвенію, но оно важнѣе всѣхъ званій и отличій въ мірѣ; ибо оно одно прославитъ или постыдитъ насъ нѣкогда предъ лицемъ всего міра. Рабъ ли кто и находится въ самой презрѣнной долѣ: если онъ истинный христіанинъ, то его ожидаетъ престолъ и царство, съ коими не могутъ сравняться всѣ престолы земные. Властелинъ ли кто и правитель: если онъ не христіанинъ истинный, то его ожидаетъ такая тьма, такая бѣдность, такія узы, предъ коими всѣ темницы земныя, всѣ лишенія, скорби и казни человѣческія суть малое токмо подобіе.

Итакъ, еще вопрошу: христіане ли вы? Не спѣшите отвѣтомъ. Намъ очень хорошо извѣстно, что вы всѣ крещены во имя Отца и Сына и Святаго Духа, что вы, по временамъ, ходите въ храмъ Божій и совершаете извѣстное число по-

клоновъ и молитвъ. что разъ въ году, во время святаго поста, являетесь къ исповѣди и причащенію Святыхъ Таинъ. что вы не убѣгаете и прочихъ таинствъ и обрядовъ святой Церкви: все это принадлежитъ къ званію христіанина; но все это одно не составляетъ еще истиннаго христіанства. Ибо. исполняя все это, можно быть худымъ человѣкомъ, невѣрнымъ супругомъ, жестокимъ господиномъ, мздоимнымъ судіею, лукавымъ продавцомъ, вреднымъ гражданиномъ: можно ли такихъ людей назвать христіанами? Нѣтъ, христіанину какъ обѣщано чрезвычайно многое, такъ и требуется потому отъ него немалаго.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ не имѣлъ своей воли и своихъ правилъ, занятыхъ отъ мудрости земной, или обычаевъ вѣка, а слѣдовалъ во всемъ волѣ Божіей и правиламъ Евангелія.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ не поблажалъ своей падшей природѣ, не давалъ воли надъ собою страстямъ, а сражался съ ними и побѣждалъ ихъ, отсѣкая всякое нечистое желаніе. уклоняясь духа гордости, роскоши и любостяжанія.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни имѣлъ въ виду не одно свое благосостояніе, а первѣе всего славу Божію и благо своихъ ближнихъ.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ. живя въ мірѣ, пользуясь дарами природы и искусства, плодами труда собственнаго и чуждаго. не прилѣплялъ ни къ чему сердца своего. былъ всегда готовъ все оставить. чтобы не потерять своей совѣсти и своего спасенія.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ не столько водился настоящимъ—видимымъ, сколько взиралъ на невидимое и ожидалъ грядущаго, приготовляя себя къ мирному переходу, путемъ смерти, въ вѣчность, къ Искупителю своему и Господу.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ былъ превыше не только соблазновъ, но и скорбей міра. чтобы велъ явную и тайную брань съ порокомъ, господствующимъ въ сердцахъ сыновъ вѣка сего,—чтобы всегда и для всѣхъ служилъ примѣромъ любви, смиренія, благодушія, терпѣнія, незлобія.

Вотъ требованія отъ христіанина! Требованія необходимыя, безъ коихъ христіанство останется праздным именемъ.

Теперь осмотритесь, братіе мои, и отвѣтствуйте: христіане ли вы? то есть, исполняются ли въ васъ сіи требованія и условія истиннаго христіанства? Есть ли въ васъ тѣ добродѣтели и святыя качества, безъ коихъ оно быть не можетъ? Отвѣтствуйте на сіи вопросы не намъ, а вашей совѣсти и Спасителю вашему, Который невидимо находится теперь посреди насъ. Зная немощь нашу, Онъ не требуетъ отъ насъ того безгрѣшія и невинности, какими на землѣ былъ облеченъ Самъ; не взыскуетъ отъ насъ тѣхъ великихъ подвиговъ самоотверженія и любви, коими радовали и утѣшали Его святые Божіи человѣки: Онъ ищетъ въ каждомъ изъ насъ и требуетъ точію необходимаго, того, безъ чего совершенно невозможно наше спасеніе, то есть, чтобы мы, во-первыхъ, имѣли живую вѣру, безъ коей не возможно *угодить Богу* (Евр. 11, 6), безъ коей Онъ Самъ не можетъ быть нашимъ посредникомъ и ходатаемъ о грѣхахъ нашихъ, чтобы, во-вторыхъ, въ насъ была живая любовь къ Богу и ближнимъ нашимъ, которая одна приводитъ насъ въ содружество съ небомъ, чтобы мы, если и падемъ, то возставали бы отъ паденія, чтобы, при всей слабости нашей, постоянно ненавидѣли мы зло и отвращались грѣха, яко яда смертоноснаго, чтобы стремились къ исполненію заповѣдей Божіихъ, въ коихъ наше истинное благо, чтобы пользовались нелѣностно средствами къ спасенію, намъ преподанными, и хотя слабыми, хотя колеблющимися стопами, но шли къ небесному отечеству, а не стремились безразсудно въ плѣнъ врага, къ собственной погибели.

Есть ли въ васъ все сіе, братіе мои? Можете ли сказать, что спасеніе душъ вашихъ для васъ дороже всего въ мірѣ? что хотя половина, хотя третія часть времени и силъ вашихъ употребляется вами прямо и непосредственно на усовершеніе себя въ добродѣтеляхъ, на приготовленіе себя къ вѣчности, на покаяніе во грѣхахъ вашихъ?

Блаженъ, кто чувствуетъ въ своей совѣсти, что онъ ненапрасно носитъ драгоцѣнное имя христіанина, что онъ старается быть вѣрнымъ послѣдователемъ заповѣдей Христовыхъ, что грѣхъ и страсти не владычествуютъ въ душѣ и сердцѣ его, что міръ съ его соблазнами не имѣетъ для него прелести. Таковый благословенъ отъ Бога Отца, благословенъ отъ Бога Сына, благословенъ отъ Бога Духа Святаго!

Таковый спокойно можетъ пребывать въ своемъ званіи, каково бы оно ни было; спокойно можетъ взирать на все, съ нимъ случающееся, съ твердою увѣренностію, что вѣрующимъ въ Бога вся споспѣшествуютъ во благое; спокойно можетъ ожидать своей кончины, которая приведетъ для него съ собою награду за всѣ труды и подвиги.

Но стократъ злополученъ тотъ, кто идетъ путемъ противнымъ и, бывъ доселѣ преданъ суетѣ мірской и страстямъ, не помышлялъ о своемъ исправленіи. Какимъ бы счастіемъ ни наслаждался онъ въ этомъ мірѣ, какъ бы ни были огромны его житницы, свѣтлы чертоги, богата прислуга, многочисленны знаки почестей, пышны и велики титулы, участь его достойна слезъ и воздыханій; ибо все сіе нисколько не спасетъ его отъ гнѣва грядущаго. Настанетъ грозный часъ, когда все, что забавляло, радовало, наполняло душу и сердце, разсыплется въ прахъ и исчезнетъ какъ сонъ: и бѣдный грѣшникъ останется одинъ съ прокаженною грѣхомъ душею своею, и долженъ будетъ терпѣть и страдать вѣчно.

Памятуйте сіе, братіе мои, и не попускайте ослѣплять себя суетою и соблазнами мірскими. Сладость грѣховная обольстительна, но привременна и скоропреходяща; а вредъ отъ нея проистекающій, вѣченъ и ужасенъ. Добродѣтель, напротивъ, требуетъ борьбы и подвига; но награда за нее несомнѣнна и безконечна. Кромѣ сего, человѣкъ добродѣтельный и здѣсь уже находитъ покой въ сердцѣ и утѣшеніе въ совѣсти, а злочестивые и здѣсь страдаютъ невидимо, и видимо рѣдко не посрамляются напослѣдокъ.

Памятуя сіе, будемъ тверды и непоступны въ добродѣтели, хотя бы она и соединена была съ лишеніемъ; станемъ отвращаться грѣха, хотя бы онъ обѣщалъ намъ рай сладости. Аминь.

Слово при первомъ посѣщеніи города Сумъ *).

Въ первый разъ, братіе мои, мы видимся съ вами. Увидимся ли въ другой разъ, единъ Богъ вѣсть. Можетъ быть, только на страшномъ судѣ Христовомъ. Но и тамъ мы будемъ не

*) Сказанное въ сумскомъ Преображенскомъ соборѣ, 20 сентября 1848 года.

чужды другъ другу; ибо между нами есть союзъ вѣчный, неразрывный, союзъ духовнаго пастыреначальства. И тамъ вопросятъ насъ, что мы дѣлали для вашего спасенія? Возвѣщали-ль вамъ пути живота вѣчнаго? Указывали-ль на гибельныя послѣдствія порока и невѣрія? Врачевали-ль раны вашего сердца и язвы вашей совѣсти? Гремѣли-ль, когда нужно было, грознымъ гласомъ закона и прещеніемъ суда Божія?—Вопросятъ насъ о семъ тамъ, братіе мои, и когда мы помышляемъ о семъ, то всегда приходимъ въ нѣкій невольный трепетъ: страшимся за тѣхъ, кои ввѣрены духовному водительству нашему, страшимся и за себя самихъ. Ибо, кто мы, чтобы намъ надѣяться на свои силы, и имѣть ихъ столько, чтобъ *быть*—для пасомыхъ нами—*всѣмъ вся*, по заповѣди Апостола?.. Съ другой стороны, если худо оказаться невѣрнымъ и слабымъ приставникомъ даже въ обыкновенныхъ дѣлахъ житейскихъ, то какой отвѣтственности, какому суду и прещенію не будемъ подлежать мы, на коихъ возложено попеченіе о спасеніи душъ, искупленныхъ кровію Сына Божія?

Но, братіе мои, какъ бы мы ни оказались безотвѣтны на семъ будущемъ судѣ страшномъ, все сіе не послужитъ однако же къ оправданію вашему и не воспрепятствуетъ Судіи вопросить и васъ: помышляли-ль и вы, какъ должно, о душѣ своей и вѣчности? Пользовались-ли ко спасенію своему тѣми средствами, кои для всѣхъ насъ независно предложены—выну и туне—благодатію Божіею? Не тратили-ль времени и силъ своихъ на то, что̀ подъ конецъ жизни оказалось яко суета и ничтожество? Ослѣпившись соблазнами міра и удовольствіями плоти, не мѣняли-ль совѣсти и правды на угожденіе своимъ страстямъ?

И на земномъ судѣ не отговариваются невѣдѣніемъ, тѣмъ паче нельзя будетъ отговариваться тамъ. Нельзя будетъ сказать: я не умѣю читать; я не слыхалъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ. Всѣ мы слышимъ непрестанно такое слово, предъ коимъ все человѣческое витійство есть яко мѣдь звеняща. Ибо всѣ мы слышимъ Пророковъ и Апостоловъ; слушаемъ въ Евангеліи Самого Господа и Спасителя нашего. Какой храмъ не оглашается ихъ словомъ?—И гдѣ нѣтъ храмовъ?—И кому воспрещенъ доступъ въ нихъ? Приходи всякій и учись; учись всему, что тебѣ нужно знать для твоего спасенія. Что дѣйствительно здѣсь въ храмахъ можно изучиться всему дѣлу

спасенія, свидѣтель сего многочисленный сонмъ святыхъ Божіихъ, кои, будучи незнакомы ни съ какимъ человѣческимъ просвѣщеніемъ, ничего не слыхавъ и не знавъ, кромѣ Евангелистовъ и Апостоловъ, преуспѣли однако же въ вѣрѣ и благочестіи до того, что на землѣ сдѣлались равными Ангеламъ и озарили свѣтомъ своей благой жизни, а нѣкоторые—и своихъ чудесъ, всю вселенную.

Но, увы, насъ всѣхъ губитъ не скудость и недостатокъ познаній, необходимыхъ для нашего спасенія, а неупотребленіе въ дѣло познаннаго: мы, подобно безплодной и каменистой землѣ, хотя и пріемлемъ въ себя сѣмена истины и жизни вѣчной, но не даемъ имъ возрастать и питать насъ. Ибо, стань предъ симъ престоломъ вѣчной любви и правды и скажи—каждый: исполнялъ ли ты, что знаешь? Знаешь, что должно любить Бога всѣмъ сердцемъ и паче всего; но любишь ли? Знаешь, что должно избѣгать невоздержанія, злобы, прелюбодѣянія, скупости, сквернословія; но избѣгалъ ли? Вѣдаешь, что для каждаго изъ насъ необходимо покаяніе во грѣхахъ, для каждаго необходимо приготовленіе къ смерти; но каешься ли, какъ должно? Готовишь ли себя къ смерти, какъ должно?

Очевидно, братіе мои, что рѣдкіе изъ насъ въ состояніи выдержать такое испытаніе; большая часть должны сознаться, что они не исполняютъ познаннаго, не поступаютъ такъ, какъ бы слѣдовало поступать—по внушенію Евангелія и совѣсти.

Что же дѣлаетъ насъ такими? Не увѣренность ли, что наша злая жизнь не будетъ имѣть для насъ худыхъ послѣдствій, что мы, и проведши на землѣ время во грѣхахъ и беззаконіи, не сдѣлаемся однако же чрезъ то несчастными въ вѣчности?—Но это не возможно, рѣшительно не возможно. На землѣ, вслѣдствіе превратности вещей, происшедшей отъ паденія въ Эдемѣ нашихъ прародителей, счастіе можетъ разлучаться и часто отлучается отъ добродѣтели, а несчастіе и казнь отъ порока; но за предѣлами земли, въ вѣчности—никогда.—Тамъ непорочность и блаженство составляютъ одно и то же, равно какъ порокъ и мученіе также суть едино. Иначе, въ чемъ бы, скажите, состояла самая святость и правда Божія? какая бы разность была между добродѣтелію и порокомъ?—Въ такомъ случаѣ и они были бы одно и то же, если бы, то есть, не давали отъ себя совершенно

разныхъ плодовъ—первая мира, радости и блаженства, а послѣдній—мрака, горести и разрушенія. И сталъ ли бы Господь угрожать намъ тѣмъ, что не существуетъ? Сталъ ли бы объявлять въ словѣ Своемъ, что грѣшниковъ ожидаетъ мука вѣчная, если бы не было ни ада, ни геенны? Такъ могутъ поступать токмо люди слабые и лживые, а не Богъ всемогущій и вѣрный во всѣхъ словесѣхъ Своихъ.

Но, многіе нисколько не сомнѣваются ни въ будущихъ наградахъ праведнымъ, ни въ наказаніи, ожидающемъ грѣшниковъ; и однако же не оставляютъ грѣха и неправдъ своихъ. Ихъ что удерживаетъ на пути беззаконія? Удерживаетъ большею частію мысль и надежда, что они современемъ освободятся отъ узъ страстей, начнутъ жить по внушеніямъ вѣры и совѣсти. Не обольщайтесь, братіе, подобною надеждою, ибо можно ли такъ явно отдавать вѣчное спасеніе свое на произволъ слѣпаго случая? Ежедневный опытъ показываетъ, какъ самые крѣпкіе, повидимому, здравіемъ люди, вдругъ падаютъ бездыханны. Вообразимъ, что мы подверглись сему случаю: гдѣ будетъ тогда наше покаяніе? И что за покаяніе въ крайности, предъ смертію, хотя бы и довелось принести его? Если мы, по началамъ святыя вѣры нашея, не можемъ отвергать вовсе его дѣйствительности, то съ другой стороны какъ трудно ручаться за нее! Ибо, кто, видя смерть предъ собою, не скажетъ, что я грѣшенъ, прости и разрѣши?—Но покаяніе состоитъ не въ словахъ, а въ перемѣнѣ сердца и духа на доброе. Но какъ произойти сей перемѣнѣ, когда вся мысль умирающаго сосредоточена въ чувствѣ страданій тѣлесныхъ? Гдѣ тутъ свобода и гдѣ вѣра и любовь, столь необходимыя для истиннаго покаянія?

Итакъ, не попускайте, братіе мои, обольщать себя мыслію о будущемъ вашемъ покаяніи предъ смертію. Расторгните узы страстей, доколѣ онѣ не содѣлались яко желѣзо на выи вашей; свергните съ себя тяжесть грѣховъ, доколѣ она не подавила васъ собою. Врагъ душъ ничѣмъ такъ не уловляетъ бѣдныхъ грѣшниковъ, какъ отлаганіемъ покаянія на будущее время, ибо внушаетъ грѣшнику нераскаяніе во грѣхѣ, какъ нераскаянъ онъ самъ, слишкомъ дерзко и неумѣстно: и вотъ, сей нераскаянный духъ непрестанно будетъ говорить тебѣ, что ты покаешься, а между тѣмъ, отлагая

со дня на день покаяніе. симъ ты со дня на день содѣлываешь его для себя болѣе труднымъ и потому менѣе возможнымъ. Не такъ ли именно многіе, собираясь ежедневно исправить свою жизнь. продолжаютъ грѣшить до смерти? Увы. восклицаетъ одинъ учитель Церкви, большая часть узниковъ ада состоитъ не изъ невѣрующихъ и ожесточенныхъ, а изъ тѣхъ, кои всю жизнь собирались каяться и умерли однакоже во грѣхахъ своихъ! Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Скоро, братіе мои, наступитъ жатва, и каждый изъ васъ пойдетъ на поле свое для собиранія того, чѣмъ благословилъ Господь. Благодареніе любви Его, нынѣ есть что собирать! Если къ радости о собраніи присовокупится благоразумное употребленіе собраннаго. то плодовъ единаго нынѣшняго лѣта станетъ не на одинъ годъ.

Но. готовясь принять плоды отъ Господа,—ибо *ни насаждаяй. ни напаяяй есть что, но вся возращаяй, Богъ*,—надобно подумать, братіе мои, и о плодахъ для Господа. Не напрасно слово Божіе сравниваетъ души наши съ нивами и вертоградами. а Самого Господа—съ вертоградаремъ и хозяиномъ поля. Это знакъ, что Господь также ожидаетъ плодовъ отъ всѣхъ насъ. какъ мы ожидаемъ ихъ отъ полей и садовъ нашихъ. И. да будетъ извѣстно вамъ. братіе мои, что и мы, если являемся къ вамъ по временамъ. то для того именно, чтобы отъ лица небеснаго Домовладыки, Коего есмы, хотя недостойные. посланники и слуги, напомнить вамъ о необходимости сего духовнаго плодоношенія.

Впрочемъ, вы сами можете судить о сей необходимости уже по одному простому сравненію того, что мы дѣлаемъ для полей нашихъ. и что Онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ для душъ и сердецъ нашихъ. Самый прилежный изъ васъ, что сдѣлалъ для своего поля? Разодралъ нѣдра земли плугомъ, размягчилъ вспаханное и очистилъ отъ сора. разбросалъ по немъ сѣмена и потомъ заборонилъ посѣянное землею. Вотъ наши труды: много, если среди ихъ упала съ лица нашего на поле какая-

*) Сказанное Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Трущевой Никитовкѣ, 27 іюля 1844 года.

либо капля пота. А Домовладыка небесный, Спаситель нашъ? Онъ для содѣланія душъ нашихъ плодоносными для добродѣтели, кромѣ многихъ другихъ естественныхъ средствъ, сошелъ для сего Самъ на землю, принялъ на Себя нашу плоть, провелъ тридесять три года въ непрестанныхъ трудахъ, нищетѣ и озлобленіи, претерпѣлъ, наконецъ, ужасныя мученія и смерть на крестѣ.

Каковы же мы на самомъ дѣлѣ? Что можемъ представить нынѣ своему Господу? Извѣстно, какихъ плодовъ ожидаетъ Онъ отъ насъ: вѣры живой и правой, дѣлъ чистыхъ и благихъ, милосердія къ бѣднымъ и покаянія во грѣхахъ нашихъ.

Итакъ, уродилась ли нынѣ у васъ вѣра правая? Изгнала ли она изъ среды васъ мрачное полчище суевѣрій, гаданій, и примѣтъ суетныхъ? Престали-ль вы вѣрить неразумно глупымъ ворожеямъ и знахарямъ? Престали-ль бояться напрасно нѣкоторыхъ дней въ году? Престали-ль ожидать успѣха въ дѣлахъ, облегченія отъ недуговъ, не отъ Господа и молитвы, какъ бы надлежало, а отъ праздныхъ словъ и дѣйствій?— Всего этого избѣгаютъ и чуждаются люди разумные и изъ не-христіанъ: христіанамъ ли быть рабами суевѣрія? Молитва и крестъ святый—вотъ наша сила и наше духовное оружіе!

Уродилось ли въ нынѣшнемъ году у васъ святое воздержаніе и цѣломудріе? Умаляется ли между вами число людей, преданныхъ богопротивному пьянству и нечистотамъ плотскимъ? Менѣе ли на стогнахъ вашихъ шумныхъ кличей, безчинныхъ плясокъ, бѣсовскихъ игрищъ, сатанинскихъ тѣлодвиженій? Христіанинъ можетъ пользоваться благами міра, но какъ? Чтобы они насыщали и услаждали его, а не выводили изъ себя, не лишали образа Божія, и обращали его въ безсмысленное животное. Христіанину позволительны удовольствія и радости, но какія? Умѣренныя, чистыя, кои не ведутъ за собою ссоръ и вражды, не губятъ здравія и имущества, не служатъ къ соблазну ближнихъ и на радость сатанѣ.

Уродились ли нынѣ между вами нравы благіе? Дѣти буйныя и строптивыя начали-ль слушать и уважать своихъ родителей? Лгунъ ли пересталъ ли лгать, сквернословъ кончилъ ли свое срамословіе, завистливый освободился ли отъ зависти, лѣнивый полюбилъ ли прилежаніе? Старшіе подавали-ль благой примѣръ и добрые совѣты младшимъ? Ссорившіеся супруги бросили-ль взаимныя распри и огорченія?

Уродилось ли въ нынѣшнемъ году боголюбезное милосердіе? Безпріютныя сироты нашли-ль между вами отцевъ и матерей? Обнищавшіе отъ пожаровъ и другихъ случаевъ, видѣли-ль со стороны вашей вспоможеніе братское? Болѣзнь и увѣчья не оставались ли въ хладѣ и гладѣ? Христіанинъ долженъ знать, что всемилосердому Господу нашему ничѣмъ такъ нельзя угодить, какъ милосердіемъ къ бѣднымъ. Къ немилосердымъ и жестокимъ Онъ и Самъ обѣщался не быть милостивымъ, а безъ Его благодати и милости, что всѣ мы со грѣхами нашими?

Уродилось ли въ нынѣшнемъ году между вами смиреніе и терпѣніе христіанское? Вмѣсто обыкновеннаго ропота въ несчастіяхъ, научились ли вы предавать себя въ волю Божію и обращаться къ молитвѣ? Узнали-ль, что для васъ въ этой жизни полезнѣе горе, нежели веселье, ибо первое отводитъ отъ грѣха и обращаетъ къ Богу, а послѣднее служитъ пищею страстямъ и беззаконіямъ.

Уродилось ли въ нынѣшнемъ году раскаяніе во грѣхахъ вашихъ? Несомнѣнное дѣло, что мы всѣ грѣшники: и никакой грѣшникъ царствія Божія не наслѣдитъ. Что же мы дѣлаемъ со грѣхами нашими? Сбрасывали-ль ихъ посредствомъ исповѣди съ плечъ своихъ, какъ тяжкое бремя, или копили, какъ любимое сокровище? Горе намъ, уже тѣмъ, что мы грѣшники, ибо всякій грѣхъ какъ язва на душѣ; но еще большее горе, если, грѣша тяжко, не каемся въ томъ и не отстаемъ отъ злыхъ дѣлъ. Нераскаянный грѣшникъ есть несомнѣнная добыча діавола. Посему, когда впадаемъ въ какой-либо грѣхъ, тотчасъ надобно воздохнуть изъ глубины души ко Господу и сказать: прости меня, Премилосердый! я не дамъ болѣе врагу губить мою душу и тѣло:— сказать такъ, и беречься потомъ того же грѣха, какъ змѣи и яда.

Предложивъ вамъ столько вопросовъ, касающихся вашей жизни и совѣсти, мы не ожидаемъ отъ васъ отвѣтовъ теперь же. Мы хотѣли только возбудить въ васъ вниманіе и навести мысль вашу на состояніе душъ и сердецъ вашихъ. Отвѣтъ же дайте не намъ: а во-первыхъ, вашей совѣсти, потомъ вашему отцу духовному, который будетъ бесѣдовать во время поста съ каждымъ изъ васъ, и слѣдовательно будетъ имѣть все удобство узнать внутреннее состояніе ваше,

ваше плодоносіе или безплодіе духовное, и преподать вамъ совѣтъ полезный, указать врачество необходимое.

Мы вмѣсто сего скажемъ теперь всѣмъ вамъ единожды и навсегда, что если вы окажетесь безплоднѣе — добрыми дѣлами — нивъ и вертоградовъ вашихъ, то виною сему вы сами а не кто другой, тѣмъ паче не Господь и Спаситель нашъ.

Ибо, судите сами, чего не доставало душамъ и сердцамъ вашимъ, въ сравненіи съ полями и лугами вашими, для того, чтобы украситься цвѣтами добродѣтелей и принести жита правды? Нужно было солнце: надъ вами постоянно сіялъ свѣтъ Христовъ; нужны были сѣмена добра и правды: вашъ слухъ оглашался чтеніемъ Евангелій и Апостола, гдѣ каждое слово есть сѣмя жизни вѣчной. — Нуженъ былъ дождь, благовременный: вы орошались потоками молитвъ церковныхъ и росою святыхъ Таинствъ. Нужна была ограда отъ безсловесныхъ животныхъ, могущихъ повредить почвѣ сердца: Церковь брала всѣ мѣры, чтобы между вами не было лжеучителей и общественнаго соблазна. Нуженъ былъ стражъ: и въ немъ не было недостатка, ибо при каждомъ изъ насъ Ангелъ-Хранитель.

Какъ послѣ сего не принести бы плодовъ вѣры и добрыхъ нравовъ? И чѣмъ извиниться, если ихъ не окажется у кого-либо?

А, сколько можемъ судить, не окажется у нѣкоторыхъ! И всѣ мы даже немногимъ, кажется, можемъ обрадовать небеснаго Домовладыку нашего. Ибо, взирая безпристрастно на духовную ниву вашу, тотчасъ видишь на ней немало плевелъ. Въ самомъ дѣлѣ, не плевелы-ль то, что нѣкоторые изъ васъ, безъ всякихъ особенныхъ причинъ, даже въ большіе праздники, не посѣщали храма Божія и оставались безразсудно дома? Не плевелы-ль то, что между вами есть люди, не бывшіе въ прошедшемъ посту у исповѣди и не принявшіе животворящихъ таинъ Тѣла и Крови Господней? Не плевелы-ль то, что многіе изъ дѣтей вашихъ не умѣютъ доселѣ положить на себѣ правильно креста Господня и не знаютъ: Отче нашъ и Символа вѣры? Не плевелы-ль то, что стогна мирной веси вашей въ нѣкоторые дни оглашались безчинными кликами, словами гнилыми и смрадными? Не плевелы-ль то, что иной послѣдній чванецъ муки и елея

готовъ отдать за чашу вина и сикера? Не плевелы-ль, наконецъ, и то, что у инаго осталось невоздѣланнымъ поле тогда, когда онъ имѣлъ къ тому и время и силы? Кто всѣялъ всѣ эти и подобныя имъ плевелы? *Врагъ* Бога и человѣковъ, діаволъ *сотвори сіе*, отвѣтствуетъ Евангеліе. Когда и какъ сотвори? *Намъ спящимъ*, прибавляетъ оно. Слѣдовательно, хотя во всякомъ злѣ виновенъ и діаволъ, яко первоначальный источникъ грѣха и зла въ мірѣ и яко непрестающій искуситель къ тому, но не менѣе того виновны и мы сами. Если бы мы не спали, а бодрствовали вѣрою и духомъ, то и діаволъ не могъ бы намъ сдѣлать никакого вреда. Пришла бы какая-либо худая мысль на умъ: мы оградились бы крестомъ, призвали бы на помощь Ангела-Хранителя; и грѣховный помыслъ угасъ бы какъ искра, у коей нѣтъ воздуха. А мы вмѣсто того, чтобы обращаться къ молитвѣ и кресту Христову, еще рады были худымъ мыслямъ, раздували ихъ, какъ искру, въ душѣ своей посредствомъ частаго воображенія сладостей грѣховныхъ: удивительно ли, если они обращались такимъ образомъ въ пламень страсти и мы горѣли душею и тѣломъ?

Извѣстно, что послѣдуетъ, наконецъ, съ плевелами, то есть, съ грѣхами нашими, или точнѣе сказать, съ грѣшниками. Послѣдуетъ, какъ писано въ Евангеліи, то, что ихъ соберутъ—токмо не въ житницу небесную, а во адъ—на сожженіе. Ибо какъ для душъ праведныхъ уготованъ рай и царство небесное, такъ нераскаянныхъ грѣшниковъ ожидаетъ адъ и геенна.

Убоимся, братіе мои, сего огня неугасимаго! Прежде, нежели будутъ посланы, какъ говорится въ притчѣ евангельской, жатели небесные, то есть, Ангелы для собранія со всего міра плевелъ, или грѣшниковъ, изыдемъ сами на поле душъ, и сердецъ нашихъ, очистимъ ихъ, какъ очищаемъ поля и луга наши, отъ всѣхъ худыхъ и вредныхъ растеній, то есть, отъ грѣховъ и страстей, дабы приносить потомъ, какъ того ожидаетъ небесный Домовладыка нашъ, святые плоды чистоты и правды, истины и милосердія. Аминь.

Слово при первомъ посѣщеніи города Старобѣльска *).

Уже три года, какъ имя наше, по чину святыя Церкви, молитвенно воспоминается у васъ, братіе мои; три года, какъ и мы, по долгу пастырства, возносимъ ежедневно моленіе о васъ ко Господу, яко о ввѣренныхъ нашему духовному водительству, а между тѣмъ еще ни разу не зрѣли мы лица вашего и не являлись среди васъ, подобно какъ посѣщали другіе грады и веси. Причиною сего была не холодность какая-либо къ вамъ и невниманіе:—Богъ свидѣтель, что мы—не единожды и не дважды—имѣли желаніе придти къ вамъ, дабы соутѣшиться общею вѣрою и любовію, яже о Христѣ Іисусѣ;—но частію отдаленность вашего края, частію усиленныя занятія въ другихъ предѣлахъ паствы, доселѣ лишали насъ сего утѣшенія. Въ замѣнъ того, мы можемъ теперь сообщить вамъ немало радостнаго для сердца христіанскаго.

И во-первыхъ, на святой горѣ Ахтырской, небезъизвѣстной многимъ изъ васъ, благодатію Божіею паки вмѣсто печальныхъ развалинъ, начинаетъ возвышаться обитель святыя и живоначальныя Троицы; и Богоматерь Ахтырская, общая покровительница страны нашей, видимо приняла ее подъ всемогущій покровъ свой, ибо отселѣ ежегодно будетъ посѣщать ее—въ чудотворномъ ликѣ своемъ.—Дивная скала святогорская, служившая столько времени предметомъ одного печальнаго любопытства, паки сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ была нѣкогда—убѣжищемъ душъ, отрекшихся міра и всего, яже въ мірѣ, и взыскавшихъ единаго на потребу, и благословеніе святой лавры Кіевопечерской съ иконою Богоматери и мощами тамошнихъ угодниковъ Божіихъ служитъ залогомъ, что святыя горы будутъ соотвѣтствовать своему имени святыми подвигами новыхъ жителей своихъ, и что на нихъ паки возсіяетъ благодать Божія.—Каѳедральный градъ паствы нашей такъ же удостоился пріять нескудный залогъ новыя милости Божія, ибо Богоматерь Озерянская соблаговолила ежегодно приходить въ него—въ чудотворномъ ликѣ своемъ, и пребывать въ немъ во все продолженіе дней зимнихъ.

---

*) Сказанное въ старобѣльскомъ Покровскомъ соборѣ, 22 августа 1844 г.

Въ сихъ и подобныхъ занятіяхъ упражнялись мы, братіе мои, и не спѣшили къ вамъ, зная и издали, что вы пребываете въ мирѣ, подъ кровомъ св. Церкви и осѣненіемъ благодати Божіей.

И вотъ, какъ бы въ награду за долговременность нашего и вашего терпѣнія и ожиданія, дано намъ, братіе, увидѣться съ вами въ одинъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ году, въ день вѣнчанія на царство возлюбленнаго Монарха нашего. Ознаменуемъ же наше первое свиданіе усердною молитвою о немъ. Молиться за Помазанника Божія есть всегдашній священный долгъ нашъ уже потому, что въ судьбѣ царя заключена судьба всего царства, слѣдовательно и наша собственная, но теперь должно особенно усугубить намъ сію молитву. Ибо, вы слышали, безъ сомнѣнія, какимъ тяжкимъ ударомъ поражено сердце царево: Онъ лишился одной изъ дщерей своихъ, лишился въ цвѣтѣ лѣтъ ея, не успѣвъ нарадоваться ея недавнимъ вѣнцемъ брачнымъ! Извѣстно чадолюбивое сердце царя нашего: можете судить по сему и о тяжести настоящей его печали. Въ комъ же другомъ онъ можетъ найти себѣ теперь утѣшеніе, какъ не въ Томъ, Коего образъ на себѣ носитъ? И что скорѣе и вѣрнѣе можетъ низвесть на него духа утѣшенія отъ лица Царя царствующихъ, какъ не усердная молитва о немъ вѣрныхъ сыновъ отечества? Помолимся убо о царѣ нашемъ со всею силою вѣры, со всею полнотою любви, со всѣмъ духомъ упованія христіанскаго. А между тѣмъ изъ того, что совершается въ домѣ царевомъ, извлечемъ, братіе мои, урокъ и назиданіе для нашихъ домовъ.

Могущественнѣйшій въ мірѣ Монархъ пораженъ скорбію и плачетъ надъ гробомъ любимой дщери, подобно послѣднему изъ своихъ подданныхъ. Онъ ли не имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣхъ средствъ искусства врачебнаго? Онъ ли не хотѣлъ употребить ихъ? Употреблено и истощено все возможное; и ничто не отвратило удара и потери!—Значитъ, нѣтъ на землѣ состоянія, изъятаго отъ лишеній и скорбей: *тяжко иго на всѣхъ сынѣхъ Адамлихъ!*

Отчего такъ? Ужели небо веселится нашими слезами? Ужели мы созданы на нужды и страданія? Нѣтъ, думать такимъ образомъ, значило бы оскорблять благость Отца небеснаго, которая не менѣе любви земныхъ отцевъ хочетъ намъ радости, и сама печалуетъ нашими печалями. Нѣтъ, было

время, когда и на землѣ не было для человѣка ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Все это произвели мы сами, не умѣвъ пользоваться блаженствомъ нашимъ. Извѣстно, какъ произошло наше несчастіе. Послушавъ совѣта зміина, мы впали въ преступленіе заповѣди Божіей,—и все превратилось. Рай съ земли перенесенъ на небо—для достойныхъ; самая жизнь наша сокращена въ малое число лѣтъ. Теперь мы всѣ здѣсь, какъ преступники, сосланные въ заточеніе, на извѣстное время. Посему никакое величіе и могущество человѣческое не можетъ защитить отъ скорби. Всѣмъ остается одно—терпѣть и страдать, искупляя земными лишеніями и скорбями вдругъ двѣ вещи,—прошедшую, прирожденную всѣмъ намъ, порчу и будущее блаженное состояніе.

Поймемъ же, братіе мои, истинное значеніе нашей жизни на землѣ. Престанемъ искать здѣсь полнаго удовлетворенія душѣ и сердцу нашему. Мы никогда не найдемъ его на землѣ. Начнемъ жить для неба, которое ожидаетъ всѣхъ насъ и намъ предназначено. Примиримся съ самыми скорбями и печалями нашими—яко залогомъ будущихъ радостей вѣчныхъ.

Трудно не плакать и не скорбѣть во время искушеній и напастей. Но что дѣлать, когда они необходимы для насъ, какъ для страждущихъ тяжкими недугами неизбѣжны горькія врачевства, даже иногда огонь и желѣзо! Ибо чѣмъ иначе умертвить преступное самолюбіе наше, этотъ корень всякаго грѣха, какъ не скорбію? Если мы не видимъ нужды въ семъ, то потому что мало знаемъ самихъ себя. А Господь видитъ пагубу, насъ облежащую, и, яко врачъ душъ, посылаетъ во исцѣленіе насъ слезы и скорби.

Кто уразумѣлъ все сіе какъ должно (а трудно-ли уразумѣть каждому, научаясь и Евангеліемъ и самымъ опытомъ?), тотъ не будетъ среди скорбей роптать и предаватся малодушію, а скорѣе возрадуется, что Господь не забываетъ его, возрадуется по крайней мѣрѣ столько, сколько бываютъ обрадованы, когда искусный врачъ осмотритъ нашу язву и пропишетъ для ней спасительный рецептъ, хотя бы сей послѣдній состоялъ изъ огня или желѣза.

Небесный врачъ душъ и тѣлесъ Самъ да подастъ намъ сей разумъ и да наставитъ насъ, еже подобаетъ намъ творити во время скорбей и искушеній нашихъ! Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Вчера мы молились среди живыхъ, а нынѣ молимся среди мертвыхъ. Но, кто истинно живъ и кто дѣйствительно мертвъ, единъ Господь вѣсть. Истинная жизнь человѣка не въ томъ, когда онъ ходитъ и движется, вкушаетъ пищу и сонъ, беретъ что-либо и отдаетъ—все это дѣлаютъ и безсловесныя,— а въ томъ, когда онъ исполняетъ законъ Божій, соединенъ со Христомъ, водится Духомъ Святымъ. Равно и смерть человѣка не въ томъ, что онъ лежитъ во гробѣ или могилѣ, не существуетъ для нашего міра, а въ томъ, когда онъ преданъ грѣху, тлѣетъ въ похотяхъ прелестныхъ, удаленъ отъ источника жизни Бога.

Посмотрите на святыхъ Божіихъ—они также низошли во гробъ, почиваютъ въ утробѣ земной, кажутся яко мертвы, но кто живѣе ихъ? Изъ гроба они совершаютъ такія дѣла, коихъ не можетъ совершать вся наша мудрость и вся наша сила. А грѣшникъ нераскаянный, хотя бы онъ цвѣлъ здравіемъ и красотою, хотя бы двигалъ мановеніемъ своимъ тысячи попавшихся въ его зависимость,—есть мертвъ въ очахъ Божіихъ и яко трупъ гніющій. Итакъ, еще повторю, единъ Богъ вѣсть, кто изъ насъ истинно живъ и кто дѣйствительно мертвъ.

Одно несомнительно, что вездѣ немало такихъ, къ коимъ со всею справедливостію должно обратить слова Тайновидца: *имя имаши, яко живъ, а мертвъ еси* (Апок. 3. 1). Въ самомъ дѣлѣ, что сказать о томъ пастырѣ Церкви, который служитъ алтарю для того токмо, чтобы питаться отъ алтаря, а не для того, чтобы хлѣбомъ жизни питать души, алчущія правды и спасенія, который заставляетъ въ таинствѣ исповѣди открывать предъ собою всѣ раны душевныя и ни на одну изъ нихъ не умѣетъ или не хочетъ возложить пластыря, который непрестанно окруженъ свѣщами и ѳиміамомъ, а самъ въ своихъ дѣлахъ и жизни представляетъ одну тьму грѣховъ и издаетъ воню беззаконія и смерти? Должно сказать: *имя имаши, яко живъ, а мертвъ еси!* Если бы въ тебѣ, недостойный пастырь, была истинная жизнь, то ты примѣромъ благихъ дѣлъ былъ бы яко свѣтильникъ для пасомыхъ тобою,

*) Сказанное въ городѣ Старобѣльскѣ, въ кладбищенской церкви, предъ совершеніемъ панихиды, 23 августа 1844 года.

и слово твое яко свѣща горящая во тьмѣ: паства твоя никогда не оставалась бы гладною духомъ, не блуждала бы по дебрямъ неправыхъ мнѣній, добрѣ вѣдала бы, куда идти и чего отвращаться.

Что сказать властелину, который, захвативъ въ свои руки жребій цѣлыхъ тысящъ собратій своихъ во Христѣ, смотритъ на нихъ, какъ на простое орудіе своихъ выгодъ и разсчетовъ, стѣсняетъ ихъ въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни и свободы, чтобы самому все имѣть для удовлетворенія самомалѣйшихъ прихотей? Должно сказать: *имя имаши, яко живъ, а мертвъ еси!* Если бы въ тебѣ билось сердце человѣческое, то ты не забывалъ бы, что подвластные тебѣ суть люди единой съ тобою природы, что они искуплены не тлѣннымъ златомъ и сребромъ, какъ ты стяжалъ ихъ отъ другихъ, а безцѣнною Кровію Сына Божія, что ихъ ожидаетъ въ вѣчности та же участь, что и тебя; и что тамъ—не какъ на землѣ, потребуютъ отъ тебя строгаго отчета въ каждой слезѣ, кои ты заставляешь проливать день и нощь.

Что сказать богачу неправедному, который для пріобрѣтенія богатства жертвовалъ всѣмъ, и правдою и совѣстію, и вѣрою и закономъ, а пріобрѣтши сего идола, не хочетъ пожертвовать Богу и ближнимъ ничѣмъ для искупленія неправдъ своихъ, который, имѣя возможность доставить счастіе многимъ и столько же спасти отъ бѣдствій, никому не дѣлалъ и не намѣренъ дѣлать добра? Должно сказать: *имя имаши, яко живъ, а мертвъ еси!* Мертвъ ты сердцемъ, ибо тебя не трогаютъ ни слезы, ни вопли бѣдныхъ собратій; мертвъ ты умомъ, ибо ты не видишь собственной погибели отъ своего богатства; мертвъ ты совѣстію, ибо ея нѣтъ въ томъ, кто, подобно тебѣ, все цѣнитъ однимъ золотомъ и не знаетъ любви къ ближнимъ.

Обратившись съ подобнымъ размышленіемъ къ самимъ себѣ, вникая въ свою жизнь и свои нравы, можетъ быть и каждый изъ насъ найдетъ причину сказать душѣ своей: увы, бѣдная душа моя, я мнилъ, что ты жива, ибо движешься непрестанно по внушенію похотей и страстей; а въ самомъ дѣлѣ ты мертва, ибо въ тебѣ нѣтъ жизни Божіей, нѣтъ истины и правды, нѣтъ любви, смиренія и чистоты, нѣтъ того, что должно быть въ тебѣ, яко въ образѣ Божіемъ, яко въ существѣ разумномъ, предназначенномъ не къ этому сує-

тному и скоропреходящему міру, а къ вѣчному сожительству съ Богомъ на небеси.

А мы, братіе мои, не обращая вниманія на эту ужасную смерть духовную, которая вмѣстѣ со грѣхомъ гнѣздится въ нашемъ сердцѣ все страшимся и трепещемъ токмо одной смерти тѣлесной. Но что значитъ смерть тѣлесная? Ее страшною и лютою дѣлаетъ одинъ грѣхъ. Безъ того она не страхъ, а радость, не казнь, а освобожденіе. Ибо, что дѣлаетъ смерть? Лишаетъ насъ тѣла бреннаго, тяжелаго, многоболѣзненнаго. Но это тѣло не наше; его далъ намъ грѣхъ. Наше истинное, духовное, безсмертное тѣло осталось въ раю и можетъ возвратиться къ намъ не прежде и не иначе, какъ только тогда, какъ рукою смерти будетъ совлечено съ насъ это нищенское рубище тлѣнной плоти, коимъ мы теперь одѣты подобно безсловеснымъ. Что дѣлаетъ смерть? Разлучаетъ насъ съ этимъ нашимъ міромъ, о коемъ люди, даже невѣдущіе Евангелія, говорили, что онъ весь во злѣ лежитъ, ибо въ немъ ложь и неправда торжествуютъ нерѣдко надъ истиною и правдою, сильный притѣсняетъ слабаго, братъ ставитъ ковы брату и сестра сестрѣ. Что дѣлаетъ смерть? Возвращаетъ насъ въ домъ отеческій изъ долгаго и многотруднаго странствованія по мрачной и тернистой юдоли этой жизни, возвращаетъ на лоно Отца небеснаго, откуда мы ниспали въ это море житейскихъ попеченій. Престанемъ же бояться смерти, и начнемъ бояться грѣха, который одинъ можетъ сдѣлать смерть дѣйствительнымъ зломъ для насъ. Ибо если мы умремъ во грѣхѣ, то и новое безсмертное тѣло, которое мы получимъ въ день всеобщаго воскресенія, будетъ для насъ источникомъ не радости, а страданій. Если умремъ во грѣхахъ, то новый міръ, куда смерть переставляетъ насъ, не смотря на его совершенства, будетъ не по насъ, и мы явимся тамъ яко младенцы, насильственно извергнутые изъ утробы матерней. Если умремъ во грѣхахъ нашихъ, то свѣтлый чертогъ Отца небеснаго затворится предъ нами, мы будемъ отринуты отъ лица Божія, и пойдемъ на вѣки во тьму кромѣшнюю.

Многочисленное нынѣ стеченіе ваше сюда, братіе мои, и не нынѣ токмо, а и въ другіе дни, какъ слышали мы, показываетъ, что вы помните о своей смерти; благолѣпіе храма сего, украшеннаго вашимъ усердіемъ, свидѣтельствуетъ, что

сіе мѣсто будущаго покоища вашего во утробѣ земной цѣнится вами по надлежащему. Все это, братіе мои, хорошо и похвально. Остается токмо, чтобы и ваше хожденіе сюда, и ваше усердіе ко храму сему не оставались безъ духовнаго плода для васъ. Для сего, бывши здѣсь, не ограничивайтесь воспоминаніемъ токмо почившихъ въ Бозѣ сродниковъ и знаемыхъ вашихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ воображайте всегда и собственный конецъ вашъ. Идя изъ града, представляйте себѣ каждый разъ, какъ симъ же самымъ путемъ понесутъ васъ нѣкогда сюда; пришедъ на кладбище и ставъ среди сонма почивающихъ братій вашихъ, представляйте, что между ними находится и ваше мѣсто и что ваша могила уже ожидаетъ васъ; вошедъ во храмъ сей, не забывайте взглянуть на средину его, гдѣ будетъ стоять вашъ гробъ; видя и слыша, какъ совершаютъ чинъ погребенія надъ другими, преноситесь мыслію къ той минутѣ, какъ оно совершится и надъ вами. Такимъ образомъ вы будете погребать часть ветхаго человѣка вашего, и каждый разъ отъ сего въ душѣ вашей будетъ замирать что-либо злое и богопротивное, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживать какая-либо благая мысль и чувство.

А идя изъ храма и возвращаясь домой, размышляйте такъ: долго ли еще мнѣ велитъ Господь возвращаться въ домъ свой? Жизнь моя видимо клонится къ концу, и мнѣ уже не много разъ возвращаться отсюда. Для чего же я буду предаваться суетѣ земной и неправдѣ человѣческой? Что пользы, если я пріобрѣту весь міръ и погублю душу свою? что пойдетъ за мной изъ пріобрѣтеннаго? Ничего: нагъ я вышелъ изъ чрева матерня, нагъ и отыду. Къ кому? къ Судіи праведному и всевидящему, Который взвѣситъ и разберетъ всѣ не только дѣянія, а самыя мысли и слова мои, и воздастъ за каждое. Не буду же болѣе губить себя грѣхомъ и неправдами; начну приготовляться къ смерти и суду страшному. Благо мнѣ, что есть еще время и средства къ тому!

Когда вы, братіе мои, будете посѣщать такимъ образомъ мѣсто сіе, то каждое подобное посѣщеніе его содѣлается для васъ вмѣсто поученія самаго дѣйствительнаго. Ибо не напрасно сказано въ словѣ Божіемъ: *поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши*. Аминь.

Слово при посѣщеніи епархіи *).

Въ то время, какъ вниманіе ваше, христолюбивые воины, съ утра до вечера занято звукомъ трубы военной и приготовленіемъ къ познанію опытовъ въ искусствѣ поражать враговъ отечества, мы являемся предъ васъ съ жезломъ и свирѣлію пастырскою; но являемся не для того, чтобы заставить васъ сложить съ себя доспѣхи бранные и расковать мечи своя на рала и копія на серпы. Благословенное, обѣщанное чрезъ пророка, время сіе еще въ будущемъ; и вѣроятно, долго, долго не явится на земли, мятущейся, то тамъ, то тамъ, отъ самолюбія и страстей человѣческихъ. Нѣтъ, мы пришли отъ лица святой Церкви благословить оружіе ваше, принести вмѣстѣ съ вами молитву объ успѣхѣ занятій вашихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить вамъ, что воинъ христіанскій силенъ на брани не однимъ видимымъ оружіемъ, а еще болѣе вѣрою и упованіемъ жизни вѣчной; что онъ употребляетъ мужество свое не на пораженіе токмо враговъ отечества, а и на низложеніе собственныхъ страстей; что онъ къ перенесенію трудностей званія своего одушевляется не похвалою токмо начальниковъ, не достиженіемъ внѣшнихъ, въ чемъ бы они ни состояли, отличій, а постоянно устремляетъ взоръ къ тѣмъ нетлѣннымъ вѣнцамъ, кои на главу побѣдителей возложитъ нѣкогда Самъ Владыка неба и земли.

Излишне ли для кого-либо изъ васъ напоминаніе о семъ? Дай Богъ, чтобы оно не было ни для кого нужнымъ! Чтобы всѣ вы также твердо памятовали правила вѣры и Евангелія, какъ твердо знаете и разумѣете правила своего военнаго искусства! Но, братіе-воины, если при всей опытности и успѣхахъ вашихъ въ дѣлѣ военномъ, не почитается однако же излишнимъ ежегодно упражнять снова неоднократнымъ упражненіемъ силы и способности ваши, то почтете ли необыкновеннымъ, если и мы являемся предъ васъ по временамъ, дабы воззывать васъ отъ воинствованія по плоти къ воинствованію по духу. Дѣло стоитъ того, чтобы вникать въ него, какъ можно чаще. Ибо, какъ ни важно званіе воина и какъ ни необходимы вооруженные защитники для отечества, но вы сами чувствуете, что это званіе, какъ

*) Сказанное въ городѣ военнаго поселенія, новомъ Екатеринославѣ, 25-го августа 1844 года.

и всѣ прочія земныя званія, лежитъ на каждомъ токмо на время и служитъ для одной земной жизни. Должно быть посему такое званіе, которое полезно навсегда, которое бы никогда не оставляло насъ и переходило съ нами въ самую вѣчность. Таково званіе христіанина! Посему, въ какомъ бы мы ни были состояніи, никогда не должно забывать его перваго и послѣдняго званія, и того, чего требуетъ оно отъ всѣхъ насъ.

Спросите: чего же требуетъ отъ насъ наше христіанство? Того, чтобы мы имѣли вѣру правую, какая намъ открыта въ словѣ Божіемъ и преданіяхъ святой Церкви.—того, чтобы мы жили по правиламъ сей святой вѣры, въ чистотѣ и цѣломудріи, въ трезвости и воздержаніи, въ правдѣ и истинѣ, были человѣколюбивы, кротки, смиренномудры и не мстительны.—того требуетъ званіе христіанина, чтобы мы сражались съ своею наклонною ко грѣху природою, посѣкали въ себѣ худыя мысли и пожеланія, искореняли въ своемъ сердцѣ злые навыки, усовершались и преспѣвали во всякой добродѣтели.

Вотъ чего требуетъ христіанство отъ всѣхъ насъ, отъ духовнаго и мірянина, отъ воина и поселянина! Можно не выполнять сихъ требованій, можно думать, говорить и жить какъ хочешь не по-христіански: Церковь не такъ какъ міръ, никого не принуждаетъ къ самой добродѣтели; развѣ токмо пастырь Церкви напомнитъ иногда о забытомъ нами долгѣ; развѣ только обличительный гласъ Евангелія или Апостола коснется иногда слуха и совѣсти нашей. Но, братіе мои, не мыслите, что такъ будетъ завсегда: Царь небесный долготерпѣливъ потому, что Онъ вѣченъ и мы безсмертны. Но, съ нашею кончиною, прекращается это время долготерпѣнія Божія и уступаетъ мѣсто воздаянію. *Лежитъ человѣку умрети,* говоритъ Апостолъ, *потомъ же судъ* (Евр. 9, 27). Судъ же не такой, какъ судятъ люди, но какъ судитъ Богъ. Кромѣ сего частнаго, такъ сказать, осмотра жизни каждаго тотчасъ по его смерти, насъ всѣхъ, въ концѣ міра, ожидаетъ еще смотръ общій, или судъ всемірный. Благо тѣмъ, кои окажутся на семъ судѣ воинами благими и христолюбивыми, ибо ихъ ожидаетъ за сіе награда некончаемая, царствіе небесное! Но, горе тѣмъ, кои явятся вознерадѣвшими въ земной жизни своей о побѣдѣ надъ мі-

ромъ и плотію! Ибо таковыхъ ожидаетъ исключеніе навсегда изъ святаго воинства Царя небеснаго, всегдашнее удаленіе во тьму кромѣшнюю къ адскимъ полчищамъ сатаны. Да сохранитъ васъ Господь отъ сего ужаснаго несчастія! Да даруетъ вамъ подвизаться подвигомъ добрымъ и, соблюдши вѣру и любовь, удостоиться вступить въ свѣтлые сонмы воевъ ангельскихъ!

Се, гласъ духовныя трубы нашея! Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Малъ и низменъ домъ сей, но онъ домъ Божій, а домъ Божій всегда важнѣе всѣхъ чертоговъ человѣческихъ. Ибо, что въ сихъ чертогахъ? То же, что и въ хижинахъ—грѣхъ и страсти, болѣзни и смерть, печаль и воздыханіе; а въ домѣ Божіемъ, какъ бы онъ ни былъ малъ и теменъ, все противное тому: здѣсь грѣховъ отпущеніе, въ печаляхъ утѣшеніе, болѣзней исцѣленіе, самой смерти попраніе. Посему-то святый царь израилевъ говоритъ: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. 121, 1). Онъ жилъ въ пространныхъ чертогахъ кедровыхъ, а домъ Божій состоялъ изъ скиніи свидѣнія, которая было не больше сего храма: и однакоже при одномъ напоминаніи о томъ, что наступило время идти въ сей домъ на молитву, сердце Давида каждый разъ исполнялось такою радостію, что онъ готовъ былъ лучше лежать во прахѣ у вратъ дома Божія, нежели веселиться и прохлаждаться въ чертогахъ міролюбцевъ: *изволихъ примѣтатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ* (Псал. 83, 2).

Утѣшительно послѣ сего для насъ было замѣтить и пріятно сказать теперь замѣченное, что и здѣсь есть люди, имѣющіе образъ мыслей не чадъ вѣка сего, а Давидовъ. Вселившись на семъ, недавно еще совершенно пустынномъ, мѣстѣ, они тотчасъ начали думать не о чертогахъ для себя, а о храмѣ Богу живому. Зная, что при всемъ усердіи созданіе его неминуемо продлится не на одинъ годъ, они не могли перенести и сего недолгаго времени безъ мѣста общественнаго

*) Сказанное во временномъ молитвенномъ домѣ Купянскаго уѣзда въ селѣ Араповкѣ 27 августа 1844 года.

богослуженія, и потому воздвигли для сего сей временный домъ молитвы. О, если бы благой примѣръ сей, приведши въ извѣстность, нашелъ себѣ подражателей по всей странѣ нашей!—Тогда не увидѣли бы мы, по нѣкоторымъ мѣстамъ, пространныхъ чертоговъ для помѣщенія гордости житейской и о страну ихъ—до́ма Божія, едва не приходящаго въ развалины!

Послѣ сего нѣтъ нужды возбуждать здѣсь въ комъ-либо усердіе къ окончанію начатаго храма. И безъ сего не трудно быть увѣренными, что онъ получитъ не только окончаніе, но и все, подобающее ему, благолѣпіе скорѣе, нежели какъ можно было ожидать.

Но тотъ впалъ бы въ опасное заблужденіе, кто бы подумалъ, что для начатія дѣла своего спасенія нужно ожидать ему, пока совершится строеніе храма. Нѣтъ, великое дѣло сіе ни отъ чего на землѣ не зависитъ такъ, чтобы уже безъ того не могло быть начато. Здѣсь же и теперь, очевидно, нѣтъ недостатка ни въ одномъ изъ средствъ къ нашему освященію; ибо еще повторимъ, и въ семъ домѣ молитвы, какъ онъ ни малъ, есть все, чѣмъ благодать Святаго Духа обыкла дѣйствовать на насъ.

И пространныхъ ли жилищъ ищетъ для Себя, между нами, Господь и Спаситель нашъ? Его собственное, самое любезное для Него, жилище есть душа наша. *Сыне*, говоритъ Онъ, *даждь Ми сердце твое* (Притч.). Гдѣ обрѣтается сіе искомое Господомъ сердце, тамъ нѣтъ для Него тѣсноты, тамъ пространнѣе всея земли, пространнѣе самаго неба: ибо *небо и небеса небесъ* не довлѣютъ ко вмѣщенію одной славы Его, а чистое сердце вмѣщаетъ Его Самого; и какъ вмѣщаетъ? со всею полнотою Божества: *любяи Мя*, говоритъ Спаситель, *возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 24).

И чтобы мы не подумали, что это благодатное вселеніе въ насъ Господа зависитъ отъ какихъ-либо качествъ, кои не можетъ имѣть каждый, смотрите, что поставляется въ условіе къ тому!—Не мудрость какая-либо и познанія земныя, не важность званія и достоинства человѣческія, даже не добродѣтели какія-либо особенныя и подвиги необыкновенныя, а просто—любовь: *любяй Мя*.

Кто же способенъ къ любви? И мудрый и самый про-

стой, и великій и малый, и первый изъ повелителей и послѣдній изъ слугъ—всѣ и каждый. И кого легче и естественнѣе любить, какъ не Господа, Создателя и Искупителя нашего? Того, Кто Самъ возлюбилъ насъ, еще грѣшниковъ сущихъ, возлюбилъ до того, что умеръ за всѣхъ насъ на крестѣ?

Итакъ, будемъ любить Господа! любить не словомъ и языкомъ, а дѣломъ и истиною, то есть, исполняя все то, что Онъ повелѣваетъ, и уклоняясь всего, что Онъ воспрещаетъ. Такая дѣйствительная любовь замѣнитъ для Него въ насъ все, приблизитъ насъ къ Нему и Его къ намъ до того, что мы сами содѣлаемся живыми храмами Его, въ коихъ Онъ будетъ вѣну обитать Своею благодатію. Аминь.

Слово при обозрѣніи епархіи *).

Обращали-ль вы, православные воины, когда-либо вниманіе на то названіе, которое постоянно даетъ вамъ святая Церковь въ молитвахъ своихъ о васъ ко Господу?—Она могла бы усвоять вамъ при семъ разныя наименованія: могла бы называть васъ воинствомъ вѣрнымъ, воинствомъ храбрымъ, воинствомъ побѣдоноснымъ; но, минуя всѣ сіи, заслуженныя вами названія, постоянно именуетъ васъ воинствомъ христолюбивымъ. Не безъ причины избрано для васъ Церковію сіе, а не другое названіе; оно избрано потому, что въ немъ содержится и самая лучшая похвала, и самый назидательный урокъ, и самое сладкое ободреніе и воодушевленіе для воина.

Много можно сказать въ похвалу воинства россійскаго, въ похвалу его подвиговъ и поведенія; но все, что можно сказать въ похвалу сію, заключается, какъ часть въ цѣломъ, въ одномъ наименованіи его воинствомъ христолюбивымъ. Похвала воину, когда онъ вѣренъ своей клятвѣ, послушенъ своимъ вождямъ, далекъ и самой тѣни измѣны; но кто вѣрнѣе, послушнѣе, неизмѣннѣе воина христолюбиваго? Честь воину, когда онъ неустрашимъ, мужественъ, презираетъ опасности и самую смерть; но у кого болѣе и мужества и само-

*) Сказанное въ Украинскомъ военномъ поселеніи, въ слободѣ Ново-андреевкѣ, 12 мая 1845 года.

отверженія, презрѣнія смерти и самыхъ мукъ, какъ не у воина христолюбиваго? Слава воину, когда онъ среди побѣды великодушенъ, умѣетъ быть львомъ на полѣ брани и агнцемъ подъ кровомъ бѣдной хижины земледѣльца, способенъ не поражать только врага надменнаго, а простереть руку состраданія ко врагу падшему; но въ комъ скорѣе можно обрѣсти всѣ сіи прекрасныя качества, какъ не въ душѣ воина христолюбиваго?

Такъ много выражаетъ одно названіе воина христолюбиваго! Это титло самое почтенное и вмѣстѣ самое поучительное!—Для обыкновеннаго воина довольно, если онъ какъ бы то ни было, хотя безъ любви, хотя съ ропотомъ, но исполняетъ то, чего требуетъ отъ него долгъ званія его: воинъ христолюбивый исполняетъ все это по совѣсти, отъ души, со всѣмъ усердіемъ и вѣрностію. Обыкновенный воинъ заслуживаетъ уже не малую похвалу, когда съ терпѣніемъ переноситъ разныя лишенія и недостатки, трудности и искушенія: воинъ христолюбивый не только поступаетъ такъ же, но и радуется въ самыхъ страданіяхъ, зная, что онъ ими уподобляется святымъ Божіимъ человѣкамъ и Самому Спасителю своему. Обыкновенному воину простительно, если онъ силится восхитить награду у всѣхъ своимъ мужествомъ и неусыпностію; воину христолюбивому прилично быть первому въ трудахъ и послѣднимъ у награды, подвизаться гдѣ можно и за другихъ, но выставлять по окончаніи подвига не себя, а другихъ. И воинъ обыкновенный рѣшается на смерть, почитаетъ ее однако же зломъ, только неизбѣжнымъ: воинъ христолюбивый смерть за отечество и вѣру пріемлетъ какъ даръ Божій, ибо это дверь въ чертогъ Отца небеснаго.

Много, какъ видите сами, требуется отъ воина христолюбиваго; но не менѣе заключается для него и ободренія въ любви ко Христу. Не будемъ отнимать силы и у прочихъ побужденій и средствъ, коими вожди обыкли возбуждать мужество и духъ въ воинахъ, располагая ихъ къ чему-либо, особенно трудному и опасному. Слава и честь отъ мужества и побѣды, равно какъ стыдъ отъ пораженія, необходимость оградить край родной отъ врага, невозможность отступить назадъ, не поразивъ его, и прочее, на что указываютъ въ такомъ случаѣ, не можетъ конечно не дѣйствовать на душу воина; но сколько случаевъ, гдѣ воинъ не видитъ для себя

ни славы, ни почестей? сколько случаевъ, гдѣ нѣтъ повидимому опасности родной землѣ и крову, и гдѣ онъ однако же видимо долженъ идти на смерть?—Кто вознаградитъ его вполнѣ за потерю жизни, которая для человѣка драгоцѣннѣе всего, и съ коею онъ оставляетъ на землѣ все? Очевидно, уже не отечество земное; это можетъ сдѣлать токмо Тотъ, въ десницѣ Коего не одна жизнь настоящая, а и будущая,— то есть Спаситель нашъ и Господь. Съ симъ Вождемъ для воина нѣтъ опасности, нѣтъ потери: награда вѣрна, вѣнецъ неотъемлемъ! Посему воинъ христолюбивый есть воинъ самый мужественный и неустрашимый, и святая Церковь, украшая васъ постоянно именемъ христолюбивыхъ, симъ самымъ указуетъ на источникъ, изъ коего вамъ должно почерпать воодушевленіе во всѣхъ трудахъ и опасностяхъ.

Но, братіе мои, чтобы имя Іисуса Христа было для васъ истиннымъ воодушевленіемъ и утѣшеніемъ, для сего надобно, чтобы вы принадлежали Ему не по одному имени, чтобы были на самомъ дѣлѣ воинами христолюбивыми. Ибо сила не въ имени, а въ вещи.

Итакъ, старайтесь быть на дѣлѣ такими, какъ постоянно именуетъ васъ Церковь: любите Христа первѣе и паче всего, любите не языкомъ и словомъ, а дѣломъ и истиною, то есть, благоговѣя предъ крестомъ Его и Евангеліемъ, исполняя святыя заповѣди Его, убѣгая невоздержанія, срамословія, лжи, буйства и притѣсненія. Любите такимъ образомъ Христа; и Онъ возлюбитъ васъ, и вы, не преставая быть воинствомъ царя земнаго, содѣлаетесь вмѣстѣ съ тѣмъ воинами Царя небеснаго, станете яко христіане превыше всѣхъ трудностей вашего званія, выполните самымъ лучшимъ образомъ все, чего требуетъ отъ васъ долгъ званія вашего, и, окончивъ подвигъ на землѣ, пріимете вѣнецъ славы на небеси. Аминь.

Слово при обозрѣніи паствы *).

Видѣвъ же сотникъ, стояй прямо Ему, яко тако возопивъ издше, рече «воистину человѣкъ сей Сынъ бѣ Божій» (Марк 15, 39).

Много было людей на Голгоѳѣ; но не много такихъ, у коихъ можно было бы научиться чему-либо! Въ самомъ дѣлѣ,

*) Сказанное въ чугуевскомъ военномъ соборѣ, 1 августа 1845 года.

какой примѣръ найти въ первосвященникахъ іудейскихъ кои не хотятъ войти въ преторъ Пилатовъ, да не осквернятся на праздникъ Пасхи отъ жилища язычника. и въ то же время влачатся весь день изъ одного судилища въ другое. прибѣгаютъ къ клеветамъ и даже возмущенію народному. только бы достигнуть осужденія на смерть Праведника?— Чему поучиться у римскаго областеправителя Іудеи, не обрѣтающаго ни единыя вины, какъ самъ говоритъ, въ Іисусѣ. омывающаго въ знакъ невинности Его даже руки свои предъ народомъ и въ то же время предающаго Его на жестокое бичеваніе, а потомъ на смерть мучительную и поносную! Какъ жалки и ничтожны потомъ книжники и мудрецы іудейскіе, кои, почивая всю жизнь на законѣ, зная на-память писанія Моисея и пророковъ, непрестанно толкуя въ синагогахъ о пришествіи Мессіи, не могутъ узнать Его, когда Онъ съ общественнымъ ученіемъ и чудесами видимо стоитъ теперь передъ ними!

Но были и на Голгоѳѣ люди, достойные стоять у креста Спасителя міра. Это—Матерь Іисусова, примѣръ чистоты. смиренія, преданности въ волю Божію и терпѣнія. Это— возлюбленный ученикъ Іисусовъ Іоаннъ. необѣщавшійся, подобно Петру, умереть за Учителя. но дошедшій за Нимъ до креста, когда всѣ прочіе оставили Его. Это—Іосифъ и Никодимъ, князья іудейскіе, изъ коихъ первый дерзнулъ потомъ даже внити къ Пилату и просить тѣлесе Іисусова для погребенія. Это—благоразумный разбойникъ, за свою вѣру и исповѣданіе со креста прешедшій въ рай. Это, наконецъ. мудрый сотникъ римскій, стоявшій на стражѣ у креста Іисусова и единъ изъ всѣхъ удостоившійся исповѣдать Его Сыномъ Божіимъ: *видѣвъ же сотникъ, стояи прямо Ему, яко тако возопивъ издше, рече: «воистину человѣкъ сій Сынъ бѣ Божій!»*

Предоставивъ прочія лица благочестивому вниманію каждаго, остановимся съ размышленіемъ, христолюбивые воины. на семъ послѣднемъ лицѣ и поучимся изъ примѣра благочестиваго сотника, какъ можно и среди воинскаго званія сохранить невредженно страхъ Божій и вѣру въ сердцѣ и достигнуть спасенія вѣчнаго.

Дѣйствіе, предстоявшее на Голгоѳѣ Корнилію (такъ назывался сотникъ), само по себѣ было такъ обыкновенно и

такъ незначительно, что могло произойти безъ всякаго особеннаго впечатлѣнія на его душу. Ибо, что онъ долженъ былъ тамъ сдѣлать? Присмотрѣть за воинами, какъ они совершатъ казнь распятія, потомъ присмотрѣть за ними же, какъ они будутъ стеречь распятыхъ на крестѣ до ихъ кончины, то есть, до вечера, далѣе котораго, по закону іудейскому, не позволялось оставлять въ живыхъ повѣшенныхъ на древѣ. Что могло быть обыкновеннѣе подобныхъ дѣлъ для сотника римскаго? Судя по свойству порученія, оно могло быть даже весьма непріятнымъ для благороднаго римлянина, который любилъ встрѣчаться съ смертію на полѣ ратномъ, а не на лобномъ мѣстѣ. Самая невинность казнимыхъ крестомъ, какъ это было теперь съ Іисусомъ, въ незнакомомъ съ истинною вѣрою язычникѣ могла произвести впечатлѣніе самое мрачное, какъ подтвержденіе господствовавшей во многихъ тогдашнихъ умахъ мысли, что въ мірѣ все зависитъ отъ слѣпаго случая, что праведникъ можетъ въ немъ погибнуть безвозвратно еще скорѣе грѣшника, и что потому нѣтъ особенной причины стоять крѣпко за правду, тѣмъ паче до смерти.

Все это легко могло быть; между тѣмъ въ Корнилія произошло на Голгоѳѣ, какъ увидимъ, совершенно противное: изъ воина онъ становится здѣсь евангелистомъ; у креста, на коемъ Самъ Сынъ Божій доходитъ до послѣдней степени истощанія, Корнилій возвышается до исповѣданія верховнаго изъ Апостоловъ и въ слухъ всѣхъ восклицаетъ: *воистину Божій Сынъ бѣ сей!*

Что возвело его на сію высоту богословія? Признаемъ съ благоговѣніемъ необыкновенность событій голгоѳскихъ и чудесныхъ знаменій, послѣдовавшихъ за распятіемъ; но сіи событія и знаменія совершились предъ лицемъ цѣлаго народа іудейскаго, между тѣмъ одинъ сотникъ только римскій произнесъ это торжественное исповѣданіе Іисуса Сыномъ Божіимъ. Можно ли послѣ сего не спросить: почему благодать креста Христова отразилась въ немъ съ такою силою? Явно, что въ душѣ Корнилія было нѣчто особенное, почему онъ взиралъ на происходившее на Голгоѳѣ иначе, нежели другіе; потому и ощутилъ въ себѣ то, чего не ощутили другіе.—Что это такое? Неуклонное послѣдованіе своей совѣсти; благочестивое расположеніе мыслей и чувствъ, иначе страхъ

Божій и вниманіе къ путямъ Промысла, соединенное съ желаніемъ видѣть во всемъ происходящемъ не случай слѣпой или произволъ человѣческій, а перстъ Божій. Не зная предшествующей жизни Корнилія, мы не можемъ сказать, какъ образовались въ его душѣ эти драгоцѣнныя качества; но что онѣ были въ ней, за сіе ручаются всѣ дѣйствія его на Голгоѳѣ и послѣ—до конца жизни. Ибо, посмотрите, какъ онъ поступаетъ на Голгоѳѣ!

Не безъ причины Евангелистъ Маркъ замѣчаетъ, что сотникъ, во время страданій Господа на крестѣ, стоялъ *прямо* (Марк. 15, 39) лицу Іисусову. Это было самое лучшее мѣсто для благоговѣйнаго созерцанія. И сотникъ предался ему всею силою души, расположенной къ наблюденію въ судьбѣ человѣческой путей Божіихъ. Не мало длилось это наблюденіе.—Воины, совлекшіе ризы съ Іисуса, вознесли Его и пригвоздили ко кресту; сотникъ стоялъ, видѣлъ и молчалъ. Одинъ изъ разбойниковъ хулилъ Іисуса, другой Его же молилъ о своемъ спасеніи; сотникъ стоялъ, слышалъ и молчалъ. Іисусъ преподалъ со креста послѣднее прощальное завѣщаніе Матери и возлюбленному ученику; сотникъ, стоя прямо креста, не могъ не замѣтить сего и безмолвствовалъ. Священники и книжники шумными толпами проходили подъ крестомъ и богохульствовали; сотникъ не могъ не слышать хулы ихъ и оставался безгласенъ. Даже когда солнце начало сокрывать свѣтъ свой, какъ бы не терпя быть свидѣтелемъ происходившаго на землѣ, сотникъ продолжалъ по прежнему стражу свою и не говорилъ ни слова. Но, когда распятый Богочеловѣкъ, вопреки обычаю распятыхъ, возгласивъ гласомъ великимъ: *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой!*—тотчасъ потомъ, *преклонь главу, предаде духъ*; то безмолвное созерцаніе сотника кончилось: сердце и уста разверзлись; и они, какъ бы подражая умершему, такъ же громогласно возгласили: *воистину человѣкъ сей Сынъ бѣ Божій* (Марк. 15, 39). Почему такъ? Потому что громкое восклицаніе со креста, казалось, обнаруживало еще присутствіе силъ тѣлесныхъ и неблизкое наступленіе смерти; между тѣмъ Распятый, не смотря на все сіе, какъ только изрекъ: *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ*, то Отецъ небесный немедленно внялъ сей мольбѣ и принялъ духъ Его. Послѣднее обстоятельство сіе, въ цѣпи прочихъ событій, также неукрывшееся

отъ благоговѣйнаго вниманія сотника, окончательно и совершенно убѣдило его въ томъ, что Умершій предъ его глазами такою поносною смертію есть не человѣкъ обыкновенный, тѣмъ менѣе преступникъ, но величайшій Праведникъ и даже Сынъ Божій.

Не видите ли вы здѣсь души, внимательной къ путямъ Божіимъ, привыкшей смотрѣть на все очами вѣры, не спѣшащей заключеніемъ о происходящемъ, но и не коснящей въ преступномъ невѣріи, не терпящей сокрывать, какъ дѣлали мудрецы Греціи и Рима, познанной истины въ неправдѣ общаго мнѣнія, а готовой возвѣстить ее на кровахъ и стогнахъ? Какъ прежде, не смотря на все дивное въ видѣнномъ, доколѣ не образовалось въ душѣ святой рѣшимости, сотникъ безмолвствовалъ: такъ теперь, освободившись отъ недоумѣній своихъ, онъ сознаетъ истину во всей силѣ и провозглашаетъ ее, не смотря ни на какую опасность отъ того для себя. Ибо сказать громко на Голгоѳѣ: *воистину Сынъ Божій бѣ сей*—значило сказать, что синедріонъ іудейскій умертвилъ своего Мессію, принесъ въ жертву своей личной ненависти къ Іисусу благо всего народа іудейскаго; сказать: *воистину Божій Сынъ бѣ сей*—значило сказать, что начальникъ сотника Пилатъ поступилъ въ дѣлѣ Іисуса не какъ нелицепріятный судія и защитникъ невинности, а какъ низкій человѣкоугодникъ, ставящій свое благо выше всякой правды, что онъ омывалъ руки не въ водѣ, а въ крови праведника; сказать: *воистину Сынъ Божій бѣ сей*—значило сказать, что я не хочу быть даже другомъ кесаря, коль скоро для сего нужно отказаться отъ совѣсти и правды. Сотникъ лучше насъ видѣлъ и зналъ все сіе, вполнѣ понималъ, какая участь ожидаетъ того, кто дерзнулъ такимъ образомъ поставить себя противъ синедріона и римскаго прокуратора Іудеи; но уваженіе и страхъ человѣческій, собственная выгода и опасность для него были ничто въ сравненіи съ познанною истиною.

Не видите ли, паки вопросимъ васъ, не видите ли во всемъ этомъ души мужественной, человѣка, вѣрнаго своей совѣсти? Корнилій не былъ подобенъ тѣмъ поверхностно добрымъ и мнимо чувствительнымъ душамъ, кои, при извѣстныхъ случаяхъ, не знаютъ мѣры своимъ выраженіямъ удивленія или преданности, и не далѣе, какъ на другой день,

забывъ, что говорено ими, дѣйствуютъ вопреки прежняго убѣжденія. Нѣтъ, чувство, овладѣвшее имъ у креста Христова, обратилось въ господствующее правило всей его жизни. Не бывъ никогда въ числѣ учениковъ Іисусовыхъ, онъ, подобно Апостоламъ Его, содѣлался съ сего времени провозвѣстникомъ Его имени и Божества, и подобно имъ же, обративъ на себя за сіе ненависть іудеевъ и Пилата, яко доблій воинъ Христовъ, удостоился пріять за исповѣданіе распятаго Іисуса вѣнецъ мученическій и предначать собою, подобно первомученику Стефану, ликъ страстотерпцевъ христіанскихъ.

Можно ли послѣ сего не признать, братіе мои, что лице сотника римскаго, стоявшаго на стражѣ у креста Христова, есть лице необыкновенное и достойное подражанія для всѣхъ, тѣмъ паче для васъ, кои, подобно ему, носите званіе воина! И этотъ сотникъ былъ язычникъ, невѣдущій истиннаго Бога, незнакомый, подобно намъ, съ упованіемъ жизни вѣчной!— Чѣмъ послѣ сего оправдитъ себя воинъ христіанскій, если не будетъ умѣть быть вѣрнымъ своей совѣсти и внимательнымъ къ путямъ Божіимъ; если забудетъ страхъ Божій и потеряетъ вѣру въ крестъ Христовъ?

Не забывайте же, христолюбивые воины, поучительнаго примѣра Корниліева! Памятуйте, что изъ устъ воина впервые на землѣ распятый Спаситель нашъ исповѣданъ и провозглашенъ Сыномъ Божіимъ; памятуйте, что самая одежда Господа со креста досталась въ наслѣдіе не другому кому-либо, а вамъ—воинамъ. Продолжайте, подобно Корнилію, стоять на стражѣ, у креста Христова, который доселѣ *іудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безуміе;* храните драгоцѣнную одежду Его и не позволяйте раздирать ее ни гордому невѣрію, ни мрачному суевѣрію. Старайтесь соотвѣтствовать тому священному названію, коимъ постоянно отличаетъ васъ святая Церковь, именуя воинами христолюбивыми; и воинствованіе ваше подъ знаменами царя земнаго послужитъ для васъ не препятствіемъ, а ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ ко вступленію нѣкогда въ побѣдоносные легіоны Царя небеснаго.—Аминь.

Слово при первомъ посѣщеніи города Лебедина *).

Между толикимъ множествомъ слушателей, насъ теперь окружающихъ, безъ сомнѣнія, есть душа, и можетъ быть не одна, которая жаждетъ услышать отъ насъ теперь не краснаго слова въ услажденіе слуха и воображенія, а, якоже подобаетъ воистину, слова спасенія. Что и намъ желать возвѣщать съ сего мѣста, какъ не это слово спасенія? и кому, какъ не таковымъ душамъ? Ибо, что намъ до тѣхъ слушателей, какъ бы они ни были мудры и славны о себѣ самихъ, кои слушаютъ проповѣдующихъ только изъ одного любопытства, для того, чтобы послѣ хвалить, или осуждать слышанное. Это—не наши слушатели, а мы—не ихъ проповѣдники! Намъ нужна не похвала, а спасеніе слушающихъ! Таковыхъ ищемъ мы для собесѣдованія, и хотя бы нашлась одна таковая душа, мы готовы раскрыть для ней всѣ сокровища евангельскихъ истинъ, всѣ источники утѣшенія духовнаго во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

Что же однако возвѣстимъ мы тебѣ, душа, жаждущая своего спасенія? Чтобы преподать тебѣ теперь то, что именно требуется по твоимъ обстоятельствамъ, для сего надлежало бы знать ихъ намъ и вѣдать, чего не достаетъ твоему уму, или твоему сердцу. Но мы не знаемъ сего: это довѣдомо единому, всеиспытующему Духу Божію. Къ Нему убо и обратимъ мы вниманіе твое. Ибо для чего Онъ сошелъ нѣкогда съ неба въ видѣ огненныхъ языкъ? Для того, чтобы, занявъ мѣсто восшедшаго на небеса Спасителя нашего, быть для всѣхъ насъ наставникомъ и утѣшителемъ, вразумлять и руководить насъ во всемъ, что необходимо для нашего спасенія.—Для чего и мы всѣ знаменуемся печатію сего Духа при крещеніи и въ таинствѣ мѵропомазанія, какъ не для того, чтобы имѣть право обращаться къ Нему во всѣхъ нашихъ недоумѣніяхъ, нуждахъ и скорбяхъ?—Итакъ, къ сему всевѣдущему Наставнику, къ сему всемогущему Утѣшителю обращайся, возлюбленная душа, и за наставленіемъ во время тьмы и мрака, и за утѣшеніемъ въ часъ скорби: Онъ научитъ всему, утѣшитъ во всемъ, скажетъ и возвѣститъ то, чего нельзя услышать ни отъ кого на землѣ.

*) Сказанное въ городскомъ Успенскомъ соборѣ, 10 августа 1845 года.

А между тѣмъ и мы, по должности служителей слова и таинствъ, дерзнемъ о Его же пресвятомъ имени сказать тебѣ нѣчто.

Если ты, душа, воистину жаждущая спасенія, то ты должна помнить, что мы здѣсь *ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ;* и потому должна стяжевать и хранить вѣру правую, какъ первое и главное сокровище въ жизни. Разумъ для тебя долженъ быть уже вторымъ руководствомъ, а первымъ и главнымъ—Евангеліе. Церковь должна быть для тебя такою матерью, которая выше и почтеннѣе всякаго родства на землѣ.

Если ты воистину душа вѣрующая, то крестъ Христовъ долженъ быть для тебя драгоцѣннѣе всего; ибо въ немъ наше оправданіе и спасеніе. Безъ него мы грѣшники, а для грѣшниковъ Богъ неприступенъ. Посему, чѣмъ бы чада вѣка ни хвалились и въ чемъ бы ни полагали своего упованія, наша съ тобою похвала—крестъ, наше упованіе—Распятый на немъ!

Если ты воистину душа вѣрующая, то должна твердо знать, что христіанство *не въ словеси, а въ силѣ* (1 Кор. 4, 20), что истина во Христѣ состоитъ въ томъ, чтобы совлечься ветхаго человѣка со всѣми страстями и похотями его и облечься въ человѣка новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ, преподобіи и истинѣ; что Христосъ Спаситель нашъ долженъ быть въ насъ и мы въ Немъ, что въ Немъ токмо можемъ мы приносить плодъ правды и всякихъ добродѣтелей, а безъ Него—съ одними своими силами, какъ бы онѣ велики ни казались намъ и другимъ, мы—какъ вѣтвь безъ корня и влаги.

Если ты воистину душа вѣрующая, то ты душа, проникнутая любовію ко всѣмъ *братіямъ* твоимъ по плоти, тою любовію, коея правила и образцы берутся не изъ обычаевъ міра, а изъ Евангелія, которая, по свидѣтельству Апостола Павла, никому не завидитъ, ни надъ кѣмъ не превозносится, нигдѣ не ищетъ своихъ си, никогда не радуется о неправдѣ, радуется же о единой истинѣ, которая не раздражается, не безчинствуетъ, вся терпитъ, вся уповаетъ, вся покрываетъ, николиже отпадаетъ и готова положить за спасеніе ближняго самый животъ свой.

Если ты воистину душа вѣрующая, то ты вмѣстѣ съ симъ

душа уповающая. Ты постоянно ожидаешь вѣка грядущаго и пришествія Господа своего. Знаешь, что Онъ придетъ *въ полунощи*, то есть, въ часъ, о коемъ никто не зналъ и въ который никто Его не ожидалъ, кромѣ рабовъ бдящихъ на своей стражѣ выну,—и потому всегда готовишь себя къ срѣтенію Его, то есть, держишь въ запасѣ не одни праздные свѣтильники, но и елей благихъ дѣлъ. особенно смиренія и милосердія къ бѣднымъ.

Если ты воистину душа вѣрующая, то быть не можетъ, чтобы ты не терпѣла отъ міра и его поклонниковъ,—чтобы правила твои не казались странными, чтобы тебя не сопровождали иногда пересудами, насмѣшками, а можетъ быть и гоненіемъ. Не дивись сему; удивительнѣе было бы противное, то есть, если бы міръ возлюбилъ тебя и твои правила: ибо онъ поступилъ бы въ такомъ случаѣ противъ своей природы и своихъ выгодъ, даже поступилъ бы противъ твоихъ истинныхъ выгодъ: ибо для тебя гораздо полезнѣе ненависть міра, нежели любовь его. Первая, волею или неволею, удаляетъ тебя отъ его соблазновъ; а послѣдняя могла бы усыпить и ослѣпить твой духъ.

Если ты душа воистину вѣрующая, то ты душа смиренная и выну кающаяся. Сколько бы мы ни старались, по примѣру святаго Давида, ненавидѣть *всякъ путь неправды* (Псал. 118, 128) и устремляться къ исполненію всякой заповѣди; сколько бы. при помощи благодати Божіей, дѣйствительно ни успѣвали въ томъ и другомъ, все остается въ насъ еще много отъ ветхаго Адама, много, если не дѣлъ прямо худыхъ и богопротивныхъ, то мыслей нечистыхъ, желаній порочныхъ, движеній сердца плотскихъ, много невѣрностей благодати Божіей, хладностей преступныхъ. нерѣшительности нехристіанской. недоумѣній языческихъ. Посему доколѣ живемъ и дѣйствуемъ, дотолѣ должны ежечасно повторять молитву мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшному!* и прибѣгать къ банѣ пакибытія, то есть, слезамъ покаянія.

Если ты душа воистину вѣрующая, то ты душа всегда самоумирающая. Задачею твоей жизни, цѣлію твоихъ трудовъ на землѣ должно быть не то, что у міролюбцевъ,—не достиженіе славы мірской, почестей земныхъ, богатствъ тлѣнныхъ; нѣтъ, ты должна достигать другаго, высшаго, лучшаго. нетлѣннаго, того, чтобы умереть духомъ и сердцемъ для

всего на землѣ, для стяжаній, для почестей, для самой дружбы, для самаго родства, чтобы всецѣло принадлежать Господу, чтобы подобно птицѣ быть свободной отъ всѣхъ узъ и тенетъ и готовой въ каждый часъ воспарить туда, гдѣ Господь Спаситель твой, не озираясь вспять, не неся съ собою сожалѣнія ни о чемъ земномъ.

Если ты душа воистину вѣрующая, то ты пребываешь подъ особымъ промысломъ Божіимъ. Можетъ быть, Онъ находитъ нужнымъ не являть тебѣ Своихъ дѣйствій видимо и ощутительно, да не превозносишься, но тѣмъ не менѣе Онъ хранитъ и будетъ блюсти тебя, яко зѣницу ока, доколѣ ты пребудешь вѣрною Его тайнымъ мановеніямъ. Посему, если бы тебѣ, по Его же премудрому попущенію, досталось идти и посреди сѣни смертныя, не убойся зла, памятуя, что Онъ всемогущій всегда съ тобою, хотя бы тебѣ и казалось, что ты оставлена всѣми. Съ другой стороны, можетъ быть, ты изъ числа тѣхъ, отъ коихъ, яко друзей и присныхъ, нѣтъ ничего закрытаго, кои удостоены близости и ущедрены явными дарами благодати: въ такомъ случаѣ *блюди, еже имаши*, за десятью замками, ибо враговъ и татей много, а сосудъ нашъ скуделенъ, внутренняя клѣть наша не крѣпка и не безопасна.

Что еще сказать тебѣ, возлюбленная душа?—Благодари Господа, изведшаго тебя изъ области тьмы, въ коей доселѣ остаются столь многіе,—озарившаго тебя чуднымъ свѣтомъ Своимъ, который безплодно свѣтитъ для всѣхъ прочихъ, и удостоившаго тебя даровъ благодати Своей, безъ коихъ ты, и поставленная на путь жизни, не могла бы сдѣлать ни одного шага,—благодари и неослабно тецы, дондеже достигнешь, забывая задняя и выну простираясь въ предняя. Трудись и молись; молись и уповай; уповай и терпи; терпи и радуйся. *Еще мало, и Грядый пріидетъ и не закоснитъ* (Евр. 10, 37). Придетъ и мзда Его съ нимъ. Тогда (не прежде) почіемъ отъ трудовъ, пріимемъ за все сторицею, узримъ якоже есть; все постигнемъ и за вся возблагодаримъ. Тогда вспомнимъ, можетъ быть, и сію краткую бесѣду нашу и познаемъ другъ друга лицемъ къ лицу, а не въ гаданіи токмо, какъ теперь. Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Изъ всѣхъ градовъ нашихъ позднѣе всѣхъ увидѣлъ я вашъ градъ, возлюбленная братія. Увидѣлъ позднѣе, но тѣмъ болѣе радуюсь духомъ, находя у васъ въ такой степени усердіе къ вѣрѣ и храмамъ Божіимъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ и число ихъ и видъ—внутренній и внѣшній. Такъ и должно быть!—Окрестности ваши славятся обиліемъ хлѣба; худо, если бы для тѣла было у васъ много брашна, а для души мало: ибо душа наша стократъ важнѣе тѣла. А что можетъ напитать ее, кромѣ слова Божія? И гдѣ услышать это слово, какъ не въ храмѣ? Тутъ пріемлетъ пищу всякій: и богатый и бѣдный, и ученый и невѣжда, и старецъ и отроча. Посему горе тѣмъ градамъ, кои процвѣтаютъ торговлею и промыслами, и увядаютъ благочестіемъ! Горе тѣмъ домамъ, кои возвышаются каменіемъ и желѣзомъ, и упадаютъ благими нравами отъ роскоши и нечестія.

Блюдитесь, братіе мои, сего духа сластолюбія и гордости житейской. Тѣмъ паче блюдитесь основывать благосостояніе свое на лжи и обманѣ, на притѣсненіи ближнихъ и слезахъ наемничихъ. По грѣхамъ нашимъ нынѣ многіе увлекаются тлетворнымъ духомъ міра, предаются невоздержанію и сладострастію, доходятъ даже до нарушенія всѣхъ законовъ совѣсти и правды. Какъ бы таковые ни высились и ни процвѣтали, по наружности, не соблазняйтесь ихъ примѣромъ! Долго ли на землѣ можетъ благоденствовать грѣшникъ? Придетъ смерть и развѣетъ, какъ прахъ, все неправедно стяжанное, а бѣдная душа за малое время суетныхъ удовольствій пойдетъ на мученія вѣчныя. Лучше всю жизнь, если Господь такъ дастъ, провесть въ нищетѣ и лишеніяхъ, нежели, поправъ совѣсть и страхъ Божій, обогатиться неправдою. Лучше весь вѣкъ страдать отъ гоненій и клеветы, нежели лишиться благодати Божіей. Лучше на одрѣ болѣзни лежать, или въ темницѣ сидѣть, нежели убить грѣхомъ душу.

Не дивитесь, если вы, и поступая во всемъ честно, не

*) Сказанное въ заштатномъ городѣ Бѣлопольѣ, 18 августа 1845 года.

будете иногда счастливы въ этомъ мірѣ. Міръ сей, послѣ паденія нашего въ раю, существуетъ уже не для счастія нашего на землѣ, а для приготовленія насъ къ блаженству вѣчному на небѣ. Посему-то въ этой жизни нерѣдко страдали люди самые святые. Даже добрымъ людямъ свойственнѣе иногда лишаться, нежели блаженствовать: ибо радости земныя рѣдко не портятъ человѣка, приводя у него въ забвеніе небо и вѣчность, а скорби напротивъ и скудость служатъ ему во спасеніе, невольно заставляя его помышлять о смерти и ожидать жизни будущей.

Впрочемъ, честность и здѣсь нерѣдко бываетъ награждаема отъ людей и отъ Господа. Есть даже неотъемлемыя у вѣры и добродѣтели блага, какъ лучи у солнца. Добродѣтельный, во-первыхъ, спокоенъ внутри, въ совѣсти, тогда какъ человѣкъ злотворный, какъ бы ни казался по наружности доволенъ и веселъ, всегда внутрь смущенъ и боязливъ. Во-вторыхъ, люди, какъ ни злы, но всегда любятъ больше смиреннаго, нежели гордаго, доброхотливаго, нежели упрямаго и неуслужливаго, кроткаго, нежели гнѣвливаго, умѣреннаго и воздержнаго, нежели мота и піяницу. Въ-третьихъ, добродѣтель ведетъ за собою здравіе и долголѣтіе; а порокъ умаляетъ здравіе, раждаетъ болѣзни и ускоряетъ смерть. По этому уже самому лучше быть добродѣтельнымъ, нежели порочнымъ.

Но еще скажемъ, если бы и довелось ради правды и истины претерпѣть что-либо хотя бы тяжкое, то лучше, призвавъ на помощь Бога, потерпѣть и пострадать, нежели перейти на сторону лжи и неправды. Ибо, за малое терпѣніе здѣсь слѣдуетъ вѣчная награда тамъ; какъ, напротивъ, за временную сладость грѣха угрожаетъ наказаніе вѣчное.

Подобными мыслями ободряйте себя, возлюбленные, на пути земной жизни. Взирайте чаще въ будущее, помышляйте о смерти, о вѣчности и судѣ страшномъ; и все земное не будетъ такъ обольщать васъ, вы сдѣлаетесь благодушнѣе среди скорбей и лишеній, а въ счастіи будете умѣреннѣе и смиренномудрѣе. Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Миръ вамъ (Лук. 24, 36)!

Сими словами Спаситель и Господь нашъ привѣтствовалъ возлюбленныхъ учениковъ Своихъ, когда, явясь имъ по воскресеніи Своемъ, нашелъ ихъ въ страхѣ и смущеніи отъ ужасныхъ событій голгоѳскихъ. Сіи же самыя слова любви и успокоенія мы дерзаемъ обратить нынѣ къ вамъ, жители богоспасаемаго града сего, къ вамъ, кои такъ много смущены теперь отъ вторженія въ страну нашу иноплеменниковъ: *миръ вамъ!* Миръ не отъ нашего безсилія и немощи, а отъ Бога Отца—всемогущаго! отъ Бога Сына—всесодержащаго! отъ Бога Духа Святаго—всеживотворящаго!

И *почто,* скажемъ словами же Спасителя нашего, *почто* такъ *смущени есте,* и столько боязливыхъ *помышленій входитъ въ сердца ваши* (Лук. 24, 37), что многіе изъ васъ готовы оставить все, искать спасенія внѣ града и страны здѣшней? Ужели по той причинѣ, что злобный врагъ нашъ вторгся въ предѣлы ваши? Но развѣ вы не были давно предварены о томъ—имъ же самимъ? И что въ семъ случаѣ слишкомъ необыкновеннаго? Впервые ли, во время брани, вторгаться врагамъ въ землю Русскую? Вторгнуться въ нее, по ея неизмѣримому пространству, всегда возможно; трудно только, какъ показываетъ опытъ, выйти изъ нея не доставшись въ снѣдь птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ...— Не смущаютъ ли нѣкоторыхъ изъ васъ небольшіе успѣхи врага, пришедшаго въ такомъ множествѣ изъ-за моря?—Не такіе успѣхи оказывались, и не разъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ; но чѣмъ всегда оканчивались они? совершеннымъ пораженіемъ враговъ и посрамленіемъ ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.—Кто помнитъ 1812 годъ? Тогда колебался не одинъ какой-либо край, какъ теперь колеблется вашъ, а сотрясалась отъ конца до конца вся Россія; самое сердце ея—Москва была въ рукахъ врага; многимъ казалось потому, что уже все потеряно; а между тѣмъ вскорѣ оказалось, что держава Русская цѣла и несокрушима;—сокрушились только, не смотря на ихъ силу, искусство и успѣхи, полчища враговъ,

*) Произнесенное въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 14 сентября 1854 года, при совершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ.

и исчезли какъ призракъ. Подобное тому, дастъ Господь, послѣдуетъ и теперь! Ибо примѣтили-ль вы, въ какой день враги появились на землѣ вашей? Въ тотъ самый день, въ который вошли они нѣкогда въ Москву, какъ бы въ предвѣстіе, что въ Крыму ихъ ожидаетъ та же горькая участь, коей подверглись они, по занятіи первопрестольной столицы нашей.

Не чаявъ уже почти въ это время врага, мы подобно дѣвамъ въ притчѣ евангельской, невольно предались—было нѣкоему дреманію;—и вотъ Господь попустилъ ему занять внезапно брега наши и стѣснить насъ, да будетъ надежда наша не на свои силы, а на Его всемогущую помощь. Но, если это вторженіе причинило безпокойство и смущеніе намъ, то—будьте увѣрены—оно послужитъ не на радость и врагу нашему: отраженный отъ береговъ нашихъ, или пораженный тотчасъ по выходѣ его на сушу, онъ, конечно, удалился бы еще съ великими силами, и потому долго бы могъ изливать ярость свою на другія мѣста. Теперь же, не смотря на его кичливость и мнимый успѣхъ, онъ, вышедъ изъ моря на сушу, весь уже нѣкоторымъ образомъ въ рукахъ нашихъ: и, пораженный до конца, потеряетъ охоту и средства къ продолженію самой брани. Для сего нужно только усилиться храбрымъ дружинамъ нашимъ, чтобы врагъ не подавлялъ насъ своимъ многолюдствомъ;—и у Россіи ли не достанетъ ратниковъ? Она можетъ покрыть ими весь полуостровъ вашъ, не обнажая другихъ предѣловъ своихъ. Храбрые воины наши, какъ то я видѣлъ на всемъ протяженіи пути своего къ вамъ, спѣшатъ уже сюда со всѣхъ сторонъ, подобно громоноснымъ облакамъ, дабы составить вскорѣ страшную тучу надъ головою врага. Пройдетъ нѣсколько времени—и весь свѣтъ увидитъ, что ожидаетъ того, кто съ мечемъ въ рукахъ осмѣлился проникнуть нагло внутрь Россіи...

Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ самыхъ сообитателей вашихъ въ сей странѣ (вы знаете, кого разумѣю я), имѣли несчастіе увлечься безумно на сторону нашихъ враговъ: но, во-первыхъ, этого нельзя было не ожидать, при ихъ давно извѣстномъ неразуміи и при тѣхъ обольщеніяхъ, коими умѣли окружить ихъ враги наши; а во-вторыхъ,—что въ этомъ такъ важнаго и страшнаго, чтобы искать, уже безопасности себѣ не въ другомъ чемъ, а въ бѣгствѣ! Это—

возстаніе злонравныхъ, конечно, и невѣрныхъ отцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабыхъ и неискусныхъ дѣтей, коимъ, по неразумію ихъ, противна самая отеческая опека надъ ними, но кои, при одномъ грозномъ поднятіи начальнической руки, тѣмъ паче при наложеніи ея на главу, тотчасъ готовы пасть на колѣни и просить милости. Съ этими такъ называемыми туземцами, а въ самомъ дѣлѣ жалкими пришлецами, нѣкогда завладѣвшими нагло здѣсь чуждымъ достояніемъ, произошло то же самое, что бываетъ во время бури съ слабыми листьями и вѣтвями на деревѣ, кои отстаютъ тогда отъ стебля и падаютъ на землю; то же произошло, что бываетъ съ прахомъ на пути, который во время вихря тотчасъ поднимается, летитъ вверхъ и помрачаетъ собою—на нѣсколько минутъ!—воздухъ. И это ли можетъ отнимать присутствіе духа у истинныхъ сыновъ отечества? Пройдетъ буря съ вихремъ, и дерево,—безъ слабыхъ листьевъ и вѣтвей,—будетъ свѣжѣе и крѣпче;—и путь, освобожденный отъ праха, сдѣлается чище и лучше.

Никогда не хорошо и не благоразумно—предаваться воображенію опасностей, тѣмъ паче въ настоящихъ обстоятельствахъ. Если бы, устремившись къ вамъ, я хотя въ половину приложилъ вѣру тому, что слышалъ о нынѣшнемъ положеніи вашемъ, что разные, и не легковѣрные люди говорили мнѣ объ ожидающихъ меня на пути опасностяхъ, то мнѣ тотчасъ надлежало бы остановиться, и отказаться отъ намѣренія посѣтить и утѣшить васъ. Но, по милости Божіей, слышанное мною нисколько на меня не подѣйствовало: и я теперь—опытный и очевидный свидѣтель для васъ въ томъ, что положеніе страны нашей отнюдь не такъ опасно, какъ могло казаться нѣкоторымъ, и что если была какая-либо опасность, то она со дня на день уменьшается и скоро должна пройти совершенно.

Доселѣ бесѣдовалъ я съ вами, какъ посѣтитель,—искренно усердный къ вамъ, но взирающій на положеніе и обстоятельства ваши глазомъ обыкновеннымъ; время теперь возвысить голосъ и сказать вамъ нѣсколько словъ устами пастыря страны сей, хотя и недостойнаго. Не здѣсь ли, не у васъ ли колыбель нашего христіанства?—Не отсюда ли воссіялъ свѣтъ вѣры православной на всю землю Русскую?—Не за сію ли страну положили душу свою наши присно-

поминаемые священномученики херсонскіе? И вы попустили себѣ, возлюбленные, хотя на минуту, подумать, что все сіе можетъ остаться втуне, и крестъ Христовъ уступитъ здѣсь мѣсто лунѣ Магометовой?!.. Такъ ли,—простите моему дерзновенію и любви къ вамъ,—такъ ли должно мыслить и чувствовать сынамъ Россіи, чадамъ Церкви православной?—Развѣ напрасно и вотще молится она ежедневно на колѣнахъ о побѣдѣ надъ врагами и супостатами?—Если мы нечисты и по грѣхамъ нашимъ недостойны того, чтобы Господь услышалъ молитву нашу, то на неизмѣримомъ пространствѣ земли Русской не можетъ не быть душъ чистыхъ и святыхъ, коихъ молитва за отечество сильна предъ Господомъ, и кои теперь не даютъ вѣждемъ своимъ дреманія, воздвигая преподобныя руки свои день и ночь за Церковь православную, за Царя благочестивѣйшаго, и за его христолюбивое воинство. А ваши священномученики, положившіе души свои за страну здѣшнюю, думаете ли, что они праздно стоятъ теперь предъ престоломъ Божіимъ, и не повергаютъ себя и мученическихъ вѣнцовъ своихъ предъ Сѣдящимъ на немъ, ходатайствуя за спасеніе васъ отъ настоящихъ золъ и искушеній?—А великій князь Владиміръ, пріявшій здѣсь крещеніе и въ немъ залогъ славы небесной, коею нынѣ наслаждается, можетъ ли забыть, чѣмъ онъ обязанъ странѣ вашей, и не поспѣшитъ ей на помощь противу обьюродѣвшихъ безвѣріемъ пришельцевъ запада? Нѣтъ, если мы любимъ искренно свое отечество, то небожители тѣмъ паче не могутъ забыть его и не предстательствовать за него у Господа.

А за успѣхъ враговъ нашихъ кто можетъ стать и ходатайствовать на небѣ? Не предки ли этихъ безумныхъ пришельцевъ, тѣ несчастные предки, кои, обуянные безбожіемъ и страстями, ниспровергли алтари и престолы, поклонялись богинямъ разума и проповѣдуя всеобщее братство, плавали сами въ крови своихъ ближнихъ и знаемыхъ! Не ханы ли крымскіе, кои, завладѣвъ сею страною, нѣкогда цвѣтущею, довели ее до всеконечнаго опустошенія, кои всю жизнь проводили въ набѣгахъ и плотоугодіи, питаясь и питая полчища свои слезами и кровію странъ сопредѣльныхъ? Не прежніе ли служители здѣсь вѣры магометанской, кои, послѣдуя душевредному алкорану, и сами всю жизнь шли и другихъ слѣпо вели за собою въ пропасть адскую? Видите,

что я хотя и по любви къ вамъ, но ожесточаю слово!.. Для чего? Дабы пробудить во всѣхъ васъ чувство вѣры и упованія, приличное чадамъ Церкви православной, дабы удалить васъ отъ опасеній и малодушія, столь несродныхъ сынамъ земли Русской.

Вмѣсто безотраднаго и безплоднаго смущенія, займемся тѣмъ, чего требуютъ настоящія обстоятельства. Къ вамъ на защиту спѣшатъ храбрыя войска наши, для коихъ, по самой быстротѣ ихъ шествія, не возможно было имѣть съ собою всего нужнаго. Не замедлите оказать усердіе и уготовать для нихъ пищу и питіе. У васъ будутъ уязвленные на брани: да не окажется недостатка въ томъ, что необходимо для ихъ успокоенія. Для всего этого не пожалѣйте ничего, ибо стыдъ и горе намъ, если пролившій за насъ кровь свою, принужденъ будетъ сказать, что онъ не призрѣнъ, какъ должно, *своими!*.. А вмѣстѣ съ симъ обратитесь всѣ къ молитвѣ и покаянію, ибо это оружіе на враговъ самое дѣйствительное, коимъ притомъ можетъ владѣть всякій. Коль скоро мы, чрезъ покаяніе, истинно примиримся съ совѣстію своею и Богомъ, то и вокругъ насъ все обратится къ тишинѣ и миру, коими да благословитъ скорѣе Господь всѣхъ насъ!— Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Миръ вамъ (Іоан. 20, 19)!

Не опечалилъ ли васъ я вчера чѣмъ-либо, возлюбленные?— По той же любви къ вамъ о Христѣ и по той же ревности по васъ можно было, пожалуй, сказать что-либо и слишкомъ горько... Но вы поймете, надѣюсь, и уразумѣете, какъ должно, причину и цѣль всего сказаннаго, и не будете огорчаться нашимъ словомъ, памятуя слово святаго писанія, что *достовѣрныя язвы друга, нежели льстивыя лобзанія врага* (Притч. Сол. 27, 6).

Въ самомъ дѣлѣ, лучше ли для васъ, если по разнымъ мѣстамъ отечества будутъ говорить, что вы, сверхъ ожиданія, оказались ниже вашихъ обстоятельствъ, что въ васъ

*) Произнесенное въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 15 сентября 1854 года, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ.

не обнаружилось того великаго духа, той твердости и мужества, коими воодушевлена теперь вся Россія? Ибо не надобно забывать, что на васъ смотрятъ отвсюду, о васъ говорятъ, — и долго еще будутъ говорить — вездѣ, что всѣ истинные сыны отечества, самъ благочестивѣйшій Монархъ нашъ, ожидаютъ теперь отъ васъ — не малодушія, даже не одного обыкновеннаго мужества и присутствія духа, а какого-либо особеннаго подвига любви къ отечеству и самоотверженія, сообразно чрезвычайности вашихъ нынѣшнихъ обстоятельствъ. Какъ, потому, поступите вы въ это время великаго испытанія, какъ подадите примѣръ: такая вамъ воздана будетъ отъ всѣхъ и честь! Чѣмъ болѣе и чѣмъ чище принесено будетъ на алтарь отечества жертвъ, тѣмъ вы станете выше въ глазахъ всѣхъ; а если—что да отвратитъ Господь!—вы окажетесь малодушны и не дальновидны, что предпочтете свои частныя выгоды пользамъ общимъ, то неминуемо подвергнетесь за то всемірному нареканію, и позоръ вашъ — будьте увѣрены въ томъ! — ляжетъ всею тяжестію своею не только на васъ, но и на отдаленныхъ потомкахъ вашихъ...

Посему-то я и говорю съ вами такимъ рѣшительнымъ и откровеннымъ языкомъ; для сего-то самого я и прибылъ къ вамъ, не смотря на всѣ трудности пути: мнѣ дороги спокойствіе и честь ваши, и еще дороже честь, нежели спокойствіе... Будьте же, говорю, внимательны, возлюбленные, и взирайте не на одинъ городъ и полуостровъ вашъ, а на всю Россію, которая теперь не сводитъ съ васъ глазъ, мыслитъ, разсуждаетъ, и молится о васъ, и, безъ сомнѣнія, готова, если бы возможно, летѣть къ вамъ на крылахъ, чтобы раздѣлить съ вами всѣ труды и опасности.

Кратко: предъ вами теперь слава или стыдъ вѣчный,— благословеніе или укоризна неизгладимая!

Поспѣшите же, возлюбленные, прославиться — славою чистою и святою, показавъ, что вы не напрасно живете у самой колыбели нашего христіанства, не безплодно обитаете на землѣ мучениковъ и святыхъ, что васъ всѣхъ движетъ и одушевляетъ тотъ же самый духъ вѣры и упованія на Бога, который провелъ безбѣдно отечество наше среди всѣхъ, самыхъ великихъ и вѣковыхъ бѣдъ и искушеній, возвелъ его на крайнюю высоту всемірнаго могущества и славы, и со-

дѣлалъ новымъ, недосягаемымъ никакимъ врагамъ, Араратомъ для ковчега православія.

Поспѣшите, возлюбленные, прославиться—славою чистою и святою, явивъ въ мысляхъ и дѣйствіяхъ своихъ любовь къ отечеству такимъ образомъ и съ тою силою, какъ любили являть ее въ подобныхъ случаяхъ древніе сыны его, блаженные предки наши, кои не думали спасать себя, когда отечество находилось въ опасности, а забывая всѣ собственныя выгоды, готовы были принести въ жертву для него не только все достояніе, но и самую жизнь свою.

Поспѣшите, возлюбленные, прославиться—славою чистою и святою, употребивъ всѣ силы и средства, все искусство и умѣніе ваше на содѣйствіе и помощь христолюбивому воинству нашему, которое, стекшись сюда со всѣхъ концевъ Россіи на защиту страны вашей, въ порывѣ святой ревности, ожидаетъ, какъ празднества, того дня и часа, когда можно будетъ, не щадя своей крови и живота, — за царя и отечество, ринуться побѣдоносно на толпы богопротивныхъ иноплеменниковъ.

Кто можетъ отрицать лютость настоящей войны, тяжесть нынѣшняго вашего положенія? Всѣ видятъ и цѣнятъ это; каждый знаетъ, что намъ должно стоять здѣсь не противъ однихъ изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета, а едва не противъ всего лже-христіанскаго запада; каждый увѣренъ и ожидаетъ, что во вредъ намъ будутъ употреблены съ ихъ стороны всѣ средства разрушенія, изобрѣтеніемъ коихъ такъ жалко прославилъ себя этотъ-же несчастный западъ;—что доколѣ правое дѣло наше, при помощи Божіей, не восторжествуетъ, отъ насъ потребуется еще не мало великихъ и тяжкихъ жертвъ, но въ то же время, сколько имѣемъ мы, въ подкрѣпленіе и утѣшеніе себя, побужденій самыхъ сильныхъ, надеждъ самыхъ чистыхъ и христіанскихъ! Вспомните, почему и для чего рѣшились мы на брань настоящую! По самолюбію ли и гордости, ради земныхъ ли какихъ видовъ и пріобрѣтеній, какъ это со всею вѣрностію можно сказать о врагахъ нашихъ? Нѣтъ, мы стали за цѣлость вѣры православной и святость креста Христова, за освобожденіе отъ невыносимаго ига мусульманскаго единовѣрныхъ и единоплеменныхъ собратій нашихъ, за достоинство и величіе Россіи, за собственное, можно сказать, духовное бытіе наше.

Что же, скажите, было иначе дѣлать намъ? Развѣ, въ угодность темнаго запада, отказаться отъ свѣтоноснаго востока? Развѣ преклонить вѣнчанную крестомъ главу подъ кровавый серпъ луны Магометовой, исчезающей по закону самой природы?—Вообразите, что это великое дѣло отдано было въ собственныя наши руки: ужели бы нашелся хотя одинъ изъ насъ, кто бы, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, въ какихъ находились мы предъ настоящею бранію, не сказалъ отъ всей души: нѣтъ, Россія, по великодушію, можетъ перенести многое и давно переноситъ, но она никогда не откажется отъ великаго и святаго призванія своего — быть защитницею вѣры православной; никогда не предастъ ковчега завѣта, ей свыше ввѣреннаго, въ нечистыя руки филистимлянъ!..

Тяжко и трудно положеніе наше, но необходимо и неизбѣжно, ибо уклоняясь отъ него, мы измѣнили бы не человѣкамъ, а Самому Богу!—Скорбны, до времени, и горьки обстоятельства наши, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественны и душеотрадны; ибо дѣло наше есть не столько дѣло наше, сколько дѣло Божіе, защищая которое, мы небоязненно можемъ предстать на судъ всему потомству, на судъ самыхъ Ангеловъ небесныхъ. Не мало еще жертвъ потребуется отъ насъ, много еще прольется слезъ и крови; но плоды сего слезнаго и кроваваго сѣянія будутъ неисчислимы—не только для всего православнаго христіанства, не только для величія и могущества Россіи, но и для вашего собственнаго благоденствія!...

Спросите, что же можетъ выйти благотворнаго изъ сей лютой брани?—Это во всей полнотѣ, довѣдомо теперь единому Богу, но и мы, съ упованіемъ на Того же Господа, можемъ указать вамъ—на немалое.

Конецъ брани сей долженъ показать, что православная Церковь вселенская основана и стоитъ не на зыблющихся и премѣняющихся подпорахъ человѣческихъ, а на единомъ, несокрушимомъ краеугольномъ Камени, Иже есть Христосъ Господь; и врата адовы не одолѣютъ ей; и искренно послѣдующіе матернему водительству ея не постыдятся во вѣки, не токмо на небѣ, но и на землѣ.

Конецъ брани настоящей долженъ показать, что возлюбленное отечество наше не напрасно, презирая всѣ усѣянныя цвѣтами распутія мірской мудрости, слѣдуетъ неуклонно

по пути Божію, какимъ бы онъ ни былъ иногда покрытъ терніемъ. ибо за сіе именно предуставлено свыше, чтобы скипетръ всемірнаго могущества и вліянія оставался не въ другихъ какихъ-либо рукахъ, а въ десницѣ Богомъ вѣнчаннаго Самодержца всероссійскаго.

Съ концемъ брани настоящей для самаго полуострова вашего долженъ наступить новый образъ бытія, лучшаго и совершеннѣйшаго. Къ вамъ особенно обратятся взоры и сердце Монарха; за вами послѣдуетъ искренное уваженіе всей Россіи; на васъ проліются новыя благословенія отъ Самаго Царя и Владыки небеснаго, Который не можетъ забыть *труда любве,* подъятаго вами во имя Его, и воздастъ вамъ за него сторицею. Можетъ быть, я предаюсь слишкомъ надеждѣ, но мнѣ кажется, что я какъ бы вижу уже, какъ Таврида сотрясаетъ, наконецъ, съ себя вретище и прахъ жалкаго полубытія общественнаго, — несчастный остатокъ прежняго дикаго владычества хановъ татарскихъ,—какъ всѣ части здѣшняго полуострова тѣснѣе и пріискреннѣе входятъ въ живой и мощный составъ Россіи, заемля отъ него новую жизнь и крѣпость; какъ Херсонесу Таврическому возвращается вполнѣ его древній характеръ христіанскій, и вѣковыя святыни его подъемлются изъ развалинъ;—какъ сама природа здѣшняя, нашедъ, наконецъ, кому открыть, раскрываетъ еще болѣе тайныя сокровища свои на пользу человѣка... Тогда мы сами, кои теперь такъ сѣтуемъ и смущаемся, мы сами, возсѣдая въ мирѣ кійждо подъ смоковницею своею, съ радостію и веселіемъ будемъ повторять и прилагать къ себѣ слова святаго Давида: *сѣющіе слезами, радостію пожнутъ: ходящіи хождаху и плакахуся, метающе сѣмена свои, грядущіе же пріидутъ съ радостію, вземлюще рукояти своя* (Псал. 125. 5, 6)...

Отъ слова и бесѣды обратимся всѣ паки къ молитвѣ, ибо хорошо и полезно, въ духѣ вѣры и любви, бесѣдовать человѣку съ человѣкомъ, но еще лучше бесѣдовать каждому— въ сердечной молитвѣ — съ Богомъ, потому что никакое слово и никакая бесѣда не могутъ замѣнить единаго глубокаго молитвеннаго воздыханія къ Господу—души чистой или истинно кающейся. Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

При всемъ желаніи моемъ продолжить мое пребываніе у васъ и раздѣлить съ вами до конца чашу постигшаго васъ искушенія, я долженъ разстаться съ вами, дабы посѣтить и другіе грады и мѣста вашего полуострова, кои не менѣе васъ смущены теперь отъ нашествія иноплеменниковъ. Благодареніе Богу, что я могу оставить васъ съ доброю надеждою на будущее, ибо вчера, собственными очами и въ недальнемъ разстояніи, видѣлъ я и станъ воинства нашего, и мѣсто, занятое врагами. Все показываетъ, что крайняя черта бывшей опасности для насъ уже пройдена; и, благодаря искусству опытнаго военачальника вашего, какъ бы особенно на сей разъ вдохновеннаго свыше,—мы стали теперь въ такое положеніе, что храбрыя войска наши, угрожая непрестанно врагу, въ то же время непроходимою стѣною заслоняютъ отъ его нападеній весь вашъ полуостровъ. Ярость и силы враговъ посему должны истощиться теперь именно тамъ, гдѣ все уготовано для ихъ отраженія. Еще нѣсколько недѣль, а можетъ быть, и дней терпѣнія,—и кичливый врагъ начнетъ преклонять главу и озираться вспять, залогомъ чего служитъ уже его нерѣшительность и медленность въ нападеніи на насъ;—кипѣвшая вокругъ васъ внутренняя крамола потеряетъ всю надежду и силу, а храброе воинство наше получитъ возможность обнаружить во всемъ блескѣ свое мужество и доблесть. Возблагодаримъ же Бога, возлюбленные, и будемъ тверды и благодушны! явимъ себя достойными сынами отечества и Церкви православной! Да не посмѣетъ сказать врагъ нашъ, что онъ срѣтилъ въ насъ не прежнихъ россіянъ, что мы переродились!—Нѣтъ, все за вѣру, все для отечества! Лишимся всего, но не дадимъ возрадоваться о насъ наглымъ иноплеменникамъ!

Не мыслите, возлюбленные, что вы, какъ мирные жители, не можете сдѣлать ничего для успѣха оружія нашего: нѣтъ; вы можете сдѣлать многое, и въ вещественномъ и въ невещественномъ отношеніи... Можете сдѣлать многое и важное, вспомоществуя отъ всей души нашему воинству въ его

*) Произнесенное въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 16-го сентября 1854 года, при отбытіи изъ сего города и оставленіи ему и всему Крыму на благословеніе, изображенія чудотворнаго образа Богоматери Касперовской.

вещественныхъ нуждахъ, ибо, по самой близости вашей къ мѣсту брани, вы составляете для него ближайшую домашнюю опору и пріютъ. Кто ближе васъ можетъ, въ случаѣ нужды, доставить необходимое продовольствіе? Кто скорѣе васъ успокоитъ и призритъ уязвленныхъ на брани собратій нашихъ? Уготовьтесь же, немедля нимало, къ симъ подвигамъ любви, ибо время не терпитъ!—Сколько градовъ великой Россіи желали бы теперь быть на мѣстѣ вашемъ! Покажите же, что и вы были *на своемъ мѣстѣ*, и что Россія не будетъ имѣть причины стыдиться за васъ и сожалѣть о томъ, что ея—на это время здѣсь не было!..

А вмѣстѣ съ симъ, какъ я прежде не разъ говорилъ вамъ, обратитесь всемъ сердцемъ и душею къ вѣрѣ, молитвѣ и покаянію! Вмѣсто страховъ человѣческихъ возымѣйте всѣ страхъ Божій! Ибо, если въ какихъ обстоятельствахъ, то въ подобныхъ вашимъ совершаются на землѣ судьбы не человѣческія, а Божіи. Посему-то въ подобные дни и распростирается, какъ видите, на все какъ бы нѣкая таинственная мгла: никто не можетъ сказать, что будетъ завтра, даже нынѣ; но изъ этой мглы и мрака, какъ молнія изъ тучъ, проявляется по временамъ, *для имѣющихъ очи видѣть*,—перстъ Самого Бога, проявляется такъ, что самое невѣріе нерѣдко принуждено бываетъ сознаться въ семъ случаѣ, что кромѣ силъ человѣческихъ есть сила высшая, Божія, единая непобѣдимая и всемогущая, поборающая по своихъ избранныхъ и низлагающая противниковъ своея воли.

Но, чѣмъ другимъ можемъ мы преклонить на свою страну эту помощь Божію, если не вѣрою и покаяніемъ? Молитесь же, возлюбленные, отъ сердца; кайтесь во грѣхахъ вашихъ отъ всей души, дабы Господь былъ не съ супостатами нашими, а съ нами! Если всевидящее око Его узритъ въ насъ то же, что узрѣло нѣкогда въ оныхъ древнихъ ниневитянахъ покаявшихся,—то есть дѣйствительную и *нераскаянную* (2 Кор. 7, 10) перемѣну духа и сердца на лучшее, то жребій брани немедля рѣшится въ нашу пользу тамъ—горѣ, и здѣсь—долу никто не будетъ въ состояніи воспрепятствовать исполненію предопредѣленія небеснаго.

Въ знакъ пастырской любви моей къ вамъ о Христѣ и въ залогъ упованія, пріимите отъ меня изображеніе чудотворнаго лика Богоматери, который, какъ вамъ извѣстно,

уже болѣе двенадесяти лѣтъ озаряетъ страну нашу знаменіями и чудесами. Водимый какимъ-то предчувствіемъ, я давно мыслилъ, что этотъ источникъ благодати открылся среди насъ такъ внезапно не безъ особенной цѣли, а предъ какою-либо годиною находящихъ на насъ великихъ искушеній, открылся для того, чтобы мы, видя въ семъ событіи особенную къ намъ милость Божію, не потеряли въ это время надежды на счастливое окончаніе постигшихъ насъ бѣдствій. Половина предчувствій моихъ, какъ видите, оправдалась опытомъ: вѣрую, что оправдается и другая половина: возставшая противу насъ ужасная буря скоро пройдетъ, и надъ нами паки возсіяетъ солнце мира и радости, еще свѣтлѣе и краше прежняго. Ибо, если бы Господь восхотѣлъ, за грѣхи наши, отвратить отъ насъ лице свое навсегда, то пречистая Матерь Его не явила бы намъ въ это самое время толикихъ чудесъ и знаменій отъ пресвятаго лика своего.

Пріимите же изображеніе сего чудотворнаго лика съ такою—же вѣрою и любовію о Христѣ, съ какою оно преподается вамъ теперь отъ меня. Да будетъ святый образъ сей во успокоеніе и отраду душъ вашихъ, въ подкрѣпленіе вашей вѣры и упованія на Бога!—Притекайте къ нему какъ можно чаще, и проливайте предъ нимъ ваши молитвы и слезы, съ полною вѣрою, что онѣ не будутъ презрѣны и отвергнуты.

Мати Божія, Заступнице всѣхъ обидимыхъ и Утѣшительнице всѣхъ скорбящихъ, пріими подъ всемогущій покровъ Твой градъ сей и всю страну здѣшнюю, находящіяся нынѣ въ толикомъ озлобленіи отъ враговъ! Пріими и поспѣши на помощь христолюбивому воинству и вождямъ его, да уразумѣютъ всѣ концы земли и самые враги наши, что Ты не вотще именуешься Взбранною-Воеводою воинствъ христіанскихъ и оградою царствъ православныхъ, и что мы не напрасно *на Тебе* паче всего *надѣемся*, и *Тобою* единою *хвалимся; Твои бо есмы*, аще и недостойніи, *раби—да не постыдимся, Владычице:* (конд. Богоматери). Аминь.

Слово при обозрѣніи паствы *).

Миръ вамъ (Лук 24, 36)!

По всему видно, возлюбленные, что вы нисколько не ожидали меня и не думали, чтобы я могъ явиться среди васъ въ настоящее время; а я, по милости Божіей, уже нѣсколько дней странствую по вашему полуострову, и поспѣшилъ бы къ вамъ тотчасъ по нашествіи на васъ иноплеменниковъ, если бы узналъ о томъ прежде. И какъ бы мнѣ, скажите, можно было поступить иначе?—Пастырь, по слову Спасителя, долженъ,—въ случаѣ нужды, *самую душу свою полагать за овцы* (Іоан. 10, 11): а у васъ еще отнюдь не такая опасность, чтобы опасаться уже за свою жизнь. Ибо, не видите ли вы сами, сколько мужественныхъ ратниковъ нашихъ проходитъ ежедневно чрезъ вашъ городъ, съ бодростію поспѣшая на мѣсто брани, для пораженія врага? Но все это еще малая токмо часть нашего христолюбиваго воинства, такъ какъ и путь вашъ не большой: посмотрѣли бы вы, какими многочисленными дружинами покрытъ теперь тотъ царскій путь, который соединяетъ васъ съ великою Россіею! И всѣ онѣ устремляются на брань со врагомъ, какъ на нѣкій праздникъ; всѣ онѣ скорѣе положатъ за вѣру и отечество жизнь свою, но не дадутъ врагамъ и иноплеменникамъ утвердиться на священной землѣ вашей. Посему-то внутренняя крамола ваша и измѣна, такъ было поднявшія главу со вторженіемъ враговъ, уже начали стихать и замирать, при одномъ приближеніи сихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ воевъ.

Отложите же, возлюбленные, тотъ страхъ и смущеніе, кои, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, подобно бурному потоку, безотчетно овладѣли многими изъ обитателей страны вашей; успокойтесь духомъ и продолжайте въ мирѣ и тишинѣ заниматься по прежнему дѣлами званія вашего, въ твердой увѣренности, что опасность нашего настоящаго положенія отнюдь не такова, какъ представилась въ воображеніи людей легковѣрныхъ и неопытныхъ. Нѣтъ, Господь не оставитъ Своимъ заступленіемъ вѣрную Ему Россію, которая, во избѣжаніе кровопролитія, готова была принести

*) Произнесенное въ Карасубазарскомъ соборѣ, 17 сентября 1854 года, во время покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ.

столько жертвъ; и если вышла, наконецъ, на поле брани,— не для нападенія при томъ, а для отраженія враговъ,—то вышла не прежде, какъ совершенно убѣдившись, что нѣтъ болѣе другаго средства спасти не только собственную честь, но и цѣлость вѣры православной по всему востоку.

Поелику же эта брань, какъ сами видите, и по началу и по цѣли своей, есть брань священная,—не за мірскія выгоды, а за святость и честь креста Христова, то и вамъ, возлюбленные, сообразно самому свойству брани, къ обыкновеннымъ занятіямъ вашимъ немедля должно присоединить особенныя дѣла благочестія христіанскаго, коими привлекаются благословеніе и милость Божія. Дѣла сіи, по свидѣтельству самаго слова Божія, суть: усердная молитва, святый постъ, милосердіе къ бѣднымъ и искреннее покаяніе во грѣхахъ нашихъ. Надобно молиться и каяться, ибо, хотя мы, какъ я сказалъ, ревнуемъ въ настоящей брани не по своимъ выгодамъ, а по славѣ Божіей, и посему можемъ надѣяться на помощь свыше, но не должно забывать и того, что Господь, по чистотѣ и святости существа Своего, отвергаетъ, какъ видно изъ писанія, самыхъ ревнителей славы Своей, коль скоро находитъ, что они не оправдываютъ вѣры своей дѣлами благими и въ жизни своей не лучше язычниковъ и невѣрныхъ. Послушайте, что говоритъ о семъ святый Давидъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя и воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе и отверглъ еси словеса Моя вспять. Обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Псал. 49, 16—21). Чтобы не сказано было того же самаго и о насъ, и чтобы не поступлено было такъ же и съ нами, не смотря на то, что мы ревнуемъ въ настоящей брани по славѣ Божіей, для сего всѣмъ намъ должно прибѣгнуть къ покаянію; ибо не напрасно говоритъ Апостолъ Христовъ, *яко много согрѣшаемъ вси* (Іак. 3, 2). Всѣ согрѣшаемъ; всѣ должны принести и покаяніе во грѣхахъ нашихъ. Тогда, не воспящаемое грѣхами нашими и нераскаянностію въ нихъ, правое дѣло наше непремѣнно восторжествуетъ, не смотря ни на какую силу и искусство враговъ нашихъ, ибо тогда Самъ Господь силъ будетъ съ нами и за насъ: а *аще Богъ* будетъ *по насъ*, скажемъ словами другаго Апостола, то *кто на ны* (Рим. 8, 31)?

Между тѣмъ, возлюбленные, не опустите изъ виду одного, весьма важнаго для васъ обстоятельства, которое можетъ обратиться вамъ въ честь или въ безчестіе. Я разумѣю то, что, не смотря на недальность вашу отъ мѣста брани, будучи заслонены отъ враговъ горами, вы по тому самому пользуетесь гораздо большею, въ сравненіи съ другими градами вашими, удобностію оказывать всякаго рода помощь христолюбивому воинству нашему, которое по необходимости нуждается теперь во многомъ. Не пренебрегите же симъ рѣдкимъ для васъ случаемъ для показанія вашей любви къ отечеству. Не ожидайте въ семъ отношеніи даже примѣра, а спѣшите подать сами примѣръ другимъ. Время брани быстротечно: пройдетъ, тогда и захотѣли бы сдѣлать что-либо для отечества, но уже не будетъ въ томъ нужды. Смотрите же, не подайте повода собственнымъ дѣтямъ вашимъ имѣть право сказать когда-либо въ слухъ вамъ: нѣтъ, не такъ поступили бы мы, если-бъ были въ это время на мѣстѣ отцевъ нашихъ....

Еще одно слово, возлюбленные! Между сообитателями вашими не малое число принадлежитъ къ тому племени, которое, по нѣкоторымъ мѣстамъ полуострова, не имѣло твердости устоять противу обольщенія злохитрыхъ враговъ нашихъ и попустило себя увлечь къ нарушенію священнаго долга вѣрности Монарху и отечеству. Событіе весьма печальное во всѣхъ отношеніяхъ! Но, да не услышатъ сограждане ваши изъ устъ вашихъ горькихъ нареканій и поношеній за своихъ неразумныхъ соплеменниковъ! Въ подобномъ случаѣ каждый долженъ отвѣчать за себя самого; и судъ о происшедшемъ принадлежитъ не намъ, а власти предержащей, которая отличитъ виновныхъ отъ невинныхъ и воздастъ каждому по дѣломъ его. Помните, что вы христіане, а христіанинъ не долженъ мстить никому, обязанъ прощать самыхъ враговъ, тѣмъ паче не поносить и не оскорблять невинныхъ изъ-за виновныхъ. Тѣмъ-то именно святая вѣра наша и превыше всѣхъ другихъ вѣрованій, что она учитъ никому не воздавать *зломъ за зло*, а побѣждать *благимъ злое* (Рим. 12, 17—21). Не лишайте же ее—въ лицѣ вашемъ—сего наилучшаго ея украшенія! Пусть служители алкорана познаютъ изъ настоящаго опыта, какъ высоко и благотворно Евангеліе Христово! Такимъ образомъ настоящія печальныя событія послужатъ

не только къ величію и славѣ отечества, но и къ чести и къ торжеству святыя вѣры нашея.

Прочее же Самъ Господь, въ *Него же вѣруемъ и на Него же уповаемъ*, да научитъ васъ, въ настоящихъ тягостныхъ обстоятельствахъ вашихъ, и яже подобаетъ творити и яже оставляти, и да проліетъ въ умъ вашъ свѣтъ, а въ сердца ваши утѣшеніе отъ Самого Пресвятаго Духа Своего. Иже есть единъ истинный Наставникъ и Утѣшитель всѣмъ намъ, вѣрующимъ во имя Его и ратующимъ теперь за славу Его. Мы же, какъ теперь и здѣсь молимся съ вами о васъ, такъ не престанемъ молиться усердно о васъ же, и по удаленіи изъ града вашего. Не забывайте, возлюбленные, и вы насъ въ молитвахъ вашихъ, ибо не малъ еще предлежитъ намъ путь и не мало на семъ пути предстоитъ намъ труда и заботъ пастырскихъ. Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Миръ вамъ (Іоан. 19, 20')

Вступая вчера, возлюбленные, въ городъ вашъ, я пораженъ былъ его пустыннымъ видомъ: казалось, что въ немъ нѣтъ уже никого изъ жителей и всѣ оставили его, кромѣ малаго числа стражи военной. Да, подумалъ я, если кому, то имъ не предосудительно было уклониться отъ нашествія враговъ, ибо не только городъ здѣшній,—по своей крайней близости къ морю, но почти каждый домъ въ городѣ находится прямо подъ ударами орудій непріятельскихъ. Посему-то, говорю, я нисколько не осудилъ въ мысляхъ моихъ вашего удаленія, а только пожалѣлъ отъ души о тяжести вашего положенія и о томъ, что не буду имѣть утѣшенія видѣть васъ и раздѣлить съ вами молитвы и чувства мои. Въ успокоеніе духа служила мнѣ та одна мысль, что для силы и дѣйствительности молитвы о комъ-либо нѣтъ необходимости въ присутствіи тѣхъ лицъ, за коихъ совершается молитва, такъ какъ и сама Церковь ежедневно возноситъ во храмахъ молитву не о находящихся только во храмѣ, но и

*) Произнесенное въ ѳеодосіевскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 16 сентября 1854 года, при совершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на Крымъ иноплеменниковъ.

о всѣхъ. *благословною виною отсутствующихъ.* Какая же причина отсутствія можетъ быть благословнѣе вашей, когда вы должны были спасать отъ огня и меча иноплеменниковъ самую жизнь свою?

Тѣмъ отраднѣе для меня видѣть теперь весь храмъ этотъ наполненный молящимися. Откуда, скажите, взялись вы и какъ появились такъ скоро здѣсь, не знавъ предварительно нисколько о моемъ посѣщеніи?—Все это, какъ вижу, сдѣлала ваша любовь о Христѣ: она дала вамъ такъ быстро знать о моемъ прибытіи, она же такъ неукоснительно и собрала васъ сюда на свиданіе и общую молитву. Да будетъ же благословенъ Господь, вложившій въ меня желаніе и рѣшимость, не смотря на всѣ трудности, предпріять путь къ вамъ,—а вамъ внушившій усердіе поспѣшить на свиданіе съ нами! Да будетъ, говорю, благодареніе за все сіе Господу, ибо чистая любовь христіанская происходитъ не отъ земли, а приходитъ съ неба и изливается, по увѣренію Апостола, въ сердца наши *Духомъ Святымъ* (Рим. 5, 5).

Что же мы скажемъ вамъ, возлюбленные, въ утѣшеніе ваше?.. Скажемъ, во-первыхъ, что тяжкому положенію вашему вполнѣ сочувствуетъ весь край нашъ и, безъ сомнѣнія вся Россія; сочувствуютъ всѣ и молятся за васъ усердно; молятся и готовы оказать вамъ всякую братскую помощь въ нуждахъ вашихъ. Иначе и быть не можетъ, ибо все, что вы ни терпите, терпите не за себя токмо, а за всю Россію. Если бы градъ вашъ и страна посѣщены были (чего не дай Богъ)! другими какими-либо бѣдствіями, напримѣръ язвою, голодомъ, наводненіемъ, пожарами, то положеніе ваше, хотя и тогда возбуждало бы повсюду сожалѣніе о васъ, но для отечества, очевидно, не было бы никакой пользы отъ вашего злострадавія. Но война и нашествіе враговъ есть такое зло, которое, подобно бурѣ, истощая силу и лютость свою на одномъ мѣстѣ,—какъ теперь у васъ,—симъ самымъ содѣлывается безвреднымъ для всѣхъ прочихъ градовъ и весей. Вы посему теперь яко жертва искупительная на алтарѣ отечества. Можетъ ли оно забыть эту жертву? не возлюбить васъ особенною любовію? не возымѣть къ вамъ душевнаго уваженія?—Блюдитесь токмо, возлюбленные, чтобы вамъ самимъ не отнять какъ-либо и не умалить цѣны и достоинства сей вашей жертвы,—или малодушіемъ и ро-

потомъ, или своекорыстіемъ и взаимными распрями, или хладностію и невниманіемъ къ бѣднымъ среди васъ собратіямъ вашимъ.

Что касается до того, какое расположеніе духа и сердца прилично вашему настоящему состоянію, то примите въ руководство тотъ Божественный совѣтъ, который Самъ Спаситель нашъ преподалъ возлюбленнымъ ученикамъ Своимъ, предъ наступленіемъ для нихъ ужаснаго искушенія — по случаю Его креста и смерти. *Бдите*, говорилъ Онъ имъ, *и молитеся, да не внидете*, потому что напасть, хотя была и весьма близко, но еще не наступила; а мы вмѣсто того скажемъ вамъ: *бдите и молитеся, да изыдете отъ напасти*, которая уже давно постигла васъ и доселѣ не проходитъ! Да, возлюбленные, духовное бодрствованіе и молитва — отъ души сокрушенной и сердца смиреннаго, растворенная при томъ живою вѣрою и искреннимъ покаяніемъ, есть наидѣйствительнѣйшее средство, какъ къ отвращенію напасти наступающей, такъ и къ удаленію наступившей. Молящійся, повидимому, ничего не дѣлаетъ къ отраженію враговъ; онъ не нападаетъ на нихъ и не отражаетъ ихъ ничѣмъ видимымъ, а токмо воздѣваетъ очи и руки свои къ небу, или падши на землю, проливаетъ предъ Богомъ свои слезы; а между тѣмъ дѣйствіе такой теплой молитвы чрезвычайно сильно и дѣйствительно противу самаго лютаго и могущественнаго врага. Почему такъ? Потому что въ семъ случаѣ дѣйствуетъ противу врага уже не человѣкъ молящійся, а Самъ Господь всемогущій, у Коего просятъ помощи и защиты. *Бдите убо*, возлюбленные, *и молитеся, да изыдете изъ напасти* вашей!

Въ подкрѣпленіе вашей вѣры и въ одобреніе васъ на молитву, мы можемъ и должны сказать, что надъ вами и градомъ вашимъ уже проявилось знаменіе милости Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте.—Пристань ваша славится всюду своимъ удобствомъ и безопасностію отъ бурь; берегъ моря вашего на великое пространство крайне удобоприступенъ для враговъ; градъ вашъ открытъ и подверженъ отъ края до края своего всѣмъ огнямъ непріятельскимъ: не здѣсь ли посему надлежало ожидать самыхъ частыхъ нападеній отъ врага? Но, вотъ прошло уже цѣлое лѣто брани самой ожесточенной, а спокойствіе здѣшнихъ мѣстъ почти ничѣмъ не было нарушено; въ городъ вашъ не влетѣла еще ни одна стрѣла

вражія; изъ васъ, обитателей его, ни одинъ не пострадалъ ни отъ меча, ни отъ огня иноплеменниковъ. Что значитъ это? Пусть другіе изъясняютъ сіе, какъ хотятъ, а я скажу, что это милость къ вамъ Божія. Врагъ, не нападая доселѣ на васъ, поступаетъ какъ бы естественно, имѣя на то свои причины; но если бы онъ захотѣлъ противнаго, сколько бы явилось у него къ нападенію на васъ и причинъ самыхъ достаточныхъ и побужденій самыхъ сильныхъ! Но онъ, говорю, не нападаетъ. Почему? Потому что тамъ—у престола Божія—есть за васъ постоянный ходатай и сильный защитникъ. Кто это? Ублажаемый всею Церковію вселенскою, древній пастырь страны вашей, святый Стефанъ Сурожскій! Въ продолженіе всей святой и богоугодной жизни своей подвизаясь съ особенною ревностію за вѣру и православіе, могъ ли онъ посему забыть прежнюю паству свою въ настоящее время, когда она со всѣмъ православнымъ отечествомъ терпитъ нападеніе отъ враговъ, не за что другое, какъ за чистоту и цѣлость святой вѣры и святость креста Христова?—Священномученики херсонскіе приняли на себя—посрамить нечестіе враговъ сокрушеніемъ гордыни ихъ до конца; и для сего попустили имъ выйти на берегъ и занять мѣсто, орошенное ихъ мученическою кровію, а вашъ святитель и заступникъ взялся—оградить отъ ихъ вторженія край вашъ; и вотъ они, какъ бы связуемые невидимою силою, хотя и нерѣдко приближаются къ вамъ, но не дерзаютъ нанести вреда.

При семъ случаѣ я долженъ принести вамъ, возлюбленные, жалобу на васъ самихъ: ибо, когда же лучше сдѣлать это, какъ не теперь, когда надъ вами рука Божія? Помните ли наше первое свиданіе съ вами, по прибытіи моемъ на паству херсоно-таврическую? Зная священную древность вашу, коею здѣшній полуостровъ превосходитъ едва не всѣ страны отечественныя, я ожидалъ, что имя святаго Стефана, вашего приснопамятнаго святителя, у всѣхъ васъ на устахъ и въ сердцѣ, что вы прибѣгаете съ молитвою особенно къ нему во всѣхъ нуждахъ вашихъ, какъ къ ближайшему и естественному вашему ходатаю предъ Богомъ: что же, къ прискорбію моему, увидѣлъ я? Что многимъ изъ васъ вовсе неизвѣстны его святая жизнь и подвиги, какъ для страны вашей, такъ и для всей Церкви вселенской!.. Тому ли слѣ-

довало быть? Такъ ли православные сыны Церкви чтутъ память своихъ святыхъ угодниковъ? Посему я тогда же возъимѣлъ не малое опасеніе за васъ и вашу будущность: и когда вы сѣтовали предо мною объ оскудѣніи прежнихъ источниковъ вашего земнаго благоденствія, я не усомнился указать вамъ, какъ на причину того, на ваше забвеніе вашего небеснаго ходатая и заступника. Тогдашнія слова мои, какъ показалъ опытъ, не произвели надъ вами всего желаннаго дѣйствія, и вотъ теперь учитъ тому же и наставляетъ васъ Самъ Господь, попустивъ прійти на васъ такому лютому и продолжительному искушенію! Ибо, страшно забывать святыхъ друзей Божіихъ! Въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда всѣ земныя средства оказываются видимо недостаточными, къ кому прибѣгнуть, какъ не къ помощи Божіей? А какъ прибѣгнуть и стать предъ святостію существа Божія со грѣхами нашими? Въ такомъ случаѣ ходатайство и молитвы святыхъ угодниковъ о насъ предъ Богомъ суть единственное средство преложить гнѣвъ Божій на милость, ибо они своею вѣрою и любовію къ Богу, своею чистотою и избыткомъ почивающей въ нихъ благодати, могутъ низводить благословеніе свыше на самыхъ грѣшниковъ, только бы, находясь подъ благодатнымъ покровомъ ихъ, мы не продолжали оставаться нераскаянными во грѣхахъ нашихъ.

Уразумѣйте же, возлюбленные, тайну вашей силы и безопасности отъ враговъ вашихъ. Принесши искреннее покаяніе предъ Богомъ, обратитесь съ теплыми молитвами къ заступнику страны вашей, святому Стефану, да продолжитъ онъ свое ходатайство о васъ предъ Богомъ и да будетъ для васъ въ стѣну и забрало противъ всѣхъ нападеній вражескихъ.

А въ вознагражденіе прежней хладности вашей къ угоднику Божію, сдѣлайте слѣдующее:

Когда святая Церковь вспоминаетъ ежегодно по всей вселенной память святителя вашего, вы чтите день сей особеннымъ празднествомъ, яко день собственнаго торжества вашего, день вашея славы о Господѣ.

Возлюбите самое имя вашего святителя и нарекайте его какъ можно болѣе на новорожденныхъ сынахъ вашихъ, ибо такимъ образомъ не только страна и градъ вашъ, но самыя семейства ваши придутъ въ особый духовный союзъ съ вашимъ общимъ заступникомъ небеснымъ.

Изберите, наконецъ,—если хотите вполнѣ загладить свое прежнее невниманіе,—изберите какое-либо изъ священныхъ урочищъ, коими такъ богаты ваши окрестности, и устройте на немъ хотя малый храмъ во имя святителя, куда бы вы и съ чадами вашими, могли приходить по временамъ на молитву и воспоминаніе священныхъ древностей страны вашей.

Мы съ своей стороны готовы употребить всѣ средства на вспомоществованіе вамъ въ семъ благомъ начинаніи; и между прочимъ для сей же цѣли, по возвратѣ домой, не замедлимъ прислать вамъ житіе святаго Стефана, начертанное не нашимъ скуднымъ перомъ, а священною рукою святаго Димитрія Ростовскаго. Постарайтесь пріобрѣсти эту хартію для каждаго изъ семействъ вашихъ и прочитывайте ее и въ день памяти святителя и въ другія времена, въ назиданіе себѣ и чадамъ вашимъ.

Господь да хранитъ васъ и градъ вашъ своею благодатію! Молитвы святаго Стефана да будутъ надъ всѣми вами!—Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Во время послѣдняго посѣщенія мною вашего города, подъ конецъ прошедшаго года, я бесѣдовалъ съ вами, если памятуете, хотя отечески, но съ нѣкоторою суровостію, какъ того требовали тогдашнія обстоятельства ваши; и признаюсь, хотя суровость сія была дѣломъ не моего какого-либо произвола, а слѣдствіемъ необходимости, но, не смотря на то, не разъ сожалѣлъ я о ней и, если бы возможно было, возвратилъ бы назадъ сказанное; ибо кто же,—выразимся подобно Апостолу Павлу (2 Кор. 2, 2),—кто же будетъ доставлять вамъ отраду и радовать васъ среди настоящихъ скорбей вашихъ, если мы еще будемъ васъ печалить и сурово обращаться съ самыми ранами вашими? Посему-то, говорю, я пенялъ на себя самого за васъ и прилежно смотрѣлъ за тѣмъ, что произойдетъ съ вами впослѣдствіи: не будете ли вы *пожерты печалію* (2 Кор. 2, 7) и уныніемъ, не придете ли еще въ большее смущеніе, или, опомнившись отъ страха, войдете въ духъ мужества и упованія, который я старался

*) Сказанное въ Александро-невскомъ симферопольскомъ соборѣ, 23 іюня 1855 года.

внушить вамъ, и начнете мыслить и дѣйствовать. какъ должно было ожидать отъ жителей города, столь почтеннаго, отъ людей, кои всегда извѣстны были за усердныхъ сыновъ отечества? Благодареніе Богу, надъ вами,—весьма скоро,—произошло послѣднее; и сбылись во всей силѣ слова Апостола Павла, который говоритъ, что *печаль, яже по Бозѣ,*—а другой мы не хотѣли и производить,—*покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ* (2 Кор. 7, 10).

Воздремавъ, по слабости человѣческой, на краткое время, подобно мудрымъ дѣвамъ въ Евангеліи, вы весьма скоро пробудились, спѣшно наполнили свѣтильники свои елеемъ милосердія и немедля вышли бодрственно во срѣтеніе жениху. Я разумѣю подъ симъ то, что вы такъ скоро послѣ того начали дѣлать и доселѣ такъ постоянно и усердно дѣлаете для уязвленныхъ на брани воиновъ нашихъ. Помните ли, какъ я призывалъ васъ къ сему богоугодному подвигу? Какъ указывалъ вамъ на полную возможность и ближайшую удобность для васъ, по самому мѣстоположенію города вашего, отличиться въ семъ родѣ человѣколюбія предъ лицемъ цѣлаго отечества? Теперь вижу, что вы вполнѣ поняли мои слова и уразумѣли это преимущество вашего мѣстоположенія: уразумѣли и, признаюсь, сдѣлали еще болѣе, нежели сколько можно было требовать отъ васъ.—Что теперь весь городъ вашъ? Это не городъ, а одна пространная врачебница, у коей почти столько же отдѣленій, сколько въ городѣ домовъ. Конечно, все это представляетъ изъ себя печальное явленіе, свидѣтельствующее о множествѣ жертвъ настоящей брани: но вмѣстѣ съ симъ—съ стороны вашей—это составляетъ умилительное торжество любви христіанской. Куда ни посмотришь, вездѣ видишь слѣды этой любви. Тамъ, напр., было мѣсто главнаго управленія здѣшняго края: теперь тутъ главная врачебница. Тамъ былъ домъ наукъ и образованія юношества: теперь тутъ врачебница. Здѣсь и здѣсь обитали начальники, главные и не главные: теперь во всѣхъ этихъ домахъ помѣщаются болящіе воины. Подобное произошло и съ частными домами: самые лучшіе и удобнѣйшіе добровольно отданы самыми хозяевами подъ врачебницы. Гдѣ покоилась роскошь, тамъ успокоивается теперь отъ своихъ ранъ мужество и доблесть. Въ похвалу вашу довольно сказать, что число призрѣваемыхъ въ недугѣ защитниковъ отечества

во градѣ вашемъ не разъ равнялось почти числу его жителей.

И какъ хорошо и по-христіански совершается у васъ это святое дѣло человѣколюбія! Какъ будто врачуемыхъ у васъ было не цѣлыя тысящи, а нѣсколько десятковъ! Кромѣ вещественнаго успокоенія страждущихъ и заботы о ихъ немощномъ тѣлѣ, съ ними обращаются у васъ, какъ всегда должно поступать съ людьми и христіанами, то есть, преподая имъ не однѣ снѣди и питія цѣлебныя, но внушая имъ терпѣніе и вѣру, возбуждая надежду на Спасителя и Его всемогущество, распространяя надъ одромъ ихъ благоуханіе молитвы, согрѣвая ихъ теплотою любви, напутствуя въ самыя врата вѣчности таинствами святой Церкви и упованіемъ жизни вѣчныя. Достойно всякаго одобренія и то, что все сіе дѣлается не для однихъ своихъ, а и для самыхъ враговъ нашихъ, кои жребіемъ войны пали къ намъ въ плѣнъ. Найдя такой, неожиданный для нихъ, призоръ и благотворительность, многіе изъ нихъ благословляютъ свою участь, спасшую ихъ отъ явной смерти.

Смотря на все сіе, я радуюсь сугубо и благодарю Бога не за васъ токмо, но и за себя; ибо союзъ духовныхъ пастырей съ пасомыми таковъ, что они не могутъ ни страдать, ни радоваться порознь, а испытываютъ то и другое вмѣстѣ и нераздѣльно. Теперь вы исполнили свой долгъ любви къ отечеству, какъ подобаетъ истиннымъ сынамъ его; подали прекрасный примѣръ всѣмъ прочимъ городамъ, близкимъ и дальнимъ: вознаградили съ лихвою свое прежнее—не малодушіе, ибо его на самомъ дѣлѣ не было,—а смущеніе и нерѣшительность. Да будетъ же за сіе отъ всѣхъ насъ благодареніе Господу! Ибо безъ Его тайнаго благодатнаго дѣйствія на нашу душу и сердце, мы, какъ свидѣтельствуетъ святый Павелъ, не можемъ и помыслить, тѣмъ паче совершить чего-либо истинно добраго (2 Кор. 3, 5).

Послѣ сего, возлюбленные, всѣмъ намъ остается пожелать молитвенно двухъ вещей,—во-первыхъ скорѣйшаго окончанія брани, столь неправедно противъ насъ воздвигнутой, а во-вторыхъ, чтобы священный огонь любви и человѣколюбія, разгорѣвшійся у васъ въ такое чистое и яркое пламя, не угасалъ, а горѣлъ въ сердцахъ вашихъ завсегда, и производилъ то же самое, что производитъ теперь, доколѣ въ

томъ будетъ нужда. Зная васъ и вашу доброту душевную, мы нисколько не сомнѣваемся, что, при помощи Божіей, такъ именно съ вами и будетъ. Ибо, если защитники Севастополя не престанутъ стоять и умирать за насъ, то намъ ли престать служить имъ, чѣмъ только можемъ, и возливать елей на ихъ кровавыя раны?—Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

По всему лицу земли Русской нѣтъ ни одного сына отечества, который бы въ настоящее время не привиталъ постоянно мыслію своею съ вами, мужественные защитники Севастополя,—который не скорбѣлъ бы вашими ранами, равно какъ не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился вашею твердостію и мужествомъ. Тѣмъ паче мнѣ, какъ духовному пастырю страны сей, хотя и недостойному, невозможно не присутствовать всегда съ вами духомъ, вѣрою, молитвою, и не раздѣлять отъ души всего, что происходитъ съ вами—и радостнаго и печальнаго.

Посему-то въ прошедшемъ году, не смотря на то, что городъ вашъ былъ посѣщенъ мною непосредственно предъ тѣмъ, я,—при первой вѣсти о вторженіи къ вамъ враговъ,—немедленно поспѣшилъ сюда, дабы раздѣлить съ вами самые первые дни опасности; и если, при всѣхъ усиліяхъ, не успѣлъ достигнуть тогда до васъ, то потому, что всѣ пути къ вамъ были уже пресѣчены врагами. Видя сіе, я, подобно птицѣ, кружащейся вокругъ того гнѣзда ея, долго странствовалъ по разнымъ мѣстамъ вокругъ вашего города: и не прежде оставилъ здѣшній полуостровъ, какъ совершенно увѣрившись, что самая главная опасность для васъ уже прошла, что всѣ беззащитныя въ вашемъ городѣ мѣста укрѣплены достаточно, и вы можете съ доброю надеждою стать противу враговъ.

Какъ потомъ дорога была намъ каждая вѣсть о васъ! Съ какимъ усердіемъ принимали мы, съ какимъ нетерпѣніемъ слушали всякаго, кто появлялся изъ вашего города! Сколько разъ съ своей стороны покушались мы оставить

*) Произнесенное въ Севастополѣ, въ лагерной, что на сѣверномъ укрѣпленіи, церкви, 25 іюня 1855 года.

свое мѣстопребываніе и всѣ дѣла и, такъ сказать, бѣжать къ вамъ, чтобы собственными глазами видѣть ваше многотрудное положеніе и раздѣлить съ вами наше чувство и ваши опасности!

Наконецъ, давнее желаніе наше исполнилось! Благодареніе Богу, мы теперь среди васъ: видимъ ваше лице, слышимъ вашъ голосъ, можемъ осязать васъ руками нашими! Въ семъ случаѣ, прежде всякаго слова, мы желали обнять всѣхъ васъ и облобызать васъ каждаго тѣмъ святымъ лобзаніемъ (Рим. 16. 16). которое Ап. Павелъ препосылалъ сущимъ въ отдаленіи возлюбленнымъ ученикамъ и братіямъ своимъ о Христѣ.

Да, возлюбленные, безпримѣрнымъ мужествомъ противъ враговъ и долготерпѣніемъ вашимъ, вы давно вышли и вознеслись изъ ряда людей и воиновъ обыкновенныхъ,—видимо приблизились къ знаменитому сонму древнихъ поборниковъ земли Русской; содѣлались не только любезными, но и священными для всѣхъ сыновъ отечества. Вы—слава Россіи, утѣшеніе ея Монарха, радость святой Церкви, предметъ удивленія для самыхъ враговъ и для всего свѣта!

Какъ же намъ послѣ сего не радоваться о васъ духомъ? Какъ не благодарить за васъ Бога? Какъ не желать вмѣстить всѣхъ васъ въ сердцѣ своемъ?

Посѣщая въ прошедшемъ году, предъ наступавшею бурею, городъ вашъ и полагая—предъ лицемъ и въ виду враговъ—основаніе вашего храма святаго Владиміра, я позволилъ сказать себѣ тогда, что скорѣе не останется камня на камнѣ въ горахъ здѣшнихъ, нежели уступится врагамъ нашимъ эта колыбель русскаго православія. Благодаря вашему безпримѣрному самоотверженію, слабыя слова мои исполнились, какъ нѣкое пророчество. Уже лице многихъ горъ и холмовъ окрестныхъ измѣнилось совершенно; а вы одни и тѣ же—тверды и неизмѣнны! Уже цѣлая Галлія и Британія и весь мусульманскій Востокъ облеклись чернымъ покровомъ печали о падшихъ здѣсь сынахъ своихъ; а вы одни и тѣ же,—тверды и неизмѣнны! Уже врагу ожесточенному не разъ оскудѣвали и люди и оружіе; а вы одни и тѣ же—тверды и неизмѣнны!

Можно ли во всемъ этомъ, при всемъ вашемъ мужествѣ, не примѣтить съ благоговѣніемъ и знаменія надъ вами силы

Божіей и благословенія свыше? Кто, какъ не Онъ поразилъ неожиданно слѣпотою надменную гордыню враговъ нашихъ, да не познаютъ, въ самомъ началѣ вторженія, и вашей неготовности къ брани и слабости вашихъ силъ и стѣнъ? Кто, какъ не Онъ, умудрилъ юныхъ защитниковъ вашихъ въ немногіе дни воздвигнуть и совершить въ защиту града вашего то, на что въ другое время потребовались бы цѣлые годы? Кто, какъ не Онъ, послалъ въ союзники вамъ эту ужасную бурю, которая разразилась надъ врагами губительнѣе всякой битвы? Кто, наконецъ, какъ не Онъ, отнялъ силу у большей части разженныхъ стрѣлъ вражіихъ и заставилъ ихъ праздно и безвредно для васъ падать на землю? Не Онъ же ли подалъ и вамъ тотъ духъ мужества и долготерпѣнія, коему удивляются теперь всѣ и вездѣ? Падемъ же, братіе мои, предъ симъ престоломъ благодати, и скажемъ словами царя-пророка: *не намъ, Господи, не намъ,* но *имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9), ибо безъ Твоей всесильной помощи какъ возмогли бы мы совершить то, что совершено доселѣ во славу пресвятаго имени Твоего и ко благу Россіи!

Стойте-жъ, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высотѣ, на которую возвелъ и поставилъ васъ Самъ Господь! Продолжайте неослабно великое и священное служеніе ваше Церкви и отечеству! Довершайте то, что начато вами такъ безпримѣрно; помните, что за вами—Россія, предъ вами—потомство, Богъ и Его всесвятый промыслъ! Не забывайте, что вами сдѣлано уже гораздо болѣе того, что остается сдѣлать. Еще одно, другое поприще времени и терпѣнія; еще одна, другая побѣда,—и врагъ со стыдомъ долженъ будетъ возвратиться вспять. О, какъ тогда воскликнетъ и восплещетъ отъ радости вся Россія! Какъ отрадно будетъ тогда во всю жизнь на сердцѣ у каждаго изъ васъ! Тогда во всей силѣ сбудется надъ вами слово Спасителя: *жена егда раждаетъ, скорбь имать, яко пріиде годъ ея: егдаже родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ* (Іоан. 16, 21).

О, великъ будетъ этотъ, имѣющій родиться среди настоящихъ трудовъ и скорбей вашихъ, человѣкъ въ міръ! И на челѣ его будетъ написано: святая и православная Россія не боится на землѣ никого, кромѣ Бога, единаго Бога!—Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Не смотря на эти неумолкающіе удары громовые, мы паки съ радостію исходимъ предъ васъ, братіе, для втораго и послѣдняго собесѣдованія съ вами... Ибо долго ли намъ и быть у васъ?—По самому образу настоящей жизни и роду занятій вашихъ здѣсь, мы должны оставить васъ, дабы дать вамъ болѣе досуга и удобности къ великому дѣлу вашему. А между тѣмъ, можно ли было вчера—за одинъ разъ—высказать все, что было у насъ на душѣ?.. Послѣ столькихъ опасностей, вамъ непрестанно угрожающихъ, вы—по необходимости—кажетесь намъ такими людьми, кои уже какъ бы не принадлежатъ нашему міру, и съ коими по тому самому нельзя довольно наговориться.

Но о чемъ будемъ бесѣдовать? Найдите, если угодно, для сего предметъ вы сами; только не требуйте, братіе мои, чтобы мы начали учить васъ и наставлять чему-либо. Ахъ, теперь, какъ сами видите, время уже не учить и учиться, а творить изученное и дѣйствовать, время—молиться и, если нужно, умирать, какъ подобаетъ христіанину и истинному сыну отечества!

Если бы впрочемъ для кого-либо потребно было вразумленіе, то мы вѣруемъ, что вашъ наставникъ теперь и учитель—Самъ Духъ Святый, Который никогда не оставляетъ истинно-вѣрующихъ безъ необходимыхъ для нихъ, тайныхъ озареній въ ихъ сердцѣ, тѣмъ паче не можетъ оставить безъ сего васъ, кои за вѣру и отечество полагаете свои души. Внимайте сему Божественному Наставнику, выну глаголющему въ нашей совѣсти: исполняйте вѣрно внушаемое имъ; и вы, какъ увѣряетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, не потребуете, *да кто учитъ вы* (1 Іоан. 2, 27).

Что касается до насъ, коимъ выпалъ рѣдкій жребій—быть свидѣтелями вашего безпримѣрнаго положенія, и коимъ, по всей вѣроятности, не представится подобнаго, крайне важнаго и поучительнаго случая въ другой разъ, то мы погрѣшили бы не только противъ самихъ себя, но и противъ всѣхъ будущихъ слушателей нашихъ, если бы не постарались по-

*) Сказанное въ севастопольскомъ соборѣ, во время бомбардированія сего города непріятелями, 16 іюня 1855 года.

нять и изучить твердо всю вашу, такъ великую и такъ громогласную проповѣдь севастопольскую.

Да, братіе мои, все, происходящее у васъ здѣсь, я называю не иначе, какъ *проповѣдію всемірной*, которая произносится только на землѣ, а слагается не на землѣ, а на небѣ. Ибо, кто изъ самыхъ первыхъ и дѣятельныхъ виновниковъ и распорядителей настоящей брани можетъ сказать, что происходящее здѣсь совершается не по другимъ причинамъ, а по его волѣ, и окончится, когда и какъ ему угодно? Нѣтъ, къ вамъ—сюда простираетъ теперь взоры вся вселенная; отсюда ожидаютъ рѣшенія своей судьбы цѣлыя царства и народы; но никто не вѣдаетъ и не можетъ сказать, что выйдетъ наконецъ изъ этихъ молній и громовъ, коими, какъ нѣкогда Синай (Исх. 19, 18), окруженъ столько времени вашъ городъ. Въ качествѣ земныхъ посредниковъ, при семъ великомъ дѣлѣ явятся, безъ сомнѣнія, и, можетъ быть, не одинъ Моисей и Ааронъ, но самыя скрижали новаго политическаго завѣта сойдутъ съ неба, написанныя—*перстомъ Божіимъ* (Исх. 31, 18).

И смотрите, какъ для выслушанія этихъ новыхъ откровеній небесныхъ—сведены сюда—къ вамъ, какъ на юдоль Іосафатову (Іоил. 3, 12), едва не всѣ народы! Что всего неожиданнѣе,—соединяемые общею враждою къ намъ, здѣсь явились, яко братія, тѣ народы, кои доселѣ не могли равнодушно слышать имени одинъ другаго. Никто изъ нихъ не расположенъ слышать о путяхъ Промысла Божія, тѣмъ паче подчиниться имъ; каждый водится собственными выгодами и дѣйствуетъ по своимъ страстямъ: всѣ, подобно строителямъ столпа вавилонскаго, говорятъ громко: *сотворимъ себѣ имя* (Быт. 11, 4). И однако же, посредствомъ всѣхъ сихъ, столь разнообразныхъ и такъ, повидимому, самостоятельныхъ дѣйствователей видимо совершается—и совершится!—чуждое для нихъ, но благотворное для человѣчества, единое великое дѣло Божіе...

Подробности сего дѣла покажетъ всему свѣту—время: но сущность его видна уже теперь: это окончательное паденіе магометанства! это рѣшительное возстаніе отъ униженія и рабства—православнаго Востока! это грозное обличеніе и кровавый урокъ невѣрію и закоренѣлой гордынѣ Запада!

Да, братіе мои, *есть*, какъ замѣчаетъ Премудрый, *есть*

время всякой вещи подъ небесемъ (Екклес. 3, 1)! Было время—за четыре вѣка предъ симъ,—когда, въ наказаніе неправдъ человѣческихъ, солнцу восточнаго православія предлежало—на извѣстное время—сокрыться съ горизонта политическаго и уступить свое мѣсто лунѣ Магометовой;—и ничто не могло остановить заходящаго солнца и восходящей луны. Теперь, когда эти грѣхи и неправды омыты цѣлыми рѣками слезъ и крови, настало время—исчезновенія луны Магометовой и восхожденія снова солнца восточнаго православія; и ничто не остановитъ исчезающей луны и паки восходящаго солнца.

Тщетно Британія, Галлія, Сардинія—явно, и едва не весь прочій Западъ—тайно, по нерасположенію къ намъ—возстаютъ противъ дѣла Божія;—и, вопреки самыхъ своихъ выгодъ истинныхъ, вопреки даже всякаго долга и чести, объявляютъ себя защитниками мнимо-гонимыхъ нами мусульманъ. Въ семъ-то и познается и обнаружится предъ цѣлымъ свѣтомъ глубина премудрости Божіей и немощь и недальновидность мудрованій человѣческихъ, что, соединенныя противу насъ въ пользу мусульманства, державы будутъ дѣлать одно, а выходить будетъ другое, противное;—потому что ихъ усилія и возбужденныя ими потрясенія къ поддержанію издыхающаго магометанства лишатъ его и послѣднихъ силъ и ускорятъ совершенное паденіе и смерть. Какъ это можетъ быть, подумаетъ кто-либо?—Такъ же, возлюбленный, какъ бываетъ съ человѣкомъ, совершенно истощеннымъ въ силахъ отъ болѣзни или долгихъ лѣтъ: онъ еще продолжаетъ жить и дышать, если его оставляютъ въ покоѣ и не принуждаютъ дѣлать усиленныхъ движеній, или принимать сильныхъ лекарствъ; а въ противномъ случаѣ, отъ самаго напряженія силъ, онъ впадаетъ въ безчувствіе и подвергается смерти. Какъ это можетъ быть?—Такъ же точно, какъ бываетъ съ изветшалымъ и долунаклоннымъ зданіемъ: не трогаемое, оно продолжаетъ на удивленіе всѣхъ стоять на своемъ мѣстѣ, а сильно тронутое, хотя бы то было для подпоры или поновленія нѣкоторыхъ частей, тотчасъ теряетъ равновѣсіе, падаетъ и обращается въ развалины. Таково, по суду всѣхъ, самыхъ друзей и защитниковъ ея, нынѣшнее положеніе державы мусульманской. Для нея пагубны всѣ усиленныя движенія, кои заставляютъ ее дѣлать,—смертоносны самыя врачевства, коими думаютъ спасти ее отъ смерти. Подобно разстающимся

съ жизнію и кончающимъ свое бытіе, для сей державы необходимъ былъ только совершенный покой и безмолвіе: но, по неразумѣнію или неискренности своихъ друзей,—она, какъ бы въ наказаніе за свою всегдашнюю наглость и необузданность,—будетъ лишена при концѣ своемъ и сего утѣшенія...

Видите теперь, что совершается у васъ и къ чему вы призваны, возлюбленные! Не малое что-либо и даже не просто человѣческое происходитъ здѣсь, а выходитъ изъ-подъ *печати* (Апок. 6, 1) вѣковая тайна промысла Божія; приходитъ въ исполненіе надъ царствами и народами единъ изъ великихъ судовъ Божіихъ: рѣшается, надолго рѣшается, судьба Востока и Запада, а можетъ быть, и всего свѣта. Цѣлые вѣка прошли въ ожиданіи настоящихъ событій; и цѣлые вѣка будутъ выражать собою ихъ послѣдствія. О, есть за что̀ пролить вамъ кровь свою, какъ она ни драгоцѣнна для насъ! Есть ради чего принести въ жертву свою жизнь, какъ она ни важна и невознаградима!

И примѣтьте, съ какимъ благоприличіемъ и съ какою, можно сказать, умилительностію избрано свыше самое мѣсто этой новой борьбы добра со зломъ, этого неожиданнаго спора страстей и злобы человѣческой съ судьбами правды Божіей... Огнь настоящей брани разгорался и могъ разгорѣться въ разныхъ мѣстахъ; но разгорѣлся и сосредоточился во все пожирающее пламя именно у васъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ колыбель нашего православія, на томъ мѣстѣ, гдѣ отечество наше срѣтилось нѣкогда и вступило навсегда въ духовный союзъ съ православнымъ Востокомъ!... Симъ самымъ промыслъ Божій явно показалъ, что у него заранѣе все разсчитано и опредѣлено. Этимъ самымъ Россія поставлена, можно сказать, въ необходимость—стоять за сіе мѣсто, какъ за святыню и драгоцѣнность, этимъ самымъ врагу, при всей его надменности, какъ бы заранѣе сказано: «до сего,—только до сего!—дойдеши, и не прейдеши далѣе!».

Послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ распоряженій промысла Божія о судьбѣ настоящей брани, какъ иначе назвать васъ, братіе мои, какъ не ратниками Божіими, какъ не воинствомъ Іеговы, какъ не исполнителями судебъ вышнихъ? Такъ смотритъ на васъ вся Россія; такъ смотрятъ на васъ повсюду всѣ, вѣрующіе въ управленіе нашего міра не случаемъ слѣ-

пымъ, а премудрымъ промысломъ Божіимъ; такъ взирайте, возлюбленные, и вы сами на свое дѣло, взирайте со смиреніемъ и преданностію, но и съ вѣрою живою и упованіемъ твердымъ.—Если къ кому, то къ вамъ можно отнести во всей силѣ слово Евангелія: *имѣйте вѣру Божію* (Марк. 11, 23). *и ничтоже не возможно будетъ вамъ* (Матѳ. 17, 20). Если кому, то вамъ принадлежитъ оное всеуспокоительное обѣтованіе: *вамъ же и власы главніи изочтены суть* (Матѳ. 10, 30), такъ что ни единъ изъ нихъ не упадетъ безъ воли Отца небеснаго. Наконецъ, если кто, то каждый изъ васъ всякій день можетъ и долженъ повторять самъ себѣ: *буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота* (Апок. 2, 10).

Кто не видитъ и не понимаетъ, что вы непрестанно находитесь предъ лицемъ смерти? Не легко должно быть это для человѣка внѣшняго и чувственнаго, облеченнаго въ плоть и кровь нашу. Но для человѣка внутренняго и духовнаго, для дѣла спасенія, такое положеніе, какъ ваше, соединено съ величайшими преимуществами. Сколько бы—обыкновеннымъ путемъ—надобно было идти, чтобы достигнуть до той высоты самоотверженія христіанскаго, гдѣ, какъ заповѣдуетъ Евангеліе, приносится въ жертву Богу и ближнему—все, самая жизнь! А вы за одинъ, такъ сказать, полетъ души вознеслись на эту святую высоту любви и самоотверженія! ибо мы увѣрены, что каждаго изъ васъ поставила въ среду столькихъ опасностей не одна необходимость такъ именуемой службы, но и любовь къ отечеству. Но поелику предъ вами завсегда опасности и смерть, то предъ вами же постоянно отверсты врата рая: надъ вами, подобно какъ надъ древними исповѣдниками вѣры, вину носятся вѣнцы небесные... О, если царь земной умѣетъ награждать заслуги и труды достойныхъ слугъ отечества, то у Царя ли небеснаго не станетъ средствъ воздать сторицею за пожертвованіе для Него вашею жизнію?

Но, братіе мои, да будетъ позволено мнѣ привести вамъ на память одно слово Апостола, которое всегда смущало меня и заставляло бояться за васъ. *Аще кто и подвизается*, говоритъ онъ, *не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ* (2 Тим. 2, 5).—Кто можетъ подвизаться и терпѣть болѣе васъ? Это признаетъ весь свѣтъ. Но изъ словъ Апостола явствуетъ, что можно оказать самые большіе подвиги—

и не быть увѣнчаннымъ вѣнцемъ небеснымъ. Когда и какъ?— Если подвизаются незаконно,—не какъ должно и не какъ угодно Господу. Надобно посему, непремѣнно надобно всѣмъ вамъ узнать, кто въ вашемъ подвижническомъ положеніи подвизается, какъ должно, и кто потому истинно достоинъ вѣнца небеснаго.

Законнымъ образомъ подвизается изъ васъ во-первыхъ тотъ, кто не подвергаетъ себя опасности и смерти, безъ видимой нужды, по единой неразумной отвагѣ, или столь же непростительной безпечности, забывая, что жизнь воина принадлежитъ не ему самому, а отечеству. Законно подвизается тотъ, кто сражается и умираетъ не по-язычески, а по-христіански, то есть, одушевляясь въ принесеніи на жертву своей жизни не однимъ обыкновеннымъ отвращеніемъ къ врагу и желаніемъ себѣ успѣха и отличія, а наиболѣе чувствомъ долга къ царю и отечеству, тѣмъ паче— къ вѣрѣ и святой Церкви. Законно подвизается тотъ, кто преходитъ на брани въ другой міръ съ чувствомъ смиренія и покаянія, а не съ надменіемъ и безчувствіемъ душевнымъ, не призвавъ на себя, даже въ минуту опасности смертной, милосердія Божія. Законно подвизается наконецъ тотъ, кто, находясь постоянно, какъ вы теперь, предъ лицемъ смерти, заранѣе изгоняетъ изъ своей души всѣ помыслы нечистые и пожеланія плотскія.—А о всѣхъ тѣхъ, кои мыслятъ и дѣйствуютъ противнымъ образомъ,—горько, но должно сказать,—что они, при всемъ ихъ мужествѣ и самоотверженіи, подвизаются незаконно и не какъ должно; а потому не могутъ пріять на главу свою того вѣнца, который былъ уготованъ имъ за ихъ подвигъ.

Хотите ли вы знать причину сего? Она въ томъ, что въ царствіе Божіе не можетъ внити—*ничтоже скверно* (Апок. 21, 27). Таково именно существо сего царства: и ужели вы первые захотите внести туда за собою что-либо нечистое?.. Такимъ образомъ оно престало-бъ быть царствомъ Божіимъ, царствомъ свѣта, чистоты и правды. Напротивъ, имѣя въ виду его святость, вы по тому самому потщитесь быть если не совершенно чистыми и святыми, то омытыми и оправданными—чрезъ вѣру и покаяніе.

Когда мы напоминаемъ вамъ о нуждѣ въ покаяніи, то само собою разумѣется, что мы не требуемъ отъ васъ тѣхъ

дѣйствій и принадлежностей покаянія, коими сопровождается сіе таинство въ обыкновенномъ его видѣ. И ваше покаяніе, какъ и всякое—истинное, должно быть соединено съ неизмѣннымъ отвращеніемъ отъ грѣха и рѣшимостію—вести жизнь праведную и богоугодную; но отъ васъ, среди постоянныхъ смертныхъ опасностей, не требуется ни продолжительныхъ молитвъ, ни обыкновенныхъ въ семъ случаѣ пощеній, ни даже церковной исповѣди. *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* вотъ ваша молитва!—*Безъ числа согрѣшихъ, Господи, помилуй мя!* вотъ ваша исповѣдь!—*Пресвятая Богородице, спаси мя! Ангеле хранителю, сохрани мя!* вотъ ваши молебны! —*Святителю Христовъ Николае, буди ми помощникъ! Святителю Митрофане, не остави мене!* вотъ ваши акаѳисты! Трудно-ли, когда нужно, дѣлать все сіе—для кого-либо изъ васъ? а и этого одного, какъ видите—малаго и легкаго, въ настоящемъ положеніи вашемъ,—когда то̀ будетъ дѣлаться отъ души,—предостаточно для всякаго.

Но, говоря такимъ образомъ, я, вопреки сказанному мною въ началѣ, непримѣтно обращаюсь предъ вами въ наставника... Простите, возлюбленные, сему невольному избытку ревности по вашему спасенію!—и какъ бы не явилась она у насъ теперь? Вы ежечасно подвергаетесь ради насъ крайнимъ опасностямъ и, можно сказать, умираете за насъ каждый день, а мы не примемъ труда подумать и позаботиться о томъ, чтобы эта—великая—жертва, какова жизнь ваша, была вполнѣ благопріятна Господу и чтобы вы не подверглись опасности лишиться вѣнца небеснаго, предназначеннаго вамъ за ваше самоотверженіе?—О, если бы нужно было, то—Богъ свидѣтель—мы готовы уступить для сего каждому изъ васъ часть собственнаго спасенія!

За симъ, братія мои, предаемъ васъ и судьбу вашу въ руцѣ Господа и всемогущей благодати Его. О, да будетъ и преизбудетъ она на каждомъ изъ васъ! Съ радостію услышимъ и вдали отъ васъ о каждомъ подвигѣ и преспѣяніи вашемъ; еще съ большею радостію поспѣшимъ на свиданіе съ вами паки, коль скоро откроется къ тому хотя малая удобность. Если же суждено свыше—не срѣтаться намъ болѣе въ этой земной юдоли, то молимъ Господа о единомъ—да будемъ сподоблены взаимнаго свиданія тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе ни печали, ни воздыханій, и гдѣ срѣтившіеся никогда

уже не разлучаются. Въ заключеніе вмѣсто взаимнаго прощальнаго слова, повторимъ слова святаго Павла: *аще живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ, аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. 14. 8). Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Послѣ некраткой разлуки, мы опять теперь съ вами. Между тѣмъ, давнее желаніе наше, благодареніе Богу, исполнилось: мы посѣтили нашъ многострадальный Севастополь: видѣли городъ, исполненный героевъ и мучениковъ; смотрѣли вблизи на купину, горящую и несгарающую; слышали громы, не уступающіе звукомъ своимъ, можетъ быть, Синайскимъ, но гораздо губительнѣе ихъ, ибо эти громы не какъ Божіи, поражаютъ безъ разбору всѣхъ и каждаго. Боже мой, что это за необыкновенное и ужасное положеніе!.. Это не городъ, а пространная пещь вавилонская, разженная не седмерицею, а семьдесятъ кратъ, въ коей находятся не три отрока, а цѣлая многочисленная рать наша. Представьте двенадесять—нынѣшнихъ—поприщъ земли, въ видѣ звѣзднаго полукруга простертыхъ отъ одного до другаго края залива морскаго; вообразите, что это протяженіе земли—въ поприще шириною—содѣлалось огнедышущимъ, такъ что день и нощь извергаетъ изъ себя огнь, жупелъ и смерть. И подъ этимъ огненнымъ вѣнцемъ нашъ многострадальный Севастополь!.. И такое великомученическое положеніе города продолжается не дни и недѣли, а едва не цѣлый годъ!—Подлинно, если есть *скорбь велія*, о коей можно сказать, *яковаже не быша отъ начала міра* доселѣ (Матѳ. 24. 21), то это скорбь и тѣснота севастопольскія! О если бы и въ семъ случаѣ сбылись оныя утѣшительныя слова Спасителя: *яко избранныхъ ради прекратятся дніе оны* (Матѳ. 24, 21)!

И ужели нѣтъ таковыхъ на пространствѣ святой земли, Русской? Кто бы и гдѣ бы вы ни были, души чистыя и избранныя, спѣшите на помощь отечеству! Се, ваше время и вашъ часъ!.... Не медлите вознести молитвы ваши ко престолу благодати, да пошлется скорѣе на землю Ангелъ мира,

*) Произнесенное въ одесской успенской единовѣрческой церкви по возвращеніи изъ Севастополя, 17 іюля 1855 года.

имѣющій заключить *студенецъ бездны* (Апок. 9, 1), изъ коего столько времени исходятъ вражда и пагуба!..

По столь необычайной тѣснотѣ и озлобленію, продолжающимся при томъ столь долгое время, естественно, братіе мои, что мы ожидали увидѣть въ защитникахъ осаждаемаго града хотя мужество, но дошедшее до крайности и истощанія; предполагали найти хотя пламенное желаніе продолжать стоять противу враговъ, но безъ твердой надежды отстоять защищаемое. И что же насъ срѣтило тамъ? Терпѣніе—безъ конца, мужество—безъ всѣхъ предѣловъ и условій, самоотверженіе—всецѣлое, упованіе—полное и непоколебимое. Да, братіе мои, благодареніе Богу, тамъ есть военачальники, не уступающіе духомъ древнимъ великимъ поборникамъ земли Русской,—такіе военачальники, кои способны и достойны были бы предводить не человѣческими токмо бранями, а и *Господними!..* (Сирах. 96, 4). Тамъ есть простые воины, кои умѣютъ дѣйствовать не однимъ оружіемъ вещественнымъ, а и духовнымъ, то есть вѣрою и молитвою. Тамъ нашли мы такое презрѣніе смерти, такую любовь къ отечеству, такую преданность въ волю Божію, что вмѣсто того, чтобы поучать чему-либо слушавшихъ насъ, мы сами учились у нихъ великой наукѣ жить и умирать за вѣру и отечество.

Трогательнѣе всего было для насъ посѣщеніе тѣхъ храминъ, въ коихъ возлежатъ многочисленные сонмы уязвленныхъ на брани воиновъ нашихъ. Грустно было смотрѣть на это множество жертвъ вражды человѣческой, на этотъ большею частію цвѣтъ воинства, пожатый и обезображенный огнемъ и мечемъ!.. Но, какъ отрадно было вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и замѣтить, что эти герои переносятъ свои страданія съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ, что на лицахъ ихъ выражаются не скорбь и ропотъ, а довольство собою и самоуспокоеніе: каждый самымъ взоромъ своимъ, кажется, говоритъ вамъ: я исполнилъ свой долгъ! Отечество должно быть довольно мною!—Когда я возвѣщалъ имъ, что Севастополь нашъ стоитъ и, Богъ дастъ, устоитъ; что кровь ихъ посему пролита не напрасно, ибо гордость враговъ унижена; что по всѣмъ краямъ Россіи хвалятъ и прославляютъ ихъ дѣянія и удивляются ихъ мужеству; что благочестивѣйшій Государь готовитъ имъ награды и успокоеніе; что святая Церковь молится за нихъ, живыхъ и умершихъ, и благо-

словляетъ ихъ труды и подвиги; о, какъ свѣтлѣли тогда ихъ взоры, какъ воспламенялось блѣдное лице, какъ порывались они выразить, имъ свойственнымъ языкомъ, чувство преданности Царю и отечеству! Среди тысящей страдающихъ отъ недуга не было ни единаго, который пожалѣлъ бы о своей рукѣ или ногѣ, коихъ лишился; но сколько такихъ, кои отъ всей души сожалѣли о томъ, что имъ нельзя снова разить враговъ! И отъ врачующихъ не разъ я имѣлъ утѣшеніе слышать, что, не смотря на ихъ внушенія возставшимъ отъ недуга идти еще на отдыхъ и покой, или даже возвратиться на время къ роднымъ,—выздоравливающіе просили, какъ милости немедленно возвратить ихъ подъ стѣны Севастополя для его защиты.

Не удивитесь посему, братіе мои, если мы отъ лица защитниковъ Севастополя предложимъ вамъ одно прошеніе—о томъ, что когда вы услышите о геройской кончинѣ кого-либо изъ нихъ, то пожелайте молитвенно вѣчнаго покоя и милосердія Божія почившему; но не смущайтесь духомъ и не приходите отъ того въ горесть и уныніе, иначе вы возмутите симъ душу почившаго героя, который давно возложилъ земную жизнь свою, какъ жертву, на алтарь отечества. Не тревожьтесь въ подобномъ случаѣ и за судьбу самой брани и отечества: будьте увѣрены, что вмѣсто единаго героя явится на его мѣсто нѣсколько подобныхъ, кои были не такъ извѣстны потому только, что почившій долженъ былъ стоять выше ихъ.

Чего же, вопросите, наконецъ, ожидать намъ въ будущемъ? Скоро ли конецъ брани? Есть ли надежда на успѣхъ? Не слѣдуетъ ли готовиться къ новымъ лишеніямъ и жертвамъ?

Будущее, братіе мои, какъ всегда, такъ и нынѣ, въ рукахъ не человѣческихъ, а въ десницѣ Господней, но по тому самому что оно не въ рукахъ человѣческихъ, а въ десницѣ Господней, мы можемъ имѣть добрую надежду на успѣхъ. Ибо Господь всемогущъ и праведенъ, а наше дѣло правое, и мы не желаемъ зла самымъ врагамъ нашимъ.

Впрочемъ о томъ, что будетъ, мы можемъ гадать и судить уже по тому, что было и есть. Какихъ врагами нашими не употреблено противу насъ усилій и средствъ? И много ли успѣли они въ своихъ замыслахъ, въ продолженіе столь

долгаго времени?—Одинъ, наскоро укрѣпленный, городъ, на краю отдаленнаго отъ сердца имперіи полуострова, стоитъ доселѣ какъ скала, о которую сокрушаются всѣ силы и всѣ надежды вражіи. Великъ ли былъ бы ущербъ отечеству, если бы и не устояла какимъ-либо образомъ сія твердыня? Ибо вмѣсто единой ихъ можетъ быть воздвигнуто десять. Но и сего нѣтъ, и дастъ Господь, не будетъ, какъ показало недавнее отчаянное нападеніе на насъ враговъ. Къ чему готовились едва не цѣлый годъ, то въ нѣсколько часовъ обратилось къ пагубѣ и стыду враговъ нашихъ.

Возблагодаримъ же Господа за то, что Онъ, хотя по недовѣдомымъ судьбамъ Своимъ допустилъ возстать на насъ сей неправедной и жестокой брани, но въ то же время видимо облекъ воинство наше силою свыше и препослалъ ему духа мужества и долготерпѣнія, коимъ невольно удивляются самые враги: возблагодаримъ, говорю, за все сіе Господа и усугубимъ молитвы наши къ престолу благодати Его, да не будемъ и впредь оставлены благословеніемъ и помощію небесною. А чтобы молитвы наши были благопріятны Господу, то присовокупимъ къ нимъ наше покаяніе и смиреніе, ибо не напрасно сказано: *близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ и смиренныя духомъ спасетъ* (Псал. 33, 19)! Аминь.

Слово при обозрѣніи епархіи *).

Видя, какъ мы не разъ проѣзжали чрезъ вашъ городъ, не останавливаясь въ немъ для богослуженія, вы могли подумать, что мы какъ бы чуждаемся васъ и отдаемъ предпочтеніе другимъ городамъ и мѣстамъ. Богъ свидѣтель, возлюбленные, что у насъ не было ничего подобнаго ни въ умѣ, ни въ сердцѣ!.. Прежняя поспѣшность наша при посѣщеніи вашего города была слѣдствіемъ разныхъ обстоятельствъ, отъ насъ не зависящихъ, и не заключала въ себѣ никакого намѣренія въ отношеніи къ вамъ. Мы никогда не отдѣляли васъ въ мысляхъ отъ всей прочей духовной паствы нашей,

*) Сказанное въ заштатномъ городѣ Бериславѣ, 10 іюня 1855 года.

и всегда вспоминали о васъ въ слабыхъ молитвахъ нашихъ предъ Богомъ. И вотъ, если угодно, доказательство тому! Мы не останавливались у васъ надолго тогда, когда все среди и вокругъ васъ было покойно и радостно, когда въ городѣ вашемъ, пользующемся такимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, можно было провести время съ особеннымъ удовольствіемъ; за то являемся среди васъ и медлимъ теперь, когда весь городъ наполненъ уныніи и страха, не только отъ нашествія враговъ, но и отъ губительной болѣзни. Ибо истинное расположеніе и дружество, какъ справедливо замѣчено, познаются не столько раздѣленіемъ съ кѣмъ-либо его покоя и радостей, сколько добровольнымъ участіемъ въ его печаляхъ и опасностяхъ. Да будетъ же настоящее посѣщеніе нами васъ свидѣтельствомъ нашей искренней любви къ вамъ о Господѣ! Говоримъ это не въ похвалу какую-либо и одобреніе себѣ, (что намъ земная похвала? наше похваленіе о Господѣ и предъ Господомъ); но въ огражденіе васъ отъ неправаго мнѣнія и подозрѣній, ибо нѣтъ ничего хуже, какъ если между пастыремъ и пасомыми возникаетъ какое-либо сомнѣніе въ расположеніи, тогда самыя добрыя и благонамѣренныя дѣйствія представляются не въ благопріятномъ видѣ и не достигаютъ своей цѣли.

Что же мы скажемъ вамъ, среди настоящихъ тяжкихъ обстоятельствъ, въ успокоеніе и утѣшеніе ваше? Отъ себя самихъ не много могли бы сказать вамъ въ семъ случаѣ, но, благодареніе Богу за Его святое Евангеліе! у христіанина есть въ чемъ успокоиться и самому и чѣмъ утѣшить другихъ въ самыхъ печальныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ жизни, былъ бы только онъ вѣренъ Богу и своей совѣсти.

И во-первыхъ, возлюбленный Спаситель нашъ открываетъ намъ въ Своемъ Евангеліи, что надъ всѣми нами простертъ и бдитъ непрестанно всемогущій Промыслъ Божій до такой степени, что у вѣрующихъ во имя Его *всѣ власы главніи изочтены суть, и ни единъ изъ нихъ не падетъ безъ воли Отца небеснаго* (Матѳ. 10, 29. 30). Какая отрадная истина! Какое успокоеніе для сердецъ страждущихъ! Слѣдовательно, никакое зло или бѣдствіе не можетъ коснуться насъ безъ Его всеблагой воли; и если касается, то допущенное Его же волею — для какой-либо, истинно полезной для насъ

цѣли. Посему, если мы все, случающееся съ нами, пріемлемъ съ вѣрою и преданностію Промыслу Божію, то что бы ни случилось, рано или поздно, должно обратиться намъ во благое, ибо небесный Распорядитель судебъ нашихъ праведенъ и всемогущъ. Далѣе—возлюбленный Спаситель нашъ, именно въ ободреніе насъ противу всѣхъ страховъ человѣческихъ, рекъ: *не бойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити* (Матѳ. 10, 28). Послѣ сего самая смерть не страшна для истиннаго христіанина, какъ то доказало множество святыхъ мучениковъ. Ибо, для того, кто оставляетъ земную жизнь съ живою вѣрою въ Искупителя и крестъ Его, съ истиннымъ покаяніемъ во грѣхахъ своихъ,—для того смерть есть не лишеніе, а пріобрѣтеніе, переходъ отъ низшаго и несовершеннѣйшаго къ бытію высшему и лучшему, отъ трудовъ и печалей къ вѣчному успокоенію и блаженству въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго. Наконецъ, Спаситель, оставляя нашу землю, благоволилъ вѣрующимъ во имя Его дать обѣтованіе даже въ томъ, что всѣ прошенія ихъ, коль скоро они сообразны волѣ и клонятся ко славѣ Отца небеснаго, будутъ исполняемы непремѣнно; слѣдовательно, мы не осуждены здѣсь на безотрадное терпѣніе, а можемъ съ дѣтскою довѣренностію прибѣгать къ Нему во всѣхъ нашихъ нуждахъ, просить всякаго блага, молить объ удаленіи отъ насъ всякаго вида зла; и, если не зазритъ намъ совѣсть наша въ просимомъ нами, то можемъ быть совершенно увѣрены, что Онъ, яко всевидящій, услышитъ насъ и, яко всемогущій, исполнитъ во благихъ прошенія наша и подастъ намъ—въ томъ или другомъ видѣ—потребное душамъ нашимъ.

Вотъ, други мои, въ чемъ для христіанина отрада и успокоеніе душевное среди настоящихъ обстоятельствъ, въ живой вѣрѣ въ Промыслъ Божій, въ упованіи жизни вѣчной, во всемогуществѣ и любви къ намъ Спасителя нашего! Я говорю—для христіанина, ибо, кто не вѣруетъ въ Спасителя и Евангеліе, или и вѣруетъ, но нисколько не старается жить по Евангелію,—въ страхѣ Божіемъ и любви съ ближними,—тому мы не можемъ сказать ничего утѣшительнаго, доколѣ не премѣнитъ образа своихъ мыслей и дѣйствій, о томъ мы можемъ, по долгу пастырскому и по любви христіанской, только жалѣть и сокрушаться, ибо онъ, нахо-

дясь вмѣстѣ съ другими среди искушеній и скорбей временныхъ, самъ себя притомъ лишаетъ и утѣшенія духовнаго, упованія вѣчнаго. Несчастенъ таковой, безконечно несчастенъ, хотя бы его и не касалось никакое изъ тѣхъ золъ, отъ коихъ страдаютъ другіе, хотя бы онъ обладалъ притомъ всѣми благами міра. Ибо, *какая польза человѣку*, скажемъ и мы словами писанія, *аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (Матѳ. 16, 26)? А кто служитъ Богу во истинѣ, вѣруетъ въ Спасителя не устнами токмо, а и сердцемъ, кто старается жить и дѣйствовать по своей вѣрѣ и совѣсти, и грѣша иногда по слабости плоти, не медлитъ во грѣхѣ, а изглаждаетъ пятна своея совѣсти слезами покаянія, тому мы можемъ и должны сказать о имени Самаго Господа: вскую унываешь, возлюбленный братъ! Ободрись, и восклони главу свою! Вокругъ тебя свирѣпствуетъ буря брани и ходитъ ангелъ смерти, но ты не одинъ, съ тобою невидимо Самъ Спаситель твой. Имись за крестъ Его всею силою вѣры, предай Ему всецѣло судьбу свою, временную и вѣчную, и ожидай съ терпѣніемъ, что возглаголетъ о тебѣ и что сотворитъ для тебя Господь. Что бы ни опредѣлилъ Онъ касательно тебя въ настоящихъ обстоятельствахъ, хотя бы временной жизни твоей положено было премѣниться на жизнь вѣчную, если ты сохранишь вѣру и любовь до конца, то ничего не потеряешь, и ничто не повредитъ тебѣ. Напротивъ, со всемогущимъ Спасителемъ твоимъ, ты пройдешь безбѣдно среди самой тьмы и сѣни смертной, и выйдешь туда, гдѣ нѣтъ болѣе ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Аминь.

Слово при посѣщеніи епархіи *).

Какая великая разность въ городѣ вашемъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ немъ, при посѣщеніи моемъ въ сентябрѣ прошедшаго года! Тогда онъ походилъ на пустыню, въ коей не видно живой души, а теперь въ немъ жизнь и движеніе по прежнему, даже многолюдство; ибо, хотя военныя обстоятельства края доселѣ удаляютъ отсюда нѣкото-

*) Сказанное въ г. Перекопѣ, 19 іюня 1855 года.

рыхъ изъ жителей, но за то привлекли къ вамъ множество другихъ всякаго рода лицъ.

Что же значитъ эта перемѣна? Не нанесено ли какого рѣшительнаго пораженія врагамъ нашимъ? не удалились ли даже они съ вашего полуострова, такъ что вамъ нечего болѣе бояться и не отъ кого убѣгать? Нѣтъ, пламень войны, по прежнему, свирѣпствуетъ на концѣ полуострова; даже нѣкоторыя новыя мѣста заняты врагами. А вы между тѣмъ возвратились въ свои домы, занимаетесь своими дѣлами, даже распоряжаетесь на будущее, какъ бы съ краемъ вашимъ не происходило ничего чрезвычайнаго. Вотъ что значитъ мнѣніе! Ибо, кромѣ мнѣнія о врагахъ и опасностяхъ, ничего не перемѣнилось. Начали иначе, то есть, правильно смотрѣть на вещи и событія; и все пошло своимъ путемъ, правильнѣе и спокойнѣе. Въ самомъ началѣ брани, вы вообразили слишкомъ много о силѣ и движеніи враговъ, и внѣшнихъ и внутреннихъ; преувеличивали происходящую оттуда опасность для васъ; и потому, яко человѣки, смутились до того, что смущенію вашему, можно сказать, не было предѣла. Самые крѣпкіе изъ васъ поколебались въ мысляхъ, и разсѣялись подобно тому, какъ это было и съ Апостолами, предъ наступленіемъ голгоѳскихъ событій. Теперь всѣ увидѣли истинное положеніе вещей; поняли отдаленность опасностей; собрались съ мыслями, возымѣли полное присутствіе духа,— и вамъ самимъ кажется странною прежняя поспѣшность ваша въ оставленіи своихъ жилищъ. Теперь, надѣюсь, уже ничто не смутитъ васъ такъ скоро и не колеблетъ до такой крайности. Даже если приблизится дѣйствительная опасность, то вы срѣтите ее съ надлежащимъ мужествомъ и благоразумiемъ, не только сами покажете себя твердыми и непоступными, но подадите и другимъ примѣръ, какъ надобно стоять и дѣйствовать во время бури.

Для пріуготовленія себя къ такому дѣйствованію и для огражденія себя на подобные случаи отъ малодушія, не мало у человѣка разныхъ средствъ и пособій, изъ коихъ каждое можетъ приносить своего рода пользу: таково, напримѣръ, точное понятіе о вещахъ и здравое размышленіе о нихъ; таково живое представленіе себѣ своего долга къ отечеству и возбужденіе въ себѣ любви къ его славѣ и благоденствію; таково взаимное совѣщаніе и подкрѣпленіе другъ друга въ

рѣшимости—не унывать и не смущаться, а благодушествовать и дѣйствовать, и прочее.—Но, кромѣ сего, я хочу указать вамъ еще на одно средство къ тому же, которое чрезвычайно просто и близко къ каждому, а между тѣмъ дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ прочихъ. И это средство предлагаемъ мы не отъ себя, а отъ лица величайшихъ и опытнѣйшихъ наставниковъ и учителей, каковы были пророкъ Исаія и святой апостолъ Петръ. Вотъ что говорятъ они на случай обстоятельствъ, подобныхъ нашимъ: *страхи ихъ* (то есть, враговъ) *не убойтеся, ниже смутитеся: Господа силъ, Того освятите, и Той будетъ вамъ въ страхъ* (Исаія 8, 12; Петр. 3, 14). То есть, какъ бы такъ вѣщали они: поставьте и утвердите въ душѣ вашей страхъ Божій, и всѣ прочіе страхи ослабѣютъ и исчезнутъ для васъ сами собою.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, давно замѣчено, что кто истинно боится Бога, тотъ никого и ничего не боится, не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы для него не было уже ничего опаснаго и поражающаго, а въ томъ, что онъ превыше страха и спокоенъ духомъ тамъ, гдѣ небоящійся Бога и міролюбецъ трепещетъ и не знаетъ, куда обратиться и что дѣлать. И понятно, откуда въ людяхъ благочестивыхъ это святое и возвышенное безстрашіе. Они единожды и навсегда предали временную и вѣчную судьбу свою Богу; совершенно увѣрены; что Тотъ, Кому принадлежатъ они, превыше всего и всемогущъ, что Онъ никогда не оставляетъ безъ промысла и помощи любящихъ Его и уповающихъ на Него: послѣ сего, что можетъ возмутить и устрашить ихъ? *Аще пойду,*—восклицаетъ одинъ изъ таковыхъ,—*посреди сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. 22, 4). А съ небоящимися Бога, по необходимости, происходитъ противное, поелику они живутъ и дѣйствуютъ сами о себѣ, какъ бы Богъ и Его промыслъ были чужды для нихъ, и они для Него; поелику во всемъ водятся только своимъ умомъ, выполняютъ только свою волю, воодушевляются и движутся однѣми страстями и выгодами, то какъ имъ послѣ того, при находящихъ опасностяхъ, не смущаться и не трепетать—Посему-то, какъ замѣтилъ древній мудрецъ, *нечестивые бѣгаютъ,* иногда, *и ни единому же гонящу* (Притч. 28, 1), отъ одного, то есть, воображенія опасностей, кои тѣмъ скорѣе и страшнѣе представляются имъ, чѣмъ они себялюбивѣе.

Хотите ли самостоятельность и твердость людей богобоязненныхъ видѣть на какомъ-либо примѣрѣ? Изберите, какой угодно, родъ опыта; и мы не затруднимся выставить примѣръ. А между тѣмъ возьмемъ теперь хотя слѣдующій. Отъ вавилонскаго царя Навуходоносора выходитъ повелѣніе, чтобы всѣ жители царства его воздали божеское поклоненіе златому истукану, который имѣетъ быть поставленъ на полѣ халдейскомъ. повелѣніе сопровождается угрозою, что если кто не окажетъ повиновенія и не падетъ ницъ предъ истуканомъ царскимъ, тотъ будетъ немедленно ввергнутъ въ пещь огненную. Статуя поставлена, и пещь седмерицею разжена. Всѣ охотно и неохотно, кланяются истукану; поелику всѣ страшатся пещи огненной. Только три юныхъ еврейскихъ отрока нейдутъ къ златой статуѣ на поклоненіе. Почему? Развѣ огненная пещь не страшна для нихъ? Нѣтъ, огонь для нихъ, какъ для всѣхъ прочихъ, но они въ то же время видятъ предъ собою нѣчто, еще гораздо страшнѣе огня и пещи, видятъ гнѣвъ Божій за то, если измѣнятъ Богу отцевъ своихъ и поклонятся идолу. Страхъ Божій изгоняетъ у нихъ изъ души всѣ прочіе страхи человѣческіе; и они охотно предпочитаютъ самый пламень пещный богопротивному поклоненію, будучи твердо увѣрены, что Богъ, Коему служатъ они, всегда можетъ, если восхощетъ, защитить ихъ отъ всякаго огня; а если бы и попустилъ пострадать за имя Свое въ пещи, то силенъ воздать имъ за то сторицею,—то есть,—за временное мученіе наградить ихъ вѣчнымъ блаженствомъ на небесахъ.

Если хотите другихъ примѣровъ, приведите себѣ на память безчисленный сонмъ мучениковъ и исповѣдниковъ, кои въ разныя времена и въ разныхъ странахъ шли за имя Христово на всѣ роды смертей, и не боялись никого и ничего въ мірѣ. Что дѣлало ихъ такими великодушными и непобѣдимыми. и возносило надъ всѣми видами опасностей и страховъ? Страхъ Божій.

Поспѣшимъ же, братіе мои, взяться обѣими руками за сіе всемогущее оружіе противу всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ страховъ! Предадимъ судьбу свою, временный и вѣчный животъ нашъ, Господу; и мы престанемъ быть малодушными. Вспомнимъ, что съ нами возлюбленный Спаситель нашъ, съ нами Матерь Божія и святыя угодники Христовы, съ нами

молитва и благословеніе святой Церкви; и мы укрѣпимся въ мысляхъ и воскрылимся духомъ. Такое настроеніе души и сердца, кромѣ ободренія и успокоенія среди настоящихъ опасностей, доставитъ намъ и другія многія блага. Ибо, боящійся Господа и любящій своего Спасителя, христіанинъ благословенъ на всѣхъ путяхъ и въ дѣлахъ своихъ, благословенъ на землѣ и на небѣ, во времени и въ вѣчности. Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Аще кто подвизается, не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ (2 Тим. 2, 5).

Одинъ изъ печальныхъ, но вмѣстѣ съ симъ необходимыхъ уроковъ содержится, братія мои, въ сихъ словахъ апостольскихъ. Урокъ печальный, ибо какъ жалко было бы трудиться, терпѣть, лишаться, страдать и не получить никакого плода отъ своихъ трудовъ, никакого вѣнца за свой подвигъ. А между тѣмъ этотъ горькій случай весьма возможенъ: *аще кто и подвизается,* говоритъ Апостолъ, *не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ.*

Что убо значитъ подвизаться законно и незаконно? Чтобы уразумѣть сіе, надобно прежде пояснить, что вообще значитъ подвизаться.

Подвизаться значитъ проходить какой-либо подвигъ, или совершать какое-либо трудное дѣло, во спасеніе души своей. Кто, напр., обладавъ богатствомъ, роздалъ имѣніе свое бѣднымъ, и избралъ для себя произвольную нищету, тотъ подвизается. Кто жилъ всегда съ нѣгѣ и роскоши, потомъ наложилъ на себя воздержаніе и постъ строгій, тотъ подвизается. Кто, бывъ выше многихъ, осыпанъ честями и достоинствами,—отвергъ всю славу міра и возлюбилъ смиреніе и послушаніе иноческое, тотъ подвизается. Вообще, тотъ подвизается, кто ради спасенія души своей сражается съ самимъ собою, то есть, съ своимъ плотскимъ человѣкомъ и злою волею, кто, ради сего, подвергаетъ себя различнымъ лишеніямъ и самоумерщвленію духовному.

Таковымъ подвижникамъ Самъ Спаситель обѣщаетъ мзду

*) Сказанное въ Ахтырскомъ Святотроицкомъ монастырѣ, 4 августа 1844 года.

велію въ царствіи. Но для полученія сей награды мало того чтобы только подвизаться, а надобно, по Апостолу, подвизаться законно: *аще кто и подвизается, не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ.*

Кто убо подвизается изъ подвижниковъ незаконно? Тотъ, кто въ подвигѣ имѣетъ цѣлію не святую и чистую любовь къ Богу, не уподобленіе себя Ему въ истинѣ, любви и правдѣ, не соединеніе съ Нимъ чрезъ то самое въ духѣ, а какія-либо другія цѣли, плотскія и нечистыя; напр., постится или молится, подобно древнимъ фарисеямъ для того, да видимъ будетъ человѣки. Таковый воспріемлетъ мзду въ животѣ своемъ, то есть суетную славу человѣческую и не долженъ ожидать вѣнца отъ Господа.

Подвизается незаконно тотъ, кто не хочетъ подвизаться, какъ велитъ Господь, какъ узаконила святая Церковь, какъ опредѣлили и показали своимъ примѣромъ святые Отцы, а суемудренно изобрѣтаетъ для себя новые роды и виды подвиговъ, безъ особенной нужды, не разсмотрѣвъ хорошо дѣла и своихъ обстоятельствъ, а только чтобы угодить своему воображенію и наклонности къ самочинію. Истинный подвижникъ всегда простъ и смиренъ сердечно. Онъ боится выставлять себя на показъ чѣмъ-либо.

Подвизается незаконно тотъ, кто, вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ подвиговъ своихъ, думаетъ уже имѣть право возноситься надъ другими, презирать слабыхъ и, по его мнѣнію, неподвизающихся. Такой образъ мыслей отъемлетъ всю цѣну у подвига; истинный подвижникъ, подобно святому Павлу, почитаетъ себя послѣднимъ изъ грѣшниковъ, и никого не осуждаетъ, а за всѣхъ молится; когда и гдѣ нужно, онъ вразумляетъ брата согрѣшающаго, но дѣлаетъ это всегда съ любовію и смиреніемъ.

Незаконно подвизается тотъ, кто, по самонадѣянности, беретъ на себя болѣе надлежащаго и, не справясь съ своими немощами, вдается въ подвиги, превышающіе его силы. Таковые естественно, подвергаются тяжкимъ паденіямъ, слѣдствіемъ коихъ бываетъ худа на самые подвиги, яко невозможные и вредные: такъ напр., неблагоразумно предавшись неяденію пищи, можно сдѣлаться больнымъ, и чрезъ то въ умѣ людей легкомысленныхъ подвергнуть нареканію святой постъ.

Незаконно подвизается тотъ, кто подъ предлогомъ безмолвія и созерцательной жизни будетъ избѣгать труда тѣлеснаго. Не такъ поступали святые отцы: у нихъ съ созерцаніемъ и молитвою всегда шелъ объ-руку трудъ. Поступающіе противнымъ образомъ рѣдко не подвергаются мечтательности и изнѣженности въ мысляхъ, духовной гордости и удаленію отъ пути царскаго.

По симъ малымъ намекамъ, проразумѣвайте, братіе мои, и о другихъ видахъ незаконнаго подвижничества. Ихъ столько же, сколько можетъ быть разныхъ подвиговъ. Потому-то при всякомъ подвигѣ, каковъ бы онъ ни былъ и въ чемъ бы ни состоялъ, необходимо для насъ духовное разсужденіе. Ибо, для добраго вообще мало того, чтобы оно было само по себѣ добрымъ, но, кромѣ сего, нужно, чтобы оно совершалось для цѣли благой, совершалось притомъ правильнымъ образомъ. Недостатокъ какого-либо изъ сихъ качествъ самое благое дѣло можетъ, въ приложеніи къ намъ, сдѣлать не добрымъ.

Не забывайте сего, возлюбленные, и старайтесь обогащать себя не только дѣлами духа, но и духовнымъ разсужденіемъ. А для сего прочитывайте по временамъ одно сказаніе о семъ, находящееся въ Прологѣ подъ 29-мъ числомъ мѣсяца февруарія. Тамъ увидите, что значитъ духовное разсужденіе, и, какъ необходимо оно и для всякаго христіанина, тѣмъ паче для инока.

Богъ же всякія благодати, призвавый насъ въ вѣчную славу Свою о Христѣ Іисусѣ, и поставивый посредствомъ обѣтовъ, данныхъ нами при вступленіи въ званіе иноческое, на путь особенныхъ подвиговъ духовныхъ, *Той* Самъ *насъ, малостра-давшихъ* и малоподвизавшихся, *да совершитъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ и да оснуетъ. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ.* Аминь.

Слово при посѣщеніи паствы *).

Предтечево славное усѣкновеніе смотрѣніе бысть нѣкое Божественное, да и сущимъ во адѣ Спасово проповѣсть пришествіе. (Конд. Празд.)

Въ священнопечальный день достигли мы до васъ, братіе мои, ибо нынѣ день усѣкновенія главы Предтечевой и день

*) Сказанное въ изюмскомъ Преображенскомъ соборѣ, 20 августа 1844 года.

поминовенія воиновъ, падшихъ на брани за отечество. Но если гдѣ приличнѣе было провести сей день и помолиться о упокоеніи душъ ихъ, то у васъ. Ибо градъ вашъ служилъ, какъ извѣстно, не малое время оплотомъ для всей страны нашей отъ хищныхъ ордъ татарскихъ: въ окрестностяхъ его всего болѣе пролито крови на защиту Церкви и отечества. Гдѣ наиболѣе пролито крови воинами православными, тамъ наиболѣе должно быть изливаемо молитвъ за нихъ. Ибо, чѣмъ другимъ можемъ воздать имъ за ихъ жертву для насъ? Но, молитва важна и нужна и для нихъ; ибо для ней нѣтъ мервыхъ, всѣ живы и всѣ едино о Христѣ.

Нынѣшній день избранъ Церковію для подобной молитвы потому, что нынѣ послѣдовало закланіе величайшаго изъ воиновъ Христовыхъ. *Не воста въ рожденныхъ женами,* сказалъ Самъ Спаситель, *болій Іоанна Крестителя* (Матѳ. 11, 11). Всю жизнь сражался онъ съ пороками своей страны и своего вѣка. Все преклонялось предъ оружіемъ устъ его; самъ Иродъ страшился праведника; самъ адъ трепеталъ сына Захаріина: но явилось послѣднее орудіе духа злобы — Иродіада;—и глава праведника принесена въ жертву безстудной страсти. Впрочемъ, торжество порока въ семъ случаѣ было токмо по видимости. Іоанну допущено скончать отъ меча Иродова земное теченіе свое не потому, что такъ угодно было Иродіадѣ, а для того, дабы, какъ воспѣваетъ святая Церковь, онъ предварилъ во адѣ приходъ туда Искупителя и предвозвѣстилъ его умершимъ, какъ возвѣщалъ о явленіи Его для живыхъ. *Предтечево славное успѣновеніе смотрѣніе бысть нѣкое Божественное, да и сущимъ во адѣ Спасово проповѣсть пришествіе.* Безъ сего всѣ Ироды и всѣ Иродіады въ мірѣ не могли бы коснуться и единаго волоса на головѣ праведника!

И это не съ однимъ Іоанномъ: всѣ мы находимся подъ управленіемъ всевѣдущаго и всемогущаго Промысла Божія, который *не воздремлетъ, ниже уснетъ, хранящій Израиля.*—У каждаго, какъ увѣряетъ Сынъ Божій, и власи главніи изочтени суть Отцемъ небеснымъ; тѣмъ паче жизнь и смерть наша въ десницѣ Всевышняго, и если только мы сами не восхощемъ пагубы себѣ и не привлечемъ ее на себя нашими пороками, то никакое могущество человѣческое, никакая злоба ада не могутъ повредить намъ, хотя бы отнята была

ими у насъ даже жизнь наша. Ибо что же? Эта жизнь тѣлесная, спустя нѣкоторое время и сама собою не можетъ не прекратиться; а съ другой стороны всемогущій Правитель міра всегда силенъ не попустить прерваться ей иначе, какъ во время самое безвредное для нашего вступленія въ вѣчность.

Утверждаясь на сей вѣрѣ въ премудрость, всемогущество и благость Промысла Божія, мы вполнѣ убѣждены, братіе мои, что и кончина воиновъ православныхъ, хотя произошла отъ руки врага, но допущена была каждый разъ свыше; и поелику допущена свыше, то, безъ сомнѣнія, въ такую минуту, которая была самою лучшею для окончанія жизни. На землѣ, хотя бы и хотѣлъ, никто не можетъ сдѣлать сего; но Тому, въ десницѣ Коего небо и земля, это такъ возможно, какъ для насъ что-либо самое малое и легкое. И не по тому ли иной изъ воиновъ, среди самыхъ неизбѣжныхъ опасностей отъ оружія вражескаго, остается какъ бы нѣкіимъ чудомъ цѣлъ и невредимъ, то есть, что Промыслъ Божій не нашелъ для него эту минуту благопотребною на окончаніе жизни, потому и спасъ его изъ челюстей смерти?

Этимъ однако же не предполагается того, чтобы смерть каждаго воина была посему смерть истинно-христіанская; а токмо то, что часъ смерти каждаго былъ таковъ, что въ это время лучше было ему умереть, нежели въ другое. Ибо въ это время онъ умеръ по крайней мѣрѣ, сражаясь за вѣру, Церковь и отечество; а въ другое—онъ, можетъ быть, окончилъ бы жизнь въ плѣну у страстей и пороковъ. Притомъ, вмѣстѣ съ симъ, такъ сказать, преимуществомъ своего званія въ отношеніи къ смерти, воины по сему же самому званію своему подлежатъ и многимъ недостаткамъ касательно приготовленія къ смерти по христіански. Ибо гдѣ и какъ совершить это приготовленіе въ лицѣ неумолимаго непріятеля? Самое мужество воинское въ обыкновенномъ видѣ его (а многіе ли изъ воиновъ въ состояніи возвыситься до геройства христіанскаго?) во многомъ противоположно тѣмъ чувствамъ, кои требуются при кончинѣ христіанина. Сражаясь на смерть со врагомъ, какъ удержать себя въ минуту смерти, не говорю уже въ предѣлахъ любви ко врагамъ, заповѣдуемой Евангеліемъ, даже въ предѣлахъ простой любви къ ближнему? Какъ даже не зайти чувствамъ въ область ненависти? *А всякъ ненавидяй брата своего,* по непреложному глаголу

Истины, *въ смерти есть*, и какой смерти? Не тѣлесной, временной, а духовной, вѣчной.

Правда Божія, которая тѣмъ и отличается между прочимъ отъ правды человѣческой, что можетъ видѣть всѣ обстоятельства нашего положенія и судитъ насъ не по тому только, что мы сдѣлали, а и по тому, что могли или не могли сдѣлать, безъ сомнѣнія, окажетъ всю снисходительность къ положенію воиновъ, падшихъ на брани, но тѣмъ не менѣе духовная нечистота, въ какомъ бы видѣ она ни была въ душѣ, содѣлаетъ ее не способною войти въ свѣтлый градъ Божій, въ него же, по слову Тайновидца, не внидетъ ничтоже скверно.

По сей-то причинѣ, при всей надеждѣ на благость Божію въ отношеніи къ воинамъ, положившимъ животъ свой за вѣру и отечество, мы должны какъ можно чаще возносить за нихъ вмѣстѣ съ Церковію моленія ко Господу, да Онъ Самъ восполнитъ въ нихъ недостающее, усовершитъ несовершенное и, имиже вѣсть судьбами, подастъ имъ средство содѣлаться способными войти въ свѣтлые лики воинства небеснаго. Иначе, скажите, чѣмъ мы заплатимъ симъ воинамъ за ихъ смерть за насъ? Они сдѣлали для насъ все, что могли; положили за свободу и благоденствіе наше самую душу свою. И мы посему должны дѣлать то, что можемъ, то есть, совершать молитву о успокоеніи душъ ихъ. Это единственная благодарность, которую мы въ состояніи воздать имъ. Кто чувствуетъ справедливость сего долга (а не чувствовать можетъ развѣ токмо тотъ, кто не имѣетъ души и сердца), тотъ не ограничится моленіемъ за падшихъ на брани воиновъ только въ нѣкоторые извѣстные дни, а будетъ вспоминать о нихъ въ каждой молитвѣ своей въ церкви и дома, утромъ и вечеромъ. Ибо, судите сами, за кого же и молиться, какъ не за тѣхъ, кои положили за насъ жизнь свою? Аминь.

Слово при посѣщеніи епархіи *).

Въ продолженіе цѣлаго минувшаго лѣта лишены мы были обычнаго утѣшенія—видѣть васъ, братіе мои, и поклоняться

*) Сказанное въ ахтырскомъ Покровскомъ соборѣ, 26 августа 1845 года.

вмѣстѣ съ вами чудотворному лику Матери Божіей, свѣтолѣпно украшающему храмъ сей и градъ вашъ. Безъ насъ совершались у васъ два празднества въ честь Ея; безъ насъ посѣщала Она новую обитель на древнемъ Θаворѣ вашемъ. Но удаленные по тѣлу, мы присущи были вамъ въ сіи дни духомъ: вмѣстѣ съ вами воспѣвали похвальныя пѣсни взбранной Воеводѣ; вмѣстѣ съ вами преходили рѣку и восходили на гору; вмѣстѣ съ вами возвращались во градъ, во слѣдъ за святынею. Ибо, человѣкъ бываетъ не столько тамъ, гдѣ его тѣло, сколько тамъ, гдѣ его духъ; а наша мысль и наше желаніе въ оные дни были здѣсь, съ вами, у подножія сего чудотворнаго лика.

Не далеко были мы отъ васъ духомъ и въ другіе дни, особенно въ тѣ горестные дни испытанія, когда свирѣпый огнь ходилъ по стогнамъ вашимъ и обращалъ въ кучу пепла то, что стяжавалось неусыпными трудами многихъ лѣтъ. Вполнѣ сочувствуя лишеніямъ и скорбямъ вашимъ, мы возсылали молитвы ко Господу, да дастъ пострадавшимъ духа вѣры и терпѣнія, а непострадавшимъ духа любви и щедротъ на братское вспоможеніе нуждающимся. Ибо благость Божія для того между прочимъ и попущаетъ подобныя бѣдствія, дабы доставить душеполезное упражненіе—однимъ—въ терпѣніи, другимъ—въ любви и благотвореніи. Худо, если пострадавшіе не пренесутъ своихъ потерь въ духѣ вѣры и преданности: такимъ образомъ они лишатся изды своей. Худо, если непострадавшіе останутся хладными зрителями своихъ бѣдствующихъ собратій: они потеряютъ драгоцѣнный случай къ стяжанію милости Божіей, которая ничѣмъ такъ не привлекается, какъ христіанскимъ состраданіемъ къ нашимъ ближнимъ во время ихъ несчастій. Да уразумѣютъ же свою обязанность и тѣ и другіе, и да совершитъ каждый свое дѣло, какъ должно. То есть, пострадавшіе да вооружатся благодушіемъ и упованіемъ, а непострадавшіе да окажутъ съ усердіемъ возможную помощь братскую. Тогда постигшее градъ сей бѣдствіе не только не произведетъ никакого существеннаго вреда, но и обратится на пользу общую, подавъ случай всѣмъ—каждому своимъ образомъ—пріобрѣсти успѣхъ въ добродѣтели. О семъ именно въ отношеніи къ вамъ молили мы Господа дома; о семъ молили благость Его и теперь въ семъ храмѣ; о семъ же самомъ

будемъ молить и послѣ, доколѣ не изгладятся слѣды опустошенія, произведеннаго огнемъ.

Обратимся, за симъ, ко дню настоящему и поищемъ себѣ въ немъ общаго для всѣхъ наставленія: ибо не напрасно сказано въ словѣ Божіемъ: *день дни отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ* (Псал. 18, 3). Это вѣрно и въ отношеніи къ природѣ видимой, но тѣмъ вѣрнѣе въ отношеніи къ кругу церковному: здѣсь каждый день представляетъ урокъ, тѣмъ поучительнѣйшій, что онъ изображается не мертвымъ теченіемъ вещей, какъ въ природѣ, а въ живыхъ лицахъ и дѣйствіяхъ.

Что же въ семъ рядѣ представляетъ намъ день нынѣшній? — Представляетъ чудесное спасеніе отечества нашего отъ нашествія Тамерланова заступленіемъ Богоматери. Ничего не можетъ быть разительнѣе сего чуда. Ибо, представьте, что грозный завоеватель, предъ коимъ пало уже полсвѣта, съ безчисленнымъ воинствомъ стоитъ на предѣлахъ Россіи, съ твердымъ намѣреніемъ разгромить всѣ ея грады и веси: представьте, что отечество наше ничего не можетъ противопоставить ему, кромѣ малаго и слабаго ополченія ратнаго, что онъ знаетъ нашу немощь и свою силу, и вдругъ, никимъ же гонимый, возвращается вспять, возвращается не вслѣдствіе какого-либо соображенія воинскаго или политическаго, а, какъ самъ исповѣдуетъ, по грозному мановенію Жены, видѣнной имъ во снѣ съ воинствомъ несмѣтнымъ. Кто не узнаетъ въ сей Женѣ Матери Божіей, предъ чудотворнымъ ликомъ коей въ это самое время молилась со слезами вся Москва, ожидая отъ Ней спасенія отечеству?—Такъ очевидно явила себя сила вѣры и молитвы! Въ семъ случаѣ надъ нашими предками исполнилось во всей силѣ то, что святый Павелъ говоритъ о праведникахъ ветхаго завѣта, то есть, что они *вѣрою возмогоша отъ немощи, и вѣрою же обратиша въ бѣгство полки чуждыхъ* (Евр. 11, 34). Безъ сей вѣры и молитвы, подвигшихъ Матерь Божію на заступленіе противъ врага гордаго и жестокаго, единъ Богъ вѣдаетъ, что было бы съ нашимъ отечествомъ!

«А мы»,—подумаетъ при семъ кто-либо, особенно изъ пострадавшихъ отъ запаленія огненнаго,—«а мы не удостоились заступленія Владычицы!..» Да, возлюбленный, не удо-

стоились; но что же мы заключимъ изъ сего съ тобою?— То ли, что у Матери Божіей не достало силы къ угашенію огня, отъ коего мы пострадали?—Думаю, что ты самъ не скажешь сего, даже и въ умѣ не будешь держать подобной мысли. Ибо это значило бы, что огонь истребилъ не только твой домъ, но и твою вѣру, и сдѣлалъ изъ тебя язычника. Могла убо, могла Владычица защитить насъ съ тобою отъ напасти, но не восхотѣла; почему не восхотѣла? Не по недостатку ли любви въ Ея сердцѣ? Опять думаю, не дерзнешь сказать сего: ибо гдѣ же послѣ сего будетъ любовь, если ея не стало въ сердцѣ Матери Божіей? Должна быть, значитъ, какая-либо особенная причина на то, что мы были оставлены безъ помощи; и эта причина должна скрываться не въ другомъ чемъ, а въ насъ самихъ, то есть, въ извѣстномъ состояніи нашей души. Какомъ?—Такомъ, скажемъ вообще,—что для насъ нужнѣе, видно, и полезнѣе было подвергнуться несчастію, нежели остаться невредимыми. Ибо, какъ Промыслъ Божій вообще, такъ и Матерь Божія, которая есть первая служительница и орудіе Провидѣнія Божественнаго, всегда избираетъ для насъ то, что для насъ полезнѣе, имѣя при томъ въ виду пользу нашу не одну тѣлесную и временную, а паче духовную и вѣчную. Съ сей высоты взгляда на насъ и нашу пользу легко можетъ оказаться, что для души нашей полезнѣе напримѣръ болѣзнь, нежели здравіе, нищета, нежели богатство. Ибо избытокъ здравія и богатства рѣдко не увлекаетъ насъ къ гордости и плотоугодію. Увидѣла, конечно, сію опасность для насъ и Матерь Божія, и попустила огню объять и истлить домы наши, да, огражденные недостаткомъ, спасемся отъ запаленія душевнаго. Нашъ долгъ посему вникнуть теперь въ свою жизнь и свою совѣсть, осмотрѣть свою душу и сердце, узнать, какія въ нихъ есть язвы и раны. Когда увидимъ свою духовную болѣзнь, то поймемъ нужду и въ лекарствѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ получимъ возможность и употребить его, какъ должно; то есть, пренося зло, насъ постигшее, въ духѣ вѣры и смиренія, терпѣнія и преданности. Ибо, пожалуй, легко можетъ случиться и то, что по нашему невниманію и неразумію, самое лекарство, намъ посланное, самое испытаніе огненное, надъ нами совершенное, могутъ остаться безъ дѣйствія спасительнаго и произвести даже вредъ.

Когда это? — Тогда, если мы, изъ чрезмѣрнаго сожалѣнія къ тому, что потеряли, предадимся не вѣрѣ и молитвѣ, а ропоту и ожесточенію сердечному, если будемъ ожидать вознагражденія своихъ потерь не отъ благословенія Божія, исправленія нашихъ нравовъ и честнаго труда, а отъ своихъ суетныхъ замысловъ, отъ хитрости и неправдъ. Блюдитесь сего, братіе мои, ибо это значило бы, какъ мы прежде сказали, потерять мзду отъ искушенія, насъ постигшаго. Аминь.

Слово при обозрѣніи епархіи *).

По устремленнымъ на меня взорамъ вашимъ, братіе, ясно видно, что вы вполнѣ заняты настоящимъ мгновеніемъ; а я едва не всѣми мыслями невольно уношусь въ прошедшее. При всей тишинѣ и порядкѣ, здѣсь теперь господствующихъ, никакъ не могу забыть, что нахожусь вблизи тѣхъ ужасныхъ вратъ, изъ коихъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ огромными разливами исходила пагуба на возлюбленное отечество наше. Мнѣ кажется, вижу я, какъ толпы варваровъ, подобно лавѣ изъ жерла, текутъ изъ сихъ вратъ, разливаются по югу, западу, востоку и самому сѣверу Россіи, какъ обширные города пустѣютъ, цвѣтущія веси исчезаютъ, самые лѣса рѣдѣютъ, самая земля чернѣетъ, самый воздухъ стонетъ и теряетъ чистоту. Вижу далѣе, какъ сіи орды, возвращаясь вспять, влекутъ за собою толпы старцевъ и юнотъ плѣнныхъ мѣстъ, какъ стада верблюдовъ идутъ обремененныя добычею, какъ святые сосуды дѣлятся и отдаются на употребленіе постыдное, и все это продолжается не годы, не десятки лѣтъ, а цѣлые вѣка. Если бы собрать во едино всю кровь, здѣсь пролитую, то, кажется, раздѣленныя симъ тѣснымъ перешейкомъ моря соединились бы снова. Какъ послѣ сего не сказать словами древняго праотца: *страшно мѣсто сіе!* (Быт. 24, 17).

*) Сказанное въ Перекопѣ въ августѣ 1848 года.

Дадимъ же славу и благодареніе Господу за то, что теперь мы о семъ же самомъ мѣстѣ можемъ повторить и слѣдующія слова того же патріарха: *нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная!* Да, братіе мои, уже болѣе полувѣка, какъ мѣсто сіе престало быть страшнымъ. На всемъ пространствѣ Россіи нѣтъ пространства земли, гдѣ бы путникъ менѣе былъ теперь подвергнутъ опасности, какъ здѣсь. Вступая на землю вашу и встрѣчая глубокую тишину и безмолвіе, трудно представить, чтобы здѣсь нѣкогда все звучало оружіемъ и кипѣло слезами и кровію. *Нѣсть сіе!*

Что же сталось и что видимъ? Противъ самыхъ, прежде ужасныхъ, вратъ—прекрасный храмъ, въ коемъ мы теперь молимся и бесѣдуемъ. Врата остались, но страхъ исчезъ. Остались притомъ не тѣ врата, кои сдѣланы руками человѣческими, на погибель приступающихъ къ нимъ, а тѣ, кои устроила сама природа между двухъ морей, коимъ покровъ не земля и камни, а безграничное небо. *Сія врата небесная!*

Кто произвелъ эту перемѣну? совершилъ это чудо? Пусть, кто хочетъ, переносится за отвѣтомъ на сіе мыслію своею къ тѣмъ ужаснымъ битвамъ, когда грудь русская шла противу стѣнъ и вратъ сихъ, не разъ ниспровергала ихъ и наконецъ сломила навсегда, и подобно Самсону, возложивъ на плеча, унесла на послѣдніе предѣлы Россіи и поставила, въ ограду себѣ, противъ тѣхъ же самыхъ враговъ. Мы съ радостію отдаемъ всю честь отечественному оружію и мужеству воиновъ православныхъ; но, подъ покровомъ сего видимаго явленія, не можемъ не примѣтить другаго, еще величественнѣйшаго. У вратъ сихъ была послѣдняя въ странѣ сей брань Магомета со Христомъ; здѣсь крестъ побѣдилъ и затмилъ луну!

Да, братіе, здѣсь, какъ и вездѣ, обнаружилось предъ лицемъ цѣлаго свѣта, какъ истинно вѣрующимъ, по слову Апостола, вся наконецъ обращается во благое. Магометъ искалъ опоры въ одной земной силѣ; сила сія въ началѣ покорила ему обширныя царства; но, не основанная на силѣ духа, наконецъ начала слабѣть и видимо стремиться вездѣ къ концу своему. Христіанство напротивъ основано на смерти и отверженіи себя: оно вынесло тысячи гоненій и преслѣдованій; но поелику внутрь его есть сила и крѣпость духа,

то всюду выходило наконецъ съ побѣдою, и теперь видимо принадлежитъ ему господство надъ цѣлымъ свѣтомъ.

Желалъ бы я знать, какъ бы разсуждалъ о подобной судьбѣ христіанства іудей, доселѣ столь же неразумный, какъ отвергающій въ немъ собственное спасеніе. А мы, если бы онъ былъ здѣсь, сказали бы ему слѣдующее: Вотъ, ты, іудей, не пріемлешь Іисуса Христа за обѣтованнаго Мессію потому, что Мессія, по мнѣнію твоему, долженъ явиться въ видѣ царя и доставить послѣдователямъ Своимъ господство надъ всѣмъ міромъ; а Іисусъ Христосъ явился въ видѣ бѣднаго Учителя, не имѣлъ гдѣ преклонить главы и умеръ на крестѣ поносною смертію. Такое умствованіе о Мессіи, хотя и ложное, ибо пророки говорили о Немъ другое, могло сильно дѣйствовать на іудеевъ, современныхъ началу христіанства, ибо тогда христіане были всюду гонимы и слабы. Но теперь оно должно потерять всю силу. Ибо, смотри! Кто могущественнѣе всѣхъ народовъ? Племена христіанскія. Кто управляетъ судьбою всего свѣта? Христіане. Вмѣстѣ съ благами духовными, Іисусъ Назарянинъ доставилъ послѣдователямъ Своимъ наконецъ и могущество земное, доставилъ не вдругъ, чтобы испытать ихъ вѣрность и безкорыстіе, доставилъ непримѣтно, чтобы оно у нихъ вышло само собою, изъ ихъ внутреннихъ качествъ, но доставилъ такъ, что уже оно отъ нихъ навсегда неотъемлемо.

Съ намѣреніемъ упоминаемъ, братіе мои, о іудеяхъ: ибо они издавна жили на вашемъ полуостровѣ, отсюда приходили прельщать своимъ ученіемъ нашего князя Владиміра и доселѣ не только витаютъ здѣсь по древнимъ ущелiямъ горъ, но и присѣдятъ поморію. Да видятъ они, какъ въ христіанствѣ, и именно въ нашемъ православномъ отечествѣ, и именно здѣсь, въ странѣ вашей, во всей силѣ исполнилось предсказаніе пророка о временахъ Мессіи, то есть, что тогда раскуютъ мечи своя на рала и копія на серпы, и не навыкнутъ къ тому ратовати языкъ на языкъ. Ибо гдѣ прежніе мечи, стрѣлы и копія? Все расковано и употреблено на рала и серпы. Народъ, который не могъ года прожить безъ грабежа и набѣговъ на земли чуждой, отъ колыбели, можно сказать, воспитывался не столько млекомъ, сколько кровію,—этотъ ужасный народъ теперь самый мирный изъ племенъ.

Сего мало: этотъ же народъ, который всюду разносилъ съ появленіемъ своимъ смерть и пагубу, теперь всюду же разноситъ предметы наслажденія, плоды вертоградовъ и трудовъ своихъ. Сюда же, въ страну вашу, о коей прежде и помыслить было страшно мирному обитателю Россіи, ежелѣтно текутъ необозримые ряды колесницъ за первою потребностію жизни и условіемъ здравія, разумною солію, безъ коей самыя роскошныя трапезы—ничто!

Такъ дивно измѣнилась судьба страны сей. Такъ преславно восторжествовалъ здѣсь крестъ! — Восторжествовалъ такъ, какъ обыкновенно торжествуетъ онъ, то есть, что побѣда его не менѣе благотворна для побѣжденныхъ, какъ и для побѣдителей!

Вамъ, братіе мои, досталось жить именно на главномъ мѣстѣ сей дивной побѣды и торжества. Помышляете ли вы о семъ?—А помышлять надобно: ибо отсюда, отъ мѣста жительства вашего, выходятъ новыя, особенныя для васъ обязанности, исполненіе и неисполненіе коихъ важно не для васъ однихъ, а для всего отечества, особенно для Церкви православной. Вы тотчасъ поймете свойство и важность сихъ обязанностей, коль скоро мы скажемъ вамъ, что вы среди поклонниковъ Магомета представляете собою и Россію и христіанство. Какъ, слѣдовательно, много значитъ вашъ примѣръ! Св. Златоустъ не напрасно восклицалъ нѣкогда, что если бы христіане вели себя, какъ должно, по Евангелію, то давно не осталось бы ни одного язычника. Благая жизнь, чистые нравы послѣдователей Христовыхъ есть самая лучшая проповѣдь въ пользу христіанства. Посему мы, подражая Златоусту, не обинуясь скажемъ вамъ, что если вы будете вести себя по-христіански, то съ избыткомъ замѣните собою нашу проповѣдь поклонникамъ Магомета. «Не можетъ быть, будутъ они разсуждать сами съ собою, чтобы вѣра ихъ не была лучше нашей, когда они ведутъ себя гораздо лучше насъ. Откуда бы взялась у нихъ эта доброта, эта кротость и честность, это снисхожденіе къ намъ, прежнимъ врагамъ ихъ, если бы Евангеліе не внушало имъ всѣхъ сихъ добродѣтелей, о коихъ не знаетъ ничего нашъ Алкоранъ?» — Не забывайте же сего, возлюбленные! — Какая несчастная противоположность была бы, если бы земля ваша, производя соль, снабжала цѣлыя страны залогомъ здравія и нетлѣнія, а

вы сами, жители ея, отличались бы порчею нравовъ, душетлѣнными мыслями, словами и дѣлами вреждающими!—Пустынность сего мѣста жительства вашего по необходимости заставляетъ васъ искать, въ облегченіе трудовъ званія, развлеченія душевнаго. Ищите его въ томъ, что чисто, невинно, благородно, что истинно питаетъ, облегчаетъ, увеселяетъ душу и сердце. Всякая прочая забава сладка на время и оставляетъ за собою вѣчную горечь. Истинный христіанинъ въ маломъ кругѣ семейномъ и дружескомъ находитъ то, чего міролюбецъ не можетъ найти на торжищахъ Тира и Сидона. Не имѣя другихъ мѣстъ для общественныхъ собраній, собирайтесь чаще въ сей домъ молитвы: онъ замѣнитъ вамъ всѣ прочія мѣста собранія, а его не могутъ замѣнить всѣ они, какъ бы ни были благоустроены. Аминь.

Слово при обозрѣніи епархіи *).

Мы хотѣли, братіе, явиться къ вамъ утромъ, и могли бы сдѣлать это; а приходимъ подъ вечеръ и, можетъ быть, нѣкоторыхъ заставили такимъ образомъ ждать насъ. Простите нашей медленности: она имѣла свои причины. Насъ уклонило отъ пути желаніе побывать на вершинѣ высочайшей изъ горъ вашихъ, посмотрѣть на этотъ шатеръ, устроенный не руками человѣческими и не для обитанія смертныхъ. Будете ли осуждать насъ за любопытство?—Ахъ, братіе, вы съ малолѣтства уже привыкли къ этимъ величественнымъ картинамъ, для васъ онѣ не рѣдкость; а мы, кои родились и жили подъ другимъ небомъ, видѣли токмо неглубокія юдоли и невысокіе холмы, мы не можемъ не останавливаться съ благоговѣніемъ предъ подобными явленіями.

Въ противномъ случаѣ мы показали бы равнодушіе стократъ неизвинительнѣе того, съ коимъ нѣкоторые проходятъ изящныя произведенія славныхъ художниковъ. Если ихъ винятъ въ такомъ случаѣ за недостатокъ вкуса и чув-

*) Сказанное въ мѣстечкѣ Алуштѣ, что на южномъ берегу Крыма.

ства, то насъ можно было бы повинить еще въ большемъ. Ибо тутъ, предъ нами, особенное произведеніе не земнаго художника, а Зодчаго небеснаго, Который хотя во всѣхъ дѣлахъ и произведеніяхъ Своихъ дивенъ, но на нѣкоторыхъ положилъ, такъ сказать, особенные слѣды Своей длани всемогущей. Для чего положилъ? Конечно, не для того, чтобы существа разумныя мимо ходили ихъ съ равнодушіемъ, но чтобы обращали на нихъ особенное вниманіе, восхищались ими, наслаждались и поучались!—И вотъ почему въ исторіи святыхъ людей мы находимъ, что они любили избирать жилища свои среди такихъ мѣстъ, кои ознаменованы величіемъ и красотою природы. Роскоши и изысканнаго убранства городовъ и чертоговъ они бѣгали и отвращались, а великолѣпіе земли и неба любили и стремились къ нему. Такъ древніе праотцы всю жизнь проводили подъ открытымъ небомъ. Большая часть пророковъ витали въ горахъ и дебряхъ, и являлись въ грады и веси для возвѣщенія воли Божіей какъ пришельцы изъ другаго міра. Предтеча былъ воспитанъ и жилъ въ пустынѣ Іорданской. Самъ Спаситель большую часть времени проводилъ внѣ жилищъ человѣческихъ, то на полѣ, среди жатвъ, то у брега озера Тиверіадскаго, то въ вертоградахъ. Горы, кажется, особенно привлекали Его вниманіе. На Ѳаворѣ преобразился Онъ: на Голгоѳѣ распятъ, съ Елеона вознесся. Съ горъ произнесены Имъ разительнѣйшія изъ Его проповѣдей, какъ то: о блаженствахъ и послѣднихъ дняхъ міра. И по распространеніи христіанства въ мірѣ, гдѣ образовались общества людей, похожихъ на Ангеловъ? Гдѣ явились всемірныя свѣтила, какъ: Антоній великій, Пахомій, Макаріи, Саввы, Евѳиміи?—въ пустыняхъ Ѳиваиды и Палестины, среди горъ Аравіи и утесовъ Нила. Итакъ, не ставьте намъ въ вину, братіе мои, если мы такъ любимъ природу, если—не скроемъ и это отъ васъ, дабы вы знали насъ не по нынѣшнему только случаю,—нерѣдко готовы бываемъ, оставивъ все, сокрыться навсегда въ какой-либо нагорной высотѣ или мрачной юдоли. Ахъ, надобно мало знать міръ, чтобы не желать удалиться отъ него; надобно не быть знакомымъ съ нечистотою страстей человѣческихъ, чтобы не имѣть рѣшимости промѣнять обращеніе съ подобными себѣ на собесѣдованіе съ природою!—Общество человѣческое!—Это собраніе существъ свободныхъ,

и потому могущихъ быть обществомъ равноангельнымъ, но коихъ испорченная свобода устремлена на зло, коихъ всѣ силы, всѣ мысли и желанія устремлены на то, чтобы каждому быть выше всѣхъ и владѣть всѣмъ: отсюда вѣчное взаимное недоброжелательство, борьба, обманы, клеветы, явные удары, тайныя козни, то есть, малое, но разительное иногда подобіе ада. Природа!—Здѣсь нѣтъ, по видимому, свободы, все недвижно; но это недвижность порядка и правды, это по видимому мертвая картина, въ коей непрестанно виденъ живой Художникъ. И что мы говоримъ о недвижности и мертвости?—Не останавливайся на поверхности, углубись мыслію, и откроется море силы, движенія и жизни. Вотъ, горы сошлись съ облаками; вѣтръ восколебалъ рощи и дубравы; молніи рѣжутъ воздухъ и землю, потоки шумятъ и низвергаются рѣками: что можетъ быть величественнѣе? Гроза прошла, и солнце восходитъ паки надъ обновленною землею: все стихло, все свѣтлѣетъ, радуется. Хоръ птицъ звучитъ веселіе и хвалу Создателю! На землѣ, на небѣ, новый день творенія!

Что же, спросите, представилось взору и уму съ вершины горъ вашихъ?—Представилось, братіе, то же небо и та же земля (ибо доколѣ мы заключены въ узахъ плоти, дотолѣ не можемъ видѣть, кромѣ чувственнаго), но не въ томъ видѣ: небо какъ будто ближе, земля видимо далѣе. Къ небу хотѣлось унестись, а отъ земли удалиться еще болѣе. Не такъ ли бываетъ съ человѣкомъ во время смерти?... Ибо, болѣзнь, какъ гора, отдѣляетъ человѣка отъ земнаго и возвышаетъ надъ всѣмъ.

Опомнившись отъ перваго впечатлѣнія, мы поверглись предъ Тѣмъ, Кто благоволилъ именовать Себя Богомъ горъ и юдолей! Близокъ и великъ Онъ вездѣ; но на такихъ высотахъ какъ будто еще ближе, еще величественнѣе. Вполнѣ чувствуешь, что никто другой, кромѣ Его, не могъ воздвигнуть шатра сего! Естествоиспытатели, какъ извѣстно, силятся изъяснить происхожденіе горъ—то водою, то огнемъ, то тѣмъ и другимъ. Пришли намъ на мысль всѣ сіи изъясненія; и всѣ онѣ скоро уступили мѣсто изъясненію святаго Давида, который говорилъ: *выходятъ горы, и нисходятъ поля въ мѣсто, еже основалъ еси имъ.* Примѣтьте, братіе, силу послѣдняго выраженія Давидова: *въ мѣсто, еже основалъ еси*

имъ. Значитъ, въ произведеніи горъ дѣйствовало не случайное устремленіе разъяренныхъ водъ, не сильный взрывъ огня подземнаго, а сила творческая, дѣйствующая во всемъ по числу, мѣрѣ и вѣсу. *Еже основалъ еси имъ.* То есть, указалъ, пріуготовилъ, опредѣлилъ, какъ слѣдовало по закону творческаго зодчества. Въ составѣ земли, слѣдовательно, горы произошли такъ же, какъ происходятъ кости и возвышенія въ нашемъ тѣлѣ, по закону внутренняго развитія его, положенному въ основаніе тѣла человѣческаго Самимъ Творцемъ.

Вмѣстѣ съ подтвержденіемъ сей истины, мы видѣли на высотѣ горъ и другое поучительное явленіе. Это—слѣды всемірнаго потопа!—Кто могъ взнести въ такомъ множествѣ на такую высоту останки морскихъ животныхъ, кромѣ волнъ потопныхъ? И были же люди, называвшіеся свѣтилами вѣка, кои поставляли себѣ за честь глумиться безбожно надъ сказаніемъ Моисея о истребленіи водою перваго міра! И есть же столь несмысленные умы, кои доселѣ продолжаютъ вѣрить клеветамъ лжефилософовъ! Земля въ семъ случаѣ умнѣе живущихъ на ней: она доселѣ вѣрно хранитъ слѣды гнѣва Божія, и это всего виднѣе на вершинахъ высокихъ горъ.

Сказать ли вамъ еще, братіе, о тѣхъ чувствахъ и желаніяхъ, кои раждались въ душѣ нашей при взглядѣ съ высоты на весь полуостровъ вашъ?—Эти чувства, увы, были большею частію печальны!—Страна, гдѣ такъ рано возсіялъ свѣтъ Христовъ, откуда благодать крещенія изнесена святымъ Владиміромъ во всю землю русскую, въ коей посему уже надлежало быть полдневному свѣту солнца духовнаго, во многихъ мѣстахъ освѣщается только мерцаніемъ луны... О, братіе, помолимся, да нощь прейдетъ, и да явится, всюду свѣтъ Христовъ! И онъ не замедлитъ явиться, если мы, ходя сами въ семъ свѣтѣ, будемъ распространять его и вокругъ себя.

Вотъ нѣкая часть того, что мы снесли въ душѣ своей съ горы вашей! Для чего мы открываемъ это предъ вами? Для того, чтобы и вы не были хладными зрителями величія природы, васъ окружающей. Много содержитъ она поученій для васъ не только въ настоящемъ ея видѣ, но и въ судьбѣ прошедшей. Прекрасный видъ горъ да напоми-

наетъ вамъ о тѣхъ горахъ, о коихъ среди вечерняго богослуженія поется въ церкви: *на горы, душе моя!*—о тѣхъ горахъ, о коихъ святый Давидъ говорилъ: *возведохъ очи мои въ горы, отнюдуже пріиде помощь моя* (Пс. 120, 1)! Аминь.

ПОУЧЕНІЯ

НА КРЕСТНЫЕ ХОДЫ.

Слово по случаю крестнаго хода *).

Отверзу уста моя и наполнятся Духа, и слово отрыгну Царицѣ Матери, и явлюся свѣтлс торжествуя!

Сими величественными словами святый пѣвецъ Церкви предначалъ нѣкогда пѣснопѣнія свои въ честь и славу преблагословенныя Дѣвы Маріи. Онъ отверзъ уста свои, и они дѣйствительно наполнились Духа; возгласилъ слово Царицѣ Матери, и цѣлые вѣка и народы съ радостію внимаютъ сему слову и повторяютъ его въ похвалу Преблагословенныя.

И у насъ, братіе мои, по случаю вчерашняго событія и торжества нашего, весьма прилично было бы повториться тому святому воодушевленію, въ коемъ находился сладкопѣвецъ церковный. Яко духовному пастырю града сего, мнѣ первому подобаетъ отверсть уста и возгласить слово Царицѣ Матери, удостоившей насъ своимъ вожделѣннымъ посѣщеніемъ.—Но гдѣ взять Духа?—Придетъ ли Онъ наполнить Собою уста наши и отверсть я?—Братія и сомолитвенники, мы всегда старались воодушевлять васъ посильнымъ словомъ нашимъ на духовное торжествованіе празднествъ христіанскихъ: воодушевите теперь вашими молитвами насъ самихъ, да не останемся безмолвны среди новаго празднества нашего!

---

*) Сказано въ харьковскомъ Покровскомъ соборѣ, октября 1 дня, 1844 года, при перенесеніи въ первый разъ чудотворныя иконы Богоматери Озерянскія изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ.

Впрочемъ, о словѣ ли нужно намъ первѣе всего заботиться предъ Царицею Матерію? Слабымъ ли словомъ нашимъ можемъ мы почтить ту, которая носила нѣкогда во утробѣ, а теперь носитъ предъ нами на рукахъ своихъ, самое предвѣчное Слово? Не паче ли отъ Ней самой должно ожидать съ благоговѣніемъ всѣмъ намъ слова не только во уста, но и въ сердце наше, того слова, которое не падаетъ безплодно, подобно словамъ нашимъ, на землю, и не разсѣевается праздно въ воздухѣ, а проходитъ до основанія души и сердца, потрясаетъ страхомъ самаго нераскаяннаго грѣшника и останавливаетъ его на пути беззаконія?—Отъ Тебя, Владычице, отъ Тебя ожидаемъ мы сего живаго и дѣйственнаго слова. Сама зриши, коль слабы всѣ глашенія наши и какъ мало возбуждаютъ они и трогаютъ сердца человѣческія. Дѣйствуй убо и вѣщай Ты, а мы готовы навсегда умолкнуть предъ Тобою! Блистай, если нужно, молніями; но просвѣти сидящихъ во тьмѣ! Греми, если потребно, громами; но возбуди спящихъ сномъ смертнымъ!

И мнѣ кажется, братіе мои, что не только начало, но и сущность слова къ намъ Владычицы изречено уже самымъ пришествіемъ Ея во градъ нашъ. Ибо, думаете ли, чтобы кто-либо изъ насъ, чтобы кто-либо на землѣ могъ подвигнуть Ее съ мѣста своего, если бы Она сама не восхотѣла оставить его и пріити къ намъ? Ея вседержавной волѣ угодно было посѣтить градъ нашъ и избрать здѣсь мѣсто себѣ для ежегоднаго пребыванія между нами. Что же побудило Ее къ сему? Наши добродѣтели или наши пороки?—Кому бы не желалось быть увѣреннымъ, что градъ нашъ удостоился сей милости за свои добродѣтели? Но увы, нравы наши не позволяютъ намъ и думать о семъ; все, напротивъ, располагаетъ вѣрить, что Матерь Божія пришла къ намъ, какъ приходятъ издалека врачи на тѣ мѣста, гдѣ особенно свирѣпствуютъ жестокія болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, какого нравственнаго недуга нѣтъ въ насъ? Возьмите любое мѣсто изъ пророка или апостола, гдѣ описываются пороки и страсти человѣческія, и сличите съ ними жизнь нашу. Не смотря на то, что у нихъ изображаются часто пороки людей невѣрующихъ, все то найдется въ ужасномъ избыткѣ и между нами, христіанами. И вотъ, Матерь Божія, видя крайность золъ, насъ снѣдающихъ, благоволила, по милосердію своему, придти

въ чудотворномъ ликѣ своемъ на сожительство съ нами. Они являются предо Мною и изъ града, рекла Она, но когда являются? Въ то время, какъ и земля, и воздухъ, и воды, окружающія обитель Мою, занимаютъ ихъ видомъ своимъ; когда влечетъ ихъ къ мѣсту пребыванія Моего самая плоть и кровь ихъ, ищущія удовольствія въ весеннихъ и лѣтнихъ путешествіяхъ. Проходитъ лѣто, и они всѣ сокрываются, оставляя Меня въ забвеніи, якоже не сущу близъ нихъ. За сію неблагодарность надлежало бы забыть и оставить ихъ самихъ; удалиться изъ ихъ страны и пойти въ другую, или на небо — къ ангеламъ и душамъ праведныхъ. Но что будетъ съ ними? Оставленные Мною, они еще болѣе вознерадятъ о своемъ спасеніи, еще невозвратнѣе предадутся похотямъ и страстямъ, еще глубже погрузятся въ чувственность и ожесточеніе грѣховное. Употреблю убо еще единое средство: оставлю мѣсто свое и пойду сама во градъ ихъ; пройду по его стогнамъ и торжищамъ; воззрю на храмы и домы ихъ; посмотрю на мѣста правосудія и наукъ; увижу всѣхъ и все, и сама дамъ видѣть себя всѣмъ и каждому. Какъ они ни примутъ Меня—съ усердіемъ и любовію, или невниманіемъ и холодностію, выйдутъ на срѣтеніе Мнѣ многочисленными толпами, или въ маломъ числѣ,—для Меня все равно: Я ищу не славы своей, а ихъ спасенія. Посему, не смотря на всю тяжесть пребыванія посреди нечистотъ и соблазновъ грѣховныхъ, останусь среди ихъ въ ликѣ Моемъ на все то время, въ которое они оставляли Меня въ забвеніи. Можетъ быть, смиреніе и любовь Моя тронутъ и поразятъ кого-либо. Можетъ быть, гордый властелинъ, видя на рукахъ Моихъ Судію живыхъ и мертвыхъ, вспомнитъ, что и надъ нимъ есть невидимый Господь и Владыка, и престанетъ томить безчеловѣчно подручныхъ своихъ. Можетъ быть, жестокосердый богачъ, усматривая, какъ Мое сердце отверсто для всѣхъ скорбящихъ, и самъ не будетъ болѣе затворять вратъ дома своего отъ тѣхъ, кои, страдая отъ глада и хлада, почли бы за милость питаться отъ крупицъ, падающихъ съ роскошной трапезы его. Можетъ быть, высокоумный мудрецъ, вспомнивъ Мою вѣру и преданность въ волю Всевышняго, отложитъ шатанія ума превратнаго и возлюбитъ благое и легкое иго Сына Моего. По крайней мѣрѣ, Я утѣшу тѣхъ, кои не имѣютъ уже на землѣ утѣшенія: по-

кажу всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ, что Я помню ихъ, что они близки къ Моему сердцу».

Представляя себѣ все сіе, мы исходили, братіе, вчера во срѣтеніе Матери Божіей хотя и съ радостію—ибо кто не возрадуется пришествію Владычицы земли и неба?—но еще болѣе со страхомъ; ибо что можемъ мы представить на обрадованіе Ей самой? Представимъ ли нашу холодность къ вѣрѣ, по которой мы прибѣгаемъ подъ сѣнь святой Церкви и къ таинствамъ ея токмо въ случаѣ крайней необходимости; а все прочее время блуждаемъ по распутіямъ міра, якоже язычники, не имущіе упованія? Представимъ ли нашу роскошь, которая поглощаетъ нерѣдко цѣлыя имущества и лишаетъ наслѣдства и способа къ существованію тѣхъ, о коихъ первѣе всего надлежало бы пещись отцамъ и матерямъ, не забывшимъ своей природы? Представимъ ли наше непостоянство и лживость, для коихъ нѣтъ ни слова священнаго, ни обѣтовъ ненарушаемыхъ, ни предѣловъ непреходимыхъ? Представимъ ли такъ называемое искусство жить въ свѣтѣ, состоящее большею частію въ томъ, чтобы не имѣть ни своего ума, ни своего сердца, ни своей души и совѣсти? Одно ободряло и утѣшало насъ при мысли о плачевномъ состояніи нравовъ нашихъ, что Матерь Божія яснѣе насъ видѣла всю грѣховную проказу нашу, и однако же возблаговолила пріити къ намъ; что у Нея—всемощной—не можетъ быть недостатка во врачевствахъ на всѣ недуги и на всѣ язвы, отъ коихъ страдаемъ мы; и что, если мы не останемся безчувственны къ великой милости Ея, намъ явленной, и обратимся къ покаянію: то все пріиметъ новый и лучшій видъ,—и домы и сердца наши.

Итакъ, теперь отъ насъ самихъ зависитъ, во что будетъ для насъ пришествіе къ намъ Матери Божіей въ чудотворномъ ликѣ Ея. Если она увидитъ насъ готовыми къ исправленію нашихъ нравовъ и жизни и къ пріятію благодатныхъ даровъ Ея: то, безъ сомнѣнія, ущедритъ насъ новыми благословеніями Сына своего. Если же мы, и въ присутствіи Ея, будемъ продолжать свою грѣховную безпечность и предаваться прежнимъ порокамъ: то, вмѣсто даровъ и милости, можемъ привлечь на себя сугубый гнѣвъ и наказаніе. Ибо, когда вы не внемлете нашимъ вѣщаніямъ и словамъ: то мы можемъ только предать васъ суду вашей совѣсти, и ничего

болѣе; а у Царицы неба и земли все во власти: рещетъ—и всѣ стихіи возстанутъ на безчувственнаго грѣшника: поразитъ—и никто не защититъ, никто не исцѣлитъ!

Итакъ, подумай и осмотрись каждый! Среди насъ Врачъ и вмѣстѣ Судія! Надъ нами милость и прощеніе! Когда во градѣ нашемъ бываетъ царица земная, тогда умолкаютъ по стогнамъ его всѣ безчинные клики. Да умолкнутъ они тѣмъ паче нынѣ, ради Царицы небесной! Да явится весь градъ нашъ чувствующимъ, кто теперь среди его! Аминь.

Слово по случаю обратнаго крестнаго хода *).

Кончились свѣтлые дни праздника! окончилось и пребываніе у насъ чудотворной иконы Матери Божіей!—Мы не предполагали такового сочетанія дней: оно вышло само собою, и какъ вышло? Такъ, что если-бъ и долго думать о семъ и соображать, то нельзя бы изобрѣсти лучшаго. Видно, что кто-то безъ насъ въ семъ случаѣ думалъ за насъ, и такъ расположилъ дни и мѣсяцы, что первое посѣщеніе насъ Матерію Божіею окончилось не прежде и не позже, какъ съ окончаніемъ дней свѣтлой седмицы, дабы сѣтованіе о разлукѣ съ благодатною Посѣтительницею могло найти для себя утѣшеніе въ самомъ образѣ разлуки.

Да вознесется же отъ всѣхъ насъ за сіе благодареніе Тебѣ, невидимый ни для кого, но довѣдомый по Своимъ дѣйствіямъ для всѣхъ, верховный Благораспорядителю всяческихъ! Это—Твое дѣйствіе и вмѣстѣ знаменіе для духовной немощи нашея! Безъ сего мы продолжали бы недоумѣвать, благоугодное ли Тебѣ дѣло совершили мы, дерзнувъ воздвигнуть Матерь Твою въ чудотворномъ ликѣ Ея на небезтрудное шествіе къ намъ и на некраткое пребываніе во градѣ нашемъ. Теперь, когда отъ начала до конца сего пребыванія, все такъ благоустроялось, что самыя стихіи видимо содѣйствовали торжествамъ нашимъ, самые дни и мѣсяцы сочетавались по желанію и потребностямъ нашимъ, теперь —ко-

*) Сказано въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ недѣлю антипасхи, при перенесеніи чудотворной иконы Богоматери Озерянской изъ Харькова обратно въ Куряжскій монастырь.

нецъ недоумѣніямъ! Намъ остается токмо благодарить и славить Твое всесвятое Имя!

Воздвигнись и ты, богоспасаемый градъ Харьковъ, и прими новое священное учрежденіе, не какъ плодъ соображеній человѣческихъ, а какъ даръ непосредственной милости къ тебѣ Божіей! Да соединится отнынѣ судьба его съ судьбою твоею, и да содѣлается оно до позднѣйшихъ родовъ памятникомъ—не нашихъ какихъ-либо ничтожныхъ именъ и трудовъ.—а нашей общей съ тобою вѣры въ Бога Спасителя, и нашего совокупнаго благоговѣнія къ пречистой Матери Его! Прими и храни учрежденіе сіе въ простотѣ вѣры и чистотѣ совѣсти, какъ наилучшее украшеніе твое и отличіе отъ прочихъ градовъ, тебѣ подобныхъ; или паче, оно да хранитъ тебя отъ всякаго зла, да напоминаетъ тебѣ среди куплей и молвы житейской о единомъ на потребу, да украшаетъ собою твой миръ и твою радость; и, поелику на землѣ нельзя быть безъ искушеній и градамъ, также какъ людямъ, да утѣшаетъ тебя и воодушевляетъ упованіемъ въ тяжкія годины бѣдствій общественныхъ!

Итакъ, братіе мои, Матерь Божія, въ чудотворномъ ликѣ Ея была теперь свидѣтельницею и нашихъ прошедшихъ постовъ, и нашихъ минувшихъ праздниковъ. Что уже узрѣла Она въ насъ, и что речетъ теперь о градѣ нашемъ Сыну своему и Богу? Испроситъ ли намъ сугубую благодать даровъ духовныхъ, яко способнымъ принять и употребить ее во спасеніе души своей? Или найдетъ нужнымъ возгремѣть надъ нами гласомъ прещенія и суда, да возбудимся отъ сна грѣховнаго, яко нерадящіе о своей совѣсти?

Что бы ни было ниспослано намъ отъ Тебя, всемудрая и преблагая Посѣтительница наша, мы пріимемъ съ вѣрою и любовію. Ибо, если мы пріемлемъ, ничтоже сумняся, совѣты и предписанія врачей на жизнь и смерть нашу, тогда какъ они, яко человѣки, могутъ не знать хорошо нашихъ недуговъ, или, и зная ихъ, не умѣть избрать врачества благоприличнаго, то отъ Тебя ли усомнимся пріять какое-либо врачество, предъ коею открыты всѣ немощи наши, и коей довѣдомо все, могущее служить ко благу душъ нашихъ? Точію оставляя мѣсто сіе, не липай насъ невидимаго покрова твоего; и даруй утѣшеніе паки и паки срѣтить Тебя и поклониться святому лику твоему на мѣстѣ семъ!

Но. се и знаменіе неоставленія насъ Матерію Божіею!— Мѣсто покоища Ея среди храма сего не останется празднымъ; его займетъ, нынѣ же, подобіе того чудотворнаго лика, предъ коимъ съ благоговѣніемъ преклоняется первопрестольный градъ Москва. Изображеніе будетъ другое, но благодать и милость—тѣ же. Не прервемъ, братіе, и мы святаго обыкновенія собираться, каждый пятокъ, въ храмѣ семъ, для возглашенія хвалебнаго пѣнія въ честь Преблагословенныя. Мы будемъ преклоняться предъ Нею долу, а Она будетъ ходатайствовать о насъ горѣ. Излишне ли для кого-либо сіе ходатайство? Ахъ, всѣ мы въ напастѣхъ и скорбѣхъ мнозѣхъ! У каждаго есть раны въ душѣ и язвы въ совѣсти, а врачества и пластыря нѣтъ на нихъ у мудрости человѣческой. Врачъ душъ и сердецъ тамъ—горѣ, и яко безпредѣльный и неописанный, благоволитъ для насъ, обложенныхъ плотію и заключенныхъ въ пространствѣ и времени, являть присутствіе Свое въ знаменіяхъ и образахъ чувственныхъ. Будемъ поклоняться симъ знаменіямъ, доколѣ не сподобимся зрѣть лицемъ къ лицу. Аминь.

Слово по случаю крестнаго хода *).

Вода многа не можетъ угасити любве, и рѣки не потопятъ ее (Пѣсн. Пѣсн. 8, 7), говоритъ Премудрый. Вчерашній день какъ бы нарочно былъ избранъ для испытанія сей святой истины и надъ нами грѣшными. Небо и земля, казалось, совокупились на то, чтобы угасить любовь нашу къ чудотворному лику Матери Божіей, во срѣтеніе коего исходили мы. Сама Она явилася предъ насъ не такъ, какъ прежде, окруженная не лучами полдневнаго солнца и тихимъ дыханіемъ вѣтра, а едва не полночнымъ мракомъ тучи и неудержимыми потоками осеннихъ водъ. Но, благодареніе Господу, любовь наша не угасла и среди сего разліянія воднаго, и облака, на насъ дождившія, не будутъ свидѣтелями нашего отпаденія. Говоримъ сіе тѣмъ съ большею радостію, чѣмъ сильнѣе можно было опасаться за противное. Ибо священно-

*) Съ чудотворною иконою Богоматери Озерянской, бывшаго наканунѣ среди весьма дождливой погоды. Сказано въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ 1 октября 1845 года.

дѣйствіе, вчера совершенное, подобно еще младому неукоренившемуся растенію. Для совершеннаго утвержденія его въ нравахъ народныхъ потребенъ не годъ, или два, а по крайней мѣрѣ десятилѣтіе. И вотъ, на сіе юное растеніе вдругъ возвѣяла цѣлая буря! Долго ли было потерять не только листья, но и корни,—пасть и сокрушиться? Но благодареніе Господу, оно устояло; и мы съ радостію можемъ теперь вслѣдъ за мудрецомъ Израилевымъ, говорить: «*вода многа не можетъ угасити любве, и рѣки не потопятъ ее!*» Препобѣждена трудность, болѣе коей въ семъ случаѣ нельзя и ожидать; мы видимо прикоснулись къ послѣднему предѣлу возможнаго неудобства въ семъ святомъ дѣлѣ, и чрезъ сіе самое стали ближе въ духѣ къ нашей небесной Заступницѣ. Ибо свойство всѣхъ трудныхъ вещей и дѣйствій таково, что они, если предпринимаются для кого-либо, то по совершеніи ихъ, тѣснѣе связуютъ дѣйствовавшихъ съ тѣмъ лицемъ, для кого переносилась трудность. Уповаемъ, что и насъ вчерашняя туча и потоки не разъединили, а провели въ нѣкое особенное супружество съ тою святынею, для которой мы должны были препираться со стихіями.

Но что значитъ, что небесная Заступница наша восхотѣла нынѣ явиться намъ окруженною потоками водъ? Ибо туча, долго висѣвъ праздно надъ градомъ, какъ будто ожидала Ея пришествія, дабы съ приближеніемъ Ея, тотчасъ пролиться всецѣло надъ нами. Если не дерзновенно въ подобныхъ случаяхъ угадывать причину и цѣль случившагося. то мнѣ кажется, что Богоматерь восхотѣла испытать наше сердце. Мы едва не всѣмъ градомъ исходили прежде во срѣтеніе Ея; такъ же поступили, когда Она удалялась отъ насъ; но тогда все такъ благопріятствовало шествію, что оставаться дома значило бы лишить себя самой занимательной прогулки. Удивительно ли, что въ такомъ случаѣ шелъ на священнодѣйствіе и самый старый и самый малый? Тутъ нельзя было различить усердія къ Богоматери отъ собственнаго удовольствія для каждаго. Надлежало испытать насъ; и вотъ Она затруднила потоками водъ собственное шествіе, да явится, кто срѣталъ Ее отъ вѣры и любве, и кто исходилъ по одному обычаю, для собственнаго развлеченія. Цѣль сія достигнута: не вполнѣ усердное, слишкомъ озабоченное самосохраненіемъ, ищущее во всемъ *своихъ си* (1 Кор. 13, 5),

осталось вчера дома; а вѣра и любовь не убоялися трудностей, не усомнились подвергнуться неблагопріятному вліянію стихій, и остались невредимыми. Вода многа не возмогла *угасити любве;* не смотря на всѣ неудобства и опасенія, одинъ градъ нашъ успѣлъ выставить болѣе спутниковъ въ шествіи Царицы небесной, нежели сколько обрѣлось нѣкогда непреклонившихъ колѣна предъ Вааломъ въ цѣломъ царствѣ Израильскомъ. Можно ли не радоваться сему и не благодарить за сіе Господа?—Что касается до меня, то я не видѣлъ при семъ шествіи ни облаковъ, ни дождя, ни грязи, а взиралъ на одно усердіе несущихъ святую икону, и благодарилъ Бога. Не напрасно, думалъ я, надѣялись мы на душевное благорасположеніе нашихъ сограждан къ святому дѣлу: подобные подвиги еще незнакомы имъ, но, вотъ, они поступаютъ такъ же, какъ иногда юные ратники замѣняютъ собою опытныхъ воиновъ. Съ такими людьми можно дерзать на все благое, хотя бы оно было сопряжено и съ трудностями.

Такъ думали мы, и радовались духомъ, и не чувствовали трудности шествія. Тѣмъ паче не могло укрыться усердіе ваше, братіе, отъ взора Матери Божіей. Она, преблагая, не забудетъ сего, и, яко всемогущая, не замедлитъ и съ своей стороны ознаменовать свое благоволеніе граду нашему—удаленіемъ отъ него бѣдъ и искушеній.

Даже не въ предвѣстіе ли сего служили потоки водные. Ее окружавшіе? Ибо отъ чего страдали мы въ продолженіе всего лѣта? Отъ засухи, огня и пожаровъ. Въ чемъ имѣли нужду? Въ прохладѣ и орошеніи. И се, при самомъ вступленіи во градъ нашъ Царицы неба и земли, хлябіи небесныя, дотолѣ заключенныя, тотчасъ пролились, какъ бы отверзтыя Ея всемощною десницею! Не для того ли, да видимъ и разумѣемъ, что въ Ея власти всѣ стихіи,—что Она, какъ вліянію водъ, такъ и пламени огня можетъ рещи: *«до сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя»* (Іов. 38, 2)? Если мы, воодушевленные симъ знаменіемъ, прибѣгнемъ съ вѣрою и чистымъ сердцемъ къ Ея всемощному заступленію; если притомъ, подобясь Ей премилосердой, окажемъ усердную помощь пострадавшимъ отъ пламени собратіямъ нашимъ; если, наконецъ, покажемъ любовь не къ ближнимъ токмо нашимъ, но и къ себѣ самимъ—исправленіемъ нашихъ злыхъ нравовъ, воздержаніемъ отъ

пагубной роскоши, взаимныхъ пререканій, зависти, гордости, гнѣва и прочихъ страстей, то нѣтъ сомнѣнія, что огненное запаленіе, столько и такъ долго всѣхъ насъ тревожившее, молитвами Ея навсегда мимоидетъ отъ насъ, и мы попрежнему будемъ наслаждаться безопасностію, миромъ и тишиною.

Да, братіе мои, безъ исправленія нашихъ нравовъ не можетъ сдѣлать благопотребнаго для насъ Сама Матерь Божія. Ибо Ея сила есть сила Сына Ея; а сила Самого Сына, въ благотворномъ явленіи своемъ, зависитъ отъ душевнаго расположенія и свойства тѣхъ, кои желаютъ пользоваться ею. *Не сотвори въ нихъ силъ многихъ* (Мато. 13, 58), сказано въ Евангеліи о нѣкоторыхъ градахъ и весяхъ. Почему? *За невѣрствіе ихъ.* Невѣрствіе связало собою, можно сказать, самое всемогущество Сына Божія. Что сказано о невѣрствіи, то же, и еще болѣе, должно сказать о нераскаянности во грѣхахъ, которая впрочемъ и заключается всегда въ невѣрствіи, какъ смертоносный плодъ въ ядовитомъ сѣмени. Ни Сынъ Божій, ни пречистая Матерь Его не сотворятъ и въ насъ *силъ многихъ,* не сотворятъ ни единой, если усмотрятъ въ насъ (а отъ Нихъ ли что можетъ укрыться)? невѣрствіе, нечистоту плотскую и ожесточеніе во грѣхахъ. Таковъ законъ святости Божіей, таково свойство правды вѣчной, что они ни въ какомъ видѣ не могутъ потворствовать въ насъ грѣху и неправдѣ. Посему, если хощемъ, чтобы градъ нашъ былъ градомъ Богоматери и находился подъ Ея особеннымъ покровомъ и заступленіемъ, то должны приложить все стараніе о чистотѣ нравовъ, о искорененіи соблазновъ, о пресѣченіи всего, что можетъ вести ко грѣху и располагать къ удаленію отъ Бога.

Мнѣ кажется, что это самое между прочимъ восхотѣла внушить намъ и небесная Покровительница наша событіемъ вчерашнимъ. Ибо припомните, что означаетъ въ словѣ Божіемъ омовеніе водою: всегда означаетъ покаяніе и измѣненіе жизни на лучшее. Да сбудется же сіе и надъ нами! Да измѣнятся нравы и жизнь наша. Мы невольно приняли вчера внѣшній знакъ—орошеніе водами; усвоимъ же себѣ добровольно и внутренній смыслъ сего знака—раскаяніе во грѣхахъ нашихъ, да пріимемъ за сіе и благодать сего таинства. Съ увѣренностію называю случившееся таинствомъ; ибо, если о израильтянахъ, бывшихъ съ вождемъ своимъ

Моисеемъ подъ столпомъ облачнымъ, говорится посему у Апостола, что они *крестились во облацѣ—въ Моисея* (1 Кор. 10, 2), то почему и о насъ, кои, вмѣстѣ съ симъ чудотворнымъ ликомъ, прошли сквозь тучу и потоки водъ, не сказать, что и мы крещены вчера *во облацѣ—въ Матерь Божію*? Уразумѣемъ же силу сего крещенія, возлюбимъ Крестившую насъ и, какъ исшедшіе изъ купели пакибытія, начнемъ новую жизнь не по духу вѣка сего и требованіямъ плоти, какъ доселѣ многіе жили, а по заповѣдямъ Евангелія и уставамъ святой Церкви. Царица неба и земли, успокоившись теперь на мѣстѣ своемъ отъ труднаго вчера шествія съ нами, ожидаетъ теперь отъ насъ не свѣщей и ѳиміама (чѣмъ обыкли мы изъявлять предъ Нею усердіе свое), а слезъ покаянія, примиренія со врагами нашими, воздержанія отъ похотей плотскихъ, удовлетворенія обиженныхъ нами, благодушнаго претерпѣнія искушеній, готовности служить, чѣмъ можетъ кто, во славу Божію и на пользу нашимъ ближнимъ. Обрадуемъ матернее сердце Ея, и возблагодаримъ за Ея трудное шествіе къ намъ сими приношеніями и дарами, кои одни достойны Ея благости и величества, и одни могутъ низвести на насъ и домы наши Ея всемощное заступленіе. Аминь.

Рѣчь при срѣтеніи на Холодной горѣ

ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ОЗЕРЯНСКОЙ *).

Съ радостію и страхомъ исходимъ предъ Тебя, Владычице! Исходимъ съ радостію, ибо вѣруемъ, что въ семъ дивномъ ликѣ твоемъ грядетъ къ намъ благодать Бога Сына твоего.— Исходимъ со страхомъ; ибо знаемъ, что Ты не терпишь грѣховной нечистоты, а мы всѣ покрыты ею. Оставалось бы и намъ, подобно Апостолу Христову, воскликнуть предъ Тобою: изыди отъ насъ, яко человѣцы грѣшницы есмы! Но что будетъ съ нами, если еще Ты, премилосердая, удалишься отъ насъ? Когда бы Тебѣ угодно было видѣть праведниковъ, Ты бы пошла не къ намъ, но Ты, подобно Сыну твоему, хощешь взыскать и спасти погибшее. И мы исходимъ предъ

*) Произнесенное во время новоучрежденнаго крестнаго хода изъ Курязскаго монастыря въ Харьковъ, сентября 30 дня, 1844 года.

Тебя, не яко достойные почтить, срѣтить и упокоить Тебя, но яко немощные духомъ и тѣломъ ко врачу душъ и тѣлесъ, яко блуждающіе во тьмѣ къ наставнику и руководителю, яко ничтоже имущіе къ подательницѣ всѣхъ благъ. Гряди убо, Мати Божія и Матерь всѣхъ скорбящихъ, и осѣни благодатнымъ ликомъ твоимъ градъ нашъ! Гряди и пріими его подъ всемогущій покровъ твой! Се, онъ у ногъ твоихъ— вмѣстѣ съ душами и сердцами нашими!

Рѣчь при второмъ срѣтеніи на Холодной горѣ чудотворной иконы Богоматери Озерянской *).

Паки срѣтаемъ Тебя, Владычице!—срѣтаемъ и радуемся; ибо видимъ, что Ты не оставляешь насъ недостойныхъ. Но что представимъ Тебѣ радостнаго? Надлежало бы въ сей день явиться предъ Тебя съ новыми добродѣтелями; а мы предстаемъ съ тѣми же нечистотами и неправдами. Се, уже и знаменіе гнѣва небеснаго надъ нами! Едва Ты удалилась отъ насъ, какъ свирѣпый огнь началъ ходить по стогнамъ нашимъ и одесятствовать домы и вертограды наши. Что и теперь грядетъ во слѣдъ Тебя? не знаемъ; но вѣруемъ и уповаемъ, что грядетъ не судъ и казнь, а милость и спасеніе, ибо Ты Матерь Того, Кто сказалъ о Себѣ: *пріидохъ не да сужду міровi, но да спасу міръ* (Іоан. 3, 17).

Граждане града Харькова, отверзите домы и сердца ваши для принятія Богоблагодатной! Труждающіеся и обремененніи, окружите паки Матерь всѣхъ скорбящихъ! Служители алтаря, предначните снова хвалебныя пѣсни во славу Той, юже славословятъ Херувими и Серафими!

Всякъ земнородный да взыграетъ духомъ, торжествуя и да воспоетъ, радуяся, Тоя чудеса!

*) Сказанное во время крестнаго хода изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ, сентября 30 дня, 1845 года.

Рѣчь среди крестнаго хода *).

Откуду намъ сіе, да прiйдетъ Мати Господа нашего къ намъ (Лук. 1, 43)? Владычица неба и земли, кто подвигъ Тебя пріити въ сей день и часъ на мѣсто сіе! Намъ бы, вмѣстѣ съ горами сими, надлежало возстать, пойти и взыскать Тебя, обрѣсти и пасть къ стопамъ твоимъ; и се—Ты сама грядеши, ведя съ съ собою невидимо ликъ святыхъ богоносныхъ угодниковъ кіево-печерскихъ! О семъ разумѣемъ, что Ты не забыла прежняго мѣста обитанія твоего здѣсь: возхотѣла ознаменовать и украсить посѣщеніемъ своимъ день обновленія его; возблаговолила утѣшить и одушевить новую братію о Христѣ, и подать ей въ нетлѣнныхъ мощахъ подвижниковъ печерскихъ, и примѣръ подвиговъ и залогъ успѣховъ духовныхъ. Гряди убо, Преблагословенная, и вселися здѣ; вселися и пріими паки обитель сію подъ всемогущій покровъ твой!

Святыя горы, зрите кто пришелъ къ вамъ, и преклоните верхи ваши предъ Царицею неба и земли!—Братія, здѣ нѣкогда подвизавшіеся и теперь почивающіе во утробѣ земной, возстаньте и возблагодарите вмѣстѣ съ нами Честнѣйшую Херувимъ и Славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ! Братія, здѣ теперь вселяющіеся, падите предъ Матерію всѣхъ скорбящихъ, и предайте Ей навсегда души и сердца ваши!

Благословенъ Господь, пославый намъ въ день сей знаменіе милости и благодати Своей столь же великое, какъ и для всѣхъ видимое!

Слово по случаю крестнаго хода,

ВНОВЬ УЧРЕЖДЕННАГО, СЪ ИКОНОЮ БОГОМАТЕРИ АХТЫРСКІЯ, ВЪ СВЯТОТРОИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ *).

Безъ особеннаго намѣренія у насъ, но конечно, не безъ провидѣнія свыше, такъ вышло, что ежегодное торжественное исшествіе чудотворнаго образа Богоматери изъ храма сего совершается въ нынѣшній день, когда, по уставу святыя

*) Сказанная при срѣтеніи иконы Успенія Пресвятой Богородицы со святыми въ ней мощами, присланной отъ Кіево-печерской лавры на благословеніе возстановленному монастырю Святогорскому, и внесенной въ сей монастырь въ навечеріи для обновленія его, 14 августа 1844 года.

*) Сказанное въ ахтырскомъ соборѣ въ субботу предъ Пятидесятницею.

Церкви, творится молитвенная память о всѣхъ, отъ вѣка усопшихъ отцахъ и братіяхъ нашихъ. Вслѣдствіе сего мы отъ хвалебныхъ пѣсней въ честь Богоматери преходимъ къ плачевнымъ пѣснопѣніямъ о смерти и судѣ страшномъ; а отъ нихъ паки возвращаемся на похвалу Преблагословенныя. Можетъ быть, это представляется кому-либо умаленіемъ торжества въ честь Богоматери; а въ самомъ дѣлѣ это скорѣе составляетъ его полноту и силу; ибо такимъ образомъ ясно показывается, что покровъ Богоматери, подобно заслугамъ Сына Ея, простертъ не только надъ всѣми живыми, но и надъ всѣми почившими. И кого было намъ лучше взять въ Руководительницу нашихъ молитвъ ко Господу о усопшихъ братіяхъ нашихъ, какъ не пречистую Матерь Его?—Съ Ея всемощнымъ предстательствомъ о нихъ и наши слабыя моленія получатъ силу, и наше косное сердце воспламенится огнемъ вѣры и любви чистой. Посему мы можемъ быть увѣрены съ благонадежностію, что почившимъ братіямъ нашимъ весьма отрадно, что день поминовенія ихъ содѣлался днемъ торжественнаго шествія Богоматери изъ храма сего и града въ обитель Святыя Троицы. Ибо настоящій день всенародныхъ молитвъ о нихъ есть потому самому какъ бы день ихъ собственнаго годового праздника; и вотъ, въ сей самый день, Матерь Божія, въ чудотворномъ ликѣ своемъ, ежегодно будетъ проходить мимо ихъ могилъ, будетъ осѣнять мѣсто покоища ихъ своимъ благодатнымъ взоромъ, и безъ сомнѣнія, доставитъ новый покой душамъ ихъ.

Возблагодаримъ же Господа, что новое торжество наше и въ семъ отношеніи доставляетъ всѣмъ намъ новую отраду, и будемъ совершать его съ полнымъ усердіемъ. То есть, какъ совершать?

Посѣщая, во-первыхъ, въ сей день храмъ сей и сопутствуя Богоматери въ Ея шествіи. Нужно напомянуть и объ этомъ; ибо есть, кои готовы забыть и это. А забывать не надобно. Ибо какъ же? Ужели Матери Божіей одной идти изъ града? Кто въ такомъ разѣ не осудилъ бы жителей его? И суровость погоды, могущая иногда быть въ это время, не причина оставаться намъ дома. Ибо эта же суровость не препятствуетъ намъ выходить изъ домовъ по своимъ дѣламъ житейскимъ и совершать даже дальнія путешествія. Ужели

же для Матери Божіей мы не сдѣлаемъ того, что дѣлаемъ для себя и для другихъ? Опасаться вреда для здоровья нельзя, ибо шествіе бываетъ въ такую пору года, когда и дождь и вѣтеръ безвредны для здоровья, потому что растворены весеннею теплотою. Итакъ, дадимъ обѣтъ никогда не оставлять шествія съ Богоматерію, всегда и сопровождать Ее отходящую и срѣтать приходящую. Да будетъ сіе хотя малою ежегодною данію отъ насъ Ей за Ея, такъ сказать, сожительство и пребываніе между нами, въ чудотворномъ ликѣ Ея.

Еще большее окажется съ нашей стороны усердіе, если мы въ настоящій день въ честь Матери Божіей будемъ совершать какія-либо дѣла благія. Тебѣ, напримѣръ, долженъ извѣстною суммою такой-то бѣдный человѣкъ и уплата съ его стороны почти невозможна, а тебя она не можетъ ни обогатить, ни разорить. Скажи ему нынѣ, что въ честь Богоматери прощается ему сей долгъ. Или—тебя оскорбилъ извѣстный человѣкъ; ты можешь, по закону, подвергнуть его за сіе немалому наказанію: вмѣсто преслѣдованія отпусти ему нанесенное тебѣ оскорбленіе и скажи, что это дѣлается тобою въ честь Богоматери. Далѣе, ты знаешь, что въ извѣстной хижинѣ обитаетъ бѣдность, что тамъ, можетъ быть, нѣтъ на завтрашній праздникъ, не только яствъ тучныхъ, но и хлѣба. Возвращаясь съ крестнаго хода, зайди въ эту хижину, оставь тамъ, что можешь, на помощь и скажи, что это прислано отъ Богоматери. И мало ли способовъ дѣлать добро, только бы захотѣли дѣлать его! А между тѣмъ какъ это будетъ пріятно Матери Божіей! Какъ будетъ отрадно для нашего собственнаго сердца! Если мы будемъ поступать и святить такимъ образомъ день настоящій, то, будьте увѣрены, Владычица земли и неба не останется въ долгу у насъ, и спроситъ намъ отъ Бога Сына своего новыя милости и благословенія.

Можемъ и еще оказать одинъ видъ усердія къ Матери Божіей. Чѣмъ? Если будемъ въ честь Ея ежегодно оказывать милость и благодѣяніе самимъ себѣ. Какое благодѣяніе? То, чтобы хотя одинъ изъ тѣхъ дней, на кои Богоматерь оставляетъ здѣсь мѣсто свое, посвятить на размышленіе о своей жизни, на бесѣду съ своею совѣстію, на узнаніе того, въ какомъ состояніи наша душа, куда ближе мы, къ небу

или аду. Такое дѣло будетъ истиннымъ и великимъ благодѣяніемъ для насъ самихъ, ибо такимъ образомъ мы можемъ придти въ чувство, отстать отъ многихъ грѣховъ, вообще съ каждымъ годомъ дѣлаться лучше. Хотя это будетъ полезно намъ, но Матерь Божія приметъ сіе за особенный даръ для Ней самой, ибо Ея пища, покой и веселіе—наше спасеніе. Для сего,—то есть, чтобы тронуть ожесточенныхъ грѣшниковъ, подкрѣпить слабыхъ вѣрою, утѣшить изнемогающихъ, для сего Она и благоволила явить Себя здѣшнему граду въ чудотворномъ ликѣ своемъ; для сего, то есть, для нашего покаянія и исправленія, совершила Она всѣ чудеса и знаменія, отъ Ней въ продолженіе цѣлаго вѣка явленныя; для сего Она возблаговолила ежегодно совершать и новое шествіе въ обитель Святыя Троицы, пребывать тамъ слѣдующую седмицу и возвращаться сюда въ день всѣхъ Святыхъ.

Поймемъ же цѣль новаго священноторжественнаго шествія нашего, возлюбленные!—Да послужитъ оно не очамъ нашимъ—во зрѣлище, а душамъ—въ пищу и спасеніе. Кто обращался вблизи съ какимъ-либо великимъ человѣкомъ, тотъ отъ обращенія съ нимъ всегда заемлетъ нѣчто лучшее, чего въ немъ самомъ не было. Да будетъ то же и отъ шествія нашего съ Матерію Божіею; да возвращаемся въ домы наши смиренномудрѣе, богобоязненнѣе и любвеобильнѣе, дабы всѣмъ и во всемъ было ощутительно, что мы находились съ Матерію Божіею.—Аминь.

Слово по случаю крестнаго хода *).

Какъ однѣ и тѣ же причины производятъ неодинаковыя дѣйствія! Новый миръ, послѣ упорной и тяжкой брани, какова была прошедшая, естественно для всѣхъ служитъ въ отраду и успокоеніе; служитъ къ томуже и для насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ радость о мирѣ соединена съ чувствомъ ущерба и лишенія, тѣмъ чувствительнѣйшимъ, что они не вещественны, а духовны. Вслѣдствіе новаго мира, мы должны разстаться съ симъ чудотворнымъ ликомъ небесной Заступ-

*) Произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 13 мая 1856 г., при возвращеніи изъ Одессы въ селеніе Касперовку чудотворнаго образа Богоматери Касперовской.

ницы нашей, къ которому такъ привыкли и очи и сердца наши. Поелику Она пришла къ намъ не навсегда, а на время токмо брани, дабы раздѣлить съ нами опасности, то, по прекращеніи ужасовъ военныхъ, естественно шествуетъ теперь обратно къ мѣсту своего пребыванія.

Вы знаете, что это за мѣсто: — не градъ какой-либо, а малая и безвѣстная весь, но избранная самою Богоматерію, и потому предъ всѣми нашими градами имѣющая преимущество—быть вмѣстилищемъ сея святыни.

Будемъ ли завидовать въ семъ этой малой веси?—Напротивъ, это самое должно поучать всѣхъ насъ смиренію и тому, чтобы мы не возлагали упованія на славу и богатство и на прочія земныя отличія, кои важны и могутъ значить много въ очахъ человѣческихъ, а предъ Окомъ всевидящимъ— суть яко ничтоже. Какъ Самъ возлюбленный Спаситель нашъ избралъ мѣстомъ Своего рожденія не славный и шумный Іерусалимъ, а малый Виѳлеемъ и въ Виѳлеемѣ не пышные чертоги, а убогій вертепъ и малоцѣнныя ясли; равно какъ мѣстомъ воспитанія и пребыванія Его до тридесяти лѣтъ служилъ опять не какой-либо изъ именитыхъ градовъ Іудейскихъ, а малый и презираемый за свою скудость Назаретъ, такъ и пречистая Матерь Его, минуя всѣ грады страны нашей, благоволила просіять сему лику своему чудесами и знаменіями въ малой, и никому почти невѣдомой дотолѣ, веси Касперовской. Но, какъ Спаситель нашъ избралъ мѣстомъ рожденія и воспитанія Своего малыя и неславныя обиталища не для того, чтобы заключить въ нихъ благодатныя плоды Своего пришествія въ міръ, а чтобы распространить потомъ изъ нихъ спасеніе и жизнь на всю вселенную, такъ и пречистая Матерь Его явила отъ лика своего чудеса первѣе въ бѣдной веси, но съ тѣмъ, чтобы простерть потомъ благодатный покровъ свой и на всю страну нашу.

Доказательствомъ сему служимъ мы и градъ нашъ. Признаемся и исповѣдаемъ со смиреніемъ, что мы были изъ наименѣе достойныхъ милости Царицы небесной. Ибо, кромѣ грѣховъ и неправдъ нашихъ, когда другіе грады, одинъ за другимъ, спѣшили освятить себя присутствіемъ новаго чудотворнаго лика Ея, мы довольствовались одними слухами о чуждомъ усердіи. Уже когда совершенно нависла надъ нами туча бѣдствій и ударилъ сильный громъ, уже тогда только

мы, оставивъ всякія размышленія, воззвали къ Взбранной Воеводѣ о помощи. И, премилосердая Владычица, не памятуя нашего замедленія, вскорѣ услышала гласъ моленія нашего, и не только явилась къ намъ въ семъ ликѣ своемъ, но и осталась во градѣ нашемъ на все продолженіе брани, подобно матерямъ, заключающимся ради дѣтей своихъ вмѣстѣ съ ними въ какомъ-либо опасномъ мѣстѣ.

Внимательные къ путямъ Божіимъ, съ пришествіемъ во градъ нашъ лика Царицы небесной, тогда же уразумѣли всеблагій совѣтъ Божій о насъ и градѣ нашемъ, восклонили главы свои и возымѣли твердую надежду, что Взбранная Воевода силъ небесныхъ не всуе и безплодно посѣтила насъ, и что съ Нею грядетъ къ намъ безопасность и спасеніе: и упованіе ихъ не посрамилось!—Туча брани, висѣвшая столько времени надъ нами, разсѣялась и исчезла, а мы остались цѣлы и невредимы: другіе, болѣе, по видимому, удаленные отъ опасности, грады должны оплакивать разореніе своихъ жилищъ и потерю имуществъ; а изъ жителей нашего града, когда и удалялись нѣкоторые, то снова всегда возвращались съ миромъ въ жилища свои.

Теперь, когда начинаютъ приходить въ извѣстность замыслы противу насъ прежде бывшихъ враговъ нашихъ, мы узнаемъ, съ удивленіемъ, какъ одинъ изъ военачальниковъ непріятельскихъ, вообразивъ, что Севастополь держится такъ упорно вліяніемъ и пособіемъ Одессы, неоднократно давалъ повелѣніе своему, праздно стоявшему, флоту произвесть нападеніе на насъ; приказаніе сіе повторяемо было четырекратно, и ни разу не пришло въ исполненіе. Почему? Кто воспятилъ это? Какой-либо явный или тайный союзникъ нашъ?—Нѣтъ, это сдѣлалъ нашъ первый тогдашній врагъ и противникъ, самъ повелитель галловъ. Ему не менѣе британскаго вождя нужно было паденіе Севастополя, а для сего предварительное разрушеніе Одессы; издали ему еще менѣе видно было, что Одесса нисколько не виновна въ неодолимости твердыни крымской, и однако же онъ, вопреки мнѣнію своего военачальника, и слѣдовательно, вопреки собственыхъ своихъ выгодъ, удерживаетъ четырекратно тѣ громы, кои, можно сказать, уже пущены были на насъ. Что удерживаетъ его самого въ семъ случаѣ? Безъ сомнѣнія, не сожалѣніе о насъ, а какая-либо другая мысль, но въ чемъ

бы ни состояла эта мысль,—это несогласіе на счетъ судьбы града нашего повелителя галловъ съ своимъ военачальникомъ, это оставленіе насъ въ покоѣ, когда такъ близко и такъ долго пылалъ пламень войны и мы почитались причиною его продолженія,—все это такъ неожиданно и неестественно, что невольно приводитъ къ мысли о заступленіи насъ въ семъ случаѣ свыше. Какъ будто кто въ это время невидимо стоялъ за повелителемъ галловъ и—тѣмъ или другимъ образомъ—вложилъ въ сердце его рѣшимость—не разрушать Одессы, почитая то или ненужнымъ, или неудобоисполнимымъ. Кто же могъ сдѣлать это, кромѣ силы высшей! И какая изъ высшихъ силъ была на то время ближе къ намъ и граду нашему, какъ не сила пребывавшей среди насъ Взбранной Воеводы силъ небесныхъ!

Это благодѣяніе къ намъ невидимое: вотъ всѣми видѣнное!

Вспомните о томъ грозномъ седмодневіи, когда едва не вся морская сила враговъ нашихъ внезапно явилась на водахъ нашихъ, и когда многіе у насъ и не изъ малодушныхъ воображали, что наступаетъ послѣдній часъ Одессы. Смущенные страхомъ, ожидаемъ нападенія день, ожидаемъ другой, третій; не можемъ понять причины, что удерживаютъ враговъ отъ нападенія, но они стоятъ праздно! продолжаютъ это непонятное бездѣйствіе цѣлую седмицу; и потомъ, никѣмъ же гонимые и нимало не воспящаемые въ дѣйствіи, удаляются невозвратно.

Кто не дивился такому странному явленію предъ нами враговъ нашихъ? Кто не признавалъ неожиданнаго удаленія ихъ за особенную милость Божію ко граду нашему?—Но, чему могли быть обязаны мы сею милостію! Какимъ-либо добродѣтелямъ нашимъ и заслугамъ предъ Богомъ? Гдѣ онѣ? Не можемъ даже утверждать, чтобы эта милость была слѣдствіемъ нашего покаянія во грѣхахъ; ибо, увы, многаго не достаетъ доселѣ къ его дѣйствительности! Одно несомнѣнно, что надъ градомъ нашимъ былъ простертъ въ это время особенный покровъ Матери Божіей, какъ свидѣтельствовалъ о томъ Ея ликъ чудотворный, между нами пребывавшій.

И съ симъ-то священнымъ и спасительнымъ ликомъ мы должны теперь разстаться!—Мысль не радостная, конечно, для набожнаго усердія къ Богоматери, но нисколько не мо-

гущая смутить вѣры истинной, которая, по самому существу своему, любитъ жить не столько въ видимомъ и осязаемомъ чувствами тѣлесными, сколько въ невидимомъ и духовномъ. Для духа, братіе мои, нѣтъ пространства и разстояній вещественныхъ: онъ тамъ, гдѣ предметъ его уваженія и любви. Посему, если мы любимъ и почитаемъ Матерь Божію воистину, то мы всегда будемъ съ Нею въ духѣ, гдѣ бы ни находился внѣшній ликъ Ея. У насъ сдѣлано Царицею небесною все, что было нужно, по нашимъ обстоятельствамъ: надобно, чтобы Она возвеселила чудотворнымъ ликомъ своимъ и прочіе грады, кои на все время брани лишены были утѣшенія—созерцать его и поклоняться ему.—Чтобы память благодѣяній Богоматери ко граду нашему не охладѣла въ комъ-либо, для сего пятокъ каждой седмицы будетъ, по прежнему, посвященъ въ семъ храмѣ хвалебному пѣснопѣнію во славу Ея, на память и родамъ грядущимъ.

Успокоенные сими мыслями, съ миромъ изыдемъ на сопровожденіе небесной Заступницы нашей, и воздая Ей послѣднее на сей разъ поклоненіе, рцемъ вси изъ глубины души: Мати Божія, Ты защитила насъ отъ нападенія внѣшнихъ враговъ: слава твоему милосердію о насъ! но, Ты зришь, Всевѣдущая, коликими окружены мы врагами внутренними, силящимися восхитить у насъ самое вѣчное спасеніе наше: не остави убо насъ твоею благодатною помощію къ побѣжденію ихъ, и, аще благоугодно Тебѣ, пріиди и паки посѣти насъ въ семъ чудотворномъ ликѣ твоемъ!—Аминь.

Слово по случаю крестнаго хода *).

По прежнему, собрались мы, братіе, вспомянуть день рожденія града нашего и освятить его молитвами и крестнымъ шествіемъ по стогнамъ градскимъ,—собрались по прежнему, но какая разность въ обстоятельствахъ настоящаго времени въ сравненіи съ прошедшимъ! Тогда мы всѣ радовались, воспоминая не только начало нашего города, но и начало царствованія Благочестивѣйшаго Монарха нашего; ибо въ этотъ же самый день онъ былъ увѣнчанъ вѣнцемъ царскимъ.

*) Произнесенное, по литургіи, въ женскомъ Михайловскомъ монастырѣ, 22 августа 1855 г. въ память основанія города Одессы.

Теперь сія послѣдняя радость прешла и никогда уже не возвратится къ намъ болѣе; ибо этотъ Монархъ, или точнѣе сказать тридесятилѣтній Державный труженикъ воззванъ отъ земли для пріятія за труды свои вѣнца небеснаго. Прежде море наше въ настоящій день всегда покрыто было кораблями изъ всѣхъ странъ, и каждый изъ плавателей охотно принималъ участіе въ нашей радости, свидѣтельствуя о томъ звукомъ своихъ орудій: теперь это море пусто и закрыто для насъ самихъ; видны на немъ только недоброжелатели наши, насъ стрегущіе. Самый городъ представляетъ изъ себя не то, что прежде: нѣтъ этого множества всякаго рода посѣтителей, и своихъ и иноземныхъ; нѣтъ этого непрестаннаго движенія и шума, происходящихъ отъ торговли и промышленности; даже многихъ постоянныхъ жителей города нѣтъ, и домы ихъ стоятъ едва не пусты; ибо благоразуміе заставило многихъ удалиться отъ береговъ морскихъ и оставить городъ: картина печальная и доселѣ здѣсь никогда невиданная!

Что же? Ужели и намъ, вслѣдствіе такой превратности обстоятельствъ, надлежало забыть день настоящій и престать освящать его молитвою и благодареніемъ Господу? Да не будетъ! Ибо, это значило бы какъ бы отречься, хотя на время, отъ собственнаго своего бытія гражданскаго и вознегодовать, подобно Іову, на самый день рожденія града нашего. Это значило бы показать, что наше усердіе ко Господу и наша благодарность за дарованіе граду нашему бытія и существованія были только слѣдствіемъ счастливыхъ обстоятельствъ, въ коихъ мы доселѣ находились. Нѣтъ, сего не будетъ, никогда не будетъ! Собирались мы въ день настоящій предъ симъ алтаремъ благодати, когда все благопріятствовало намъ; не престанемъ собираться, хотя бы все стало противу насъ!

Сего требуетъ впрочемъ не только долгъ благодарности предъ Богомъ, толико благодѣявшимъ, но и собственное благо наше. Ибо, въ часы горести и искушеній, какъ наши, куда и обратиться за помощію и утѣшеніемъ, какъ не къ престолу благодати, въ храмъ Господень? Что можетъ скорѣе и вѣрнѣе привлечь на насъ и градъ нашъ милосердіе Божіе и возвратить намъ дни безмятежные и благіе, какъ не наше смиреніе и молитва?

«Но, можетъ быть, Господь забылъ и оставилъ насъ навсегда, какъ то сдѣлалось и съ возлюбленнымъ нѣкогда народомъ Божіимъ, за его тяжкія прегрѣшенія?» Нѣтъ, братіе мои, при всѣхъ грѣхахъ и виновности нашей предъ Богомъ, мы, благодаря Его безпрекладному милосердію, не можемъ сказать сего: ибо самое разсмотрѣніе обышедшихъ насъ золъ и искушеній свидѣтельствуетъ о противномъ, то есть, что мы не оставлены Господомъ, хотя и подвергнуты наказанію; ибо каждое изъ бѣдствій нашихъ видимо растворено утѣшеніемъ свыше. Такъ, мы лишились Монарха мудраго, твердаго, великодушнаго, благочестиваго; но престолъ Его не остался празденъ, какъ это бывало нѣкогда не разъ къ величайшему вреду отечества. Нынѣ онъ немедленно занятъ августѣйшимъ сыномъ его, коего одно имя уже напоминаетъ собою все, что есть великаго и благословеннаго въ исторіи народовъ. Мы окружены и стѣснены врагами; но много ли успѣли доселѣ сдѣлать они со всѣми своими силами, со всѣмъ искусствомъ и мужествомъ? Не наши ли брега видѣли малоуспѣшность ихъ средствъ и ярости? Не одна ли твердыня въ краю нашемъ — только одна — заслонила и заслоняетъ собою уже цѣлый годъ всю Россію, и не даетъ ступать имъ ни шага далѣе? Все сіе ясно говоритъ, что Господь *наказуя наказа насъ* (и можемъ ли сказать, что не за что было наказать?), *смерти же не предаде насъ* (Псал. 127, 18).

Хотимъ ли ускорить возвращеніе къ намъ милости Божіей и дней мирныхъ? Для сего возревнуемъ объ истинномъ покаяніи и перемѣнѣ нашихъ нравовъ и жизни; ибо Господь нашъ, по самому существу Своему, есть Богъ милости и щедротъ, *Богъ приближаяйся*, а не *Богъ издалеча* (Іер. 23, 23), какъ говоритъ пророкъ; отдаляетъ же Его отъ насъ — вмѣстѣ съ чѣмъ приходитъ къ намъ и пагуба — ни что другое, какъ грѣхи наши и особенно наша нераскаянность въ оныхъ. Отнимемъ сіе несчастное средостѣніе — покаяніемъ; и Господь паки станетъ близъ насъ, а съ Нимъ обыдетъ насъ паки и миръ и благословеніе.

Но, Господи, уязвленныя грѣхами стопы наши такъ слабы, свыкшаяся съ беззаконіями воля наша такъ упорна противу закона твоего, что мы, и при всемъ желаніи, не въ силахъ оставить совершенно и скоро путь нечестія и пагубы, и

обратиться къ Тебѣ, источнику жизни и блаженства: *хотѣти доброе* еще *прилежитъ* намъ; *еже содѣяти—не обрѣтаемъ* (Рим. 18, 18). Самъ убо воздѣйствуй на души и сердца наши Твоею всемощною благодатію. и отними у нихъ окаменѣніе во грѣхахъ! Самъ *обрати* ны къ Тебѣ, *и обратимся* (Іер. 20, 18) во истину! Аминь.

Слово по случаю крестнаго хода изъ г. Херсона въ село Касперовку, съ иконою Богоматери Касперовской *).

Уже явились два первоверховныхъ Апостола **), для сопровожденія Матери Божіей, при Ея возвратномъ шествіи къ мѣсту своего пребыванія. Явились, говорю, два Апостола: ибо, не думайте, чтобы мы одни сопровождали Богоблагодатную въ Ея шествіи; нѣтъ, вмѣстѣ съ нами, невидимо сопутствуютъ Ей лики ангеловъ и соборы святыхъ. И какъ бы могло быть иначе? Если царицы земныя никогда не являются предъ собраніемъ народа безъ сопровожденія ихъ лицами высокими и всѣми уважаемыми, то Царицу ли неба и земли оставятъ едину въ Ея торжественномъ шествіи небожители, кои въ созерцаніи Ея совершенствъ и въ прославленіи ихъ находятъ для себя неисчерпаемый источникъ радости и блаженства? Посему-то Она и на святыхъ иконахъ изображается большею частію окруженною соборами ангеловъ и святыхъ. Это—не воображеніе живописцевъ. а самая истина, или точнѣе сказать, только тѣнь истины: ибо. въ какой бы славѣ мы ни изображали Ее, никогда не можемъ изобразить, какъ бы слѣдовало, въ Ея пренебесномъ величіи.

Итакъ, мы пойдемъ за Матерію Божіею, въ сопровожденіи ангеловъ и святыхъ. Думаю благочестно, что и души усопшихъ братій нашихъ, когда мы будемъ проходить мимо

*) Произнесенное въ херсонскомъ Успенскомъ соборѣ, 29 іюня 1851 г.

**) Обратному ходу крестному изъ Херсона въ Касперовку ежегодно положено было совершаться 29 іюня, въ день св. Апостоловъ Петра и Павла.

мѣста ихъ упокоенія въ нѣдрахъ земныхъ *), не останутся неподвижны: изыдутъ незримо, кому изъ нихъ то возможно, на срѣтеніе Заступницѣ живыхъ и мертвыхъ и воздадутъ Ей достодолжное поклоненіе.

Все это, братіе мои, не новое ли побужденіе совершать намъ крестное шествіе наше не только со внѣшнимъ приличіемъ, скромностію и благочиніемъ, но и съ духомъ вѣры въ сердцѣ, съ благоговѣніемъ въ душѣ? Да удалятся отъ насъ посему въ сей день (о, если бы и навсегда!) всякая молва и кличъ, тѣмъ паче всѣ знаки невоздержанія, коими, къ сожалѣнію, обыкли ознаменовываться, или лучше сказать, омрачаться и безобразиться у нѣкоторыхъ дни праздничные! Да познаютъ иновѣрцы изъ самаго образа духовныхъ торжествъ нашихъ, какъ чиста и свята вѣра наша, и тронувшись тѣмъ, что видятъ, да научатся уважать и любить, чего не видятъ. Велика сила примѣра христіанскаго! Она дѣйствуетъ разительнѣе всякаго слова. Если бы христіане вели себя и жили, какъ того требуетъ евангеліе; то давно бы, какъ замѣчаетъ святый Златоустъ, не осталось ни одного еврея и магометанина; ибо всѣ охотно преклонились бы съ вѣрою предъ евангеліемъ и крестомъ, видя, какъ они измѣняютъ человѣка на лучшее.

Не будемъ, по крайней мѣрѣ, показывать въ себѣ худшаго, памятуя, что наше положеніе не похоже на положеніе другихъ градовъ отечественныхъ: что мы окружены иновѣрцами: что посему все, и доброе и худое, наше для нихъ видимо и ими цѣнимо — чести или безчестію самого христіанства.

Мати Божія! Благодаримъ Тебя за посѣщеніе града нашего, и да проститъ намъ любовь Твоя, если взоръ Твой не обрѣтаетъ въ насъ теперь всѣхъ плодовъ Твоего пребыванія между нами! Но Ты зришь нашу вѣру въ Сына Твоего и любовь къ Тебѣ: гдѣ сія вѣра и таковая любовь, тамъ, надѣемся, явится Твоими молитвами и добродѣтель. Аминь.

*) Крестный ходъ проходитъ мимо кладбища херсонскаго.

Слово по случаю обратнаго крестнаго хода изъ Херсона въ село Касперовку, съ иконою Богоматери Касперовской *).

Куда идетъ отъ насъ Матерь Божія, и почему не пребываетъ съ нами? Идетъ къ мѣсту первобытнаго явленія своего, которое, по той самой причинѣ, имѣетъ оставаться мѣстомъ и постояннаго Ея пребыванія. Какъ во время земной жизни своей, Богоматерь обитала большею частію не въ Іерусалимѣ, или другомъ какомъ-либо изъ знатнѣйшихъ градовъ Іудиныхъ, а въ бѣдномъ, незнатномъ и даже презираемомъ іудеями, Назаретѣ: такъ и теперь Ей благоугодно было просіять знаменіями и чудесами своими не въ какомъ-либо изъ значительнѣйшихъ градовъ нашихъ, а въ бѣдной и малоизвѣстной веси Касперовской.

Будемъ ли посему завидовать сей веси? Напротивъ, это должно научить всѣхъ насъ кротости и смиренію, кои низводятъ на человѣка особенное благоволеніе свыше. *На кого*, говоритъ Самъ Господь у пророка, — *на кого воззрю, токмо на кроткаго, и смиреннаго, и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ?*—Видите, какъ много значитъ у Господа наше смиреніе! Онъ взираетъ *на человѣка* смиреннаго, какъ на нѣкую драгоцѣнную рѣдкость: радуется о ней и какъ-бы любуется ею. А какъ легко, казалось бы, всѣмъ намъ стяжать эту прекрасную добродѣтель! Ибо смиряться постоянно праведнику, можетъ быть, иногда и не такъ удобно, по причинѣ невольнаго сознанія своихъ совершенствъ и добродѣтелей; а смиряться грѣшникамъ, — каковы всѣ мы. — что за трудъ и что за невозможность? Если только въ насъ есть сколько-нибудь чувства и совѣсти, то это и естественно и необходимо.

Съ другой стороны, если какой добродѣтели мы могли научиться отъ самой Матери Божіей, то—смиренію: ибо, хотя Она была исполнена всѣхъ совершенствъ, но первѣе и сильнѣе всего въ Ней, какъ нѣкій драгоцѣнный камень въ вѣнцѣ царскомъ, сіяло пресвятое смиреніе. Оно-то и привлекло на Нее всю полноту благодати Божіей; за него-то Она избрана

*) Произнесенное въ херсонскомъ Успенскомъ соборѣ, 29 іюня 1852 г.

изъ всѣхъ дщерей Адамовыхъ въ Матерь Единородному Сыну Божію: *яко призрѣ,* исповѣдуетъ Сама Она въ благодарной молитвѣ къ Господу, — *яко призрѣ на смиреніе рабы Своея.*

Пойдемъ же во смиреніи духа и сердца за Преблагословенною до мѣста Ея явленія и пребыванія, и воздадимъ такимъ образомъ честь сему мѣсту, не взирая на его простоту и незначительность земную. Пойдемъ съ такими же чувствами, какъ шли нѣкогда волхвы изъ богатаго Востока въ бѣдный Виѳлеемъ. Кто владѣетъ дарами счастія земнаго, тотъ неси, подобно волхвамъ, въ даръ Пречистой свое злато и ливанъ. А кто самъ алчетъ и жаждетъ, тотъ явись, подобно пастырямъ виѳлеемскимъ, безъ даровъ, но съ живою вѣрою и простотою. Въ такомъ случаѣ, за него сами ангелы воспоютъ хвалебный гимнъ во славу Преблагословенныя. Только никто не имѣй дерзости и злаго духа Афѳоніева, того злополучнаго Афѳонія, который, какъ говоритъ преданіе, осмѣлился было возмутить самое пренесеніе Апостолами тѣла Богоматери, по Ея успеніи, въ Геѳсиманію. Онъ былъ наказанъ за свою дерзость слѣпотою и отъятіемъ рукъ. То же можетъ быть и теперь: Матерь Божія есть матерь всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, коль скоро они имѣютъ вѣру и сыновнюю любовь къ Ней; но для невѣрующихъ, безчинныхъ и продерзыхъ Она въ то же время есть премудрая наказательница и грозная отмстительница. Имѣяй уши слышати сіе. да слышитъ и блюдетъ свою душу! Аминь!

Слово предъ началомъ крестнаго хода въ память основанія города Одессы *).

Празднуя въ прошедшіе годы настоящее, сугубое, торжество наше, въ память священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя нашего и въ память основанія и, такъ сказать, рожденія града нашего, мы всякій разъ по сему случаю обращались мыслію болѣе къ нашему прошедшему: ибо въ немъ преимущественно находили для себя

*) Произнесенное въ Михайловскомъ монастырѣ, 22 августа 1854 г.

всегда готовый и обильный источникъ для всеобщаго назиданія и духовнаго утѣшенія.

Нынѣ, братіе мои, напротивъ! И мысль и чувство всѣхъ и каждаго невольно останавливаются уже не на прошедшемъ, а въ настоящемъ и будущемъ; и понятно—по какой причинѣ: потому, что не только городъ нашъ, но и все возлюбленное отечество наше находится нынѣ въ особенныхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Нужно ли много объяснять предъ вами, въ чемъ эта особенность и чрезвычайность?—Каждый видитъ, что Россія, со времени приснопамятнаго 1812 года, никогда не находилась въ такомъ враждебномъ облежаніи отъ народовъ чуждыхъ, какъ нынѣ. Правда, противъ насъ теперь не двадесять языкъ, какъ было тогда, а только три народа: но эти языки, по ихъ многочисленности и силѣ, а паче по ихъ злобѣ и ожесточенію противъ насъ, равны многимъ племенамъ и народамъ. Притомъ, если видимо противъ насъ трое, то невидимо и тайно—едва не всѣ враждуютъ противъ насъ и ждутъ благопріятнаго случая, чтобы стать открыто въ ряды супостатовъ нашихъ. Даже о тѣхъ державахъ, коимъ мы были не разъ во спасеніе отъ явной погибели и отъ коихъ по всему праву могли ожидать если не дружества и помощи, то справедливости и безпристрастія,—даже о таковыхъ должно, къ сожалѣнію, сказать словами святаго Давида, что они *отдалече* насъ *сташа*, и давно начали *поучаться суетнымъ*.

Все это видимо не можетъ радовать никого.

А когда подумаемъ о томъ, что замыслили противу насъ наши враги и чего хотятъ непремѣнно достигнуть,—во что бы то ни стало, то есть, ослабленія и униженія нашего отечества; а когда представимъ, какого напряженія силъ, какихъ жертвъ и лишеній требуетъ и будетъ требовать отъ насъ эта борьба съ такимъ множествомъ озлобленныхъ противниковъ; когда наконецъ вообразимъ, что все это и для насъ и для всего человѣчества неминуемо должно стоить великихъ потоковъ слезъ и крови: то свѣтлость настоящаго торжества нашего легко можетъ обратиться въ самый нерадостный сумракъ, среди коего мѣсто уже не веселію и радости, а всеобщему сѣтованію, или безотрадному молчанію.

(Не кончено).

Слово по случаю крестнаго хода *).

Итакъ, богоспасаемый градъ Николаевъ, какъ бы водимый предчувствіемъ будущаго, ты не напрасно возжелалъ въ прошедшемъ лѣтѣ видѣть среди стѣнъ твоихъ сіе чудотворное изображеніе Матери Божіей и избранной Воеводы силъ небесныхъ, и не видѣть только возжелалъ, но и усвоить для себя благодатное посѣщеніе Ея въ каждое лѣто. Предчувствіе твое исполнилось! Жестокая брань обняла уже собою всѣ концы земли отечественной. Цѣлые многочисленные народы снова готовы совокупиться противу насъ единыхъ; даже тѣ изъ нихъ, коимъ мы недавно были во спасеніе отъ видимой пагубы, и тѣ отдалече насъ сташа и поучишася тщетнымъ.

Противу такого множества видимыхъ враговъ и тайныхъ недруговъ, есть у насъ, благодареніе Господу, не мало и естественныхъ средствъ къ защитѣ: имѣемъ многочисленное и храброе воинство, коему не впервые сражаться и побѣждать не считая враговъ; имѣемъ вождей мудрыхъ и опытныхъ, коихъ имена и подвиги уже давно пронеслись со славою далеко за предѣлами отечества; паче же всего есть у насъ на престолѣ такой Вѣнценосецъ, коему равнаго видимо нѣтъ нынѣ во всѣхъ царяхъ земныхъ, коему за его вѣру и смиреніе предъ Царемъ небеснымъ дано свыше совершить столько важнаго и великаго для блага не только Россіи, но и цѣлаго свѣта, что всякое покушеніе противъ его чести и величія служитъ только признакомъ злобы и неразумія.

Но не взирая на все сіе, кто изъ насъ будетъ столько самонадѣянъ и безразсуденъ, чтобы въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ отечества нашего возложить всю надежду свою на собственную нашу силу и собственное искусство?

Благочестивѣйшій Монархъ нашъ первый подаетъ примѣръ упованія не на свои силы и искусство, а на благословеніе и помощь свыше, и какъ самъ ищетъ молитвенно, такъ и всѣхъ подданныхъ своихъ призываетъ искать заступника небеснаго.

*) Произнесенное въ г. Николаевѣ, 1 іюля, по принесеніи въ сей городъ чудотворныя иконы Богоматери Касперовской.

Кто же между небожителями скорѣе всѣхъ можетъ принять насъ подъ свой покровъ и защиту, какъ не сія избранная Воевода, которая издревле обыкла быть защитницею рода христіанскаго и особенною покровительницею нашего православнаго отечества? Раскройте лѣтописи отечественныя, и вы увидите, что вездѣ и всякій разъ, когда Россія была въ особенной опасности видимо и разительно открывался надъ нею Покровъ Богоматери. Новгородъ осажденъ княземъ Владиміромъ, и нѣтъ у него силы стать противъ его дружинъ многочисленныхъ. Это спасеніе послѣдовало и явилось отъ иконы Богоматери, по сему самому прозванной *Знаменіемъ*. Москва трепещетъ со всею Россіею, ожидая нашествія татаръ и Тамерлана, и ищетъ спасенія у подножія святой иконы Владимірской. Тамерланъ, никѣмъ несраженный, поспѣшно отступаетъ самъ; ибо видитъ въ сновидѣніи Жену царственную, грозящую ему своимъ скипетромъ. Та же Москва въ тяжкомъ плѣну у ляховъ, почти потеряна всякая надежда на ея освобожденіе...; *) какимъ образомъ? По знаменію отъ святой иконы Богоматери Казанскія. И что укрѣпило воинство русское съ такою непреодолимостію стать и устоять на поляхъ Бородинскихъ противу ужаснаго напора полчищъ Наполеоновыхъ, если не явленіе въ станѣ нашемъ наканунѣ великаго дня битвы чудотворныя иконы Богоматери Смоленскія, которая, воздвигшись отъ мѣста своего, ходила вмѣстѣ съ полками нашими, доколѣ не былъ сокрушенъ рогъ врага лютаго?

Такимъ образомъ, прибѣгая къ заступленію Матери Божіей, мы идемъ вѣрно по слѣдамъ благочестивыхъ предковъ нашихъ, дѣлаемъ то, что дѣлала всегда вся Россія.

И не на сіе ли истое озарился чудесами въ странѣ нашей сей дивный ликъ Богоматери? Не могу сокрыть отъ васъ, братіе, что когда услышалъ я о таковомъ прославленіи его, то, возблагодаривъ Бога за новую Его милость, вмѣстѣ съ тѣмъ невольно помыслилъ самъ съ собою, что значитъ этотъ новый рядъ знаменій свыше? Не наступаетъ ли для страны нашей какихъ-либо особенныхъ испытаній и опасностей? Не предвареніе ли это къ тому, чтобы мы, видя надъ собою покровъ Богоматери, не унывали, когда придетъ

*) Здѣсь въ самой рукописи пропускъ.

година труда и бѣдствій? Такъ думалъ я, слагая глаголы событій въ сердцѣ своемъ; и вотъ не прошло и семилѣтія, какъ предположенія мои оправдались на опытѣ: ибо, какъ сами вѣдаете, не одинъ, а нѣсколько народовъ возстали лютою бранію на насъ. По самому положенію нашему у береговъ морскихъ, брань сія особенно всею тяжестію и опасностію своею должна пасть на страну нашу. *(Не кончено).*

Слово по случаю новоучрежденнаго крестнаго хода изъ города Херсона въ городъ Николаевъ *).

Не видимое ли знаменіе благодати Божіей надъ страною нашею?—Прошедшій годъ поля херсонскія освятились крестнымъ шествіемъ чрезъ нихъ чудотворнаго лика Матери Божіей; нынѣшній годъ воды Днѣпра и Буга сподобились нести на раменахъ своихъ Царицу неба и земли. Въ продолженіе тысящелѣтій много видѣли они событій среди пучинъ и береговъ своихъ, но никогда не видали подобнаго зрѣлища. И если бы не всепревосходящее смиреніе Царицы небесной, бывшее отличительною чертою Ея на землѣ и не оставившее Ее, какъ видно, и на небеси, то и съ сими водами могло послѣдовать при семъ случаѣ то же, что было нѣкогда съ Іорданомъ во время крещенія Спасителя. *Видѣша*, сказано, *воды и убоящася, трепетень бысть Іордань и возвратися вспять*. Наши воды не возвратились вспять, а соединившись дружно съ огнемъ, поспѣшили принести сюда ликъ Царицы небесной. Такимъ образомъ можно сказать, что всѣ стихіи взяты Ею у насъ подъ Ея особенное покровительство. Не должно ли посему радоваться о семъ событіи не только граду сему, но и всей странѣ нашей?

Да, братіе мои, довольно уже времени отличалась страна наша именемъ Россіи новой, и не именемъ токмо, но и обычаями и недостатками устройства; время теперь принять ей на себя вполнѣ характеръ Россіи древней и, какъ истинной

*) Произнесенное въ николаевскомъ городскомъ соборѣ, іюня 1-го дня, 1853 г.

дщери, походить совершенно на свою матерь. Но чѣмъ достигнуть намъ таковаго уподобленія? Первѣе всего духомъ вѣры и дѣлами благочестія. Россія украшается многими качествами и совершенствами; посему много можно усвоить ей прозваній славныхъ и великихъ, не мало и усвоено. Но самое важное, самое отличительное отъ всѣхъ народовъ прозваніе Россіи то, что ее одну именуютъ *святая Русь*. Почему святая? Потому, что вѣру свою она всегда ставила выше всего, всѣмъ готова была жертвовать и жертвовала, только бы сохранить православіе своихъ предковъ, и не смотря на всѣ превратности сохранила ее во всей первобытной чистотѣ во спасеніе свое и на пользу и употребленіе всѣхъ народовъ, имѣвшихъ несчастіе утратить таковое сокровище. Чего не отдано за то Россіею? Чего не вытерплено? Посему безъ всякой гордости и сомнѣнія, чада Россіи обыкли называть матерь свою святою, подобно той землѣ, гдѣ явился во плоти, жилъ, умеръ и воскресъ Спаситель нашъ. Но по той же самой причинѣ и наша новая Россія тогда только вообразитъ въ себѣ Россію древнюю, когда проникнется тѣмъ же духомъ вѣры и благочестія, когда и о ней можно будетъ сказать—святая новая Россія.

Безъ сомнѣнія, для заслуженія столь высокаго проименованія первѣе всего для сего требуется живая вѣра въ сердцахъ нашихъ и живая христіанская любовь въ дѣлахъ нашихъ, а не одна внѣшность, не одно умноженіе обрядовъ священныхъ. Но и внѣшнее имѣетъ свою важность и значеніе, когда соединяется съ внутреннимъ: оно можетъ вызывать и возбуждать даже внутреннее. Что первѣе является на деревѣ, листья или плоды?—Листья; не будь листьевъ, не явится и плода. Такъ и въ дѣлѣ благочестія. По свойству плотяной природы нашей, мы невольно водимся чувствами. Посему обряды Церкви, благочестивые обычаи всегда служили къ возбужденію духа благочестія. Посмотрите на древнюю Россію: она, кромѣ многихъ другихъ средствъ къ питанію и укрѣпленію чувствъ благочестивыхъ, изъ края до края на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ ея испещрена крестными шествіями, въ коихъ пастыри Церкви вмѣстѣ со всѣмъ православнымъ народомъ, не удовлетворяясь храмами, исходятъ подъ кровъ небесный, проходятъ стогны градовъ и весей, обтекаютъ поля и лѣса, призывая на всю страну

благодать Господню и свидѣтельствуя симъ свою вѣру въ Бога и святыхъ угодниковъ Его. Подъ сѣнію подобныхъ-то благочестивыхъ обычаевъ воспитался духъ благочестія въ отечествѣ нашемъ и содѣлалъ ее святою Русью.

У насъ, по самой новости страны, не было сего; но долженствовало быть и, благодаря Господа, начало быть въ такомъ видѣ, какъ только можно было пожелать. Ибо не стогны уже града или веси, не поля токмо и нивы, но цѣлое поморіе содѣлалось поприщемъ для совершенія священнодѣйствія. Не милость ли это Господня? Долго мы пребывали въ скудости, были предметомъ сожалѣнія, едва не упрековъ; и вотъ получили то, чего нѣтъ, можемъ сказать,— нигдѣ. Теперь не только собратія наши по вѣрѣ, являясь въ страну нашу, но и иновѣрцы, среди насъ обитающіе, увидятъ, что мы занимаемся не одними житейскими дѣлами, преуспѣваемъ не въ однихъ бранныхъ дѣяніяхъ или въ торговлѣ, а съ радостію посвящаемъ время на дѣла благочестія,—увидятъ и скажутъ: это страна христолюбивая, это народъ богобоязненный, это тоже святая Русь!

Вамъ, жители града Николаева, принадлежитъ святая честь доставить радость столь чистую всему краю нашему. Мы не вызывали васъ на сіе; это плодъ движенія собственнаго сердца вашего, или лучше сказать, дѣйствія надъ вами благодати Господней. Ибо мы сами по себѣ, какъ говоритъ святый Павелъ, не можемъ и помыслить добраго. Херсонъ подалъ примѣръ; а у васъ тотчасъ явилось подражаніе, такое подражаніе, которое превзошло самый примѣръ. Въ семъ-то случаѣ должно повторить слова Апостола: *добро есть ревновати въ добромъ.* И безъ сомнѣнія поступокъ вашъ не останется безъ новаго подражанія, не замедлятъ возникнуть новыя священнодѣйствія; и такимъ образомъ кольцо къ кольцу составится златая цѣпь, которая обниметъ собою всю страну нашу и приблизитъ ее къ чести именоваться святою Новороссіею.

Храни же, градъ Николаевъ, сокровище, тобою стяжанное! Ты носишь имя единое съ именемъ Благочестивѣйшаго Государя нашего: посему уже подобаетъ тебѣ особенно быть градомъ благочестивымъ. Среди тебя уготовляются пловучія крѣпости въ защиту страны и въ страхъ врагамъ: се, каждый годъ будетъ являться среди тебя Воевода небесная,

которая не разъ поборала древле по православному народу противъ полчищъ лжевѣрія. Яви, что ты достоинъ сей чести.

Слово по случаю крестнаго хода *).

Въ третій разъ нынѣ изыдемъ мы, братіе, на крестное шествіе наше. Благодареніе Господу, давшему намъ не только положить начало, но и видѣть продолженіе. Ибо, хотя утѣшительно послужить началу добраго дѣла, но еще отраднѣе видѣть его продолженіе. Ибо сколько благихъ дѣлъ, кои, начавшись, не продолжаются! Наше не таково!—Прейдемъ съ лица земли всѣ мы, пройдутъ потомъ столѣтія, а священное шествіе будетъ совершаться и самымъ совершеніемъ своимъ соединять насъ со всѣми будущими родами.

Да, братіе, вчера вспоминали мы отшедшихъ братій нашихъ; а потомъ будутъ вспоминать и насъ. И въ какой бы части міра мы ни находились, оставивъ землю, это воспоминаніе молитвенное будетъ находить насъ вездѣ и отразится въ существѣ нашемъ; ибо дѣйствіе молитвы такъ же безпредѣльно, какъ безпредѣленъ Тотъ, Коему возносятся молитвы. Благо намъ, если молитва о насъ, достигшая существа нашего, найдетъ его способнымъ къ тому, чтобы въ немъ отразилась сила ея во благо намъ! Ибо лучи молитвы, какъ лучи солнца, отражаются въ душахъ смотря по ихъ пріемлемости, производя большую или меньшую теплоту и свѣтъ.

Но не утрудился ли уже кто-либо отъ сего пути? Да не будетъ! Ибо, если каждый день ходя по путямъ міра, часто стропотнымъ и жесткимъ, мы не утруждаемся, а продолжаемъ ходить по нимъ до конца нашей жизни, то путь ли Господень, благой и легкій, будетъ намъ въ трудъ и печаль, когда мы должны проходить имъ не болѣе одного раза въ годъ? И можетъ ли быть какой-либо годъ, чтобы по окончаніи его мы не имѣли причинъ торжественно свидѣтельствовать предъ Господомъ нашу благодарность? Въ доказательство сего взглянемъ на прошедшій годъ: онъ не отли-

*) Печатано въ первомъ изданіи,—какъ и предыдущія пять словъ, съ рукописи.

чается никакой большой особенностью, а между тѣмъ представляетъ много причинъ для насъ быть благодарными Господу.—посмотримъ ли на собственную жизнь, или на жизнь всего града нашего, или на положеніе всей страны нашей.

Сколько людей, и самыхъ ближнихъ намъ и самыхъ дальнихъ отъ насъ, въ истекшемъ году скончали свое земное теченіе; а мы, не смотря на многія опасности, намъ угрожавшія, остались въ живыхъ и можемъ пользоваться еще всѣми средствами къ нашему спасенію. Не милость ли это Божія? И не должны ли мы возблагодарить за сіе Господа? *(Не кончено).*

СЛОВА И РѢЧИ

КЪ ОТДѢЛЬНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Рѣчь Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, Государямъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ *).

Благовѣрные Государи и Великіе Князья!

Истинно великіе, потому что благовѣрные! Что могло подвигнуть васъ на путь къ намъ, столь не близкій и въ настоящихъ обстоятельствахъ не безбѣдный, и съ такою внезапностію, подобно жениху въ евангеліи, явиться среди насъ въ часъ глубокой полуночи.—если не желаніе скорѣе раздѣлить съ нами опасности, намъ угрожающія, и возвѣстить намъ слово утѣшенія отъ лица Августѣйшаго Родителя Вашего, нашего общаго отца и защитника?

Вполнѣ чувствуемъ цѣну *труда любве* вашей, и вседушевно благодаримъ Васъ отъ лица града сего, отъ лица всего края нашего, который хотя и продолжаетъ еще, по обычаю, именоваться Новою Россіею, но на самомъ дѣлѣ въ немъ давно та же древняя живая вѣра въ Бога отцевъ, та же непоколебимая и безграничная преданность Монарху, та же чистая и *николиже отпадающая любовь* къ отечеству.

Если бы за симъ, паче чаянія, обрѣлось гдѣ-либо и что-либо среди насъ малодушное, то съ Вашимъ, столь радушнымъ, появленіемъ среди насъ, оживетъ и исполнится духа; если бы открылось, паче ожиданія, гдѣ-либо и что-либо колеблющееся, то съ Вашимъ присутствіемъ утвердится и ста-

*) Произнесенная при вступленіи Ихъ Высочествъ, 4-го октября 1854 года, въ одесскій каѳедральный соборъ.

нетъ недвижно:—и всюду, смотря на Васъ, Августѣйшихъ ратниковъ земли Русской, воспрянетъ съ новою силою духъ русскій: и у всѣхъ, слушая васъ, непосредственныхъ органовъ воли державной, забьется сильнѣе русское сердце.

Внидите посему, благовѣрные князи-витязи, во храмъ сей, дабы, первѣе всякаго дѣла и начинанія, раздѣлить съ нами усердныя молитвы ко Господу о вашемъ Августѣйшемъ Родителѣ и всемъ царственномъ Домѣ, о возлюбленномъ для всѣхъ насъ отечествѣ и о Васъ самихъ, его державныхъ подпорахъ.

Архангелы и Ангелы на небѣ исходятъ на исполненіе предвѣчныхъ судебъ—отъ престола Царя славы; а Вы, земные архистратиги державы Русской, изойдете на Ваши подвиги—для блага страны изъ сего храма—отъ престола Бога милосердія;—и осѣненнымъ вѣрою, преоруженнымъ молитвою. Вамъ всюду, видимо и невидимо, будутъ сопутствовать миръ и радость, успѣхи и благословеніе свыше.

Рѣчь войскамъ II-ой дивизіи 4-го пѣхотнаго корпуса, по совершеніи, на одесской соборной площади, напутственнаго молебствія, предъ походомъ въ Крымъ *).

Христолюбивые и побѣдоносные воины!

Христолюбивые, и потому побѣдоносные! Не долго досталось вамъ покоиться отъ вашихъ трудовъ и подвиговъ задунайскихъ!—По гласу Монарха, вы снова должны возстать и идти на полуостровъ Таврическій для наказанія и пораженія тамъ кичливыхъ враговъ нашихъ, кои, въ ослѣпленіи гордости и злобы, дерзнули—преплывъ море—вторгнуться въ эту древнюю область нашу, гдѣ пріялъ крещеніе еще великій и равноапостольный князь Владиміръ, откуда вмѣстѣ съ нимъ вѣра христіанская пошла по всей землѣ Русской. Привѣтствуемъ васъ съ симъ новымъ походомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и благочестивымъ странствіемъ къ колыбели нашего христіанства и православія!—Поклони-

*) Произнесенная 9-го октября, 1854 года.

тесь, съ благоговѣніемъ поклонитесь ей, отъ лица всей земли Русской, и станьте съ свойственнымъ вамъ мужествомъ противу изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета и наглыхъ клеветовъ ихъ, за честь вѣры и креста Христова, за слезы и кровь собратій нашихъ по вѣрѣ.

Если вы, памятуя, за кого и за что сражаетесь, будете вести себя какъ подобаетъ воинамъ христолюбивымъ, отличаясь не однимъ мужествомъ и храбростію, а и вѣрою и упованіемъ на Бога, благодушнымъ перенесеніемъ нуждъ и трудностей, кротостію къ мирнымъ жителямъ и великодушіемъ къ самымъ побѣжденнымъ, то среди вашего стана будетъ присутствовать Самъ Господь, въ рядахъ вашихъ будутъ невидимо сражаться за васъ сами Ангелы небесные—и врагъ, пришедшій *однимъ путемъ*, побѣжитъ отъ васъ *десятію путями*, побѣжитъ и не возможетъ ускользнуть отъ меча вашего. Между тѣмъ, да будетъ вѣдомо вамъ, что онъ, изъязвленный со всѣхъ сторонъ, теперь, безъ сомнѣнія, хотѣлъ бы на крылахъ вѣтренныхъ возвратиться вспять, но, стрегомый храбыми дружинами нашими, не можетъ подняться съ мѣста. Остается только нанести ему послѣдній ударъ и свергнуть его съ береговъ нашихъ, какъ безобразный трупъ, въ пучину морскую. Честь эта предоставлена вамъ и вашему мужеству: спѣшите же воспользоваться столь рѣдкимъ случаемъ—на радость всей Россіи и къ славѣ возлюбленнаго Монарха нашего, дабы и мы возымѣли утѣшеніе скорѣе видѣть васъ побѣдителями, и, вмѣстѣ съ вами, гласомъ радованія воскликнуть благодарственно: слава въ вышнихъ Богу! На земли миръ! въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Рѣчь резервнымъ войскамъ 10-й дивизіи, послѣ напутственнаго молебствія предъ выступленіемъ ихъ въ Крымъ *).

Христолюбивые и побѣдоносные воины!

Не безъизвѣстно уже вамъ, что злочестивые враги наши, при всемъ множествѣ язвъ, понесенныхъ ими отъ нашего оружія, не смотря при томъ на самый гнѣвъ Божій, открыв-

*) Произнесенная на одесской соборной площади, 7 декабря 1854 г.

шійся надъ ними въ ужасномъ крушеніи кораблей ихъ отъ бури, все еще продолжаютъ безумно упорствовать въ злобѣ и ненависти къ православному отечеству нашему, и вмѣсто того, чтобы смириться подъ крѣпкую руку Божію, возмечтали даже утвердиться на землѣ нашей до будущаго лѣта, для чего призываютъ на помощь себѣ изъ-за моря новыя немалочисленныя толпы наглыхъ соотчичей своихъ. Можно ли послѣ сего и намъ не принять новыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ тому, чтобы число храбрыхъ дружинъ нашихъ не умалилось предъ врагомъ, а было въ состояніи наступить на выю его и поразить въ самую главу?—И вотъ причина и цѣль внезапнаго движенія вашего на полуостровъ Крымскій!..

Вполнѣ понимая и чувствуя сіе, вы не поскучаете отъ того, что новый путь вашъ, по самому времени года, явится для васъ по мѣстамъ стропотнымъ и притруднымъ; но какъ истинные сыны сѣвера, съ полнымъ благодушіемъ встрѣтите на пути семъ обычныя вамъ невзгоды осеннія и вьюги зимнія, зная твердо, что это—природные союзники наши противъ изнѣженныхъ чадъ запада. Видно, такъ угодно было Господу временъ и стихій, чтобы и въ настоящей брани, какъ въ незабвенный 1812-й годъ, къ намъ, оставленнымъ всѣми, пришли, наконецъ, на помощь не люди, а самое время и стихіи, для довершенія надъ врагами нашими того, что такъ благоуспѣшно начато и продолжается надъ ними—огнемъ и мечемъ нашимъ...

Между тѣмъ, да будетъ извѣстно вамъ, что врагъ нашъ забылъ уже прежнюю кичливость свою, и не смѣетъ болѣе нападать на насъ, а только употребляетъ всѣ остальныя силы свои на то, чтобы защитить себя отъ нашихъ перуновъ, и для сего браздитъ и взгромождаетъ предъ собою противу насъ тотъ малый участокъ земли при морѣ, на коемъ онъ, какъ жалкій плѣнникъ, грозно стрежется со всѣхъ сторонъ нашимъ воинствомъ. Но, кто и что можетъ защитить тѣхъ, надъ коими, за ихъ безчестную измѣну кресту Христову, видимо простерлась туча гнѣва небеснаго?

Итакъ съ Богомъ, христолюбивые, на брань праведную и святую! Съ Богомъ, побѣдоносные, противу враговъ злочестивыхъ и коварныхъ! Съ Богомъ, братія и други, за вѣру, царя и Отечество!—Въ благословеніе на предлежащій вамъ подвигъ и въ залогъ помощи свыше, пріимите отъ лица сего

храма Господня святую икону Вождя и Архистратига силъ небесныхъ—Михаила. Подъ стопами его, какъ видите, лежитъ поверженъ силою Божіею самъ духъ злобы поднебесныя. Да повергнутся тою же силою предъ побѣдоносными знаменами вашими и злочестивыя полчища враговъ нашихъ, кои, къ сраму имени христіанскаго, не усомнились выйти противу насъ подъ темнымъ и отверженнымъ знаменемъ Магомета. Аминь.

Рѣчь греческому баталіону послѣ напутственнаго молебствія предъ отправленіемъ его изъ Одессы въ Севастополь *).

Храбрые и христолюбивые эллины!

Провождая изъ сего храма съ молитвою и благословеніемъ дружины православныхъ воиновъ нашихъ на полуостровъ Таврическій, мы всякій разъ умилялись душею, видя, съ какою готовностію и усердіемъ несутъ они туда самую жизнь свою за вѣру, царя и отечество. Но провождая теперь—туда же и для той же цѣли—васъ, мы, кромѣ прежнихъ, испытываемъ еще особаго рода чувство, которое проникаетъ насъ до глубины души.

Вы не наши соотечественники, даже не наши соплеменники; и однакоже, подобно отечественнымъ воинамъ нашимъ, спѣшно идете на брань, и слѣдовательно на самую смерть за насъ! Можно ли не преклониться съ особеннымъ уваженіемъ предъ такою преданностію и такимъ самоотверженіемъ, когда само слово Божіе говоритъ, что нѣтъ больше любви, *да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13)!

Вотъ что значитъ единство вѣры, связующее насъ съ вами! Оно-то,—а не что другое,—подвигло великаго Самодержца всероссійскаго, не смотря ни на какія затрудненія и опасности, стать мужественно, едва не противу всего запада, за православіе и единовѣрцевъ нашихъ на востокѣ. Оно-то побудило теперь и васъ, оставивъ свои мирныя жилища, идти за войною, отъ васъ удалившеюся, въ наши предѣлы, и такъ сказать, отыскивать мѣсто борьбы, дабы принять въ ней участіе рука-объ-руку съ русскими.

*) Произнесенная въ одесскомъ Преображенскомъ соборѣ 14-го января 1855 года.

Вы твердо знаете, что брань настоящая возникла не за мірскія выгоды и не для земныхъ цѣлей, а за вѣру и православіе: вы вполнѣ увѣрены, что плодомъ ея должно быть не какое-либо увеличеніе могущества и расширеніе предѣловъ Россіи, безъ того почти безграничныхъ, а единственно свобода совѣсти и защита правъ человѣчества для христіанъ восточныхъ: знаете, говорю, и увѣрены во всемъ этомъ и потому спѣшите доказать за себя и собратій своихъ, что вы не ниже, что вы стоите тѣхъ великихъ усилій и жертвъ, кои дѣлаетъ теперь для васъ единовѣрная вамъ Россія.

Да благословитъ Господь путь вашъ! Грядите, возлюбленные, на дѣло, которое, очевидно, есть не наше токмо, а и ваше, и еще болѣе ваше, нежели наше; ибо начало его отъ насъ, а конецъ его всецѣло для васъ и вашихъ собратій на востокѣ. Грядите, и покажите общимъ врагамъ нашимъ и всему свѣту, что для еллина выше и дороже всего вѣра и отечество, и что онъ, съ крестомъ въ сердцѣ и съ мечемъ въ рукѣ готовъ отыскивать послѣднее на самомъ краю свѣта.

Въ ободреніе на подвигъ, да послужитъ вамъ самое воспоминаніе о священномъ значеніи того мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ теперь пламень войны и гдѣ ожидаетъ васъ борьба со врагами. Вѣдь это, думали-ль вы о томъ?—вѣдь это не другое какое-либо мѣсто, а тотъ священноименитый Херсонесъ Таврическій, гдѣ за девять вѣковъ предъ симъ Россія пріяла вѣру и святое крещеніе отъ православной Греціи... И вотъ здѣсь-то, на этомъ приснопамятномъ и святомъ мѣстѣ,—въ лицѣ вашемъ—долженъ возобновиться теперь и скрѣпиться древній священный союзъ двухъ великихъ народовъ, россовъ и еллиновъ.

Въ первый разъ союзъ сей произошелъ и составился, какъ извѣстно, чрезъ крещеніе водою и Духомъ, которое православная Греція, яко матерь, преподавала, а Россія, яко покорная дщерь, принимала—для своего духовнаго просвѣщенія; теперь для скрѣпленія древняго союза совершается тамъ же крещеніе уже не *водою* токмо и *Духомъ*, а *огнемъ* и *кровію* (Матѳ. 3, 2), въ коемъ потому должны участвовать равно матерь и дщерь, дабы навсегда обоимъ быть едино и возродиться для новой общей жизни на востокѣ. При сей мысли, возлюбленные, кто изъ васъ не ободрится духомъ и не забудетъ трудностей предлежащаго подвига?

Въ память настоящаго нашего молитвеннаго общенія и свиданія съ вами, примите отъ насъ эту икону Святителя Христова Николая. Да напоминаетъ она вамъ собою и небеснаго заступника и покровителя воинствъ православныхъ—Архипастыря мурликійскаго, и земнаго архистратига державы россійской и всѣхъ православныхъ христіанъ—благочестивѣйшаго Государя нашего, Николая Перваго. Аминь.

Рѣчь отряду болгарскому послѣ напутственнаго молебствія предъ выступленіемъ его изъ Одессы обратно къ берегамъ Дуная *).

Мужественные и христолюбивые болгары!

Не смущается ли кто-либо изъ васъ духомъ отъ того, что пламенное желаніе ваше—быть и сражаться противъ общихъ враговъ нашихъ подъ стѣнами Севастополя не исполнилось, и вамъ, съ половины пути вашего туда, должно возвратиться теперь паки къ брегамъ Дуная?.. Но обстоятельство сіе,—не вожделѣнное, конечно, для вашего мужества,—само по себѣ должно не столько печалить, сколько радовать и васъ и насъ; ибо, что значитъ этотъ неожиданный возвратъ вашъ къ брегамъ дунайскимъ?—То, что севастопольская твердыня наша не имѣетъ уже нужды въ умноженіи числа ея защитниковъ,—то, что угрожавшій ей врагъ потерялъ, наконецъ, свою силу и дерзость, и пересталъ быть опаснымъ. Зачѣмъ же бы послѣ сего продолжать вамъ путь, столь не ближній и такъ притрудный, туда, гдѣ все само-собою начало клониться къ желанному для насъ концу?.. На родныхъ вамъ берегахъ Дуная, напротивъ, вы всегда и вездѣ весьма полезны для рати русской, полезны даже безъ оружія вашего, однимъ присутствіемъ своимъ, какъ совершенно знающіе языкъ и всю мѣстность страны родной...

Возвращайтесь посему съ миромъ, куда зоветъ васъ гласъ вождей вашихъ! И не кончивъ настоящаго пути вашего, вы исполнили свой долгъ и достигли своей цѣли, показавъ предъ

*) Произнесенная въ одесскомъ Преображенскомъ соборѣ, 17-го января 1855 года.

лицемъ Россіи и всего свѣта, что ваша вѣра и ваша народность для васъ дороже всего, что Россія, пока будетъ угодно Богу, занимаетъ для васъ мѣсто вашего собственнаго отечества, что гдѣ воля и голосъ царя Бѣлаго, тамъ мечъ и жизнь болгарина. Такихъ чувствъ и жертвъ не забываютъ и частные люди: тѣмъ паче не забудутъ ихъ Россія и ея великій Самодержецъ!

Не удивляютъ ли васъ необыкновенный видъ и неожиданныя превратности брани настоящей?—Но, если что, то сіе самое показываетъ, что настоящая брань есть брань не человѣческая, а Божія, потому что пути Божіи, по увѣренію Пророка, отстоятъ—какъ небо отъ земли—отъ путей человѣческихъ. Гдѣ была бы слава небеснаго Самодержца, если бы еще до окончанія брани, могъ кто-либо изъ насъ указать и сказать: вотъ гдѣ и вотъ какъ начали мы свое дѣло: такъ и такъ ведемъ его и продолжаемъ, а вотъ здѣсь и вотъ чѣмъ—мы же окончимъ его?—Нѣтъ, возлюбленные, подобныя, великія и священныя, брани начинаются только людьми, а оканчиваетъ Самъ Богъ, ими же вѣсть судьбами и образомъ... Отъ Него посему—свыше—должно ожидать намъ окончательнаго приговора всѣмъ нашимъ трудамъ и подвигамъ, желаніямъ и надеждамъ. Къ ободренію и утѣшенію нашему, должно служить одно, что не мы начали сію брань, что, вступая въ нее невольно, мы не имѣли никакихъ корыстолюбивыхъ видовъ, а только повиновались необходимости, что мы не желали и теперь не желаемъ зла самымъ врагамъ нашимъ, а искали и ищемъ того, что совершенно необходимо для насъ и весьма полезно было бы для нихъ самихъ. Посему, если, какъ говоритъ Евангеліе (Матѳ. 7, 16), отъ репія не собираютъ смоквъ, и напротивъ отъ смоквъ не произрастаетъ репіе, то поелику мы сѣяли и сѣемъ не репія, а смоквы,—какъ бы и чѣмъ бы ни окончилась брань настоящая,—она должна, наконецъ, принести для всѣхъ насъ плоды не горькіе, а сладкіе и благословенные.

Я говорю: *наконецъ*—и въ природѣ видимой одни сѣмена восходятъ, даютъ цвѣтъ и плодъ въ то же самое лѣто; другія выходятъ изъ земли уже по прошествіи зимы и въ продолженіе ея кажутся какъ бы потерянными; иныя, наконецъ, воскресаютъ къ жизни по прошествіи не одного, а нѣсколькихъ годовъ. Что удивительнаго, если и настоящее наше,

слезное и кровавое сѣяніе взойдетъ, дастъ цвѣтъ и плодъ не вдругъ, а современемъ?

Возвратившись къ соплеменникамъ вашимъ, не забудьте громко возвѣстить имъ, что православная Россія твердо помнитъ, отъ кого пріяла она нѣкогда на родномъ языкѣ своемъ слово Божіе; никогда не забудетъ древняго святаго союза своего со страною болгарскою;—и во время благопотребно—не пожалѣетъ ничего для уплаты съ лихвою своего долга душевнаго.

Въ знакъ сего союза и въ упованіи на милость Божію, да возгласятся, послѣ обычныхъ многолѣтій, многая лѣта и мужественному и христолюбивому народу болгарскому!—Аминь.

Рѣчь смоленскому ополченію, при встрѣчѣ его, предъ совершеніемъ молебствія по сему случаю *).

Храбрые ратники смоленскаго ополченія!

Исходя во срѣтеніе вамъ, мы срѣтаемъ въ лицѣ вашемъ не одинъ древній Смоленскъ съ верховьями нашего Днѣпра, а можно сказать, всю древнюю и великую Россію, которая такъ доблестно возстала и подвиглась на защиту Россіи новой. Можете судить послѣ сего, съ какими чувствами исходимъ мы теперь на эту встрѣчу!..

Вы были бы дорогими для насъ гостями, если бы явились среди насъ и по другимъ, не столь важнымъ, причинамъ, а теперь вы являетесь на защиту насъ отъ враговъ, приходите пролить за насъ кровь и положить, если то нужно, самый животъ свой. О, это верхъ братства и самоотверженія, даже христіанскаго! *Болыши сея любве никтоже имать,* сказалъ Самъ Спаситель, *да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Да будетъ же извѣстно вамъ, что и между нами нѣтъ ни единаго, кто бы не чувствовалъ великости вашей жертвы,—что мы всѣ готовы съ своей стороны доказать вамъ, чѣмъ только можно, нашу къ вамъ любовь о Христѣ и уваженіе братское.

Если кому, то сынамъ Смоленска должна быть свѣдома

*) Произнесенная 24 сентября 1855 года

вся тяжесть нашествія иноплеменниковъ, ибо ужасы 1812 года нигдѣ не разражались съ такою силою, какъ у васъ и надъ вами. Посему, если отъ какого, то отъ вашего ополченія ожидаемъ мы живѣйшаго сочувствія настоящему положенію нашему. Смоленскъ никогда не постыждалъ собою Россію: и въ упоминаемую нами годину искушенія первый подалъ примѣръ и показалъ, что можетъ ожидать врага, нагло вторгшагося въ средину земли русской. А нашъ Севастополь, смѣемъ думать и сказать, показалъ и доказалъ предъ всѣмъ свѣтомъ, что, по прошествіи четыредесяти лѣтъ отъ событій смоленскихъ, грудь русская не разучилась быть живою стѣною для отечества, и что эта стѣна не слабѣе желѣза и гранита. Въ самомъ дѣлѣ, какая жертва всесожженія горѣла когда-либо долѣе, чище и ярче нашего Севастополя?

Дадимъ же другъ другу руку и, оградившись знаменіемъ святаго креста, станемъ твердо противу врага, который, подобно впадшему въ бѣшенство звѣрю, опасенъ не столько своею силою, сколько слѣпою разъяренностію, устремлялсь нагло на всѣхъ и на все.

Но, прежде всякаго дѣйствія, обратимся ко Господу съ благодарностію за окончаніе вашего не краткаго пути къ намъ, и съ совершеніемъ благословенія на предстоящіе вамъ труды и подвиги. Ибо—*аще не Господь сохранитъ градъ, всуе будетъ бдяй и стрегій* (Псал. 126, 1)! Аминь.

РѢЧЬ МОСКОВСКОМУ ОПОЛЧЕНІЮ ПРИ ВСТРѢЧѢ ЕГО ПОСЛѢ МОЛЕБСТВІЯ *).

Христолюбивыя ратники московскаго ополченія!

Путь вашъ конченъ!—вы стоите уже на берегу Чернаго моря, предъ лицемъ враговъ... Теперь, призвавъ Бога на помощь, остается доказать самымъ дѣломъ, что доселѣ было у васъ только въ сердцѣ и на устахъ... И мы совершенно увѣрены, что ваши мышцы и ваша десница не отстанутъ отъ вашихъ устъ и вашего сердца: вы сдѣлаете въ десять разъ болѣе того, что обѣщали пославшимъ васъ.

*) Произнесенная 21 октября 1855 года.

Та же святая Церковь, которая благословляла васъ, исходящихъ на путь къ намъ, которая не разъ, какъ ангелъ-хранитель, являлась вамъ на пути, та же святая Церковь исходитъ теперь во срѣтеніе вамъ съ благословеніемъ, при окончаніи вашего странствія, да вѣдаете, что путь вашъ не есть обыкновенный путь ратный, а весь — отъ начала до конца—путь священный, и, можно сказать, крестный, коего концемъ не Одесса или Херсонъ, а Геѳсиманія и Елеонъ...

Срѣтая васъ нынѣ на такомъ пути, не можемъ не обратить къ вамъ евангельскаго привѣтствія: благословенны вы, грядущіе тако во имя Господне!

Возбуждать васъ послѣ сего къ мужеству противу врага — значило бы забыть, что у васъ изъ дѣтства предъ очами были—Бородино, Тарутино, Мало-Ярославецъ. О, такіе люди не дрогнутъ ни предъ какимъ врагомъ!.. Напоминать вамъ въ настоящія минуты о терпѣніи и самоотверженіи воинскомъ—значило бы не помнить о священномъ пеплѣ Москвы, которую ваши отцы собственными руками принесли въ жертву всесожженія за отечество. О, такія люди скорѣе положатъ жизнь свою, нежели уступятъ врагу въ собственность хотя одну пядень земли русской.

Лучше остановимъ вниманіе ваше на томъ, что не такъ извѣстно. Оставляя первопрестольную столицу и удаляясь отъ Кремля священнаго, вы, безъ сомнѣнія, думали, что вмѣстѣ съ симъ вы удаляетесь отъ сердца отечества. Такъ, оно—въ Кремлѣ... но думали ль вы, приближаясь къ намъ, и въ то же время къ послѣднимъ предѣламъ Россіи, что вы приближаетесь только къ колыбели нашего православія?.. Вѣдь она у насъ, возлюбленные,—въ нашемъ священномъ Херсонесѣ, гдѣ принялъ вѣру христіанскую и святое крещеніе великій князь Владиміръ, а въ лицѣ его и вся земля русская!..

Итакъ, вотъ за что вы будете сражаться!—не за Гаджибей или Бакчисарай, а за Херсонесъ и Инкерманъ священные! Если при исходѣ вашемъ изъ Кремля, васъ невидимо благословляли на путь святители московскіе и святый Сергій Радонежскій, то теперь, при окончаніи сего пути, васъ незримо срѣтаютъ здѣсь благословеніемъ своимъ наши священномученики херсонскіе и съ ними равноапостольный князь Владиміръ. При такихъ споборникахъ духовныхъ,

подъ такимъ вождемъ, какъ вамъ не совершить своего подвига, какъ должно?

Ратники московскіе! Мы смотримъ на васъ съ особеннымъ уваженіемъ:—и срѣтая дружину вашу, не первую уже по времени, срѣтаемъ ее какъ первую по тому мѣсту, откуда пришла она къ намъ. Отнынѣ между Москвою и Одессою не одинъ союзъ купли и продажи, а и духовный, неразрывный союзъ крестнаго братства по оружію, на защиту отечества. Да подастъ Господь намъ возможность скорѣе воздать вамъ достойно за ваше къ намъ усердіе, только не подобною ратною помощію, въ коей да не будетъ никогда для васъ нужды! Аминь.

Рѣчь дунайскому казачьему войску, при освященіи знамени, Высочайше пожалованнаго ему за отличіе *).

Храбрые витязи дунайскіе!

Не напрасно же такъ случилось, что это священное знамя, заслуженное вашимъ мужествомъ и кровію, пріемлете вы теперь отъ лица святой Церкви и благочестивѣйшаго Монарха нашего не въ другое какое время, а въ день Архангеловъ и Ангеловъ,—и не въ другомъ мѣстѣ, а предъ лицемъ сего храма, посвященнаго имени Архистратига воинствъ небесныхъ.

Это урокъ и напоминаніе, можно сказать, свыше—о томъ, каковымъ вообще подобаетъ быть воинству православному, и чѣмъ особенно долженъ украшаться русскій воинъ христолюбивый. Это значитъ, что рать земная тогда токмо совершенна, когда на землѣ служитъ подобіемъ воинства небеснаго.

Ахъ, была нѣкогда брань и на небѣ, брань ужасная, неповторяемая! Явились враги противъ самаго престола Божія, кои въ безумной гордынѣ возмечтали быть равными Всевышнему,—и восколебали собою міръ ангельскій... Въ сію-то рѣшительную минуту, одинъ изъ вождей небесныхъ—Михаилъ воскликнулъ: кто, яко Богъ?—и съ знаменіемъ, ко-

*) Сказанная послѣ молебствія, на площади предъ Михайловскимъ монастыремъ, 8 ноября 1855 года.

торое, видите въ рукѣ его на святыхъ иконахъ, сталъ необоримо противъ сатаны и его темныхъ полчищъ. Духи свѣта, вѣрные своему Творцу и Владыкѣ, восторжествовали; а ангелы тьмы низринуты въ преисподнюю...

Такъ должны поступить и вы! Подобно Ангеламъ небеснымъ, вамъ подобаетъ всегда и вездѣ твердо стоять въ истинѣ и правдѣ, и смѣло разить враговъ вѣры, престола и отечества. На сіе-то истое и дается намъ это знамя, какъ священный знакъ соединенія вашихъ силъ и устремленія ихъ къ единой, великой и святой цѣли. Для сего-то преходитъ оно къ вамъ хотя изъ рукъ царевыхъ, но чрезъ руки святой Церкви, да вѣдаете, что служа вѣрно царю земному, вы исполняете симъ самымъ волю Царя небеснаго. Святая Церковь, какъ истинная матерь наша, сердечно сорадуется вашему преспѣянію на полѣ мужества и чести; какъ матерь, благословляетъ васъ на новые подвиги—и вручая вамъ знамя, яко даръ царевъ, васъ самихъ вручаетъ и предаетъ навсегда заступленію воинствъ небесныхъ.

Витязи Дуная! Вы не замедлите исполнить желаніе царево и завѣтъ Церкви! Ваше прошедшее вполнѣ ручается для насъ за ваше будущее! Если какое время, то настоящее есть время героевъ и побѣдителей. Посему-то сыны Дуная, хотя какъ меньшіе братья, но не отстанутъ отъ своихъ старшихъ братьевъ, сыновъ Дона:—и какъ рѣки ихъ сливаются во единомъ морѣ, такъ полки ихъ сольются въ единой любви и преданности престолу и отечеству;—и, при помощи Божіей, покажутъ, что названіе казака не потеряло древняго значенія—защитника отечества и страха для враговъ. Аминь.

Слово защитникамъ Севастополя, при вручении имъ святыхъ иконъ, присланныхъ имъ въ благословеніе изъ разныхъ мѣстъ Россіи *).

Хвала и благодарность вамъ отъ лица всей земли русской, христолюбивые защитники Севастополя! Благодареніе Богу, твердо и непоколебимо стоите вы здѣсь за отечество, за Царя благочестивѣйшаго и за общую матерь нашу Церковь

*) Произнесенное въ Севастополѣ, послѣ молебствія на Николаевской площади, 26 іюня 1855 года.

православную! Да будетъ же вѣдомо вамъ, что и святая Русь твердо помнитъ и крѣпко любитъ всѣхъ васъ: да будетъ извѣстно, что и Царь православный сильно радуется вами и прилежно готовитъ вамъ награды за безпримѣрные подвиги ваши: знайте и то, что святая Церковь, какъ истинная матерь, обѣими руками благословляетъ ваше мужество, день и ночь молится о васъ ко Господу, молится о живыхъ, да даруетъ вамъ Господь крѣпость и побѣду свыше, тѣмъ паче о умершихъ, да сподобятся они вѣнца небеснаго.

Воззрите на сіи святыя иконы! Это — священный даръ вамъ отъ всея земли русской! Это матернее благословеніе вамъ—отъ Церкви православной!..

Вотъ изображеніе Успенія Матери Божіей отъ святыя лавры Кіево-печерской, которое святыми строителями ея воспріято нѣкогда на благословеніе для сей обители изъ рукъ самой Царицы небесной! Се образъ знаменія Пресвятыя Богородицы, предъ коимъ внезапно дрогнула нѣкогда и возвратилась безъ успѣха вспять отъ стѣнъ новгородскихъ многочисленная рать князя суздальскаго! — Се первосвятители московскіе. — искони неусыпающіе поборники и всегдашніе защитники нашего отечества! А се, изображеніе новоявленнаго угодника Божія и чудотворца воронежскаго Митрофана, которое да будетъ между вами знакомъ и моего пастырскаго усердія и любви къ вамъ о Христѣ!

Воины христолюбивые! пріимите сіи дары съ тою же вѣрою и любовію, съ какими они препосланы вамъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, и вручаются теперь мною, яко залогъ успѣха во брани и знаменіе благодати Господней надъ вами!

Ко врагамъ нашимъ не престаютъ прибывать, въ пособіе злу, темные клевреты съ запада; а къ вамъ, какъ видѣлъ я на пути моемъ, не только спѣшатъ во множествѣ ваши собратія по оружію, но являются теперь, какъ сами видите, въ ликахъ своихъ, даже угодники Божіи, сама Царица воинствъ небесныхъ. Кто на ны, аще Богъ и святыя угодники Его по насъ?.. Доканчивайте же мужественно великое и святое дѣло ваше, столь славно вами начатое! Стойте неустрашимо противъ враговъ, кои, будучи христіанами, имѣли несчастіе безчестно возстать противъ креста Христова — за прелесть Магометову! Пусть въ ослѣпленіи ума и ожесточеніи сердца, возлагаютъ они надежды свои на человѣческую

силу, мудрость и искусство: наша сила и крѣпость всегда была и пребудетъ — Богъ Отецъ! наше непреложное упованіе—Богъ Сынъ, нашъ нерушимый покровъ и прибѣжище—Богъ Духъ Святый!

Тройце Пресвятая и всемогущая, благослови и укрѣпи рать православную! Защити и спаси землю русскую! Аминь.

Слово по случаю врученія иконы святителя Николая,

СТРѢЛКОВОМУ ПОЛКУ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ, ПРИСЛАННОЙ ДЛЯ ТОГО ОТЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ *).

Храбрые и христолюбивые витязи царственнаго дома!

Благословлявъ съ сего самаго святаго мѣста столько разъ православныхъ воиновъ, шедшихъ на брань въ Тавриду, мы дождались, наконецъ, и того душевнаго утѣшенія, что можемъ теперь благословить васъ уже не на брань, а на подвиги мира. Среди ужасовъ войны особенно необходима была вѣра и воодушевленіе свыше, но кто можетъ сказать, чтобы они были излишни и во время мира, который также имѣетъ своего рода труды, и даже опасности!

Не сами о себѣ и не одни мы, въ сей радостный для всего человѣчества день, преподаемъ вамъ новое благословеніе. Къ сему подаетъ намъ мановеніе и вмѣстѣ съ нами невидимо благословляетъ васъ великій святитель Мурликійской церкви, купно со святымъ героемъ Невскимъ и равноапостольною Магдалиною, кои, какъ бы для посѣщенія васъ на чужбинѣ и въ годину тяжкаго испытанія, явились къ сему празднику, въ сихъ священныхъ ликахъ. Если бы все это произошло и изъ какихъ-либо частныхъ рукъ, то и тогда было бы для васъ даромъ священнымъ; но это препослано вамъ отъ лица Дома царственнаго, коему особенно принадлежите вы, препослано самою Матерію Отечества. Привѣтствуемъ васъ съ симъ знакомъ державной памяти о васъ! Ликъ святителя Мурликійскаго будетъ напоминать вамъ, между прочимъ, о томъ незабвенномъ Монархѣ, коему ваша

*) Произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 25 марта 1856 года.

новоучрежденная рать обязана своимъ происхожденіемъ; ликъ героя Невскаго будетъ воззывать васъ къ подвигамъ и мужеству за отечество; а ликъ равноапостольной Маріи будетъ внушать вамъ—соединять это мужество съ дѣлами кротости и человѣколюбія.

Нѣтъ ли у кого-либо изъ васъ на душѣ соболѣзнованія о томъ, что вамъ не досталось показать своего искусства и мужества противу враговъ отечества? Но видя васъ, мы и безъ того, совершенно увѣрены, что враги, испытавъ вашу руку и оружіе, престали бы хвалиться своимъ умѣньемъ. Уступите-же безъ огорченія имѣвшіеся въ виду успѣхи ваши той радости, которая преисполняетъ собою теперь все отечество, достигшее, благодаря мудрости Монарха, и безъ новыхъ усилій, желаннаго конца брани.

Вмѣсто враговъ внѣшнихъ, на вашу долю выпало другое сраженіе — съ тѣмъ ужаснымъ недугомъ, который обыкъ издавна слѣдовать за войною. Благодареніе Богу, что вы не поникли при семъ духомъ, и умѣли перенести неизбѣжныя утраты съ чувствомъ смиренія и преданности волѣ Божіей. Кто присмотрѣлся къ смерти, какъ вы, на одрѣ тяжкой болѣзни, тотъ не дрогнетъ послѣ предъ нею и на полѣ брани.

Витязи дома царственнаго! По всей вѣроятности, вамъ предстоитъ теперь возвратъ во-свояси. Скажите тамъ, кто будетъ вопрошать васъ о семъ, что здѣсь, на краю Россіи, вы видѣли ту же святую вѣру, ту же православную Церковь, и ту же искреннюю любовь къ отечеству,—скажите, что градъ и весь край нашъ глубоко чувствуютъ отеческое попеченіе о нихъ Монарха, въ прошедшую годину опасности, — скажите, что враги наши, кто бы они ни были, всегда будутъ находить въ обителяхъ Новой-Россіи самоотверженіе и мужество Россіи древней.

А мы навсегда сохранимъ съ любовію память о васъ, не только какъ о доблестныхъ воинахъ, но и какъ о новомъ учрежденіи воинственномъ, коимъ отечество непосредственно обязано дому царственному, и коему предстоитъ, въ свое время, именитая будущность. Аминь.

Слово предъ освященіемъ георгіевскихъ крестовъ, Высочайше назначенныхъ въ награду отличившимся при отраженіи англо-французскаго флота отъ береговъ одесскихъ *).

Христосъ воскресе!

Къ общей радости о защитѣ нашего града отъ буйнаго устремленія на него съ моря враговъ прегордыхъ и звѣронравныхъ недоставало единаго, чтобы эта чистая и святая радость отразилась скорѣе въ сердцѣ возлюбленнаго Монарха нашего. Ибо кто болѣе его печалуетъ теперь всѣми печалями Россіи? Кто глубже его тревожится за всѣ опасности, коимъ могутъ подлежать обширные предѣлы отечества?—Не ему ли посему подобаетъ скорѣе и полнѣе пріобщаться и радости, если Господь посылаетъ ее гдѣ-либо сынамъ Россіи за ихъ вѣрность Богу отцевъ своихъ?—Нашъ край и нашъ градъ, безъ сомнѣнія, были и суть предметомъ особенныхъ заботъ и опасеній для августѣйшаго Монарха, по самой ихъ близости къ мѣсту браней и по беззащитности и неготовности къ отраженію враговъ. Можетъ быть, не разъ ожидалъ онъ увидѣть предъ собою вѣстника съ печальнымъ донесеніемъ, что юная столица Новороссійскаго края, радовавшая доселѣ всѣхъ своимъ необыкновеннымъ преспѣяніемъ въ дѣлахъ торговли и промышленности, поругана врагомъ, истреблена, уничтожена... И вотъ является изъ нея скорѣе, нежели думалось, сей вѣстникъ; и что же возвѣщаетъ?—Что гордые враги, въ забвеніи всѣхъ правилъ не только великодушія, но и справедливости, дѣйствительно напали со всею жестокостію на Одессу, дерзнувъ возмутить нападеніемъ своимъ спокойствіе дней самыхъ священныхъ для нея; но что эта нечестивая жестокость ихъ не сопровождалась для насъ никакимъ особеннымъ вредомъ, а послужила только къ обнаруженію надъ нами особенной милости Божіей, ибо мы, находясь подъ адскимъ огнемъ врага цѣлый день, остались цѣлы и невредимы, а онъ понесъ отъ насъ не малый уронъ, такъ что, не зная потомъ, что больше дѣлать, сокрылъ позоръ свой въ удаленіи отъ береговъ нашихъ.

---

*) Произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 29 апрѣля 1854 года.

Какъ должна была обрадовать собою сердце царево неожиданная вѣсть сія! Силу сей радости являютъ и слова Монарха къ защитникамъ нашимъ, исполненныя отеческой любви и признательности, и эти, лежащіе предъ нами, знаки отличія, коими онъ съ такою щедростію спѣшитъ украсить храбрую грудь ихъ.

Какъ послѣ сего и намъ не радоваться, не торжествовать и не благодарить Бога!—Царь небесный явилъ особенную милость Свою надъ нами: царь земной особенно обрадованъ и возвеселенъ нами: что можетъ быть для насъ отраднѣе! Теперь остается намъ, благодаря Царя небеснаго и царя земнаго, не изнемогать въ нашемъ подвигѣ, продолжать, какъ начали, доколѣ не будетъ достигнутъ конецъ великой и священной брани настоящей, то есть не пріобрѣтеніе какихъ-либо земныхъ выгодъ отъ врага,—въ чемъ Россія не имѣетъ никакой нужды,—а освобожденіе единовѣрныхъ собратій нашихъ отъ жестокаго и безчеловѣчнаго ига мусульманскаго.

Что сказать въ частности вамъ, храбрые защитники наши? Повторять ли нашу благодарность за ваше мужество и неустрашимость противу врага? Но отъ кого вы не слышали сего уже сто разъ? Привѣтствовать ли васъ съ этими знаками награды и милости къ вамъ царской? По душевному уваженію нашему къ вамъ, они такъ пріятны для насъ, какъ бы не вы одни, а мы всѣ вмѣстѣ съ вами получили ихъ отъ руки царской. Призывать ли васъ къ новому мужеству, въ случаѣ новаго нападенія отъ врага? Но это мужество такъ сроднилось со всѣми вами, что составляетъ уже не долгъ для васъ и обязанность, а удовольствіе и отраду. Послѣ милостиваго слова къ вамъ царева, намъ можно было бы остаться безъ всякаго слова, съ однимъ благословеніемъ и молитвою о васъ; но, поелику мы, хотя и недостойные, призваны дѣйствовать и вѣщать здѣсь отъ лица Царя небеснаго, то не усомнимся сказать вамъ нѣчто,—въ дополненіе слова царя земнаго, взявъ изрекаемое нами не отъ своего ума, а изъ духовной сокровищницы побѣдоноснаго царя Израилева, святаго Давида. Вы защищали и защитили градъ нашъ; но—*аще не Господь*, говоритъ онъ, *сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій* (Псал. 126, 1): безъ помощи и благословенія свыше все ваше мужество могло бы поникнуть предъ

напоромъ силъ и огней вражескихъ. Падите же вмѣстѣ съ нами предъ симъ престоломъ благодати Божіей и возблагодарите Того, Кто въ прошедшій день брани невидимо укрѣпилъ сердце и руцѣ ваши на отраженіе враговъ,—Кто въ это же время видимо отнялъ у нихъ опытность и искусство, а отъ оружія ихъ силу и смертоносность.—Кто и впредь, при подобныхъ случаяхъ, единъ можетъ препоясать васъ силою свыше и сотворить непобѣдимыми;—возблагодарите, и гласомъ того же боговдохновеннаго царя Израилева воскликните къ Богу Спасителю: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Псал. 113. 9)!—Аминь.

Наставленіе сестрамъ Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ воинахъ, по изреченіи ими клятвеннаго обѣта на свое служеніе *).

Не знаемъ, что теперь на сердцѣ у васъ, по изреченіи вами священнаго обѣта вашего; а мы всѣ, взирая на васъ, радуемся и благодаримъ Господа за то, что въ такое краткое время нашлось у насъ столько душъ, способныхъ, оставивъ все, посвятить себя сердобольному служенію недугующимъ защитникамъ отечества. Кто можетъ не чувствовать ихъ важныхъ и кровавыхъ заслугъ отечеству? Кто не желалъ отъ всей души уврачеванія ихъ ранамъ, облегченія ихъ страданіямъ? Посему-то мы не усумнимся сказать, что многіе изъ зрящихъ теперь на васъ ублажаютъ вашу участь, и готовы были бы тотчасъ стать на вашемъ мѣстѣ и раздѣлить вашъ обѣтъ, если бы разныя обстоятельства не отнимали у нихъ возможности къ тому.

Отъ васъ Господь устранилъ всѣ подобныя препятствія; вамъ дано достигнуть того, что у многихъ, по необходимости, осталось въ одномъ благомъ желаніи: вы, а не другіе, примете на свои попечительныя руки героевъ Алмы и Севастополя!

Уразумѣйте же, возлюбленныя, святую высоту вашего призванія! Вы исходите на служеніе болящимъ не отъ себя токмо однихъ, а отъ всего отечества; вы должны потрудиться

*) Сказанное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 18 апрѣля 1855 года.

не для обыкновенныхъ больныхъ, а для тѣхъ, кои сами подвизались для отечества до того, что полагали за него и, слѣдовательно за всѣхъ насъ, самую жизнь свою. Покажите же имъ—вашимъ усердіемъ, вашимъ самоотверженіемъ, вашимъ сердоболіемъ,—какъ высоко ставитъ отечество подобные подвиги, какъ много уважаетъ раны своихъ мужественныхъ защитниковъ, какъ готово къ удовлетворенію ихъ нуждамъ! А между прочимъ при каждомъ удобномъ случаѣ возвѣщайте имъ, что святая Церковь молится усердно и всегда будетъ молиться о нихъ,—живыхъ и умершихъ;—что благочестивѣйшій Государь прилежно печется и будетъ пещись не токмо объ ихъ участи, но о положеніи ихъ присныхъ;—что по всѣмъ краямъ Россіи прославляютъ ихъ мужество и удивляются ихъ подвигамъ;—что наконецъ кровь ихъ пролита не напрасно, ибо гордый врагъ униженъ и началъ уже помышлять о постыдномъ бѣгствѣ изъ земли нашей.

Само собою разумѣется, что на поприщѣ дѣятельности вашей васъ ожидаетъ не радостное зрѣлище. Предъ вами, какъ нѣкогда предъ пророкомъ, разовьется такой свитокъ бытія человѣческаго, въ коемъ вписано почти одно *рыданіе, жалость и горе* (Іез. 2. 10). Но можетъ ли это удивить васъ и привести въ уныніе?—Развѣ вы не знаете заранѣе, что исходите не на праздникъ и торжество, не на вечерю мира и веселія, а на страшное поле войны,—поле жестокихъ битвъ, гдѣ естественно все обрызгано кровію, все обожжено огнемъ. Ваше уже дѣло будетъ уменьшить, сколько возможно, число страданій, вздоховъ и слезъ; ваше дѣло будетъ внести отраду и упованіе даже туда, гдѣ готово водвориться отчаяніе: ваше, наконецъ, дѣло будетъ пролить капли утѣшенія христіанскаго на самое возглавіе отходящихъ изъ сей жизни.

И если вы успѣете въ семъ святомъ подвигѣ (а при помощи Божіей почему не успѣть?), если даже только начнете его какъ должно: то, будьте увѣрены, скоро все приметъ въ очахъ вашихъ другой видъ: мрачныя обители болѣзней и скорбей обратятся для васъ въ священныя мѣста душеуслади тельнаго служенія Богу и человѣчеству; среди стоновъ болѣзненныхъ начнутъ слышаться умилительныя воздыханія молитвенныя; взоры страждущихъ съ невыразимою благодарностію будутъ обращаться къ вамъ; въ собственномъ

сердцѣ вашемъ откроется источникъ неизглаголанныхъ утѣшеній и радости о Дусѣ Святѣ, такъ что вы не промѣняете человѣколюбивыхъ трудовъ вашихъ ни на какія блага міра. Не такъ ли именно находятъ себѣ отраду, а потому съ такою готовностію нисходятъ съ неба въ нашъ страждущій міръ Ангелы Божіи, коихъ вы будете подражателями и, можно сказать, сотрудницами?—Ибо если гдѣ, то среди подобныхъ мѣстъ скорби и страданій, они всегда присущи и дѣйствуютъ невидимо.

Что и какъ вамъ дѣлать—уже означено въ самомъ обѣтѣ вашемъ: собственное сердце доскажетъ вамъ то, чего не можетъ обнять никакое наставленіе. Помните, между прочимъ, что у недугующихъ собратій вашихъ не одно тѣло болящее, а и душа, по всей вѣроятности, не свободная отъ ранъ совѣсти. Поелику же безсмертная душа въ человѣкѣ стократъ важнѣе его бреннаго тѣла: то, способствуя врачеванію тѣлесному, не оставляйте безъ вниманія и помощи христіанской и души болящей. Оздравѣвшая душа всегда благотворно дѣйствуетъ и на немощи тѣлесныя.

Не забывайте, что изъ находящихся на вашемъ попеченіи не всѣмъ дано будетъ возвратиться съ одра болѣзни къ жизни земной. Да не отыдетъ никто изъ таковыхъ въ вѣчность безъ ѳиміама вашей молитвы и безъ упованія христіанскаго, безъ раскаянія во грѣхахъ своихъ и безъ того благодатнаго напутія, коимъ святая Церковь обыкла сопровождать *туда* всѣхъ чадъ своихъ!

Въ подкрѣпленіе собственнаго духа вашего, взирайте чаще на крестъ Христовъ, который возложенъ теперь на перси ваши, не для украшенія какого-либо тѣлеснаго, а именно для того, чтобы, когда нужно, вы тотчасъ могли находить въ немъ укрѣпленіе вашему духу и оживленіе вашему сердцу.

Обращайтесь мыслями своими и къ пречистой Матери распятаго Господа, которая не напрасно именуется матерію всѣхъ скорбящихъ. Предъ Нею,—въ семъ чудотворномъ ликѣ Ея,—произнесенъ вами сейчасъ обѣтъ клятвенный: Она такимъ образомъ содѣлалась испоручницею вашей вѣрности и вашего усердія. Можетъ ли послѣ сего оставить Она васъ безъ помощи и не подать вамъ, когда будетъ нужно, вразумленія и подкрѣпленія, отрады и покоя душевнаго?

Чтобы имѣть вамъ какъ бы нѣкій чувственный залогъ таковаго благодатнаго союза съ Нею, пріимите отъ меня по изображенію сего чудотворнаго лика Ея.

А мы не престанемъ сопровождать васъ нашими молитвами и при первомъ случаѣ, если дастъ Господь, поспѣшимъ быть личными свидѣтелями вашихъ трудовъ и соутѣшиться вашею вѣрою и самоотверженіемъ на пользу страждущихъ отъ ранъ своихъ защитниковъ отечества.—Аминь.

Рѣчь сестрамъ Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ воинахъ, при возложеніи на нихъ крестовъ *).

Два чувства раждаются въ душѣ нашей при взглядѣ на васъ, новоизбранныя сестры милосердія! Увеличеніе общества вашего и круга вашихъ дѣйствій естественно заставляетъ предполагать, что и число требующихъ сердобольнаго призрѣнія православныхъ воиновъ нашихъ не умаляется, а возрастаетъ быстро: мысль горькая и потрясающая! За то можно ли не радоваться духомъ, взирая, съ какимъ усердіемъ исходите вы на многотрудное служеніе ваше недужнымъ защитникамъ отечества, по первому извѣстію о нуждѣ въ томъ? Истинно-христіанская готовность ваша на сей подвигъ служить для насъ несомнѣннымъ доказательствомъ той отрадной истины, что если злоба человѣческая неусыпающа въ нанесеніи вреда и ранъ, то любовь христіанская еще не усыпаемѣе въ обязаніи и уврачеваніи оныхъ.

Благодареніе Богу, не разъ уже мы имѣли утѣшеніе слышать, что предшественницы ваши подвизаются усердно, сообразно своему благотворному назначенію, что онѣ, при помощи Божіей, перенесли даже благодушно не малое искушеніе въ посѣтившемъ ихъ недугѣ, и что надъ ними сбылось святое замѣчаніе Апостола: *скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3—5).

Подобнаго терпѣнія скорбей и происходящаго оттуда благоуспѣшія ожидаемъ мы и отъ васъ, возлюбленныя о Господѣ сестры! И почему бы не ожидать намъ сего? Развѣ

*) Произнесенная въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 12 іюня 1855 года

въ вашемъ сердцѣ менѣе любви къ Богу и человѣчеству? Развѣ вы воодушевлены не тѣмъ же благимъ и животворнымъ духомъ Христовымъ? Развѣ ваши обѣты произнесены теперь не предъ тѣмъ же Евангеліемъ, запечатлѣны не тѣмъ же страшнымъ и великимъ именемъ Божіимъ? Развѣ, наконецъ, вы лобызали, не тотъ же самый крестъ Христовъ и не его, подобно вашимъ предшественницамъ, воспріяли на рамена свои?

О, низпасть съ сей святой высоты значило бы то же, что упасть съ неба!.. Да сохранитъ Господь всѣхъ насъ отъ подобныхъ паденій! Для васъ — предохранить себя отъ нихъ тѣмъ легче и удобнѣе, что вы будете находиться не среди прохладъ и успокоенія, не среди радости и веселія, а среди скорби и слезъ, среди стона и воздыханій.—Если о болящихъ тѣломъ вообще сказано у Апостола: *страдающій плотію переста̀етъ грѣшѝть* (1 Петр. 4, 1); то и о васъ, кои будете служить страдающимъ плотію—и какъ ужасно страдающимъ!—должно сказать, что, вы, по самому мѣсту и роду занятій своихъ, далѣе другихъ отъ искушеній и соблазновъ мірскихъ. О, болѣзни и смерть не то, что мы и слабыя слова наши: это великіе и самые краснорѣчивые наставники въ вѣрѣ и добродѣтели!

Скорѣе можетъ угрожать вамъ другой врагъ — унынie и малодушіе, яко имѣющимъ ходить и дѣйствовать, можно сказать, среди мрака и сѣни смертной. Но, за то сколько и средствъ у васъ, возлюбленныя, противъ всякаго унынія и всѣхъ видовъ малодушія!.. Не со всѣми ли вами молитвы и благословеніе святой Церкви? Не о васъ ли забота и материнское попеченіе августѣйшей Учредительницы христолюбиваго общества вашего? Не съ вами ли, надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ человѣколюбія, будутъ труждаться и служители здравія тѣлеснаго, то есть, врачи искусные, и служители здравія духовнаго, то есть, духовные отцы и пастыри опытные? Не на всѣхъ ли васъ наконецъ возложенъ крестъ Христовъ — это непобѣдимое оружіе христіанина?— И вамъ унывать?.. И вамъ малодушествовать?..—Нѣтъ, возлюбленныя, укрѣпляемыя вѣрою, воодушевляемыя любовію, окрыляемыя упованіемъ жизни вѣчной, вы будете имѣть столько духа и твердости, чтобы спасать отъ малодушія, ободрять и одушевлять всѣхъ ввѣренныхъ попеченію ва-

шему, когда они будутъ поникать подъ тяжестію тѣлесныхъ страданій.

Грядите же съ миромъ въ путь вашъ, и дайте намъ скорѣе услышать о благословенныхъ трудахъ вашихъ, дабы мы могли возблагодарить за васъ Господа. Который какъ единъ полагаетъ на сердце наше сѣмена намѣреній чистыхъ и благихъ, такъ единъ же даетъ имъ силу расти и приходить въ зрѣлость.—Аминь.

Рѣчь новымъ сестрамъ Крестовоздвиженской общины для служенія раненымъ воинамъ, при возложеніи на нихъ крестовъ *).

Итакъ, внявъ гласу Евангелія и собственнаго сердца, вы, оставивъ все, рѣшились идти на сердобольное служеніе страждущимъ отъ ранъ и недуговъ воинамъ нашимъ?.. Знаете ли, что вы поступили въ семъ случаѣ подобно тому, какъ сдѣлали нѣкогда Апостолы Христовы, когда, оставивъ все, послѣдовали за своимъ Учителемъ и Господомъ? Да будетъ вѣдомо вамъ, возлюбленныя, и то, что дражайшій Спаситель нашъ, во имя Коего вы принесли такую жертву, не останется у васъ въ долгу и никому не дастъ побѣдить Себя любовію!.. Вы будете, ради Его, служить подобнымъ себѣ людямъ, а Онъ, премилосердый, вмѣнитъ все это въ заслугу Себѣ Самому и на страшномъ судѣ, въ слухъ всего міра, возгласитъ и къ вамъ: *пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе! яко болѣ бѣхъ, и посѣтисте Мене* (Матѳ. 25, 34. 36),—и не только посѣтисте, но и *послужисте* Ми.

Какъ не возрадоваться такому быстрому полету духовному на высоту любви и самоотверженія? Ахъ, многіе текутъ и труждаются всю жизнь, и не могутъ достигнуть сей святой высоты!

Начало благословенное!

Да будетъ же таково и продолженіе! Да будетъ таковъ же и конецъ! Ибо, если благое начало, какъ говорится, есть

*) Произнесенная въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 14 августа 1855 года.

уже половина дѣла, то вѣнцемъ для него можетъ служить только одинъ конецъ благой...

И мы сдѣлаемъ его такимъ», подумаетъ какая-либо изъ васъ, при настоящей благочестивой ревности вашей о пособіи страждущимъ защитникамъ отечества.—О, блюдитесь, возлюбленныя, подобныхъ мыслей и превозношенія, могущихъ испортить все дѣло! Ибо, ничто такъ не противно Господу и не удаляетъ такъ Его всесозидающей благодати отъ насъ, какъ наша самонадѣянность;—а безъ Его благодатнаго содѣйствія что̀ значатъ всѣ наши усилія и весь нашъ трудъ?

Мудрствуйте паче такъ, какъ мудрствовалъ Апостолъ Павелъ, и скажите сами въ себѣ, что мы не преминемъ усердно трудиться во имя Господне для болящихъ братій нашихъ, что, служа имъ тѣлеснѣ, не оставимъ служить и духовнѣ, что мы вообще постараемся на избранномъ болѣзнію и приготовленномъ скорбями—полѣ сердецъ сѣять добро обѣими руками, и готовы поливать сѣемое нашими молитвами и, если то нужно, нашими слезами; но возрастить посѣянное и политое и довести его до плода духовнаго и зрѣлости благодатной,—это дѣло не нашей слабости и ограниченности, а Его всемогущества и благости...

Памятуя слабость и нечистоту падшей природы нашей уготовьтесь напротивъ заранѣе на встрѣчу съ искушеніями всякаго рода,—между прочимъ на борьбу съ собственными мыслями и чувствами, кои, вопреки ожиданіямъ, не замедлятъ возникнуть въ душѣ вашей и стать, пожалуй, противъ самаго святаго обѣта вашего. Послѣ сильныхъ порывовъ къ добру, послѣ особенныхъ подвиговъ самоотверженія, духу нашему какъ будто суждено поникать долу, впадать въ какое-то охлажденіе къ тому же самому добру, въ оцѣпенѣніе и мертвенность душевныя. Кромѣ непріятныхъ встрѣчъ и приражеій совнѣ, на васъ, среди служенія вашего, можетъ напасть внутренняя туга сердца и недовольство собою, непонятное разслабленіе силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, нѣкое, вовсе неожиданное, отвращеніе къ своему святому дѣлу, простирающееся до желанія оставить свое поприще и прейти къ другимъ занятіямъ, какъ будто, если не болѣе добрымъ, то болѣе сроднымъ для васъ...

Когда нападетъ на васъ подобная тьма и мракъ, то во-первыхъ не медлите уразумѣть, что это искушеніе отъ врага,

которому вашъ святый обѣтъ, какъ тернъ въ окѣ: за симъ возведите умъ и сердце горѣ, ко Господу—съ молитвою о поданіи свѣта и помощи:—и ваша ладія не будетъ по крайней мѣрѣ опрокинута внезапно этимъ вѣтромъ и сею бурею. Если вы покажете въ семъ случаѣ вѣру и вѣрность, и Господь узритъ въ васъ рѣшимость скорѣе претерпѣть все, нежели измѣнить своему обѣту: то, будьте увѣрены, скоро небо надъ вами сдѣлается опять чисто, воздухъ свѣжъ и оживляющъ, солнце благодати паки засіяетъ надъ вами, и сердце ваше исполнится той тишины и того мира Божія, кои *превосходятъ*, по выраженію Апостола, *всякъ умъ* (Филип. 4, 7).

Не мало и еще хотѣлось бы сказать вамъ, возлюбленныя! Но сколько бы ни бесѣдовали съ вами здѣсь и теперь, никогда не можемъ высказать всего нужнаго. Это можетъ сдѣлать и сдѣлаетъ, когда будетъ потребно, тотъ великій Наставникъ и Учитель, о Коемъ Спаситель нашъ умолилъ Отца, да будетъ съ нами во вѣкъ и да наставляетъ насъ на всякую истину.—Духъ Святый. Къ Нему, всевѣдущему и всепросвѣщающему, обращайтесь молитвенно во всѣхъ вашихъ недоумѣніяхъ, и Онъ никогда не оставитъ васъ безъ свѣта и вразумленія. И мы, какъ подобные вамъ, слабые человѣки, можемъ только наставлять и поучать васъ; а Онъ, какъ Духъ истины и жизни, проливая на васъ свѣтъ, въ то же время подастъ вамъ и Свою силу—исполнить внушаемое, подкрѣпитъ и оживитъ исполняющихъ, возвеселитъ и наградитъ исполнившихъ.—Аминь.

Наставленіе студентамъ академіи, по окончаніи ими курса и по объявленіи ученыхъ степеней и должностей.

Апостолъ Павелъ, преподая нѣкогда ефесскимъ ученикамъ своимъ послѣднее наставленіе и желая какъ можно болѣе расположить ихъ къ исполненію преподаннаго имъ ученія, между прочими побужденіями употребилъ и то, что имъ преподаны всѣ истины спасенія: *не обинухся, сказати вамъ всю волю Божію* (Дѣян. 20, 27). Находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ и имѣя ту же самую цѣль, мы не можемъ однако же, во всей цѣлости, обратить къ вамъ словъ Апостола; не можемъ сказать, что мы возвѣстили вамъ

всю волю Божію. Такъ могъ говорить наставникъ богодухновенный. Для насъ, кои, по необходимости, бесѣдовали съ вами большею частію въ наученыхъ человѣческой мудрости словесѣхъ, для насъ довольно и того, что мы—желали возвѣстить вамъ всю волю Божію, что не желали возвѣщать вамъ ничего, кромѣ воли Божіей. Если и вы не хотѣли слышать отъ насъ ничего, кромѣ сей воли (и мы надѣемся, что не хотѣли); если притомъ имѣете твердое намѣреніе (и мы вѣримъ, что имѣете) исполнять на дѣлѣ слышанное: то и для васъ достаточно того, что возвѣщено вамъ. Кто сказалъ: *аще кто хощетъ творити волю Божію, разумѣетъ о ученіи* (Іоан. 7, 17), тотъ Самъ уже восполнитъ недостающее.

Сей Божественный, всеобщій Наставникъ, Господь и Учитель нашъ, остается съ вами: всеблагій Духъ Его, могущій наставлять на всякую истину, съ вами; слово Его, преподанное пророками и апостолами, съ вами. Продолжайте сами поучаться, вразумляться, приходить отъ вѣры въ вѣру, отъ любви къ любви.

Я сказалъ—продолжайте. Кругъ обыкновеннаго ученія конченъ; но кругъ истиннаго боговѣдѣнія, разъ начавшись, никогда не оканчивается. Кто возмнилъ бы, что ему не остается ничего знать, тотъ симъ самымъ показалъ бы, что онъ ничего не зналъ, или все забылъ. Училище человѣческое оставится вами, но вмѣсто его откроется новое, высшее, коего учредитель не человѣкъ какой-либо, а Самъ Господь—училище жизни и опыта. Уроки продолжатся тѣ же, только будутъ состоять не изъ словъ, а изъ событій и дѣйствій. Кто будетъ внимателенъ, тотъ вскорѣ замѣтитъ въ самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ жизни человѣческой уроки мудрости божественной, невидимый преподаватель коихъ есть Промыслъ, видимый истолкователь—воля начальства. Благо тому, кто съ сыновнею довѣренностію къ невидимому преподавателю будетъ благодушно слѣдовать за видимымъ истолкователемъ: такой собственнымъ опытомъ узнаетъ, что истинно вѣрующимъ въ Бога все обращается во благое. Горе, напротивъ, высокоумнымъ и продерзымъ, не умѣющимъ, или не желающимъ умъ и волю свою покорять волѣ Промысла, обнаруживающейся въ порядкѣ событій, и волѣ начальства. Для таковыхъ самое обиліе земныхъ познаній обратится въ бремя, которое чѣмъ болѣе возрастаетъ, тѣмъ болѣе угнетаетъ.

Продолжая сами быть прилежными учениками Промысла, не забывайте печись о вразумленіи другихъ. На насъ, по самому рожденію, лежитъ священный долгъ быть провозвѣстниками воли Божіей. Можно ли желать жребія лучше сего?—Щедрота августѣйшаго Монарха подала намъ средства къ удобнѣйшему исполненію нашего предназначенія. Не сугубо ли будемъ виновны, если, употребивъ эти средства для образованія самихъ себя, не обратимъ потомъ нашего образованія на пользу другихъ?—Жатва многа, а дѣлателей мало. Не заставимъ своимъ небреженіемъ жаловаться на насъ Господину жатвы. Онъ правъ: ибо послалъ насъ. Мы будемъ виновны, если не возвѣстимъ слова спасенія, намъ ввѣреннаго. Зачѣмъ и восходить на Синай боговѣдѣнія, если не сносить законъ для тѣхъ, кои находятся у его подножія? Иначе и о насъ могутъ сказать: *вверзохомъ злато во огнь, и изліяся телецъ* (Исх. 32. 24).—И трудно ли возвѣщать то, что составляетъ предметъ нашего служенія? Кто позналъ истинно Христа,—а болѣе Его намъ ничего возвѣщать не нужно,—тотъ не будетъ молчать, возвѣститъ Его на стогнахъ и кровахъ. Кто истинно позналъ своего Спасителя, уразумѣлъ, какъ вѣдѣніе Его необходимо для всѣхъ и каждаго, тотъ, возвѣщая Его, не будетъ имѣть въ виду ничего, кромѣ Самаго Христа. Для успѣха въ семъ святомъ дѣлѣ не нужно особенной какой-либо мудрости. И малыя крупицы духовнаго хлѣба, преломляемыя во благословеніи, могутъ напитать тысячи алчущихъ душъ.

Къ назиданію словомъ здравымъ присовокупляйте примѣръ благой. Христіанская жизнь есть самое лучшее поученіе. Самого Бога мы познаемъ изъ дѣлъ Его. И Спаситель нашъ прежде началъ творить, а потомъ уже учить. *Иже сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ царствіи Отца небеснаго* (Матѳ. 5. 19).

Среди трудовъ на пользу Церкви, непрестанно имѣйте въ виду Іисуса Христа и Его Апостоловъ. Наставленіе, данное Апостоламъ, при посланіи ихъ на проповѣдь, почитайте наставленіемъ, даннымъ для всѣхъ учителей вѣры (Матѳ. 5, 10). Въ немъ найдете, что̀ намъ всѣмъ должно дѣлать, чего убѣгать, гдѣ искать подкрѣпленія, какъ терпѣть и чего надѣяться.

Да не изнемогаетъ вѣра ваша, если среди благаго и

непостыднаго дѣланія въ вертоградѣ Господнемъ, срѣтятъ кого-либо искушенія и напасти. Кто не терпѣлъ ихъ изъ истинныхъ дѣлателей Христовыхъ? Только бы не страдать за нарушеніе правды;—а если за имя Христово, за возвѣщеніе истины, за обличеніе неправды постигнетъ кого-либо искушеніе: то такой долженъ не стыдиться, а прославлять Бога за свою участь. Нашъ Учитель и Вождь на Голгоѳѣ. Намъ ли искать покоя? Покой и награда всѣхъ истинныхъ послѣдователей Его, тѣмъ паче провозвѣстниковъ имени Его.—тамъ—на Сіонѣ.

Съ сими благожеланіями *предаемъ васъ нынѣ Богу и слову благодати Его, могущему назидати и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ* (Дѣян. 20, 32).

Отче святый! Соблюди ихъ во имя Твое! Святи ихъ во истину Твою! Слово Твое—только Твое—истина есть (Іоан. 17, 17).

Наставленіе новопостриженнымъ монахамъ изъ студентовъ академіи, сказанное послѣ литургіи по произнесеніи словъ:

Благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и человѣколюбіемъ'

Паче же да будетъ вседѣтельное и всеосвящающее благословеніе сіе на васъ, юные воины Христовы, коимъ предлежитъ упорнѣйшая брань не съ плотію токмо и кровію, но и съ духами злобы поднебесной!—Благо вамъ, что вы не уподобились упоминаемому въ нынѣ чтенномъ Евангеліи юношѣ и, желая наслѣдовать животъ вѣчный, не усумнились, подобно ему, оставить все, дабы идти за однимъ Христомъ: благо вамъ! Господь *не обидливъ забыти* настоящаго *дѣла вашего и труда любве вашея* (Евр. 6, 10) къ Нему; Онъ найдетъ средства провести васъ безбѣдно среди всѣхъ напастей и искушеній; возвеселитъ сердце ваше среди всѣхъ горестей, вознаградитъ сторицею всѣ ваши настоящія жертвы и лишенія.

Но для чего я называю лишеніемъ то, что̀ должно называть пріобрѣтеніемъ?—Міръ, коего отреклись вы?—Развѣ не его самые усердные любимцы его называютъ полемъ брани, гдѣ *враги человѣку и домашніе его!* Потеря ли промѣнять поле брани на мирный кровъ дома Божія?—Міръ?—Развѣ не его сравниваютъ съ моремъ, непрестанно возме-

таемымъ вѣтрами и бурями? Лишеніе ли—избыть навсегда волнъ и уединиться въ тихомъ пристанищѣ? Блага міра, подобно плоду едемскому, кажутся красны и привлекательны: но спросите тѣхъ, кои всегда наслаждаются ими, и они скажутъ вамъ, что нѣтъ горечи, которая бы не сопровождала ихъ вкушенія. Жизнь иноческая, напротивъ, кажется слишкомъ суровою только тѣмъ, кои никогда не проводили оной, какъ должно, и потому не вкушали ея сладостей. Истинные иноки всегда были люди самые блаженные. Такъ и должно быть! Міръ и твари не могутъ наполнить сердце человѣка: одинъ Богъ есть истинное благо его. У отцевъ земныхъ достаетъ нѣжности для тѣхъ изъ дѣтей, кои, оставивъ все, живутъ для нихъ однихъ: у Отца ли небеснаго не достанетъ благословеній и любви?—*Коль многое множество благости*, восклицаетъ одинъ изъ вкусившихъ, яко благъ Господь,—*коль многое множество благости, юже скрылъ еси боящимся Тебе, Господи* (Псал. 30. 26)!—Если богатство сіе сокрыто отъ очей міра, то—потому, что міръ недостоинъ, не можетъ видѣть его!

А если бы исполненіе высокихъ обѣтовъ вашихъ и сопряжено было съ какою-либо трудностію, когда бы по временамъ потребовались отъ васъ и подвиги: то отяготимся ли перенести что-либо ради возлюбленнаго нами и стократъ болѣе возлюбившаго насъ Господа?—А сыны міра?—Развѣ они не терпятъ отъ міра? не приносятъ ему жертвъ самыхъ тяжкихъ!—А дѣти нѣги и роскоши? Развѣ не стенаютъ подъ тягостію однихъ приличій? не проклинаютъ нерѣдко сами себя и все ихъ окружающее?—Въ этомъ мірѣ нельзя, никакъ нельзя не страдать. А если надобно страдать, то лучше страдать для Господа, нежели для діавола; лучше терпѣть, чтобы стяжать душу и наслѣдовать животъ вѣчный, нежели терпѣть, чтобы погубить навсегда душу и быть отлученнымъ отъ Бога.

Вамъ угрожаютъ искушенія? Но, юные воины Христовы, вы будете сражаться не одни: всемогущій Спаситель вашъ выну будетъ съ вами и за васъ! Бойтесь единаго—быть невѣрными Ему и своимъ обѣтамъ. А доколѣ вы вѣрны, Онъ весь вашъ—со всѣмъ Своимъ могуществомъ и премудростію; дотолѣ вы имѣете право о всемъ просить, всего надѣяться. Одна невѣрность теряетъ все, и на землѣ и на небѣ.

Но я не хочу заранѣе наполнять воображеніе ваше мыслію объ опасностяхъ и врагахъ.—Нынѣшній день долженъ быть для васъ и для насъ днемъ радости и славословія. Возблагодарите убо, и во всю жизнь не преставайте благодарить Господа, *изведшаго васъ изъ тьмы въ чудныи свѣтъ Свой, и преставившаго въ царство Сына любве Своея!*—А мы усугубимъ свои молитвы о васъ, да благословеніе Господне и благодать Его пребудутъ надъ вами нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!—Аминь.

Слово игумені Анатоліи, по случаю возложенія на нее золотого наперснаго креста *).

Достопочтенная сестра о Господѣ!

При возложеніи на тебя креста сего я ограничился возглашеніемъ тѣхъ краткихъ словъ, коими сама святая Церковь привѣтствуетъ въ подобныхъ случаяхъ достойныхъ дѣлателей вертограда Христова. Теперь, думаю, небезвременно будетъ присовокупить нѣчто и отъ себя.—Что присовокупить?—Новое привѣтствіе?—Да, есть въ чемъ и привѣтствовать. Знакъ благословенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода важенъ для каждаго сына и дщери Церкви православной, знакъ милостиваго вниманія благочестивѣйшаго Монарха многоцѣненъ для всякаго сына и дщери отечества. Благодареніе Господу, что, при помощи благодати Его, мы успѣли заслужить сіе благословеніе, этотъ знакъ высочайшаго вниманія!—Это радуетъ и должно радовать не только тебя, но и всю обитель, тебѣ врученную.

И однако же горе намъ, достопочтенная сестра о Господѣ, если мы остановимся на сей радости; если предадимся ей всецѣло, подобно сынамъ и дщерямъ вѣка сего!—Ибо кто мы?—Тѣ люди, кои однажды и навсегда отреклись не только отъ всѣхъ почестей земныхъ, но и отъ всего мірскаго, кои вмѣнили въ уметы вся, да Христа пріобрящемъ! Такимъ ли людямъ опочить, какъ на возглавіи, на какой-либо наградѣ земной? Нѣтъ, такіе люди (а мы непремѣнно должны быть таковы), если принимаютъ знаки отличій зем-

*) Сказанное въ хорошевскомъ женскомъ монастырѣ, 24 іюля 1843 года.

ныхъ. то не иначе. какъ по уставу святой Церкви и въ знакъ послушанія; принимаютъ не столько какъ награду за труды. а яко побужденіе къ болѣе прилежному исканію почестей небесныхъ; такіе люди (а мы непремѣнно должны быть таковы) смотрятъ на отличія человѣческія даже какъ на нѣкое искушеніе. и потому усугубляютъ. по полученіи ихъ. бдительность и надзоръ надъ своимъ сердцемъ.

Мы увѣрены, что такъ точно и принята тобою награда. тебя постигшая. Съ намѣреніемъ говорю. не полученная. а постигшая. Ибо не ты искала ее. а она обрѣла тебя; и обрѣла тогда. какъ ты. вѣроятно. и не мнила о ней.

Это самое. что полученное не было искомымъ, служитъ для насъ добрымъ залогомъ того, что полученіе не ослабитъ благочестивой ревности, не умалитъ христіанскаго смиренія, а обратится въ побужденіе къ новымъ трудамъ и глубочайшему смиренію предъ Богомъ и человѣками: ибо у христолюбивыхъ душъ такое правило. что чѣмъ болѣе возвышаютъ и отличаютъ ихъ, тѣмъ менѣе онѣ начинаютъ отличать самихъ себя.

Если бы слабость человѣческая могла когда-либо привести въ забвеніе сіе правило. то самое свойство отличія, тебѣ усвоеннаго. напомнитъ о семъ. Ибо въ чемъ состоитъ это отличіе? Въ видимомъ ношеніи на выи креста Христова. Кресту ли Христову возбуждать чувства превозношенія мірскаго? Тернами ли увѣнчанной главѣ располагать къ величанію и гордости? Язвамъ ли на рукахъ и ногахъ склонять къ нѣгѣ и покою плотскому? Если древніе израильтяне исцѣлялись отъ укушенія зміевъ. взирая на змія. вознесеннаго на крестъ Моисеемъ; то не тѣмъ ли паче намъ. въ случаѣ нужды. будетъ стоить только воззрѣть съ вѣрою на крестъ нашъ. на Распятаго на немъ. дабы всѣ помыслы земные исчезли изъ душъ нашихъ. какъ дымъ исчезаетъ отъ вѣтра? Да хранитъ убо такимъ образомъ тебя сей крестъ Христовъ! Да служитъ для тебя не только украшеніемъ, но и оружіемъ противъ искушеній видимыхъ и невидимыхъ, и да сопрягаетъ душу твою съ Тѣмъ. Кто положилъ на крестѣ за всѣхъ насъ животъ Свой! Се наше желаніе тебѣ, и се наша молитва о тебѣ! А вы, христолюбивыя сестры о Господѣ. взирая на крестъ, украшающій настоятельницу вашу, усугубьте къ ней любовь и послушаніе, памятуя, что вы по-

винуетесь въ лицѣ ея не человѣку, а Самому Господу Іисусу, давшему ее вамъ въ матерь и руководительницу. А вмѣстѣ съ симъ взоръ на крестъ ея да напоминаетъ вамъ выну о вашихъ собственныхъ крестахъ, кои возложены на васъ святою Церковію. Благо той, которая соблюдетъ его цѣлымъ до гроба! Благо и той, которая, потерявъ его какимъ-либо несчастнымъ случаемъ, поспѣшитъ обрѣсти путемъ истиннаго покаянія!—Аминь.

Слово по случаю постриженія одной изъ сестеръ въ монахини *).

Не разъ случалось замѣчать, что при священномъ обрядѣ, нынѣ нами совершенномъ, большею частію привѣтствуютъ съ какимъ-то духомъ печали и унынія; нѣкоторыя готовы бываютъ даже плакать о лицѣ, воспринимающемъ на себя обѣты, и дѣйствительно плачутъ о немъ, какъ по умершемъ. Благъ ли этотъ образъ чувствъ и дѣйствій?—Благъ, если проистекаетъ отъ печали по Бозѣ; благъ, если въ тѣхъ, кои сами удостоились уже постриженія, происходитъ отъ того, что они, слыша повтореніе обѣтовъ, сознаютъ въ себѣ неисполненіе ихъ и скорбятъ о семъ душевно: благъ, если тѣ, кои не воспринимали монашескаго образа, печалуютъ тѣмъ, что не находятъ въ себѣ по чему-либо возможности посвятить и себя Господу, какъ посвящаютъ другіе. Въ обоихъ сихъ случаяхъ печаль и слезы достойны христіанина и благословенны: далъ бы только Господь, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ были и благоплодны, то есть, чтобы пріявшіе уже ангельскій образъ, возбужденные воспоминаніемъ обѣтовъ, ими неисполняемыхъ, устремились къ исполненію ихъ, чтобы не могущіе пріять сего образа, приложили попеченіе о томъ, чтобы, и оставаясь въ мірѣ, жить не по духу міра, а по заповѣдямъ Евангелія.

Но, кажется, большею частію сѣтуютъ, скорбятъ и плачутъ при настоящемъ случаѣ не о себѣ, а о тѣхъ, кои пріемлютъ монашество, и взираютъ на нихъ тѣмъ же взоромъ, коимъ смотримъ на людей, полагаемыхъ во гробъ.

*) Сказанное въ Никольскомъ женскомъ монастырѣ.

Хорошо ли это и достойно ли христіанина?—Не хорошо и не достойно.

То правда, что обрядъ, нынѣ совершенный, похожъ на нѣкотораго рода погребеніе: почему въ немъ не разъ и говорится, что постриженный долженъ вмѣнять себя, яко мертва; но это, если угодно, погребеніе должно не печалить собою, а радовать и заставлять благодарить Бога. Ибо, что въ немъ погребается?—Ветхій нашъ человѣкъ, этотъ первый и послѣдній врагъ нашего спасенія. О немъ ли жалѣть и скорбѣть?

Но постригаемое лице отрекается міра и пріятностей жизни семейной. Что же? слишкомъ великая жертва!—Хорошо разобравъ дѣло, окажется, что это не столько жертва, сколько пріобрѣтеніе. Въ доказательство на сіе, не будемъ нисколько предосуждать жизни семейной, ни отношеній и связей житейскихъ: онѣ имѣютъ свою цѣну и достоинство уже потому, что суть отъ Бога; не будемъ также отрицать, что съ ними соединено не мало пріятностей и удовольствій; но кто однако же не признается, что съ мірскимъ состояніемъ соединено и множество недостатковъ и огорченій?—Кто отказывается отъ пріятностей мірскихъ, тотъ въ награду избѣгаетъ огорченій мірскихъ.—Но, можетъ быть, награда не равносильна жертвѣ, то есть огорченій менѣе, а пріятностей болѣе?—Касательно нѣкоторыхъ людей можно согласиться на это: но какъ ихъ мало! А о большей части живущихъ въ мірѣ рѣшительно должно сказать, что у нихъ гораздо болѣе огорченій, нежели пріятностей. Поелику же никто не можетъ рѣшительно относить себя къ первымъ, то, ясно, долженъ поставить себя въ ряду послѣднихъ; а поставивъ себя въ такое положеніе, очевидно, что, уклоняясь отъ міра и жизни мірской, онъ не столько теряетъ, сколько пріобрѣтаетъ, ибо за отказъ отъ небольшаго участка радостей получаетъ свободу отъ множества огорченій.

Скажутъ, что и въ жизни монашеской есть лишенія и грудности. Безъ сомнѣнія: иначе почему бы она и называлась подвигомъ? Но за то сколько въ ней утѣшеній, неизвѣстныхъ и, дерзнемъ сказать, почти невозможныхъ въ мірѣ!

Эта свобода въ употребленіи своего времени на занятіе самимъ собою; эта близость къ дому Божію и удобность находиться при богослуженіяхъ Церкви; эта собранность мыслей,

невозмущаемыхъ дѣлами житейскими: эта увѣренность, что путь, по коему идемъ, прямо ведетъ къ царствію: это мирное сообщество людей, кои видимо стремятся къ той же святой цѣли: все это—а мы указываемъ только на внѣшнее—малое ли преимущество инока?—И все это только залогъ большаго. Какого? тѣхъ утѣшеній внутреннихъ, кои предстоятъ сердцу, отрекшемуся міра. Отъ кого? отъ Того, Кому оно посвятило себя, отъ Господа Іисуса.

Въ самомъ дѣлѣ, если женихи земные, обручившись съ кѣмъ-либо, не забываютъ своей обрученной, и доколѣ соединятся съ нею бракомъ, употребляютъ всѣ средства услаждать для ней свое отсутствіе, то думаете ли, что Женихъ небесный, Господь Іисусъ, оставляетъ тѣхъ, кои, презрѣвъ любовь земную, предаютъ Ему навсегда душу и сердце свое?—Нѣтъ, если душа остается Ему вѣрною, то она непрестанно находится подъ Его невидимымъ благодатнымъ осѣненіемъ; выну пріемлетъ отъ Него знаки Его благоволенія; находитъ въ Немъ и наставника, и утѣшителя, и хранителя, и помощника.

Такое сообщеніе въ духѣ съ Женихомъ небеснымъ какихъ не можетъ замѣнить радостей? какихъ не вознаградитъ потерь и огорченій?—Престанемъ же взирать окомъ печали на тѣхъ, кои въ глазахъ нашихъ отрекаются міра и всего, яже въ мірѣ; они отрекаются отъ того, что само есть неизсякаемый источникъ печалей. Тутъ мѣсто не унынія, а радости духовной, ибо душа видимо паритъ надъ всѣмъ міромъ къ Богу.

Если есть мѣсто печали, то не о постригаемыхъ, а о самихъ себѣ, какъ мы сказали въ началѣ. Мірянинъ, видя, какъ попираютъ всѣ прелести міра, можетъ по праву скорбѣть о томъ, что онъ самъ не въ силахъ сдѣлать сего. Монахъ тѣмъ болѣе можетъ и долженъ скорбѣть, если давно вступивъ на путь отреченія, произносимаго другими, не шелъ по немъ доселѣ, какъ должно. Такая печаль, въ томъ и другомъ видѣ, будетъ по Бозѣ. Но и при сей печали все еще есть мѣсто радости о томъ, что если не мы, то братъ или сестра наши дѣлаютъ то, чего не сдѣлали доселѣ, или не можемъ сдѣлать, мы сами. Аминь.

Слово къ монахинѣ Емилiи, по постриженiи ея въ монашество *).

Возлюбленная дщерь и сестра о Господѣ!

Въ святыхъ обѣтахъ, отъ тебя произнесенныхъ,—въ теплыхъ молитвахъ, о тебѣ вознесенныхъ,—въ матернемъ наставленiи Церкви, тебѣ преподанномъ, и, что всего важнѣе, въ таинствѣ Тѣла и Крови Христовой, сейчасъ тобою принятомъ,—столько свѣта и назиданiя, столько любви и утѣшенiя, столько силы и жизни, что намъ оставалось бы только возблагодарить Господа и сказать тебѣ: радуйся, невѣста Христова, и спасайся о Христѣ!—Но, поелику *отъ избытка сердца* невольно *глаголютъ уста* (Матѳ. 12, 34), то и мы не можемъ *возбранить* нашему *духу*, чтобы, при настоящемъ, столь важномъ для тебя, событiи, не сказать тебѣ нѣсколько словъ, могущихъ, благодатiю Божiею, послужить на пользу души твоей.

Итакъ, давнее, искреннее и сильное желанiе сердца твоего исполнилось: наконецъ ты удостоена воспрiятiя ангельскаго образа!—Возблагодаримъ убо Господа за то, что Онъ не презрѣлъ нашего ничтожества и гласомъ невѣстоводительницы—Церкви обручилъ душу нашу Себѣ, яко невѣсту, въ вѣчное наслѣдiе и собственность. Послѣ сего нечего уже болѣе желать намъ съ тобою на землѣ: отнынѣ всѣ помыслы души, всѣ стремленiя сердца нашего должны быть преставлены на небо. Ибо, яко воспрiявшая образъ ангельскiй, ты принадлежишь уже не столько къ обществу человѣческому, сколько лику ангельскому. Если убо и на театрахъ не принимаютъ на себя чьего-либо образа всуе, но стараются мыслями, чувствами и словами, самымъ движенiемъ, взглядомъ и всею прочею внѣшностiю соотвѣтствовать лицу, на себя принятому; если и тамъ, для успѣха въ семъ дѣлѣ, не жалѣютъ никакихъ трудовъ, учатъ на память цѣлыя книги, повторяютъ изученное, отдаютъ слова и дѣйствiя свои на судъ другимъ, лишаютъ для сего нерѣдко себя сна и пищи, то не паче ли, возлюбленная сестра, намъ съ тобою подобаетъ

*) Сказанное въ женскомъ никольскомъ монастырѣ, 7 декабря 1845 года. Печатано съ рукописи въ первомъ изданiи.

употребить всѣ наши способности, всѣ средства и всѣ усилія на то, чтобы не всуе носить на себѣ образъ ангельскій, нами воспринятый, чтобы соотвѣтствовать ему во всѣхъ нашихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ, соотвѣтствовать не по одной внѣшности, не предъ глазами только зрителей и не на извѣстное время, какъ на театрахъ, а въ самой душѣ и сердцѣ, поистинѣ и всецѣло, какъ бы мы дѣйствительно преставлены были съ земли въ кругъ небожителей. Ангелы, по свидѣтельству Спасителя, выну зрятъ лице Отца небеснаго (Матѳ. 18. 10), и предъ очами нашего сердца выну долженъ быть Господь и Спаситель нашъ. Какъ воздухъ питаетъ непрестанно и поддерживаетъ жизнь нашего тѣла, такъ мысль о присутствіи Божіемъ должна питать и поддерживать жизнь нашего духа. Чувство сего присутствія всякое мѣсто будетъ для насъ обращать въ небо и соединять съ Ангелами, ибо гдѣ Богъ, тамъ и небо и Ангелы.

О Херувимахъ и Серафимахъ сказано, что они, окружая престолъ Божій, непрестанно взываютъ: *святъ, святъ, святъ Господь Богъ Савао̀въ, исполнь вся земля славы Его* (Исаіи 6. 3)! И намъ, яко воспріявшимъ образъ ангельскій, посему подобаетъ, какъ можно болѣе и чаще упражнять себя въ славословіи имени Божія, и для сего не только никогда не опускать общественнаго богослуженія во храмѣ, но и самую келію свою, сколько возможно, обращать въ домъ молитвы и наполнять ее не словами праздными, не бесѣдами суетными, а словословіемъ имени Божія, вздохами, колѣнопреклоненіемъ и слезами покаянія.

Ангелы, не взирая на великое достоинство ихъ, по свидѣтельству святаго писанія, всѣ суть служебніи духи, *въ служеніе посылаемыи за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1. 14). И намъ убо теперь подобаетъ если какой трудъ и какая служба, то та, которая имѣетъ цѣлію не столько удовлетвореніе собственныхъ нашихъ нуждъ, сколько благо и пользу нашихъ ближнихъ. Вразумить невѣдущаго, утѣшить печальнаго, призрѣть бѣднаго, уврачевать немощнаго—все это должно быть нашимъ первымъ и святымъ долгомъ, который при томъ надлежитъ намъ и исполнять не по-мірски и человѣчески, а по-ангельски, то есть, кротко, благо, терпѣливо, свято.

Ангелы, служа и не своему, а нашему спасенію, тер-

пять всѣ недостатки и нечистоты тѣхъ, коимъ служатъ, то есть, между прочими и наши съ тобою; тѣмъ паче мы, трудясь надъ дѣломъ собственнаго нашего спасенія, должны быть терпѣливы во всемъ, что можетъ случиться съ нами горькаго и тяжелаго,—зная, что для насъ, болѣзнующихъ духомъ и сердцемъ, во очищеніе, исцѣленіе и укрѣпленіе наше, потребна не сладость, а горести.

Такое назиданіе, возлюбленная о Господѣ сестра, сокрывается для насъ уже въ самомъ названіи новаго сана нашего! Мы должны достигать того, чтобы каждый, знающій насъ, могъ съ справедливостію сказать о насъ то, что міръ такъ справедливо иногда говоритъ о любимцахъ своихъ: это не человѣкъ, а ангелъ! Мы же сами сколько бы, по благодати Божіей, ни достигли сего, должны говорить о себѣ другое, то есть, что мы не Ангелы, а бѣдные грѣшники, ожидающіе помилованія себѣ отъ единаго милосердія Господня.

Сказавъ о назиданіи, умолчимъ ли о богатствѣ утѣшенія, которое такъ же заключается въ самомъ новомъ названіи твоемъ?—Поелику ты воспріяла образъ ангельскій, то отселѣ всѣ благіе духи, Херувимы и Серафимы суть яко братія твои. Если убо и земные братья и друзья никогда не оставляютъ насъ, а помогаютъ намъ во всѣхъ нуждахъ нашихъ, то друзья и братія небесные тѣмъ паче никогда не забудутъ своей сестры: они невидимо будутъ окружать тебя, съ тобою будутъ трудиться, съ тобою молиться, съ тобою радоваться и скорбѣть. Отъ ихъ прозорливости не скроется никакое искушеніе и опасность; предъ ихъ силою не устоитъ никакая злоба и лукавство враговъ нашего спасенія; они найдутъ средство провести тебя безопасно среди самой тьмы и сѣни смертной. Престанемъ же, взирая на духовную и тѣлесную немощь нашу, скорбѣть и унывать; воспріимемъ духъ мужества и упованія, подобающій новому образу и сану нашему; начнемъ, ничто же сумняся, дѣйствовать тѣмъ безцѣннымъ всеоружіемъ, въ которое облекла насъ нынѣ святая Церковь. Коль скоро мы будемъ правильно употреблять его, то, будь увѣрена, оно содѣлаетъ насъ неприступными для всѣхъ силъ вражіихъ. Аминь.

Слово воспитанникамъ второй харьковской гимназіи *).

Благо есть мужу, егда возьметъ яремъ въ юности своей (Плач. Іер. 3, 27).

Если предъ кѣмъ нужно чаще повторять сіи слова святаго мудреца израилева, то предъ вами, юные питомцы наукъ! Находящіеся въ другихъ—высшихъ возрастахъ, хотя бы и хотѣли исполнить для блага своего совѣтъ, въ нихъ заключающійся, не могутъ сдѣлать сего, ибо время—невозвратно, а вы находитесь именно въ томъ возрастѣ, который имѣлъ въ виду святый мудрецъ, когда произносилъ сіи слова.

Что же совѣтуетъ онъ? взять яремъ Господень отъ юности, то есть, съ самыхъ раннихъ лѣтъ возненавидѣть всякій грѣхъ и всякое беззаконіе, возлюбить отъ всего сердца законъ Господень и правду, рѣшиться жить и дѣйствовать не по наглому влеченію чувствъ, не по внушенію слѣпыхъ страстей, а по правиламъ совѣсти и Евангелія, имѣя цѣлію дѣйствій не временный прибытокъ, не удовлетвореніе своей гордости и самолюбію, а славу Творца своего, благо ближнихъ и собственное преспѣяніе въ истинѣ и добродѣтели. Вотъ чего желаетъ юношамъ святый мудрецъ израилевъ! Рѣшительное самоопредѣленіе себя на добродѣтель онъ называетъ *взятіемъ ярема*, то есть дѣйствіемъ подобнымъ тому, какъ молодое животное въ первый разъ допускаетъ надѣть на себя яремъ, дабы идти на трудъ полевой, и называетъ такъ потому, что обузданіе своихъ страстей, уклоненіе отъ соблазновъ, всегда стоитъ человѣку нѣкоего насилія себѣ, то есть, своей падшей природѣ, которая отъ юности стремится къ тому, что противно закону Божію. *Благо есть мужу, егда возьметъ яремъ въ юности своей!*

Можно взять этотъ священный и спасительный яремъ и не отъ юности; можно взять его въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ и когда бы онъ ни былъ взятъ, всегда это благо для человѣка. Но, какая великая разность начать быть добродѣтельнымъ отъ юности, или послѣ, тѣмъ паче—въ лѣта преклонныя!—Ибо, первое и неизбѣжное въ такомъ случаѣ—сколько будетъ потеряно времени для добродѣтели и нашего совершенства! Все это время, въ которое мы не будемъ

*) Сказанное 1844 года

жить добродѣтельно, есть чистая потеря для души и вѣчности: мало—потеря, вредъ величайшій; ибо человѣку нельзя, когда не живетъ добродѣтельно, не жить въ то же время и потому самому порочно: средины нѣтъ для него. Но всякое неправильное и порочное дѣйствіе портитъ природу нашу, отъемлетъ у ней часть богоподобія, безобразитъ и извращаетъ ее. Посему, чтобы, живя порочно, начать потомъ жить правильно, для сего надобно, во-первыхъ, избавиться отъ привычки грѣшить, надобно очищать и укрощать свою природу, надобно выпрямлять для сего каждую способность души, какъ членъ вывихнутый. Сколько тутъ потребно работы, насилія себѣ, терпѣнія, борьбы, пота и слезъ! Вотъ почему такъ трудно брать яремъ Господень послѣ, не взявъ его отъ юности! Вотъ почему такъ рѣдки искреннія обращенія къ Господу въ лѣтахъ позднихъ!

Въ юности, напротивъ, нѣтъ и не можетъ быть подобныхъ затрудненій. Если здѣсь природа наша, растлѣнная грѣхомъ, и проявляетъ въ себѣ нѣкоторыя противозаконныя стремленія ко злу, то сила ихъ еще не велика, и побѣдить ее не трудно. Съ другой стороны, въ юности гораздо явственнѣе и первобытная наклонность той же природы нашей къ истинѣ и добродѣтели. Тутъ сердце чище, совѣсть живѣе, небо ближе, самая благодать Божія какъ будто намъ роднѣе; и это потому, что въ юности нѣтъ еще предразсудковъ, темняющихъ самый сильный умъ, нѣтъ закоренѣлыхъ страстей, возмущающихъ самое благородное сердце; нѣтъ житейскихъ отношеній, ставящихъ нерѣдко самаго опытнаго человѣка въ такое положеніе, что онъ не знаетъ, что дѣлать, какъ согласить требованія совѣсти съ требованіями свѣта. Юношѣ посему тѣмъ непростительнѣе, если онъ предается пороку. Это значитъ, что онъ не могъ сразиться съ самымъ малымъ врагомъ, отдался въ плѣнъ, такъ сказать, безъ сраженія.

Уразумѣйте же, возлюбленные юноши, драгоцѣнное преимущество вашего возраста для добродѣтели, и спѣшите упрочить его за собою, взявши на себя святый и блаженный яремъ Господень, то есть, посвятивъ себя всецѣло и невредимо истинѣ и добродѣтели. И всякій возрастъ не долго длится, а юность, какъ весна, быстротечнѣе всѣхъ; посему не медлите исполнить совѣтъ Премудраго, отъ коего

зависитъ благо всей жизни. Если бы это стоило принужденія себѣ, то это принужденіе вознаградитъ себя для васъ сторицею.

Не обольщайтесь ложною и пагубною мыслію, что можно предаться грѣху и потомъ освободиться отъ него и остаться безъ вреда. Нѣтъ, грѣхъ не такого свойства, чтобы улучивши васъ въ свои руки, потомъ далъ вамъ свободу дѣйствовать, какъ захотите. Это тиранъ, который изободетъ ваши очи, чтобы вы не могли и помыслить о свободѣ духовной. Не обольщайтесь и тѣмъ, что грѣхъ, который вы позволите себѣ, не великъ повидимому. Нѣтъ, грѣхъ, какъ бы онъ ни казался малъ, всегда пагубенъ, ибо онъ есть ядъ для души.—А изверги человѣчества—развѣ они вдругъ возрасли въ исполиновъ грѣха? И для нихъ было время невинности, въ которое они, подобно вамъ были чисты и не знали грѣха; когда преступленія для нихъ были такъ ужасны, что они трепетали, можетъ быть, отъ одного имени ихъ. Откуда же возникло ихъ бѣдствіе? Оттого, что они вмѣсто того, чтобы взять яремъ Господень и рѣшиться быть чистыми и добродѣтельными, устремились въ противную сторону, и какъ устремились? безъ сомнѣнія, съ боязнію, робостію, на малое, какъ думали, время, съ тѣмъ именно, чтобы возвратиться, тѣмъ паче не съ тѣмъ, чтобы забыть, наконецъ, Бога и себя совершенно. Но шагъ за шагомъ, порокъ за порокомъ, и составилась привычка; изъ одной страсти возникла другая; узы грѣха умногообразились и отяжелѣли, а гласъ совѣсти сдѣлался слабѣе; чувство долга изсякло, разумъ затмился, свобода воли исчезла;—и тѣ, кои позволили себѣ преступленія только самыя легкія, начали потомъ, по выраженію Пророка, пить беззаконія, яко воду.

Да блюдется и каждый подобнаго! Съ грѣхомъ, какъ съ ядомъ, нельзя шутить никому! Аминь.

Оглавленіе II тома.

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА БОГОРОДИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Стр.

Слово на Рождество Пресвятыя Богородицы 3
Слово на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы . . 5
Слово на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы . . 11
Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы . . 16
Слово въ день Благовѣщенія и недѣлю Крестопоклонную . . 20
Слово на день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы . . . 24
Слово на день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы 27
Слово на день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы 29
Слово на день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, марта 25 дня 1854 г. 32
Слово на день предпразднества Успенія Божія Матери, сказанное при посѣщеніи епархіи, Лебединскаго уѣзда, въ селѣ Василевкѣ, 14 августа 1845 года 34
Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, сказанное въ заштатномъ городѣ Недригайловѣ въ Успенской церкви 15 августа 1845 года 38
Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы 42
Слово на день Успенія Пресвятыя Богородицы, сказанное въ вологодскомъ Успенскомъ соборѣ 44
Слово на день Успенія Пресвятыя Богородицы 52
Слово въ день отданія празднику Успенія Пресвятыя Богородицы, сказанное Сумскаго уѣзда въ селѣ Низахъ 23 августа 1845 г. 54
Бесѣда въ день Покрова Пресвятыя Богородицы 56
Слово въ день Покрова Пресвятыя Богородицы 63
Слово въ день Покрова Пресвятыя Богородицы 66
Слово на день Казанскія иконы Пресвятыя Богородицы 73
Слово на день Казанскія иконы Пресвятыя Богородицы, произнесенное въ одесской Казанской, что на Пересыпи, церкви въ день храмоваго праздника, 22-го октября 1854 года . . . 79
Слово на день Владимірскія иконы Богоматери, сказанное при обозрѣніи епархіи въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ селѣ Богуславскомъ, 26 августа 1843 года 83
Слово на день явленія Ахтырскія иконы Божія Матери, сказанное въ Ахтырскомъ соборѣ 2 іюля 1842 года 86

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ДНИ СВЯТЫХЪ.

Слово на день Собора Архистратига Михаила и прочихъ Безплотныхъ Силъ, сказанное въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ . 89
Слово на день Собора Архангела Михаила 96
Слово въ день Собора Архистратига Михаила и прочихъ Безплотныхъ Силъ, объ Ангелѣ-Хранителѣ, сказанное въ Кіево-златоверхо-михайловскомъ, монастырѣ 100
Слово въ день Собора Архистратига Михаила и прочихъ Безплотныхъ Силъ, сказанное въ Харьковской Михайловской церкви, 8 ноября 1858 года 106

Стр.
Слово въ день пророка Иліи 110
Слово въ день Рождества Іоанна Предтечи 113
Слово въ день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя 117
Слово на день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя 122
Слово въ день Іоанна Богослова на всенощномъ бдѣніи 124
Слово въ день Іоанна Богослова на литургіи 131
Слово въ день Іоанна Богослова 137
Слово на день преставленія святаго славнаго и всехвальнаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, сказанное въ семинарской церкви 1846 г. 26 сентября 141
Слово въ день храмоваго праздника поклоненія честнымъ веригамъ святаго и всехвальнаго Апостола Петра, сказанное въ харьковской тюремной церкви 16 января 1843 года 145
Слово на день поклоненія честнымъ веригамъ святаго и всехвальнаго Апостола Петра, сказанное въ церкви харьковскаго тюремнаго замка 16 января 1844 года 150
Слово на день святителя и чудотворца Николая 154
Слово на день святаго Антонія Великаго, сказанное въ университетской Антоніевской церкви, 17 января 1843 г. 164
Слово въ день святаго Антонія Великаго, сказанное въ университетской церкви 17 января 1844 г. 171
Слово въ день святаго Антонія Великаго, сказанное въ университетской церкви 1846 года января 17 дня 176
Слово на день преподобнаго Онуфрія Великаго, сказанное въ мужскомъ Куряжскомъ монастырѣ, въ Онуфріевской церкви . . 183
Слово на память святителя Михаила, перваго митрополита Кіевскаго и всея Россіи 187
Слово на память священномученика Макарія, митрополита Кіевскаго 190
Слово на память священномученика Макарія, митрополита Кіевскаго, коего мощи, почивающія въ Кіево Софійскомъ соборѣ, сбносятся по литургіи вокругъ храма 194
Слово на память преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, произнесенное въ Кіево-печерской лаврѣ, мая 3-го дня 1839 года . . 196
Слово на память преподобнаго Димитрія, Прилуцкаго чудотворца, сказанное въ Спасо-прилуцкомъ монастырѣ 198
Слово на память преподобнаго Діонисія Глушицкаго, сказанное въ Глушицкомъ монастырѣ 200
Слово по прочтеніи указа Св. Сунода объ открытіи въ Воронежѣ мощей святителя и чудотворца Митрофана 202
Слово въ день памяти св. безсребренниковъ Козьмы и Даміана, сказанное въ симферопольскомъ Александро-Невскомъ соборѣ, 1 іюля 1855 года 204
Слово на день св. великомученицы Варвары, сказанное у честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей ея, въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ 208
Слово на день св. великомученицы Варвары 216
Слово на день св. великомученицы Варвары 220

СЛОВА, БЕСѢДЫ И РѢЧИ ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ХРАМОВЪ И ЗАЛОЖЕНІИ СВ. И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗДАНІЙ.

Слово на освященіе храма во имя Михаила, перваго митрополита Кіевскаго 223

Стр.

Слово на день освященія храма св великомученика Георгія, произнесенное 1838 г. ноября 27 дня, въ присутствіи георгіевскихъ кавалеровъ, по случаю кавалерскаго праздника . . . 227
Слово по освященіи храма, произнесенное въ недѣлю Ваій въ Кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 233
Слово при освященіи церкви при вологодскомъ архіерейскомъ домѣ, во имя всѣхъ угодниковъ вологодскихъ 236
Слово по освященіи новаго кладбищенскаго храма, что на холодной горѣ, во имя всѣхъ святыхъ, сказанное ноября 1-го дня 1844 года 241
Слово при освященіи придѣла, сказанное въ кладбищенской, что на Холодной горѣ, церкви, ноября 1 дня 1845 года . . . 245
Слово по освященіи нижней церкви въ каѳедральномъ соборѣ Харьковскомъ, съ переименованіемъ ея изъ трехсвятительской въ страстную, то есть, посвященную памяти страстей Господнихъ, сказанное 9 января 1846 года 248
Слово при освященіи Харьковскаго Каѳедральнаго Собора, сказанное, по его возобновленіи, 27 сентября 1844 года 252
Слово по случаю освященія храма, сказанное въ Куряжскомъ монастырѣ, августа 6 дня 1842 года 257
Слово по освященіи церкви, сказанное 22 сентября 1844 г. въ селѣ Славгородкѣ,—возобновленной и украшенной усердіемъ помѣщика того села, князя В. П. Голицына 260
Слово по освященіи храма, устроеннаго усердіемъ помѣщика села Араповки, Купенскаго уѣзда, г. Клепацкимъ, сказанное 2-го августа 1845 года 264
Слово на освященіе Церкви, сказанное 6-го мая 1845 года, въ селѣ Некременномъ Изюмскаго уѣзда 266
Слово при заложеніи храма, произнесенное мая 25 дня 1745 года, на новомъ харьковскомъ кладбищѣ 270
Слово по освященіи церкви древней подземной недавно открытой и вновь возстановленной въ святогорской общежительной пустыни, сказанное 30 августа 1846 г. 272
Слово въ день открытія Святогорскаго Успенскаго монастыря, сказанное въ церкви Святогорскаго общежительнаго мужескаго Успенскаго монастыря августа 15 дня 1844 года 276
Слово въ день открытія Ахтырскаго Святотроицкаго монастыря, сказанное 3 іюля 1843 года 281
Слово на другой день по открытіи Ахтырскаго мужескаго Святотроицкаго монастыря, сказанное 4 іюля 1843 года . . . 284
Слово по освященіи теплаго храма во временномъ помѣщеніи новооткрываемаго монастыря никольскаго, сказанное октября 6 дня 1845 года 292
Слово при открытіи женскаго Верхохарьковскаго Никольскаго монастыря, и при заложеніи зданій для него, сказанное октября 7 дня 1845 года 295
Слово по освященіи въ селѣ Богородичномъ молитвеннаго дома, сказанное августа 16 дня 1844 года 301
Рѣчь при заложеніи храма въ г. Севастополѣ во имя св. и равноапостольнаго князя Владиміра, въ память просвѣщенія его вѣрою христіанскою въ Херсонесѣ таврическомъ, произнесена 15 іюля 1854 года 305
Рѣчь при заложеніи часовни, съ престоломъ во имя Всѣхъ Свя-

Стр

тыхъ Россійскихъ, на берегу морскомъ, для помѣщенія святыхъ иконъ, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи на благословеніе городу Одессѣ, по случаю новоучрежденнаго ежегоднаго крестнаго хода, въ память ея основанія; произнесена 17 іюня 1851 года 308
Слово при открытіи скита въ Бахчисарайской пустынѣ 311
Рѣчь по освященіи цистерны, устроенной при Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ на пользу неимущихъ, иждивеніемъ одесскаго гражданина Г. И. Завадскаго 313
Рѣчь при заложеніи для Ришельевскаго лицея новыхъ зданій, произнесена 17 апрѣля 1852 года 315
Рѣчь при заложеніи зданій для института благородныхъ дѣвицъ, произнесена въ Одессѣ мая 19 дня 1855 г 318
Рѣчь при освященіи новой залы при домѣ дворянскаго собранія, выстроенной въ память посѣщенія сего дома ея величествомъ, государынею императрицею Александрою Ѳеодоровною, въ проѣздъ ея чрезъ Харьковъ въ 1837 году 319

СЛОВА ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЪ.

Слово при вступленіи на паству Вологодскую, сказанное въ вологодскомъ Успенскомъ соборѣ 321
Слово при второмъ служеніи по вступленіи на паству вологодскую 326
Слово сказанное въ тюремной Вологодской церкви 329
Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ вологодскомъ горнемъ успенскомъ женскомъ монастырѣ 334
Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ Бѣлавинской каменной пустынѣ, что на островѣ Кубенскаго озера, на память пр. Іоасафа Каменскаго, 1841 г. сентября 10 дня 337
Слово при посѣщеніи паствы сказанное въ тотемскомъ Ѳеодосіевомъ Спасомуриномъ монастырѣ, въ церкви, гдѣ почиваютъ св. мощи преподобнаго Ѳеодосія 341
Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ тотемской пригородной, что на соляномъ заводѣ, церкви Воскресенія Господня 344
Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ устюжскомъ Успенскомъ соборѣ 348
Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ устюжскомъ Іоанно-Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ 353
Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ Сольвычегодскомъ соборѣ 357
Слово при прощаніи съ паствою вологодскою, сказанное въ зимнемъ вологодскомъ соборѣ 1 февраля 1842 г. 364
Слово при вступленіи на паству Харьковскую, сказанное въ Харьковскомъ успенскомъ соборѣ 367
Слово при обозрѣніи епархіи, сказанное въ святогорской сельской церкви, бывшей нѣкогда соборною церковію Успенскаго святоградскаго монастыря, 1842 г. августа 21 дня 376
Слово при посѣщеніи паствы, сказанное къ братіи Святогорской пустыни въ церкви, что на скалѣ Святогорской, августа 17 дня 1844 года 380
Слово при посѣщеніи епархіи, сказанное, мая 9 дня 1845 года, въ Святогорскомъ монастырѣ 383
Слово при первомъ посѣщеніи города Изюма, сказанное 20 дня августа 1843 года 386

Стр.

Слово при обозрѣніи Епархіи, сказанное въ заштатномъ городѣ Славянскѣ 391

Слово при первомъ посѣщеніи города Чугуева, сказанное въ соборной Покровской церкви, 27 августа 1843 года 395

Слово при посѣщеніи епархіи, сказанное въ уѣздномъ городѣ Богодуховѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 30 іюня 1843 года . . . 400

Слово при посѣщеніи епархіи, сказанное Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Шаровкѣ, 28 іюня 1843 года 405

Слово при первомъ посѣщеніи города Купенска, сказанное въ купенскомъ Покровскомъ соборѣ, 28 августа 1843 года . . . 410

Слово при первомъ посѣщеніи города Сумъ, сказанное въ сумскомъ Преображенскомъ соборѣ, 20 сентября 1845 года . 414

Слово при посѣщеніи паствы, сказанное Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Трущевой Никитовкѣ, 27 іюля 1844 года 415

Слово при первомъ посѣщеніи города Старобѣльска, сказанное въ Покровскомъ соборѣ, 22 августа 1844 г. 423

Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ городѣ Старобѣльскѣ, въ кладбищенской церкви, предъ совершеніемъ панихиды, 23 августа 1844 года 426

Слово при посѣщеніи епархіи, сказанное въ городѣ военнаго поселенія, новомъ Екатеринославѣ, 25-го августа 1844 года . 430

Слово при посѣщеніи паствы, сказанное во временномъ молитвенномъ домѣ Купянскаго уѣзда въ селѣ Араповкѣ 27 августа 1844 года 432

Слово при обозрѣніи епархіи, сказанное въ Украинскомъ военномъ поселеніи, въ слободѣ Ново-андреевкѣ, 12 мая 1845 года . . 434

Слово при обозрѣніи паствы, сказанное въ чугуевскомъ военномъ соборѣ, 1 августа 1845 года. 436

Слово при первомъ посѣщеніи города Лебедина, сказанное въ городскомъ Успенскомъ соборѣ, 10 августа 1845 года . . . 442

Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ заштатномъ городѣ Бѣлополѣ, 18 августа 1845 года 446

Слово при посѣщеніи паствы, произнесенное въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 14 мая 1854 года, при совершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ 448

Слово при посѣщеніи паствы, произнесенное въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 15 сентября 1854 года, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ 452

Слово при посѣщеніи паствы, произнесенное въ симферопольскомъ Александро невскомъ соборѣ, 16 сентября 1854 года, при отбытіи изъ сего города и оставленіи ему и всему Крыму на благословеніе изображенія чудотворнаго образа Богоматери Касперовской 457

Слово при обозрѣніи паствы, произнесенное въ Карасубазарскомъ соборѣ, 17 сентября 1854 года, во время покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ 460

Слово при посѣщеніи паствы, произнесенное въ Феодосіевскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 18 сентября 1854 года, при совершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на Крымъ иноплеменниковъ 463

Стр.

Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ Александро-невскомъ симферопольскомъ соборѣ, 23 іюня 1855 года 468
Слово при посѣщеніи паствы, произнесенное въ Севастополѣ, въ лагерной, что на сѣверномъ укрѣпленіи, церкви, 25 іюля 1855 года 471
Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ севастопольскомъ соборѣ, во время бомбардированія сего города непріятелями, 16 іюня 1855 года 474
Слово при посѣщеніи паствы, произнесенное въ одесской успенской единовѣрческой церкви, по возвращеніи изъ Севастополя, 17 іюля 1855 года 481
Слово при обозрѣніи епархіи, сказанное въ заштатномъ городѣ Берславѣ, 10 іюня 1855 года 484
Слово при посѣщеніи епархіи, сказанное въ г. Перекопѣ, 19 іюня 1855 года 487
Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ Ахтырскомъ Святотроицкомъ монастырѣ, 4 августа 1844 года 491
Слово при посѣщеніи паствы, сказанное въ изюмскомъ Преображенскомъ соборѣ, 20 августа 1844 года 493
Слово при посѣщеніи епархіи, сказанное въ ахтырскомъ Покровскомъ соборѣ, 26 августа 1845 года 496
Слово при обозрѣніи епархіи, сказанное въ Перекопѣ въ августѣ 1848 года 500
Слово при обозрѣніи епархіи, сказанное въ мѣстечкѣ Алуштѣ, что на южномъ берегу Крыма 504

ПОУЧЕНІЯ НА КРЕСТНЫЕ ХОДЫ.

Слово по случаю крестнаго хода, сказанное въ харьковскомъ Покровскомъ соборѣ, октября 1 дня 1844 года, при перенесеніи въ первый разъ чудотворныя иконы Богоматери Озерянскія изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ 509
Слово по случаю обратнаго крестнаго хода, сказанное въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ недѣлю антипасхи, при перенесеніи чудотворной иконы Богоматери Озерянской изъ Харькова обратно въ Куряжскій монастырь 513
Слово по случаю крестнаго хода съ чудотворною иконою Богоматери Озерянской, бывшаго наканунѣ среди весьма дождливой погоды. Сказано въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ 1 октября 1845 года 515
Рѣчь при срѣтеніи на Холодной горѣ чудотворной иконы Богоматери озерянской, произнесенная во время новоучрежденнаго крестнаго хода изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ, сентября 30 дня 1844 года 519
Рѣчь при второмъ срѣтеніи на Холодной горѣ чудотворной иконы Богоматери Озерянской, сказанная во время крестнаго хода изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ, сентября 30 дня 1845 года 520
Рѣчь среди крестнаго хода, сказанная при срѣтеніи иконы Успенія Пресвятой Богородицы со святыми въ ней мощами, присланной отъ Кіево-печерской лавры на благословеніе возстановленному монастырю Святогорскому, и внесенной въ сей монастырь въ навечеріи для обновленія его, 14 августа 1844 года 521

Стр.

Слово по случаю крестнаго хода, вновь учрежденнаго, съ иконою Богоматери Ахтырскія, въ Святотроицкій монастырь, сказанное въ ахтырскомъ соборѣ въ субботу предъ Пятидесятницею 521

Слово по случаю крестнаго хода, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 13 мая 1856 г., при возвращеніи изъ Одессы въ селеніе Касперовку чудотворнаго образа Богоматери Касперовской 524

Слово по случаю крестнаго хода, произнесенное по литургіи, въ женскомъ Михайловскомъ монастырѣ, 22 августа 1855 г. въ память основанія города Одессы 528

Слово по случаю крестнаго хода изъ г. Херсона въ село Касперовку, съ иконою Богоматери Касперовской, произнесенное въ херсонскомъ Успенскомъ соборѣ, 29 іюня 1851 г. 531

Слово по случаю обратнаго крестнаго хода изъ Херсона въ село Касперовку, съ иконою Богоматери Касперовской, произнесенное въ херсонскомъ Успенскомъ соборѣ, 29 іюня 1852 г. 533

Слово предъ началомъ крестнаго хода въ память основанія города Одессы, произнесенное въ Михайловскомъ монастырѣ, 22 августа 1854 г. 534

Слово по случаю крестнаго хода, произнесенное въ г. Николаевѣ, 1 іюля, по принесеніи въ сей городъ чудотворныя иконы Богоматери Касперовской 536

Слово по случаю новоучрежденнаго крестнаго хода изъ города Херсона въ городъ Николаевъ, произнесенное въ николаевскомъ городскомъ соборѣ, іюля 1 дня 1853 г 538

Слово по случаю крестнаго хода 541

СЛОВА И РѢЧИ КЪ ОТДѢЛЬНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Рѣчь Ихъ Императорскимъ Высочествомъ, Государямъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, произнесенная при вступленіи Ихъ Высочествъ, 4-го октября 1854 г., въ одесскій каѳедральный соборъ 543

Рѣчь войскамъ II-й дивизіи 4-го пѣхотнаго корпуса, по совершеніи, на одесской соборной площади, напутственнаго молебствія, предъ походомъ въ Крымъ, произнесенная 9-го октября 1854 года 544

Рѣчь резервымъ войскамъ 10-й дивизіи, послѣ напутственнаго молебствія предъ выступленіемъ ихъ въ Крымъ, произнесенная на одесской соборной площади, 7 декабря 1854 г. 545

Рѣчь греческому багаліону послѣ напутственнаго молебствія предъ отправленіемъ его изъ Одессы въ Севастополь, произнесенная въ одесскомъ Преображенскомъ соборѣ 14-го января 1855 года . 547

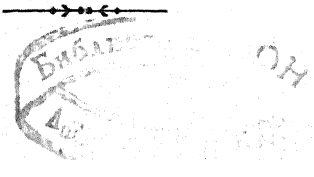
Рѣчь отряду болгарскому послѣ напутственнаго молебствія предъ выступленіемъ его изъ Одессы обратно къ берегамъ Дуная, произнесенная въ одесскомъ Преображенскомъ соборѣ, 17-го января 1855 года 549

Рѣчь смоленскому ополченію, при встрѣчѣ его, предъ совершеніемъ молебствія по сему случаю, произнесенная 24 сентября 1855 года 551

Рѣчь московскому ополченію при встрѣчѣ его послѣ молебствія, произнесенная 21 октября 1855 года 552

Стр.

Рѣчь дунайскому казачьему войску, при освященіи знамени, Высочайше пожалованнаго ему за отличіе, сказанная послѣ молебствія, на площади предъ Михайловскимъ монастыремъ, 8 ноября 1855 года 554
Слово защитникамъ Севастополя, при врученіи имъ святыхъ иконъ, присланныхъ имъ въ благословеніе изъ разныхъ мѣстъ Россіи, произнесенное въ Севастополѣ, послѣ молебствія на Николаевской площади, 26 іюня 1855 года 555
Слово по случаю врученія иконы святителя Николая, стрѣлковому полку Императорской фамиліи, присланной для того отъ Ея Императорскаго Величества, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 25 марта 1856 года 557
Слово предъ освященіемъ георгіевскихъ крестовъ, Высочайше назначенныхъ въ награду отличившимся при отраженіи англо-французскаго флота отъ береговъ одесскихъ, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 29 апрѣля 1854 года 559
Наставленіе сестрамъ Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ воинахъ, по изреченіи ими клятвеннаго обѣта на свое служеніе, сказанное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 18 апрѣля 1855 года 561
Рѣчь сестрамъ Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ воинахъ, при возложеніи на нихъ крестовъ, произнесенная въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 12 іюня 1855 года 564
Рѣчь новымъ сестрамъ Крестовоздвиженской общины для служенія раненымъ воинамъ, при возложеніи на нихъ крестовъ, произнесенная въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 14 августа 1855 года 566
Наставленіе студентамъ академіи, по окончаніи ими курса и по объявленіи ученыхъ степеней и должностей 568
Наставленіе новопостриженнымъ монахамъ изъ студентовъ академіи, сказанное послѣ литургіи по произнесеніи словъ: благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и человѣколюбіемъ! 571
Слово игумена Анатоліи, по случаю возложенія на нее золотаго наперснаго креста, сказанное въ хорошевскомъ женскомъ монастырѣ, 24 іюля 1843 года 573
Слово по случаю постриженія одной изъ сестеръ въ монахини, сказанное въ Никольскомъ женскомъ монастырѣ 575
Слово къ монахинѣ Емиліи, по постриженіи ея въ монашество . 580
Слово воспитанникамъ второй Харьковской гимназіи 583



Иннокентій, Митрополитъ московскій и коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ. *Ивана Барсукова.* Съ приложеніемъ двухъ портретовъ митр. Иннокентія и снимка съ почерка (2 письма). Книга эта одобрена *Учебнымъ Ком. при Св Синодѣ, Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія для пріобрѣт. въ фундаментальныя и ученич. библ. учебныхъ заведеній и удостоена Имп. Акад. Наукъ преміи.* М, 1883 года, ц. 5 р.

Поученія сельскаго пастыря, на весь Православный катихизисъ, между которыми есть поученія, направлен. противъ молоканъ. Свящ. *П. Боброва.* Изд. 3-е, исправленное и дополненное примѣрами. Спб. 1904 г., ц. 1 р

Взглядъ съ практической стороны на жизнь священника. Письма отца къ сыну Соч. *Богословскаго.* Спб. 1860 г., ц. 50 к.

Бесѣды о молитвѣ Господней, говоренныя къ сельскимъ прихожанамъ св *П. Богоявленскимъ.* Изд. 2-е. Спб. 1891 г., Ц. 30 к

Полный кругъ духовныхъ законовъ. Дѣйствія, обязанности и права лицъ православнаго бѣлаго и монашествующаго духовенства, какъ подчиненныхъ, такъ и начальствующихъ, съ приложеніемъ указовъ и опредѣленій Св. Правит. Сунода, наказовъ благочиннымъ и церковнымъ старостамъ, и разъясненій отдѣльныхъ случаевъ пастырской практики. *П. П. Богословскаго.* Изд 2-е, значительно исправл. и дополненное всѣми узаконеніями по 1-е янв. 1881 г. и рѣшен. по различнымъ вопросамъ пастырской практики. М., 1881 г., ц. 3 р.

Бесѣды на Символъ вѣры. Свящ. *П. Богоявленскаго.* Изд. 2-е. Спб., 1891 г., Ц. 50 к.

Божественное лицо и дѣло Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Спб. 1882 г., ц. 1 р.

Сочиненія Архимандрита Бориса (бывш. епископа):

1) **Объясненіе XLIX главы книги Бытія,** съ обращеніемъ особеннаго вниманія на апологетическое ея значеніе. Изданіе 2-е Спб. 1893 г. Ц. 20 к.

2) **Въ какихъ отношеніяхъ** особенно важно для пастыря Церкви обладать научнымъ знаніемъ богословія? Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц 10 к.

3) **О побужденіяхъ къ усерднымъ занятіямъ науками, по ученію слова Божія** (бес къ учащимся). Изд. 2-е Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

4) **О невозможности** чисто физіологическаго объясненія душевной жизни человѣка (Апологетическое изслѣдованіе). Изданіе 2-е Спб. 1893 г. Цѣна 20 к.

5) **О сравнительной миѳологіи** Макса Мюллера. Изложеніе и критика новѣйшей лингвистич. теор. миѳовъ. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.

6) **О началѣ міра.** Апологетическое изслѣдованіе. Изданіе второе. Кіевъ. 1891 г., ц. 1 р.

Графъ Л. Н. Толстой, какъ учитель жизни. *М. Бородкина.* Спб. 1896 г. Цѣна 40 к.

Съ первыхъ же страницъ авторъ захватываетъ вниманіе читателя и вопросы *„о смыслѣ и цѣли жизни“, „о безсмертіи, счастьи и любви“, „о правилахъ жизни и Евангеліи“,* при живомъ правдиво-честномъ изложеніи (особенно при запутанности критики), невольно дѣлаются запросами нашего сердца и ума, и читатель не разъ оставитъ книжку, чтобы трепетно самому подумать о всемъ этомъ. И ореолъ „учителя жизни“ блекнетъ при всѣхъ тѣхъ непослѣдовательностяхъ и противорѣчіяхъ графа самому себѣ, которыя такъ ясно и правдиво выставляются авторомъ. Честь большая автору, что онъ умѣло даетъ возможность каждому читателю разбираться и во мнѣніяхъ Л. Н. и въ разнорѣчивыхъ сужденіяхъ о немъ (что вполнѣ и понятно при громадной начитанности автора).

Всякій, прочитавшій книгу, скажетъ вмѣстѣ съ авторомъ, что ученіе дивнаго художника—„гладь, висящій на воздухѣ“, и что для человѣка навсегда останется живымъ образецъ для жизни — Спаситель міра.

Книга издана прекрасно, какъ и всѣ послѣднія изданія Тузова, и цѣна ея, какъ серьезн. изслѣдов., совсѣмъ не высока—40 коп. („Пет. Листъ“ 8 ноябр. 1896 г. № 309)

Письма больного къ другу, также больному. Пастора *Бунге.* Съ исправленіями по духу ученія православ. Церкви. Перев. съ франц. *А. П. Озерова.* Спб. 1894 года, ц. 30 коп.

Сочиненія Димитрія Булгаковскаго:

1) **Храмъ Божій** и его священная важность для христианина. Изд. 4-е. Ц. 10 к.

2) **Молитва—царица добродѣтелей** (Бесѣд. о молитвѣ). Съ рисунк. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

3) **Знаменіе Божіей Матери.** Съ изображеніемъ. Изд. 2-е. Ц 5 к.

4) **Память о покойникахъ.** Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Цѣна 5 к

5) **Такъ ли мы живемъ, какъ**

Богъ велитъ? Изд. 3-е. Спб. 1905 г. Цѣна 3 к.

6) **Будемъ-ли мы жить послѣ смерти?** Спб 1905 г., ц. 15 к.

Догматъ о воскресеніи человѣческаго тѣла. Сост. *С. Булаковъ.* Курскъ. 1904 г., ц. 25 к.

Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Опытъ историко-критическаго изложенія евангельской исторіи съ опроверженіемъ возраженій указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени. *Т. Бутковича.* Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1887 г., ц. 4 р., въ изящн. колен. пер. 5 р (на перес. прил. 50 к.).

Иннокентій Борисовъ, бывшій архіепископъ Херсонскій. Свящ. *Т. Буткевича.* Съ портр. архіеп. Иннокентія. Спб. 1887 г., ц. 2 руб.

Бесѣды о разныхъ истинахъ православной вѣры противъ молоканъ и сродныхъ имъ сектантовъ: штундистовъ, баптистовъ и друг. Священника *Николая Быстрова.* Пенза. 1889 г. Ц. 85 к., съ пер 1 р.

Кругъ поученій (по) на всѣ воскресные и праздничные дни въ году и на седмицы пасхальную, первую поста и страстную, съ бюгр и прилож. къ нимъ особо семи словъ и поученій, не относящихся къ сему кругу. Протоіерея *Алексѣя Бѣлоцвѣтова.* Изд. 6-ое. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ красив. колен. перепл. 2 р. 25 к. *Св. Сунодъ опредѣленіемъ 1—20 мая 1881 года одобрилъ для пріобрѣтенія въ церковн. библ.* («Церковн. Вѣстникъ», № 3, 1881 г.)

О поученіяхъ прот Бѣлоцвѣтова можно сказать то, что сказалъ великій святитель московскій Филаретъ о поученіяхъ протоіерея Родіона Путятина „просты они, но ихъ не четко писать". И въ самомъ дѣлѣ, навалять три-четыре листа всякой всячины, уснастить ее текстами и ходячими нравоученіями у всякаго хватитъ умѣнья, особенно когда приходится говорить проповѣдь „по казенной надобности", но написать такъ, чтобы въ маломъ было много, облечь въ сжатую форму—рѣдко кому удается. Такъ могутъ писать только Путятины да Бѣлоцвѣтовы Главное достоинство поученій о А Бѣлоцвѣтова состоитъ въ томъ, что онъ не сочиняетъ ихъ, а излагаетъ такъ, какъ они мгновенно сложились въ умѣ и сердцѣ его, это—бесѣда отца съ дѣтьми-шалунами, пастыря съ пасомыми, забѣгающими иногда туда, куда не слѣдуетъ,—бесѣда спокойная, попадающая въ цѣль и не развлекающая слушателя ни краснорѣчіемъ, ни хитро придумываемыми оборотами, ни блескомъ туго выраженныхъ фразъ.

О сквернословіи. Поучен. Прот. *А Бѣлоцвѣтова.* Спб. 1901 г. Ц. 2 к.

Приготовленіе къ исповѣди и святому причащенію Св. Христовыхъ Таинъ. Поученія великопостныя Протоіерея *Алексѣя Бѣлоцвѣтова.* (Извлечен. изъ книги «Кругъ поученій»). Спб. 1894 г. Ц. 20 к.

Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній на всѣ дни года. Графа *П. А. Валуева.* Спб., 1885 г., цѣна 4 руб., въ коленк. перепл. 5 р.

Предисловіе. Руководящимъ побужденемъ къ составленію настоящаго „сборника' было желаніе—предоставить читателю возможность посвящать каждодневно нѣсколько минутъ такому чтенію, которое переносило бы его мысль изъ области обыденныхъ мірскихъ заботъ и занятій въ область нравственно-духовнаго мышленія. Такіе сборники имѣются почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. На русскомъ, въ этой формѣ, ихъ нѣтъ.

Варсануфій Великій и Іоаннъ. Руководство къ духовной жизни, въ отвѣтахъ на вопрошенія учениковъ, на русскомъ нарѣчіи. Изданіе четвертое. Съ изображ. преп. Варсануфія и Іоанна. Спб. 1905 г., ц. 2 р., въ роскошн. коленк. переплетѣ 3 р.

Примите, возлюбленныя братія, душеполезнѣйшую книгу сію, съ радостію и усердіемъ, и читайте ее прилежно ибо она весьма полезна архіереямъ и іереямъ, начальствующимъ и судіямъ, а особенно монахамъ: безмолвствующимъ и общежительнымъ, новоначальнымъ, среднимъ и совершеннымъ, преимущественноже немощнымъ, находящимся въ различныхъ искушеніяхъ и страданіяхъ и имѣющимъ посему нужду въ духовномъ утѣшеніи, ибо книга сія, изобилуя дивнымъ разсужденіемъ, разрѣшаетъ самые неудоборазрѣшимые вопросы. Она есть учительница терпѣнія, искоренительница роптанія, мечъ, отсѣкающій свою волю, сѣкира, поражающая человѣкоугодіе, руководительница къ истинному и совершенному смиренію, поучающя насъ считать себя за ничто, провозвѣстница покаянія, родительница плача и ходатаица спасенія душъ и совершенства во Христѣ.

На перес. книгъ магаз. покорнѣйше просятъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ.

ТРЕБОВАНІЯ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ИСПОЛНЯЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ПОЧТОЮ.